

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Под общей редакцией доктора философских наук, профессора Винокуровой С.П.

Основан в 2004 году

ВЫПУСК VI

Брест
2009

Сборник научных трудов содержит результаты исследований ученых по проблеме трансформационных и интеграционных процессов, проявляющихся в Беларуси и других европейских странах. Анализируются различные аспекты данных явлений: экономический, политический, культурно-образовательный, экологический и др.

Сборник рассчитан на научных работников, специалистов в области философии, социологии, политологии, истории, экономики, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Редакционный совет:

- Варич В.Н.* – кандидат философских наук, доцент (Беларусь)
Ганчев П. – доктор философских наук, профессор (Болгария)
Грибов Г.М. – кандидат философских наук, доцент (Беларусь)
Ковалева Н.Н. – кандидат исторических наук, доцент (Беларусь)
Лапина С.В. – доктор социологических наук, профессор (Беларусь)
Петелин Б.В. – доктор исторических наук, профессор (Россия)
Плева А. – доктор, профессор (Германия)
Прускус В. – доктор, профессор (Литва)
Сардаров А.С. – доктор архитектуры (Беларусь)
Сытник А.И. – кандидат философских наук, доцент (Украина)
Томчонек С. – доктор, профессор (Польша)

Рецензенты:

- Б.М. Лепешко, доктор исторических наук, профессор;
В.К. Лукашевич, доктор философских наук, профессор.

Издано при содействии информационно-просветительского учреждения
«Новая Евразия»

ФЕНОМЕН НЕОЯЗЫЧЕСТВА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

И. Акинчиц

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Системная трансформация оказала существенное влияние на образ жизни нашего народа, его культуру, важным элементом которой являются верования, своеобразно сочетающие религиозные ценности и этнические традиции. В трансформирующемся обществе религия проникает практически во все сферы жизни наших людей прежде всего потому, что абсолютное большинство религиозных объединений выступает в роли охранителей народных обычаев и высоких нравственных ценностей. Кроме того, этому способствует принятие нового законодательства о религиозных культурах. Например, согласно ныне действующей Конституции Республики Беларусь, каждый гражданин «имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [1, ст. 31]. А подписанный главой государства 31 октября 2002 года в новой редакции Закон «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» регулирует отношения в области прав граждан на свободу вероисповеданий и деятельность религиозных объединений. Так наша страна оказалась в юридическом поле, которое соответствует стандартам цивилизованного правового государства.

Такое положение дел обусловило повышение религиозной информированности верующих и расширение параметров их религиозности. Разумеется, характер бытовой религиозности зависит прежде всего от догматических, канонических и обрядовых принципов конкретного вероучения, а также от религиозных взглядов и представлений, унаследованных от предшествующих поколений верующих. В то же время он в значительной степени обуславливается социальными изменениями, связанными с трансформацией современного белорусского общества. А происходящие изменения в своей совокупности способствуют формированию внеконфессиональной религиозности. Этот постулат подтверждают различные конкретно-социологические исследования. Например, согласно результатам проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2004 году республиканского социологического мониторинга, «подлинно воцерковленными (т.е. одновременно религиозными и церковными) можно признать только 6,8 % от общего количества опрошенных; почти 50 % признающих себя верующими можно отнести к числу религиозных, но не церковных, поскольку они крайне редко посещают церковь, причем не по убеждениям, а в силу случайных обстоятельств» [2, с. 150]. В то же время внеконфессиональная религиозность зачастую становится первой ступенькой на пути таких верующих к неомистицизму и неоязычеству.

В условиях системной трансформации белорусского общества мистика, самым причудливым образом переплетаясь с научными знаниями, укрепляет свои позиции. В советские времена население жило ожиданиями создания рая на земле.

Вера в его неизбежное осуществление помогала людям переносить тяготы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, репрессии 30-40-х годов, военное лихолетье, а затем жить предчувствием торжества коммунизма в эпоху «развитого социализма». Но обещанного рая на земле наши люди так и не дождались. А к концу прошлого столетия разрыв между народными чаяниями и реальным положением дел еще больше увеличился, что привело к своеобразному религиозному ренессансу. Причем наблюдается тенденция огосударствления православия и оправославливания государства. В связи с этим многие православные верующие отходят от «официальной» религии и становятся на позиции неомистицизма. Они убеждены, что социальный прогресс возможен лишь благодаря сочетанию астрологии, мантики, каббалы, спиритуализма, теософии и т.д. и новейших достижений науки и техники [3, с. 115-116].

Не менее мощную ветвь внеконфессиональной религиозности образовали сторонники неоязычества. Появление интереса к неоязычеству в суверенной Беларуси было обусловлено деятельностью значительной группы интеллигенции, связывавшей национальное возрождение с традициями, унаследованными от древних славян, в которых отдавалось предпочтение малой родине и белорускости. В 1994 году Центром этнокосмологии «Крыўа» был опубликован сборник, в котором помещена статья В.Лобача «Паганства і хрысціянства: беларускі выпадак». Этот автор охарактеризовал модель сосуществования язычества и христианства в исторической ретроспективе Беларуси. Он акцентировал внимание на том, что язычество сыграло огромную роль в сохранении народных традиций, в самоидентификации белорусов. А затем сделал вывод, что в суверенной Беларуси сочетание этих традиций с христианскими ценностями отвечает идеологическим потребностям молодого государства. С конца 1996 года в журнале «Роднае слова» появляется цикл статей о язычестве. Во вступительной статье «Першавера продкаў» И.Жданович утверждал, что знание праверы для современных белорусов необходимо в такой же степени, как знание античной культуры и мифологии для понимания европейской цивилизации. Значительный интерес к язычеству проявили также официальные СМИ. Начиная с 1992 года, по радио и телевидению, в газетах и журналах систематически освещались языческие ритуалы, анализировались формулы заклинания, пропагандировались рецепты народных снадобий для защиты от «сглаза», подчеркивалась значимость для современников языческих праздников «Гуканне вясны», «Дажынкі», «Купалле и т.д. Более того, в систему государственных праздников были введены «Дзяды». На денежных знаках появился солярный символ (розетка). Такими методами язычество в его новой форме внедрялось в повседневную жизнь белорусов.

В одном из своих сочинений русский религиозный философ и богослов С.Н.Булгаков акцентировал внимание на том, что основными чертами язычества являются космизм и антропоморфизм [4, с. 287]. В неоязычестве эти черты получили дальнейшее развитие и привлекли внимание многих верующих, ставших на позиции внеконфессиональной религиозности. Им импонируют прежде всего те космогонические мифы, в которых описываются пространственно-временные параметры Вселенной. В этих мифах снимается противопоставление сакрального и

профанного, соединяется божественное и человеческое и таким образом воссоздается их «первоначальное единство». Благодаря этому космоизм сочетается с антропоморфизмом, в котором свойственные человеку черты переносятся на природные явления, а христианские элементы культа подвергаются этнической интерпретации. Христианство такой верующий белорус связывает с урбанизацией и современными глобализационными процессами, а неоязычество отождествляет прежде всего со своей семьей и малой родиной. Поэтому современный верующий «вкрапливает» в христианское вероучение и культ элементы языческих представлений и ритуальных действий. Важно при этом подчеркнуть, что такое «вкрапление» совершается преимущественно по инициативе рядовых верующих и зачастую вопреки желаниям клира. По мнению М.Элиаде, у всех европейских сельских жителей «религиозность не сводится лишь к историческим формам христианства; она сохраняет какую-то космическую структуру, почти полностью отсутствующую в опыте христиан-горожан. Можно говорить о некоем первичном, доисторическом христианстве. Обращаясь в христианство, европейские крестьяне включили в это новое верование космическую религию, которую они хранили с доисторических времен» [5, с. 103]. Язычник обычно стремился жить, насколько это возможно, в окружении священных предметов. Он поклонялся им именно потому, что эти предметы представляли собой в его понимании иерофонию (проявление священного), т.е. «показывали» уже нечто совсем иное, чем простой предмет, а именно – священное. «Священность» этих предметов он связывал с космогонией, их внеземным происхождением или же с их свойствами, полученными сверхъестественным способом.

Согласно неоязыческим концепциям, космос имеет начало (он сотворен из хаоса), а также конец (в результате хищнической эксплуатации окружающей среды человечество приближает мировую катастрофу). Поэтому в целях спасения всего живого, по их мнению, необходимо возродить культ природы. При этом неоязычники ссылаются на тех ученых, в сочинениях которых содержится этот призыв. Например, английский историк и социолог А.Тойнби считал, что основной причиной экологического кризиса является «забвение» иудаизмом и христианством древних культов, в которых боготворили природу. По его мнению, «цивилизация, безусловно, может вновь пережить надлом, но совсем необязательно, что неизбежным следствием этого станет замещение одной высшей религии другой» [6, с. 540]. Этот мыслитель утверждал, что «в области религии, также как и в области языка, искусства, манер или нравов, синкретизм является внешним проявлением чувства всесмешения, рождающегося благодаря расколу в душе в эпоху социального распада» [Там же, с. 407]. Начало этой эпохи он связывал с процессом глобализации, нещадной эксплуатации природы ради достижения сиюминутных благ современным человечеством. Известный психолог и социолог Э.Фромм также утверждал, что разум привел к познанию, которое оторвало людей от природы и приблизило человечество к своему концу. Этот мыслитель считал, что современному обществу нужна гуманистическая религия, сочетающая все позитивные элементы предшествующих религий и выполняющая функцию социальной терапии в воздействии на «животное начало» человека. Тогда будет установлена новая гармония в отношениях «человек-природа», ибо «телом своим человек принадлежит животному миру и тысячами нитей связан со своим биологическим прошлым» [7, с. 218].

Ссылки белорусских последователей неоязычества на известных ученых, обращение к верованиям древних славян в условиях системной трансформации нашего общества находят определенный отклик у внеконфессиональных верующих. Особенно восприимчивы к этим идеям те люди, которые потеряли уверенность в завтрашнем дне, утратили чувство социального оптимизма. Такие люди зачастую воспринимают неоязычество как путеводную нить к обретению спокойствия и начинают участвовать в неоязыческих культовых действиях. Например, в республике появились последователи «отца» Виссариона, который, разрабатывая основные принципы своего вероучения, писал: «Человеческое развитие протекает на пяти основах, не познав законы которых, человек не станет совершенным. Вот эти пять основ: Земля, Единый дух жизни, Бог всех и Святой Дух» [8, с. 87]. Пятой основой является сам новоявленный мессия. Причем эти пять основ «отец» Виссарион предлагает всем прозелитам в качестве «Нового символа веры». По его мнению, эту веру раньше принять было невозможно. «Теперь же люди подошли к новой ступени своего развития, - утверждает «отец» Виссарион - и сегодня вас отделяет последняя ступень от царствия Небесного, которое и было предназначено вам Отцом Небесным. ... Это и есть путь, уготованный Отцом Небесным. Поэтому скрывается много тайн, позволяющих идти по одному пути» [Там же, с. 90].

Более десяти лет проявляет заметную активность в республике Международный институт по изучению энергии человека и космоса. В его структуру входят Ассоциация врачей и группа нетрадиционных методов оздоровления, консультационные пункты «Гармония семьи», «Милосердие», «Экология среды» и т.д. Эти пункты особенно популярны среди молодежи. Деятельность Института основывается на использовании «всеобъемлющей жизненной энергии». Причем энергия трактуется как «исцеляющая сила любви, пронизывающая всю материальную Вселенную».

Под влиянием неоязычества находятся сформировавшиеся в суверенной Беларуси экстремистские националистические группы «Русское национальное единство», «Скинхеды» и другие. Они восприняли не только неоязыческий символ – свастику, но и отдельные элементы мировоззренческой системы немецкого язычества. В свое время в Австрии и Германии неоязычество использовалось в качестве духовной опоры для создания нацистского движения. Затем под патронатом Гиммлера был создан институт Аненербе, одной из целей которого было формирование новой, «арийской» религии [9, с. 3-5]. В суверенной Беларуси арийский миф возрождается на местной почве в лице скинхедов и «сторонников» славянского единства. От немецких неоязычников они отличаются лишь тем, что в данном случае «жидомасонскому заговору» противостоят «арийцы-славяне».

Ныне в республике действуют также неоязыческие организации с ярко выраженными оккультными традициями и организации, которые сформированы по принципу преломления на местной почве восточных культов. В их среде все отчетливее «звучит мысль о том, что Белорусское Полесье – прародина славян, и в этом регионе существовала цивилизация – современница древнеавалонской» [10, с. 127]. Некоторые из этих организаций зарегистрированы в Министерстве юстиции Республики Беларусь как общественные объединения (Общество возрождения культуры древних славян, Молодежный центр славянской культуры, «РУС», «Славянин»), а некоторые – как славянские культурно-спортивные общества («Коло-

врот», «Славянское наследие»). В своей практической деятельности они руководствуются принципами, построенными на основе эклектического соединения языческих и националистических идей.

Отдельное направление неоязычества составили многие последователи традиционных христианских конфессий. Они считают себя христианами, но заимствуют у неоязычества те идеи и представления, которые наиболее «вписываются» в изменившиеся условия жизни людей и одновременно не отталкивают их от «своей» веры. Заимствуя многие неоязыческие идеи, эти верующие начинают поклоняться и служить «твари вместо творца» (Римл., 1: 25), совершая тем самым своеобразное возвращение к исходному пункту синкретизации язычества и христианства. «В первое время после принятия христианства наши предки в своей низшей массе или в своем большинстве, - писал православный историк Е.Е. Голубинский, - буквально став двоеверными и только присоединив христианство к язычеству, но не поставив его на место последнего, с одной стороны, молились и праздновали Богу христианскому с сонмом его святых или - по их представлениям - богам христианским, а с другой стороны, молились и праздновали своим прежним богам языческим. Тот и другой культ стояли рядом и практиковались одновременно: праздновали годовой круг общественных праздников христианских и одновременно с ним праздновался таковой же круг праздников языческих; совершались домашние требы через священников по-христиански и в то же время совершались они через стариков и через волхвов и по-язычески; творилась домашняя молитва Богу и святым христианским и вместе с ними и богам языческим» [11, с. 849]. Ныне эта группа верующих стоит на позициях двоеверия, своеобразно комбинируя в своем сознании элементы язычества и христианства, а также совершая те и другие культовые действия.

Восприятие многими последователями христианских конфессий неоязыческих представлений, особенно связанных с космогонией и космологией, а также с нравственностью, объективно ведет к изменению структуры их религиозного сознания. Разумеется, в его центре остаются христианские догматы, однако неоязыческие представления их постоянно теснят, формируя в конечном итоге мозаичную картину.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996г. и 17 октября 2004г.). - Минск: Амалфея, 2005. - 48 с.
2. Бабосов Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX - начале XXI века / Е.М.Бабосов. - Минск: Право и экономика, 2005. - 230 с.
3. Акинчиц И.И., Акинчиц Т.И. Неомистицизм в трансформирующемся обществе // Системная трансформация общества: исторический опыт и современность: сб. науч. трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск III. - Брест 2006. - С. 115-120.
4. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н.Булгаков. - М.: Республика 1994. - 415 с.
5. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. - Киев: Прогресс 1997. - 129 с.
6. Тойнби А. Постигание истории / А.Дж. Тойнби. - М.: Айрис-пресс: ООО «Рольф» 2001. - 637 с.

7. Fromm E. *Man for Himself* / E.Fromm. – Rontledge, 2003. – 224 p.
8. Православная церковь, современные ереси и секты в России / Санкт-Петербургская митрополия. – СПб.: Православная Русь, 1995. – 239 с.
9. Неоязычество на просторах Евразии: предпосылки и условия возникновения, организационные формы, перспективы (сост. и науч. ред. В.А.Шнирельман). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. – 165 с.
10. Гурко А.В. Неоязычество в Беларуси / А.Гурко // *Беларуская думка*. – 1999. – № 10. – С. 123-131.
11. Голубинский Е.Е. *История русской церкви*. – М., 1904. – Т. 1, ч. II. – 926 с.

ELEMENTY PROCESU PERSWAZJI WIARYGODNOŚCIOWEJ

Mirosław Acewicz

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Innowacyjność i wiedza, pomysł i informacja o nim wymagają przekonywania innych do ich słuszności i akceptacji. Współcześnie ich autor niemalże automatycznie staje się nadawcą przekazu perswazyjnego we właściwym sobie kontekście komunikacyjnym. Wiarygodność jest podstawowym warunkiem skuteczności takiego aktu komunikacyjnego. Jej najważniejsze elementy w układzie perswazyjnym to sprawność logiczna, umiejętności językowe, atrakcyjność osobista. Budują one pożądaną stopień zaufania odbiorcy do nadawcy, co w końcowym efekcie sprzyja skuteczności jego wypowiedzi.

1. Zjawisko perswazji. Zjawisko perswazji występuje praktycznie na wszystkich poziomach ludzkiego życia, począwszy od potocznie rozumianego „luźnego” kontaktu interpersonalnego, a skończywszy na złożonych procesach zarządzania. Oto bowiem przy powszechnym dostępie do informacji i dóbr, ich podanie, aby było skuteczne, musi być wsparte procesem przekonania do nich. Perswazja opisywana jest z różnych stron. Psychologicznie, jako element osobowości jednostek, jest często zestawiana z mechanizmami sugestii i ogólnej podatności na wpływ. Logicznie, różnej siły oddziaływania poszukuje się w schematach argumentacji. Swego rodzaju uogólnieniem jest ujęcie perswazji jako zjawiska komunikacyjnego.

Proces perswazji to szereg zachowań komunikacyjnych między jednostkami, to ciąg działań mających na celu przekonywanie kogoś do czegoś. Zewnętrznie jest on wtedy identyfikowany pod postacią ciągu aktów werbalnych i niewerbalnych. Samo zaś komunikowanie jawi się jako dynamiczny dwustronny proces przekazywania, w formie symbolicznej poprzez odpowiednie kanały informacji między nadawcą a odbiorcą. Realizuje się ono poprzez etap opisaną myśli, zakodowania jej w jakiś znak, zorganizowania sposobu jej przekazu, wreszcie poprzez etap odebrania jej, rozkodowania i ewentualnego podjęcia działań [5, s. 194-197].

Stałym kontekstem tego procesu, niezależnie od uwikłania sytuacyjnego, jest szeroko rozumiana kultura komunikacyjnych interpersonalnych kontaktów międzyludzkich. Wypracowała ona szereg uniwersalnych zasad sterujących zachowaniem jednostek w ich ramach. Grzeczność, aprobata i uznanie wzajemnego szacunku, skromność (jako nie pokazywanie wyższości czy nawet braków i słabości, zgody), kooperacja (jako

swoście rozumiany obowiązek budowania dobrego klimatu) czy ciekawość (spełniana tematem interesującym zarówno dla nadawcy jak i odbiorcy) – umożliwiają one wzajemną transmisję informacji i przekonywanie oraz nadają znaczenie i sens wszelkim postaciom związków międzyludzkich. W odniesieniu zaś do siły treści tekstowych wypowiedzi perswazyjnych są one konkretnymi regułami jej werbalnego organizowania. O skuteczności konwersacyjnych komunikacji językowych decydują na przykład reguła zrozumiałości i poprawności gramatycznej, reguła spójności semantycznej, syntaktycznej i pragmatycznej, reguła ekonomiczności wypowiedzi czy reguła ekspresyjności, czyli postulat mówienia żywego i z uczuciem [4, s.79].

Punktem wyjścia w procesie komunikacji przekazu perswazyjnego jest nadawca. To od niego, od jego dyspozycji i umiejętności rozpoczyna się osiąganie skuteczności działania, mającego przekonać odbiorcę, a niektóre z nich decydują, niezależnie od treści, o interpretacji wygłaszanych tekstów. Najczęściej wymienia się je pod postacią takiego zbioru dyspozycji intelektualno-psychicznych jak kompetencja, sprawność logiczna, wyczuwanie psychologiczne będące podstawą wyborów argumentacyjnych, uczciwość moralna, atrakcyjność osobista czy zaufanie, które generalnie budują zjawisko wiarygodności nadawcy. Im wyższa wiarygodność danej osoby, tym większa moc jej przekonywania, tym większa gotowość do aprobaty wszystkiego, co ona mówi. Podstawą wiarygodności jest wprawdzie miarodajność przedmiotowa, powszechnie rozumiana jako należyta znajomość tematu wypowiedzi, a zewnętrznie ujawniana postawą obiektywizmu w przedstawianiu danego stanu rzeczy, rzetelność i unikanie tendencyjności, ale pragmatycznym wymiarem wiarygodności jest zawsze wiarygodność postrzegana jako sprawność argumentacyjna w trakcie realizacji procesu przekonywania i manifestowana na różnych poziomach, logicznym, językowym, psychologicznym i moralnym.

2. Wiarygodność w procesie perswazji. Sprawność logiczna to przede wszystkim umiejętność i konsekwencja w stosowaniu odpowiednich argumentów. Wiedza na ich temat, wybór i praktyczne użycie zawsze podporządkowane założonemu celowi metodyki perswazyjnej to *sine qua non* procesu przekonywania. Ale sprawność logiczna winna zarazem obejmować szczególną w danym kontekście perswazyjnym wrażliwość na możliwe błędy. Ich niepodważalnym znaczeniowo sygnałem jest zawsze sprzeczność. Kontradycja, zewnętrznie zazwyczaj wyrażana pod postacią zasady rozumowań, że dwa wzajemnie sprzeczne twierdzenia nie mogą być jednocześnie prawdziwe, jedno z nich musi być fałszywe, powinna być odbierana w danej sytuacji jako perswazyjnie głośny sygnał „Stop!”. Poza koniecznością ponownego przeanalizowania stosowanych form argumentacji, oznacza on, że logicznie poprawny proces przekonywania zakłada uprzednią znajomość, przynajmniej podstawowych i typowych błędów powszechnych rozumowań perswazyjnych. Już sama natura wnioskowań z danych faktów, wnioskowań o charakterze materialnym powinna podpowiadać szczególną ostrożność. Argumentacjom w oparciu o fakty zazwyczaj brak jest pewnych danych. Fakty, które wydają się oczywiste, nie muszą być automatycznie prawdziwe, są prawdopodobnie prawdziwe. Wygłaszane stwierdzenia nie mogą być wtedy absolutnie pewne, bowiem stopień niepewności dotyczący wniosku jest zdeterminowany przez rozkład prawdopodobieństw, dotyczących założeń, na jakich opiera się rozumowanie.

Za ujawniające się w procesie przekonywania błędy może także odpowiadać język, przekonywanie bowiem jest wejściem w relację językową ze swoim odbiorcą. Nadawca w konkretnej sytuacji perswazyjnej poddaje językowej obróbce interpretacyjnej prezentowane dane. Jednak te same słowa czy zdania w różnych dla siebie kontekstach i w ustach różnych

ludzi niejednokrotnie mogą mieć i mają dla ich odbiorów różne znaczenie. Świadomość tego stwarza pokusę wykorzystywania w konkretnych układach perswazyjnych najwłaściwszych dla wiarygodności środków werbalnych [8, s. 123-129]. Najprostsze językowe narzędzia uwiarygodniania przekazywanej treści oprócz z góry przejętej stylistyki jej wypowiedzenia to zazwyczaj odwołania do językowego charakteru wypowiedzi naukowej, ale także nadużywanie czy to wielkiego kwantyfikatora czy figur stylistycznych typu metafora, porównanie, hiperbola [2, 31-45]. Ostateczne znaczenie, a tym samym siła perswazyjna, użytych środków językowych zakorzenione jest więc w intelektualnie i moralnie warunkowanych cechach nadawcy jako jednostki i celach, jakie sobie stawia w danym układzie komunikacyjnym pełniąc rolę źródła przekazu.

Koniecznym warunkiem wiarygodności jest też umiejętność rozpoznania nastawienia przekonywanego i charakteru samej sytuacji perswazyjnej. Oparta na wycuciu psychologicznym odnosi się do nieskończonej ilości elementów budujących proces przekonywania. Najważniejsze z nich przede wszystkim zawierają się w instrumentalnie realizowanym stopniu wiedzy o adresacie perswazji. Zakłada się bowiem, że tego typu informacja jest wprost proporcjonalna do skuteczności przekonywania. Znajomość potrzeb psychicznych i postaw odbiorcy, świadomość jego języka i charakteru - to podstawa dla nie tylko stworzenia odpowiedniego klimatu zaufania i w efekcie skuteczności akcji perswazyjnej, ale przede wszystkim płaszczyzna dla jednoznacznego wyboru w danej sytuacji preferencji argumentacyjnych. Konkretnie, jest to zazwyczaj odpowiedź na pytanie, czy proces przekonywania będzie dokonywał się na ścieżce centralnej strategii perswazji czy strategii peryferycznej [8, 36]?

Centralna strategia perswazji ma miejsce wtedy, gdy odbiorca ma motywację i zdolność do skupienia uwagi na argumentach zawartych w samym komunikacie. Niewątpliwie, w pewnych warunkach, ludzie kierują uwagę na fakty zawarte w treści wypowiedzi i stają się najbardziej podatni na perswazję, gdy te fakty są logicznie przekonujące. Dzieje się tak na pewno przy nastawieniu do pozyskania długotrwałej zmiany swojej postawy. Bowiem, jeżeli uzależnia się swoją postawę od uważnej analizy argumentów, jest się bardziej skłonny do utrzymywania tej postawy w czasie i do zachowywania się zgodnie z nią, ale zarazem jest się bardziej na kontrargumenty odpornym (na przykład w stosunku do tych osób, które ukształtowały swoją postawę na podstawie wskazówek jedynie peryferycznych). Technicznie zależy to od zdolności do rzeczywistego zainteresowania sprawą czy też umiejętności zachęcenia do kierowania uwagi na argumenty. Podstawowym czynnikiem wpływającym na to, czy ludzie koncentrują uwagę na komunikacie jest przede wszystkim jego znaczenie osobiste. Im większy stopień, w jakim wynikające z danej sprawy konsekwencje są ważne dla dobrego samopoczucia odbiorcy, im ważniejsze są one osobiście, tym większa koncentracja uwagi na racjach zawartych w samej treści i uleganie perswazji w takim stopniu, w jakim argumenty są przekonujące logicznie. Instrumentalnie, jako sposób przyciągnięcia uwagi, może być na przykład wykorzystana technika wywołania strachu. Należy wzbudzić u odbiorcy strach i przekonać go, że skoncentrowanie się na samym komunikacie pomoże mu ten strach zredukować. Inną może być technika generalnej strategii akcentowania wartości, tożsamości społecznej i emocji zamiast faktów i liczb. Należy przy tym zawsze pamiętać, że do najważniejszych czynników utrudniających koncentrację uwagi na treści i zawartej w niej argumentacji należy czasami sama

złożoność problemu i trudność dokonania jego oceny, ale powszechne jest przede wszystkim występowanie wręcz fizycznych czynników zakłócających (typu dokuczliwy hałas, komentarze innych osób, uczucie zmęczenia lub głodu). Peryferyczną strategię perswazji stosuje się wtedy, gdy odbiorcy nie skupiają swojej uwagi na argumentach, lecz są pod wpływem charakterystyk powierzchownych dla samej informacji. Przykładowo, komunikat wydaje się przekonujący, bo wygłasza go osoba atrakcyjna fizycznie, albo treść jest przekonująca, bo przekazuje ją ekspert, wedle reguły, że *Mozna zaufać nadawcy o wysokim prestiżu bądź argumenty przekonują, bo tekst jest długi* – zgodnie z zasadą perswazji, że *W długości komunikatu tkwi siła argumentów*. Na szczęście dla procesu przekonywania strategia ta prowadzi zazwyczaj do krótkotrwałej zmiany postaw jako sposobu myślenia i postępowania [1, 317-328].

Wiarygodność to też szereg działań o charakterze emocjonalnym. Od osoby wiarygodnej oczekuje się przede wszystkim autentyczności uczuciowej, ujawnienia jakby stopnia swojej charyzmy. W postaci wzorcowej werbalny czy niewerbalny sposób prezentacji zagadnienia powinien być osadzony w jawnej i pełnej gamie uczuć dostosowanych do okoliczności. Perswazja staje się wtedy ułatwiona, bowiem uczucia przekonującego są przenoszone na odbiorcę wręcz automatycznie i w swej najczystszej postaci. Sieć pozytywnych odczuć odbiorcy w stosunku do nadawcy to płaszczyzna praktycznie realizowanej w procesie perswazji sympatii [3, 154-190]. Powszechnie sądzi się, że im większa sympatia do danej osoby, tym większa tendencja do ulegania jej sugestiom. Oczywiście najlepiej jest, gdy sympatia pojawia się naturalnie, jako wynik wzajemnego, przyjaznego traktowania siebie. Ale częstszymi wydają się sytuacje świadomie odwołujące się do jakichś, instrumentalnych wręcz, sposobów jej zwiększania. Z reguły mieszczą się one w ramach typowych technik osiągania pożądanego stopnia atrakcyjności osobistej perswadującego. Czasami jest to realizowane przez samą autoprezentację, która rozpoczyna się od stosownego wyglądu zewnętrznego, uśmiechu, a kończy na dyskretnym pochwaleniu się sukcesami i ujawnieniu swojej pozytywnej motywacji do publicznej perswazji. Czasami jest to, pozornie zwyczajne, szukanie podobieństw z odbiorcą. Te same przekonania ideologiczne, ukończenie tych samych szkół, pochodzenie z tej samej miejscowości, podobne zainteresowania, podobna sytuacja rodzinna - dla nadawcy są to jakby dodatkowe punkty za wspólnotę ze swoim odbiorcą. Atrakcyjności sprzyja również postawa szczerego uważania odbiorcy za osobę ważną. Poprzez umiejętność bycia zarazem dobrym słuchaczem nadawca przekazuje informację, że jego zainteresowanie skupia się nie tylko na sobie.

Mimo, że na skutek skoku cywilizacyjnego zmianie uległy niemalże wszystkie elementy ludzkiego doświadczenia, to dzisiejszy etyczny wzorzec perswazji, tak jak w przeszłości, przede wszystkim negatywnie odnosi się do wątpliwych moralnie metod procesu przekonywania. Konkretnie i najczęściej perswazyjna uczciwość moralna jest oglądana poprzez praktyczną realizację postulatu wstrzymywania się od stosowania uzasadnień nierzetelnych logicznie i podejrzanych moralnie. Może to być wszelkiego rodzaju przesadzanie, czy to poprzez chociażby uproszczone uogólnianie, czy poprzez poszerzenie zakresu czyjejs wypowiedzi, czy poprzez wyrwanie z kontekstu znane czasami pod postacią techniki "czepiania się słów" czy poprzez formułowanie naciąganego wniosku. Może to być także próba zastąpienia argumentacji odwołaniem się do autorytetu, czego podstawą jest wykorzystanie do skrajności psychologicznego mechanizmu osłabionego krytycyzmu słuchaczy w odniesieniu do odbioru treści, których twórcą jest niekwestionowany autorytet [6, 81-125].

Wiarygodność nadawcy jako źródła informacji i podmiotu przekonywania w procesie perswazyjnym jest momentem rozstrzygającym o skuteczności przekonywania. Wiarygodność warunkowana jest zarówno przez czynniki motywowane racjonalnie oraz czynniki motywowane emocjonalnie. Decydującymi są uczciwość, kompetencja i bezstronność. Odbiorca musi dysponować silnym uprzednim i wyrażanym sposobem prowadzenia werbalnego wywodu argumentacyjnego przekonaniem, że nadawca nie chce go oszukać, że jest ekspertem w danej dziedzinie z racji posiadanej wiedzy lub osobistych doświadczeń i że obca jest mu skłonność do stronniczego wyolbrzymiania lub pomniejszania znaczenia niektórych faktów i zjawisk. Podstawowe czynniki o charakterze emocjonalnym to bycie lubianym i podobieństwo. Jest to z jednej strony identyfikowana w trakcie procesu perswazji życzliwość w stosunku do odbiorcy, z drugiej zbieżność wiedzy, doświadczeń i planów podobieństwo, a nawet wyglądu i sposobu bycia. Wypowiedź, jako tekst argumentacyjny i jako sposób jego wygłaszania i prezentacji, prawdopodobnie więc przekona i wznieci akceptację odbiorcy, jeżeli wyzwoli na bazie uprzedniej wiarygodności wysoki stopień zaufania odbiorcy do nadawcy w konkretnym układzie komunikacyjnym [7, s. 155].

Bibliografia

1. Aronson, E., Wilson, T.D., Akert R.M. Psychologia społeczna. Serce i umysł, Warszawa 1997.
2. Bralczyk, J. Język na sprzedaż. Warszawa 1997.
3. Cialdini, R. Wywieranie wpływu na ludzi. Teoria i praktyka. Gdańsk 1999.
4. Leech, G. N. Principles of Pragmatics. London 1983.
5. Tokarz, M. Argumentacja. Perswazja. Manipulacja. Wykłady z teorii komunikacji, Gdańsk 2006.
6. Lemmerman, H. Szkoła debaty. Wrocław 1994.
7. Oyster, C.K. Grupy. Poznań 2000.
8. Pratkanis, A., Aronson, E. Wiek propagandy. Używanie i nadużywanie perswazji na co dzień, Warszawa 2003.
9. Ruchlis, H. (przy współpracy Sandry Oddo), Jak myśleć logicznie. Praktyczne wprowadzenie, Warszawa 1999.
10. Schopenhauer, A. Erytyka czyli sztuka prowadzenia sporów. Kraków 1973.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЯМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ, КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Г.Ф. Бедулина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Понятие «устойчивое развитие» было введено в мировую науку как развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [1, с. 35]. В этом определении отражается экстенсивность нынешнего этапа разви-

тия человечества, актуализируется значение социальных ресурсов: использование запасов творческой энергии личности (социальные, познавательные, деятельностные) и общества в целом как содружества людей, организаций, институтов, социальных групп. Эти запасы человеческой энергии огромны, некоторые ученые сравнивают их с запасами энергии атомного ядра.

Одна из самых актуальных задач социальной работы сегодня – «распечатать» этот огромный потенциал, раскрыть творческие возможности человека и направить эти источники прогресса на решение созидательных проблем. В этой связи перед социальным работником стоит проблема: найти механизмы управления социальными ресурсами; поиск, разработка и внедрение социальных технологий, которые позволят обеспечить устойчивость современного белорусского общества.

Современный период развития социальной практики в Республике Беларусь характеризуется широким использованием разнообразных социальных технологий. Расширяется социальное пространство, в котором технологии находят свое применение: от Интернет-технологий до технологий различных видов связи, от образовательно-педагогических до технологий предоставления адресных социальных услуг различным группам населения и т.д.

На данный момент существует тенденция проникновения технологий как инструментального познавательно-преобразовательного средства в различные сектора социальной сферы, что является одной из закономерностей развития современного общества. Что же касается социальной работы – технологии отражают устойчивую тенденцию их развития (что подтверждается ростом числа разработанных инновационных технологий по различной социальной и социально-педагогической проблематике). При этом каждая технология обладает вполне определенным теоретико-методологическим потенциалом познания и преобразования социальной практики.

На повседневно-практическом уровне термин «технология» и его инструментальное воплощение стали неотъемлемой частью социальной сферы в любом ее секторе. Произошла объективация этого понятия до уровня термина социальной педагогики и социальной работы. Так, например, термин «технология» устойчиво используется в социальной работе (например, «технология социальной работы с семьей»), в социально-педагогической деятельности (например, «технология социального воспитания детей в дошкольных образовательных учреждениях»), в воспитательной работе (например, «технология воспитательной работы с детьми в школе») и т.д.

Проблематика семьи в целом, а также семей, находящихся в социально опасном положении (СОП), на современном этапе напрямую связана с разрабатываемыми технологиями социальной работы. Но социальная помощь без какого-либо алгоритма, постоянства, функциональности и непрерывности сегодня не соответствует масштабу и глубине проблем и трудностей, которые испытывает современная семья. Поэтому инновационные технологии работы с детьми, признанными находящимися в социально опасном положении, направлены на то, чтобы помочь обществу решать проблемы важнейшей его подструктуры - семьи.

Пути обращения к этим проблемам могут быть очень вариативными и качественно разносторонними: это социальные технологии (теоретико-методический материал, включающий рекомендации, алгоритмы, правила работы с детьми и их семьями, признанными находящимися в социально опасном положении); интерактивные формы работы (ток-шоу, круглые столы, конференции); игровой практикум и т.д.

С целью определения эффективности внедряемых в практику инновационных технологий в работе с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении, проведен опрос, направленный на изучение не только теоретических разработок, но и практического их применения. Исследование было проведено среди представителей администраций, социальных работников и социальных педагогов территориальных центров социального обслуживания населения (ТЦОН), специальных учебно-воспитательных, общеобразовательных и социально-педагогических учреждений. Всего было опрошено 184 респондента.

Анализ полученных данных показал, что инновационные технологии работы с семьями, находящимися в социально опасном положении, разрабатываются непосредственно самими специалистами-практиками. Так, в общеобразовательных учреждениях, как показал опрос, из общего числа опрошенных собственные разработки используют активно 16% сотрудников, в специальных учебно-воспитательных учреждениях – 43% сотрудников, в социально-педагогических учреждениях и территориальных центрах социального обслуживания населения – 41% специалистов. Отмечены основные темы собственных методик и форм: интерактивные методы воспитания; использование информационных технологий в профилактике ВИЧ-инфицирования, алкоголизма, табакокурения; совместная работа педагогического коллектива, родителей и детей по формированию культуры здорового образа жизни; реабилитация и адаптация детей и подростков, признанных находящимися в социально опасном положении; интеллектуальные тренинги по решению сложных жизненных ситуаций; работа по улучшению взаимоотношений учащихся, учителей и родителей.

Участники опроса также отметили наиболее эффективные формы социально-просветительской работы: социально-проблемные ток-шоу; использование методов интерактивной педагогики; технология проектирования; программа по реабилитации и адаптации детей, родители которых алкозависимы; родительский клуб; развитие учебного самоуправления и волонтерского движения; организация телефона доверия, его роль в профилактике суицидального поведения; социально-психологическое сопровождение семьи; групповая работа с женщинами-алкоголиками. Отмечены были и технологии, внедряемые в социальную работу в рамках деятельности ТЦОН и социально-педагогических центров: сетевой подход в работе с семьей и реабилитация; социологическое расследование; работа с детьми из алкогольных семей; развитие ребенка и социальная поддержка семьи; система работы по устройству детей в приемные семьи.

Наиболее часто применяемыми формами инновационных методик являются: тренинги, интерактивные семинары, информационные технологии, создание ВЕБ-сайта, дискуссионные встречи, игровые программы, аутотренинг, телефон доверия, информационный час, урок здоровья.

Анализируя целевую аудиторию, на которую нацелены инновационные методики и разработки социально-профилактической работы, следует отметить, что она представляет следующие категории: для родителей – 20%; для учащихся – 30%, для членов детских организаций – 6%; руководителей и педагогических работников общеобразовательных учреждений – 26%; специалистов социально-педагогических учреждений – 18%.

Практика показывает, что эффективными являются те технологии и методики, которые создаются по социальному заказу. Так специалистами-практиками были названы основные проблемные темы, по которым им необходима методическая и консультационная помощь: детско-родительские отношения; выработка умений и навыков сохранения и укрепления здоровья, безопасного и ответственного поведения, отказа от вредных привычек; проблемы взаимодействия подростков с друзьями, с социумом; проблема наркомании и токсикомании в подростковой среде; проблема социальной адаптированности в обществе, проблема антисоциального воспитания и воздержания от употребления алкоголя родителей несовершеннолетних; проблема мотивации педагогов к освоению новых эффективных технологий.

Как проводится мониторинг и оценка эффективности внедряемых технологий и инновационных методик. Отмечено, что: 1) 15 % знакомятся только теоретически и не внедряют инновации; 2) В практической реализации разработанных инновационных технологий диагностику имеющихся показателей/критериев/характеристик проводят 75% респондентов:

Из них: 1) 32% опрошенных делают оценку: еженедельно, ежемесячно; 2) 25% опрошенных проводят мониторинг и оценку с периодичностью в 2-5 раз в год; 3) у 18% опрошенных инновационные технологии и методики нашли практическую реализацию лишь в некоторых случаях (2-3 раза в качестве эксперимента).

Анализ эффективности инновационных разработок и результативности внедряемых технологий показал: средней эффективностью обладают 50% разработок; высокой эффективностью и результативностью обладают 38%; в 12% технологий эффективность непостоянна.

Однако отмечается что, не смотря на то, что в целом эффективность внедряемых технологий и методик социально-профилактической работы показывает, что после проведенных мероприятий показатели социальной работы с СОП меняются в лучшую сторону в 82%, частично улучшаются в 18%, при реализации инновационных технологий могут возникнуть следующие трудности:

- трудности, связанные с финансированием (такое мнение и у 37% респондентов);
- некомпетентность специалистов (31%);
- недостаток специалистов (12%);
- межведомственная несогласованность в сотрудничестве (12%);
- загруженность специалистов (8%).

По мнению опрошенных, в разработке инновационных социально-педагогических технологий кроме социальных педагогов, педагогов-психологов и методистов могут принимать участие: классные руководители (так считают 25% респондентов), медработники (25%), учителя-предметники (22%), руководители учреждений образования (28%). Также участие в разработке новых социально-педагогических форм и технологий могут принимать педагоги-внешкольники, практикующие специалисты, родительские комитеты и объединения, сотрудники ИДН, социальные работники, творческие группы педагогов, а также дети семей категории СОП.

Также отмечается, что помощь в распространении инновационных технологий и внедрении их в практику могут оказать, прежде всего, государственные организации. Среди них главенствующая роль отводится отделам образования и министерству образования. Немаловажное содействие могут оказать районные администра-

ции, различные управления, территориальные центры по обслуживанию населения, МВД и военные структуры. Среди общественных организаций: БРСМ, Красный крест, социальные центры для подростков, общественная организация детей-инвалидов и др. Так же была отмечена немаловажная роль медицинских и религиозных учреждений.

Обобщение полученных результатов исследования технологий позволили сделать следующие выводы:

1. Технологии социальной работы с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении, представляют собой единство и взаимосвязь технологий научно-познавательного и научно-преобразовательного характера.

2. Существует разноцелевая направленность инновационных социально-педагогических технологий, их разнофункциональный характер, а также дифференцированность областей реализации тех или иных технологий.

3. Инновационные социальные технологии чаще всего разрабатываются непосредственно теми социальными институтами, где проблема детей и семей, находящихся в социально опасном положении, имеет главенствующий и определяющий характер работы – это территориальные центры социального обслуживания населения, общеобразовательные, социально-педагогические учреждения и специальные учебно-воспитательные учреждения.

4. Наиболее распространенными формами, используемыми в инновационных технологиях, являются образовательные и реабилитационные программы, тренинги, игры и встречи, участниками которых чаще всего являются родители и педагоги. Это подтверждает тот факт, что проблематика детско-родительских отношений и в целом вопросов воспитания не перестает быть актуальной и находить свой путь разрешения посредством инновационных технологий работы с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении.

5. Анализ практического опыта внедрения инновационных социально-педагогических технологий позволяет увидеть тенденцию к развитию, корректировки и усовершенствования технологий, сделать вывод о том, что материалы обладают очень большим практическим потенциалом. В процедуре реализации каждой технологии соблюдены последовательность и логика, предоставлены многие из путей работы с детьми и семьями категории СОП, также в них подняты наиболее актуальные социально-педагогические темы и проблемы.

Анализ практического исследования эффективности внедряемых технологий показывает, что они обладают во многом свойствами уникальности, высокой и средней эффективностью и результативностью и выступают в статусе разновариантных технологий познавательной и преобразовательной деятельности, способных реализовать свой потенциал в сфере социальной работы по профилактике социального сиротства и семейного неблагополучия.

Литература

1. Бочаров В.Ю. Социальная политика и социальная работа: учебное пособие / В.Ю. Бочаров: М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. – 429/35.

2. Бедулина Г.Ф. Интерактивные формы социально-профилактической работы в зарытом учебном заведении: учеб. – мет. пособ. / Г.Ф.Бедулина.: Минск.: ООО «Лазурак», 2007. – 184 с.

3. Бедулина Г.Ф. Современные формы работы с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении / Г.Ф. Бедулина // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2008. – № 9 – С. 19-24.

4. Социальная работа с молодежью: учеб. пособие / С.В. Лапина, Г.Ф. Бедулина, З.И. Волович [и др.]. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 101/52-59.

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ ЗАМЕЩЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ БЕЛАРУСИ

М.С. Бодак

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Системная трансформация общества продолжается уже два десятилетия и является неотъемлемой составляющей глобализации. Без трансформации в Центральной и Юго-Восточной Европе глобализация утратила бы свой целостный характер и динамику. Для исследования процессов глобализации характерна системность, вызванная тем, что глобализация охватывает все стороны общественной жизни: политику, экономику, социальную структуру, духовную жизнь. В этой связи существует несколько традиций определения понятия глобализации и связанной с ней трансформации. Автор данной статьи будет в своих рассуждениях исходить из понимания глобализации как специфического процесса, посредством которого создаётся единое пространство для глобальной капиталистической системы. В соответствии с такой точкой зрения, в содержание настоящей стадии капиталистического развития входит создание гомогенного общества, пропорционально развивающегося на всей планете. [1, с. 1]. Глобальность при таком подходе понимается как взаимопроникновение различных цивилизаций, ставшее возможным вследствие информационной революции, развивающейся с 1990 г, и подразумевает исчезновение или ослабление различий между обществами, нациями, этническими группами [2, с. 10]. Преобразования всего миропорядка в этом направлении были предложены мировому сообществу в 90-е гг. XX столетия в виде неолиберальной модели общественного развития. Данная модель предполагает быструю гомогенизацию механизмов хозяйственного регулирования, как на уровне отдельных стран, так и в международном масштабе, а также делает акцент на рыночные механизмы, суверенитет, национально-хозяйственный комплекс, либерализацию и демократизацию. В связи с этим глобализация – это не только создание единого мирового рынка капиталистического типа. Это и игра интересов по новым усложнённым правилам, фактически навязанным лидерами-государствами G7, поддерживаемыми мощными транснациональными экономическими и финансовыми корпорациями и международными организациями. Внедрение неолиберальной модели требует от членов мирового сообщества свободного распределения и перемещения информации,

капиталов, товаров, денег, трудовых ресурсов, то есть интеграции рынков, а, следовательно, интеграции экономической, политической, культурной и социальной. Значительная часть стран, испытывая издержки и потрясения, активно включается в мирохозяйственные связи и проводит масштабную перестройку экономики, системы управления на всех уровнях. Фактически протекают два равнозначных процесса: глобализация экономических отношений и постсоциалистическая трансформация.

Постсоциалистическая системная трансформация – это исторический процесс постепенного перехода от централизованной плановой экономики, опирающейся на доминирование государственной собственности на средства производства и бюрократическое регулирование, к капиталистической экономике свободного рынка, в которой доминируют частная собственность и дерегуляция экономики [3, с. 28]. Изначально системная трансформация предполагала обустройство различных обществ по западной модели на единых универсальных ценностях, а, следовательно, единообразные изменения. Так, в экономической сфере предполагалось повсеместное, обязательное установление либеральной капиталистической рыночной экономики, в интересах которой должно проводится устранение тотального контроля со стороны государства (планирование и распределение с помощью КАС), разгосударствление собственности, широкая приватизация. Затем обязательно создаётся новый правовой механизм регулирования экономической и финансовой системы (капиталистические законы), способствующий созданию инфраструктуры для развития частной собственности, привлечения инвестиций (иностранного капитала). Далее вводятся свободные цены, и должны произойти стабилизация национальной валюты и повышение уровня жизни населения. Кроме того, предполагается отказ от всеобщности и обязательности труда с одновременным провозглашением стандартных либерально-демократических свобод, реструктурирование экономики, введение новых форм внешнеэкономической деятельности в соответствии с требованиями мирового рынка, вступление во все международные структуры.

В социальном плане системная трансформация предполагала построение постиндустриального общества (общества потребления высококачественных и дешёвых товаров и услуг). А это значит, что должна была произойти перемена духовно-культурных ориентиров общественного развития с духовных на потребительские, от коллективизма к индивидуализму, конкуренции, накопительству, космополитизму, ценностям массовой культуры, и, таким образом, к стиранию всяких различий (по принципу: человек-функция). В свою очередь, в политической сфере трансформация предполагала единообразные институты власти, а именно, отказ от монополии одной партии, складывание многопартийности, создание парламентской республики западного типа с разделением властей и общую демократизацию общественных отношений (свободу СМИ, принятие новой демократической конституции, закона о выборах, введение местного самоуправления и т.д.). На практике же единой технологии трансформационных перемен не существует, и оптимальную политику каждой стране приходится выработать самостоятельно. Однако очевидно, что её эффективность напрямую зависит от способности руководителей проводить мудрую политику в новых условиях, от владения ими хорошей экономической теорией, от умелого использования шансов, которые предоставляет трансформация и глобализация.

Республика Беларусь последние десятилетия, продвигаясь в этом направлении, приобрела огромный исторический опыт. Реформирование или постсоциалистическая системная трансформация предполагала для нашей страны последовательный переход к рыночной экономике, гражданскому обществу, политической демократии и интеграции в мировое сообщество. Основные социально-политические преобразования носили различный характер, проводились различными методами и имели различные результаты. Причины этого разнообразия кроются в системности преобразований, так как они затрагивают материальную, духовную и политическую сферы жизни белорусского общества. Период с августа 1991 г. по июль 1994 г. является наиболее сложным этапом преобразования общественной системы. В его содержание входит поиск наиболее оптимальных путей преодоления кризиса, возникшего уже с первых шагов демократизации жизни общества. Хотя в ретроспективе с 1950 по 1989 гг. происходило резкое повышение уровня жизни и производства, с 1989 г. положение на потребительском рынке стало ухудшаться, так как предприятия стали выпускать дорогие товары вместо дешевых, пользующихся массовым спросом. После увеличения в апреле 1991 г. розничных цен на продовольственные товары и услуги жизненный уровень трудящихся снизился, и правительство ввело продажу товаров по карточкам и талонам. Также продолжался массовый вывоз товаров за пределы республики. К ещё более критическому положению привела либерализация цен в 1992 г., когда в условиях монополизма производителей было введено свободное ценообразование, что повлекло за собой неуправляемый рост цен. Только в 1992 г. цены выросли в 11 раз, а объём продажи товаров сократился на 26%. Отмена ограничений в оплате труда вызвала необоснованно быстрый рост заработной платы, особенно в производственной сфере, банках, кооперативном секторе, несмотря на сокращение производства. Всё это сопровождалось растущей инфляцией и безработицей. В итоге в 1991-1995 гг. в сравнении с 1990г. ВВП Республики Беларусь сократился почти на 35%, производство промышленной продукции – на 39%, сельскохозяйственное производство – на 26%, номинальная заработная плата увеличилась в 2807 раз, а реальная снизилась на 44% [4, с. 3-4]. Так начинался период рецессии, падения постсоциалистической экономики в Беларуси, затянувшийся в последствии на шесть лет и сменившийся депрессией, оживлением и ростом в будущем.

Как и предполагалось в рамках трансформации, в экономической сфере был взят курс на построение рыночной экономики на принципах либерализма. В связи с чем в октябре 1990 г. была утверждена программа перехода к рынку, которая предусматривала меры по стабилизации экономики в целях обуздания инфляции, сокращения государственных расходов на содержание госаппарата, затратное капитальное строительство, разгосударствление, приватизацию, демонаполизацию собственности на средства производства, развитие предпринимательства и конкуренции. К концу 1991 г. планировалось продать, сдать в аренду или бесплатно передать трудовым коллективам большинство мелких предприятий в сфере торговли, коммунальных услуг, общественного питания и бытового обслуживания, акционировать или кооперировать средние и крупные предприятия. Программой предусматривалась отмена жесткого государственного планирования, распределения ресурсов и товаров, создание негосударственных банков и фондовых бирж, рынка

средств производства и рабочей силы. По оценкам специалистов данная программа задавала в целом правильные ориентиры рыночных преобразований, и многие её положения остаются актуальными по сей день. В том же 1991 г. была принята программа стабилизации экономики и социальной защиты населения, предусматривавшая ускоренные рыночные преобразования и приоритет государственного регулирования с целью недопущения хаоса и развала экономики. В 1994 г. по предложению Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко была разработана «Программа неотложных мер по выходу экономики Республики Беларусь из кризиса», предусматривавшая остановку спада производства, уменьшение инфляции, недопущение падения жизненного уровня населения. С этой же целью был взят курс на укрепление отношений с Россией, поскольку структура белорусской экономики, которая на 80% состояла из предприятий союзного значения финального цикла производства, зависимых и в сырье, и в сбыте от общесоюзного рынка, не позволяла осуществить базовые направления экономической политики, заявленные перестройкой, такие как либерализация и приватизация, так как это разрушило бы функционирование всей экономики республики [5, с. 72]. Все проведённые структурные реформы позволили к 1997 г. достичь роста ВВП на 11,4%, что явилось высшим показателем среди переходных стран. Хотя по оценкам экспертов системные реформы в Беларуси осуществлялись медленнее, чем в других странах региона и в 2000 г. ВВП составил лишь 82% от уровня 1989 г., будущий рост экономики наметился быстрее, чем в других странах, и во многом благодаря тому, что реформирование экономических и финансовых механизмов происходило в рамках предыдущей централизованной плановой системы, что сокращало период достижения критической массы новых институциональных решений [6, с. 73]. Последующая разработка и реализация программ и стратегий социально-экономического развития позволила преодолеть кризисные явления переходного периода и перейти к реформированию всей системы общественных отношений, интегрироваться в мировую экономику. Следует также отметить, что замедление структурных реформ и создания институтов рыночной экономики дали возможность Беларуси учесть опыт других стран и учиться на чужих ошибках.

Трансформация политической сферы подразумевала переход к демократической политической системе, в основу которой сначала были положены принципы парламентской республики, введение в государственном управлении разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, формирование многопартийной системы, демократизация избирательной системы и т.д. Наиболее важным событием стало принятие Конституции Республики Беларусь в 1994 г., в которой юридически закреплялся суверенитет республики, впервые вводилась должность Президента, провозглашалось построение правового государства. Была проведена радикальная кодификация и систематизация законодательства, позволившая коренным образом реформировать существующую систему власти и управления. В результате проведённых референдумов 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. в Конституцию были внесены изменения, позволившие создать суперпрезидентскую республику, в которой Президенту предоставляется право издавать декреты, имеющие силу законов. Был сформирован двухпалатный парламент – Национальное собрание, который в своей деятельности патронировался Президентом, что исключает конфликтные отношения между ветвями власти. Немаловажным шагом стало

формирование многопартийной системы, отразившей развитие политического плюрализма в обществе. В Беларуси сложился широкий спектр политических течений: от последователей социализма до сторонников капитализма. Сформулированная в республике государственная идеология и модель социально-экономического развития также вообрала в себя идеи различных идеологических течений, чем сплотила общество и не оставила ниши для оппозиции, лишив её социальной базы. Во внешней политике курс на многовекторность дал возможность интегрироваться во многие международные структуры и мировую экономическую систему, проведя рыночные преобразования. Поскольку мировая экономика, безусловно, является капиталистической, то, включившись в неё, проведя системную трансформацию, в Беларуси неизбежно, соответственно логике глобализации, происходит замена социалистического строя капиталистическим. Из чего можно сделать вывод о том, что системная трансформация – это идеология замещения социализма.

Литература

1. Evans R. 1998. Global Fragmentation and the Compression of Space and Time. <http://www.humboldt.edu/~massglob/gsj/rel-2htm>.
2. Inoue N. Globalization Challenge to Indigenous Culture// Globalization and Indigenous Culture/En/by Inoue Nodutaka. Institute for Japanese Culture and Classics, Kokugakuin University, 1997. – P. 6-14.
3. Колодко Гжегож В. Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран / Пер. с польск. – Мн.: ЕГУ, 2002. – 200 с.
4. Бушчык Г. Стан эканомікі і развіццё знешнеэканамічных сувязей Беларусі у 1990-2005 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 3.
5. Коктыш К. Постсоветская трансформация Белоруссии // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 2.

KONSUMPCJONIZM A EKOLOGIA

Alina Borowska

Politechnika Białostocka, m. Białystok Polska

„Starczy by zaspokoić potrzeby wszystkich, ale nie starczy, aby zaspokoić czyjąkolwiek zachłanność”.

Mahatma Gandhi

Celem niniejszego artykułu jest przedstawienie związku między konsumpcjonizmem i wzrastającym kryzysem ekologicznym. W polskim społeczeństwie panuje brak świadomości ekologicznej¹, w związku z tym niezbędna jest edukacja społeczna w zakresie ekologicznego stylu życia.

Współczesna ekonomia to ekonomia ciągłego wzrostu, któremu musi towarzyszyć wzrost konsumpcji. Wielkie korporacje dążące do zapewnienia sobie maksymalnych

---

¹ Według Instytutu na Rzecz Ekorozwoju (INE) świadomość ekologiczna jest zespołem informacji i przekonań na temat środowiska przyrodniczego oraz postrzeganiem związków między stanem i charakterem środowiska przyrodniczego a warunkami i jakością życia człowieka. [6, s.326].

zysków, manipulują społeczeństwem za pomocą środków masowego przekazu (których są właścicielami) i kultury masowej, w celu zmuszenia społeczeństw do ciągłej konsumpcji. Idealem korporacji jest społeczeństwo konsumpcyjne, czyli takie, które całą swoją energię i zasoby poświęca na konsumpcję, które jest bierne i łatwo daje się manipulować za pomocą reklamy.

Kultura masowa propaguje i upowszechnia zachodni poziom życia i wzory konsumpcji na cały świat, aby stworzyć sobie nieograniczone rynki zbytu. W ramach produkcji coraz większej ilości produktów konsumpcyjnych, następuje coraz większe zużycie nieodnawialnych surowców i degradacja środowiska ekologicznego. Pozyskując i przetwarzając coraz to nowe zasoby naturalne ziemi, człowiek wypełnia tę lukę coraz większą ilością nierozkładających się odpadów pokonsumpcyjnych. W trakcie produkcji przedmiotów konsumpcji, wzrasta również ilość zanieczyszczeń emitowanych do atmosfery co grozi zmianami klimatycznymi i zniszczeniem przestrzeni ekologicznej. *„Przestrzeń ekologiczna jest to całkowita ilość energii, nieodnawialnych zasobów, ziemi, wód, drewna i innych zasobów, które można wykorzystać w skali globalnej lub regionalnej: nie powodując strat ekologicznych, nie naruszając praw przyszłych pokoleń, w sposób zapewniający równe prawa do korzystania z zasobów i jakości życia wszystkim narodom świata”* [2, 27].

Aby zachować przestrzeń ekologiczną powstała idea zrównoważonego rozwoju, której istotą jest utrzymywanie procesów produkcji i konsumpcji w równowadze. Miernikiem równowagi procesu produkcji i konsumpcji jest tzw. ekologiczny odcisk stopy (*ecological footprint*²), który odzwierciedla realną wielkość przestrzeni ekologicznej, użytkowanej w procesie konsumpcji przez daną społeczność [4, 44]. Jednak ten miernik bierze pod uwagę jedynie kilka aspektów oddziaływania człowieka na środowisko, nie uwzględnia natomiast tego, w jaki sposób i na jaką skalę człowiek niszczy środowisko poprzez codzienną konsumpcję. Produkcja odpadów pokonsumpcyjnych wynika z nadmiernego konsumpcjonizmu oraz z braku świadomości ekologicznej w społeczeństwie.

Konsumpcjonizm to nadmierna konsumpcja dóbr materialnych i usług, czyli taka, która nie jest usprawiedliwiona rzeczywistymi potrzebami ludzkimi i nie liczy się z kosztami ekologicznymi, społecznymi i indywidualnymi.

Brak świadomości ekologicznej oznacza, że konsumenci nie wiedzą co jest ekologiczne a co nie jest, nie mają wiedzy i świadomości, w jaki sposób codzienną konsumpcją przyczyniają się do niszczenia środowiska, biernie ulegają manipulacjom rynku. W społecznej świadomości istnieje wiele fałszywych przekonań na temat tego co jest ekologiczne, a co nie jest. Przykładem tego jest funkcjonujące na rynku od lat pojęcie skóry ekologicznej, która w rzeczywistości oznacza przedmiot z tworzyw sztucznych, oraz tzw. ekologicznej choinki z PCV.

Reklama propaguje noszenie ubrań (odzieży wierzchniej i butów) z materiałów sztucznych, które nie rozkładają się naturalnie, w imię tzw. ekologii głębokiej głoszącej postulat nie zabijania zwierząt. Kultura masowa upowszechnia przekonanie, że można zabijać zwierzęta dla pożywienia, ale nie można dla produkcji odzieży, zapominając przy tym celowo o tym, że skóra naturalna jest produktem ubocznym produkcji mięsa. W związku z

---

² *Ecological footprint* – ekologiczny odcisk stopy odzwierciedla realną wielkość użytkowanej przez daną społeczność w toku procesów konsumpcji przestrzeni ekologicznej; do jego obliczania stosuje się pięć kategorii: żywność, mieszkanie, transport, dobra przemysłowe, usługi. [4,s.44,45].

powyższym coraz powszechniejsza jest konsumpcja artykułów nieekologicznych w imię fałszywych mitów na temat ekologii.

Brak świadomości ekologicznej w konsumpcji objawia się również tym, że coraz więcej i częściej używa się przedmiotów jednorazowego użytku, wyprodukowanych z PCV. Wszystkie akcesoria związane z letnim wypoczynkiem i rekreacją wyprodukowane są z tworzyw sztucznych. Naczynia jednorazowe są w powszechnym użyciu w każdym miejscu z wiązaniem z wypoczynkiem czy rekreacją.

Kolejnym problemem ekologicznym związanym z konsumpcją jest powszechne stosowanie opakowań z tworzyw sztucznych oraz stosowanie opakowań dodatkowych w sytuacji gdy nie są one konieczne, służą jedynie manipulacji np. służą pozornemu zwiększeniu pojemności lub wielkości produktu. Z badań wynika, że w krajach rozwiniętych gospodarczo około 30% ogólnej ilości odpadów komunalnych to opakowania [5, 340].

Zwiększenie ilości odpadów niedegradowanych naturalnie związane jest również z zanikaniem odzieży z produktów naturalnych, czyli z wełny, jedwabiu i bawełny. W ofercie rynkowej zaczynają przeważać produkty z materiałów sztucznych, lub z ich mieszanki. Konsument ulegając manipulacjom rynkowym, kupuje coraz więcej i częściej. Następuje zjawisko tzw. „recyklingu” jak nazywa to Jean Baudrillard, czyli kupowanie wciąż od nowa rzeczy nie zużytych, nie zniszczonych, lecz niemodnych [1, 123.].

W związku z powyższym coraz częściej odzież staje się produktem jednorazowym lub krótkotrwałym, stając się bardzo szybko niedegradowalnym naturalnie odpadem pokonsumpcyjnym. Coraz więcej przedmiotów codziennego użytku wyprodukowanych jest ze sztucznych materiałów. Z powodu braku świadomości ekologicznej ludzie otaczają się przedmiotami z tworzyw sztucznych, co ma znaczący wpływ na ich zdrowie, bowiem wzrasta zachorowalność na alergię.

Dzięki reklamie oraz z powodu konformizmu społecznego wzrasta konsumpcja gadżetów świątecznych, które są wyprodukowane ze sztucznych materiałów. Te zjawisko jest szczególnie widoczne na cmentarzach, na których świętuje się aktualnie przez cały rok, nie tylko z okazji Dnia Zmarłych. Konsumpcja tego typu produktów wzrasta wraz ze wzrostem oferty rynku, a brak świadomości ekologicznej powoduje, że nikt nie zastanawia się jaki ślad każdego roku pozostaje po świętach i ile metrów sześciennych smieci powstaje z tego powodu, o jaką powierzchnię zwiększa się powierzchnia składowisk odpadów komunalnych.

Polska została zobowiązana przez Unię Europejską do znacznego zredukowania emisji gazów oraz powierzchni składowisk odpadów. Wielkość tych składowisk można zmniejszyć w wyniku właściwej utylizacji odpadów, a to jest możliwe jedynie wówczas gdy są one segregowane i kiedy zmniejszy się zasadniczo ilość odpadów niedegradowalnych i niepodlegających recyklingowi, czyli takich jak opisano wyżej.

Alternatywą dla konsumpcjonizmu ze wszystkimi jego szkodliwymi skutkami jest ekoconsumpcja, czyli konsumpcja dóbr i usług o charakterze proekologicznym. Wymaga to edukacji społecznej, mającej na celu budzenie świadomości ekologicznej, czyli pokazywaniu związków między konsumpcją a odpadami, czyli śladem jaki pozostawia człowiek w swoim środowisku produkując nie rozkładające się naturalnie odpady oraz likwidację mitów na temat ekologii. Konieczne jest promowanie i kształtowanie nowego stylu życia – stylu zdrowego zarówno dla człowieka jak i dla środowiska.

Wymaga to również interwencji specjalistów od ochrony środowiska, którzy nie podejmują tematu konsumpcji codziennej, a jeśli tak to na poziomie bardzo ogólnym a

nie praktycznym, czyli takim, który stanowiłby wykładnię tego co jest, a co nie jest ekologiczne i na czym polega ekologiczny styl życia. Brak interwencji autorytetów w dziedzinie ekologii, powoduje istnienie „mitów ekologicznych”, które stanowią zagrożenie dla środowiska, są natomiast korzystne dla producentów i dla rynku.

W efekcie edukacji proekologicznej powinna nastąpić zmiana nastawienia konsumentów, którzy z biernych nabywców, chętnie i bezkrytycznie przyjmujących treści reklamowe, zmieniają się w aktywne i odpowiedzialne obywateli, dostrzegających ścisły związek między tym, co konsumują, a tym w jaki sposób oddziałują na środowisko. Życie ekologiczne nie musi oznaczać odwrócenia się od postępu gospodarczego i technologicznego. Prosty styl życia nie neguje postępu bowiem postęp jest warunkiem rozwoju cywilizacji. Duan Elgin pisze, że ekologiczny styl życia jest po prostu ścieżką „innego wzrostu”, który powinien uwzględnić zarówno materialny jak i duchowy wymiar życia [3, s. 282].

Literatura

1. Baudrillard J. *Spółczesność konsumpcyjna. Jego mity i struktury*. – Warszawa: Wydawnictwo Sic! sc, 2006.
2. Carley, M. P. Spapens, *Dzielenie się światem*. Instytut na rzecz Ekorozwoju. – Warszawa-Białystok, 2000.
3. Elgin D. *Dobrowolna prostota w: Uwaga na targowisku. Globalny rynek i masowa konsumpcja a świadome życie*, Red.: A.H. Badiner, Wyd. Jacek Santorski & CO. – Warszawa, 2004.
4. Kielczowski D. *Konsumpcja a perspektywy zrównoważonego rozwoju*, Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku. – Białystok, 2008.
5. *Kompendium wiedzy o ekologii*, red. J. Strzałko, T. Mosso-Pietraszewska, WN PWN. – Warszawa, 2005.
6. Tuszyńska L. *Świadomość ekologiczna Polaków w drodze do rozwoju zrównoważonego i trwałego*, „Problemy ekologii”. – Vol.12, Nr. 6, XI, XII – 2008.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ПОИСКА КОМПРОМИССА МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ

В.В. Бусленко

Волынский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина

Успех евроинтеграционной политики Украины во многом зависит от внутривнутриполитических факторов. Речь идет о стабильном функционировании государственных и общественных институтов, гарантии демократии, верховенстве закона. Вступление страны в ЕС, согласно решению Европейского Союза (1993 г.), должно отвечать этим критериям. О приближении Украины к европейским стандартам может говорить тот факт, что согласно данным, опубликованным в январе 2009 г. международной организацией Freedom House о рейтинге политической свободы в мире, Украина вошла в число свободных стран, обеспечив на 3 балла политические права и на 2 балла гражданские свободы (наивысший балл – 1, наименьший – 7) [1].

Позитивным моментом в продвижении к ассоциированному членству в ЕС должна стать солидарность политиков, как официальных, так и оппозиционных, в вопросе о европейском выборе Украины. Президент и премьер-министр неоднократно выступали с заявлениями о неизменности евроинтеграционного курса, делая акцент на формуле политической ассоциации и экономической интеграции. Декларациями подтверждает неизменность этого курса и Верховная Рада Украины. Так, например, в марте 2007 г. единогласно (399 «за» и ни одного «против») было принято Заявление «О начале переговоров между Украиной и ЕС относительно принятия нового базового договора».

Если говорить о политической оппозиции, ее взгляды по этому вопросу очень близки к официальным. Так, во время встречи в Брюсселе с Х. Солано, представителем ЕС по вопросам совместной внешней политики и политики безопасности, в феврале 2008 г. лидер Партии регионов В. Янукович заявил, что именно вопрос интеграции Украины в Европейский Союз может объединить оппозицию и коалицию [2]. По его словам, несмотря на разногласия во внутривнутриполитических вопросах, в Украине есть консенсус относительно стратегического курса на европейскую интеграцию.

Под оппозицией мы подразумеваем политический институт, который включает в себя совокупность отстраненных от власти партий, организаций, движений, созданный для выражения и защиты альтернативных или противоположных интересов, которые реализуются в политике власти. Этот институт призван выражать оценочные отношения и требования к политической власти, всего общества или некоторой его части. Оппозиция, являясь неотъемлемым элементом механизма «сдержек и противовесов», через демократические институты способна влиять на политический процесс, в том числе – на процесс разработки внешней политики и ее реализации. Для оппозиции характерна конструктивная миссия инициации дискуссии, контроля, выяснения ошибок и проблем, коррекция правительственного курса, декларирование собственных программ.

Следует отметить, что политическая оппозиция таит в себе достаточно сильный потенциал поляризации электората. Большим остается ее влияние на внешнеполитические ориентации населения. Так, по результатам выводов аналитиков Центра им. Разумкова, общественная мысль о состоянии и перспективах сотрудничества с ЕС имеет четкую региональную специфику. Наиболее оптимистически оценивали в 2006 г. евроинтеграцию как объединительную идею жители Западной части Украины (34,6% против 31% пессимистов). На Юге и Востоке пессимистические позиции имело большинство опрошенных (54,6% и 56,8% соответственно) [3]. Партия регионов как основная оппозиционная сила, имеет четкую региональную привязку именно к этой территории и во время парламентских выборов 2006 года использовала пророссийскую и антинатовскую риторику. Это могло повлиять на расхождение в геополитических симпатиях населения этих регионов.

Евроинтеграционные идеи не стали консолидирующим фактором и в украинской политике. По результатам социологических опросов экспертов, проведенных в 2006-2008 г. Центром им. Разумкова, среди рейтинга преград на пути интеграции Украины к ЕС отмечено противостояние на уровне Президент-Парламент-Кабинет Министров [4, с. 35]. Это в значительной степени усложнило выполнение Плана действий Украина-ЕС в 2005-2007 годах. В условиях перманентного политического

кризиса, противостояния между провластными и оппозиционными партиями эффективность работы Верховной Рады Украины была не высокой. Факторами, которые негативно повлияли на реализацию взятых страной обязательств по приведению законодательства к европейским стандартам, были: перенесение сроков рассмотрения проектов законов или других нормативных документов через досрочную приостановку полномочий Верховной Рады V созыва, смена правительства после парламентских выборов и формирование новой парламентской коалиции.

Сложность и противоречивость реализации такой демократической процедуры, как формирование парламентской коалиции в 2006-2007 гг., приводит к мысли, что демократия предполагает не только равновесие или компромисс между разными политическими силами, но и их частичную интеграцию. Вообще в плане приближения к европейским стандартам демократии позитивное значение имеют как умеренная политическая борьба между провластными и оппозиционными партиями, так и поиск ими компромиссных решений и действий. В.Веселовский выделяет четыре фактора сотрудничества, которые очерчивают возможность консенсуса политических партий в демократической системе: 1) достижение согласия относительно основных характеристик политической системы; 2) согласие в тех делах, которые могут стать основой совместной деятельности парламента и правительства; 3) согласование правил взаимной конкуренции и сотрудничества между политиками; 4) взаимное признание себя как партнеров, легитимизированных к участию в совместных согласованных действиях [5, с. 468].

Для успешной реализации евроинтеграционного курса страны очень важно, чтобы власть взяла в союзники оппозицию и наладила с ней взаимовыгодное сотрудничество. Это будет говорить о создании первого звена в цепи компромиссов, из чего и вследствие чего вырастают демократические процедуры [6, с. 60-61]. Но в украинской политике ни одна из правительственных коалиций так и не смогла выработать конкретные формы взаимных отношений. Между сторонами не было установлено четких прозрачных правил как взаимной конкуренции, так и сотрудничества. Политическая оппозиция, имея значительную поддержку протестного электората, действует в условиях юридической неопределенности ее статуса, что дает небольшие институциональные возможности влияния на власть и усиливает конфликтность по линии власть-оппозиция. Как следствие – возникшие политические конфликты в Украине, которые особенно были существенны в 2004, 2006-2007 годах. В такой ситуации было сложно ожидать полнейшей поддержки оппозицией законопроектов относительно евроинтеграции. Все это не создавало благоприятных условий для построения компромиссов.

Открывает перспективы для социально-политической стабильности и эффективной внешнеполитической и внутриполитической деятельности страны консенсусная демократия, как особенный тип политической культуры, которая заставляет политических деятелей договариваться, искать компромиссное решение проблем, путей конструктивного сотрудничества со всеми политическими силами, формирования «решающего меньшинства» и обеспечения его активного участия в управлении обществом.

Следует отметить, что европейские страны имеют большой опыт принятия коллегиальных решений не путем голосования, когда побеждает позиция большинства, а путем согласования позиций и поиска формулировки, приемлемой для всех сторон, обсуждающих вопрос. Если не удастся согласовать все положения общего решения, то принимаются только те из них, которые согласованы с каждым участником дискуссии.

Принцип консенсуса заложен и в функционировании Европейского Союза, в котором институты власти служат не механическому воплощению воли большинства, а реалистическому включению национальных и наднациональных политических институтов в процесс принятия решений и установления между ними конструктивного диалога. Так, в Европейском Парламенте, как правило, появляются две наибольших парламентских группы, не имеющие абсолютного большинства. В такой ситуации эти партии решают кооперироваться, чтобы не допустить блокирования деятельности парламента и тем самым развеять сомнения среди других институционных партнеров относительно эффективности парламента в процессе принятия решений.

Консенсусный характер демократии обеспечивается благодаря коалиционному характеру органов власти, пропорциональному представительству в них групп и меньшинства общества, высокому уровню политической культуры, организованности населения и структурированности его групповых интересов [7]. Но понимание консенсуса в украинской политике рассматривается достаточно узко и ограниченно – как форма развязывания уже имеющегося политического конфликта. Яркий этому пример – острый политический конфликт, возникший между оппозицией, которую возглавлял В. Ющенко, и властью во время президентства Л. Кучмы. Попытка старой элиты удержаться у власти с помощью политтехнологий и фальсификации президентских выборов не удалась. События так называемой оранжевой революции стали, с одной стороны, демонстрацией европейских ценностей: веры в демократию, готовности отстаивания и защиты политических прав и свобод. С другой стороны, показали неготовность и неумение власти достичь консенсуса с оппозицией в принятии политических решений. Только через посредничество представителей Евросоюза удалось инициировать переговорный процесс за круглым столом между В. Ющенко, Л. Кучмой и В. Януковичем.

Западная политическая культура предполагает применение принципа консенсуса для согласования разных интересов и точек зрения на всех этапах принятия важных общественно-политических решений. Этот подход очень актуален для Украины в связи с необходимостью стабильного и полноценного функционирования политических институтов, налаживания сотрудничества власти с сильной оппозицией, которая представляет почти половину украинского электората, обеспечение общего курса в процессе евроинтеграции. При этом важно, чтобы и представители власти, и лидеры политической оппозиции при договоренностях выходили не из узкопрагматических и корпоративных подходов, а защищали национальные интересы.

Таким образом, успешность реализации курса на европейскую интеграцию во многом зависит от умения политиков достичь конструктивных договоренностей, консолидации власти и оппозиции. Так как процесс евроинтеграции может проходить только при условии достижения политического консенсуса, консолидированном политическом согласии относительно его воплощения, перспективным для страны является развитие по пути консенсусной демократии. Привлечение кадрового, идеологического и организационного потенциала политической оппозиции может придать евроинтеграционным процессам больший динамизм и прогнозируемость, способствуя легитимации решений и действий власти. Стабильное функционирование институтов власти в этих условиях будет способствовать улучшению имиджа Украины среди государств – членов Европейского союза и повысит шансы на ассоциированное членство.

Литература

1. //www.4post.com.ua/politics/121736.html
2. NEWSru.ua // Україна // 27 лют. 2008 р.
3. Пашков М. Куда ведет Украину «дорожная карта» евроинтеграции // Центр Разумкова. http://razumkov.org.ua/ukr/article.php?news_id=478
4. Европейская интеграция: позиции экспертов // Национальная безопасность и оборона. – 2008. – №6.
5. Godlewski T. Status opozycji parlamentamej III RP, [w:] Opozycja w systemach demokratycznych i niedemokratycznych / Red. K.Łabędź, M.Mikołajczyk. – Kraków, 2001.
6. Балабаева З.В. Политическая динамика и оппозиция // Політична опозиція: теорія та історія, світовий досвід та українська практика. Матеріали науково-практичної конференції. – Київ, 1996.
7. Стёпин А. Украинское общество и проблемы консенсусной демократии // Украинский центр политического менеджмента.

ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС НАУКИ

В.Н. Варич

Брестский государственный технический университет, г. Брест

В рамках различных философских и культурологических концепций существуют различные представления об иерархии ценностей, среди которых одну из ведущих позиций занимают ценности научного познания. В большинстве определений ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания или стремления, т.е. предмет, значимый для человека или группы лиц. С этой точки зрения можно соотнести понятия «ценность» и «истина». В философских словарях истина определяется как свойство мыслей, правильно отображающих действительность, а ценность – как свойство самих вещей, отвечающих определенным целям или намерениям. Однако, как справедливо замечает А.А. Ивин в своей «Аксиологии», ценность, как и истина, является не свойством вещей, а отношением между мыслью и действительностью. Он также указывает, что ценность, в отличие от истины, есть соответствие объекта мысли о нем [1, с. 11]. Отличие выражается в языке: описание интерпретируется в терминах «истинно» или «ложно», а оценка – в терминах «хорошо», «безразлично» и «плохо». Цель описания – привести слова в соответствие с описываемым объектом, цель оценки – привести сам объект в соответствие со словами. Описание и оценка представляют собой два принципиально различных вида высказываний, однако между ними существует множество переходов – как в повседневном языке, так и в научном.

В начале XX века М. Вебер выдвинул требование освободить научное знание (в первую очередь социологическое и экономическое) от ценностей. Его аргументация была весьма убедительной: единственным критерием научного познания является истина, а ценности вводятся в науку исследователем и выражают его субъективные пристрастия и установки, тем самым искажая научную картину мира. Поэтому ученые должны ясно осознавать ценности и нормы, которые они вносят в процесс

познания, и очищать от них окончательный научный результат. Эта идея получила развитие в сочинениях представителей неопозитивизма, которые считали, что включение оценочных элементов в науку является отступлением от идеала чистой науки. Критика неопозитивизма в рамках «исторической школы» в методологии науки во многом изменила отношение к ценностям. Были, в частности, поставлены вопросы о ценностях, входящих в тот контекст, в котором существует и развивается научная теория; о ценностных компонентах научных парадигм, которыми руководствуется «нормальная» наука. Однако и в этой школе не было ясного определения самого понятия ценности и анализа связи ценности и истины. Сами ценности истолковывались преимущественно субъективно-психологически, как намерения, цели и установки отдельных исследователей или их изолированных групп. Однако ценности в научном познании имеют скорее коллективный характер, начиная с ценностей определенного научного сообщества и заканчивая ценностями культуры в целом, действующими на протяжении веков ее существования и по большей части остающимися неосознанными.

Такого рода ценности находят выражение в многочисленных актах оценки, которые имеют место в любом научном исследовании. Под оценкой обычно понимается каждый случай подведения объекта под мысль (и установления тем самым ценностного отношения). Все оценки подразделяются на явные, отчетливо выраженные в языке, и неявные, то есть неосознанные или только подразумеваемые. Явные оценки выражаются в форме «хорошо (плохо, безразлично) что-либо» или в форме «должно быть так, что будет что-либо». Формы вхождения в рассуждение или теорию неявных оценок гораздо более многообразны. Многие выражения имплицитно включают в себя оценочные и нормативные элементы – к примеру, пожелания, советы, предостережения, просьбы и т.п. Вопросы, имеющие характер требований или рекомендаций предоставить определенную информацию, также неявно содержат оценку. Оценки неявно входят и в целевые нормы, устанавливающие цели и указывающие средства для их достижения. Кроме них, формой неявного вхождения оценок являются также и конвенции разного рода – все они являются предписаниями и находятся в ценностном отношении к миру. В большинстве своем научные конвенции функционируют неявно и не осознаются как таковые теми, кто их использует. И только после научной революции, приводящей к отказу от старой теории или ее ограничению, к новому видению мира, становится ясно, как много неудачных (или неполных) соглашений было в старой теории. Ценностное отношение находит выражение также в аналитических высказываниях, без которых невозможна никакая научная теория.

Применительно к конкретной теории ценности могут быть разделены на внутренние и внешние. Внутренние ценности входят в структуру самой теории в качестве ее неотъемлемых компонентов, а внешние относятся к тому контексту, в котором существует и развивается теория. Внешние ценности весьма разнообразны и разнородны, они включают широкий круг образцов, норм, правил, оценок, принципов, которые воздействуют на формирование теории и ее последующую эволюцию. Особый интерес среди них представляют ценности, определяющие основные черты стиля мышления, который распространяется на все формы теоретизирования, существующие в конкретную эпоху, и представляет собой систему наиболее общих принципов, образцов, форм и категорий теоретического освоения мира.

В отношении отдельных теорий стиль мышления выступает как данность, не подвергаемая анализу, в полной мере не осознаваемая и не артикулируемая. От рассуждений в рамках конкретной научной теории требуется, чтобы они соответствовали принятой в данной области манере теоретизирования, а также общему стилю мышления своего времени и своей эпохи. «Стиль мышления, задающий стандарты теоретической деятельности, выполняет, таким образом, *регулятивную* функцию. Отношение между ним и теорией – это обычное ценностное отношение, с установлением которого теория оценивается как *хорошая* или *плохая*» [1, с. 182].

Сложный описательно-оценочный характер имеют разнообразные критерии совершенства теории и регулятивные принципы познания, которые фигурируют прежде всего как эвристические указатели, помогающие сформировать и реализовать исследовательскую программу, как предписания, касающиеся конструирования и оценки теоретических систем. Сопоставление теории с регулятивными принципами представляет собой подведение задаваемой ею теоретической действительности под некоторый стандарт или шаблон, то есть является установлением ценностного отношения. Поэтому невозможно утверждать, что данные принципы выступают и как средство обоснования истинности уже полученного теоретического знания. К внешним ценностям относятся также требования, предъявляемые не к теории, а к самому исследователю, конструирующему ее.

Ценностная сторона имеется также и у научного метода. Он представляет собой систему категорий, ценностей, регулятивных принципов, методов обоснования, образцов и т.д., которыми руководствуется в своей деятельности научное сообщество. Научный метод включает: а) устойчивую систему категорий, служащих координатами научного мышления; б) определенную систему ценностей, на которую опирается в своей деятельности ученый; в) отбор методов обоснования полученного знания; г) общие регулятивные принципы; д) специфические для каждой научной дисциплины правила адекватности; е) определенные образцы успешной научной деятельности.

Среди ценностей, направляющих научную деятельность, важнейшую роль играет *реализм* – убеждение в реальном, чаще всего материальном, существовании исследуемых объектов, уверенность в том, что они существуют независимо от ученого, не являются плодом его ума и в силу этого остаются одинаковыми для всех исследователей. Другой основополагающей ценностью является *эмпиризм* – уверенность в том, что только наблюдение и эксперимент играют решающую роль в признании или отбрасывании научных положений, включая законы и теории. В соответствии с требованиями эмпиризма, неэмпирическая (а именно, теоретическая и контекстуальная) аргументация имеет только вспомогательное значение и не способна поставить точку в решении научного спора. К ценностям, предполагаемым научным методом, относятся также: *теоретичность* – стремление придать итогам исследования особую систематическую форму, т.е. форму теории, способной обеспечить объяснение, предсказание и понимание исследуемых явлений; *объективность* – требование избавиться от индивидуальных или групповых пристрастий, непредвзято и без предрассудков изучать объекты так, как они существуют сами по себе, независимо от субъекта, исходящего из определенной точки зрения; *совместимость* – убеждение, что новое знание должно в целом соответ-

ствовать имеющимся в рассматриваемой области законам, принципам, теориям; *критичность* – готовность подвергнуть полученные выводы проверке и критике с целью обнаружения ошибок и построения более совершенной теории; *открытость* – возможность свободного обмена информацией в рамках научного сообщества; *воспроизводимость* – повторяемость проведенных другими исследователями наблюдений и экспериментов, причем с теми же результатами.

Допускаемые научным методом способы обоснования образуют определенную иерархию, вершиной которой является эмпирическая аргументация (прямое и косвенное подтверждение в опыте). Далее следует теоретическая аргументация (дедуктивная и системная аргументация, методологическая аргументации и пр.). Контекстуальная аргументация (ссылки на традицию, авторитеты, интуицию, веру, здравый смысл, вкус) считается менее убедительной, а иногда и вовсе сомнительной. Вместе с тем в науке используются любые приемы аргументации, не исключая даже некорректных приемов. Научный метод не содержит правил, не имеющих или в принципе не допускающих исключений. Из этого не следует, что все реальные используемые в науке методы и приемы аргументации равноценны и безразлично, в какой последовательности используются.

Универсальное и необходимое утверждение о связи явлений называется научным законом. Универсальность закона означает, что он распространяется на все объекты своей области, действует во всякое время и в любой точке пространства. Необходимость, присущая закону, является не логической, а онтологической. Она определяется не структурой мышления, а устройством самого реального мира, хотя и зависит от иерархии утверждений, входящих в научную теорию. Научные законы, относящиеся к широким областям явлений, выполняют одновременно функции описания и оценки. В качестве описаний они должны соответствовать эмпирическим данным и эмпирическим обобщениям. Вместе с тем научные законы являются также стандартами оценки как других утверждений теории, так и самих фактов. Если роль ценностной составляющей в научных законах преувеличивается, то они становятся лишь средством для упорядочения результатов наблюдения, и вопрос об их соответствии действительности (то есть об их истинности) оказывается некорректным. Если же абсолютизируется момент описания, то научные законы предстают как прямое, однозначное и единственно возможное отражение фундаментальных характеристик бытия.

Теория всегда имеет иерархическое и ступенчатое строение. С каждой новой, более высокой ступенью иерархии увеличивается ценностное значение утверждений, относящихся к этой ступени; возрастает их сопротивляемость попыткам опровергнуть или отказаться от них, усиливается их роль как критериев оценки иных положений, принадлежащих более низким ступеням. Если не только общие принципы теории, но и все ее законы и даже некоторые факты ценностно нагружены, то очевидно, что ценности неизбежны в структуре любого знания – как гуманитарного, так и естественнонаучного. И поскольку ценности входят в научное знание не в виде явных оценок, то требование устранять ценность из науки оказывается невыполнимым.

Л.В. Суркова в статье «Ценность науки: реальность и иллюзии» отмечает, что наиболее продуктивной позицией в рассмотрении ценностного статуса науки является концепция поля социума, которое выступает как синтетическая пространст-

венно-временная субстанция социального бытия. Универсальный характер практики с этой точки зрения определяет характер взаимной презентации субъектов социума. «Онтологизированное понимание сознания, основанное на учете его специфики и неизбежности его укорененности в бытии, дает возможность развернуть реальную онтологию ценностного сознания, в том числе онтологию ценности науки. В основу такого рода онтологии, - пишет Л.В. Суркова, - может быть положено представление об образовании ценности как одним из аспектов смыслообразования, являющегося в свою очередь центральным звеном сознания. Актуальная деятельность, или, другими словами, практика (рассматриваемая в том числе как практика сознания), осуществляется как одновременное изменение форм самой этой деятельности и условий ее осуществления» [2].

Ценность одновременно со смыслом возникает на пересечении пространственно-временных линий поля сознания социума. Она, с одной стороны, представляет историческое время культуры социума, а с другой – весь «срез» социальных условий, которые существуют на данный момент. Такое понимание генезиса ценностей позволяет, во-первых, понять науку как многомерную характеристику, которая лишь частично входит в область осознанного, а во-вторых, понять ценность научного знания с учетом неизбежности иллюзии полноты представлений о данной ценности, так как сознанию свойственно принимать очевидную ценность в качестве абсолюта и не делать скидку на то, что всегда существуют еще не осознанные ценностные пласты любого научного исследования.

Ценностное понимание науки поэтому не может быть сведено к принципу относительности ценностей научного открытия, научной теории, научного познания в целом. Она объективно развертывается в пространстве и времени научно-исследовательской практики человечества. Связь науки с системой ценностей общества, а также понимание социальной ценности самой науки, не может рассматриваться только как социокультурная обусловленность и социокультурная ценность научного знания. Если исходить из многомерного понимания научно-исследовательской практики как развивающегося континуума, в котором соединяются достигнутые обществом технологии и акт создания нового, то можно прийти к выводу, что само возникающее научное знание многомерно, а его структурная и процедурная стороны отражают динамичный процесс реорганизации пространства мыслительных форм и создания новых возможностей знания.

Ценность науки в каждом из ее социальных проявлений не задана заранее, поскольку она базируется не только на логически предсказуемых операциях исторического процесса научного познания, но и на спонтанно инициируемых человеческой активностью новых концептуально-логических формах знания, взаимосвязанных с совокупностью всех существующих на данный момент связей и отношений общества.

Литература

1. Ивин А.А. Аксиология. – М., 2006.
2. Суркова Л.В. Ценность науки: реальность и иллюзии. Электронный документ. Режим доступа: <http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2002>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.Н.Ватыль

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Противоречивые процессы преобразования и реформирования всей системы социальных отношений породили в нашем обществе острую потребность в создании оптимальной стратегии политических трансформаций, отвечающей вызовам времени, – видеть свою страну современным, суверенным и демократическим государством. На путях поиска подобной стратегии теоретики и политики обращаются к различным историческим источникам, в том числе и к российскому политико-идеологическому дискурсу второй половины XIX - начала XX века, где в достаточной степени представлены различные стратегии политических трансформаций.

Для того, чтобы избежать ошибок и потрясений, политической и интеллектуальной элите России того времени необходимо было ответить на ключевой вопрос, порожденный социальной драматургией новоевропейской истории – переходом от традиционного общества к современному: как избежать на этом пути социального хаоса и при этом идти к утверждению человеческой свободы и социальной справедливости? Этот основополагающий вопрос стал основой создания различных стратегий политических трансформаций. Российские ученые и идеологи исходили из того, что социальную трансформацию страны возможно осуществить при определенной организации и применении государственно-властного ресурса. В этом их убеждал как общетеоретический, так и исторический анализ взаимоотношений общества и государства.

В основе либеральной стратегии политических трансформаций находится учение о гарантированно правовом государстве как разновидности демократического типа государства. Полюса и границы взаимоотношений государства и личности становятся базисом методологического и теоретического анализа в этой стратегии. Философским системообразующим принципом гарантийного государства стал принцип автономии личности и ее безусловного значения.

На этой основе российские либеральные теоретики создали систему гарантий: а) правовое единство государства; б) принцип разделения властей; в) приоритет права во всех областях; г) гарантия прав личности. Это способствовало утверждению либерально-демократических ценностей в реальной политической действительности. Целевая установка этой системы ориентирована на ограничение государства как извне, так и изнутри. Каждая из гарантий являла собой аргументированную совокупность органически-составных частей технологии разрешения проблемы взаимоотношений личности и государства. Дуализм сущего и должного в учении о гарантийно-правовом государстве разрешался с помощью политико-правовых средств, представляющих собой «кровеносные сосуды» этого государства.

Консервативная стратегия политических трансформаций представляет тот тип политической мысли, политической идеологии в России, главным системообразующим принципом которой выступают традиция и авторитет. Консервативная

стратегия политических трансформаций включала такие элементы, как сильная государственная власть, принцип социальной иерархии и строгой дисциплины, осторожное отношение к переменам, отрицание резких скачков и революционных переворотов, признание зависимости прав и свобод граждан от обязанностей и конкретно-исторических условий, степени развития их правосознания и политической культуры. В условиях быстро меняющейся общественно-политической и экономической ситуации российским консерваторам не удалось сохранить баланс между старым и новым, хотя попытки такие предпринимались.

Тип российской пореформенной модернизации – в форме «догоняющего» капитализма, отягощенного многочисленными пережитками прошлого, – обусловил и стимулировал интерес к социалистической стратегии политических трансформаций. Ее основу составили идеи марксистского варианта социализма – формационного развития общества, быстрого и радикального преодоления отсталости, освобождения от социально-политического неравноправия, которые российские социалисты пытались применить к особенностям современной России. Анализ содержания социалистической стратегии политических трансформаций показывает, что она изначально притязала на роль системного учения и идеологии опережающего развития. Об этом свидетельствует характеристика основополагающих черт социалистического общества, а также средств и методов их воплощения.

Достижение целевых политико-программных установок как синонимов социальной устойчивости и стабильности, а также разрешение обозначенного социального конфликта той исторической эпохи возможно было при условии творческого синтеза западноевропейских образцов и российской политической традиции. В результате их освоения российскими теоретиками и идеологами были предложены модели политического прогресса применительно к историческим реалиям начала XXI века. В этом было их преимущество. Однако, разделенные межгрупповой конфронтацией, они не смогли осуществить главное – консолидировать общество на основе такой стратегии политического развития, которая позволила бы органично соединить три системообразующих начала – личность, общество и государство – в единое целое.

Объяснительные модели истории политических изменений продуктивны и в осмыслении современных политических трансформаций. Их можно использовать, в первую очередь, как полезный методологический и гносеологический инструментарий в оценке транзитологической парадигмы демократизации.

Сегодня уже совершенно очевидно (хотя этот факт еще недостаточно отрефлексирован), что политическое развитие постсоветских стран может идти по множеству разнонаправленных траекторий. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, скажем, политические институты и политические процессы в Украине и Туркменистане, Литве и Таджикистане, Белоруссии и Эстонии и т.д.

В постсоветском пространстве складывается чрезвычайно широкий спектр политических режимов, структур распределения и воспроизводства власти, формируются разные политические системы. В одних странах завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в других такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления. Различия на-

столько велики и беспрецедентны, что перед современным политологическим сообществом встает задача существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии.

Опыт политических трансформаций «третьей волны» отчетливо продемонстрировал, что институциональная стабилизация и режимная консолидация *per se* далеко не равнозначны консолидации либеральной демократии. Более того, в подавляющей части «случаев» они означают прежде всего стабилизацию наличного властного режима, обеспечивающего устойчивое воспроизводство сложившейся системы властных отношений, функционирования и распределения власти. В свою очередь, это предполагает элиминацию оппозиции как сколько-нибудь влиятельного политического актора, а также создание и поддержание механизмов легитимации существующего режимного порядка, которые – с учетом имеющихся у власти административных и иных ресурсов – минимизируют (как бы «в пику» формуле А. Пшеворского) неопределенность результатов осуществления формальных процедур. При этом такой режим отличает относительно слабая институализация – процедуры либо нарушаются, либо оказываются фасадом «реальных» и неинституализированных властных отношений.

Поднятые проблемы режимной консолидации заставляют задуматься и о том, правы ли мы, рассуждая, в частности, о траекториях посткоммунистических трансформаций в терминах «переходности», особенно спустя полтора десятка лет после начала собственно «транзита». Куда, допустим, сегодня «переходят» Туркменистан и Белоруссия, Таджикистан и Казахстан или та же Россия? Не случайно в аналитическом лексиконе появился целый набор понятий, пытающихся отразить не «переходную», а «ставшую» природу нынешнего политического режима России, – «управляемый плюрализм» (Х. Бальзер), «электоральный» (А. Шедлер), «конкурентный» (Д. Кольер и С. Левитски) и «бюрократический» (Л. Шевцова) авторитаризм, «моноцентризм» (И. Бунин) и др.

Очевидно, что эти страны уже «перешли» туда, куда в западных условиях и с учетом конкретных обстоятельств могли «перейти». Система власти в них (при том что она недостаточно институализирована) вполне отстроена и обеспечивает достаточно стабильное самовоспроизводство; оппозиция, если не элиминирована, то не выступает в качестве влиятельного политического фактора; гражданское общество недоразвито; право функционально по отношению к самому режиму; неопределенность результатов использования демократических процедур, прежде всего электоральных, сведена к минимуму. Причем это отнюдь не означает завершения и прекращения реформ. Нет, те или иные внутрисистемные реформы могут продолжаться, но они принципиально ограничены существующими режимными рамками.

Если логика (и подтверждающая их фактура) наших рассуждений верна, применительно к результатам и итогам «третьей волны» мы имеем дело не с «переходными», а с вполне консолидированными политическими режимами нового типа, которые никак не вписываются в логику «растянутой демократизации». Просто вектор их политического развития оказался не совсем таким (а точнее совсем не таким), как предполагалось в линейной «транзитологической парадигме». Поэтому, с аналитической точки зрения, сейчас гораздо продуктивнее не рассуждать о возможностях их дальнейшего «перехода к демократии», а разобраться в особенно-

стях уже произошедших режимных изменений. Примерно об этом и говорят С. Левитски и Л. Уэй, когда предлагают «прекратить думать об этих случаях в терминах перехода к демократии и начать размышлять о специфических режимных типах, которыми они и являются». М. Оттауэй объединяет эти режимные разновидности под рубрикой «полу-авторитаризма», который он понимает как тщательно выстроенные поддерживаемые альтернативные системы, а не как неудавшиеся демократии или демократии в состоянии транзита.

В данной связи возникает серьезная проблема пределов и ресурсов институционального строительства «новых демократий». По мнению многих аналитиков, возникновение политических «гибридов» и неавторитарных режимных разновидностей было в значительной мере обусловлено слабостью институционального дизайна и недостатками конкретного институционального строительства.

Практика демократических транзитов «третьей волны» показывает, что формальная «инаугурация» демократии, т.е. провозглашение демократических институтов и процедур «электоральной демократии», отнюдь не предопределяет общий исход трансформационных процессов. Формальные электоральные процедуры зачастую представляют собой не ключевой компонент «электоральной демократии» как промежуточной фазы на пути к демократической консолидации, о чем так любят говорить оптимисты «глобальной демократизации», но совершенно иной политической феномен – а именно, трансформацию одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией «новой автократии».

Основополагающая теоретико-методологическая установка «транзитологической парадигмы», трактующая современные политические трансформации как движение от авторитарного режима к консолидированной демократии, требует серьезного переосмысления. Тот факт, что транзит зачастую означает не «векторный» переход к либеральной демократии, а трансформацию недемократических режимов одного типа в не- (нео-) демократические же режимы иных разновидностей, не просто взрывает линейную логику, но ставит перед нами сложнейшую исследовательскую задачу – разработать новую концептуальную рамку режимных изменений и новую детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов.

ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

С.П. Винокурова

Белорусская государственная Академия искусств, г. Минск, Беларусь

Предлагаемое размышление продиктовано желанием привлечь внимание научной общественности к проблеме устойчивых и изменчивых моментов во взаимодействии науки и культуры. Особый интерес представляет это взаимодействие в современном обществе, где оно по сути своей является инновационным, так как разворачивается в исторически уникальной ситуации, обусловленной стремительными темпами роста объема информации. Циркуляция новых потоков знания порождает парадоксальную ситуацию. Новая информация из-за своих объемов становится труднодоступной и в этом плане избыточной, вместе с тем именно в силу указанных особенностей это же знание объективно представляется недостаточ-

ным. Все это накладывает свой отпечаток на развитие науки и культуры, требует конкретного изучения особенностей развития науки на фоне преобразований культуры и общества в целом.

С расширением проблемного поля науки и вовлечением в научные исследования новых и новых объектов реальности меняется научный инструментарий и в целом исторический облик науки. Культура, в свою очередь, также претерпевает заметные изменения. Переход не только науки, но и культуры в область высоких технологий в значительной степени актуализирует вопросы их взаимодействия, остро ставит вопрос о роли науки и культуры в системе социально прогнозируемых проектов. Вместе с тем, попытка вывести причинно-следственные связи между социокультурной обстановкой и состоянием науки наталкивается на ряд трудностей.

Рассмотрение данного вопроса целесообразно начать с констатации аксиоматических положений, утверждающих наличие связи между наукой и категориями культуры, а также признающих наличие разнообразных уровней этого взаимодействия как на всеобщем, глобальном уровне, так и на конкретном, вплоть до индивидуально-психологического. При этом, прежде всего для понимания взаимодействия науки и культуры, важно учитывать общий социокультурный фон с его нормами, стилем и даже мироощущением. В настоящее время отличительной особенностью этого фона является нарастание в обществе острых сиюминутных проблем, оказывающих все более заметное давление на науку, стремящихся лишить науку автономии и подчинить научные исследования повседневным, прикладным нуждам. В такой ситуации все сложнее становится улавливать социальный запрос, обращенный к науке. Накопленные знания, умения, навыки и ценности науки устаревают настолько быстро, что человек, начинающий научную тему не всегда может быть уверен, что он сможет ее успешно завершить или представить через несколько лет общественности в качестве научного подхода. В результате именно науку порой начинают упрекать за неэффективность принятых решений. Устойчивость научного подхода в объяснении тех или иных явлений становится практически недостижимой мечтой, статус научности подвергается проверке и зачастую не выдерживает критики.

В связи с этим претерпевают значительные изменения практические задачи науки, проблемой становится выработка индикаторов степени научности знаний, требуют убедительного обоснования критерии практической эффективности научных достижений. Научное знание становится предельно динамичным и наглядно обнаруживает связь со всей духовной культурой.

Цели науки, организацию институтов, методы, стиль научного мышления, достижения и неудачи в сфере научной деятельности нельзя понять вне контекста жизни и культуры народа, общества. Здесь далеко не все зависит от свободного полета мысли и индивидуального творчества. В частности, новая идеология и новая власть не могут сами по себе предложить какую-то новую форму науки, но, обладая, по выражению Мишеля Фуко, разнообразными техниками власти, возможностями в конструировании моделей видения, безусловно способны оказывать существенное влияние на развитие науки и культуры. Научная информация об особенностях и тенденциях развития общества, если она расходится с официальной идеологией, с огромным трудом может стать достоянием общества. Зстой научной мысли может быть результатом не только процессов, происходящих в самой науке, но и показателем, и даже следствием прямого администрирования в науке.

Особенностью социокультурного воздействия на науку является изменение политики приоритетов в развитии отдельных отраслей знаний. Так, в области гуманитарного знания это выражается в исчезновении целого ряда научных дисциплин, статус которых в обществе еще вчера не подвергался никакому сомнению. Кто в научной среде сегодня вспоминает о научном коммунизме, истории КПСС, политэкономии социализма? А ведь эти дисциплины в области гуманитарного знания еще недавно занимали приоритетные позиции. На основании такого рода исследований получено не одно ученое звание, помогающее занять ключевые должности в научно-образовательной сфере. Целые поколения гуманитариев были воспитаны на изучении истории КПСС и научном коммунизме. Однако и тогда история КПСС изучалась и подавалась общественности как деятельность «безличностной» партии. В частности, из нее была исключена фигура руководителя партии - Сталина. В настоящее время историческая роль Сталина уже не замалчивается, но исчезла сама история КПСС. Кандидаты и доктора, защитившие диссертационные работы по специальности история КПСС, научный коммунизм, постепенно преобразовались в специалистов по политологии, культурологии и т.п., что позволило им внешне откеститься от старых подходов. Одновременно в научной сфере начали пробивать себе дорогу научные дисциплины, которые в недавнем прошлом были бы однозначно отнесены к мистике и антиподам науки. Так, в государственных вузах функционируют теологический факультет, изучают нетрадиционную медицину, астрологию, валеологию, готовят специалистов в области дизайна виртуальной среды.

Каким образом можно разобраться в этих процессах? Что в этой ситуации может дать наука обществу, новым поколениям ученых? Этот вопрос напрямую затрагивает суть и содержание образовательных и обучающих методик. Но наиболее глубокий пласт проблем обусловлен ситуацией межпоколенной трансляции культуры в целом. Динамика социальных процессов настолько велика, что нынешние дети живут в обществе, радикально отличном от общества, в котором выросли их родители. Межпоколенная трансмиссия культуры проявляется в том, что впервые в истории человеческого общества темпы смены новых поколений орудий труда стали заметно опережать смену поколений непосредственных производителей. На протяжении жизни только одного поколения, на протяжении активной трудовой деятельности отдельного человека (то есть за 40-50 лет) в передовых отраслях сменяется несколько поколений техники, и этот принцип начинает охватывать экономическую жизнь общества в целом.

Наука по сути своей является интернациональной, если ее рассматривать как систему знаний. Вместе с тем наука выступает в качестве источника интеллектуального потенциала нации и является объектом капиталовложений государственных средств. В этом наука глубоко национальна и является неотъемлемой частью государства и общества. Научная деятельность рассматривается как производство знаний для нужд общества. И сами ученые руководствуются определенными нормами и ценностями, что, согласно Р. Мертону, составляет этнос науки. При этом социальные нормы и ценности могут поддерживать развитие науки или, напротив, способствовать стагнации научных исследований. Соответственно карьера ученого в общественном мнении может представляться престижной и привлекательной или, напротив, занимать в системе ценностей достаточно низкий уровень.

Процессы, происходящие в культуре, оказывают влияние на особенности социальной организации науки. Сложный комплекс проблем затрагивает вопрос о развитии науки как культурной традиции общества. Феномены культуры носят исторический характер и формируются на протяжении продолжительного периода, выбирая из общего потока жизни наиболее существенное и ценное для своего субъекта, передавая из поколения в поколение выверенные опытом нормы и правила поведения. Наличие системы стандартов, норм и эталонов деятельности образует особую рациональность, специфичную для культуры того или иного общества. Вместе с тем в культуре всегда существуют явления, ценимые за свою уникальность и неповторимость. В частности, к таким культурным ценностям относится национальный язык, особым образом гарантирующий самоидентичность социума и историческое воспроизводство народа. Вместе с тем, обогащенный опытом культуры национальный язык испытывает все возрастающее влияние интернациональных тенденций в общественной жизни.

Одна из культурологических опасностей для науки – это пренебрежение к сохранению и развитию национальных языков, деградация и обюрокращивание повседневного языка, утрата традиций обучения родному языку. Овладевая азами грамоты в школе, человек зачастую и после вузовской подготовки не научается грамотно излагать свои мысли, грамотно писать ясным, понятным языком. Не случайно при написании диссертаций одно из требований - дать оценку текста и авторскому стилю.

Новые тенденции в культуре обычно опосредуются новыми понятиями. Мысль как бы ищет формы отражения новой действительности. Вследствие этого понятия могут носить поисковый характер. Порой они выглядят парадоксально, однако время и практика подтвердят их легитимность или опровергнут их.

При анализе современной культуры зачастую в качестве исходных понятий используются представления о кризисе культуры. Безусловно, противоречивая игра экономических и политических интересов дает достаточно оснований для такого рода выводов. Все более очевидной становится процесс «диффузии», взаимного проникновения и сближения различных, в том числе и полярных культур. В результате современная культура развивается, порождая новые проблемы. Одной из таких проблем является всесторонняя характеристика системы ценностей, необходимых современному обществу.

Каковы традиции этой системы и как они согласуются с духом новаторства, присущем культуре в целом? Среди негативных аспектов культуры выделяются потребительский вещизм, неудовлетворительный уровень отдельных продуктов художественной культуры, рассчитанный на массовое сознание, в литературе, публицистике, живописи, музыке, сфере обслуживания, включая рекламу. В обществе не в равной мере реализуется принцип равенства возможностей в овладении ценностями культуры, пользовании благами культуры, включая доступность цен на услуги учреждений культуры и средств массовой информации (театр, музеи, кино, телепрограммы и т.п.). Все эти фрагменты развития требуют аналитического и критического подхода.

Технология современной цивилизации прогрессирует, и вместе с ней эмпирическим фактом является прогресс материальной культуры. Вместе с тем на фоне этого не происходит автоматической рационализации массового сознания. Напротив, иррациональные формы отражения действительности, включая религиозные, получают в этих условиях новый импульс. Современная наука о культуре не может в этих условиях не считаться с самыми различными реально существующими уровнями и способами деятельности в сфере духовной культуры.

Структура современной культуры через сложную систему взаимодействия ее элементов оказывает влияние на развитие науки. Так, признаком высокой культуры в науке является наличие научной общественности, практики свободных дискуссий по сложным вопросам развития общества. Одновременно одной из целей науки является развитие знания о культуре. Одним из необходимых условий развития науки является наличие в обществе философской и культурной инфраструктуры, образующей мировоззренческую и социальную основу ее развития, позволяющую очертить для науки особым образом организованное социальное пространство, в котором возможно осуществлять свободную научную дискуссию.

Наука нацелена на получение объективной картины действительности. Вместе с тем ускорение социальных процессов поставило на повестку дня требование создания универсальных форм, детерминирующих появление высоких гуманистических ценностей. Сложность и неустойчивость динамично развивающейся действительности, как это не парадоксально, увеличивает вероятность реализации достаточно примитивных, механистических форм реальности. В связи с этим синтез науки и культуры означает не только требование социокультурного подхода к анализу состояния и тенденций развития науки, но и реализацию комплексного видения проблем культуры, выступающих в качестве объекта научного исследования.

Возникает также вопрос о выработке адекватных средств и образцов культурологического анализа науки. Арсенал этих средств традиционно сводится к простому соотношению этапов развития науки и этапов изменений тех или иных социокультурных ситуаций. Такой подход, раскрывающий связь науки и культуры, может быть в определенной мере оправдан, но он по меньшей мере недостаточен для понимания реального взаимодействия науки и культуры, так как может фиксировать достаточно случайные обстоятельства.

Культурный пласт научного видения основывается на кооперировании усилий уже в изначальных процессах познания объектов и мира в целом. Эта особенность кооперации, коллективности восприятия вытекает из общих основ познавательной деятельности. Культура в науке – это попытка противостоять индивидуальному произволу в делах и суждениях, стремление преодолеть безответственность в сфере идей и других сферах, где произносятся речи, используются слова, вводятся понятия. Культура в науке – это всегда попытка отстоять ценность разума, сохраняя условия для реализации мнения индивида, защищающего свое убеждение. Научная деятельность – это вид человеческой деятельности, и в этом смысле она не может не ориентироваться на ценности и сознательно осуществляемый выбор. Вместе с тем история науки свидетельствует о том, что наука всегда стремилась уйти от предвзятости, необъективности и выступить в форме ценностно-нейтрального, объективного знания.

Культура, как правило, оценивается с экономической точки зрения и в этом плане подчеркивается то, что культура относится к непроектируемой сфере. Между тем от культурного и образовательного уровня зависит не только успешность научных разработок, научных дискуссий, но и возможности внедрения достижений науки, сознательная дисциплина труда.

Действующая система показателей культурного развития построена именно в рамках экономического подхода. Однако количественные показатели культурного развития (рост клубов, дворцов культуры, библиотек, кинотеатров, музеев) не дает исчерпывающего представления о содержательных процессах в сфере культуры. Не менее важно учитывать реальный уровень потребностей населения в культурных ценностях. С позиций политики в области культуры важно представлять, какой

масштаб потребностей будет через 10-15 лет и в далекой перспективе. Кроме того, важно определить какой масштаб следует считать целесообразным и достаточным. В этом плане научного обоснования требует вопрос территориального размещения клубных учреждений, театров, внедрения в кинотеатрах новых технических средств. При этом для общества наиболее сложными оказываются не проблемы экономического или технического характера, а именно социальные проблемы, связанные с ролью кинопроката, книг, газет, журналов, телевидения в жизни человека. Учитывая это, специалисты по планированию и управлению в сфере культуры должны опираться на научный анализ прежде всего именно социальных аспектов культуры. При этом необходимы объективные критерии, количественные и качественные показатели. Важную роль в повышении уровня исследований сферы культуры должно играть систематизация понятий, уточнение категориального аппарата.

Суть задачи науки о культуре – отражать реальные процессы культурного развития. Следует отметить, что в белорусской культуре и науке сформированы национальные кадры, произошла заметная дифференциация исследовательской традиции, возникли новые центры, специализирующие на разработке актуальных проблем культуры и искусства. Наука в целом и науки о культуре переживают период творческих поисков, связанных с исследованием и обобщением новых явлений общественной практики и результатов развития духовной культуры. Растет поток научной литературы, и расширяется проблематика научных исследований, в том числе и междисциплинарных.

Необходимость комплексного знания о культуре особенно важна с позиций практики. Ибо если отдельный исследователь вправе абстрагироваться от множества проблем, четко обозначив поле своего специфического исследования, то для практики необходимо синтезированное знание о сложных процессах культурного развития, включающее весь объем научных представлений о данном объекте. При этом в эпоху стремительных перемен и самых больших для человека опасностей новое должно рождаться при бережном и глубоком постижении и использовании традиций всей человеческой культуры.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА, ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АГРОЭКОТУРИЗМЕ

Н.Н. Власюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Историко-культурное наследие юго-западной части Беларуси (Прибужского региона) имеет большой пласт до конца не изученной, самобытной культуры, истории белорусского народа. Это не только величественные руины замков, элементы сохранившихся дворцово-парковых ансамблей, усадеб, монастырей, фортификаций, но и представляющая интерес деревянная архитектура приграничных сел, не тронутых войнами, а порой и цивилизацией XX века, расположенных в непосредственной близости от национального парка Беловежская пушча. Этот регион представляет особый интерес для развития различных видов туризма.

«Устойчивый» агротуризм. Как известно, туризм во всем мире является важным сектором развития экономики. Для Беларуси это особенно важно и актуально еще и в связи с поддержанием и сохранением историко-культурного наследия в удаленных регионах, где нехватка средств для поддержания памятников наиболее ощутима.

В Беларуси у агротуризма действительно большое будущее, сегодня насчитывается порядка 250 действующих усадеб, и это только начальная стадия. Планируется увеличение до 1000-1500 объектов. Не вдаваясь в подробности насыщения туристской программы, хотелось бы остановиться на архитектуре, внешнем облике предлагаемых усадеб.

Около 95% представленных сельских усадеб не имеют ничего общего с национальной, традиционной архитектурой Беларуси, региона. Как правило, это современная коробка – коттедж, построенный из силикатного кирпича, или послевоенный деревенский дом, облицованный, как правило, тем же кирпичом с интерьерами в духе 90-х гг. – часто безвкусно, с налетом китча. Мало кто из хозяев применяет или имеет представление о региональных строительных приемах, богатых традициях региональной декоративной резьбы, украшениях домов шляхты и крестьянского жилья. Это и соллярные символы на фронтонах, характерные для западного Полесья; орнаменты на основе геометрических композиций барочного и классического стиля, характерные для центральной Беларуси; пропильные узоры, характерные для юго-восточной региональной традиции, и некоторые другие [1]. На сегодняшний день объектов деревянной архитектуры становится все меньше.

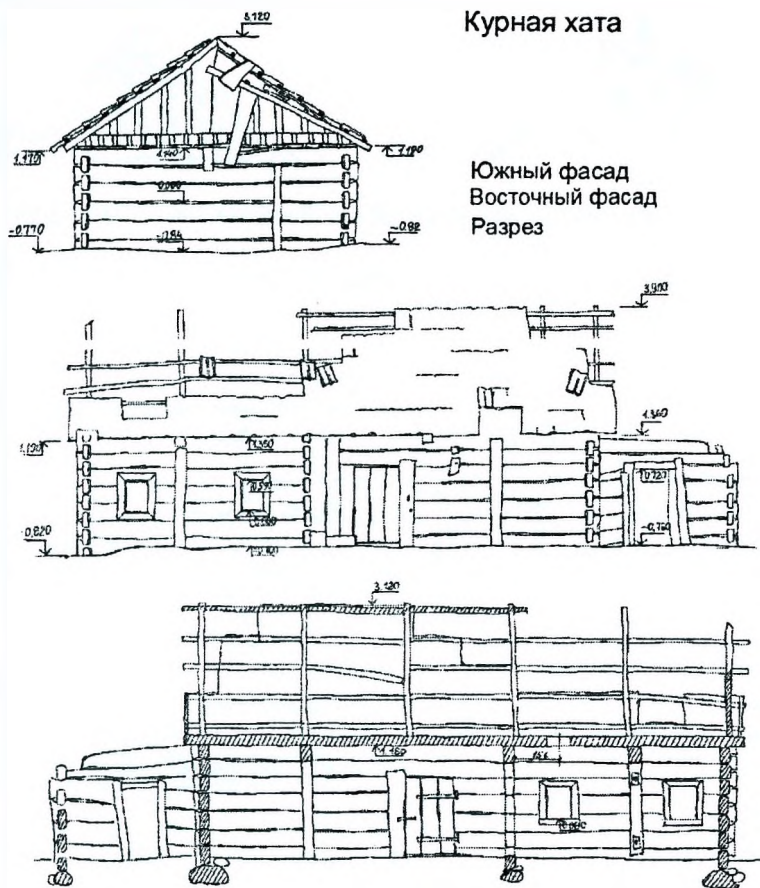
Если говорить о привлечении наших и особенно иностранных туристов, то прежде всего их интересует не столько комфорт, сколько аутентика (условия жизни, натуральная пища, местная архитектура, традиции и фольклор). Поэтому считаю, что при организации и строительстве домов, предназначенных для агротуризма, необходимо применять черты региональной, местной архитектуры. Для этого следует знакомить владельцев с особенностями архитектуры регионов Беларуси. Необходима разработка каталога, где были бы собраны по регионам наиболее характерные примеры построек с их адаптацией для сегодняшнего времени: конструктивные элементы; конструкции крыш; элементы деревянной резьбы фронтонов, наличников, козырьков; различных кованых элементов, хозяйственные постройки; малые архитектурные формы. Большинство возможных объектов туристского показа нуждаются в восстановлении, реконструкции, обустройстве подъездных путей, смотровых площадок и т.д. Проблема состоит не в том, что памятник истории плохо сохранился или полуразрушен (в Греции, например, именно это и интересно туристам), а в отсутствии «изюминки», которая может привлечь туриста. Ведь его интересуют не только памятники истории и архитектуры, но и само место, его уникальность.

Наследие Прибужского региона. В качестве примера выявления имеющегося историко-культурного наследия, в т.ч. деревянной архитектуры села, можно привести опыт международных инвентаризационных семинаров, которые проходили несколько лет назад и охватывали южную часть региона Беловежской пущи на польской и белорусской сторонах – «Пуща без границ», а также личных обследований данного региона.

Культурное наследие Прибужского региона – это результат многовекового напластования различных культур. Это наследие, которое имеет общемировую ценность. Архитектурных объектов сохранилось не много. Большинство из них находятся в плохом техническом состоянии. Однако их культурную и художественную ценность тяжело переоценить. Они существуют как свидетели событий, которые происходили на этих землях. С каждым местом связаны воспоминания жителей, описания важных для этих мест дат, событий, личностей. Здесь создается впечатление, что время остановилось несколько десятилетий назад.

Среди обследованных объектов следует отметить в первую очередь деревню Рожовка Каменецкого района, находящуюся в самом центре южной части Бело-вешской пущи. Это – реликт традиционной компактной деревенской застройки. Деревня построена в два тесно растянутые вдоль дороги ряда. Участки имеют вытянутую прямоугольную форму, идущую далеко в поле к самой пуще. Деревню минули войны и исторические перемены, она стоит на первоначальном месте. Через всю деревню от церкви идет улица из брусчатки. Дома расположены фронтонами к улице и отделены от нее забором.

Особый интерес представляла разобранный для последующей реставрации в 2007 году старейшая в деревне курная хата, датируемая 1837 годом [2]. Размер в плане 5,3 x 10,1 метров (рис. 1). Хата состоит из одного жилого помещения, сеней и каморы. Стены высотой 1,3 метра состоят из шести рядов бревен, связанных в углах в замкнутый венец. Окна 45 x 55 см, находящиеся в жилой комнате, друг напротив друга. Внутри жилище было побелено. Большую часть жилого помещения занимала открытая печь, сама хата топилась по-черному. Пол – глинобитный. По данному объекту выполнены обмерочные чертежи, графическая реконструкция дома, произведена фотофиксация.

Курная хата

Южный фасад
Восточный фасад
Разрез

Рис. 1 – Обмерочный чертёж курной хаты (1837 г.) в д. Рожовка (вып. Н. Власюк в 2002 г.)

Представляет интерес с точки зрения декора деревянная резьба щитов и наличников хат (рис. 2). Более десятка разновидностей резьбы с солярными и христианскими символами, элементами растительного орнамента с прорезными датами построек 1929-1938 гг.

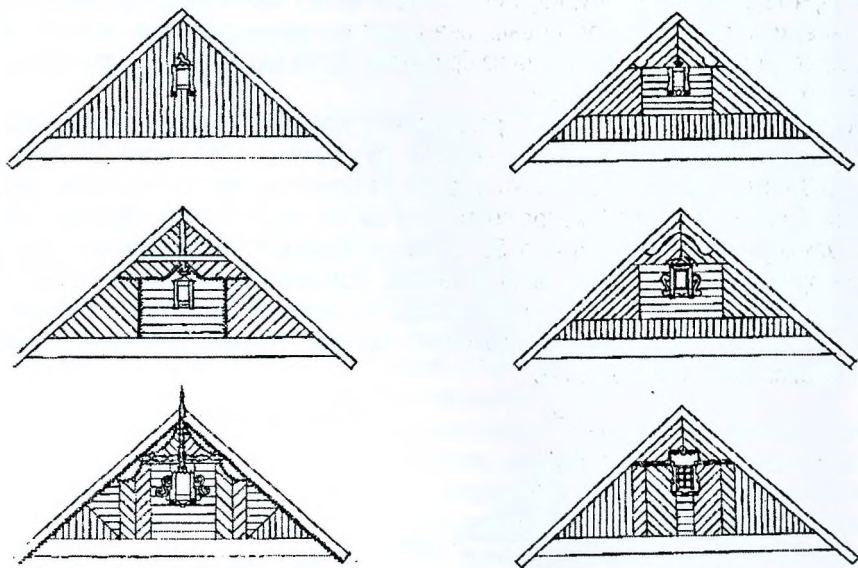

Рис. 2 – Типы декоративных щитов в д. Рожковка (рис. Г. Лапинской)

В д. Чвирки сохранился уникальный каменный колодец XIX века (на фундаменте из дуба) – 1,6х1,9 м, глубиной около 3 м (рис. 3).

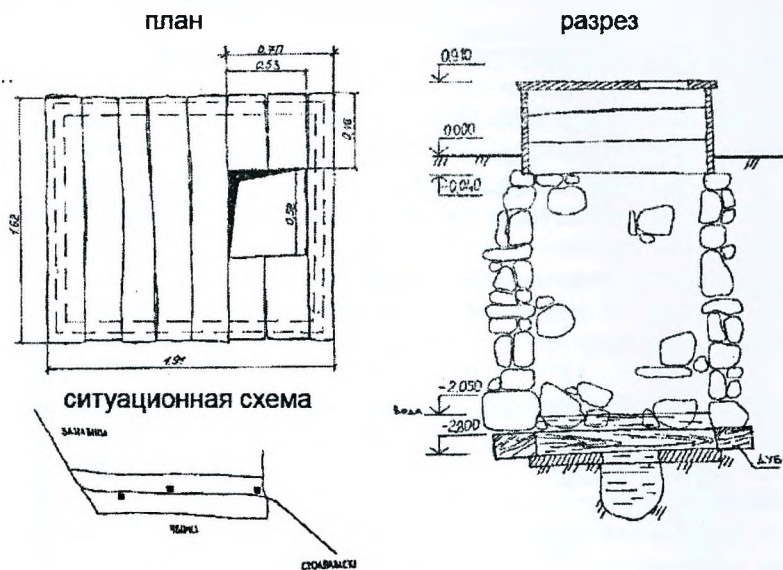

Рис. 3 – Каменный колодец XIX в. в д. Чвирки Каменецкого р-на (вып. Н. Власюк в 2002 г.)

Усадьба рода Ротов в д. Капылы Каменецкого района (рядом с польской границей) с сохранившимся, частично перестроенным усадебным домом и хозяйственными постройками (уникальная конюшня в стиле модерн 1908 года (рис. 4) – разрушена в 2008 году, амбар из красного кирпича 1911 года, свинарник). Сохранился парк с элементами пейзажной и регулярной планировки, каштановыми, грабовыми и липовыми аллеями по периметру, водоемами, боскетами, фруктовым садом, фрагментами малых форм. В настоящее время загрязнен свалками мусора из соседних совхозов. По объекту выполнены обмерочные чертежи хозяйственных построек, генплан усадьбы с парком, произведена фотофиксация.

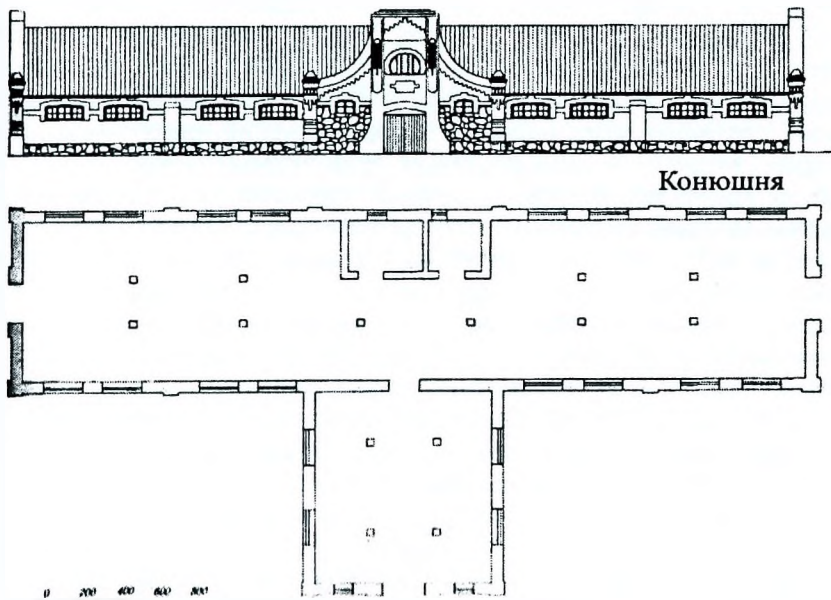

Рис. 4 – Обмерочные чертежи хозяйственных построек в д. Капылы Каменецкого р-на (вып. А. Лукша, Н. Власюк в 2002 г.)

Усадьба рода Высоцких в д. Лумно Каменецкого района. Деревянный усадебный дом кон. XIX века, конюшня из тесанного камня и красного кирпича, пейзажный парк около 3 га с двумя грабовыми и каштановыми беседками. Сохранилась на хоздворе коллекция зимних саней XIX-XX вв., представляющих также интерес для экспозиции.

Заключение. В каждом предлагаемом турпродукте должен присутствовать этнический акцент, аутентичность. Он должен отвечать высоким экологическим требованиям. Необходимо создать адаптированный к современным условиям каталог для проектировщиков, владельцев агроусадоб, районных архитекторов, где были бы собраны по региону наиболее характерные примеры и приемы построек с различным оформлением декора, элементами благоустройства и т.п.

Литература

1. Малков И.Г. Декоративная домовая резьба в архитектуре усадебного дома.
2. Пушча без межаў: матэрыялы міжнар. белар.-польскіх інвентарызацыйных семінараў гіст.-культ. спадчыны рэгіёна Белавежская пушча / Под ред. Н.Łapinska – Białowieża-Kamieniuki, 2003. – 192 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЕНСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ДУХОВСКОГО БРАТСТВА В 1865-1914 гг.

С.М. Восович

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Открытие Свято-Духовского братства состоялось 6 августа 1865 г. Восстановленная братская организация имела целью «служение нуждам и пользам Православной церкви в северо-западном крае России и содействие к распространению духовного просвещения в народе» [1, с. 596]. Согласно поставленной цели братство обязано было заниматься строительством православных храмов, заботиться об их благоустройстве и украшении; оказывать помощь и всевозможное покровительство лицам, принявшим православие или оказавшим «услуги православно-русскому делу в крае»; выделять пособия церковным (православным) и народным школам, снабжать их учебниками, книгами на церковно-славянском и русском языках, другими школьными принадлежностями. Братство планировало организовывать при указанных школах библиотеки из книг, «наиболее пригодных и полезных народу, как в видах общего просвещения, так и для ограждения его от влияния польской пропаганды»; издавать сочинения, направленные «к обличению нареканий, клевет, происков и всевозможных посягательств на чистоту и целостность православия» [1, с. 597].

В первые годы братство сосредоточило свою деятельность на благоустройстве храмов, помощи бедным и оказании материальной помощи лицам, присоединившимся к православию. В течение первых десяти лет было истрачено на благоустройство храмов 7265 руб., что составляло 14 % всех расходов в указанный период. Особенно значительными расходы были во второй и четвертый год деятельности братского объединения: в 1866/1867 братском году они составили 2017 руб. 62 коп., а в 1868/1869 братском году – 1728 руб. 50 коп. В последующее время расходы на благоустройство церкви уменьшались, за исключением 1878/1879 и 1880/1881 братских годов. Сокращение расходов было вызвано выделением значительных сумм правительством на строительство и ремонт церквей в Северо-Западном крае. К тому же сами прихожане стали больше заботиться об украшении своих храмов. В 1885/1886 братском году братство вообще не выделило денег на обновление церквей и покупку церковной утвари; оно лишь передало четырем храмам Литовской епархии некоторые предметы из своего склада. С середины 1880-х гг. совет Свято-Духовского братства, выполняя обязанности епархиального училищного совета, сконцентрировал свою деятельность на открытии и содержании церковных школ, оказании им материальной помощи. Следует признать, что впоследствии Виленское церковно-общественное объединение продолжало заниматься церковно-благоустроительной деятельностью. Причем указанная братская организация выделяла деньги не только на строительство, ремонт и украшение сельских церквей, но построило или приняло участие в возведении в течение 1892-1913 гг. четырех братских храмов в г. Вильно: Архангело-Михайловской церкви-школы (8 мая 1892 г. – 3 сентября 1895 г.), Свято-Алекса́ндро-Невской церкви-школы (1895 г. – 28 октября 1898 г.), Знаменской церкви-школы (14 октября 1899 г. – 1 июня 1903 г.), Свято-Константино-Михайловского храма-памятника (14 мая 1911 г. – 13 мая 1913 г.). Виленское братство помогало церквам и богослужебными предметами.

С первого года существования Свято-Духовское братство активно содействовало развитию системы народного образования. Оно оказывало материальную помощь народным школам, не имевшим первоначально ни книг, ни подготовленных учителей. Братство передавало в такие школы книги и учебники на русском языке, устраивало при них библиотеки, выплачивало жалованье и выдавало денежные пособия некоторым учителям. Помимо этого братский союз оказывал помощь бедным ученикам и воспитывал полностью на братские суммы некоторых сирот. Братская организация учреждала стипендии в различных учебных заведениях и содержала некоторые школы. Например, с 1869 г. по 1874 г. она заботилась об учебном заведении, находившемся в братском доме на Заречье; в 1872-1888 гг. содержала приют для малолетних сирот православного вероисповедания. Причем расходы на народное образование ежегодно увеличивались до 1870/1871 братского года. В шестой год деятельности они достигли 3296 руб. 58 коп., что составило 54,5 % всех расходов в указанное время. В целом, затраты братства на народное образование за первое десятилетие составили 18 % всех расходов (свыше 9800 руб.). С середины 70-х гг. XIX в. братство ограничивает свою поддержку народным школам. Это было вызвано как открытием учительских семинарий в Северо-Западном крае, так и увеличением расходов правительства по содержанию народных школ.

6 августа 1884 г. братский совет, по предложению архиепископа Литовского и Виленского Александра, принял на себя обязанности епархиального училищного совета. С этого времени братство сосредоточило свою деятельность на открытии и благоустройстве церковных школ, что закономерно привело к увеличению расходов, связанных с развитием учебных заведений Св. Синода. В течение 1884/1885 – 1888/1889 братских годов Виленская церковно-общественная организация истратила на эти цели 7358 руб. 69 коп. [таблица 1].

Таблица 1 – Сумма, израсходованная Свято-Духовским братством, на развитие церковных школ

Годы	Сумма, израсходованная на церковные школы (в руб.)	Общая сумма расходов (в руб.)	Процентная доля расходов на церковные школы
1884/1885	1147,46	5692,80	20,15 %
1885/1886	970,94	7217,24	13,45 %
1886/1887	1443,47	8388,68	17,20 %
1887/1888	2375,48	12727,24	18,66 %
1888/1889	1421,34	8768,14	16,21 %

Заботясь об обеспечении церковных школ достойными учителями, Свято-Духовское братство в здании закрытого приюта устроило в 1888 г. церковно-учительскую школу. Данное учебное заведение просуществовало недолго (было закрыто в 1892 г.), так как, по мнению ее создателей, школа перестала соответствовать своему назначению.

Из-за трудностей, вызванных необходимостью часто собирать заседания братского совета, архиепископ Литовский и Виленский Алексей 25 сентября 1887 г. предложил совету создать в качестве отделения специальную совещательную ко-

миссию по церковным школам. А 6 августа 1892 г. архиепископ Литовский и Виленский Донат отделил епархиальный училищный совет от совета братства из-за неудобств, возникших от совмещения их функций. После образования самостоятельного Литовского епархиального училищного совета братство продолжало оказывать до начала XX в. материальную помощь церковным школам. В 1897-1901 гг. оно даже организовало в братском доме на Заречье певческую церковную школу, которая успела подготовить несколько десятков псаломщиков для Литовской епархии.

С начала XX в. Виленское братство стало предоставлять помещения в своих домах церковно-приходским школам. 20 сентября 1901 г. вместо псаломщицко-певческого учебного заведения была открыта церковно-приходская школа, получившая название «Заречной». Указанная школа была преобразована с 1901/1902 учебного года в двухклассное учебное заведение. Предоставило в начале XX в. братство помещения церковно-приходской школе и в доме, находившемся в предместье Александрии-Зверинец. Уже в 1900 г. оно передало бесплатно для данного учебного заведения две квартиры на первом этаже, каждая из которых состояла из пяти комнат. В целом, в начале XX в. братство перестало тратить значительные средства на помощь школам.

С 1892 г. Виленское Свято-Духовское братство было привлечено к миссионерской работе. 5 августа 1892 г. Архиепископ Литовский и Виленский Донат предложил, на основании указа Св. Синода от 10 июля за № 2330 об открытии при Виленском братстве должности миссионера, передать помещения бывшей учительской школы под временный еврейский приют для готовившихся к крещению иудеев. В результате, в братском доме с 1892 г. по 1894 г. существовал миссионерский приют для иудеев. После его закрытия помещения были переданы под квартиры бедным лицам православного вероисповедания.

В середине 1890-х гг. произошли существенные изменения в издательской деятельности братства. До 1895 г. братское объединение лишь изредка выпускало литературу на незначительные суммы в типографиях г. Вильно. Отсутствие необходимых средств не позволяло братству развить этот вид деятельности до широких масштабов. Братству удалось в указанный период издать не более 10 книг и брошюр.

20 января 1895 г. произошло открытие братской типографии, которая была первой и единственной в то время частной христианской и притом «русской» типографией в г. Вильно. В декабре 1895 г. по инициативе архиерея Литовской епархии при совете Свято-Духовского братства был учрежден комитет по изданию и распространению народных книг и брошюр. На первом заседании этого комитета, состоявшемся 21 декабря 1895 г., были выработаны правила его деятельности, утвержденные епископом Литовским и Виленским Иеронимом 15 января 1896 г.

В течение 1895-1903 гг. было издано 29 различных книг общим тиражом, превышавшим 120000 экземпляров. Издавались книги не только религиозно-нравственного, но и церковно-исторического содержания. Выпущенная литература продавалась и бесплатно раздавалась простому народу. Например, в течение 1896-1897 гг. было продано 36557 экземпляров книг и бесплатно роздано народу 32252.

Недостаток средств вынудил братство сократить данный вид деятельности в начале XX в. По инициативе А.В. Белецкого с целью усиления и расширения издательской деятельности братства 9 мая 1905 г. была образована специальная ко-

миссия под председательством кафедрального протоиерея И.А. Котовича. Это привело к активизации данного вида деятельности. Увеличился выпуск брошюр и книг. А указом от 31 января 1907 г. за № 1332 Св. Синод разрешил Виленскому Свято-Духовскому братству издавать двухнедельный журнал под названием «Вестник Виленского Православного Св.-Духовского Братства», который должен был заменить для духовенства Литовской епархии неофициальную часть «Литовских епархиальных ведомостей» (первый номер «Вестника» вышел 1 марта 1907 г.). Активизации издательской деятельности способствовало и выделение Св. Синодом с 1909 г. специальных субсидий (например, с 1909 г. Св. Синод ассигновывал братству на протяжении трех последующих лет субсидии в размере 5000 руб.: 2000 руб. на выпуск «Вестника» и 3000 руб. – на издательскую деятельность вообще). В итоге с 1909 г. братство выпустило большое количество книг, брошюр и листов, вызывавших интерес у жителей не только Литовской епархии, но и всего Северо-Западного края Российской империи.

С середины 90-х гг. XIX в. Свято-Духовское братство обратило внимание на организацию внеклассных чтений для взрослых. Первое народное чтение состоялось 3 ноября 1895 г. в Снпишской церкви-школе. Проведением чтений руководила Виленская братская комиссия, которая в 1910 г. была переименована в Виленский комитет по устройству религиозно-нравственных народных чтений. Состав комиссии (комитета) постоянно изменялся. Из учредителей и первых деятелей, занимавшихся организацией чтений, к 1914 г. остались только А.И. Миловидов и священник Д. Модестов.

За 20 лет существования Виленский братский комитет по устройству религиозно-нравственных народных чтений провел 5522 чтения в 623 аудиториях с более 937160 посетителями. Устраивались данные мероприятия чаще всего в церковно-приходских школах и школах грамоты. Организовывались они также в военных казармах или в военном манеже г. Вильно, в волостных правлениях, тюрьмах и избах крестьян. На их организацию в течение 20 лет было израсходовано 5503 руб. 36 коп. Выделяемые суммы использовались на покупку необходимых принадлежностей: волшебных фонарей; школьного инвентаря – скамеек, столов, экранов, деревянных ставень; брошюр и световых картин. Часть средств тратилась на ежегодный ремонт инвентаря, на наем певчих и служащих, на поощрение воспитанников, которые демонстрировали картины и переписывали бумаги комитета, на пересылку и упаковку картин.

Посетители братских чтений занимали различное общественное положение. В городах чтения в основном посещали мелкие чиновники, учащиеся, солдаты, ремесленники, прислуга, рабочие, а в деревнях – сельская интеллигенция, крестьяне и учащиеся. По вероисповеданию большинство слушателей было православными, много присутствовало католиков, лютеран, старообрядцев. Иногда на чтения приходили иудеи.

Рассматривая воскресные народные чтения как средство просвещения и воспитания народа в духе православной церкви, Виленская братская комиссия заботилась о придании им религиозного и нравственного содержания. Для чтений подбирались произведения, проникнутые духом православия и русского патриотизма. Предметом чтений были жития святых, евангельские и библейские события, история православных праздников и чтимых икон, объяснение богослужения, путешеств-

вия по святым места, рассказы из церковной и гражданской истории, душеполезные повести и рассказы. Для борьбы с суевериями слушателям предоставлялись чтения о природных явлениях и объектах (например, о грозе, строении небесных светил). Устраивались подобные мероприятия по агрономии, совершенствованию культуры земледелия, интенсивному ведению сельского хозяйства. Проводились лекции по популярной медицине и гигиене. Особенно много внимания уделялось борьбе с пьянством. В течение 20 лет братством было проведено не менее 1200 чтений о вреде пьянства, имевших заметное влияние на отрезвление народа, что ежегодно отмечалось в отчетах заведующих братскими пунктами. В целом, братские чтения имели большое воспитательное, религиозно-нравственное, общеобразовательное и миссионерское значение. Они способствовали консолидации населения Северо-Западного края. Известны случаи, когда ксендзы-литовцы устраивали совместно с членами братского комитета подобные мероприятия. При этом ксендзы сами читали народу переведенные тексты на литовском языке.

С конца 90-х гг. XIX в. братство стало снабжать церковно-приходские школы небольшими библиотеками для чтения, состоящими из литературы, предназначенной специально для взрослого населения. Стоимость каждой такой библиотеки составляла 50 руб. В 1896/1897 братском году такими библиотеками было обеспечено 10 церковных школ.

С 1906 г. Виленское братство обратило внимание на организацию паломничеств жителей Северо-Западного края на поклонение мощам св. виленских мучеников и другим святыням г. Вильно. При совете братства был образован паломнический комитет, в качестве вспомогательного подразделения. Он организовывал, встречал и провожал паломнические крестные ходы; руководил паломниками при поклонении виленским святыням; привлекал местных пастырей к организации проповедей среди богомольцев; раздавал книжки и листки религиозного и патриотического содержания, иконки, крестики; насколько позволяли средства оказывал верующим медицинскую, материальную и юридическую помощь. Причем с 1907 г. забота комитета о паломниках начиналась по месту их жительства. По просьбе комитета местные священники старались отправить богомольцев группами, передавая их по пути следования в г. Вильно, по возможности, под очередную опеку новому священнику от одного прихода до другого. Благодаря такой заботе о богомольцах, паломническое движение охватывало с каждым годом больше приходов и верующих. Уже в 1908 г. некоторые крестные ходы насчитывали сразу более 1000 человек. В 1909 г. количество организованных паломнических ходов утроилось по сравнению с предшествующим годом. Тогда же впервые комитету пришлось организовывать целые паломнические поезда.

В конце 1909 г. Свято-Духовским братством было открыто Литовское епархиальное древлехранилище, которое содержалось на братские средства. В 1909 г. на устройство и содержание древлехранилища было израсходовано 206 руб. 77 коп., в 1910 г. – 699 руб. 50 коп.

Таким образом, на протяжении 1865-1914 гг. Виленское Свято-Духовское братство неоднократно меняло приоритеты своей культурно-просветительской деятельности. До середины 1870-х гг. оно в основном занималось церковно-благоустроительной и школьной деятельностью, с 1884 г. до 1892 г. – обращало

В сущности, сводится ли кризис только к экономическим и финансовым вопросам и в какой степени он охватывает мировую и национальные экономики? Не является ли финансовый кризис только верхом айсберга глубокого кризиса, в который вошла цивилизация в последние годы, и симптомы которого проявились еще три десятилетия назад, когда были сделаны яркие доклады Римского клуба, а также и десятки публикаций ведущих умов человечества, оставшихся, к сожалению, «голосами, вопиющими в пустыне»? Не является ли финансовый кризис той лакмусовой бумажкой, которая проявила глубокую порочность складывавшейся веками модели материальной цивилизации? Не являются ли безнадежными попытки реформировать эту модель путем коррекции подходов и механизмов функционирования мировой финансовой системы? Все это подобно лечению больного, страдающего тяжелой формой алкоголизма с серьезными расстройствами желудка и печени, таблетками против изжоги.

Но давайте припомним только некоторые основные потрясения в экономике самого развитого государства США и мировой экономике, которые повлекли за собой срыв финансовой системы и всколыхнули мировую экономику. Все это нужно, чтобы понять, что не может быть и речи о сравнении наступающего кризиса мировой экономики и целой цивилизации с Великой депрессией 1929-1933 гг. Ни черные сравнения Джозефа Стиглица, ни успокоения Стива Ханке, двух из многих авторитетов нового капитализма бывших социалистических стран, не имеют никакой ценности, потому что Великая депрессия 1929 г. затронула экономики только развитых капиталистических стран государств Северной Америки и Западной Европы, а кризис, который наступает и сотрясает все человечество, действительно глобальный, потому что он затрагивает все страны и общества.

Только несколько месяцев назад внимание мировых и национальных лидеров было сфокусировано на проблемах окружающей среды и резко увеличивающегося климатического дисбаланса. Множество ведущих мировых институций в серии тревожных докладов указывали, что цивилизация вошла в зону экологической катастрофы, и ее коллапс, если не будут предприняты решительные действия, наступит в следующем десятилетии. Уже давно подчеркивалось мировыми учеными, что для того, чтобы достичь уровня потребления США, который был объявлен образцом для десятков бедных обществ, нужно будет более чем в сто раз увеличить мировой ВВП, что в свою очередь означает, что для этого будет недостаточно ресурсов трех таких планет, как Земля. К сожалению, именно США, ведомые своими эгоистическими интересами, с самой мощной мировой экономикой, которая является и самым большим потребителем ресурсов и естественно самым большим загрязнителем, не подписали до настоящего момента Киотский протокол, несмотря на его «мягкие» клаузы и нормы.

Вторым масштабным толчком, который всколыхнул мировую общественность, стал огромный рост цен на основные продукты питания, вызвавший голодные бунты. К постоянно голодающим более 2,5 миллиардам людей планеты, причем не только из самых бедных государств, добавились и те, которым стали недоступны основные продукты питания, а это все новые и новые десятки миллионов людей в развивающихся странах. Мировые аналитики увидели причину роста цен на основные продукты питания в том, что стали занимать все большие и большие площади под культуры для производства этанола и биодизеля, как основных источников энергии. Это только часть правды. С каждым годом производство продуктов питания требует все больше и больше затрат при уменьшающейся продуктивности почвы.

Едва отшумели последствия потрясения от повышения цен на основные продукты питания, начался эскалация цен на основные источники энергии современной материальной цивилизации – нефть и связанный с нею газ. Производители этих источников энергии быстро накопили огромные запасы долларов и евро. Хорошо известно, что нефть и газ являются основными загрязнителями окружающей среды через выхлопные газы транспорта и энергетических мощностей. После накопления лишних резервов начался процесс падения цен на нефть и газ, но это не коснулось всей остальной производственной цепи.

Годами уже один за другим мощные террористические акты на Ближнем Востоке, в Афганистане, в Индии и Пакистане потрясают государства, целые регионы, человечество. Террористические сети уже теряют национальную принадлежность и действуют глобально, сеют повсюду страх среди обычных людей. Это самая жесткая форма преступности в XXI веке. Но параллельно с ней процветает наркоторговля, торговля людьми, коррупция, криминальная преступность. В этих сферах обращаются триллионы долларов США. Все это подпитывается мотивами разрушения существующей формы цивилизации или достижения богатства самыми легкими и самыми жестокими, антигуманными способами. Связаны ли между собой эти проблемные сферы, затрагивающие сущность цивилизации и ставящие под угрозу ее перспективы? Связаны, и еще как!

И, наконец, начались финансовые толчки, где с малой, где с большей амплитудой. Логично, что они начались в США, стране, десятилетиями задававшей модель движения современной цивилизации и изменения ее форм реализации. Началось с «безобидного» ипотечного кризиса, т.е. с несостоятельности банков в возвращении кредитов, выданных на потребительские нужды большим группам населения, чтобы таким образом достичь ликвидности. За короткий срок «лопнули» крупнейшие банки США. В условиях взаимосвязанной мировой финансовой системы начали «лопаться» и связанные с ними европейские и другие банки. Дошло до того, что вся банковская система Исландии развалилась. От этого глобального срыва «пострадали» пока больше всего миллиардеры и финансовые мегаспекулянты. Например, каждый из российских олигархов потерял от 10 по 17 млрд. долларов. «Бедные»! Первые реакции ведущих государств – инстинктивный возврат к государственному вмешательству и спасение «священной» частной собственности богатых. Сначала США, а после них Великобритания, Франция, Германия, Россия выделили для поддержки обанкротившегося банковского сектора несколько сот миллиардов долларов и евро. Началось лихорадочное бегство капиталов. Инвестиционный поток достиг самых низких уровней за последние десятилетия. Сначала США, а затем Еврозона объявили, что они вошли в рецессию. Безработица начала быстро расти. Призрак бедности начал запугивать не только традиционно бедные общества и слои, но и средние слои, и развивающиеся страны. Связан ли финансовый кризис с остальными кризисными процессами, вызывающими напряжение во всей современной материальной цивилизации? Безусловно. Потребление чрез кредиты, преобладание потребления над производством в национальных экономиках и рост массы виртуальных денег, печатающихся в США в колоссальных размерах, не связанных реальным способом с мировой экономикой, создало не только десятки новых миллиардеров, но и до такой степени раздуло глобальный финансовый пузырь, что рано или поздно он не мог не взорваться.

Каковы же причины этого? Один из современных лидеров увидел главную причину мирового кризиса в коррупции финансовых боссов. Да, это факт. Но как коррупция, так и богатство десятка миллиардеров и бедность сотен миллионов, неспособных вернуть взятые кредиты, являются только лишь следствием, эффектом кризиса системы, а не ее основными причинами.

К настоящим причинам в той или иной степени приблизились в своих анализах такие авторитетные мировые ученые, как Иммануел Валерстейн /Уолерстейн/, Джон К. Голбрайт, Мишель Рокар, Френсис Фукуяма и др. «Гардиан», «Ле Монд», «Шпигель» и другие ведущие мировые СМИ опубликовали их анализы. Пока Фр. Фукуяма говорил о «крахе корпорации “Америка”», а М. Рокар увидел в кризисе следствия неолиберализма, то Им. Уолерстейн определенно считает, что финансовый кризис подчеркивает “край капитализма”. И все же настоящие причины не были названы и этими мыслителями.

В действительности анализ огромного спектра проблем, которые проявлялись перманентно в последние десятилетия и которых мы только лишь коснулись выше, приводит к категорическим выводам, что цивилизация действительно вошла в зону глубокого глобального кризиса, и главная причина этому - не заложенные в человеческой природе интеллектуальные, эстетические и моральные предпосылки, а исчерпанные уже веками либеральные, неоклассические и неолиберальные модели и формы капитализма. Известно, что капитализм утвердился в качестве общественного строя, который, следуя принципам свободы и демократии, породил современную форму материальной цивилизации. Но либеральные, неоклассические и неолиберальные модели были продуктом и работали эффективно в определенные продолжительные или короткие периоды в пространствах национального капитализма. Статистический и эконометрический анализ экономистов Н. Кондратиева и Й. Шумпетера показал, что капитализм эволюционирует исторически, преодолевая технологические и другие кризисы в рамках длительных, средних и кратких циклов, сохраняя *long dure'e* /длинная продолжительность/ своей рыночной основы, исследованной так блестяще Фернаном Броделлом. И всегда в основе крепости капитализма, вопреки прорывам “левого” и “правого” этатизма и авторитаризма, находился его принцип экономической эффективности, основанной на индивидуальной свободе, частной собственности и невмешательстве государства. В сущности это было основой классического, национального капитализма. Такой она осталась и в формах монополий и мощных компаний, объявленных К. Каутцким и В. Лениным в качестве высшей и последней стадии капитализма/империализма.

Но после Второй мировой войны, в условиях двухполюсного мира, подготовленного множеством факторов технологического и информационного характера, начался новый этап глобализации человеческой цивилизации. В самом начале этого незнакомого предыдущим эпохам исторического процесса со своими масштабами и темпами, были созданы новые правила господствующего мирового порядка и новые мировые институции, которые бы гарантировали этот порядок, – ООН, МВФ, МБ, соглашение о свободной торговле /ГАТТ/ и т.п. Но в условиях наступающей под напором новых технологий глобализации и ожесточенного соревнования с централизованной формой управления экономикой советской системы неоклассические и

кейнсианские модели регулирования экономики свободного мира должны были уступить монетаристкой и неолиберальной моделям. Так, средний цикл протяженностью около 33 лет / с 1944/5-до 1977/8 гг./ постепенно был вытолкнут новым среднесрочным циклом неолиберальных принципов мировой экономики и начал свое восхождение под формой идеологии теччеризма и рейганизма.

Неолиберализм не отрицал никакого из принципов классического либерализма, но развил до предела заложенное в капитализме стремление не останавливаться ни перед какими границами времени и пространства, к постоянной и безудержной экспансии. В неолиберализме рынок возведен до абсолюта, все становится рынком и подчиняется принципам рынка. В этом смысле неолиберализм требует фундаментальной маркетизации. Главные рычаги этой маркетизации целого общества, начиная с производства и потребления, проходя через культуру и образование, науку, здравоохранение, СМИ, религии и завершая церемониями погребения, являются квантизацией времени и пространства. В условиях огромных возможностей, которые предоставляет глобализация мировой экономики, финансов, культуры, информации и коммуникации через систему транзакций, т.е. краткосрочных договоров на осуществление тех или иных действий в глобальном пространстве, общественные процессы осуществляются с предельной скоростью. И, что хорошо известно, рынок не раздает справедливость, он немилосерден, он «проворачивает» сделки, и его цель - прибыль. Поэтому нет ничего удивительного, что в сфере искусства процветают не классические формы с высокой художественной ценностью, а поп, рок и всякие другие формы, "поглощаемые" тысячами на стадионах и площадях. Поэтому нет ничего удивительного, что фармацевтические компании не заинтересованы излечить людей, а действуют таким образом, чтобы они постоянно покупали все новые и новые дорогие лекарства. В системе образования важно не получение высшего образования, а извлечение прибыли через разные формы платы. Даже и экология, согласно мнению болгарского политика, известного своей коррумпированностью, не должна оставаться у экологов, а из нее «должны делаться деньги». И, наконец, радость погребальных фирм нарастает с ростом погребений.

Да, неолиберализм динамизирует до предела общественные процессы, повышая вместе с этим через кратковременные контракты до предела риск той или иной деятельности. Среди неолибералов распространилась следующая шутка: "Марксисты говорят, что рабочий не может ничего продать, кроме своей рабочей силы. Но мы ему предлагаем курс: как продать свою рабочую силу со скоростью акулы». При этом двигателям этих процессов не обязательно располагать своей собственностью. Они - менеджеры, новые «символьные аналитики», люди, занятые оформлением транзакций, брокеры функционирующих фондовых рынков и бирж, где виртуальные деньги или акции одной или другой компании перемещаются с одного уголка планеты на другой со скоростью света. Они – так называемые новые "волшебники", которые могут за одну ночь сделать какого-нибудь миллиардером или «бедняком», при этом накапливая и накапливая на своих счетах. Вот это капитализм. Еще Моисей призывал: "Накапливайте! Накапливайте!" В эту деятельность может быть включено все, даже чрезвычайно важные жизненные факторы – воздух, растения и животные планеты, питьевая вода. И они включены. Поэтому именно в годы торжества неолиберализма была пересечена граница лимитов природы, и цивилизации вошла в зону экологической катастрофы.

На этом фоне лозунги “прав человека” и “демократии” были своего рода фиговым листиком, за которым только лишь наивные не смогли увидеть ненасытный аппетит капитала к новым источникам энергии, новым ресурсам, новым наслаждениям души. В самом лучшем случае они являются сопутствующими подробностями морального характера, в которые верит меньшинство, как одна болгарская старуха, которая увидела в одном недавно ушедшем президенте-неудачнике «нового Иисуса Христа».

Но так или иначе нелиберализм задает тон всей эпохи. В клубке идей, принципов, норм, идеалов, витающих в публичных СМИ и головах большинства политиков мира, неолиберализм – это главное, ядро, вокруг которого все вертится. И что это так, видно по мерам и идеям, которые предложили многие ведущие политики современного мира в качестве выхода из финансового и связанного с ним экономического и всеобщего кризиса человечества на сегодняшний день. И что это так, видно по идеям и реформам мировых институций и в национальных политиках, которые были включены в Общую декларацию «большой двадцатки» после пятичасового Совещания в Вашингтоне о регуляторах и факторах, определяющих процесс инвестиций в реальную экономику, о контроле над зонами риска, о балансе в отношениях между развитыми и развивающимися странами и т.д. Тут не нужно перечислять все позитивные идеи декларации. Конечно же, многие из этих идей и предложений направлены на краткосрочное оздоровление мировой финансовой системы и связанных с нею национальных финансовых систем, и в силу этого они не могут не приветствоваться и не поддерживаться. Радостно то, что, не возвращаясь к всеохватывающим мерам протекционизма времен национального капитализма, лидеры ведущих двадцати государств мира договорились применять меры контроля над мировыми финансовыми институциями.

Но достаточно ли этого для преодоления глубокого кризиса, в котором находится человечество и к которому оно идет десятилетиями, не обуздав при этом “демонов”, которые угрожают его будущему, перспективам человеческой цивилизации?

Не пришло ли время суммировать и систематизировать все разумные и действующие при их соблюдении решения мировой общности на различных «исторических» “встречах в верхах”, проблемы в определенной области жизни человечества и возвести в ранг обязательных для всех стран и народов без каких бы то ни было привилегий?

Не пришло ли время выработать всеобъемлющие принципы и нормы международного права, которые бы были свободны от всяких идеологий и которые бы толковались одинаково всеми государствами и правительствами?

Не пришло ли время выработать и установить новые мировые институции и органы, в которых были бы представлены справедливо все государства и которые бы регулировали отношения между народами и государствами в соответствии с принципами международного права и возможностями глобальной эпохи?

Не нужно ли всем народам и государствам создать свою глобальную сеть органов и институций по безопасности, которая бы гарантировала право на свободу и жизнь каждому человеку перед опасностями преступности и всякого рода терроризма?

И, наконец, не готово ли человечество выработать принципы и нормы Нового Мирового Порядка, так, как это было сделано после Второй мировой войны, чтобы открыть новые перспективы перед цивилизацией?

Если все это не произойдет в следующие месяцы и годы по инициативе новых мировых лидеров – из США, ЕС, России, Азии и Латинской Америки, мы можем с грустью предвидеть, что агония всего человечества продлится до его конца.

MODELE „NOWEGO ŁADU MIĘDZYNARODOWEGO” W POLSKIEJ LITERATURZE PRZEDMIOTU

Bartłomiej Garczyk

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań, Polska

Rozpad ZSRR i dezintegracja pozostałych państw bloku socjalistycznego, koniec zimnej wojny oraz zjednoczenie Niemiec doprowadziło do powstania nowej sytuacji międzynarodowej. Na przełomie lat 80. i 90. – jak określił to Włodzimierz Malendowski – społeczność międzynarodowa „stała się wobec obiektywnej konieczności budowy nowego porządku światowego”³. Upadek komunizmu przyczynił się do załamania dwubiegunowego systemu jałtańsko – poczdamskiego i rozpoczęcia procesu tworzenia nowego, postzimnowojennego ładu międzynarodowego. Implozja ZSRR i dynamiczne przeobrażenia ustrojowe w Europie i świecie, były dla wielu obserwatorów zaskoczeniem. Sowieologia zachodnia nie przewidywała załamania się bipolarnego układu sił. Politolodzy stanęli przed problemem wyjaśnienia zaistniałej sytuacji międzynarodowej i określenia dalszych tendencji i kierunków rozwojowych. Jednak uzyskanie wiarygodnej prognozy okazało się zadaniem bardzo trudnym.

Należy podkreślić, że wyłanianie się nowego ładu, nastąpiło w innych warunkach niż dotychczas. W przeszłości budowa nowego porządku była poprzedzona wojną, która kończyła się na ogół konferencją pokojową i podpisaniem traktatu pokojowego. Nowa rzeczywistość międzynarodowa była zatem dziełem zwycięzców, gdyż to wygranym przyszło w udziale ustalać nowe „reguły gry”. Klasycznego przykładu dostarcza m in.: Pokój westfalski (1648 r.)⁴, Kongres wiedeński (1815 r.)⁵, Traktat wersalski (1919 r.)⁶ czy konferencje w Jaltcie i Poczdamie⁷, podczas których wielkie mocarstwa konstruowały nowe zasady sankcjonujące *status quo* oraz zabezpieczały żywotne interesy i wpływy w regionie. Państwo lub państwa zwyciężone podpisywały traktat pokojowy, by „nazajutrz podjąć przygotowania do wojny odwetowej”⁸.

Ład jałtańsko – poczdamski uległ destrukcji w sposób zgoła odmienny niż dotychczasowe łady. Nie było bowiem konfliktu zbrojnego, nie zwołano również konferencji pokojowej⁹. Blok wschodni, będący głównym filarem *bipolarity*, uległ erozji w wyniku długotrwałego i złożonego procesu, opartego na pokojowej transformacji a nie

³ W. Malendowski, *Nowy porządek światowy („New world order”) – przesłanki budowy systemu stosunków międzynarodowych*, w: W. Malendowski, (red.), *Nowy ład międzynarodowy in statu nascendi*, Poznań 1993, s. 114.

⁴ Przyjmuje się, że Pokój westfalski z 1648 roku, kończący wojnę trzydziestoletnią inicjował pierwszy w czasach nowożytnych ład międzynarodowy (ład westfalski), oparty na równowadze sił. Pokój westfalski stanowił punkt wyjścia dla nowożytnego systemu stosunków międzynarodowych, legitymizując istnienie suwerennych państw.

⁵ Kongres wiedeński był odpowiedzią na próbę narzucenia przez Napoleona hegemonii w Europie. „Święte Przymierze” Rosji, Prus i Austrii było gwarantem względnie stabilnego, nowego porządku politycznego, trwającego (z pewnymi zaburzeniami) aż do I wojny światowej.

⁶ Podpisany po zakończeniu I wojny światowej Traktat wersalski, tworzył nowy porządek międzynarodowy oparty na systemie bezpieczeństwa zbiorowego i Lidze Narodów. Ład wersalski okazał się nieskuteczny i dotrwał jedynie do wybuchu II wojny światowej.

⁷ Ład jałtańsko – poczdamski kształtował się na dwóch płaszczyznach: formalnoprawnej w ramach ONZ i politycznej w ramach dwubiegunowej rywalizacji wojskowej, politycznej, gospodarczej i ideologicznej między dwoma blokami państw na czele z USA i ZSRR.

⁸ W. T. Kowalski, *Poczdamski ład pokojowy*, Warszawa 1974, s. 5.

⁹ Szerzej patrz: W. Malendowski, *Bipolarny system stosunków międzynarodowych – geneza i główne determinanty*, w: W. Malendowski, (red.), *Nowy ład międzynarodowy in statu nascendi...*, s. 7-8.

zbrojnej konfrontacji. Ponieważ nie można było w tej sytuacji tradycyjnie wyodrębnić „zwycięzonych”, dlatego i „zwycięzcy” nie mogli spełnić „historycznie zarezerwowanych dla nich ról”¹⁰. Trudność w ustaleniu nowego modelu ładu polegała także i na tym, że koniec zimnej wojny i rozwój cywilizacyjny zainicjował wiele nowych zjawisk. Pogłębiła się globalizacja, nowym elementem systemu międzynarodowego stała się współzależność, transgraniczność i ponadnarodowość. Pojawili się także nowi uczestnicy stosunków międzynarodowych, powiększyła się również liczba ich wzajemnych powiązań. Przewartościowaniu uległy też klasycznie pojmowane kategorie: państwa, suwerenności i polityki zagranicznej. Efektem tego było powstanie systemu globalnego, o skomplikowanej strukturze wzajemnych, wielopłaszczyznowych interakcji. Świat uzyskał niespotykaną dotąd żywość i różnorodność – stał się nieprzewidywalny. Złożoność rzeczywistości międzynarodowej oraz presja nowych wyzwań i zagrożeń znacznie utrudnia prognozowanie przyszłości¹¹.

Pojawiające się w publikacjach teoretyczne dyskusje nad kształtem nowego ładu międzynarodowego, nie mogą pretendować do całościowego ujęcia tego zagadnienia. Postzimnowojenny porządek światowy nadal znajduje się bowiem w fazie kształtowania. Zdaniem Romana Kuźniara fakt, że nadal posługujemy się terminem „postzimnowojenny porządek międzynarodowy”, oznacza niemożność dokonania identyfikacji nowego ładu. „Oznacza to zarazem – pisze Kuźniar – uznanie, iż znajdujemy się w okresie przejściowym (...). Być może jesteśmy skazani na długotrwałą, wręcz wieczną przejściowość istniejącego, pozbawionego imienia własnego porządku międzynarodowego...”¹². Z uwagi na powyższe, formułowane przez badaczy koncepcje są nierozbudowane i cząstkowe – są to raczej scenariusze hipotetyczne, niejednokrotnie o wybitnie futurologicznym charakterze, często sprzeczne.

W latach 90. powstało wiele teoretycznych modeli nowego ładu. Klasyfikacji międzynarodowego ładu politycznego podjęli się również polscy autorzy. Prezentowane niżej koncepcje powstały w krótkim okresie po transformacji, głównie w latach 1992-2000. W oparciu o układ sił w systemie i kryterium „koncentracji potencjałów”, w zachodniej literaturze naukowej przyjęło się wyróżniać pięć podstawowych wariantów międzynarodowego ładu politycznego: ład zerobiegunowy, ład unipolarny (jednobiegunowy), dwubiegunowy (bipolarny), tripolarny oraz ład multipolarny (wielobiegunowy). Powyższą typologizację uwzględnił w swej koncepcji Jacek Ziemowit Pietras, wzbogacając ją o autorską formułę „pentagonalnej triady triad połączonych”¹³.

Pierwszy z wariantów (zerobiegunowy), zdaniem Pietrasia charakteryzuje się spadkiem zainteresowania mocarstw polityką światową, rezygnacją z angażowania się w sprawy międzynarodowe i skupieniem się na polityce izolacjonistycznej.

Wariant unipolarny jest oparty na istnieniu jednego mocarstwa, pełniącego rolę hegemonu w zhierarchizowanym i podporządkowanym środowisku międzynarodowym. Po upadku ZSRR jedynym państwem gotowym do przejęcia roli przywódczej były Stany Zjednoczone¹⁴. Pietras jest jednak sceptyczny wobec możliwości utworzenia modelu unipolarnego. Jego zdaniem świat jest zbyt współzależny by rządzić w pojedynkę. Mimo

¹⁰ W. Szymborski, *Międzynarodowe stosunki polityczne*, Bydgoszcz 2008, s. 155.

¹¹ Zob. D. D. Rotfeld (red.), *Dokąd zmierza świat*, Warszawa 2008.

¹² R. Kuźniar, *Porządek międzynarodowy in transition*, w: E. Halizak, R. Kuźniar (red.), *Stosunki międzynarodowe. Geneza, struktura, dynamika*, Warszawa 2000, s. 472-473.

¹³ Na podstawie: J. Z. Pietras, *Wylanianie się nowego ładu międzynarodowego*, w: *Historia, polityka, stosunki międzynarodowe. Księga jubileuszowa na 65-lecie profesora Józefa Kukułki*, Warszawa 1994, s. 217-224.

¹⁴ Por. R. Kuźniar, J. Ciechański, *Nowy ład międzynarodowy: Wishful thinking i rzeczywistość*, „Stosunki międzynarodowe” 1992, t. 16, s. 105-117.

wszelkich atrybutów mocarstwowości: globalnego potencjału gospodarczego, militarnego i naukowo – technicznego, oraz kulturowej atrakcyjności i wpływu na politykę światową, Ameryka nie będzie w stanie pełnić funkcji hegemonu z przyczyn materialnych i politycznych. Pietraś wspomina również o izolacjonistycznych nastrojach społeczeństwa amerykańskiego. Ameryka nie posiada również przeciwnika (wroga), którego istnienie jest warunkiem dla tworzenia imperium światowego¹⁵.

Wariant bipolarny zakładałby rekonstrukcję systemu dwubiegunowego na linii USA – Rosja, bądź też konstelację USA – Japonia lub USA – Chiny¹⁶. Wariant tripolarny natomiast, może być rozpatrywany w różnych konfiguracjach, bądź to konfiguracji państw: triada USA – Rosja – Chiny (Japonia), bądź konfiguracji państw, ugrupowań politycznych i gospodarczych: triada USA – Unia Europejska – Azja Południowo-Wschodnia. Model wielobiegunowy z kolei uwzględnia kilka państw o porównywalnym potencjale: USA, Rosję, Japonię, UE oraz Chiny.

Szczególnym przypadkiem struktury multipolamej jest autorska koncepcja Pietrasia – modelu „pentagonalnej triady triad połączonych”. Koncepcja ta zakłada istnienie wielopoziomowej współzależności, w której USA przyjmą na siebie rolę państwa koordynatora stosunków międzynarodowych, nie będzie to jednak tożsame z przejęciem dominacji nad pozostałymi podmiotami. Model ten opiera się na trójpoziomowej strukturze, na którą składają się poszczególne płaszczyzny: militarna, ekonomiczna oraz ideologiczno – kulturowa. W każdej z nich występuje triada państw. W przypadku płaszczyzny militarnej Pietraś zasugerował triadę USA – Rosja – Chiny. Płaszczyznę ekonomiczną stanowią: USA – Japonia – UE (Niemcy?). Natomiast płaszczyznę ideologiczną i kulturową stanowi triada: USA – Chiny – Islam (Indie?). Stany Zjednoczone stały się rodzajem aktywnego łącznika (zwornika) pomiędzy wymienionymi płaszczyznami. Zbliżoną koncepcję – model „tetrad” – zaproponowała Teresa Łoś – Nowak. Od modelu Pietrasia różni ją jedynie istnienie czterech, a nie trzech, mocarstw w każdej z wymienionych płaszczyzn¹⁷. W „tetradzie” szczególna rola przypadłaby USA. Jest to koncepcja pośrednia pomiędzy wielobiegunowością a dryfującymi koalicjami ze Stanami Zjednoczonymi na czele.

Nieco innej typologizacji dokonała Elzbieta Stadtmüller, wyróżniając m in. układ hegemoniczny z monopolistyczną pozycją USA oraz model hierarchiczny, składający się z centralnych ośrodków (USA, UE, Rosja, Japonia i Chiny, Islam?), wokół których skupiałyby się pozostałe państwa tworzące ich prowincje¹⁸. Z uwagi na liczne zastrzeżenia do modelu *pax americana*, bardziej prawdopodobny zdaniem autorki jest układ hierarchiczny.

Wizje nowego porządku światowego pojawiły się także w publikacjach Włodzimierza Malendowskiego¹⁹. Rozważył on 5 możliwych konstelacji: Pax Consortis, System Unipolarny,

¹⁵ Mimo, że koncepcja Pietrasia była formułowana w 1994 r., USA nadal nie przejęły roli hegemonu w stosunkach międzynarodowych. Amerykańska arogancja i pogarda wobec prawa międzynarodowego oraz egoizm, którego przykładem może być chociażby nie podpisanie przez USA protokołu z Kioto z 1997 r., skutecznie uniemożliwiają bezkrytyczne uznanie amerykańskiego przywództwa przez pozostałe podmioty polityki światowej. Promowanie przez USA zachodniej monokultury (ideologii, zachodniego liberalizmu i modelu życia), trafia na opór nie tylko islamskich fundamentalistów ale także szerokiego wachlarza ruchów antyglobalistycznych.

¹⁶ Wielu autorów dowodzi, że system bipolarny jest względnie bezpieczny i stabilniejszy od systemu wielobiegunowego, istnieją też koncepcje przeciwnie. Zwolennikiem tezy o większej stabilności układu wielobiegunowego jest Teresa Łoś – Nowak. Szerzej: T. Łoś – Nowak, *Stosunki międzynarodowe. Teorie – systemy – uczestnicy*, Wrocław 2006, s. 175-178.

¹⁷ T. Łoś – Nowak, *Stosunki międzynarodowe...*, s. 178.

¹⁸ Z. Cesarz, E. Stadtmüller, *Problemy polityczne współczesnego świata*, Wrocław 2002, s. 35-43.

¹⁹ Patrz: W. Malendowski, *Nowy porządek światowy („New world order“)...*, s. 114-128.

Pax Nipponica, Bigemonia, oraz Nowa Pentarchia. Powyższe scenariusze stanowiły egzemplifikację wspomnianych wyżej, istniejących już w literaturze modeli systemu międzynarodowego, odpowiednio: systemu zerobiegunowego, jednobiegunowego, dwubiegunowego oraz wielobiegunowego.

Podstawą wariantu Pax Consortis jest założenie, iż drugi biegun zimnej wojny – USA, ulegnie osłabieniu, wycofując się do pozycji jednego z wielu równorzędnych podmiotów polityki światowej. System Unipolarny to idea porządku światowego, oparta na przywództwie USA. Jak podkreśla Malendowski, szczególną rolę odegrać w tym wypadku miała wojna w Zatoce Perskiej w 1991 roku, podczas której doszło do bezprecedensowej współpracy pomiędzy supermocarstwami. Stany Zjednoczone jako *spiritus movens* operacji, uzyskawszy przyzwolenie i posłuch społeczności międzynarodowej „wykazały stanowczość i determinację, a przede wszystkim zademonstrowały cechy niekwestionowanego lidera”²⁰.

Pax Nipponica to wariant zakładający przywództwo Japonii, głównie na płaszczyźnie gospodarczej, natomiast Bigemonia to model bipolarny, tworzony na bazie duetu mocarstw – Stanów Zjednoczonych i Japonii. Model Nowej Pentarchii uwzględniał konstelację pięciofilarową, złożoną z USA, Japonii, Chin, UE oraz Rosji.

Ilość prezentowanych w literaturze teoretycznych modeli nowego ładu międzynarodowego, świadczy niewątpliwie o złożonej specyfice obecnej rzeczywistości międzynarodowej. Splot w jednym okresie takich wydarzeń jak: początek nowego stulecia i zarazem milenium oraz rozpad dotychczasowego ładu globalnego, inicjował pytania o przyszłość. Jak trafnie zauważył Piotr Bartosiewicz, „okres turbulentnego zamieszania sprzyja powstawaniu prognoz, wizji, koncepcji czasem bardzo efektywnych i oryginalnych ale zazwyczaj fałszywych(...)”²¹.

Powyżej przedstawiłem jedynie krótki zarys polskich koncepcji dotyczących modelu nowego ładu politycznego – ładu *in statu nascendi*. Nauka o stosunkach międzynarodowych i publicystyka politologiczna nie potrafią udzielić jednoznacznej odpowiedzi na pytanie o obecny kształt porządku międzynarodowego. Jest to zrozumiałe, gdyż żadna, nawet najnowocześniejsza naukowa metoda badawcza ani doświadczenie uczonego nie pozwalają na stworzenie całościowego i precyzyjnego modelu. „Mimo wszystko warto tworzyć teorie – pisze Bartosiewicz – gdyż każde prognozowanie niesie za sobą jakąś wartość eksplanacyjną i deskryptywną...”²².

Reasumując należy stwierdzić, że przedstawione wyżej modele były często oderwane od rzeczywistości. Jednak na uwagę zasługuje fakt, iż każdy z zaprezentowanych autorów, uwzględnił w swych koncepcjach uprzywilejowaną rolę USA, jako jedynego państwa posiadającego wszystkie atrybuty mocarstwowości. Niepodważalna przewaga technologiczna, militarna i gospodarcza Ameryki zapewni jej niekwestionowane przywództwo, jednak nie będzie to przywództwo w charakterze hegemonia, lecz co najwyżej lidera społeczności międzynarodowej (tzw. hegemonia konsensualna). Wydaje się, że najbardziej trafny model przedstawił J. Z. Pietraś i T. Łoś – Nowak, natomiast proste konstrukcje systemu międzynarodowego (zerobiegunowość, system bipolarny, multipolarny etc.) nie oddają złożoności obecnych procesów.

---

²⁰ Por. R. Łukawski, *Współpraca wielkich mocarstw w czasie wojny w Zatoce Perskiej. Początki nowego ładu międzynarodowego*, w: W. Malendowski, (red.), *Nowy ład międzynarodowy in statu nascendi...*, s. 109-113.

²¹ P. Bartosiewicz, *Ład czy chaos? Stan stosunków międzynarodowych w I połowie XXI wieku*, w: M. Pietraś, K. Marzęda (red.), *Późnowestfalski ład międzynarodowy*, Lublin 2008, s. 117.

²² Jak wyżej.

THE BIRD'S POLISH REPUBLIC AS AN EXAMPLE OF TOURISM PRODUCT CREATED ON THE BASIS OF NATIONAL PARK'S VALUABLES

Dr Sylwia Graja-Zwolińska

Department of Agrotourism, University of Life Sciences in Poznań, Poland

The 30 year-old form of nature protection evolution on the youngest Polish national park and its closest neighbourhood has contributed to tourism space development.

The local tourism product creation, called The Bird's Polish Republic, is one of the most visible effects of this process.

According to the assumptions accepted by Medlika (1995), Kaczmarek, Stasiak, Włodarczyk (2002) tourism product consists (*sensu stricte*) of everything what tourists buy separately (transport or accommodation) or in the form of services package. In *sensu largo* this is a composition of everything, what tourists do in tourism destination and what they use there (services and all infrastructure).

According to the classification of tourism products (quoted by Kaczmarek, Stasiak, Włodarczyk) the Bird's Polish Republic presents an example of a compounded place's type, which is mainly concentrated on a Słońsk community, where the nature protection tradition has been known since the 70-ties. The Bird's Polish Republic was founded in February 2002, from local community initiative, which amalgamated under: *The Słońsk friends association*.

The main purpose of this product creation was to develop Słonsk tourist's attractiveness (and the neighborhood areas) and to integrate the local community towards the sustainable development.

The essence of this product is based on knowledge of natural environment values, first of all, numerous and diversified awifauna.

However, when Bird's Polish Republic has developed, the product's core has been enriched by the cultural heritage knowledge of this area. As an example tourists can visit a historic church, old pumps in Słonsk, Warniki etc.

A real product consists of accommodation in local loadings (mainly in agrotouristic quarters), excursions which are organized by a local tour operator (The Natural Tourist's Office "Hoopce"), hiring sports equipment – recreation (canoes, bicycles, binoculars).

The broadened product consists of:

- selling The Bird's Polish Republic citizen's passport (when a tourist buys a passport, then he supports new initiatives and he is responsible for tourist's development and for nature's protection, too; furthermore he receives services at a discounts);

- various thematic parties such as: jamborees The Bird's Polish Republic citizens (this party takes place every spring; citizens talk and learn about nature, birds; interesting contests take place during this party, for example a choice of the bird of the year, The Bird's Polish Republic ambassadors election, who promote this holiday destination etc.), ecological contests mainly for local community for example eco-boats building, which consist of PET bottles (after this competitions they are recycled), a bicycle's rally of a storks route.

Thanks to this original elements this tourist's product is very attractive for tourists and also it's competitive on the tourism market.

It is worth stressing, that miscellaneous local subjects are engaged in creation of this product – *The Słońsk friends association*, communal authority and companies, management of the national park, local tour operators and tourist's service providers. These subjects are mainly from Słonsk. Residents of neighboring communities often

become involved in new initiatives. They realise that cooperation can influence greatly on tourism development in their area. This tourist's product is very special, because it mainly shows the natural heritage, that is why the practical nature's protection is so important. Tourists and local communities learn to be responsible for this area.

The Bird's Polish Republic is directed to nature tourism (ecotourism) fans, mainly for beginners as well as advanced fans of birds world. This tourist's product is also a perfect holiday destination offer for those who are keen on active tourism because they can ride a bicycle, go by boat or canoe and wander.

The product consists of rich proposals, which are directed to different groups of customers – birds fans, students and families with children.

The spring and autumn – this is the best time for visiting this area as tourists can easily admire the wonderful nature (mainly birds). It is worth stressing, that tourist's service providers take care of all-year feature of this product and prepare a great variety of interesting attractions.

Table 1 presents the development of this tourist's product.

Phase of cycle of life a tourist's product The Bird's Polish Republic	Main operations
Phase of exploration	1977 year –Slonsk Nature Reserve creation 1984 year –this Reserve accession under a protection the Ramsar convention 1996 year –Warta Mouth Landscape Park creation 2001 year – Warta Mouth National Park creation 2001 year – <i>The Slońsk friends association</i> foundation
Phase of introduction	Year 2002 - The Bird's Polish Republic formal creation - first citizens jamboree organization - a bird of 2003 choice - organization of a first edition of "fun and education = clean environment" ecological contest - honorable mention in competition on fairest civil initiative conquest of Pro Publico Bono foundation - next agrotouristic farms creation
Phase of development	Year 2003 - the second citizen of The Bird's Polish Republic - choice of The Bird's Polish Republic emblem - first bicycle's rally of a storks route organization - participation in tourists trades (Tour Salon 2003) - award conquest in competition on the fairest regional agrotourists product and regional award under name <i>Pearls of lubuskie voivodeship 2003</i> Year 2004 - the third citizen of The Bird's Polish Republic - elections of ambassadors The Bird's Polish Republic (among citizens of neighboring provinces, whose purpose was to promote tourist's values of this area) - European Birds Year participation - first edition of cultural event organization under <i>Maurycjada</i> name (in memory of joannits order) continuation of cyclical events

Source: personal elaboration on the basis of information from *The Stońsk friends association*

This touristic's product is directed not only to tourist but to local communities as well. Creation of this product generates plenty of profits for:

- tourist's service providers – they earn on tourists,
- shopkeepers,
- farmers – they can sell their products for example milk, eggs, honey, fruit and vegetables etc,
- inhabitants of communities (which are in National Park and in its neighborhood) understand the practical concept of nature protection; if they take care of nature, tourists will come there,
- tourists – they receive an attractive holiday destination.

Creation of The Bird's Polish Republic is a good example of a correct development of tourist space in the Warta Mouth National Park and its neighborhood. This product shows, that ecological and tourist function coexistence is possible.

Literatura

1. Kaczmarek J., Stasiak A., Włodarczyk B. Produkt turystyczny, albo jak organizować poznawanie świata, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. – Łódź, 2002.
2. Kowalczyk A. Geografia turystyki, PWN. – Warszawa, 2002.
3. Medlik S. Leksykon podróży, turystyki i hotelarstwa, PWN. – Warszawa, 1995.

ПЕРСПЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ЗДАНИЙ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК БЕЛАРУСИ

Н.А. Григорьева

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Нарастающие темпы развития библиотечных технологий, появление новых информационных носителей, услуг и средств обработки мультимедийных продуктов предоставило новые возможности современному пользователю. «Информационный гипермаркет», «интеллектуальное пространство», «медиатека» - в последнее время появляется всё больше новых определений, так или иначе связанных с хранением, созданием и передачей сведений. Новые формы отношения «потребитель - информация» сформировали и новую потребность общества в некоем полифункциональном духовно-дисциплинарном пространстве [1]. Такую роль вполне способна взять на себя публичная библиотека (ПБ), которая, согласно своему основному назначению, уже является сложившимся центром культурной и образовательной активности населения. В свете этих тенденций особенно стремительно упрочняются позиции региональных ПБ, поскольку помимо своей основной деятельности они ещё осуществляют так называемую организационно-методологическую работу в отношении библиотек низовой сети (районных и сельских), являются базовыми учреждениями филиально-передвижной системы обслуживания [2].

Технический прорыв и усложнение функциональных программ неизменно влекут за собой необходимость корректировки сложившихся традиционных планиро-

вочных схем, диктует новые подходы к формообразованию. Это выявляет определённые проблемы при реконструкции существующих и возведении новых библиотечных зданий. На сегодняшний день в Беларуси пока не разработана единая программа архитектурной адаптации библиотек к новым информационным технологиям. Повсеместно можно наблюдать примеры, когда новые функции довольно бессистемно «вписываются» в устаревшие планировочные структуры. Подобные тенденции требуют подробного рассмотрения и ставят задачу поиска путей реорганизации традиционных публичных библиотек.

Можно выделить следующие типы существующих зданий региональных ПБ, которые были выведены на основе:

- индивидуальных проектов (сооружения, построенные по специальному проекту, согласно индивидуальным особенностям месторасположения);
- типовых проектов (унифицированные здания, неоднократно дублирующиеся, предназначенные для реализации в разных местах и при различных условиях);
- приспособленных зданий (библиотеки, вписанные в ранее не приспособленные для этих целей постройки);
- встроенно-пристроенных структур (библиотека кооперируется с другим типом архитектурных объектов, становится частью полифункционального комплекса).

В Беларуси повсеместно распространены все перечисленные типы, но не все эти объекты имеют равные возможности архитектурной адаптации, на что оказывает влияние целый ряд факторов:

- положение в структуре общественного центра населённого пункта;
- наличие резервных территорий участка библиотеки;
- степень физического и морального износа библиотечного здания;
- наличие резервных площадей и физические параметры здания;
- степень существующего технического оснащения и др.

Последние два десятилетия в мире ознаменовались активным поиском универсального планировочного решения, способного адаптироваться к процессам, связанным с информатизацией, урегулировать их, с тем чтобы они [процессы]. развивались, не вступая в противоречия с традиционной работой ПБ. Так был найден один из возможных путей адаптации сложившихся библиотечных зданий. Это так называемая «медиаотека» или «медиаблок» (МБ) – максимально модернизированная и оснащённая всеми техническими новшествами архитектурная типологическая единица, задача которой – собирать, хранить, обрабатывать и предоставлять всем желающим материалы досугового, учебного, творческого характера, активно используя современные информационные технологии. Популярность подобных учреждений растёт из года в год в силу целого ряда их функциональных преимуществ:

- влияют на развитие культуры досуга, содействуют творчеству и самообразованию, оказывают положительное и эффективное воспитательное воздействие;
- пропагандируют новейшие формы представления информации и способствуют развитию информационной культуры потребителей;
- будучи муниципальными учреждениями, они дают возможность любому посетителю получать бесплатный доступ к необходимым материалам;
- предоставляют материалы во временное пользование за разумную плату [3].

Сложившаяся инфраструктура публичных библиотек Беларуси – одна из самых устойчивых и хорошо отлаженных; опираясь на нее, реально создать свою систему медиатек. Этот планировочный блок может функционировать в качестве специализированных отделов как при самих ПБ, так и при общественных центрах. Такая структура вполне способна решать задачу обеспечения информационного доступа для широких масс населения и будет способствовать созданию комфортной «информационной среды», компонентами которой являются:

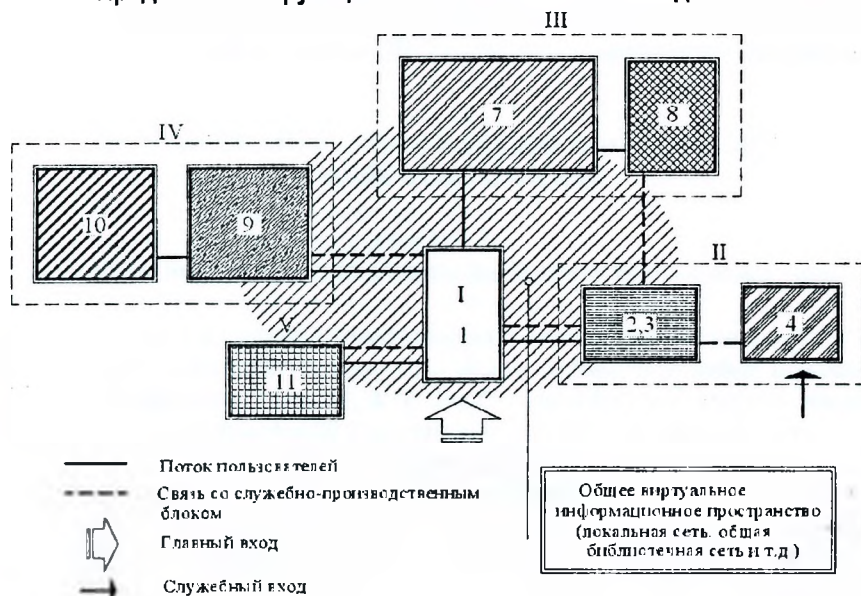
- свободная ориентация пользователя в пространстве в соответствии с его целями (наличие информационно – ориентационной зоны);
- доступность различных видов и типов документов;
- наличие оборудования и мебели, технических средств, отвечающих требованиям функциональности и удобства эксплуатации;
- современный дизайн и др.

Перспективное развитие существующих зданий библиотек может осуществляться в 3-ёх формах:

- за счёт внутренней перепланировки (горизонтальное и вертикальное зонирование в рамках существующего планировочного объёма);
- расширением здания (пристройка, надстройка);
- открытием филиалов (отдельностоящая медиатека по индивидуальному проекту или кооперированный со зданием общественного назначения медиаблок).

При кооперировании медиатеки с ПБ или другим общественным учреждением важным требованием является сосредоточение всех помещений в одном компактном планировочном блоке. Это позволит, в случае необходимости, сформировать различные режимы функционирования в зависимости от времени суток, запросов пользователей (например, медиатека может работать как совместно, так и автономно) и т.д.

Предлагаемая функциональная схема блока медиатеки:

I Входная группа: 1 – ориентационно-информационная зона с участком контроля и зоной отдыха. II Служебно – производственный блок: 2 – участок ксерокопирования и сканирования; 3 – рабочее место администратора; 4 – вспомогательные помещения. III Зона работы с электронными информационными носителями: 5 – участки сети Интернет, базы электронных носителей, служба электронной доставки документов и т.д.; 6 – участок обучения компьютерной грамоте; 7 – участок работы с электронными документами; 8 – участок фонда аудио- и видеоносителей с возможностью индивидуального прослушивания. IV Зона работы с бумажными информационными носителями: 9 – читальный зал; 10 – открытое хранилище бумажных носителей информации. V Дополнительный блок: 11 – универсальное трансформируемое пространство (аудитория, проведение выставок и видеоконференций, web-мастерская и т.д.).

Изменившиеся экономические и социальные условия, безусловно, оказали влияние на функционирование библиотек. Исходя из конкретных условий, необходим комплексный подход к проблеме строительства, реорганизации и модернизации публичных библиотек среднего звена. А само решение этой проблемы должно пониматься как одно из приоритетнейших направлений региональной культурной политики. Критический анализ лучших примеров мировой практики и изучение отечественного архитектурного опыта позволит разработать программу для проектирования современных многофункциональных библиотечных зданий и адаптации существующего республиканского фонда. Настоящее исследование может послужить теоретической основой для дальнейшего совершенствования этого архитектурно-типологического ряда.

Литература

1. Маркова Т.Б. Библиотека как феномен культуры, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, Санкт-Петербургский Государственный Университет СПб., 1999, [www. anthropology.rinet.ru](http://www.anthropology.rinet.ru)
2. Обросов Ю. П. Массовые библиотеки в городах. М., 1973, с. 176.
3. Сергеев А. / "Ведомости", приложение "Недвижимость. Стены бизнеса", 2007
4. Сучасныя і інфармацыйныя тэхналогіі і сацыяльная значнасць бібліятэк: Матэрыялы навукова – практычнай канферэнцыі 29-30 кастрычніка 2003 г. – Мн., 2004. – 159 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕЛАРУСИ

В.И. Гусев

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Глобализация военной сферы, происходящая в современном мире, а также другие аспекты войны и общества нашли отражение в трёхтомном труде Института всеобщей истории РАН «Война и общество в XX веке», вышедшем в 2008 году. Авторы книги придерживаются мнения о том, что, возникшая после Второй мировой войны глобальная конфронтация явилась результатом различия во взглядах руководства СССР и США на послевоенное устройство мира. Советский Союз стремился создать «пояс безопасности», а США при поддержке Великобритании - возродить враждебный «санитарный кордон», обеспечить геополитическое и военное превосходство практически во всех регионах мира [2, с. 3].

Наиболее ярким и характерным примером стремления к мировому господству была тайная директива №20/1 «Политика США в отношении к России» (так тогда в Америке называли Советский Союз), подписанная 18 августа 1948 года. Кодовое название этой директивы «Дропшот». Война против СССР должна была начаться не позднее 1 февраля 1949 года и закончиться за 30 дней. За это время намечалось на первом этапе сбросить 133 атомные бомбы на 70 наиболее крупных городов. Из них на Москву – 8, Ленинград – 7, Минск – 2 и т.д. Во вторую очередь планировалось применить ещё 200 атомных бомб. Страна превратилась бы в сплошной Чернобыль. План «Дропшот» был сорван заявлением ТАСС от 25 сентября 1948 года, в котором сообщалось, что Советский Союз овладел секретом атомного оружия ещё в 1947 году, но предлагает запретить его применение. Запланированную войну пришлось отменить, а вместо этого 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне создали НАТО – военно-политический союз, официально направленный против СССР, а по существу – для достижения мирового господства.

Как и ранее, в конце XX века США открыто стремились к мировому господству. Об этом свидетельствует опубликованный осенью 1998 года программный документ Совета национальной безопасности США под заголовком: «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия». В нём руководители Вашингтона заявляли: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы использовать все необходимые инструменты национальной мощи для оказания влияния на те или иные действия других государств... Мы должны чётко проявлять свою волю и стойкость к глобальному лидерству» [3, с. 11]. Далее указывалось, что главное средство обеспечения национальных интересов США – военная сила, а цель американской внешней политики – однополярный мир, в котором США выступает хозяином, повелителем и судьёй всех народов.

Для достижения этих амбициозных целей американцы даже использовали разнообразные «рукотворные» катаклизмы. Ещё в 1940 г. правительство США приняло экспериментальный проект по управлению погодой «Феникс», её автор – физик Никола Тесла. После войны получили финансирование проекты по искусственному вызову дождя, землетрясений, контролем за ураганами и др. Проект «Шпинат» по вызову дождя успешно применялся американцами в 70-х годах во время войны во Вьетнаме. В Массачусетском технологическом институте научились воссоздавать энергию урагана в тропиках мощностью около 10 тысяч мегатонных водородных бомб. Загадочный комплекс создали американцы на Аляске. Они отказали комиссии Европарламента в посещении этого комплекса (хотя официально он, якобы, создан для изучения северного сияния). На Аляске расположены антенны и оборудование для трансляции высокочастотных радиоволн прямо в ионосферу, частотой от 2 до 10 мегагерц с мощностью до 1,7 млрд. ватт. Варианты использования этого комплекса: выведение из строя электроники самолётов и ракет; искусственная засуха или наводнение, провокация землетрясений и т.д.

Новая стратегия президента США Б. Обамы предусматривает активное использование дипломатических средств и поиск компромиссов в том, что Америка должна выступать на мировой арене в качестве «умной» силы (имеется в виду разумное сочетание «мягкой» и «жесткой» силы, по терминологии гарвардского профессора Дж. Ная). Это продолжение постулата Т. Рузвельта о том, что надо «говорить мяг-

ко, но держать в руках большую дубинку» [5, с. 3]. Подобная позиция Обамы уже подвергается критике со стороны неоконсерваторов, которые пытаются доказать, что в условиях дипломатического поведения руководства Америки может появиться опасность того, что её противники не будут испытывать страх. Наверное, не случайно, да и в связи с этим, Министр обороны США Р. Гейс запросил на нужды Пентагона в 2010 году 534 миллиарда долларов. Это, несмотря на мировой финансовый кризис, столько же, сколько было выделено на этот год. Можно говорить, исходя из этого, о планах далеко не миролюбивой политики Америки [6, с. 3].

Общеизвестно, что главное остриё НАТО (при поддержке США) направлено по юго-западному и южному периметрам России. С непокорной Югославией расправились по принципу «харакири». На территории Румынии после её вступления в НАТО размещаются две базы: военно-морская в Констанце и военно-воздушная в местечке Луна – недалеко от границы с Украиной. Идёт недвусмысленное заигрывание с Президентом Украины В. Ющенко с целью активизации процесса выведения флота России из Крыма и перспективной размещения там военно-морской базы США.

Америка уделяет большое внимание укреплению сотрудничества с Грузией. По объёму американской помощи на душу населения Грузия выведена на второе место (после Израиля) среди всех государств мира. Сам Президент Грузии М. Саакашвили получает ежемесячное американское «пособие» в объёме 3200 дол., что соответствует зарплате полицейского штата Оклахома [3, с. 30]. США выделило 60 млн. дол. на обучение грузинской армии натовскими военными инструкторами. Планируется разместить здесь систему ПРО ТНААД, чтобы получить возможность для проведения военных операций в этом регионе, а также иметь плацдарм для войны с Ираном. Совместные военные учения – это ещё одно свидетельство военного американо-натовского и грузинского альянса.

Ещё несколько примеров подобной «миролюбивой» политики. В Польше, Словении и в Прибалтике планируется установление систем ПРО. В Латвии построена мощнейшая американская радиолокационная станция. Вдоль белорусско-литовской границы барражирует американский разведывательный самолёт «АВАКС Е-3», фиксирующий не только движение поездов и автомобилей по дорогам Белоруссии, но и телефонные разговоры.

В современном мире, естественно, делаются попытки межгосударственного объединения, выступающего своеобразным противовесом США. По инициативе Президента Венесуэлы У. Чавеса создан геополитический блок АЛБА, состоящий из Венесуэлы, Кубы, Боливии, Доминики, Никарагуа и Гондураса, считающий своей задачей развитие отношений с Россией и Беларусью. Стратегический бомбардировщик ВВС России посетил Кубу и Венесуэлу, а летом планируются совместные военно-морские учения в непосредственной близости с границами Америки.

Серьёзный контраргумент натовской Европе может составить геополитическое содружество Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК), по прогнозам которого совместный ВВП к 2035 году может превзойти ВВП стран «семёрки» [7, с. 71]. Запад настораживает, что потенциально возможно формирование геополитического блока из КНДР, КНР, России, Вьетнама и Беларуси, где последняя будет остриём, углублённым в плоть НАТО. Население этого блока составит 25% населения Земли, а ядерный арсенал не будет уступать арсеналу стран НАТО [7, с. 74].

В Послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию А.Г. Лукашенко отметил, что «повышению международного авторитета Беларуси будет содействовать установление тесных взаимоотношений с Шанхайской организацией сотрудничества, а в перспективе – получение статуса страны-партнёра ШОС». [8, 7]. Всё это вызвано тем, констатировал наш Президент, что «в современной международной политике всё отчётливее прослеживаются тенденции к усилению соперничества мировых держав за сферы влияния. Идёт глубокая трансформация международной и региональной систем безопасности» [8, с. 7]. Нынешняя и, безусловно, будущая безопасность Беларуси тесно связывается с Россией. Доказательством этого являются успешно проведённые учения России и Беларуси «Осень-2008», и А.Г. Лукашенко уже утвердил замысел подобных учений, спланированных на осень 2009 года.

В период существования Советского Союза Беларусь имела меньшее значение чем Россия или Украина. Однако следует вспомнить, что именно здесь программировалась электронная начинка крылатых ракет, разрабатывались антенны для космических аппаратов, спускаемых на поверхность Венеры, выпускалось разнообразное полигонное оборудование. Разработка и модернизация систем вооружения сегодня по-прежнему является одной из приоритетных задач любого государства. От успешного её решения зависит национальная безопасность. В Беларуси внимательно изучаются тенденции развития систем вооружения за рубежом, анализируются пути совершенствования собственных систем вооружения [9, с. 9].

Международный опыт и собственная практика строительства и развития Вооружённых сил показывает, что решение вопросов обороноспособности государства в целом невозможно без научно обоснованных рекомендаций. Именно военная наука призвана выполнять функцию формирования теоретической основы обеспечения безопасности государства, военного строительства, подготовки страны и армии к отражению агрессии. В белорусской армии эту задачу последовательно решали следующие структуры: центр военных исследований штаба Министерства Обороны (1992-1994 г.г.); центр военных исследований Министерства обороны (1995-2001 г.г.); военно-научное управление Вооружённых сил (2001-2006 г.г.); военно-научный комитет (2006 г. - по настоящее время) [10, с. 8-11]. Кроме этого, при президиуме НАН Беларуси создана секция прикладных проблем. Практикуются совместные заседания коллегии Министерства обороны, Государственного военно-политического комитета и президиума НАН Беларуси.

Уже в последние годы проявились определённые достижения. Хорошо зарекомендовали себя средства автоматизации ВВС и войск ПВО, что подтвердила Международная выставка «MILEX – 2007». Создаются современные средства радиоэлектронной борьбы: УП-КБ «Радар», станции радиопомех Р-934УМ «Удар» и Р-378 АМ «Укол», комплекс радиоконтроля и пеленгования «Обзор», передатчик специальных сигналов «Радуга» и т.д. [9, с 10].

Подобная военная политика актуализируется уникальностью географического расположения Беларуси в центре Европы. Наша республика стала мостом между западными странами и не контролируемой более Россией зоной отдельных государств. Западу теперь более необходимо договариваться с Минском, чем Беларуси необходимы отношения с Западом, хотя последняя и стремится к улучшению этих отношений.

В заключение следует процитировать высказывание Президента Франции Н. Саркози, который выступал в качестве посредника по урегулированию южноосетинского конфликта, его слова отражают квинтэссенцию обозначенной проблемы: «однополярный мир закончил своё существование, поскольку никакая страна не в состоянии больше диктовать свою точку зрения» [7, с. 70].

Необходим полный отказ от агрессивности военно-политического глобализма в пользу глобального обеспечения мира и всеобщей безопасности.

Литература

1. Панарин А.С. Испытание глобализмом / А.С. Панарин. – М., 2002. – С. 6.
2. Бондаренко, Ф. О войне и обществе / Ф. Бондаренко // Красная звезда. – 2009. – 16 апр. – С. 3.
3. Павлов С.Е. Осторожно: глобализм / С.Е. Павлов. – Минск, 2006. – 350 с.
4. Бурленин, М. Рукотворные катаклизмы / М. Бурленин // Природа и человек. XXI век. – 2008. – № 1. – С. 40-41.
5. Розанов А. Умная дубина / А.Розанов // Беларусь сегодня. – 2009. – 15 апр. – С. 3.
6. Кольченко И. Экономный режим / И. Кольченко // Беларусь сегодня. – 2009. – 8 апр. – С. 3.
7. Кизима С. Выигрыш и проигрыш: глобальная система международных отношений после августа 2008 г. / С. Кизима // Беларуская думка. – 2008. – № 11. – С. 70-75.
8. Лукашенко А.Г. Благополучие родной земли – дело всех и каждого / А.Г. Лукашенко // Беларусь сегодня. – 2009. – 24 апр. – С. 1-7.
9. Быков И. Укрепляя национальную безопасность / И. Быков // Армия. – 2008. – № 2. – С. 9-11.
10. Матрушило И. От центра военных исследований до военно-научного комитета: ретроспектива и современность / И. Матрушило // Армия. – 2008. – № 6. – С. 8-11.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В 1945-1949 гг.

В.К. Гуськов

Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда, Россия

История Христианско-демократического союза (ХДС) в советской зоне оккупации, а затем и в ГДР представляет собой процесс становления и эволюции изначально оппозиционной партии, вынужденной встраиваться в общие рамки стратегии деятельности Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), ставшей впоследствии главной партией, определившей на долгие годы развитие Восточной Германии.

Сразу после разгрома нацистского режима и завершения фазы активных боевых действий на территории Германии началось создание оккупационных администраций СССР, США, Великобритании и Франции, к которым переходила верховная власть в управлении страной. 6 июня 1945 г. на территории Восточной Германии была создана Советская военная администрация (СВАГ). Главным начальствующим СВАГ был назначен маршал Г.К. Жуков [1, с. 65]. Формирование центральных орга-

нов Советской военной администрации в бывшей нацистской Германии было поручено высшим государственным и военным деятелям СССР – народным комиссарам или их заместителям. Благодаря продуманным и целенаправленным действиям соответствующих ведомств, сформировалась специализированная и разветвлённая система органов СВАГ в Берлине, в землях, провинциях и городах Восточной Германии. СВАГ, исходя из насущной ситуации, ставила конкретные оккупационные задачи и контролировала их выполнение созданными немецкими органами самоуправления.

Одним из первых своих приказов по советской зоне оккупации (СЗО), (Приказ № 2), СВАГ разрешила деятельность политических партий, профсоюзов и др. общественных организаций, а также демократических органов самоуправления [2, с. 68]. Вместе с тем, главным лейтмотивом политики руководства СССР был перенос сталинской модели социализма на территорию Восточной Германии. Основная роль в этом процессе отводилась советской военной администрации в Германии (СВАГ).

Поэтому свободное политическое и организационное развитие партий с самого начала было невозможным. Приоритеты отдавались, прежде всего, Коммунистической партии Германии (КПГ) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Что касается буржуазных партий ХДС и Либерально-демократической партии (ЛДП), то они с самого начала были поставлены в неравные условия по сравнению с другими партиями. Например, права этих партий ущемлялись при распределении бумаги для предвыборных плакатов и листовок. Кроме того, СВАГ активно контролировала и управляла последовательностью внутрипартийных мероприятий ХДС и ЛДП, а при создании отделений этих партий на местном уровне вела себя в высшей степени избирательно и ограничительно [3, с. 26].

В середине июня 1945 г. состоялись переговоры представителей различных политических течений об образовании новых (старых) политических партий. В конце июня – начале июля в Берлине вслед за КПГ и СДПГ конституировались и две буржуазные партии ХДС и ЛДП. В отличие от КПГ и СДПГ становление ХДС и ЛДП проходило с определёнными затруднениями. В связи с тем, что эти партии скомпрометировали себя по отношению к фашизму не только своей политической терпимостью, но также и его поддержкой, то о провозглашении преемственности и обращению к идейному наследию ХДС и ЛДП, как традиционных партий буржуазии, не могло быть и речи.

В ряды ХДС вошли, главным образом, представители религиозно настроенной части мелких и средних предпринимателей и ремесленников, а также христиан из других кругов общества. В число учредителей партии вошло 30 человек, среди которых ключевую роль занимал Андреас Гермес. Он в прошлом занимал различные министерские посты в Веймарской республике, до 1933 г. принадлежал партии «Центр». Во время Второй мировой войны из-за его тесной связи с Сопротивлением, был приговорён нацистами к смерти.

В условиях советской оккупации Восточной Германии ХДС создавалась при активном участии СВАГ. Политическим центром новой партии стал Берлин. Как отмечал немецкий исследователь Франк Бёш, «ХДС была дитём оккупационного времени. Без послевоенной специфики создание и организационное развитие такой межконфессиональной партии, как ХДС, было бы невозможно» [4, с. 51]. После конституирования ХДС и публикации её учредительного манифеста 26 июня 1945 г. началась повсеместное образование организаций ХДС на местном уровне [5, с. 87].

С момента основания ХДС в советской зоне оккупации отношения между СВАГ и ХДС изначально не были дружественными и, более того, приобрели конфронтационный характер. Позиция СВАГ по отношению к ХДС была однозначной и носила следующую формулировку: «Наша тактическая линия по отношению к ХДС заключается в том, чтобы превратить ХДС советской зоны оккупации Германии в такую партию, которая прочно шла бы в блоке с другими партиями, прежде всего с СЕПГ, по принципиальным вопросам строительства демократии в нашей зоне оккупации и во всей Германии, выступала бы за необходимость тесного экономического и политического сотрудничества со странами новой демократии и с Советским Союзом, а позднее и за политическую и экономическую ориентировку Германии на Советский Союз, а также и такую партию, которая могла бы влиять в нужном нам направлении на ХДС/ХСС западных зон, а в случае необходимости могла бы противостоять таким партиям» [6, с. 109].

14 июля 1945 г. в Берлине был создан блок антифашистско-демократических партий Восточной Германии. Руководящая роль в этом блоке принадлежала КПГ, а после её объединения в 1946 г. с СДПГ – Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Политика сотрудничества ХДС в партийном блоке исходила из личного опыта её первых председателей Андреаса Гермеса и Вальтера Шрайбера, работавших ещё в Веймарской республике, где, как известно, было пёстрое партийное разнообразие. В поздних программных документах ХДС от лета 1946 г. сообщалось: «Если снова личная польза или эгоистические интересы...станут основой партийного развития, то новая демократия также снова кончится в бедствиях, что в послевоенном хаосе крайне важна общность всех партий» [7, с. 35].

Согласно установленному правилу политические решения в объединённом партийном блоке могли приниматься только на единогласной межпартийной основе. Поэтому, какое-либо коалиционное образование против интересов КПГ, а позднее СЕПГ было с самого начала исключено [8, с. 193]. Однако эта идиллия не была долговечной и вскоре переросла в клубок межпартийных противоречий. Поводом к этому стала земельная реформа, проводимая СВАГ. По проекту земельной реформы КПГ от 3 сентября 1945 г. конфисковывались владения военных преступников и активных нацистов независимо от их размеров, далее, конфисковывались поместья размером более 100 га.

Принципиально ХДС была согласна с реформой, но всё же считала, что время для неё ещё не настало. Уже в учредительном манифесте она потребовала разделения крупного землевладения для предоставления земли населению страны. Партийное руководство ХДС всячески противилось проведению реформы, в частности против безвозмездной экспроприации собственности. Вместе с тем, данная позиция руководства ХДС не была всеобщей и абсолютной, и между берлинским центром и земельными партийными организациями существовали определённые разногласия. В низовых организациях партии не понимали, почему руководство ХДС было против помощи беднейшим слоям населения, безземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим.

Из опубликованных документов архивов Российской Федерации известно, что советские оккупационные власти не только контролировали деятельность ХДС, но и вносили раскол в её ряды. В декабре 1945 г. председатель ХДС в Берлине Анд-

реас Гермес под давлением СВАГ был смещён со своей должности. Поводом к этому послужила речь Гермеса на митинге 19 октября 1945 г. в Дрездене. Там он высказался за то, чтобы земельная реформа осуществлялась так, как это принято в правовом государстве, а не таким образом, когда за 30 минут со своей земли стоняются её владельцы [9, с. 550].

В течении следующих двух лет развитие ХДС в советской зоне оккупации определялось, в целом, новыми председателями ХДС Якобом Кайзером и Эрнстом Леммером. При Кайзере и Леммере политическое развитие ХДС достигло определённых успехов, но не таких, как планировалось ранее. Виной тому было отношение СВАГ к деятельности ХДС. Это в частности выражалось, например, в медленной регистрации местных групп ХДС советскими служебными инстанциями. Во многих районах Восточной Германии были основаны отделения ХДС, но не утверждены советскими комендатурами. Не смотря на это, популярность ХДС росла. На муниципальных выборах в сентябре 1946 г. ХДС набрала примерно 20 % голосов, СЕПГ – около 50 %. Вместе с тем это был очень серьёзный успех ХДС. Более того, на выборах в лантаг и рейхстаг 20 октября 1946 г. успехи ХДС были ещё значительнее. В целом ХДС набрал четверть всех голосов, а в Саксонии ХДС вместе с ЛДПГ завоевали преобладающее количество мест, больше чем у СЕПГ [10, с. 545-562]. Успех ХДС, как оппозиционной партии, по сравнению с СЕПГ, был очевиден. К концу 1947 г. количество членов ХДС достигло 218000 членов. Это был наивысший период развития партии, который восточно-германский ХДС вообще когда-либо достигал [11, с. 122].

Естественно, что подобные успехи ХДС были для СВАГ крайне не благоприятны, и поэтому новый председатель ХДС Якоб Кайзер подвергся целенаправленной травле со стороны оккупационных властей. Сам Якоб Кайзер не разделял мнение советского руководства о двух Германиях и активно выступал за единство Германии. Раскол или отторжение немецких областей были неприемлемы для Кайзера. Он надеялся на особый статус Германии в послевоенной Европе, когда единая демократическая Германия стала бы связующим звеном, своеобразным «мостом» между Западом и Востоком, при соблюдении её нейтралитета [12, с. 38]. Кроме того, у Кайзера было своё особое мнение на социально-экономическое устройство Германии. Возглавляя долгое время христианские профсоюзы, он знал истинное положение трудящихся слоёв и старался защищать их интересы. Именно Кайзер выдвинул лозунг «Социализм из христианской ответственности». Кайзер рассматривал «христианский социализм» как третий путь между капитализмом и советским социализмом. Поэтому «антикапитализм» Кайзера был умеренным, подходящим для так называемых «самостоятельных хозяев». Эта программа получила широкое одобрение на 1-ом съезде ХДС, проходившем в Берлине с 15 по 17 июня 1946 г. [13, с. 1].

Во второй половине 1947 г. советскими оккупационными властями была организована целенаправленная акция по дискредитации Кайзера и снятию его с поста председателя ХДС. Для большей убедительности Управлением пропаганды СВАГ был озвучен лозунг «Кайзер – враг единства Германии» [14, с. 550-557]. Последней каплей, переполнившей «чашу терпения» СВАГ, стало выступление Кайзера на заседании руководства ХДС в Берлине 11 декабря 1947 г. На нём Кайзер решительно возражал против Немецкого конгресса и участия в нём представителей

ХДС. Однако единогласной поддержки Кайзер не получил. Более того, с критикой позиции Кайзера, по этому вопросу выступил другой член руководства ХДС Отто Нушке и предложил ему уйти в отставку. Инициатива Нушке была поддержана всеми председателями земельных правлений ХДС.

Кайзер не смирился с этим решением правления, написанного под диктовку СВАГ, и пытался и дальше оказывать влияние на деятельность ХДС. Данную проблему мог разрешить только съезд партии. В первой половине 1948 г. состоялись съезды земельных организаций ХДС Восточной Германии, на которых большинство участников поддержало Кайзера. Вместе с тем, это совершенно не повлияло на политику СВАГ по отношению к ХДС. Кроме того, ситуация ещё более усложнилась и стараниями СВАГ в ХДС произошёл раскол, сопровождавшийся репрессиями оккупационных властей против некоторых членов партии. Кайзер вынужден был покинуть Восточную Германию. Вместе с ним из советской зоны оккупации выехало ещё 600 членов партии среднего звена. Некоторые из партийных функционеров подверглись арестам. Таким образом, усилиями советских оккупационных властей строптивая ХДС подверглась партийной чистке и была показательно наказана.

В сентябре 1948 г. на 3-м съезде ХДС в Эрфурте новым председателем партии был избран Отто Нушке. По своим убеждениям Нушке считался левым политиком, принимал участие в создании ХДС и работал редактором главного печатного рупора Восточной ХДС «Neue Zeit». Нушке стоял за сотрудничество с новыми властями и был готов идти на компромисс. Свою точку зрения по отношению к новому режиму, он выражал так: «Для немцев в советской зоне оккупации есть только три возможности: либо Вы кончаете жизнь самоубийством, либо Вы уходите на Запад, либо, если Вы не хотите этого, то должны договариваться с властью» [15, с. 44].

По поводу позиции Кайзера относительно Немецкого народного конгресса Нушке сказал: «Якоб Кайзер выступает против народного конгресса ещё сильнее, чем против марксизма» [16]. На 3-м съезде ХДС начальником Управления пропаганды (информации) СВАГ полковником С.Тюльпановым был выдвинут ряд требований для ХДС. В частности он заявил, что Христианско-демократический союз в советской зоне оккупации Германии не может развиваться так, как развивается ХДС/ХСС в западных зонах оккупации.

Нушке был трезвым политиком и более реалистично оценивал политическое соотношение сил в СЗО Германии. Вместе с тем, партийная гибкость Нушке по отношению к СВАГ в конечном итоге привела к окончательной утрате политической самостоятельности ХДС [17, с. 9]. Нушке занимал пост председателя ХДС около 10 лет (сентябрь 1948 – декабрь 1957 гг.) При нём ХДС, из оппозиционной партии окончательно превратился в политического попутчика оккупационных властей в деле строительства социализма на немецкой земле.

Литература

1. За антифашистскую демократическую Германию: 1945-1949 гг.: сборник документов. – М.: Полит. литература, 1969. – С. 65.
2. Там же. – С. 68.
3. Druck des Befehls bei Greuzberger (wie Anm. 6). – S. 26.
4. Bösh F. Die Adenauer – CDU: Gründung, Aufstieg und Krise einer Erfolgspartei 1945-1969. – München, 2001. – S. 51.

5. За антифашистскую демократическую Германию. Указ. соч. – С. 87.
6. СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии 1945-1949 гг.: сборник документов. – М., 2006. – С. 109.
7. Gonze W., Kosthort E. Jakob Kaiser. Politiker zwischen Ost und West 1945-1949. – Köln, 1985. – S. 193.
8. Adenauer K. Erinnerungen. 1945-1953. Bd.I. Stuttgart, 1965. – S. 193.
9. СССР и германский вопрос. 1941-1949. Документы из Архива внешней политики РФ. В 3-х т. – М., 2003. – Т. III. – С. 550.
10. Zahlen bei Günter Braun. Zur Entwicklung der Wahlen in der SBZ/DDR 1946-1990; in: Weber (Hrsg), Parteiensystem (wie Anm.3). – S. 545-562.
11. Sukut Z. Konflikt (wie Anm.3), passim, Zitat S.1080. Ähnlich auch J.B.Gradlin in einem Diskussionsbeitrag bei der ACDP – Tagung «Die CDU in der – SBZ/DDR 1946-1948 am 22/23.11.1982 in Waiberg (ACDPVI – 015-021-S.32F.). – S. 122.
12. Conze W. (wie Anm.5). – S.38.
13. ACDP.Nachlas Karl Buchheim 1 – 188.0011: «Sondermaterial Nr.5 (wie Anm.12), Nachtrag S.1 und 68.
14. СССР и германский вопрос. Указ. соч. - С.552.
15. ACDP, Zentralbestand Ost-CDU VII-011-1899.fol.10/11; auch zitiert bei Siegfried Suckut: Blockpolitik in der SBZ/DDR 1945-1949. Die Sitzungsprotokolle des zentralen Einheitsfront – Ausschusses. – Köln, 1986. – S. 44.
16. Neue Zeit vom 22.1.1948.
17. Vgl. Gerhard Schmolze: Die CDU in der DDR: Zwischen Konformismus und Selbstbehauptung; in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 19.9.1973.

СТРАТЕГИЯ «ЭКО-БУДУЩЕГО»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В.Ю. Даренский

Государственная академия руководящих кадров культуры, г. Киев, Украина

В.Н. Даренская

Восточнoукраинский национальный университет, г. Луганск, Украина

Цивилизационные трансформации XXI ст., в чем бы они ни состояли в будущем, неизбежно будут происходить под знаком глобальной борьбы за выживание, которая на самом деле уже началась, идет полным ходом и имеет первые жертвы. Первыми ее жертвами стали большинство стран бывшего СССР, утратившие экономическую самостоятельность и подчиненные диктатуре мирового рынка. В каком-то смысле принцип выживания всегда действовал в мировой истории, которая может рассматриваться как сложная совокупность локальных процессов борьбы за овладение средой обитания между различными общностями людей (родами, этносами, нациями и социальными группами внутри наций). Но при этом никогда, вплоть до середины XX века, речь не шла о борьбе за выживание на планетарном уровне, когда сначала ядерное оружие создало вероятность всеобщей гибели, а затем возникла все более острая угроза разрушения биосферы в результате хозяйственной деятельности человечества. Поскольку это разрушение в той или иной

степени неизбежно и уже началось, то теперь борьба за выживание из локальной превратилась в глобальную: «мир прошел половину пути от глобального экологического кризиса (ГЭК) к тотальной экокатастрофе (ТЭК) и последняя скорее всего произойдет не позже середины XXI века» [1, с. 44]. Не избежать (это уже не удастся), но смягчить экокатастрофу можно только путем реализации глобального проекта выживания, для каждой страны имеющего свою специфику. Сам этот проект можно назвать уже существующим термином «эко-будущее». Этот термин предложен доктором философских наук, главой фонда «Практическая философия» (г. Киев) А.В. Толстоуховым. Далее мы изложим ряд тезисов и общих соображений, разработанных авторами в рамках участия в «круглых столах», организованных названным фондом.

От того, насколько реалистичный проект будет избран и как скоро приступят к его осуществлению, зависит количество человеческих потерь (сокращение населения как в локальных, так и в глобальном масштабе) в результате экокатастрофы. Ныне действующий проект так называемого «устойчивого развития» не только утопичен, но и явно аморален, поскольку основан, по сути, на «расистском» делении регионов мира. В соответствии с этим проектом ради благоденствия стран «золотого миллиарда», уничтожающего ресурсы планеты, все остальные должны пребывать в состоянии нищеты и вымирания. Однако даже и такое аморальное «благоденствие» будет весьма недолгим в перспективе сначала все большего вздорожания, а затем и почти полного исчерпания энерго- и биоресурсов. Этот процесс уже начался, и снижение потребительских стандартов внутри самого «золотого миллиарда» вскоре неизбежно приведет к социальным потрясениям, а затем как следствие – к усилению экономического и политического хаоса во многих регионах «третьего мира».

Принципиальной проблемой эко-будущего является в первую очередь исследование тех естественных «механизмов» саморегуляции социумов, на которые следует опереться в стратегиях выживания. В общеметодологическом плане следует заметить, что экологические проблемы традиционно принято связывать с вопросами охраны окружающей природной среды, не замечая при этом всеобъемлющего характера данной области знаний. Ведь экология буквально значит «наука о доме», а это понятие включает не только физический и биологический, но в первую очередь и социальный, и философский, и исторический аспекты. Поэтому разработка проектов эко-будущего (в том числе его локальных, например, национальных составляющих) должна стать предметом междисциплинарной области исследований, которую стоит назвать тотальной экологией, включающей в свою проблематику уже не только и не столько вопросы рационального природопользования (в целом уже всесторонне изученные), но в первую очередь социально-философские, культурологические, антропологические, этические вопросы, связанные с планированием новой цивилизационной модели, способной обеспечить выживание как локальных общностей, так и человечества в целом. В частности, если традиционная экология главное внимание уделяла фактам исчерпания «внешних» ресурсов (энергоносители, почвы, вода, воздух), то для тотальной экологии главным предметом становится исчерпание «внутренних» ресурсов воспроизводства человека и социума (разрушение базовых социальных институтов – семьи и трудовой этики; ухудшение

генофонда и т.д.). В качестве того «испытательного полигона», которому предстоит раньше всех пережить ситуацию коллапса потребительской экономики, население «постсоветских» пространств призвано также раньше всех выработать и соответствующие способы выживания. Речь о том, что в настоящее время глобальная социально-экономическая система становится принципиально многоукладной, и созданная Западом модель «либеральной» цивилизации, основанная на потребительской экономике – это лишь локальное во времени и пространстве явление; пик его расширения пройден, и в дальнейшем оно будет лишь сужаться до состояния дискретных закрытых для внешнего мира зон, разбросанных на больших расстояниях друг от друга. Населению, не попавшему в эти зоны, придется выживать как-то иначе или просто исчезнуть. «Постсоветская» ситуация интересна тем, что она оказывается «модельной» для человечества в целом – своего рода «испытательным полигоном», наглядным экспериментом его будущего [2, с. 68].

Во-первых, с сокращением населения меняется его возрастная структура в сторону постарения, и поэтому, с одной стороны, будет сокращаться доля трудоспособного населения, а с другой – возможности государства для поддержания жизни пенсионеров. В такую страну никто не захочет делать инвестиции, а ее собственный бюджет будет становиться все более затратным и дефицитным, «проедая» все, что могло бы пойти на развитие. Сокращение продуктивной части населения имеет не только объективные причины, но и субъективный фактор непривлекательности производственных видов труда, являющийся следствием разрушения традиционных моральных ценностей. Характерно, что даже и те небольшие инвестиционные возможности, которые имеет наша экономика, сейчас направляются преимущественно в торговлю и сферу услуг, а не в производственные сектора экономики, то есть, в стратегической перспективе – просто «зарываются в землю» и бессмысленно проедаются. Этот субъективный фактор, который разрушает производственный потенциал общества, является непосредственным следствием доминирования среди молодых поколений «идеала» потребителя-эгоцентриста, который в равной мере ощущает отвращение и к напряженной продуктивной работе, и к ответственной семейной жизни, которая предусматривает тяжелый труд и жертвенность в воспитании нескольких детей на протяжении всей активной части жизни. Тем самым в основе и демографических, и экономических деструктивных процессов лежит в первую очередь одна и та же проблема – доминирование нового «постмодерного» человеческого типа с разрушенной семейной и трудовой этикой.

В этом отношении мы в качестве «испытательного полигона» также значительно опережаем Запад. Цивилизация, созданная Западом, изначально основана на глубоко иррациональном и противоестественном во всех отношениях стремлении к *избыточному* потреблению ресурсов и *избыточному* комфорту, что с неизбежностью приводит к психофизиологической и нравственной деградации человека. Эта цивилизация силой формирует человека как ненасытного эгоцентрического сибарита-потребителя, и пытаться противостоять этому принудительному воздействию чрезвычайно тяжело, ведь альтернативные цивилизационные модели жизни практически уничтожены и возродить их в индивидуальной жизни можно лишь чрезвычайным волевым усилием. По видимости, стремясь сделать земную человеческую жизнь максимально комфортной, современная цивилизация достигает этого ценой тотального абсурда, заключенного прежде всего в бессмысленности самого этого стремления как такового, уравнивающего человека с похотливым животным.

Современная цивилизация вырывает человека из непосредственной включенности в природные циклы, опосредуя и почти сводя на нет его контакт с «упругой плотью бытия», замыкает его, словно в тюрьме, в особой сфере эфемерной реальности внутри мира межчеловеческих условностей. Эта тенденция достигает своего полного выражения в «постиндустриальном» мире, где производятся и циркулируют колоссальные потоки *искусственной* информации, полностью замусоривающей человеческое сознание, теряющее способность к самостоятельному мышлению и целостному, осмысленному взгляду на мир и самого себя. Создается замкнутый и абсолютно абсурдный, бессмысленный мир *искусственного* человеческого бытия, в котором абсолютно доминируют искусственные виды деятельности и искусственные потребности, совершенно избыточные по отношению к процессам духовного и физического воспроизводства человека. Более того, они радикально *препятствуют* и тому, и другому самим фактом этого доминирования, отбирающим силы и время людей на *экзистенциально деструктивные* цели, порожденные патологической гордыней эфемерного самоутверждения Его-центрического индивида. В сущностной основе этой цивилизации лежит культивирование новой квазирелигиозной ценности – человеческого Его, т.е. *эголатрия* как новый вид секулярного идопоклонства.

Именно эголатрия является первопричиной разрушения семьи и вымирания социума современной цивилизации. В этом аспекте она проявляется в форме своеобразного *гендерного коллапса*. «Гендер» как совокупность принципиальных социально-функциональных и культурно-психологических различий мужчин и женщин, культивировавшихся в традиционных обществах и обеспечивавших их жизнеспособность, этой цивилизацией последовательно уничтожается (под бездумно-лицемерным прикрытием идеологии «гендерного равенства»). Она формирует массу «социально бесполох», т.е. социально взаимозаменяемых индивидов, унифицированных единой для всех ненасытной страстью потребления всякого рода «благ» и наслаждений. Утрата «гендерных» различий в конечном итоге приводит к утрате духовно-душевного влечения полов друг к другу, остается лишь сожительство с корыстными целями. После разрушения традиционной семьи, основанной на христианском нравственном сознании и на разделении «гендерных» функций, еще несколько поколений «по инерции», постепенно деградируя и разрушаясь, институт семьи еще продолжал существовать. Это могло создавать иллюзию, что секулярная семья может существовать вечно. В настоящее время наступил «момент истины»: более-менее жизнеспособны те немногие семьи, которые хотя бы пытаются вернуться к традиционным ценностям; остальные, основанные на эголатрии, обречены на разрушение – и эта закономерность практически не знает исключений.

Но судьба института семьи (некоторые западные социологи уже прямо говорят, что сомневаются в его существовании) – это лишь одно, хотя и самое принципиальное, проявление более общего явления, которое можно условно назвать неоварварством как доминантой современной цивилизации. Впервые об этом писал еще Х.Ортега-и-Гассет: «по отношению к той сложной цивилизации, в которой он рожден, европеец, входящий сейчас в силу, – просто дикарь, варвар, поднимающийся из недр современного человечества» [Цит. по: 3, 204]. Позднее М.К. Мамардашвили ввел удачный термин «антропологическая катастрофа» для обозначения

наступающей неспособности современного человека воспроизводить те первичные смыслы, без которых невозможно жить. Главной причиной этой вторичной варваризации является окончательное формирование «потребительского общества», в котором оказывается избыточным все, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма – стремления ко все большему комфорту и удовлетворению витальных потребностей (все более искусственных). Это, в первую очередь, базовые духовные ценности и культурные навыки, унаследованные от традиционного общества. Но, как оказалось, без них и человек, и социум в целом в конце концов оказываются нежизнеспособны и вымирают просто физически. Соответственно, единственная реальная, а не паллиативная стратегия выживания столь же проста, сколь и шокирующа для большинства «современных» людей: это возвращение к базовым ценностям и социальным структурам традиционной цивилизации.

Вместе с тем, если присмотреться даже к самому «продвинутому» обществу стран «золотого миллиарда», то и здесь можно заметить явные, хотя и противоречащие его официальной идеологии попытки воссоздания структур традиционного общества. Это, в первую очередь, эффективные технологии управления массовым сознанием и поведением, что соответствует жесткой нормативности обычного традиционного общества. Фундаментальное отличие состоит лишь в системах ценностей и методах этого управления, но сама нормативность современного общества во многих аспектах даже большая, чем у обычных традиционных обществ. Даже идеологический концепт «свободы» ныне практически утратил свой первоначальный смысл и в первую очередь является средством манипуляции «общественным мнением» (впрочем, и последнего в его подлинном смысле давно уже нет). Наконец, использование человеческих ресурсов «третьего мира», которые не торопятся ассимилироваться, означает желание и за счет них укрепить социальную нормативность обществ, идеологические продолжающих именовать себя «либеральными».

В свое время П.Сорокин, указывая на неизбежную гибель современной цивилизации, определял цивилизационную парадигму предшествующего этому периода следующим образом: «а) нарастающий упадок чувственной культуры, общества и человека и б) появление и постепенный рост первых компонентов нового (идеационального или идеалистического) социокультурного строя» [4, с. 885]. На самом деле, картина оказывается более сложной и даже весьма парадоксальной. С одной стороны, «чувственная культура» в материальном (экономическом и военном) отношении стала еще более мощной, подчинив весь мир своим интересам. С другой стороны, она максимально мобилизует внутренние «идеациональные» ресурсы в виде усиления идеологической и поведенческой нормативности. Наконец, по всему миру традиционные культуры втягиваются в процесс секуляризации, а значит, обречены на разрушение в качестве некогда господствовавших. Если бы не близкая перспектива экокатастрофы, эти процессы могли бы протекать долго и плавно, но этого не будет. Будет, и уже происходит быстрое структурирование глобального перераспределения ролей в борьбе за ресурсы, при котором все регионы мира будут черпать внутренний социальный капитал в сознательном, вполне авторитарном возрождении локального традиционализма. Только таким путем можно «амортизировать» разрушение идеалов (для многих так и не достигнутых) потребительского общества и сохранить жизнеспособность социума. Если донныне это возрождение происходило стихийно, на уровне индивидов и групп, то ближайшие десяти-

летия ознаменуются феноменом своеобразного государственного традиционализма, переход к которому после доминирования либеральных идеологий для многих людей будет весьма болезненным «крушением идеалов» и будет восприниматься как второе пришествие «тоталитарных идеологий». Последнее мнение будет глубоко ошибочно, поскольку «тоталитарные идеологии» всегда были результатом секуляризации сознания (то есть, в конечном счете имели тот же источник, что и сам либерализм), а всякий традиционализм, хотя бы и культивируемый государством – наоборот, есть возрождение религиозности и духовных ценностей. В том числе и подлинного смысла понятия «свобода».

Как внутри коренных народов «золотого миллиарда» на основе духовно-нравственного возрождения, так и в старых традиционных обществах, обреченных в той или иной степени пройти все соблазны Модерна и Постмодерна, носителем жизнеспособной модели социальности будет тип человека, который можно условно назвать эко-личностью. Его основные признаки: 1) приоритет духовных ценностей; 2) здоровый образ жизни; 3) способность к относительной социальной автаркии в условиях конкурирующих стилей жизни и систем ценностей. Эко-личность – это человек, способный выжить в условиях краха потребительского общества.

Литература

1. Зубаков В.А. Куда идем? К экокатастрофе или экореволуции? // Философия и общество. Научно-теоретический журнал. – М., 2000. – № 2. – С. 44-73.
2. Покровский Никита. В зеркале глобализации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста: Сб. – М.: АСТ, 2004. – С. 54-75.
3. Ремизов Михаил. Модернизация против модернизации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста: Сб. – М.: АСТ, 2004. – С. 201-205.
4. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

СПЕЦИФИКА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.А. Жарикова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

О.Н. Жарикова

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь*

В современных условиях происходят значительные процессы в изменении структуры мировой системы научной коммуникации. Становление мировой информационной сети позволяет представить ее как информационное пространство, где формируются научные тематики. Некоторые ученые предлагают рассматривать мировую систему научной коммуникации как целостный информационный объект.

Важным шагом в развитии коммуникации в мировом сообществе стало широкое распространение электронной почты, позволившее многим ученым реализовать каналы неформальной коммуникации, которая ранее могла происходить только на конференциях, симпозиумах, семинарах. Это привело к образованию большого числа

«невидимых колледжей», неформальных объединений ученых, работающих в одной тематической области науки. Этот процесс неформальной коммуникации, происходящий в настоящее время, подробно не изучен и ждет своих исследователей.

Мировая система научной коммуникации предназначена для объединения целенаправленной деятельности большого числа ученых, проживающих в разных странах, говорящих на разных языках и работающих в одной тематической области.

В информационном обществе взаимоотношения между людьми начали строиться на информационной основе - посредником отношений между ними является именно информация. Мерилом достоинства личности зачастую становится количество, а вслед за этим - и качество потребленной информации, которую необходимо усвоить, стало быть, овладеть ею. Внешне рост информированности человека ассоциируется с ростом его образованности, так как даже не всякой вещь можно овладеть без соответствующей подготовки, а уж об информации и говорить нечего - она предъявляет к индивиду гораздо большие требования [1, с. 13]. Поэтому неизбежен всплеск интереса к образованию и потребности в нем. Речь идет о подготовке интеллектуальных, ответственных и высоконравственных людей, которых может подготовить общество с системой образования, базирующейся на гуманистических, духовно-нравственных ценностях. Суть такой модели заключается в аксиологизации, фундаментализации и гуманизации образования. Реализация данной парадигмы, по мнению ряда авторов, способна изменить статус образования, общественное сознание, отношения между людьми и различными странами. Она играла бы ведущую роль в становлении гражданского информационного общества, которое приходит на смену индустриальному обществу, то есть это некий синтез черт гражданского и информационного общества. В таком контексте эти общества - не два различных феномена, а один: гражданское подразумевает цель развития, а его информационность обеспечивает адекватные условия, создает средства для реализации прав и свобод граждан, их ответственности за свои действия. В таком обществе умножение ресурсов происходит не за счет освоения новых территорий и природных богатств, а за счет структурных изменений, интеллектуализации и информатизации общества, применения интенсивных технологий. Оно является переходным от индустриального к ноосферному, обществу коллективного разума, что особенно важно для развития системы научных коммуникаций в современном мире. Ведь «постиндустриальное общество формируется под воздействием технологии интеллектуальной» [2].

Сегодня, когда есть возможность работать в сети Интернет и иметь свою личную базу данных, знания практически сразу становятся экономическим и социальным благом. Если раньше знания, добытые одним человеком, становились достоянием небольшой группы людей, то теперь моментально расходятся по всему свету.

Появился новый эффект: выигрывать начинают не те страны, которые создают много знаний, а те, что умело и быстро их используют. Например, такие быстро развивающиеся страны, как Япония, Тайвань, Сингапур и некоторые другие, сами производят немного знаний, но их образованные граждане обучены и, главное, умеют использовать знания, добытые другими. Поэтому принципиально важно сегодня для образования - научить людей извлекать знания из баз данных и других хранилищ информации, генерировать новые знания в электронном виде, т.е. создавать свой продукт, и далее - продавать (коммерциализировать) свои и привлеченные знания.

Человек должен научиться эффективно работать и общаться в сетях вне зависимости от границ и языковых барьеров. Это то, чего на самом деле не хватает для жизни сегодня. Это порождает большие проблемы в отношении подготовки и переподготовки профессоров и преподавателей. Кроме высокой квалификации в своих предметных областях, они должны владеть информационными технологиями.

Литература

1. Лазаревич А. Постиндустриализм в зеркале теории информационного общества / А.А.Лазаревич // Философия и социальные науки. – 2007. – № 4.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д.Белл; пер. с англ. 2-е изд. испр. и доп. – М., 2004.

PROMOCJA ORGANIZACJI SPORTOWYCH W POLSCE

Jarosław Zalejski

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

1. Definicja i cele promocji organizacji sportowych. Promocja to proces komunikowania się z rynkiem, który związany jest z realizacją określonych celów rynkowych organizacji oraz bazuje na określonym zestawie narzędzi, ukierunkowanych na aktywizowanie sprzedaży. W realizacji strategii marketingowej promocja stanowi główne narzędzie komunikowania się organizacji (firmy, klubu, komitetu powołanego w celu zorganizowania jakiejś imprezy) z rynkiem, rozumianym jako zbiór przyszłych nabywców przygotowywanego z myślą o nich produktu – imprezy. Istnieje rozpowszechnione przekonanie, że promocja pozwala na skuteczne skoordynowanie popytu i podaży oraz na efektywne prowadzenie walki konkurencyjnej. Oznacza to, że poprzez promocję następuje zrównowazenie wysokości zainteresowania imprezą ze strony społeczeństwa z możliwościami organizatorów oraz, że dzięki promocji wielkość przygotowanej oferty znajdzie swoich nabywców co stanowi, że trybuny podczas zawodów nie będą świeciły pustkami [2, s. 69].

Podstawowym celem promocji jest pozyskanie przychylności potencjalnych kibiców, sympatyków, dla sportu poprzez reprezentowaną dyscyplinę, za pomocą eksponowania jej walorów oraz prezentowania osobistych korzyści, jakie zapewnia im uprawianie sportu, sportowe wartości oraz uczestnictwo w organizowanych imprezach sportowych [4, s. 196].

Należy wskazać również na cele pośrednie prowadzące do realizacji celu głównego – zadania etapowe, które organizator imprezy powinien wykonać po drodze do celu podstawowego. Przy realizacji imprez sportowo – rekreacyjnych już na etapie budowania koncepcji promocji należy mieć na uwadze następujące zadania:

- poinformowanie nabywców o imprezie, jako nowej inicjatywie organizacji, podejmowanej z myślą o lokalnej społeczności i jej oczekiwaniach,
- przekonywanie o szczególnym charakterze imprezy i jej walorach, o czym świadczą przewidywane atrakcje, udogodnienia, niespodzianki,
- podtrzymanie więzi z dotychczasowymi uczestnikami poprzez zaoferowanie zniżek na bilety, ufundowanie nagród dla najwierniejszych kibiców,

- zachęcanie do zakupów oferowanych usług w określonym czasie i na podanych przez organizatorów warunkach,

- wyeliminowanie lub ograniczenie postrzeganego przez kupujących ryzyka związanego z imprezą; może ono wynikać z miejsca zawodów, dojazdów, wielkości widowni itp.

Wykonując zadania promocyjne należy przestrzegać wypracowanych w tej dziedzinie reguł postępowania takich jak:

- promocja imprezy sportowej powinna być podporządkowana celom ogólnym instytucji,

- kształtowanie promocji imprezy powinno służyć wykreowaniu pozytywnego wizerunku organizatora i jego działalności w ogóle, a nie tylko promowanego przedsięwzięcia,

- promocja powinna trafiać do właściwych adresatów i odpowiadać procesowi podejmowania przez nich decyzji o zakupie [8, ss. 181-182].

2. Narzędzia promocji organizacji sportowych. Promocja jako kompleksowy proces komunikacji z otoczeniem obejmuje następujące wyodrębnione formy:

- reklama,

- aktywizacja sprzedaży (sprzedaż promocyjna, promocja dodatkowa),

- public relations,

- sponsoring [2, s. 69].

Reklama. Reklama - to wszelkiego rodzaju płatne formy nieosobowej prezentacji oraz promocji pomysłów, dóbr lub usług przez określonego sponsora [6, s.105]. Reklama jest płatną formą nakłaniania konsumenta do zakupu np. sprzętu sportowego lub wzięcia udziału w imprezie sportowej. Celem reklamy jest więc poinformowanie o produktach sportowych i związanych ze sportem, aby zwiększyć na nie popyt. W reklamie sportowej wykorzystywane są stałe elementy, tzw. konstanty reklamowe. Zaliczyć należy do nich: logo klubu, slogany reklamowe, jednolite kolory i stały styl reklamy, który jest charakterystyczny dla danej organizacji sportowej [9, ss. 187-189].j. Jako nośniki reklamy wykorzystywane są:

- środki masowego przekazu – transmisje z ważnych wydarzeń sportowych, reklamy w telewizji i radiu;

- plakaty, ulotki – nakłaniające do udziału (czynnego lub biernego) w imprezach sportowych,

- nośniki zewnętrzne (bilbordy),

- Internet,

- oraz osoby związane ze sportem.

Adresatami reklamy są przede wszystkim kibice sportowi oraz wszelkie podmioty należące do tzw. „zainteresowanych” działalnością sportową.

Aktywizacja sprzedaży Aktywizacja sprzedaży zwana również promocją dodatkową, polega na wzmocnieniu i uzupełnieniu oddziaływania reklamy. Cechą wyróżniającą stosowanych środków promocji dodatkowej jest bowiem to, że łączą się z przyznaniem kupującym i sprzedawcom wymiernych korzyści, które zwiększają atrakcyjność produktu czyli imprezy sportowej. Promocja dodatkowa stanowi bowiem istotą część marketingowej strategii każdej organizacji sportowej [2, s. 75]. Najczęstszymi środkami tego rodzaju promocji w odniesieniu do imprez sportowo – rekreacyjnych mogą być:

- obniżenie ceny biletu zakupionych w odpowiednim okresie czasu,

- zwrot należności za bilety o wskazanych numerach albo losowanych podczas imprez,
  - konkursy z wartościowymi nagrodami dla uczestników,
  - upominki w postaci pamiątek klubowych,
  - nagradzanie kibiców posiadających karnety wstępu na cały sezon [8, ss.190-191].
- Celem sprzedaży promocyjnej (aktywizacji sprzedaży) jest:
- stymulowanie wzrostu sprzedaży,
  - utrwalenie zaufania stałych klientów (wiernych kibiców),
  - wprowadzenie nowego produktu na rynek (odżywki dla sporowców wyczynowych),
  - zachęcenie do próbnego zakupu,
  - przyciąganie nowych klientów (pozyskanie większej rzeszy widzów),
  - rozszerzenie znajomości marki produktu wobec klientów,
  - wyprzedaż towarów,
  - zwiększenie zakupów dokonywanych przez nieregularnych użytkowników [10, s. 55].

Tabela 1 – Porównanie narzędzi i celów aktywizacji sprzedaży z reklamą

AKYWIZACJA SPRZEDAŻY	REKLAMA
krotkotermirowe posunięcia dotyczace produktu (np. odziez sportowa)	budowa dlugotrwalogo wizerunku i wartosci marki
namacalne natychmiastowe wyniki	efekt kumulacyjny rozlozony w czasie
zachęcenie klienta do wyprobowania produktu (np. energetycznych odzywek sportowych)	informowanie o cechach i zaletach produktu
zdobywanie swiadomosci i akceptacji handlowej	zdobywanie swiadomosci i akceptacji klienta (widza, sympatya zawodow sportowych)

Źródło: Russel T., Roland W., Reklama według Ottona Kleppnera, Felberg SJA, Warszawa 2001, s. 434 cyt. za: Misiolowski R., Marketing w sporcie, Promotor, Warszawa 2005, s. 16

Do realizacji celów aktywizacji sprzedaży wykorzystać można wiele narzędzi zawierających dodatkowe i nadzwyczajne bodźce, zwiększające stopień atrakcyjności produktu wobec nabywcy i podwyższającego jego skłonność do zakupu. W doborze tych narzędzi planista marketingowy powinien brać pod uwagę rodzaj rynku, na którym sprzedawany ma być produkt, cele jakie realizować ma promocja, konkurencję oraz koszty i efektywność poszczególnych narzędzi [10, s. 55].

Public relations. Public relations (PR) to wielostronne kontakty i stosunki organizacji ze środowiskiem zewnętrznym i wewnętrznym oraz wszelkie działania służące wywoływaniu lub utrzymaniu zainteresowania jej pracą, a także – powstaniu pozytywnego nastawienia i zaufania społeczeństwa do stowarzyszenia [3, s. 18].

Public relations w organizacji sportowej daje szczególne efekty w budowie prestiżu i osiągania sukcesów. Imprezy sportowe, poszczególne dyscypliny sportu, są nader „medialne”. To znaczy budzą zainteresowanie środków masowej komunikacji (prasy, TV), tym samym docierają do szerokiej publiczności, z której sport czerpie siły witalne i dzięki której istnieje, a „bohaterowie sportu” stają się naturalnymi liderami grup i zbiorowości lokalnych. Natomiast formalnym liderom sport daje szansę nobilitacji, pozyskania sympatii podwładnych i otoczenia (organizatorów, sponsorów sportu oraz działaczy sportowych). W praktyce public relations tworzą dwa różne, choć wzajemnie uzupełniające się komponenty. W sporcie PR jest powszechnie utożsamiany ze strategią współpracy z mediami, czyli Media Relations (MR), który jest pierwszym z komponentów. Drugim zaś jest Community Relations (CR), czyli wszelka aktywność społeczna organizacji sportowych skierowana głównie do środowisk lokalnych [3, s. 18].

Metody kształtowania PR rozpatrywane z instrumentalnego punktu widzenia można podzielić na dwie grupy. Do pierwszej zalicza się te, które wykorzystują środki masowego przekazu (prasa, radio, telewizja), a do drugiej wszystkie pozostałe [7, s. 186].

W grupie medialnej najczęściej stosowanymi instrumentami są:

- spotkania z dziennikarzami z okazji różnych wydarzeń (np. otwarcie nowego obiektu sportowego, rozpoczęcie sezonu, uruchomienie nowych usług rekreacyjnych),
- konferencje prasowe, które w odróżnieniu od spotkań wymagają dobrego przygotowania informacyjnego o instytucji sportowej, jej osiągnięciach i zamierzeniach,
- wywiady i wypowiedzi przedstawicieli, działaczy, zawodników organizacji w mediach,
- stałe kontakty rzecznika prasowego z mediami,
- relacje dziennikarskie z wydarzeń i imprez,
- artykuły pisane na zamówienie [3, s. 20].

Poza mediami w public relations wykorzystuje się jeszcze inne działania i instrumenty:

- sprawozdania, broszury o działalności programowej, biuletyny informacyjne,
  - materiały audiowizualne, np. instruktażowe filmy promujące kulturę fizyczną,
  - wystawy trofeów sportowych, sprzętu i ubiorów,
  - kiermasze pamiątek, ubioru i sprzętu przy okazji imprez,
  - zajęcia i sympozja dla specjalistów (np. kadry szkoleniowej),
  - lokalna działalność społecznie użyteczna (np. udostępnienie obiektów sportowych),
  - przekazanie dochodu z imprezy sportowej na cele charytatywne [1, ss. 169-170].
- Inna grupą działań PR stanowią przedsięwzięcia programowo – organizacyjne, np.:
- uroczystości rocznicowe, jubileusze organizacji oraz historia istotnych dla niej zdarzeń,
  - imprezy organizowane z okazji otwarcia lub zakończenia sezonu,
  - doroczne dni miejscowości, w których żyjemy i działamy,
  - inne środowiskowe wydarzenia, w których należy zaistnieć [7, s. 188].

Tabela 2 – Różnice między reklamą a public relations

REKLAMA	PUBLIC RELATIONS
zapewnienie napływu pieniędzy do organizacji sportowej	kreowanie długoterminowego zaufanie do organizacji sportowej
komunikat opłacany przez organizację sportową	bezpłatnie informacja o organizacji sportowej
nakłanianie do zakupu produktów dla sportowców	kształtowanie opinii publicznej
promocja konkretnego wytworu	kreuje wizerunek organizacji
kontrolowaną formą umieszczenia komunikatu w mediach	niekontrolowaną formą rozpowszechniania informacji w mediach

Zródło: Sobkowiak B., Public Relations jako forma komunikowania masowego, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 1999, s. 68; cyt. za: Misiolowski R., Marketing w sporcie, Promotor, Warszawa 2005, s. 20

Sponsoring. Sponsoring jest jedną z najszybciej rozwijających się form promocji. Jego istotą są skojarzenia, dzięki którym pozytywny obraz sponsorowanego przenosi się na sponsora. Znak sponsora towarzyszy imprezom lub działaniu sponsorowanych instytucji. W przypadku produktów, których reklama jest ograniczona przepisami prawnymi, sponsoring jest często jedyną możliwością promocji masowej. Ważnym argumentem przemawiającym za stosowaniem sponsoring jest również zwiększające się zainteresowanie masową rozrywką oraz wzrost świadomości społecznej [14].

Spśród wielu instrumentów marketingowych znajdujących zastosowanie w szeroko pojętej działalności sportowej niewątpliwie na czoło wysuwa się sponsoring, którego popularność wśród działaczy sportu i organizatorów imprez z roku na rok wzrasta. Zaufanie do sponsoringu, a nawet wręcz wiara w jego moc sprawczą nie idzie jednak w parze ze znajomością obowiązujących w nim reguł, co jest niezbędne, aby zapewnić sukces finansowy organizatorom imprez i przyczynić się do osiągnięcia strategicznych celów stowarzyszeń kultury fizycznej [8, s. 194].

Najkrócej można stwierdzić, że sponsoring oznacza specyficzne formy działań, polegających na wspieraniu ważnych dziedzin życia społecznego. Sport jest tą sferą ludzkiej działalności, w której sponsoring zastosowano na dużą skalę najwcześniej i najsukuteczniej, a mimo to występuje w nim najwięcej problemów w osiąganiu zakładanych celów. Takim problemem jest np. zakaz reklamy niektórych produktów na obiektach sportowych czy w ogóle zakaz reklamy w czasie imprez. W sponsorowaniu sportu, zwłaszcza wyczynowego, występuje duże ryzyko związane z realizacją świadczeń przez sponsorowanych zawodników, tj. ryzyko nieosiągnięcia ustalonych w umowie wyników sportowych, np. pobicie rekordu na sponsorowanych zawodach [2, s. 82].

Sponsoring organizacji sportowych występuje w podwójnej roli:

- z jednej strony organizacje sportowe, w szczególności kluby sportowe, są podmiotami sponsorowanymi,

- z drugiej zaś strony organizacje sportowe w swej działalności komercyjnej wykorzystują tę formułę jako sponsorzy – dla własnej promocji [5, s. 84].

Generalnie można stwierdzić, że jeśli chodzi o przedmiot, to na rynku sponsorskim dominującą pozycję w Polsce i na świecie zajmuje sport. Chodzi tu o finansowe i rzeczowe wspomaganie imprez sportowych, transmisji z imprez, jak i poszczególnych klubów czy zawodników. Dane na ten temat są zróżnicowane. Przyjmuje się, że 60% funduszy wydawanych przez firmy na sponsoring trafia do sportu, a zaledwie 30% do kultury zatem tylko 10% przysługuje pozostałym dziedzinom życia [13].

3. Promocja sportu przez instytucje społeczno-gospodarcze

Skuteczne promowanie sportu w Polsce nie może się odbywać bez wsparcia ze strony instytucji społeczno-gospodarczych. Ustawa z dnia 18 stycznia 1996 r. o kulturze fizycznej [11]. określa, czym jest kultura fizyczna, jakie są jej cele oraz jakie instytucje i w jakiej formie ją wspierają.

W artykule 1.1. Ustawy stwierdzono, że kultura fizyczna jest częścią kultury narodowej, chronionej przez prawo. Obywatele, bez względu na wiek, płeć, wyznanie, rasę oraz stopień i rodzaj niepełnosprawności – korzystają z równego prawa do różnych form kultury fizycznej. Podstawowymi celami kultury fizycznej jest dbałość o prawidłowy rozwój psychofizyczny i zdrowie wszystkich obywateli. Ustawa określa również zasady działalności w sferze kultury fizycznej, a także zadania organów administracji rządowej i samorządu terytorialnego, stowarzyszeń kultury fizycznej i ich związków oraz innych podmiotów w zakresie zapewnienia prawidłowej realizacji procesu wychowania fizycznego, uprawiania sportu i rekreacji ruchowej oraz prowadzenia rehabilitacji ruchowej [11].

Administracja państwowa. Do zadań administracji rządowej należy między innymi nadzór nad działalnością stowarzyszeń kultury fizycznej oraz związków sportowych. Organem nadzorującym działalność polskich związków sportowych i związków sportowych o zasięgu ogólnokrajowym działających w wielu dyscyplinach lub dziedzinach sportu jest Prezes Urzędu Kultury Fizycznej i Sportu [12]. W Polsce administracja państwowa przyczynia się do promowania sportu także poprzez obejmowanie patronatu nad imprezami sportowymi. W przypadku wyścigu Tour de Pologne w 1999 roku

prezydent Aleksander Kwasniewski wraz z żoną zostali przewodniczącymi Honorowego Komitetu 56. Tour de Pologne. W roku 2004 do Komitetu Honorowego 61. Tour de Pologne należeli między innymi: Józef Oleksy (Marszałek Sejmu), Ryszard Kalisz (Minister Spraw Wewnętrznych i Administracji), Włodzimierz Cimoszewicz (Minister Spraw Zagranicznych), Jerzy Szmajdziński (Minister Obrony Narodowej), Mirosław Sawicki (Minister Edukacji Narodowej i Sportu).

Organizacje sportowe [11].

Promowanie sportu przez organizacje sportowe jest oczywiste. Jest to jedno z podstawowych założeń przy ich tworzeniu. Nakłaniają one już małe dzieci do udziału w zawodach sportowych, do rozwijania swoich umiejętności, rozpowszechniają zamiłowanie do sportu, kształcą w tym kierunku młodzież, pomagają młodym ludziom znaleźć dziedzinę, w której są najlepsi, a następnie odnosić w niej sukcesy. W Polsce istnieje wiele takich organizacji, które specjalizują się w poszczególnych kategoriach wiekowych, dyscyplinach sportowych, zasięgu krajowym bądź międzynarodowym. Podstawową jednostką organizacyjną realizującą cele i zadania w zakresie kultury fizycznej jest klub sportowy.

Kluby sportowe (w liczbie co najmniej trzech) mogą zakładać związki klubów, zwane „Związkami Sportowymi”. Do podstawowe zadań Związków Sportowych zalicza się:

- prowadzenie działalności w zakresie sportu i rekreacji ruchowej;
- organizowanie zawodów, imprez sportowych i rekreacyjnych;
- prowadzenie działalności wychowawczej i popularyzatorskiej w zakresie kultury fizycznej;

- szkolenie oraz doskonalenie kadr trenersko-instruktorskich;

- wspieranie działalności uczniowskich klubów sportowych;

Najważniejszą rolę w promowaniu polskiego sportu za granicą odgrywa Polski Komitet Olimpijski. Jest on związkiem stowarzyszeń i innych osób prawnych, działającym na podstawie Prawa o stowarzyszeniach, w celu zapewnienia udziału reprezentacji kraju w igrzyskach olimpijskich, propagowania zasad olimpizmu, reprezentowania polskiego sportu w Międzynarodowym Komitecie Olimpijskim oraz wobec narodowych komitetów olimpijskich i innych międzynarodowych organizacji.

Działalność w zakresie sportu profesjonalnego prowadzą sportowe spółki akcyjne i Polskie Związki Sportowe. Do podstawowych zadań związanych ze sportem tych organizacji należą:

- promocja sportu,
- uczestnictwo w profesjonalnych zawodach sportowych,
- prowadzenie działalności na rzecz jego rozwoju.

Wszystkie wyżej przedstawione organizacje sportowe mają ogromny wpływ na promocję sportu w Polsce oraz na promowanie polskich sportowców za granicą. Organizują zawody i imprezy sportowe, dostarczają na ten temat informacji, zachęcają do czynnego uprawiania sportu, promują najlepszych i sprawiają, że są oni idolami, gwiazdami. To wszystko sprawia, że sport staje się coraz popularniejszy i coraz więcej osób chce się nim zajmować.

Institucje edukacyjne [11]. Edukacja odgrywa podstawową rolę w życiu każdego człowieka. Liczy się nie tylko wiedza książkowa, ale i edukacja z zakresu wychowania fizycznego. Właśnie dlatego promocją sportu wśród dzieci i młodzieży szkolnej zajmują się przedszkola, szkoły, placówki oświatowo - wychowawcze oraz szkoły wyższe działające w systemie dziennym. W ramowych planach nauczania szkół podstawowych, gimnazjów oraz w pierwszych dwóch latach nauki w szkołach ponadpodstawowych zapewnia się 5 godzin lekcyjnych obowiązkowych zajęć wychowania fizycznego w ciągu tygodnia.

Zajęcia z wychowania fizycznego prowadzone są również w jednostkach organizacyjnych podległych Ministrowi Obrony Narodowej, ministrowi właściwemu do spraw wewnętrznych oraz Szefowi Obrony Cywilnej Kraju. Minister właściwy do spraw kultury fizycznej i sportu w porozumieniu z Ministrem Obrony Narodowej i ministrem właściwym do spraw wewnętrznych określa, w drodze rozporządzenia, wzorcowy program zajęć. W celu kształcenia młodzieży o szczególnych uzdolnieniach sportowych oraz odpowiednich warunkach zdrowotnych są tworzone szkoły lub klasy sportowe albo szkoły mistrzostwa sportowego.

Podmioty gospodarcze. Sport w Polsce jest promowany na wiele sposobów. W tym procesie biorą udział także podmioty gospodarcze. Podmiot gospodarczy – to każdy aktywny uczestnik procesu gospodarczego, który poprzez swoje decyzje wywołuje określone skutki ekonomiczne. Podmioty gospodarcze uczestniczą w promocji sportu między innymi poprzez organizowanie imprez sportowych. Najlepszym przykładem takich działań jest firma LangTeam, która zajmuje się organizacją wyścigów kolarskich. Ponadto podmioty gospodarcze mają udział w promocji sportu poprzez sponsoring (np. jednym z pierwszych sponsorów wyścigu kolarskiego Tour de Pologne była firma Mroz z Borka Wielkopolskiego, właściciel zakładów mięsnych, która do dzisiaj bardziej kojarzy się z kolarstwem niż z mięsem).

4. Zakończenie

W opracowaniu przedstawiono instrumenty, które umożliwiają skuteczną promocję sportu. Każdy z elementów promocji jest ważny w walce o zdobycie zainteresowania sportem tak zawodowym, jak i masowym. Efektywna promocja sportu na terenie Polski wymaga poszukiwania właściwych metod i sposobów na pozyskanie środków finansowych z szerokiego zaplecza społecznego. Rodzaj zadań, a także potrzeba opracowania i realizowania założonych celów, kieruje organizację sportową ku organizacji komercyjnej. Proces komercjalizacji sportu, zmusza niejako instytucje, związki (kluby) sportowe, do stosowania skutecznych form komunikowania się z całym jego otoczeniem, w celu zapewnienia środków finansowych, które są niezbędne do realizacji celów statutowych. Stosowanie działań promocyjnych jest więc kluczem do odniesienia sukcesu w sporcie.

Literatura

1. Izydorczyk A. Marketing w systemie kultury fizycznej. – Warszawa: Wydawnictwo Polska Korporacja Menedżerów Sportu, 2003.
2. Klisiński J. Marketing w sporcie. – Warszawa, 1994.
3. Misiolowski R. Marketing w sporcie. Promotor. – Warszawa, 2005.
4. Mruk H., Jardanowski P., Matecki P., Kropielnicki K. Sport i business, III Ogólnopolska Konferencja Naukowa, Dni Marketingu Sportowego na Akademii Ekonomicznej w Poznaniu. – Poznań, 2005.
5. Perchuda K. Zarządzanie marketingiem w organizacji sportowej, Wydawnictwo AWF. – Wrocław, 2003.
6. Przydatek E. J. Promocja, WSiP. – Warszawa, 1999.
7. Ryba B. Zarządzanie instytucjami sportowymi, Polska Korporacja Menedżerów Sportu. – Warszawa, 1997.
8. Ryba B. Organizacja imprez sportowych, Polska Korporacja Menedżerów Sportu. – Warszawa, 2001.
9. Sznajder A. Marketing sportu, PWE. – Warszawa, 2008.
10. Zalejski J. Polityka promocji w przedsiębiorstwie, WSiP. – Białystok, 2001.
11. Ustawa z dnia 18 stycznia 1996 r. – O kulturze fizycznej. (Dz. U., 1996, nr 25, poz. 113)
12. Ustawa z dnia 7 kwietnia 1989 r. – Prawo o stowarzyszeniach (Dz. U., nr 20, poz. 104 i Dz. U., 1990, nr 14, poz. 86).
13. Witryna internetowa. <http://www.sponsoring.pl/cospon.php>
14. Witryna internetowa. <http://pl.wikipedia.org/wiki/Sponsoring>

ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

А.М. Жук

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Весь мировой опыт говорит, что успешное развитие современной экономики невозможно без поворота к нуждам и потребностям человека. При переходе государства к рынку коренным образом меняются социально-экономические отношения, изменяются и условия жизни людей. Адаптация к ним значительной части населения проходит с большими социальными издержками.

Для обеспечения устойчивого развития в условиях общественных трансформаций первостепенное значение имеет социальная политика - сфера практического осуществления важнейшей функции государства по созданию условий, обеспечивающих каждому члену общества реализацию его потребностей. В белорусском социальном государстве в центре такой политики находится человек. И под социальной защитой понимается политика государства по обеспечению социально-экономических прав и гарантий человеку независимо от его места жительства, национальности, пола, возраста и других обстоятельств.

В таком понимании в социальной защите нуждается практически каждый человек, находящийся в сложных жизненных обстоятельствах. Они возникают в связи с действием неблагоприятных факторов окружающей природной среды, в силу физиологических закономерностей: преклонный возраст, болезнь, ограниченная дееспособность в детстве, а также как результат влияния социальных факторов, которые в условиях общественных трансформаций проявляются особенно отчетливо. К социальным факторам относятся проблемы трудоустройства, уровень доходов, получение образования, необходимой медицинской помощи и т.д. Важнейшей задачей социального государства является оказание помощи и поддержки всем нуждающимся с целью преодоления воздействия неблагоприятных факторов природной и социальной среды.

При таком широком толковании социальной защиты в ней, по сути, нуждаются практически все граждане. Следовательно, социальная защита как одна из основных функций социальной политики государства имеет всеобщий характер. Во-первых, она распространяется на всех членов общества и граждан государства. Во-вторых, она предполагает обеспечение условий для доступа человека к образованию, здравоохранению, культуре, физической культуре, спорту, туризму, санаторно-курортной сфере, жилищно-коммунальным и другим объектам социальной инфраструктуры и видам социальных услуг. В-третьих, социальная защита должна осуществляться на протяжении всей жизни человека от рождения до его смерти.

Вместе с тем исторический опыт свидетельствует о том, что социальная защита должна осуществляться дифференцированно. Так, для трудоспособного населения социальная защита предполагает предоставление гарантий и компенсаций, создание условий для нормальной жизнедеятельности людей, занятия трудовой деятельностью. Гарантии и компенсации должны позволять человеку реализовать право на труд, выбор места работы, профессии, специальности.

Социальная защита предусматривает обеспечение безопасных условий труда, сохранение здоровья и трудоспособности человека, равное вознаграждение за равный труд. Она включает компенсацию утраты трудоспособности, обеспечение минимального дохода в случае безработицы, потери дохода из-за временной нетрудоспособности, болезни, несчастного случая на производстве, профессионального заболевания, инвалидности, потери кормильца, старости, обеспечение социальной, медицинской, профессиональной реабилитации.

В отличие от социальной защиты трудоспособных людей социальная защита инвалидов представляет систему гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, компенсации ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими людьми возможностей участия в жизни общества.

Имеет свою специфику социальная защита детей, которая предполагает создание условий для их жизнеобеспечения. Речь идет о правовой защите детства, поддержки семьи как естественной среды жизнеобеспечения детей, обеспечении безопасного материнства и охраны здоровья, воспитания, образования, развития, улучшения питания детей.

Особое место в системе социальной защиты отводится социальной защите молодежи. Эта особая социально-демографическая группа также нуждается в социальной поддержке государства, так как в свои молодые годы она вынуждена решать очень важные вопросы личного характера, имеющие особую социальную значимость: получение образования и профессиональное становление, трудоустройство, создание семьи, обеспечение жильем и т.п.

Социальная защита населения базируется на международном и национальном законодательстве. основополагающим документом по вопросам социальной защиты в международном праве является Конвенция Международной Организации Труда №102 "О минимальных нормах социального обеспечения", вступившая в силу в 1995 году. В этой Конвенции перечислены девять основных видов социальной защиты: медицинское обслуживание; пособия по безработице; пенсии по старости; пособия по производственному травматизму; пособия по инвалидности; пособия в связи с потерей кормильца; пособия по беременности и родам; пособия по болезни; семейные пособия [1].

Понятие "социальная защита" по-разному рассматривается в разных странах. Так, в США и Австралии полагаются прежде всего на личную инициативу и ответственность каждого гражданина за свое будущее и оказывают социальную помощь только тем, кто не может позаботиться о себе сам. Это глубоко проникло в сознание американцев и отражается на их жизненной позиции. В Швеции и Финляндии укрепился солидарный подход, согласно которому общество обязано в своих интересах проявлять заботу о том, чтобы никто не впал в полную нищету и не стал источником чрезмерной напряженности.

Образцом успешной социальной политики стала социал-демократическая, или скандинавская, модель, в наиболее завершенном виде реализованная в Швеции. Она основана на принципе универсализма - праве всех без исключения граждан на социальное обеспечение и получение широкого спектра социальных услуг. Высокий уровень производительности труда, успехи в области здравоохранения, обра-

зования, жилищной сферы являются основой для реализации данной модели. Она характеризуется развитостью объединений работодателей и работников и высоким качеством договорных отношений между ними при постоянном контроле со стороны государства, которое через систему налогообложения перераспределяет национальный доход в пользу малоимущих слоев населения с целью достижения большей социальной справедливости. В результате осуществления ряда социальных программ в скандинавских странах созданы относительно равные стартовые возможности для всех групп населения, а шведскую модель развития называют "функциональным социализмом" [2].

Отличительной чертой системы социальной защиты населения в США является децентрализация. Это проявляется в наличии и реализации различных социальных программ на разных уровнях: федеральном, штата, местном. Преимущества данной системы состоят в том, что она позволяет полностью и оперативно реализовывать социальные потребности людей практически в каждом регионе страны.

Социальное страхование и государственное вспомоществование являются двумя основными формами государственной системы социального обеспечения. Главное различие между ними состоит в разных источниках финансирования. Страховые фонды образуются за счет налогов с трудящихся (в процентах к заработной плате), предпринимателей (в процентах к фонду выплаченной заработной платы) и лиц свободных профессий, врачей, священников и других (свыше 14% доходов), а государственное вспомоществование - за счет ассигнований из средств государственного бюджета, бюджетов штатов и местных органов власти [3].

С 1935 года в США Законом о социальном страховании были установлены два вида страхования - пенсии по старости и пособия по безработице, меры помощи некоторым категориям бедных (в первую очередь инвалидам и сиротам), а со временем - пенсии при утрате кормильца, пособия по нетрудоспособности (не связанной с производственной травмами), медицинское страхование лиц в возрасте 65 лет и старше.

Что касается вспомоществования бедным, то оно получило распространение в стране с 60-х годов прошлого века и нацелено на обеспечение гарантированного дохода, поддержку семей с детьми, престарелых, инвалидов, многодетных или неполных семей (где глава семьи женщина или безработный), нуждающихся в продовольственной, жилищной и медицинской помощи.

Система государственного страхования в стране дополняется частными системами страхования, имеющими две формы - коллективную по месту работы и индивидуальную. Отличие частной пенсии от государственной состоит в том, что она выплачивается рабочим и служащим после 10 лет непрерывного стажа в одной фирме, а государственная - независимо от места работы.

Социальное обеспечение в индустриальных странах отличается от социальной защиты в странах с переходной экономикой, находящихся в условиях глубоких общественных трансформаций. Конкретные социально-экономические и финансовые условия диктуют выбор конкретной модели социальной защиты. К ней относится организация целенаправленных конкретных мероприятий экономического, правового и организационного характера для поддержания наиболее уязвимых слоев населения. Главная цель социальной защиты в этом случае состоит в том, чтобы оказать необходимую помощь конкретному человеку в сложной жизненной ситуации.

Рыночные отношения неизбежно порождают свою противоположность - специализированный институт социальной защиты населения. Рынок и социальная защита населения тесно взаимосвязаны: основные предпосылки необходимости социальной защиты населения в обществе с рыночной экономикой диктуются законами рынка. Социальная защита становится важнейшей составной частью экономической и социальной политики государства и выступает необходимым условием сохранения в обществе социального мира, стабильности, обеспечения возможности нормальной хозяйственной деятельности и достойной жизни граждан.

Таким образом, основными формами социальной защиты, сложившимися в настоящее время в большинстве стран, являются [4]:

- законодательно определенные социальные гарантии и их удовлетворение на основе минимальных стандартов;
- социальное страхование;
- социальная помощь;
- социальное обслуживание;
- целевые социальные программы.

Литература

1. Морова А.П. Социальная политика в сфере трудовых отношений. - Мн.: ИСПИ, 2000. - с.89
2. Бондарь Н.Н. Социальная политика в Республике Беларусь / Н.Н. Бондарь, А.И. Терлиженко. - Мн.: БГЭУ, 2005. - с. 23
3. Основы социальной работы: Учебник. / Отв. ред. П.Д. Павленок. - М.: ИНФРА-М, 1997. - 336 с.
4. Основы социального государства / С.В.Лапина – ред.. – Мн.: МГПУ им. М. Танка, 2008.

ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЕМОГО ОБЩЕСТВА

Э.Г. ИОФФЕ

*Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,
г. Минск, Беларусь*

В результате распада социалистической системы и Советского Союза бывшие социалистические страны оказались перед выбором пути своего дальнейшего развития, особую актуальность приобрела проблема исследования системной трансформации общества, ее влияние на социально-политические и духовные процессы. Не случайно немецкий ученый-политолог К.Бойме подчеркнул, что «крах реального социализма поставил исследования трансформаций буквально на поток» [1, с. 148].

Особый интерес представляет изучение воздействия процессов трансформации на молодежь. Молодежь – это самая подвижная и восприимчивая часть общества. Нашему обществу не безразлична позиция молодежи, которая во многом зависит от процесса ее политической социализации. Под социализацией понимается процесс вхождения индивида в социум, что порождает изменения в социальной структуре общества и в структуре

личности. Важной составляющей социализации индивида выступает политическая социализация, под которой принято понимать всестороннее включение граждан в систему политических отношений или в политическую жизнь общества.

Понятие «политическая социализация» шире, чем понятие «политическое воспитание» или «политическое просвещение», так как оно включает в себя не только целенаправленное воздействие на личность господствующей идеологии и политических институтов, но и собственную активность индивида, и стихийные влияния. Личность обладает способностью выбирать из предложенного ей набора политических позиций те, что отвечают ее внутренним предпочтениям и убеждениям, причем не только рациональным, но и бессознательным.

Значительное влияние на политическую социализацию молодежи оказывают переломные, переходные периоды общественного развития, когда происходят глубокие перемены в экономической и социально-политической сфере, идет системная трансформация общества. Именно такой период социально-экономического и политического развития переживает в настоящее время наша Родина – Республика Беларусь. Нельзя не согласиться со следующей мыслью белорусских исследователей В.А. Зенченко, Н.В. Павловой и Г.И. Степанова: «Процессы трансформации... в нашей стране можно определить как системные, затрагивающие все сферы общественной жизни. При этом нужно иметь в виду, что в отличие от реформ и модернизации, системная трансформация предусматривает всестороннее преобразование общественных отношений, которое приводит к новой модели общественного развития.

Сущность этих преобразований кратко можно свести к следующему. В политической сфере в Республике Беларусь происходит переход от монополии на власть одной партии к политическому плюрализму, формированию гражданского общества, многопартийности, парламентаризму. В сфере экономики осуществляется переход от централизованной плановой экономики к экономической системе рыночного типа. Экономические преобразования приводят к изменениям в положении и роли классов и социальных групп в социальной структуре общества, появлению новых социальных слоев предпринимателей, фермеров и др. Глубокие перемены наблюдаются и в духовно-культурных ориентирах общественного развития» [2, с. 5-6].

Для современного белорусского общества, несомненно, особое и важное значение имеет исследование политической социализации молодежи, поскольку будущее состояние нашего трансформируемого общества зависит от хода этого процесса, от того, в какие структуры включатся юноши и девушки и какие ценности у них будут приоритетными. Для того, чтобы охарактеризовать этот процесс в 2003-2008 годах, необходимо сравнить состояние политической социализации белорусской молодежи в 1980-х, 1990-х годах и в настоящее время.

Наиболее политически активной составной частью молодежи Беларуси является студенческая молодежь. Студенчество представляет собой специфический социально-демографический слой молодежи, обладающий едиными эмоционально-психологическими и моральными ценностями, имеющий свой общественный статус, четкую структуру, определенную систему жизнедеятельности, значимость в интеллектуальном богатстве страны. Социализация студенческой молодежи как социологического явления – важный процесс установления взаимоотношения личности с социумом (обществом и окружающей средой) на основе реализации индивидуальной стратегии социального обучения, самопознания и самореализации личности, обеспечивающей социальное становление специалиста с высшим образованием как субъекта профессиональной деятельности [3, с. 163].

Именно период от 18 до 23-24 лет является наиболее важным периодом политической социализации молодежи, потому что он связан с профессиональным и гражданским становлением, дальнейшим физическим и интеллектуальным развитием личности. В связи с этим российский ученый-педагог Л.Г.Пак высказывает следующую точку зрения: «Мы считаем, что период студенчества - это особая стадия социализации, так как период профессиональной подготовки характеризуется расширением диапазона социальных знаний, норм и способов социального взаимодействия, накоплением социального опыта, профессиональных навыков и умений, обеспечивающих, с одной стороны, активизацию субъектной позиции обучающихся в освоении и преобразовании норм человеческого общежития; с другой – траекторию успешной дальнейшей жизнедеятельности будущих специалистов в социуме» [3, с. 166].

Не надо доказывать, что политическая социализация тесно связана с уровнем жизни молодежи. В 1990-е годы обвальным характер приобрел процесс обнищания молодежи. Особенно это касалось студентов вузов и учащихся техникумов. Усилилось противоречие между естественным стремлением молодых людей к экономической самостоятельности и ростом их материальной зависимости от родителей. Материальной поддержкой родителей пользовалось 80% молодежной группы, и она мало зависела от того, проживали молодые вместе с родителями или отдельно от них, имели собственную семью или нет, работали или учились.

До недавнего времени студенчество Беларуси представлялось главным образом как объект политико-идеологического воздействия, как объект социальных перемен. В настоящее время оно рассматривается как конкретный субъект реального политического процесса, носитель определенного мировоззрения. В 1980-е годы подавляющее большинство студенчества, если не сказать все студенчество, состояло в ВЛКСМ и придерживалось марксистско-ленинской, коммунистической идеологии. У большинства студентов были свои нравственные идеалы. В 1990-е годы среди студенческой молодежи наблюдался духовный, нравственный кризис. У подавляющего большинства молодежи исчезли нравственные идеалы, появился раскол среди групп молодежи, придерживающихся различных политических позиций, входящих в различные молодежные организации и общества, симпатизирующих различным политическим партиям и движениям.

В сентябре 1995 года кафедра философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники провела социологический опрос студентов по проблеме того, как они понимают «государственную идею», т.е. цель, к которой должна стремиться Беларусь. Вот как ответили студенты: идея суверенитета (10,6 % респондентов), национального возрождения (15,8%), Общего Европейского дома (16,8%), восстановления Советского Союза (3,2%), создания Черноморско-Балтийского союза (2,2%), преодоления последствий Чернобыльской катастрофы (1,3%) и т.д. Примечательно, что каждый четвертый из опрошенных считал, что политика нашего государства должна исходить из здравого смысла.

Социологические опросы студентов минских вузов, проводимые в 2006-2008 годах, показали, что для них нормой отношения к политике становится реальное неучастие в ней. Ответы большинства респондентов свидетельствуют, что в их самосознании происходит переориентация с ценностных позиций глобального уровня на актуальные для них злободневные проблемы. Политическая проблематика явно

уступает по своей значимости вопросам нравственности, межличностных отношений, наличия социально-культурных благ, возможности реализовать себя. Прослеживается достаточно определенная тенденция – юноши и девушки Республики Беларусь, в отличие от своих сверстников 1980-х и начала 1990-х годов, становятся более прагматичными, практичными в своих мыслях и действиях. Многочисленные социологические опросы, проведенные в Республике Беларусь в последние годы, дают основание сделать вывод об общем ценностном и нормативном кризисе у значительной части нашей молодежи.

Подавляющее большинство социологов считают, что весь процесс социализации личности можно условно разделить на два этапа: 1) первичная социализация – проходит в детские и подростковые годы жизни индивида; 2) вторичная социализация – развитие личности в последующие годы жизни. На первом этапе социализации ощущается сильное влияние семьи, дошкольных и школьных учреждений, других государственных и общественных организаций, а также группы равных – компании друзей и сверстников. Завершение первого этапа социализации не связано с конкретным, одинаковым для всех возрастом. Признаки завершения первичной социализации, т.е. превращение ребенка во взрослого человека, могут быть примерно такими: а) независимо от других людей, особенно от отца и матери, умение самостоятельно и правильно распоряжаться деньгами; б) способность в той или иной мере обеспечить себя материальными средствами, необходимыми для здоровой и полноценной жизни; в) проявление самостоятельности в выборе образа жизни.

Второй этап социализации личности связан с воздействием на индивида сложного комплекса объективных и субъективных факторов, определяющих его социальные ориентации и поведение в зрелости и старости. На втором этапе особенно проявляется влияние социальных институтов, трудовых коллективов, других учреждений и организаций, с которыми взаимодействует тот или иной член общества.

Политическая социализация включает познавательную, воспитательную и практическую политическую деятельность в их единстве. К сожалению, до сих пор не исследованы этапы политической социализации молодежи.

Первичным механизмом или этапом политической социализации является имитация – осознанная попытка ребенка копировать определенную модель поведения. И образцами для подражания чаще всего выступают родители, родственники, соседи, друзья и т.д. На следующем этапе осуществляется идентификация – способ осознания принадлежности к той или иной общности. Через идентификацию дети принимают ценности, нормы, образцы поведения агентов первичной социализации (ближайшего окружения индивида: родителей, родственников, друзей, сверстников и т.д.) как свои собственные.

Юность завершает активный период или третий этап политической социализации. К юношам обычно относят подростков и молодых людей в возрасте от 13 до 19 лет. Их еще называют тинэйджерами. В этом возрасте происходят важные физиологические изменения, которые влекут за собой определенные психологические сдвиги. В этот период заканчивается формирование фундамента личности, достраиваются ее верхние – мировоззренческие – этажи. Осознание своего «Я» происходит как осмысление своего места в жизни родителей, друзей, окружающего социума. Одновременно наблюдается постоянный поиск нравственных ориентиров, связанных с переоценкой смысла жизни, повышение интереса к политике.

Четвертый этап политической социализации молодежи можно условно определить как период в 20-28 лет, заканчивающийся переходом в зрелый возраст. Наступление зрелого возраста, т.е. взрослой жизни, может затянуться вследствие продолжения обучения (в вузе, магистратуре и аспирантуре) до 23-24 лет, а может ускориться по причине раннего начала трудовой деятельности. Нижняя граница зрелого возраста до настоящего времени точно не определена.

По мнению российского ученого-социолога А.И. Кравченко, как таковой зрелый возраст не является самостоятельным этапом политической социализации молодежи. Это собирательное понятие, охватывающее несколько циклов человеческой жизни, разделенных важнейшими событиями: овладение профессией, прохождение армейской службы, начало трудовой деятельности, женитьба или замужество, создание семьи, рождение детей [4, с. 70]. Рассматривая этот этап политической социализации молодежи, следует иметь в виду овладение молодыми людьми политическими знаниями, выработку четкой политической позиции, их активное участие в политической жизни общества.

В свою очередь, в периоде становления личности обычно различают детство, отрочество (подростковый период) и юность. По мере того, как ребенок приближается к рубежам юности в первичной социализации, все большее значение приобретают не воспитательные моменты, а сама жизнь семьи, то место, которое занимают в ней общесоциальные ценности и отношения. Окончание юношеского периода совпадает с завершением становления личности, обретением ею определенной психической и социально-нравственной стабильности, выявлением своих склонностей и возможностей с началом нового этапа ее развития в рамках взрослого состояния. Этим этапом и является молодость, которую, следовательно, надо рассматривать не как простое продолжение детства, отрочества, юности, а как расширение и углубление социальной, психологической зрелости, составляющей сущность понятия «взрослость».

В свою очередь, в период молодости различаются ранний и поздний этапы (по Б.Г. Ананьеву 21-25 лет и 26-34 года), предшествующие наступлению полной зрелости. Данная периодизация может быть подтверждена и таким критерием, как возникновение оптимальной возможности гармонизации физических, социальных и психологических характеристик индивида. Это происходит примерно в 25-26 лет, поскольку именно к этому времени даже та часть молодежи, которая получает высшее образование, включается в профессиональную деятельность (длительность включения, по мнению специалистов, равна в зависимости от обстоятельств трем-четырем годам), и, кроме того, большинство людей определяет свой личностный статус: создают семью, формируют индивидуальный стиль повседневной жизни в соответствии с социальными структурами, в которые они включены [5, с. 128-129].

Нельзя не согласиться с выводом Л.Г. Пака о некоторых особенностях социализации студенческой молодежи в социокультурном контексте. Во-первых, процесс социального становления будущих специалистов, особенно будущих педагогов обеспечивает два периода социализации: адаптации и профессионализации. Во-вторых, студенческий возраст содержит значительные резервы для естественного включения молодежи в социализирующие ситуации познания, общения, творчест-

ва, освоения новых видов деятельности, новых отношений и новых социальных пространств, обеспечивая полноту раскрытия индивидуально-особенного в контексте социально-общественного.

В нашей стране существуют и действуют Концепция и Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, комплексная программа «Молодежь Беларуси» на период 2006-2010 годов, программы «Молодежь Беларуси», «Молодые таланты Беларуси» и «Дети Беларуси», утвержденные указами Главы государства. Однако жизнь требует совершенствования государственной молодежной политики Республики Беларусь. Вне всякого сомнения, решение ряда проблем, связанных с политической социализацией молодежи Беларуси в условиях трансформируемого общества – задача первостепенной важности. От ее решения во многом зависит будущее нашей страны.

Литература

1. Бойме К. Теория трансформации – новая междисциплинарная отрасль знаний // Государство и право. – 1994. – № 7.
2. Зенченко В.А., Павлова Н.В., Степанов Г.И. Социализация студенческой молодежи в условиях системной трансформации белорусского общества. Пособие. – Мн., 2003.
3. Пак Л.Г. Социализация студенческой молодежи в социокультурном контексте // Социально-гуманитарные знания. 2008. – № 4.
4. Кравченко А.И. Введение в социологию. Учебное пособие. – М., 1995.
5. Харчева В.Г. Социология: Учебное пособие для студентов высших и средних специальных учебных заведений. – М., 2000.
6. Бабосов Е.М. Социология. Часть первая. Общая социологическая теория. – Мн., 1998.

TRANSFORMACJA USTROJOWA PAŃSTW BAŁKAŃSKICH – PRZYPADEK CHORWACJI

Magdalena Ickiewicz-Sawicka
Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Chorwacja znajduje się w kręgu tzw. kotła bałkańskiego, ze wszystkimi konsekwencjami tego stwierdzenia. Charakter tego kraju, wyznaczają kolejne wojny narodowo-etniczne, które w zasadniczy sposób determinują jego wizerunek, w pozostałej części kontynentu. Pomimo funkcjonowania Chorwacji w kręgu cywilizacji zachodnioeuropejskiej, kraj ten posiada „bogate” doświadczenia nacjonalizmu [7, s. 1-30; 14, s. 221-224]. i faszyzmu w najbardziej skrajnych formach. Świadczą o tym liczne fakty historyczne, szczególnie doświadczenia I i II wojny światowej oraz wydarzenia związane z ostatnim konfliktem bałkańskim na początku lat dziewięćdziesiątych XX wieku.

Republika Chorwacji to państwo położone w południowej części kontynentu europejskiego nad Morzem Adriatyckim. Graniczy ono od południa z Bosnią i Hercegowiną oraz Czarnogorą, od wschodu z Serbią, a od północy z Węgrami i Słowenią

[12, s. 10-33]. Od południowego zachodu posiada dostęp do Morza Adriatyckiego. Szczególną przestrzeń geograficzną i etniczną na terenie Chorwacji tworzy tzw. Krajina [4, pp. 11], która bezpośrednio graniczy z Republiką Serbską i Bośnią. Stanowi ogniwo łączące rolniczą północą z wybrzeżem Chorwacji. Wchodzi w skład Półwyspu Bałkańskiego i zajmuje większą częśćią tzw. Chorwacji Centralnej.

Krajina oddalona od stolicy kraju kilkadziesiąt kilometrów na południe, bardziej przypomina góryste tereny Serbii niż chorwackie wybrzeże. Ponadto, począwszy od Karlovaca, zrnienia się nie tylko jej krajobraz ale też gęstość zaludnienia. Tereny te charakteryzują się brakiem wiodących ośrodków miejskich, a także przemysłowych i nawet rolniczych. Podczas istnienia Jugosławii była zamieszkiwana w głównej mierze przez Serbów i w związku z tym stała się kluczowym obszarem zapalnym ostatniego konfliktu bałkańskiego. Wiele miejscowości nadal pozostaje zniszczonych po działaniach wojennych toczących się w latach 1991-1995. Następstwem konfliktu stał się też brak zainteresowania tą częścią kraju, choć ma ona pewien potencjał turystyczny, który traci na atrakcyjności w porównaniu do wybrzeża.

Sięgając do źródeł państwowości chorwackiej, to na początku I wieku n. e. na terenach dzisiejszej Chorwacji znajdowała się rzymska prowincja Illiria (*Illyricum*), a następnie Dalmacja i Pannonia. W okresie średniowiecza (VIII wiek), ziemie te zostały skolonizowane przez plemiona słowiańskie [12, s. 10-33]. Następnie weszły w skład imperium Karola Wielkiego i były nękane przez najazdy Ostrogotów, Awarów i innych plemion słowiańskich. Ponadto tereny te stały się miejscem rywalizacji pomiędzy Papieżem, Republiką Wenecji oraz Królestwem Węgier. Do pierwszej połowy XII wieku pozostawały pod władaniem chorwackich władców lokalnych, którzy w 1102 roku zostali połączeni unią personalną z Węgrami. Pod koniec panowania dynastii Andegawenów (XIV wiek) rozpoczął się okres walk wewnętrznych w królestwie węgierskim, a po bitwie pod Mohaczem w 1526 roku, ziemie chorwackie przechodzą pod panowanie Habsburgów, a następnie Turków osmańskich. Ich wpływy, z kolei, ustępują w XVIII wieku, podczas epoki napoleońskiej. Kolejne stulecie to okres podporządkowania tych ziem Cesarstwu Austrowęgierskiemu i wzrost nastrojów niepodległościowych, ze znaczną dominacją ideologii nacjonalistycznej [11, 1-5].

Rozwój chorwackiego nacjonalizmu datuje się od XVIII wieku, czyli od czasu, gdy kraj ten podlegał zwierzchnictwu terytorialnemu imperium Habsburgów i Turków osmańskich. Osłabienia potęgi tych ostatnich i rozpoczęcie epoki napoleońskiej, spowodowało powstanie, na opisywanym, prowincji iliryskich, w latach 1809- 1813. [14, s. 10-33]. Następnie Chorwacja została włączona w strefę wpływów Cesarstwa Austriackiego, z tym, że część ziem, od 1867 roku wpisano w granice Kraju Korony Świętego Stefana, pozostałe tereny zaś (Dalmacja) zostały inkorporowane przez Austrię [11, 1-5]. W ramach Cesarstwa, Dalmatyńczycy uzyskali jednak znaczną autonomię (własny organ władzy ustawodawczej), która paradoksalnie, miała służyć umocnieniu dynastii habsburskiej, poprzez wzniecanie wewnętrznych konfliktów, głównie węgiersko – chorwackich.

W wyniku tego rodzaju zabiegów, Chorwaci czynnie uczestniczyli w stłumieniu powstania węgierskiego w 1848 roku [10, s. 389-408], licząc na uzyskanie niepodległości, o którą toczyły się walki narodowowyzwoleńcze w drugiej połowie XIX stulecia. W 1918 roku Chorwacja weszła w skład Królestwa Serbów, Chorwatów i Słoweńców, a od 1929 stała się integralną częścią Jugosławii [16, s. 299-300].

W tym czasie nasiliły się na terenie Chorwacji faszystowskie i nacjonalistyczne nastroje, w wyniku których powołano do życia proniemiecką organizację terrorystyczną o nazwie Ustaša (serb.-chorw. - *Ustaše* – powstańcy, buntownicy) [17, s. 117]. Została ona założona 7 stycznia 1929 roku we Włoszech przez Ante Pavelicia, który przy wsparciu Wewnętrznej Macedońskiej Organizacji Rewolucyjnej dokonał w Marsylii w 1934 roku zamachu na króla Jugosławii Aleksandra Pierwszego, w wyniku którego śmierć poniósł zarówno władca jak i ówczesny minister spraw zagranicznych Francji j. L. Barthou. Głównym celem ustaszy (nazwa potoczna) było oderwanie się Chorwacji od Jugosławii i stworzenie niepodległego państwa. Pavelić działał także na terenach Włoch, Węgier i Austrii, gdzie dopuszczał się licznych aktów terrorystycznych. W 1941 roku kierowana przez niego organizacja przejęła władzę, powołując jednocześnie Niezależne Państwo Chorwackie (*Nezavisna Država Hrvatska*) [III, 1-2], które objęło swoim zasięgiem także Bośnię i Hercegowinę oraz niewielką część Wojwodiny.

Państwo to ściśle współpracowało w okresie II wojny światowej z III Rzeszą i faszystowskimi Włochami. Chorwackie praktyki dyskryminacyjne i eliminacyjne obejmowały wszystkich pozachorwackich mieszkańców tego terenu. Czystki etniczne zostały wsparte rasistowską legislacją na wzór ustaw norymberskich, które określały mniejszości narodowe (Serbów, Romów i Żydów) za przedstawicieli niższej rasy i powinni być oni poddani eksterminacji. Chorwaci zaś, w ideologii ustaszy, nie byli pochodzenia słowiańskiego, ale posiadali korzenie germańskie wywodzące się od Gotów.

Następstwem opisanych praktyk były liczne ofiary śmiertelne, których liczba wahała się od osiemdziesięciu do osmiuset tysięcy, w zależności od źródeł. Najmniejszą liczbę podawali oczywiście Chorwaci na czele z Tudjimanem, największą zaś serbscy historycy [17, s. 116-125]. Różnice te wynikały z odmiennych punktów widzenia oraz narodowych zaszczości i waśni pomiędzy Serbami i Chorwatami.

Fakty jednak pozostają niepodważalne, że ustasze dopuszczali się zbrodni zabójstwa na ludności serbskiej, romskiej i żydowskiej, pozostałych zmuszali do ucieczki lub wręcz wypędzali. Prześladowaniom zostały objęte także prawosławny kler. Zamknięto wyznaniowe szkoły serbskie, skonfiskowano własność patriarchatu serbskiego, ogłoszono ochronę „krwi aryjskiej i honoru ludu chorwackiego” [17, s. 119]. Chorwaccy faszystyci zorganizowali także obóz koncentracyjny w Jasenovacu, w którym zginęło około 120 tysięcy ludzi. Ich metody działania budziły grozę, nawet niemieckich oddziałów, które w skrajnych przypadkach nadużyć, rozbiły chorwackie jednostki; Włosi zaś, udzielali schronienia prześladowanym Żydom.

Opisywane represje trwały przez cały czas wojny i dopiero w maju 1945 roku, jugosłowiańskie, komunistyczne oddziały partyzanckie, dowodzone przez Josipa Broz Tito, doprowadziły do rozwiązania niezależnego Państwa Chorwackiego. Organizacja faszystowska została zlikwidowana, a jej członkowie byli ścigani przez jugosłowiańskie władze. W wyniku tych operacji unicestwiono około 50 tysięcy jej zwolenników. Ustasza wprawdzie została rozbita, ale nacjonalistyczne i faszystowskie resentymenty Chorwatów pozostały w uspieniu, by ponownie wybuchnąć na początku lat dziewięćdziesiątych XX wieku.

Koniec II Wojny Światowej w dziejach Chorwacji był okresem funkcjonowania tego państwa w granicach Jugosławii pod przewodnictwem Josipa Broz-Tity. Powojenna Chorwacja uzyskała status republiki w ramach Socjalistycznej Federalnej Republiki Jugosławii ze stolicą w

Belgradzie [18, s. 30-80]. Na czele kraju stanął Josip Broz Tito, charyzmatyczny dowódca komunistycznej partyzantki z okresu II wojny światowej. Kierowana przez niego partia, jako jedna z nielicznych w bloku wschodnim, cieszyła się rzeczywistym poparciem społecznym, choć posiadała wyraźnie totalitarny charakter, odróżniała się jednak od pozostałych państw socjalistycznych Europy Środkowo-wschodniej. Jugosławia pomimo ustroju socjalistycznego, pozostawała poza wpływem ZSSR i korzystała z pomocy finansowej państw Europy Zachodniej i USA. [18, s. 30-80; 8, s. 1-44].

W związku z tym, w latach pięćdziesiątych XX wieku Komunistyczna Partia Jugosławii przeprowadziła na terenie Chorwacji szereg istotnych reform społeczno-gospodarczych, były to, między innymi, reforma rolna i nacjonalizacja przemysłu. Lata sześćdziesiąte i siedemdziesiąte to swoisty rozwój gospodarczy Chorwacji i Słowenii, które w tamtym okresie znacznie wyróżniały się, na tle pozostałych republik federacji. W związku z tym, dążyły do samodzielności i uzyskania szerszej autonomii. Wyraz niezadowolenia społecznego przejawiał się w postaci protestów wspartych przez inteligencję chorwacką. Wybuchły demonstracje studenckie w Zagrzebiu, które jednak zostały ostro potępione przez władze, podtrzymujące nadal nieudolny system socjalistycznego zarządzania, opartego na przedsiębiorstwach państwowych.

Powstała wówczas ryna, przebiegająca wzdłuż podziałów narodowo-etnicznych Jugosławii, zaczęła się pogłębiać, zapowiadając dalsze kryzysy, które starano się wyłagodzić, poprzez uchwalenie nowej konstytucji Jugosławii w 1974 roku [8, s. 1-44]. Wprowadziła ona zadość żądaniom szerokiej autonomii przyznanej Chorwacji, to jednocześnie otwiera drogę do kolejnych ustępstw, które ostatecznie miały doprowadzić do niepodległości tej prowincji. Nastroje niepodległościowe umacniały się, tym bardziej, że po śmierci Tito (1980) [13, s. 208-212]. system sprawował władzy w Jugosławii opierał się na rotacyjnej prezydenturze federacji, którą sprawowały kolejne republiki. Takie rozwiązanie prowadziło do chaosu i separatystycznych dążeń poszczególnych części federacji.

Koniec lat dziewięćdziesiątych i fala demokratycznych przemian w państwach Europy Środkowo-Wschodniej, przyspieszyła zmiany ustrojowe, także w chylącej się ku upadkowi Jugosławii. Dążenia niepodległościowe zaczęły przejawiać także Słoweńcy oraz kosowscy Albańczycy w Kosowie. W kwietniu 1990 roku w wolnych wyborach wygrała Chorwacka Wspólnota Demokratyczna, na czele której stanął Franjo Tuđman. Sprawował on rządy w stylu autorytarnym, wciągając Chorwację w wieloletni konflikt zbrojny z Serbią, w ramach którego obie strony dokonały licznych zbrodni wojennych, czystek etnicznych oraz masowych przesiedleń ludności [15, s. 343].

Franjo Tuđman był oskarżany o inspirowanie niektórych zbrodni dokonanych podczas wojny na Bałkanach, osobiście. Uważa się też, że w dużym stopniu przyczynił się do eskalacji konfliktu etnicznego w Bośni i Hercegowinie. Został poddany ostrej krytyce, kiedy nie szczędził słów uznania i szacunku wobec historycznego dziedzictwa ruchu ustaszów, którzy w czasie II wojny światowej dokonywali czystek etnicznych i innych zbrodni wojennych we współpracy z nazistowskimi Niemcami. Zainspirowana przez niego Chorwacka Wspólnota Demokratyczna, opowiedziała się za niepodległością kraju i rozpoczęła rządy nacjonalistyczne (reelekcje w 1992 i 1997), które przetrwały do jego śmierci w 1999 roku. Wówczas wśród dość licznej zbiorowości Serbów na terenie Chorwacji, pojawiły się żądania autonomii i objęcia ochroną przez oddziały armii jugosłowiańskiej, zdominowanej przez Serbów.

Militarny konflikt chorwacko-serbski trwał pięć lat (1991-1995), choć jego pierwsze wyraźne symptomy były już widoczne na początku lat osiemdziesiątych XX wieku [11, s. 175]. W chwili objęcia rządów przez Franjo Tudjmana (kwiecień 1990), chorwaccy Serbowie zażądali niepodległości. W związku z tym w lipcu 1990 roku powołali do życia Serbską Radę Narodową na czele z Milanem Babićem. Organizacja ta przeprowadziła w sierpniu 1990 roku referendum, w którym społeczność serbska opowiedziała się za oderwaniem od Chorwacji (99,7 %) i pozostaniem w granicach Jugosławii.

Dnia 25 czerwca 1991 roku chorwackie ciało ustawodawcze proklamowało niepodległość kraju i ogłosiło jednocześnie stan wojny z Jugosławią, która praktycznie oznaczała konflikt chorwacko-serbski. Jednocześnie w okolicach granicznych odnotowano szereg prowokacji militarnych zorganizowanych zarówno przez stronę serbską jak i chorwacką, których następstwem stała się interwencja wojsk federacji.

Po zajęciu przez wojska serbskie budynku dyrekcji Parku Narodowego w Plitvicach i śmierci jednego ze strażników, rozpoczął się konflikt. Działania zbrojne objęły Krajiny, Baranje i Sławonię. Ludowa armia jugosłowiańska wcieliła w życie operację wojskową, której celem była obrona jedności federacji i zahamowanie czystek etnicznych, przeprowadzanych przez armię chorwacką wobec serbskich mieszkańców Krajiny.

Dnia 21 grudnia 1990 roku, serbska administracja uznała Krajinę za autonomiczną republikę w ramach Chorwacji., zaś w kwietniu 1991 roku zażądano od rządu Chorwacji uznania niepodległości Krajiny.

W sierpniu 1991 roku wojska federacji objęły kontrolą znaczną część terenów Chorwacji. W wyniku tych działań doszło do powstania niepodległego państwa, pod nazwą Republika Serbska Krajiny, w grudniu 1991 roku. Nowe państwo posiadało 17,028 km² powierzchni, zamieszkaanej przez ponad 468 tysięcy ludzi, ze stolicą w Kninie.

Podmiot ten, jednak nie został uznany przez społeczność międzynarodową, choć w świetle obowiązujących przepisów prawa międzynarodowego, posiadał wszelkie atrybuty niepodległego państwa; a mianowicie własne struktury rządowe i administracyjne, zorganizowaną armię. [5, s. 112-147]. oraz własny system pocztowy i bankowy. Ponadto de facto kontrolował swoje terytorium.

W tym czasie zaś wojna chorwacko-serbska weszła w decydującą fazę, kiedy to jesienią 1991 doszło do bitwy o Vukovar, w której zniszczono większość miasta, a ludność cywilna została zmuszona do ucieczki. Vukovar, w listopadzie 1991 przeszedł pod administrację armii serbskiej. Następnie zaś, w styczniu 1992 Chorwacja i Serbia podpisały zawieszenie broni, jednak rząd Chorwacji nie uznał niepodległości Republiki Serbskiej Krajiny, proponując jedynie ograniczoną autonomię. W tym czasie chorwacka ofensywa dyplomatyczna przyniosła efekty w postaci uznania jej rządu i państwa przez kraje Wspólnoty Europejskiej, USA i Polskę. Następstwem tego rodzaju działań było przyjęcie Chorwacji do ONZ (maj 1992).

W maju 1995 roku armia chorwacka zdołała opanować w ramach Operacji Błysk zachodnią część Sławonii. W sierpniu tego samego roku armia chorwacka pod dowództwem gen. Ante Gotoviny [IV, 1-2]. wraz z policją podporządkowała w ramach Operacji Burza całą Republikę Serbskiej Krajiny [11, s. 224-226].

W 1995 Chorwaci dokonali ostatecznego uderzenia, zajmując całą Krajinę. Od marca zaś tego roku zakończono misję sił pokojowych UNPROFOR, przekształcając ją w UNCRO, operacji ONZ mającej na celu przywrócenie zaufania i pokoju w Chorwacji. Niemniej jednak działania wojenne zostały wkrótce wznowione przez armię chorwacką, która w maju 1995 roku wkroczyła do okupowanej Sławonii i w przeciągu kilku dni zajęła całe jej terytorium, dopuszczając się czystek etnicznych wobec zamieszkałych tam Serbów [11, s. 224-226].

Ostatecznie tereny te zostały opanowane przez wojska chorwackie, a autochtoniczna ludność pochodzenia serbskiego zmuszona do ucieczki. Oddziały serbskie zaś pod naporem ostrzału chorwackiego wycofały się do Bośni, a wraz z nimi, ziemie tę opuściło około 200 tysięcy serbskiej ludności cywilnej. Wielu z nich zostawiało dorobek całego życia, a w licznych przypadkach dorobek kilku pokoleń. Opuszczali swe siedliska pod presją lub ze strachu o swe domostwa. Zniszczono wiele zabytków kultury zarówno chorwackiej jak i serbskiej, odnotowano wielkie straty materialne [4, s. 34-56].

Krajina stała się faktycznie integralną częścią Chorwacji, a nowe władze ponownie zaczęły stosować terror wobec nielicznych już serbskich osad, które sukcesywnie pacyfikowano, a ludność mordowano. W tym samym czasie Chorwacja uzyskała również wschodnią Sławonię, która pozostała jednak pod międzynarodowym protektoratem.

Wojna chorwacko-serbska została zakończona w 1995 roku, w wyniku postanowień układu z Deyton [2, 71-90]. Nadzór nad przestrzeganiem postanowień traktatu powierzono międzynarodowym siłom wojskowym pod dowództwem NATO. Podpisane w Paryżu w grudniu 1995 roku porozumienie z Dayton, usankcjonowało tradycyjne granice Chorwacji, łącznie ze wschodnią Sławonią. Teoretycznie sytuacja powróciła do stabilizacji, praktyczne zaś nie uregulowano statusu serbskich uchodźców, żyjących do dnia dzisiejszego w niepewności.

Rząd Chorwacji wprawdzie zgodził się wówczas na utworzenie autonomicznej republiki serbskiej w regionie Srem-Baranja (Wschodnia Sławonia, Baranja i Zachodni Srem, ale w lutym 1998 roku autonomia ta została zlikwidowana. Ponadto pod koniec 1999 roku została uchwalona nowa konstytucja Chorwacji [9, s. 1-72; 6, s. 1-48], która w swoich założeniach dyskryminowała serbska społeczność Krajiny, sprowadzając ich do statusu mniejszości narodowej, której praw jednak nie gwarantowała. Wprawdzie kolejna poprawka konstytucji z marca 2001 roku [6, s. 1-48], odnosiła się do tego zagadnienia, to jednak lokalne władze chorwackie nadal mnożą biurokratyczne problemy, utrudniając skutecznie powrót uchodźcom.

Umiarkowany zwrot w chorwackiej polityce wewnętrznej wobec mniejszości serbskiej nastąpił dopiero po śmierci Franjo Tudjmana w grudniu 1999 roku. Wyniku wyborów prezydenckich (2000) władzę objął Stjepan Mesić, dawny opozycjonista antykomunistyczny. Nowy rząd reprezentowała koalicja zreformowanych komunistów łącznie z ludowcami, chadekami i partią liberalną. Chorwacja przyjęła politykę proeuropejską, dążąc do stowarzyszenia z Wspólnotami Europejskimi i członkostwa w NATO. Wprawdzie w kolejnych wyborach do władzy ponownie powróciła Chorwacka Wspólnota Demokratyczna, reprezentująca poglądy nacjonalistyczne, to jednak nowo powołany premier Ivo Sanader w listopadzie 2004 roku, udał się z oficjalną wizytą do Belgradu, celem odbycia rozmowy z premierem Serbii. Wydarzenie to ustabilizowało napięte stosunki serbsko-chorwackie w dziedzinie polityki międzynarodowej. Działanie to zostało również pozytywnie przyjęte przez Unie Europejską, która pod koniec 2005 roku rozpoczęła negocjacje w sprawie przyjęcia Chorwacji w jej struktury.

Chorwacja stała się kolejnym krajem byłej Jugosławii, który stara się o przyjęcie do grona państw europejskich skupionych pod postacią Unii Europejskiej. Niemniej jednak istnieje jeszcze wiele kwestii, które blokują członkostwo Chorwacji. Wśród nich kluczowe znaczenie posiadają zagadnienia związane z:

a) wypełnieniem zobowiązań Układu Stowarzyszeniowego,

- b) usprawnieniem działań administracji publicznej, sądownictwa i reforma służby cywilnej,
- c) walka z korupcją,
- d) znaczna ingerencja państwa w gospodarkę,
- e) zbyt duży deficyt budżetowy,
- f) ochrona środowiska [1, 1-2].

Niemniej jednak najwięcej kontrowersji toczy się wokół problemów, które powstały podczas ostatniej wojny, są to: a) uregulowanie sporów granicznych ze Słowenią, Serbią, Czarnogorą oraz Bośnią i Hercegowiną, b) normalizacja stosunków wynikających z prawa własności i wynajmu powracających uchodźców, przede wszystkim mieszkańców Krajiny, c) ochrona praw mniejszości narodowych i etnicznych zamieszkujących na terenie Chorwacji: przede wszystkim Serbów i Romów, poprzez uwzględnienie parytetu w zatrudnieniu w państwowych instytucjach przedstawicieli mniejszości narodowych i propagowanie idei pojednania, d) uczciwe procesy sądowe dla osób podejrzanych o zbrodnie wojenne w tym współpraca z Międzynarodowym Trybunałem Karnym ds. byłej Jugosławii. [1, 1-2].

Współpraca z Trybunałem [1, s. 113-140]. dotyczy przede wszystkim sprawy chorwackiego generała Ante Gotoviny, którego społeczeństwo chorwackie uważa za bohatera narodowego, zaś w świetle prawa międzynarodowego, jego działania podczas wojny serbsko-chorwackiej, zostały zakwalifikowane jako zbrodnie wojenne. Życiorys generała odzwierciedla jego „fascynacje” militarne. Gotovina urodził się na wyspie Pašman niedaleko Zadaru. Na początku lat siedemdziesiątych wstąpił do Legii Cudzoziemskiej, pod przybranym nazwiskiem Ivan Grabovac. Po pięciu latach opuścił tę jednostkę i w 1979 roku otrzymał obywatelstwo francuskie. W latach osiemdziesiątych XX wieku przebywał wraz ze swoim przyjacielem Dominique Erulinem w Ameryki Łacińskiej, Argentynie oraz Gwatemali gdzie uczestniczył w tworzeniu grup paramilitarnych. W Kolumbii działał pod przybranym nazwiskiem – Toni Moremante.

W 1990 roku powrócił do Chorwacji i rok później został oficerem armii chorwackiej biorąc czynny udział w wojnie w Jugosławii. W 1994 r. otrzymał awans na stopień majora-generała. Podczas operacji "Burza" został oficerem dowodzącym w regionie Splitu. W latach (1996-2000) pełnił funkcję naczelnika armii chorwackiej. Trybunał Haski oskarża go o zbrodnie wojenne i zbrodnie przeciwko ludzkości M. [17, s. 425], których dopuścił się podczas dowodzenia akcją „Burza” na terenie Krajiny. W wyniku jego rozkazu oddziały chorwackie dokonały czystek etnicznych wobec autochtonicznej ludności serbskiej osiadłej w Krajinie. Dane szacunkowe podają liczbę zamordowanych – 150 ofiar, 200 tys. zaś zostało zmuszonych do ucieczki przez chorwackie wojsko.

Po zakończeniu wojny na Bałkanach Ante Gotovina kilka lat ukrywał się, ale został ostatecznie zatrzymany i aresztowany w grudniu 2005 roku w Hiszpanii. To wydarzenie było wyjątkowo korzystne dla rządu chorwackiego, ponieważ jednocześnie czyniło zadość żądaniom Trybunału i UE, jak i uspokoiło społeczeństwo chorwackie, że ich bohater nie został wydany i zatrzymany na terenie ojczyzny. Rząd chorwacki odetchnął z ulgą, mając na względzie otwartą drogę do członkostwa w Unii Europejskiej. Sukcesywna współpraca z Trybunałem i ściganie przedstawicieli dawnego reżimu komunistycznego, uwikłanego w zbrodnie wojenne, stworzyło pozytywny, międzynarodowy klimat wokół Chorwacji.

Niemniej jednak odcięcie się od socjalistycznej przeszłości i jej liderów, nie przełożyło się jednocześnie na potępienie zbrodni bohatera narodowego, jakim w oczach chorwackiego społeczeństwa pozostaje nadal Ante Gotovina. Jednocześnie zaś przed sądami chorwackimi toczy się kilka postępowań karnych, wobec pozostałych chorwackich zbrodniarzy wojennych (np. Janko Bobetka, czy były minister obrony Gojko Susak) [17, s. 420-425].

Według danych chorwackiej agencji informacyjnej, sześciu byłych wojskowych, zostało łącznie skazanych na 46 lat więzienia za zbrodnie popełnione na serbskich cywilach w czasie wojny w 1991 roku. W listopadzie tegoż roku skazani, uwięzili 24 serbskich cywilów w motelu w okolicach miejscowości Ribnjaci koło Pakraca i tam poddawali ich torturom, zarówno fizycznym jak i psychicznym. Dopuścili się morderstwa osiemnastu z nich. W związku z tym wobec każdego z oskarżonych, orzeczono od jednego do szesnastu lat pozbawienia wolności.

Opisane powyżej działania zdążają do uregulowania spornych kwestii ciążyących na chorwackiej polityce wewnętrznej, dotyczącej głównie mniejszości narodowych i etnicznych. Mają one doprowadzić także do stabilizacji państwa i odbudowania pozytywnych relacji z najbliższymi sąsiadami. Chorwacja stara się uzyskać członkostwo w strukturach Unii Europejskiej i „powrócić” do tego elitarnego klubu. Niemniej jednak kraj ten, zawsze będzie obciążony piętnem nacjonalizmu i ksenofobii. Jak pokazuje historia, nastroje te cyklicznie pojawiają się w społeczeństwie chorwackim i determinują jego działania. Trzeba mieć jednak nadzieje, że przystąpienie Chorwacji do UE otworzy nowy okres w historii tego państwa.

Literatura

1. Ciechański J. Międzynarodowy Trybunał Karny do spraw w byłej Jugostawii, Sprawy międzynarodowe nr 3 1998, S. 113-140.

2. Ciechański J. Znaczenie ONZ dla utrzymania pokoju i bezpieczeństwa międzynarodowego w świetle układu z Deyton, Sprawy Międzynarodowe, IV-VI 1996, 2(XL/X). – Warszawa. – S. 71-90.

3. Dabić V., Lukić K., Perović N. Persecution of Serbs and Ethnic Cleansing In Croatia 1991-1998, Belgrade 1998. – S. 34-56.

4. Dakić M.A. Mile, The Serbia Kraina, historical roots and Its Birth, Knin 1994, S. 11.

5. Góralczyk W. Prawo międzynarodowe publiczne w zarysie. – Warszawa 1995. – S. 112-147.

6. Grzybowski M., J. Karp. Sobor – parlament Chorwacji (wydawnictwo sejmowe). – Warszawa. – S. 1-48.

7. Gucka A. Chorwackie dążenia niepodległościowe a nacjonalizm w XX wieku, Polska i Chorwacja w Europie Środkowej. Integracja europejska w tradycji i przyszłości, Bielsko-Biała 2007. – S. 1-30.

8. Konstytucja Socjalistycznej Federacyjnej Republiki Jugostawii, Wrocław 1975. – S. 44.

9. Konstytucja Republiki Chorwacji, praca zbiorowa (wydawnictwo sejmowe). – Warszawa. – S. 1-72.

10. Krestić V. History of the Serbs In Croatia and Slavonia 1848-1914. – Belgrade 1007. – S. 389-408.

11. Kuczyński M., Krwawiąca Europa. Konflikty zbrojne i punkty zapalne w latach 1990 – 2000. Tło historyczne i stan obecny. – Warszawa 2001. – S. 175.

12. Pavlicević Dragutin, Historia Chorwacji, wyd. PWN. – Warszawa 1994. – S. 10-33.
13. Ramet S.P., Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to Ethnic War, Boulder, col. 1996. – S. 208-212.
14. Stančić Nikša., Narod i nacionalizm chorwacki w XIX i XX w., Sprawy narodowościowe, 27/2005. – S. 221-224.
15. Vilinić D. Razbijanje Jugoslavije 1990 – 1992. – Beograd 1995. – S. 343.
16. Waldenberg M. Rozbicie Jugosławii (jugosłowiańskie lustro międzynarodowej polityki). – Warszawa 2005. – S. 117.
17. Wasilewski T. Historia Jugosławii. – Wrocław 1985. – S. 299-300.
18. Zacharias Michał J., Komunizm, federacja, nacjonalizmy (system władzy w Jugosławii 1943-1991 – powstanie, przekształcenia, rozkład, Wyd. Neritan. – Warszawa 2004. – S. 30-80.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ: ШКОЛА ВПЕЧАТЛЕНИЙ

В.А. Клицунова

*Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь
Белорусское общественное объединение «Отдых в деревне»*

В основе данного выступления лежит успех многих инициатив, связанных с интерпретацией наследия белорусской деревни и реализованных при непосредственном участии автора. В работе предпринята попытка осмысления и обобщения современных тенденций, связанных с созданием туристического продукта в сельской местности на основе интерпретации культурного и природного наследия.

Туризм – динамично развивающаяся высококонкурентная отрасль экономики. Среди основных тенденций последних десятилетий можно выделить рост популярности «зеленого» туризма (куда относят природный, сельский, этнографический, экологический и другие виды туризма, альтернативные массовому), индивидуализация сервиса, рост потребностей и «искушенности» туристов. На смену модели потребления трех S (Sea-Sun-Sand) приходит новая – трех L (Landscape-Lore-Leisure).

Туризм становится более содержательным. Современная наука уже говорит не о продаже «турпродукта», но о продаже «впечатлений». Эмоциональная составляющая туристического предложения возрастает главным образом за счет интерпретации. Это становится залогом успеха, главным конкурентным преимуществом. Интерпретация работает как «перевод на язык чувств». При этом экскурсоводу отводится роль не рассказчика чужих мыслей, а иллюстратора, провокатора, соучастника некоего действия.

У потребителя существует своеобразная схема принятия решения о покупке: осознание проблемы, поиск информации, выбор альтернатив, покупка, оценка покупки. Это означает, что впечатления у туриста формируются задолго до покупки. Очень важно работать над объектом интерпретации на каждой стадии решения о покупке, начиная от визуального образа или рассказов, с которыми впервые сталкивается потребитель, заканчивая памятными покупками, сувенирами, которые еще долго будут работать после возвращения домой.

«Школа впечатлений» - так можно было бы назвать руководство по интерпретации наследия. Один из самых удачных примеров интерпретации в сельском туризме Польши представлен именно под этим названием. Содержание предполагаемой программы связано с брендом Свентокшиского региона (Regionu Swietokrzyskiego), на логотипе которого изображена летающая на метле волшебница, а слоганом является – «В краю летающих ведьм» (W krainie latających Czarownic). В регионе расположена Лысая гора, которая играла большую роль в оккультных действиях, связанных с колдовством. Туристические администрации активно используют эту тему для привлечения туристов. Усадьба, предоставляющая программу, называется «Обитель ведьмы» (Chata Wiedzmy). Гостям предлагается сначала посмотреть спектакль на основе местных легенд, связанных «с нечистой силой» ("Kraina Legend Swietokrzyskich"), затем сделать «чертиков» из глины, затем «в гостях у ведьмы» (Dzikie Laboratorium) познакомиться с целебными травами и выпить травяной чай, затем самим сделать лепешки и съесть их с домашним творогом и киселем, затем получить в подарок глиняную игрушку, чтобы не забыть это место и рассказать о нем другим. В данном случае мы наблюдаем органичную интеграцию самого продукта, средств его продвижения и способов интерпретации. Каждый элемент усиливает другой и все это в сумме создает синергетический эффект впечатлений.

Большинство инициатив по интерпретации культурно-материального наследия связаны с музейной деятельностью. Известные примеры музеев сельской культуры и быта – американский «Вильямсбург», шведский Скансен, наши белорусские «Дудutki» являют собой модель, где творчески применяются различные инструменты интерпретации: демонстрации технологий, театральные постановки, дегустации, разыгрывание мизансцен, в которых посетители активно взаимодействуют с музейной средой и долго об этом помнят. При этом применяемые технологии, имеют широкий диапазон – от самых древних (добывание огня) до новейших информационных (visitors center). Интерпретация в музеях – это хорошо отрегулированный заданный процесс, который предполагает определенный сценарий поведения и содержания произносимых текстов.

Эти наработки мы попытались использовать для знакомства с культурно-материальным наследием белорусской деревни в реальной «нефильтрованной» среде. Нами было поддержано несколько инициатив по созданию зеленых маршрутов типа Greenways и на их основе организовано несколько веломаршрутов для иностранных туристов. Greenways – это туристические маршруты природного и культурного наследия, проложенные вдоль «зеленых коридоров» – рек, традиционных и исторических торговых путей, естественных природных коридоров www.greenways.by. При их создании используется специальная методология:

1. Производится инвентаризация локального / регионального наследия:

- составляется список людей, мест и вещей, рассказывающих об истории места,
- записываются рассказы историй пожилых жителей региона,
- составляется календарный план различных мероприятий,
- собирается информация об интересных событиях, рассказах, легендах.

2. Воссоздается по возможности исчерпывающая картина природного и культурного наследия:

- составляется иллюстрированная карта деревни (региона)

3. Создается туристический продукт, основанный на природном историческом наследии:

- интерпретируется локальное наследие,
- составляется маршрут пешеходного (велосипедного, конного и т.д.) тура по местам наследия,
- создаются экомузеи.

4. Выбираются варианты интерпретации наследия / подачи информации.

В рамках этой методологии при формировании туров мы старались показать наше наследие через образ жизни. В данном случае гидом, рассказчиком выступали местные жители, которые рассказывали историю, преломляя ее через свою судьбу, судьбу своей семьи, деревни. Когда турист живет жизнью местных людей: помогает им готовить, убирать урожай, учит местные танцы и песни, делает что-нибудь из соломы и глины и, главное, получает «роскошь человеческого общения», он получает эмоционально насыщенную информацию, которая провоцируется и проецируется на его дальнейшую жизнь.

Говоря об интерпретации, не следует забывать и о природном наследии, которое также требует применения новых современных средств. Сам по себе какой-нибудь элемент природной системы (болото, редкая птица или зверь) вряд ли производит незабываемое впечатление. Но если в него добавить элемент творчества – эффект будет другим. Интересный пример нам представили голландские эксперты во время велотура. Во время экскурсии по болоту Жады Миорского района они предложили провести «Урок молчания». Десять минут участники лежали неподвижно, закрыв глаза, на мягком покрытии из мха, пытаясь услышать природу. После этих незабываемых впечатлений каждый стал относиться к ней бережнее.

Для нас величайшим комплиментом и высшей оценкой стали отзывы о подобном туре: 1) Ян Питер Постма (Голландия): «Прием и сопровождение были исключительными. Встреча, которая ждала нас после пересечения границы, оказалась очень искренней. Без хлеба и соли, но зато с прессой! В Национальном парке я увидел много привлекательных мест для детей, там был даже сказочный Дед Мороз! Наше последующее посещение школы подтвердило, что белорусы большое внимание (и значительные финансовые средства) уделяют образованию и школам.

Формула остановок на ночлег в частных домах, в сельских усадьбах, часто с прекрасной местной едой, оказалась очень удачной: мы смогли накопить хороший опыт и ощутить особую теплую атмосферу белорусской деревни. Конечно, то, что велотур проходил летом, было идеально, так как зимой путешествовать на велосипедах проблематично.

Наш маршрут был очень разнообразным и пролегал через леса, мельничьи деревушки, озера и т.д. Велотур оказался более тяжелым, чем я представлял себе до старта, но, к счастью, достаточно регулярно мы делали остановки, чтобы посетить местный музей, деревенскую школу или культурный центр.

Присутствие в нашей группе белорусов было очень позитивным. Мой личный «отчет о путешествии» друзьям и семье подтвердил мою мысль о том, что белорусскому сельскому туризму найдется место на европейском туристическом рынке!»

2) Сара Стиндам (Голландия): «Велотур по Беларуси – это не только путешествие по красивым местам. Это не только прекрасное времяпрепровождение в компании гостеприимных людей. Это не только внешняя оболочка очаровательной страны с богатым культурным наследием и историей. Путешествие через всю Беларусь вместе с ЕСЕАТ подарило мне действительно бесценный опыт и затронуло все аспекты моей жизни! Я ужасно устала, перемалывая песок шинами моего велосипеда, то и дело пытавшегося одолеть дюны. Но я ела восхитительную пищу, придумывала интересные идеи вместе с белорусами, наслаждалась солнцем на пляжах и была заинтригована культурным наследием на старом советском курорте. Этот «рецепт» посещения страны действительно сработал для меня, и мне будет не просто забыть велотур по Беларуси... Только не рассказывайте никому про комаров!»

3) Рианн Купмэнс (Голландия): «Я участвовала в велотуре в течение 10 дней. Конечно, этого времени было слишком мало, чтобы узнать и понять всю страну, но оказалось вполне достаточно, чтобы узнать, понять и полюбить ее сельских жителей. У меня была возможность познакомиться с местной культурой и образом жизни в сельской местности. Ночевки в нескольких местах дали возможность заметить, что белорусские сельчане очень душевны и гостеприимны. Одним словом, это был удивительный опыт, который я никогда не забуду!»

Людо Мертенс (Бельгия): «Это был настоящий агротуристический тур: езда на велосипедах по сельской местности, ночевка в домах и садах местных жителей, общение с белорусами, иногда в комфортных, а иногда и в примитивных местах. Я много узнал о белорусской природе, культуре, истории, языке и искусстве, увидел терпеливых, преданных и очень душевных людей. По-моему, идея объединить в одном туре участников разных возрастов и социальных слоев из разных стран Европы оказалась очень удачной. Я навсегда запомню теплую атмосферу, которая царила в коллективе на протяжении всего путешествия. Иногда организаторы импровизировали, изменяя уже составленные планы, но это было даже здорово, потому что вносило разнообразие и изюминку в нашу жизнь. А путешествие от этого только выиграло – ведь в нем зазвучали романтические нотки настоящего приключения!»

Марианн Вербругген (Голландия): «Открывать неизвестную страну на велосипеде – это просто СУПЕР! Это самая лучшая возможность встретить людей и быть частью их обстоятельств, таких как инфраструктура, расстояния, окружающая среда, продукты сельского хозяйства, искусство, музеи, история и т.д. Я просто в восторге от того, что с нами были белорусы и английский переводчик. Я встретила с людьми, полными энтузиазма, которые трогательно и радушно заботятся о своих гостях».

Подобного рода интерпретация – процесс достаточно организованный. Это – «хорошо подготовленная импровизация», которая содержит элемент непредсказуемости и приключений и которая требует новых форм, новых методов получения информации.

Вот лишь небольшой перечень возможных инструментов интерпретации, успешно примененных нами во время путешествий по белорусским деревням: фестивали «Заборский Феест», «Мотальскія прысмакі», «Смачна есці», «Дары леса», праздники «Купалы», «Гуканне вясны», обрядовые игры «Жаніцьба Цярэшкі», вечера белорусских песен и танцев и многое другое. Деревня становится «образовательной ареной» (learning arena), где получается информация другого типа.

И в основе всего этого – живые люди, человек. Наследие – это живой процесс, который всегда не закончен.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.А. Ключников

Университет Томаша Бати, г. Злин, Чехия

А.С. Ключников

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь*

Р. Юрген, И. Юрген

Институт предпринимательства, г. Острава, Чехия

В данной работе излагается сравнительный анализ изменений, произошедших в научно-образовательной, производственно-технологической и предпринимательской среде Чехии и Беларуси на рубеже столетий. Отличительной особенностью работы является оценка произошедшей трансформации с позиции двух поколений реальных участников событий, проживающих, обучающихся и работающих в Чехии и Беларуси. Одно поколение авторов оценивает системную трансформацию общества на основе нравственных и социально-политических критериев, существовавших в период социалистического периода развития государств-участников совета экономической помощи (СЭВ) и СССР в Европе. Другое же – с точки зрения современной экономической науки постиндустриального общества.

Общие выводы сделаны с учетом исторического опыта, глобализации и европейской интеграции. Совместно оцениваются перспективы развития двух указанных государств с учетом происходящего мирового финансово-экономического кризиса:

1. С позиции социально-нравственных критериев периода СССР и СЭВ так называемого доперестроечного социалистического периода гуманитарно-нравственная организация общества была исторически обусловлена, неизбежна и в значительной степени справедлива. Ее главными отрицательными моментами были нагнетаемый военно-истерический психоз гонки вооружений и холодной войны, полное отсутствие демократической компоненты в управлении государствами в рамках однопартийной системы.

Положительным же фактором как в экономическом, так и политическом плане были процессы восточноевропейской интеграции стран бывшего СССР в СЭВ. Фактически создание СЭВ явилось прообразом современного Евросоюза стран центральной и восточной Европы. При демократической форме организации СЭВ и СССР путем своевременной трансформации Варшавского договора имелись возможности эволюционного пути развития наших государств с положительной экономической и морально-нравственной динамикой.

При этом, не копируя пороки Российской олигархической схемы грабительской приватизации госсобственности, элементы рыночной экономики следовало вводить исторически последовательно с учетом морально-социального уровня общества. По этому пути полностью пошла Республика Беларусь и частично Чешская Республика. С тем лишь отличием, что Чехия вошла в страны Евросоюза, а Беларусь в настоящее время определяется между азиатским вектором России и европейским вектором восточноевропейского партнерства.

2. С точки зрения большинства представителей современного постиндустриального общества, международная интеграция и взаимодействие в сфере производства, финансово-банковской и предпринимательской системы в состоянии решать вопросы социальной защиты, пенсионного обеспечения, развития образования и науки в рамках чисто рыночной экономики. Повышение образовательного уровня населения ведет в условиях конкуренции к развитию наукоемких технологий, созданию более новых и разнообразных товаров и услуг, включая быт и досуг (развитие спорта и культуры). Однако в то же время обостряется конкуренция и динамика возникновения и ликвидации предпринимательских бизнес-структур. Последний фактор до последнего времени казался не столь существенным и преодолевался за счет пособий по временной безработице, социально-страховых и государственных фондов и резервов. Т.о. поколение людей, получающих образование и работающих в условиях глобализации и европейской интеграции, не могло предвидеть сценария развития перепроизводства и слишком дифференцированной концентрации собственности и капитала в постиндустриальном обществе. Хотя элементы регулирования наблюдались прежде всего в аграрном секторе путем известных выплат фермерам с целью предотвращения кризисов перепроизводства продуктов питания. Антиглобалисты по форме неправильно, но интуитивно верно протестовали против чрезмерной концентрации собственности и капитала. Наиболее решающий вклад в формирование условий для возникновения кризисных явлений в обществе создает неконтролируемое развитие промышленности, сопровождаемое финансово-банковскими операциями. Развитие науки и образования оказывает решающее влияние на формирование нравственности и позволяет до разумных пределов вести разработку сверхмощных источников энергии и использовать их в негуманных целях (имеется в виду оружие массового поражения). Наука позволяет совершенствовать производство продуктов питания, улучшать условия труда, интеллектуализируя и совершенствуя культуру и быт общества.

Несколько иначе обстоит дело с промышленностью, экономикой и собственностью. Последняя известна, в основном, как частная и общественная с различной степенью обобществления, вплоть до государственной. На наш взгляд, все основополагающие события, создающие условия для экономических кризисов, происходят в сфере соприкосновения собственности и безграничного роста объемов промышленного производства, сопровождаемого финансовыми операциями.

Естественно, что аналогичные эволюционные и революционные процессы происходят в сфере соприкосновения собственности с политикой, идеологией и властью. Будем исходить из того, что на данном этапе развития цивилизации в основном сформировалось постиндустриальное общество, т.е. цивилизация, в целом производящая больше продуктов питания, изделий промышленности и культурно-бытовых ценностей, чем в состоянии потребить проживающее на Земле население. Риторический вопрос о причинах кризиса имеет только один однозначный ответ, заключающийся в статистически неравномерных законах распределения и концентрации указанного в его среде в разрезе регионов, стран и групп населения.

Вторжение в сферу справедливости и несправедливости этих распределений недопустимо в силу существования законодательства, политических и общественных укладов различных стран и их блоков, национально-географических и религиозно-духовных и нравственных ценностей.

3. В итоге, с общих позиций авторов – физических участников общего социально-экономического, научно-образовательного и культурно-исторического прогресса общества наша оценка системной трансформации общества состоит в следующем:

3.1. Исторический опыт убедительно демонстрирует преимущество эволюционной трансформации общества перед революционной. Отрицательным примером является Октябрьская революция 1917 года в России, отбросившая ее развитие назад на огромный период, который даже трудно количественно оценить. Положительными примерами могут быть европейский путь развития Чехии и опыт поэтапной реструктуризации белорусского общества в последние 20 лет.

3.2. На наш взгляд, в кризисный период более полно следует использовать внутренние и внешние инновационные ресурсы организационно-управленческого плана для выхода из него, например:

- интеграцию образования и научно-технологических разработок в вузах с приоритетом прикладных исследований;
- существенное сокращение управленческо-бюрократического аппарата, министерств и ведомств путем более широкого применения информационных технологий;
- использование преимуществ последипломного образования и сектора переподготовки и повышения квалификации кадров перед традиционным образованием в системной трансформации общества.

В последнем случае наиболее эффективно могут быть внедрены в общество как профессиональные, так и гуманные морально-нравственные критерии его цивилизованного развития, так как в нем задействована основная наиболее зрелая и продуктивная его часть.

3.3. Уровень развития науки, образования и технологий современной цивилизации в состоянии удовлетворить потребности всего человечества в продовольствии, промышленно-бытовых изделиях и собственности в разумных пределах на уровне сформированных духовно-нравственных критериев и устоев различных слоев населения.

Причиной возникновения финансово-экономических кризисов является чрезмерная локальная концентрация технологий и собственности и неконтролируемое перепроизводство промышленных товаров, продукции и изделий различного назначения.

Частичная географическая децентрализация производств обусловлена, как правило, стремлением собственников наукоемких технологий увеличить свою прибыль и приводит к еще большей централизации капитала и собственности.

3.4. Стремительный рост производства товаров, объема и видов услуг, культурно-массовых и зрелищных мероприятий сформировал высокоинтеллектуальное развитое мировое сообщество. В таком сообществе неизбежно после замедления темпов экономического роста (кризисов) возникновение условий для еще более резких темпов его научно-технологического и промышленного развития, т.е. последующие еще более тяжелые по последствиям и продолжительные во времени кризисы неизбежны. При этом исторические отрезки времени между ними имеют тенденцию к сокращению. Так или иначе неизбежна дальнейшая децентрализация производства и потребления, а в силу сложившихся экономического и политического расслоения общества еще большая последующая олигархическая централизация собственности и капитала.

3.5. Наиболее привлекательным эволюционным путем предотвращения и даже отмирания термина “экономический кризис” в перспективе представляется прогресс нравственности и научно-философского уровня общества через образование всех видов и форм. При этом во вторую, а скорее всего в эту же первую очередь органам государственного управления и представителям сферы образования, культуры следует особое внимание обратить на средства массовой информации. Только через их посредство можно в совокупности с образованием ненавязчиво, но последовательно в режиме «подсознательного зомбирования» масс эволюционно привить обществу гуманитарные и философско-нравственные ориентиры, предостерегающие от физиологических до патологических накопительных рефлекторных качеств, приводящих к финансово-экономическим кризисам.

По мере гуманитаризации общества процессы глобальной централизации собственности, финансов и средств производства должны эволюционно замедляться вследствие своей относительной негуманности и противоречия с материалистическими законами сохранения массы и перехода ее количества в качество. Центры концентрации собственности и капитала в лице “лучших”, “избранных” или “назначенных” представителей в конечном итоге станут не в состоянии даже в расширенном составе освоить все производимые плоды научно-технического, производственно-потребительского и финансово-экономического прогресса.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ФРГ В НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. XX ВЕКА

В.В.Кожевников

Вологодский государственный педагогический университет, г. Вологда, Россия

Общественная трансформация в странах Центральной и Восточной Европы после распада социалистической системы в конце 80-х начале 90-х годов XX века до сих пор является недостаточно изученной проблемой, несмотря на изданные в последнее время работы. Вполне естественно, на Западе данный вопрос традиционно является более изученным [5].

В последнее десятилетие XX века трансформацию претерпели не менее 27 стран бывшего «первого мира». Ее сутью стали глубокие революционные преобразования, которые шли практически одновременно и однонаправленно: от системы реального социализма к рыночной капиталистической экономике и соответствующей ей общественно-политической надстройке. Именно в этот период происходила замена старой политической элиты на новую, появились новые элитные группы, разгорается острая борьба за их политические и экономические ресурсы. В итоге появились новые национальные партийно-политические системы, которые определяют сегодня политическую карту Центральной и Восточной Европы.

Особый интерес вызывает механизм смены партийно-политических элит, обусловленный тем обстоятельством, что политические надстройки стран Центральной и Восточной Европы, включая управленческие механизмы, были сформирова-

ны в социалистическую эпоху, а трансформация происходила под давлением и контролем стран Запада. На этом фоне можно поставить вопрос: о чем идет речь, о смене, или замене элит, что особенно ярко прослеживается на примере Восточной Германии.

Одним из важных средств в изучении произошедших перемен стала новая дисциплина «транзитология» - «исследование трансформаций» («Transformationsforschung»). Данная дисциплина появилась в связи с необходимостью изучения процесса перехода от тоталитарных (авторитарных) режимов к демократии. Среди этих стран можно выделить несколько групп: «послевоенные демократии», средиземноморские страны, страны Латинской Америки и страны Центральной и Восточной Европы, включая Восточную Германию.

Во всех указанных группах общим для всех стран было:

- разрушение прежней партийно-политической системы;
- формирование новой партийно-политической системы;
- замена старой политической элиты на новую;
- переход от государственной собственности к другим формам, прежде всего к частной;
- создание класса предпринимателей и собственников и др.

Для описаний трансформационного процесса можно выделить несколько применяемых подходов: описательный, «неомодернизационный» (Клаус Мюллер) о возможности трансформации как возврата к прошлому вследствие «нелинейности развития» и общеисторический, о трансформации, как переходе от «этакстического» периода к одному из «либеральных», образующих определенный исторический цикл (Илья Шрубар) [3.3].

Форма трансформации в ГДР имела наибольшее количество особенностей. Это связано, прежде всего, с особенностями существования «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян». Государственность здесь была основана на социалистическом укладе, а не на принципе национальной или этнической солидарности. В то же время рядом с ГДР всегда существовала альтернатива в лице ФРГ. Поэтому внешний фактор в виде политического руководства ФРГ сыграл решающую роль в процессе трансформации. Германская политика канцлера Гельмута Коля «разбудила» в обеих Германиях чувство национального единства, что наложило на кризисную ситуацию в ГДР и ускорило процесс объединения.

Внешний фактор для процесса трансформации в ГДР определил ее главную особенность: помимо финансовых вливаний из ФРГ здесь произошел прямой перенос социально-экономической и политической старой ФРГ на восток. Поэтому есть точка зрения, что произошедшие изменения в ГДР следует относить не к восточноевропейской трансформации, а к проблемам западногерманской политики. Фактически, в отличие от иных стран Центральной и Восточной Европы, преобразования были осуществлены не при помощи старых государственных и административных структур, а за счет и с помощью средств и специалистов из иного государства – ФРГ.

Однако отстранение от власти прежних управленческих структур обеспечило в то же время привилегированное положение Восточной Германии. Во-первых произошло жесткое «встраивание в капитализм» ГДР, минимизировавшее время про-

ны в социалистическую эпоху, а трансформация происходила под давлением и контролем стран Запада. На этом фоне можно поставить вопрос: о чем идет речь, о смене, или замене элит, что особенно ярко прослеживается на примере Восточной Германии.

Одним из важных средств в изучении произошедших перемен стала новая дисциплина «транзитология» - «исследование трансформаций» («Transformationsforschung»). Данная дисциплина появилась в связи с необходимостью изучения процесса перехода от тоталитарных (авторитарных) режимов к демократии. Среди этих стран можно выделить несколько групп: «послевоенные демократии», средиземноморские страны, страны Латинской Америки и страны Центральной и Восточной Европы, включая Восточную Германию.

Во всех указанных группах общим для всех стран было:

- разрушение прежней партийно-политической системы;
- формирование новой партийно-политической системы;
- замена старой политической элиты на новую;
- переход от государственной собственности к другим формам, прежде всего к частной;
- создание класса предпринимателей и собственников и др.

Для описаний трансформационного процесса можно выделить несколько изменяемых подходов: описательный, «неомодернизационный» (Клаус Мюллер) о возможности трансформации как возврата к прошлому вследствие «нелинейности развития» и общеисторический, о трансформации, как переходе от «эстатистского» периода к одному из «либеральных», образующих определенный исторический цикл (Илья Шрубар) [3.3].

Форма трансформации в ГДР имела наибольшее количество особенностей. Это связано, прежде всего, с особенностями существования «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян». Государственность здесь была основана на социалистическом укладе, а не на принципе национальной или этнической солидарности. В то же время рядом с ГДР всегда существовала альтернатива в лице ФРГ. Поэтому внешний фактор в виде политического руководства ФРГ сыграл решающую роль в процессе трансформации. Германская политика канцлера Гельмута Коля «разбудила» в обеих Германиях чувство национального единства, что наложило на кризисную ситуацию в ГДР и ускорило процесс объединения.

Внешний фактор для процесса трансформации в ГДР определил ее главную особенность: помимо финансовых вливаний из ФРГ здесь произошел прямой перенос социально-экономической и политической старой ФРГ на восток. Поэтому есть точка зрения, что произошедшие изменения в ГДР следует относить не к восточноевропейской трансформации, а к проблемам западногерманской политики. Фактически, в отличие от иных стран Центральной и Восточной Европы, преобразования были осуществлены не при помощи старых государственных и административных структур, а за счет и с помощью средств и специалистов из иного государства – ФРГ.

Однако отстранение от власти прежних управленческих структур обеспечило в то же время привилегированное положение Восточной Германии. Во-первых произошло жесткое «встраивание в капитализм» ГДР, минимизировавшее время про-

цесса трансформации (но не последствия). Во-вторых, бывшая ГДР получила максимальное количество финансовой помощи на фоне остальных стран Центральной и Восточной Европы. В-третьих, большую степень развития получил уровень демократических преобразований в Восточной Германии. По мнению немецких исследователей, парламентские системы менее эффективны там, где особенно неблагоприятны исходные условия, нет сложившихся партийных систем. В итоге, неразвитость парламентских систем влечет за собой как следствие возрастание роли сильного государства, что препятствует сбалансированному развитию демократии в странах Центральной и Восточной Европы.

В результате процесс политической трансформации Восточной Германии в партийно-политическую систему ФРГ в начале 90-х гг. XX века оценивается весьма неоднозначно.

С одной стороны, он явился весьма важным успехом как лично для Г. Коля и блока ХДС/ХСС — СвДП, так и для немцев в целом [4.324]. Но его следствием стал кризис в виде экономических и социальных издержек объединения. Стало очевидным, что интеграция новых земель в прежнюю ФРГ, переход от централизованной экономики к рыночному хозяйству — процесс сложный, длительный и социально опасный.

Одну из самых больших проблем объединенной Германии составил морально-политический климат в восточных землях, недовольных не только не улучшившейся, а во многом и ухудшившейся жизнью после объединения. Нового «экономического чуда» не произошло. Планируемые темпы выравнивания разных уровней жизни достигнуты не были. Прогнозисты предполагают, что возможное выравнивание уровней жизни произойдет лишь к 2040-м гг.

Восточных и западных немцев разделяет стойкое недоверие. Недовольны и западные немцы, так как они не желают смириться с финансовыми трудностями, которые легли на их плечи после объединения. Западные немцы смотрят на «восточников» как на людей малоинициативных, инертных, а порой просто считают их нахлебниками, за которых надо платить дополнительные налоги.

Говоря о процессе политической трансформации Восточной Германии, нельзя обойти вопрос о смене политических элит. Можно выделить 3 этапа этого процесса.

Первый связан с кризисом партийно-государственной власти СЕПГ в 1989 г. Кризис сопровождался активизацией оппозиционных групп, возникновением новых партий и гражданских движений. В отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, ранее оппозиция в ГДР не имела права на существование, соответственно не существовало уже сформировавшегося ее слоя. Среди новых партий можно отметить «Демократический прорыв», «Новый форум», «Демократия сейчас». «Демократический прорыв» был создан как консервативная партия, две другие группировки, наряду с «Инициативой за мир и права человека», идентифицировали себя как движения непартийного характера, объединившись впоследствии в единый блок под названием «Союз 90». В октябре 1989 г. появились первые социал-демократические организации, на основе которых создается Социал-демократическая партия в ГДР, позже переименованная в СДПГ [1.163].

Осенью 1989 г. политическая контрэлита попыталась опереться на широкие социальные слои. Однако упрочению ее позиций препятствовало отсутствие единого организационного центра, общей программы действий, механизма взаимодействия с населением.

На втором этапе, в ходе первых общегерманских выборов в бундестаг в декабре 1990 г. восточногерманские политики имели шанс победить на выборах только при условии наличия поддержки со стороны западногерманской политической элиты. Особенно это видно на примере Лотара де Мезьера, ставшего председателем ХДС ГДР при поддержке Коля. В этих условиях после первых общегерманских выборов партийная система ФРГ не изменилась. Ведущие позиции занимают ХДС и СДПГ, к ним примыкают Свободно-демократическая партия и ХСС. Правый политический спектр представляют республиканцы. Единственным исключением стала Партия демократического социализма, по существу региональная восточногерманская партия. Еще одна партия возникла в результате объединения восточногерманского «Союза 90» и западногерманской партии зеленых.

На третьем этапе, на политической арене партийной жизни остались только выходцы из Западной Германии.

Таким образом, короткий период самостоятельного политического развития Восточной Германии завершился периодом организационной интеграции с западногерманскими партийными структурами. При этом, фактически все посты в руководстве партийных и политических инстанций занимают выходцы с запада. Среди 10 ведущих политиков ФРГ первой половины 1990-х годов., не было ни одного политика из Восточной Германии [2.76]. Первым исключением стала только Ангела Меркель, нынешний канцлер Германии.

Своеобразие смены элит в Восточной Германии после краха ГДР и объединения с ФРГ было отмечено в целом следующими особенностями:

1. Ни в одной из бывших стран Европы смена элит не была столь масштабной, глубокой и быстрой, как в бывшей ГДР. Этот процесс начался осенью 1989 г. после отставки Политбюро СЕПГ, а завершился после первых общегерманских выборов в бундестаг.

2. Все институты государственной власти ГДР утратили свою легитимность, а вместе с ними потеряли власть и ее элитные группы. Если в других странах коммунисты еще не раз возвращались во власть, то в Германии это было невозможно.

3. Замена элит в восточных землях ФРГ происходила не по принципу «новая вместо старой», а по схеме «западная вместо восточной». Новые элитные слои на востоке Германии формировались из западногерманского элитного резервуара.

Таким образом, главной особенностью процесса трансформации Восточной Германии в партийно-политическую структуру ФРГ явилось отсутствие самостоятельного развития каких-либо политических структур бывшей ФРГ. Все изменения происходили путем копирования западногерманских образцов, проводившихся исключительно представителями западногерманской политической элиты. Появившиеся в 1989 г. новые народные партии и движения в Восточной Германии не получили какого-либо существенного развития на фоне переноса западногерманской партийно-политической структуры, что позволяет говорить об односторонности демократических преобразований в Германии в 90-х гг. XX века.

Литература

1 Петелин, Б.В. ХДС/ХСС и объединение Германии - Вологда, 2002.

2 Петелин, Б.В. Смена элиты в Восточной Германии (90-е годы)/Политические элиты в Центральной и Восточной Европе (Проблемы переходного периода). – М., 1998.

3 Петелин, Б.В. Немецкие исследователи о постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы//Общество в условиях исторических переходов и переломов. Материалы международной научной конференции, 35.—27 апреля 2007. – Волгоградский государственный педагогический университет: Волгоград, 2008.

4 Мазер, В. Гельмут Коль. – М., 1993.

5 Die Allianz für Deutschland: CDU, Demokratischer Aufbruch and Deutsche Soziale Union 1989/90/Wolfgang Jäger/Michael Walter. – Köln; Weimar; Wien; Bohlau, 1998.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (на примере белорусских уездов)

Н.Н. Ковалёва

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Во второй половине XIX в экономике Виленской губернии происходят коренные изменения: формируется своя промышленность. В дореформенный период губерния являлась фактически сельскохозяйственным регионом и не входила в число 23-х промышленно развитых губерний царской России (такowymi считались губернии, где процент промышленного населения был выше среднего – 10,5%) [1, с. 9].

В середине XIX века жители региона традиционно занимались земледелием и сплавом леса по рекам. Избыток производимых зерновых продуктов транспортировался за границу, преимущественно в прусские города Мемель, Данциг и Кенигсберг [2, с. 28]. Ниже приведена подготовленная автором статьи на основании «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами генерального штаба с 1859 по 1864 г.» таблица, позволяющая составить представление об экономическом потенциале белорусских уездов губернии [3, с. 2].

Таблица 1²³

Уезд	Количество скота	Число жителей	Общая площ. уезда	Пахотные земли	Площадь, зан. лесом
Вилейский	116,7	623,8	162,2	238,1	212,1
Ошмянский	128,7	645,5	181,7	269,4	110,8
Лидский	108,7	488,6	170,8	129,7	130,4
Дисненский	122,4	531,7	138,2	257,5	133,6

Первые шаги становления промышленности в белорусских уездах Виленской губернии (Вилейском, Дисненском, Лидском, Ошмянском) были связаны с необходимостью переработки излишков продукции земледелия, в первую очередь, картофеля. Винокурение становится одной из первых отраслей пищевой промышленности (промышленности « по переработке питательных веществ»). Исчерпывающую характеристику состоянию промышленности на 1875 г. даёт «Статистическое описание Виленского военного округа по отраслям промышленности, имеющим значе-

²³ Площадь дана в десятинах, численность жителей и количество голов скота – в тысячах.

ние для интендантского ведомства». В 1875 г. из 204 винокуренных заводов, работавших в Виленском военном округе (округ включал Виленскую, Гродненскую, Минскую, Могилёвскую, Витебскую, Лифляндскую, Ковенскую губернии), 19 находилось в Виленской губернии. Хорошо развивалось производство пива: в 1874 г. работало 106 пивоваренных заводов (больше, чем во всех прочих белорусских губерниях). Для пива использовался местный ячмень, хмель местный и привозной из Царства Польского, Богемии и Баварии [2, с. 88]. Действовало 3 мёдоваренных завода. «Мёдоварение развивалось слабо, так как население предпочитало баварское пиво» [2, с. 90]. В губернии практически отсутствовали предприятия по переработке молочной продукции: 1 сыроваренный завод на губернию и ни одной маслобойни. Не было фабрик по производству льняных тканей, хотя лён, выращиваемый в м. Дряя Дисненского уезда, считался одним из лучших в России. Практически отсутствовало хлопчатобумажное производство: 4 завода этого профиля работали только в Риге на привозном сырье. Немногочисленные предприятия по производству канатов и веревок носили скорее характер кустарной промышленности. Производство шерсти и сукна развивалось только в соседних Гродненской и Лифляндской губерниях. Кожевенная промышленность находилась в зачаточном состоянии. Практически отсутствовали сахарные заводы: (по 2 в Могилёвской и Минской губерниях). Население употребляло сахар, привозимый из Царства Польского. На всю губернию работало только 4 табачные фабрики, использовавшие табак, привозимый из южных губерний и из заграницы. Из фабрик чугунолитейных и машиностроительных отмечена всего одна: в Ошмянском уезде в имении Налибоках князя Виттенштейна [2, с. 95].

Составители статистического отчёта связывают такое положение вещей с «недостатком капиталов и недостатком предприимчивости». В духе худших традиций того времени, они объясняют невысокий уровень предпринимательской активности местных производителей сельхозпродукции засильем евреев, которые дают ссуды только под 30%, монополизировали всю хлебную торговлю: в этой сфере действуют почти исключительно агенты (факторы) и маклеры еврейской национальности. В такой ситуации, дескать, местным помещикам практически невозможно на той же хлебной торговле приобрести капитал и использовать полученные средства на создание собственных перерабатывающих предприятий. [2, с. 32]. Не сбрасывая со счетов приведенные доводы и признавая важной причиной слабой предпринимательской активности производителей сельхозпродукции отсутствие государственных кредитных учреждений, необходимо обратить внимание на отсутствие сырьевой базы для развития промышленности.

В дореформенный период в белорусских уездах Виленской губернии скотоводство было совершенно неразвитым: в Вилейском уезде имелось 1,2 головы скота на десятину обрабатываемой земли, в Ошмянском – только 0,5 головы на десятину, в Лидском и Дисненском – менее одной головы скота на десятину земли²⁴. Сельское хозяйство губернии до 80-х годов носило зерновую направленность. Причём первое место среди зерновых культур занимала озимая рожь, являясь основной продовольственной и главной экспортной культурой. Зерновое хозяйство, в силу невысокой рентабельности производства зерна в условиях губернии, не могло дать существенного дохода помещичьим имениям и обеспечить сырьём промышленность.

---

²⁴ См. таблицу №1

В 80-е годы XIX века Виленская губерния переживает настоящий промышленный бум. 25% промышленных предприятий губернии возникают в период с 1881 по 1890 год, а 43% промышленных предприятия (из существовавших к 1902 году) начинают работать в последнее десятилетие XIX века [3, с. 3]. Причём, наиболее активно создаются предприятия по обработке питательных, минеральных и волокнистых веществ.

Распределение промышленных предприятий по времени их основания (таблица составлена по данным Министерства финансов за 1900-1902 г.) [4, с. 75].

Таблица 2

	До 1861 г.	1861–1870	1871–1880	1881–1900	1900–1902
Виленская губер.	28 10,7 %	24 8,8%	32 12,3%	62 24,8 %	112 42%

Что способствовало промышленному подъёму региона? На наш взгляд, главным фактором развития промышленности в белорусских уездах Виленской губернии стало укрепление сырьевой базы. Сырьё промышленности предоставляли развивающееся земледелие и животноводство, так как промышленность была в основном ориентирована на переработку сельскохозяйственного сырья. Эти отрасли в официальной отчётности по губернии определялись как вспомогательные отрасли сельского хозяйства. В 1902 году из 623 предприятий Виленской губернии 203 (почти 33% от общего числа) занимались обработкой питательных веществ [4, с. 31-32].

К концу XIX века меняется специализация сельского хозяйства Виленской губернии. Переориентирование помещичьих и крестьянских хозяйств на выращивание картофеля и технических культур стимулировало возникновение перерабатывающей промышленности. В Виленской губернии площади, отведённые под посадку картофеля, выросли с 1881 г. по 1899 г. в 2,3 раза. Увеличивая посевные площади, отведённые под посадку картофеля и, следовательно, сборы этой культуры, Виленская губерния превращалась в район его промышленного производства. В 1882 г. по масштабам переработки картофеля на винокуренных предприятиях Виленская губерния занимала 9-е место в Европейской России (Минская 4-е, Гродненская – 6-е) [3, с. 3].

В 1887 году в белорусских уездах Виленской губернии было собрано в совокупности 1 531 020 четвертей²⁵ (почти 47% собранного в губернии картофеля). В 1894 совокупный урожай белорусских уездов составил 1 346 508 четвертей картофеля (48%) [5]. Наиболее интенсивно растёт производство картофеля в Вилейском и Лидском уездах и именно в этих уездах формируется хорошо налаженная система его промышленной переработки. В 1883 году в Виленской губернии работало 92 винокуренных и 70 пивоваренных предприятия, из них 29 (более всего) – в Вилейском уезде и по 12 – в Лидском и Ошмянском уездах. В уездных городах Ошмяны, Лида и Вилейка существовало только по одному предприятию этого профиля, а в уездном городе Дисна – ни одного [6].

Вилейский уезд сохранил свои лидирующие позиции по развитию винокурения и в начале XX века. В 1902 году в Вилейском уезде действовало 16 винокуренных предприятий (114 рабочих), 5 предприятий этого профиля работало в Лидском уез-

²⁵ Четверть – единица измерения объёма сыпучих продуктов, равная 209,8 литра. Данные в приведенной выше таблице №4 также даны в четвертях. Подсчёты произведены автором по материалам Литовского Государственного Исторического Архива.

де. Активнее стало развиваться винокурение в Ошмянском уезде: 19 винокуренных предприятий работало в уезде (162 работающих) и одно достаточно крупное предприятие – в Ошмянах (35 рабочих) [4, с. 53]. Следует сказать, что правительство всячески стимулировало развитие небольших предприятий в имениях с тем, чтобы не допустить потери произведённой продукции и повысить доходы местного дворянства. Небольшим помещичьим винокурням предоставлялись существенные налоговые льготы.

В конце XIX века в крестьянских и частновладельческих хозяйствах белорусских уездов Виленской губернии намечается значительный рост производства так называемых технических культур: льна, пеньки, конопли, свеклы и табака. Выращиваемый в Лидском и Ошмянском уездах табак вывозился в соседние губернии и сбывался для переработки на местных табачных фабриках. В 1900 году в Лиде работало 3 табачные фабрики (172 работающих), в Ошмянском уезде – одна небольшая табачная фабрика (25 работающих) [3, с. 4]. Развитие табачного производства стимулировалось новыми правилами табачной торговли, установленными в 1884 г., согласно которым допускалась только продажа табака, прошедшего через табачные фабрики.

Развитию предприятий по производству молочной продукции способствовали высокие и стабильные цены на эту продукцию, которые регулировались растущим спросом на внутреннем рынке и расширением возможностей экспорта. Сырьё для возникающих повсеместно сыроварных, маслобойных, кожевенных предприятий предоставлялось помещичьими имениями и крестьянскими хозяйствами, в которых высокими темпами увеличивалось количество скота. С 1856 г. до 1911 г. стадо крупного рогатого скота в 5-ти западных губерниях выросло более, чем в 2 раза. Причём самыми высокими были темпы прироста в Виленской губернии (в 2,3 раза) [7, с. 148, 150]. По нашим подсчётам, за 30 лет численность крупного рогатого скота в Лидском уезде выросла в 1,7 раза, в Вилейском – в 1,5 раза, в Дисненском – в 3 раза [3, с. 4].²⁶

Таким образом, становление и интенсификация процесса развития промышленности в белорусских уездах Виленской губернии связано с позитивными изменениями в сельском хозяйстве региона: переориентацией на производство картофеля, технических культур, мясомолочное животноводство и реализацией правительства определённых мер, направленных на поддержку так называемых вспомогательных отраслей сельского хозяйства.

Литература

1. Чернышев И. О всеобщем избирательном праве и его применении в России. – С.-Петербург, 1905.
2. Статистическое описание Виленского военного округа по отраслям промышленности, имеющим значение для интендантского ведомства. – Санкт-Петербург, 1876.
3. Ковалёва Н.Н. Основные тенденции экономического развития белорусских уездов Виленской губернии в конце XIX- начале XX вв. / Н.Н. Ковалёва // Вестник Брестского государственного технического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2008 – № 6. – С. 2-5.

²⁶ Подсчитано автором по материалам Литовского Государственного исторического архива

4. Погожев А.В. Учёт численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. Издание императорской Академии наук. – С.-Петербург, 1906.
5. ЛГИА ф388 оп 1 д. 885 л. 39; д. 1017 л. 78.
6. ЛГИА ф.388 оп 1 д. 790 л. 34.
7. Жытко А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму (1861-1914гг). – Мн., 2003.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ

И.А. Ковальчук

Вольнский национальный университет им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина

К.В. Трофимович

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

В современной жизни политические партии выступают очень существенным, а иногда и решающим элементом политической системы и являются одним из важнейших достижений современной цивилизации и необходимой в общественно-политической жизни институцией. Партии выступают выразителями потребностей и интересов отдельных классов и социальных групп, берут активное участие в функционировании и механизме политической власти. Кроме того, политические партии являются неотъемлемой частью политической системы современного демократического общества.

В современной Украине идеи политического плюрализма и многопартийная политическая система получили свое закрепление на конституционном уровне, который выражается в признании прав граждан на объединения в политические партии и общественные организации. Кроме Конституции, статус политических партий в Украине закреплен в принятом в 1992 году Законе Украины « Об объединениях граждан», который регламентировал деятельность общественных формирований, в том числе политических партий. Отдельный закон про политические партии в Украине был принят только в 2001 году. В нем закреплено ряд важных положений, которые ориентированы на обеспечение правовых цивилизованных условий в развитии партий:

- участие партий в формировании правительства, региональных и местных органов власти;
- право партий на оппозиционную деятельность;
- закрепление демократических принципов в партийных уставах;
- закрепление правовых основ регистрации;
- установление механизма государственного контроля о финансовой деятельности партий и др. [4, с. 1-15].

На протяжении своего почти двадцатилетнего существования многопартийность в современной Украине прошла сложный и нелегкий путь. Общественно-политическая жизнь украинского государства характеризовалась возникновением и утверждением многопартийной системы, деятельностью многочисленных политических партий и общественных организаций, общественно-политических движений,

которые выражали социально-экономические, политические и национальные интересы, как всего украинского народа, так и отдельных социальных групп населения и стремились влиять на государственный процесс.

Украинский народ вначале с энтузиазмом воспринял зарождение многопартийности. Но потом в обществе создался «антипартийный синдром», который поддерживала и формально беспартийная властная номенклатура, постоянно подчеркивая на выборах свою «независимость». Более того, в начале 90-х годов в Украине утвердился негативистский термин «партия власти». В то же время, несмотря на пассивность населения и не очень хороший для развития партий избирательный закон, становление партийной системы Украины продолжалось.

Украинский исследователь А. Билоус в изначальный период украинской многопартийности выделяет три этапа: допартийный, или неформальный этап, этап изначальной многопартийности и посткоммунистический этап [1, с. 42-63].

Авторы учебного пособия истории общественных движений в Украине выделяют такие четыре этапа возникновения, становления и деятельности политических партий и общественно-политических объединений: конец 1989 – декабрь 1991 гг.; декабрь 1991 – июль 1994 гг.; июль 1994 – июнь 1996 гг.; июнь 1996 – апрель 1998 гг. [6, с. 265]. По нашему мнению, этапами формирования многопартийности могут быть годы выборов в украинский парламент: 1994 г.; 1998 г.; 2002 г.; 2006 и 2007 гг. Отдельно можно выделить изначальный этап многопартийности в Украине 1989-1991 гг. Есть также мнение выделять периоды многопартийности в зависимости от изменения избирательных законов: в 1994 году выборы проходили на основе мажоритарной избирательной системы; в 1998-2002 гг. – на основе смешанной, а в 2006-2007 гг. на основе пропорциональной избирательных систем. Войтков В. также определяет три этапа формирования партийной системы Украины: первый – 1989-1991 гг.; второй – 1992-1998 гг.; третий – 1998-2005 гг. [3, с. 2-5].

На каждом этапе развития многопартийности наблюдалось, с одной стороны, неуклонный рост количества и развития, а с другой – угасания деятельности некоторых политических партий и общественно-политических объединений. Так на осень 1991 г. Минюст Украины зарегистрировал 11 партий, а годом позже, осенью 1992 г. – 17; наконец 1993 – 31, а в начале 1997 г. уже функционировало 43 политических партий [6, с. 265].

Перед началом выборов 2002 года существовали 123 политические партии, которые были зарегистрированы Министерством Юстиции Украины. Из них 7 называли себя христианскими, 7 – зелеными или экологическими (при этом 5 из были зарегистрированы в 2001 году), 5 были коммунистическими, 5 социал-демократическими, 5 партий объявляли, что представляют интересы сельского населения, еще 5 партий называли себя представителями украинских женщин. По информации Министерства Юстиции Украины накануне выборов 2006г. их было зарегистрировано 128 [5, с. 15-16]. Таким образом, количество партий в Украине постоянно увеличивается.

В то же время, итоги выборов 1998 года засвидетельствовали, что в украинский парламент прошло 8 политических сил: КПУ, НРУ, ПЗУ, НДП, Всеукраинское объединение «Громада», ПСПУ, СДПУ(о). По результатам выборов 2002 года в состав

Верховной Рады Украины вошло 6 политических сил: Избирательный блок политических партий «Блок Виктора Ющенко «Наша Украина», Избирательный блок политических партий «Блок Юлии Тимошенко», Избирательный блок политических партий «За Единую Украину», в которые входило 19 партий, и 3 отдельные политические партии – КПУ, СПУ, СДПУ(о). Результаты выборов 2006 и 2007 годов показали, что 3-х процентный барьер прошли по 5 политических сил: в обоих выборах - Партия регионов, Блок Юлии Тимошенко (в составе 2 партий), Блок «Наша Украина (в составе 6 партий), КПУ. В 2006 г. в парламент вошла СПУ, а в 2007г. ее заменил Блок Владимира Литвина. Таким образом, введение смешанной и, особенно, пропорциональной избирательной системы привело до некоторого структурирования партийно-политического спектра Украины, в котором выделяют следующие направления:

- социал-коммунистическое (левые) – КПУ, СПУ, ПСПУ, СелПУ и др. Партии этого направления ориентированы в большинстве случаев на приоритет коллективных форм собственности и хозяйствования в экономике развитие межгосударственных отношений, особенно интеграционных экономических процессов в рамках СНГ;

- центристское – НДП, СДПУ(о), Партия регионов, ПЗУ, НПУ, Всеукраинское объединение «Батькивщина» и др. Эти партии акцентируют свое внимание на проблемах социально-экономического развития страны, реализации прав граждан Украины;

- национал-демократическое (правые) – НСНУ, НРУ, РПУ, ХДПУ, КУН и др. Построение государства по национальным особенностям, выход Украины из СНГ, антироссийские настроения – основные программные требования этих партий [8, с. 31-32].

Ученые констатировали, что «до парламентских выборов 1998 г. партийная система Украины была атомизированной» [7, с. 214]. По мнению исследователей, ей были характерны следующие черты:

- идеологическая неопределенность и эклектизм;
- примитивная организационная структура;
- слабое взаимодействие партий с социальными группами;
- разрыв между партийными руководителями, аппаратом и партийными массами [6, с. 282].

По утверждению А. Билоуса, «сегодня есть надежда и основания утверждать, что стабилизация партийной системы Украины идет прогрессивным путем трансформации атомизированной системы в систему поляризованного плюрализма» [2, с. 50]. По мнению, Н. Петрушки «партийная система поляризованного плюрализма более эффективна, нежели атомизированная. В то же время ей присущи некоторые отрицательные черты: существование внесистемных партий, то есть таких, которые вообще выступают против существующей социально-экономической и политической системы; острое идеологическое размежевание между партиями; явления деструктивной оппозиции, нестабильность и др. Далее эта система может эволюционировать к системе умеренного плюрализма» [7, с. 214].

Таким образом, в начале XXI века партийная система Украины все еще находится в процессе становления, который не только растянулся во времени, но и заметно отошел от европейских стандартов. Многопартийность, что возникла, не вошла в органическую связь с социальной структурой общества, а в большинстве случаев и с общенациональными интересами украинского общества. Поэтому в Украине еще не сформировался четкий тип партийной системы.

Литература

1. Білоус А.О. Політичні об'єднання України. – Київ – 1993. – 107с.
2. Білоус А.О. Політико – правові системи: світ і Україна. – Київ – 2000. – 200 с.
3. Войтків В. Партійна система України: етапи становлення та їх особливості // Політичний менеджмент – 2009. – № 1. – С. 1-6.
4. Закон України Про політичні партії. – Київ – 2001. – 16 с.
5. Ключковський Ю. Пропорційні вибори і розвиток партійної системи в Україні // Вибори та демократія – 2006. – № 3. – С. 11-19.
6. Нариси з історії суспільних рухів та політичних в Україні (XIX – XX ст.) / Малик Я.Й. та ін. / – Львів – 2001. – 296 с.
7. Петрушка Н. Проблеми трансформації партійної системи України // Науковий вісник Ужгородського університету. – 2006. – Вип. 3. – С. 210-215.
8. Політична система та інститути громадянського суспільства в сучасній Україні / Ф. М. Рудич та ін. / – Київ – 440 с.

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Г.И. Коктыш

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Наша стратегическая цель – построение экономически сильного, справедливого, независимого государства на основе поступательного социально-экономического развития страны, государства для народа [2]. Социально-экономические преобразования в Республике Беларусь, вхождение ее в мировое сообщество как суверенного государства, приоритет социально-ориентированной рыночной экономики определены в Программе социально-экономического развития на 2006-2010 годы.

Стратегической целью Белорусской модели социально-экономического развития является постепенное движение Республики Беларусь к обществу постиндустриального типа с учетом национальных особенностей для повышения уровня и качества жизни граждан страны, улучшения нового технологического способа производства и многоукладной экономики при значительной роли государства в ее трансформировании и реформировании. «Мы строим социально-ориентированное, правовое, демократическое, открытое всему миру, сильное, процветающее государство» [1].

Концепция программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006-2010 годы – это система целевых параметров состояния экономики, основных решений и мер в области финансовой экономической и инновационной политики. Приоритеты социально-экономического развития на 2006-2010 годы определены в Докладе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании “Государство для народа”. Повышение благосостояния людей требует придания нового качества развитию социально-ориентированной экономики – использование высокоэффективных энерго- и ресурсосберегающих технологий, опережающих развитие наукоемких отраслей, импортозамещающих и экспортоориентированных производств. К 2010 году объем инвестиций в основной капитал планируется увеличить в 1,7 раза, финансирование научных исследований и разработок – в 3 раза.

Экономические ориентиры на 2006-2010 гг. – это увеличение валового внутреннего продукта в полтора раза, продукции промышленности на 50%, сельского хозяйства – на 40%, объема реализации услуг населению на 60%. При этом инфляция должна быть снижена не более 5 %. Средний размер заработной платы и пенсий должен удвоится. С учетом инфляции это будет означать повышение реального уровня доходов населения в полтора раза [2].

Необходимо отметить, что Беларусь выбор своего основного стратегического ориентира сделала в пользу формирования общества постиндустриального типа. Этот ориентир закреплён в статье 1 Конституции Республики Беларусь, который гласит: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство». В принимаемых в последующем на государственном уровне программах и концепциях эта формула стала наполняться конкретным содержанием, определяющим задачи экономического, социального, политического и культурного развития страны на ближайшую и отдалённую перспективу. Среди них следует назвать, прежде всего, ежегодные послания Президента страны А.Г. Лукашенко Национальному собранию Республики Беларусь, концепцию социально-экономического развития Республики Беларусь до 2015 года, Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001-2005 гг., принятую вторым Всебелорусским собранием и Национальную стратегию устойчивого развития Республики Беларусь до 2010 года, программу социально-экономического развития на 2006-2010 гг.

Обеспечение нового качества жизни населения, повышение его благосостояния стали главными задачами реализуемой в стране политики. На это были нацелены и принятые Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996-2000 годы. Их настойчивая и последовательная реализация позволила сохранить все лучшее, что получили в наследство, преодолеть спад производства, обеспечить ежегодные приросты валового внутреннего продукта, выпуска промышленной продукции, потребительских товаров. Сложилась гибкая система управления народным хозяйством, отвечающая задачам переходного периода. Постепенно экономическое положение страны приобрело стабильную положительную тенденцию.

Наглядное свидетельство тому – рост макроэкономических показателей. Валовой внутренний продукт за 1996-2000 увеличился на 35,8%, продукция промышленности выросла на 65%, инвестиции в основной капитал – на 33,2%. Производство потребительских товаров увеличилось на 84,2%, розничный товароборот более чем удвоился. Реальные денежные доходы населения повысились на 71,5%, ввод жилья – на 81,4%. В 2000 году были превышены уровни докризисного 1990 года по объёму производства промышленности (100,9%), потребительских товаров (108,4%), реальных денежных доходов населения (106%). Таких весомых результатов не достигла ни одна страна СНГ [5 с. 27].

В XXI столетие республика вступила с реалистической Программой социально-экономического развития на 2006-2010 годы, одобренной третьим Всебелорусским народным собранием. Обоснован комплекс мероприятий правового, производственного, экологического и организационно-идеологического характера. Особен-

ность развития экономики в 2006-2010 гг. заключается в том, что в этот период административные меры воздействия все в большей степени замещаются экономическими, базирующимися на интересах собственника и интенсивных методах хозяйствования. Чрезвычайно высокие требования предъявляются к конкурентоспособности продукции, инновационным технологиям.

Реализация поставленных задач сопряжена с технологическим перевооружением производства, с началом активной фазы структурной перестройки экономики, наращиванием ее устойчивых темпов. В 2005 году Республика Беларусь вышла на следующие параметры прироста в сравнении с 2000 годом: валового внутреннего продукта – 35-40%, продукции промышленности – 28-32%, сельского хозяйства – 22-28%, продукции сферы услуг – 40-45%.

Динамично развивающаяся экономика способна обеспечить высокий уровень благосостояния добросовестно работающих членов общества, конституционные права и свободы граждан, функционирование располагающей большими реальными возможностями системы социальной защиты нетрудоспособных и других нуждающихся в ней групп населения.

В настоящее время Беларусь реализует в рамках Концепции социально-экономического развития Республики Беларусь до 2015 г., разработанной по поручению Президента Республики Беларусь, третий этап развития, который охватывает 2006-2010 гг. и нацелен на создание условий для инновационного развития и экономического роста. Он ознаменуется активной структурной перестройкой экономики, переход к ресурсосберегающему типу производства. Четвертый, завершающий этап (2011-2015 гг.), создаст основы постиндустриального общества. Важнейшие экономические приоритеты при этом направлены на создание динамично развивающейся социально ориентированной, рационально-целесообразной рыночной экономики [5 с. 31].

Национальные интересы предполагают обеспечение национальной безопасности Беларуси; независимости, суверенитета белорусского государства; осуществление дальнейшей демократизации социальной жизни; создание условий для активной социальной мобильности; свободного проявления и развития индивидуальности каждой личности. Основные же приоритеты в социальной сфере предусматривают реализацию принципов социальной справедливости, защиты малоимущих, престарелых, инвалидов, сирот, многодетных семей, студенческой и учащейся молодежи и т.д.

Как было отмечено в докладе Президента А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании: «Сегодня страна находится на подъеме. И первоочередная задача заключается в том, чтобы продолжить уверенное восхождение, не скатиться в пропасть экономических и социально-политических потрясений. Надо сделать наше государство удобным и комфортным для жизни наших людей. Государством для народа» [1].

Литература

1. Лукашенко А.Г. Государство для народа // Доклад Президента Республики Беларусь на III Всебелорусском собрании. Республика. 2 марта 2006.

2. Лукашенко, А.Г. Независимая Беларусь – наш достойный и надёжный дом // Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию. Советская Белоруссия 25.04.2007. – № 76.

3. Лутохина Э.А., Козловский В.В. Мировая экономика: социально-ориентированный подход / Э.А. Лутохина, В.В. Козловский. – Минск: ИВЦ Минфина, 2005 – 352 с.
4. Никитенко П.Г. Модель устойчивого социально-экономического развития Беларуси: проблемы формирования и эволюции / П.Г. Никитенко. – Минск, 2000. – 287 с.
5. Шимов В.Н. Беларусь: от экономического кризиса к устойчивому росту // Белорусский экономический журнал. – 2006. – № 2.
6. Шимов В.Н. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. – 2006. – № 1.

INSTRUMENTY DEMOKRACJI BEZPOŚREDNIEJ W POLSCE JAKO JEDEN Z ELEMENTÓW PROCESU DEMOKRATYZACJI SYSTEMU

dr Agnieszka Konopelko²⁷
Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Współczesne społeczeństwo obywatelskie to społeczeństwo, które aktywnie uczestniczy we wszystkich dziedzinach życia grupowego. Charakteryzuje je oddzielna podmiotowość i wysoki poziom kultury politycznej. Doświadczenia krajów europejskich w kształtowaniu instrumentów demokracji bezpośredniej pokazują, że jest to właściwa forma rozwijania otwartego społeczeństwa obywatelskiego. Dzięki tym instrumentom, działalność „zwykłych” obywateli w sferze publicznej, nie tylko koncentruje się na wyborach, ale oznacza także rzeczywistą całkowitą partycypację obywateli w zarządzaniu.

Demokracja bezpośrednia jest istotnym elementem procesu demokratyzacji systemów demokratycznych. Pod pojęciem demokratyzacja rozumiemy zjawisko upowszechniania się na świecie demokratycznego modelu państwa (przechodzenie od autorytaryzmu do demokracji liberalnej). Demokracja bezpośrednia jest pierwowzorem wszystkich odmian demokracji. Jej naczelną zasadą jest podejmowanie najważniejszych i kontrowersyjnych decyzji dotyczących spraw publicznych poprzez powszechne bezpośrednie głosowanie obywateli. Jej wdrażanie w czystej formie możliwe jest obecnie wyłącznie w małych liczebnie i terytorialnie społecznościach. Za demokracją bezpośrednią uznaje się aktualnie również system demokracji przedstawicielskiej, w której obywatele mają realne prawo weta i inicjatywy ustawodawczej. Demokracja bezpośrednia jest uzupełnieniem demokracji parlamentarnej, a zarazem przełamaniem monopolu demokracji przedstawicielskiej [4].

Polska Konstytucja z 1997 roku przewiduje dwie formy demokracji bezpośredniej: referendum - krajowe (w celu przyjęcia nowej konstytucji, zmian do konstytucji, ustaw, wyrażenia zgody na ratyfikację umowy międzynarodowej) i lokalne (w sprawach dotyczących wspólnoty, w tym odwołania organu samorządu terytorialnego) oraz obywatelską inicjatywę ustawodawczą.

Referendum umożliwia wyborcom głosowanie i podejmowanie decyzji w konkretnej sprawie zgodnie z własną opinią, niezależnie od woli politycznego establishmentu. W Polsce, nie ma jednak tradycji podejmowania ważnych decyzji w drodze referendum. Większość z nich podejmowanych jest przez parlament.

---

²⁷ email: agacon@tlen.pl

Inicjatywa ludowa, jako forma demokracji bezpośredniej na poziomie krajowym, stanowi uzupełnienie pośrednich instytucji demokracji parlamentarnej. Pozytywnym aspektem takich inicjatyw jest zwiększenie politycznej świadomości obywateli i zwrócenie uwagi polityków.

Powstaje pytanie czy polscy obywatele korzystają z ich konstytucyjnych uprawnień?

Demokracja bezpośrednia (partycypacyjna) obejmuje prawo obywateli do bezpośredniego zaangażowania w proces podejmowania decyzji politycznych i jest ważnym czynnikiem demokratyzacji systemów demokratycznych. Współczesna demokracja bezpośrednia jest uzupełnieniem demokracji parlamentarnej. W klasycznym systemie demokracji partycypacyjnej, zasadnicze decyzje podejmowane są bez pośrednictwa instytucji pochodzących z wyboru. Oparta jest ona na bezpośrednim i ciągłym uczestnictwie obywateli w zadaniach państwa. Stanowi więc system powszechnego samorządu. Nie ma tu rozdziału władz ani niezależności władzy sądowniczej. Wybory w demokracji bezpośredniej są zbędne. W antycznej greckiej polis władza była sprawowana przez cały lud na masowych spotkaniach (zgromadzeniach ludowych). Współcześnie są to głównie referenda – ogólnokrajowe, bądź lokalne lub zebrania wiejskie (np. w Szwajcarii). Nowożytna demokracja bezpośrednia powstała we Francji, Niemczech i Stanach Zjednoczonych, ale najlepiej rozwinęła się w Szwajcarii [5, s. 87].

Wśród głównych zalet demokracji bezpośredniej należy wymienić: 1) zwiększenie kontroli obywateli nad ich własnym losem, 2) możliwość głosowania obywateli w dowolnej sprawie według własnego uznania, niezależnie od stanowiska partii politycznych, a nawet wbrew woli establishmentu politycznego (jeśli ktoś zgadza się z jedną opcją polityczną w pewnych sprawach, a nie zgadza w innej, w demokracji pośredniej nie będzie dobrze reprezentowany, a w demokracji bezpośredniej ma możliwość głosowania w każdej sprawie według własnego uznania, niezależnie od stanowiska partii politycznej, którą popiera), 3) stworzenie lepiej poinformowanego i bardziej wyrobionego politycznie społeczeństwa, 4) umożliwienie społeczeństwu (w tym opozycji) wyrażania własnych poglądów i interesów oraz rozwiązywania konfliktów politycznych, 5) aktualność wyniku referendum, odzwierciedlenie opinii ludzi w danej chwili, a nie w chwili ostatnich wyborów (w warunkach szybkich zmian społeczno-politycznych, nowych informacji następują duże zmiany poparcia dla poszczególnych ugrupowań, a w demokracji pośredniej często decyzje polityczne podejmowane są wbrew woli obywateli), 6) alternatywa międzywyborcza (referendum) - głosowanie na jedną z dwóch możliwych propozycji, jak to ma miejsce w referendach, jest całkowicie odporne na demagogię i głosowanie taktyczne, 7) gwarancja legitymacji rządów, 8) odporność wyborców na różnego rodzaju naciski, korupcję i inne czynniki, które powodują podejmowanie decyzji wbrew woli wyborców w przypadku demokracji pośredniej [2].

Natomiast, w literaturze wskazywane są następujące wady demokracji partycypacyjnej: przedłużony proces decyzyjny; osłabienie organów państwa poprzez inicjatywę i weto ludowe,

- zbyt duży wpływ partii na referenda (możliwość manipulowania opinią publiczną);
wzmacnianie władzy wykonawczej przeciw władzy ustawodawczej poprzez plebiscyty;
wysokie koszty referendum; pozostawianie decyzji politycznych najmniej wykształconym doświadczonym obywatelom [5, s. 281].

Pomimo tych niedociągnięć, należy stwierdzić, że demokracja bezpośrednia wychowuje obywateli, kształci ludzi odpowiedzialnych, zdolnych do współdziałania i samoorganizowania się. Wychowuje również aktywnych obywateli, stwarza wolność dostępną ludowi, ogranicza władzę partii i centralnej biurokracji. Pogłębia także obywatelskie kompetencje i sprawia, że obywatele głosują oraz działają racjonalnie.

Demokracja przedstawicielska (pośrednia) jest ograniczoną i niebezpośrednią formą demokracji. Pojawiła się ona w nowożytnych warunkach. Powszechna partycypacja w rządzeniu jest rzadka oraz krótkotrwała i ogranicza się do aktu głosowania raz na kilka lat. Społeczeństwo nie sprawuje samo władzy, a jedynie wybiera osoby, które rządzą w jego imieniu (na podstawie mandatu wyborczego). Pozwala to na umieszczenie rządów w rękach osób o lepszym wykształceniu i większym doświadczeniu w życiu publicznym. Występuje tutaj podział władzy (klasyczny trójpodział władzy według Charles'a de Montesquieu). Legislatywa powołuje organy władzy wykonawczej, a czasami również sądowniczej. Relacje między trzema władzami, ich kompetencje, wzajemne zależności, zakres kontroli władzy ustawodawczej nad wykonawczą określa konstytucja [5, s. 87].

Podstawową wadą tego systemu jest nadmierna władza liderów ugrupowań partyjnych nad szeregowymi „przedstawicielami ludu” w ich partii. Liderzy partii decydują o rozdziale funkcji i stanowisk, w jaki sposób posłowie z ich partii mają głosować, czy i na którym miejscu znajdą się na listach wyborczych przy okazji kolejnych wyborów. Dla liderów partyjnych liczy się dobro ugrupowania i osobisty sukces polityczny. Dobro całego kraju często ma drugorzędne znaczenie. Wyborcy pomiędzy kolejnymi wyborami mają minimalny wpływ na działania swoich przedstawicieli. Inną istotną wadą tego rodzaju demokracji są permanentnie słabe rządy, które są tworzone przez nietrwałe, często egzotyczne koalicje, co z kolei, wpływa na brak stabilności całego systemu politycznego. Nawet w sytuacji gdy wynik wyborczy pozwala na utworzenie rządu z silnym poparciem parlamentarnym, to liderzy zwycięskiego ugrupowania nie godzą się na takie rozwiązanie. Nie odpowiada im sytuacja która wymaga ograniczenia zakresu ich władzy. Wybierają koalicję słabą w której mają pozycję dominującą. Rządy w tym systemie ze względu na ich nietrwałość i niestabilność są często niezdolne do podejmowania strategicznych i niepopularnych decyzji [4].

W demokracji pośredniej rola wyborcy ogranicza się do wskazania raz na cztery czy pięć lat partii, która ma przejąć władzę i wziąć na siebie odpowiedzialność za państwo. Powierzenie władzy partiom jest cedowaniem odpowiedzialności na elity funkcjonujące poza kontrolą publiczną. Gdy tak się dzieje, gdy rządzą partie, wówczas obywatele tracą realne poczucie wpływu na życie publiczne. Wycofują się z polityki i zaczynają traktować ją za coś obcego i wrogiego, albo też wobec polityków wysuwają nierealistyczne żądania.

Instrumenty demokracji bezpośredniej na świecie.

Do najważniejszych instrumentów demokracji bezpośredniej we współczesnych systemach politycznych można zaliczyć: referendum, plebiscyt, obywatelską inicjatywę ustawodawczą, weto ludowe oraz procedurę odwołania (recall).

Referendum polega na rozstrzygnięciu o określonej kwestii publicznej w drodze bezpośredniego głosowania przez uprawnionych do udziału w referendum obywateli państwa lub mieszkańców jednostki terytorialnej. Najczęściej pod referendum poddaje się kwestie o charakterze konstytucyjnym (zmiana konstytucji, uczestnictwo w organizacji międzynarodowej), sprawy terytorialne, czy zagadnienia natury moralnej (np. dopuszczalność rozwodów, aborcji, prohibicja).

Udział w referendum polega na oddaniu głosu przez uprawnionego na odpowiednio przygotowanej karcie do głosowania zawierającej między innymi, określenie pytań lub wariantów rozwiązań poddanych rozstrzygnięciu. Głosujący nie ma możliwości samodzielnego wprowadzania zmian do treści zaproponowanych mu rozwiązań, choć dopisanie przez niego własnych pytań nie zawsze jest traktowane jako oddanie głosu nieważnego. W praktyce, głosowanie jest mechanizmem polegającym na udzieleniu odpowiedzi „tak” lub „nie” na postawione pytania lub wyborze pomiędzy przedstawionymi wariantami rozwiązań.

Plebiscyt jest to forma głosowania powszechnego w kwestiach o charakterze kompleksowym, w którym głosujący dokonują wyboru na rzecz proponowanego rozstrzygnięcia kwestii publicznej lub przeciwko niemu. W prawie międzynarodowym uznaje się, że plebiscyt dotyczy wypowiedzenia się ludności zamieszkującej dane terytorium o przynależności państwowej tego terytorium. W doktrynie prawa konstytucyjnego określenie pojęcia plebiscyt również dokonywane jest w różny sposób. Doktryna hiszpańska pod tym pojęciem rozumie decydowanie przez zbiorowy podmiot suwerenności o sprawach publicznych, bądź konstytucyjnych. Decyzja podjęta w ten sposób nie wymaga przetransformowania jej w ramy aktu normatywnego. Nieco inaczej wygląda to w doktrynie francuskiej, gdzie uznaje się, że plebiscyt oznacza pośrednie głosowanie za, bądź przeciw jednostce sprawującej władzę. Taki też charakter miały referenda zarządzane przez prezydenta de Gaulle'a [1].

Typowymi plebiscytami były głosowania powszechne mieszkańców spornych terytoriów mające rozstrzygnąć o ich przynależności do określonego państwa (np. plebiscyty z okresu II RP na Śląsku, Warmii, Mazurach i Powiślu). Charakter plebiscytarny uzyskiwały też niektóre głosowania powszechne (będące formalnie referendumi) w sytuacji, gdy o sposobie głosowania decydowały okoliczności o szerszym zasięgu niż kwestia poddana formalnie pod głosowanie, np. stosunek do określonej formy ustroju, czy przywództwa politycznego określonej osoby. W tym sensie charakter plebiscytarny uzyskały np. głosowania powszechne we Francji z lat 1851 i 1852 (związane z utrwalaniem władzy przez Napoleona III).

Obywatelska inicjatywa ustawodawcza (inicjatywa ludowa) pełni we wielu państwach pomocniczą i uzupełniającą rolę w stosunku do instytucji demokracji pośredniej. Należy jednak podkreślić znaczenie instytucji inicjatywy ludowej dla ustroju państwa i dla podnoszenia świadomości prawnej i politycznej jego obywateli.

Inicjatywa ludowa stanowi formę demokracji bezpośredniej polegającą na inicjowaniu stanowienia aktów prawnych przez określoną (liczbowo lub procentowo) grupę obywateli. Inicjatywa taka może wymagać przedłożenia rozwiniętej (pełnej) propozycji rozstrzygnięcia danej kwestii publicznej (np. gotowego projektu ustawy). Może też polegać na przedłożeniu założeń proponowanego rozstrzygnięcia, przy pozostawieniu wypracowania pełnej jego wersji właściwym organom państwowym. Ponadto, w Szwajcarii istnieje także indywidualna inicjatywa na poziomie kantonalnych. Istotną cechą uregulowanej prawnie inicjatywy ludowej jest powinność właściwych organów państwowych rozpatrzenia zgłoszonej prawidłowo inicjatywy ludowej i zajęcie wobec niej oficjalnego stanowiska [2].

We współczesnej Europie trudno byłoby znaleźć państwo, które nie posiada w swoim prawodawstwie choćby jednego z rodzajów inicjatywy ludowej. Doświadczenia związane z korzystaniem z instytucji inicjatywy ludowej w państwach europejskich świadczą także o tym, że jest to dobra droga do stworzenia społeczeństwa obywatelskiego i otwartego.

Weto ludowe stanowi formę demokracji bezpośredniej sprowadzającą się do uprawnienia określonej (liczbowo lub procentowo) grupy obywateli do odrzucenia aktu lub decyzji podjętej przez uprawniony organ władzy publicznej (np. sprzeciwu wobec przyjętego przez parlament aktu normatywnego - konstytucji, ustawy). Ostateczna decyzja w sprawie danego aktu podejmowana jest w formie głosowania ludowego. Odrzucenie w referendum takiej ustawy odbywa się ze skutkiem *ex tunc*.

Weto ludowe może wystąpić w postaci tzw. referendum weta, czyli wymogu poddania podjętej przez organ decyzji rozstrzygającemu o jej losach głosowaniu powszechnemu. W innej postaci może powodować wymóg poddania decyzji objętej wetem dodatkowej procedurze weryfikacyjnej, np. w postaci jej ponownego podjęcia przez organ władzy publicznej lub uchwalenia kwalifikowaną większością głosów.

Institucja ta rzadko występuje w praktyce ustrojowej. Po raz pierwszy weto ludowe wprowadzone zostało do systemu prawnego szwajcarskiego kantonu St. Gallen w 1831 roku, a następnie szybko przyjęły je również inne kantony (Bazylea, Wallis i Lucerna).

Obecnie w Europie, praktyczne znaczenie instytucja ta ma: w Szwajcarii, we Włoszech (występuje tam pod nazwą referendum abrogacyjnego), Irlandii, Norwegii (wykorzystano ją przeciwko wejściu do EWG), Islandii, Estonii, Gruzji, czy Macedonii. Poza tym, przewidują ją porządki prawne innych państw, takich jak: Kolumbia, Peru, Urugwaj czy Wenezuela oraz konstytucje kilkunastu stanów w USA [6].

Procedura odwołania (*recall, revocatoria de mandato*) jest to procedura, za pomocą której wyborcy mogą występować z wnioskiem o odwołanie osób piastujących funkcje z wyborów powszechnych i pociągać do odpowiedzialności urzędników publicznych, którzy w niezadowolający sposób pełnią swoje obowiązki. Występuje ono: w Argentynie (na poziomie prowincji), w Ekwadorze (dotyczy alkadów, prefektów, deputowanych prowincjalnych i gubernatorów), w Panamie, w Peru (dotyczy alkadów i radców miejskich), w Kolumbii (z wyłączeniem szczebla krajowego) i w Wenezueli (dotyczy wszystkich stanowisk obsadzanych w ramach głosowania powszechnego, w tym prezydenta i parlamentarzystów) [13].

W USA (w 14 stanach) proces *recall* pozwala wyborcom usunąć lub zwolnić osobistości oficjalne (urzędników) z zajmowanego stanowiska poprzez wypełnienie petycji posiadającej odpowiednią liczbę ważnych podpisów (np. 25% tych wyborców, którzy oddali swój głos podczas ostatnich wyborów), żądających głosowania w sprawie kadencji danej osobistości [5, s. 282].

Znaczenie instytucji demokracji bezpośredniej w Polsce w kształtowaniu współczesnego społeczeństwa obywatelskiego.

Jednym z najważniejszych celów służących kształtowaniu III Rzeczypospolitej było stworzenie w Polsce systemu demokratycznego. Prowadzić do tego miał rozwój społeczeństwa obywatelskiego. Najwyższym stopniem rozwoju społeczeństwa obywatelskiego jest maksymalne wykorzystanie uprawnień obywatelskich i politycznych przez obywateli, co wynika z pełnej świadomości posiadanych praw i wolności oraz istnienia prawnych gwarancji przestrzegania tych praw przez organy władzy publicznej (przykładem jest partycypacja obywateli w różnego rodzaju organizacjach pozarządowych i inicjatywach oddolnych). Jednym z aspektów rozwoju społeczeństwa obywatelskiego są instytucje demokracji bezpośredniej dające możliwość bezpośredniego brania udziału w podejmowaniu decyzji państwowych [9, s. 61]. W polskim systemie prawno-konstytucyjnym występują dwie formy demokracji partycypacyjnej, mianowicie: referendum (ogólnokrajowe i lokalne) oraz inicjatywa ludowa (obywatelska). Zgodnie z art. 62 Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z 1997 roku oraz art. 3 ustawy o referendum ogólnokrajowym, pełnoletni obywatel polski ma prawo udziału w referendum, chyba że został pozbawiony praw publicznych, praw wyborczych lub ubezwłasnowolniony prawomocnym orzeczeniem sądu [7].

Przedmiotem głosowania referendalnego, obok kwestii typowo prawnych (dotyczących wejścia w życie lub obowiązywania konkretnego aktu), jest możliwość wyrażania woli w każdej sprawie, o ile uznana zostanie za istotną lub szczególnie ważną dla państwa lub jego obywateli. W Polsce przedmiotem referendum ogólnokrajowego może być: każda sprawa o szczególnym znaczeniu dla państwa (art. 125 ust. 1 Konstytucji) – referendum konsultacyjne, bądź zatwierdzające; przyjęcie ustawy o zmianie Konstytucji, o ile jej postanowienia ingerują w treść jej rozdziału I (*Rzeczpospolita*), II (*Wolności, prawa i obowiązki człowieka i obywatela*), i XII (*Zmiana Konstytucji*) (art. 235 ust. 6 Konstytucji) – referendum zatwierdzające; wyrażenie zgody na ratyfikację umowy międzynarodowej, na podstawie której następuje przekazanie organizacji

międzynarodowej lub organowi kompetencji organów władzy państwowej, w niektórych sprawach (art. 90 ust. 3 Konstytucji) – referendum zatwierdzające; w tym trybie przeprowadzono w 2003 roku referendum w sprawie przystąpienia Polski do Unii Europejskiej [7].

Dwie ostatnie sprawy mają charakter skonkretyzowany, dotyczą bowiem uchwalonej już przez Sejm i Senat ustawy oraz umowy międzynarodowej zawartej przez Radę Ministrów, na ratyfikację której obywatele mają wyrazić zgodę. Wątpliwości budzi natomiast pojęcie „sprawy o szczególnym znaczeniu”. W zasadzie przedmiotem tego referendum mogą stać się jedynie sprawy o charakterze ogólnym, „kierunkowym”, które nie zastępując działań właściwych organów państwowych, konkretyzować mają późniejszą treść rozwiązań, podejmowanych przez odpowiednie organy. Dlatego też przedmiotem tego głosowania nie może być jakakolwiek kwestia już wcześniej uregulowana.

Prawem do zarządzenia referendum w sprawach o szczególnym znaczeniu dla państwa dysponuje Sejm oraz Prezydent działający za zgodą Senatu (art. 125 ust. 1-2 Konstytucji). Zatem, referendum może być zarządzane fakultatywnie, jeżeli upoważniony organ uzna to za stosowne i podejmie stosowną decyzję. W RP obywatele nie posiadają prawa do zarządzania referendum. Mogą wystąpić jedynie z wnioskiem w sprawie zarządzenia referendum w sprawach o szczególnym znaczeniu dla państwa. Musi on być podpisany przez co najmniej 500 000 obywateli posiadających czynne prawo wyborcze. Jest on rozpatrywany przez Sejm, który zawsze może go odrzucić. Referendum z inicjatywy obywateli nie może dotyczyć: wydatków i dochodów publicznych, obronności państwa oraz amnestii (art. 63 w zw. z art. 61 ustawy o referendum ogólnokrajowym) [11].

Wynik referendum jest wiążący, jeżeli wzięło w nim udział więcej niż połowa uprawnionych do głosowania, a rozstrzygnięcie jest wiążące, jeżeli opowiedziało się za nim większość biorących udział w głosowaniu. O ważności referendum rozstrzyga Sąd Najwyższy, podobnie jak w przypadku wyborów (art. 125 ust. 3-4 Konstytucji RP) [7]. W historii III RP przeprowadzono cztery referenda ogólnokrajowe. Odbływały się one: 18 lutego 1996 r. – referendum o powszechnym uwłaszczeniu obywateli; 18 lutego 1996 r. – referendum o niektórych kierunkach wykorzystania majątku państwowego; 25 maja 1997 r. – referendum konstytucyjne; 7-8 czerwca 2003 r. – referendum w sprawie wyrażenia zgody na ratyfikację Traktatu dotyczącego przystąpienia Rzeczypospolitej Polskiej do Unii Europejskiej.

Referendum lokalne jest podstawową i najczęściej wykorzystywaną instytucją demokracji bezpośredniej. Podstawą prawną przeprowadzania referendum lokalnego w Polsce jest Konstytucja RP z 1997 r. stanowiąca w art. 170, że „członkowie wspólnoty samorządowej mogą decydować, w drodze referendum, o sprawach dotyczących tej wspólnoty, w tym o odwołaniu pochodzącego z wyborów bezpośrednich organu samorządu terytorialnego”. Postanowienia Konstytucji rozwija ustawa o referendum lokalnym stanowiąca w art. 2 ust. 1, że „w referendum lokalnym mieszkańcy jednostki samorządu terytorialnego jako członkowie wspólnoty samorządowej wyrażają w drodze głosowania swoją wolę co do sposobu rozstrzygnięcia sprawy dotyczącej tej wspólnoty, mieszczącej się w zakresie zadań i kompetencji organów danej jednostki lub w sprawie odwołania organu stanowiącego tej jednostki, a w przypadku gminy także wójta (burmistrza, prezydenta miasta)” [10].

W Polsce inicjatywa ustawodawcza przysługuje posłom, Senatowi, Prezydentowi RP, Radzie Ministrów oraz grupie co najmniej 100 000 obywateli, którzy mają czynne prawo wyborcze do Sejmu (art. 118 Konstytucji RP). Podobny zapis zawiera art. 2 ustawy o wykonywaniu inicjatywy ustawodawczej przez obywateli, który mówi że, grupa obywateli polskich, licząca co najmniej 100 000 osób, mających prawo wybierania do Sejmu, może wystąpić z inicjatywą ustawodawczą przez złożenie podpisów pod projektem ustawy [12].

Konstytucja RP przewiduje jednak dwa wyjątki, gdzie inicjatywa obywatelska jest niedopuszczalna ze względu na wyłączną właściwość innych podmiotów:

- art. 221 – projekty ustaw dotyczących uchwalenia budżetu, zmiany budżetu, prowizorium budżetowego, czy zaciągnięcia długu publicznego mogą być wnoszone wyłącznie przez Radę Ministrów,

- art. 235 – projekty ustaw o zmianie Konstytucji mogą być wnoszone wyłącznie przez Prezydenta RP, Senat, bądź 1/5 ustawowej liczby posłów [7].

W praktyce, obywatele dość rzadko korzystają z możliwości wnoszenia projektów ustaw do Sejmu. W Sejmie III kadencji, tylko 5 projektów pochodziło od obywateli (0,5% wszystkich projektów), a 2 z nich pozytywnie przeszło procedurę legislacyjną [8].

Podsumowanie. Elementy demokracji bezpośredniej występują w większości współczesnych systemów demokracji pośredniej. W Polsce są to głównie referenda lokalne w sprawie odwołania samorządu oraz referenda ogólnopolskie w najważniejszych sprawach ustrojowych (konstytucja, przystąpienie do Unii Europejskiej). Nie ma jednak tradycji podejmowania wiążących decyzji przez referenda i większość ważnych decyzji podejmuje parlament.

W Szwajcarii, gdzie każda ustawa federalna i lokalna może zostać poddana pod głosowanie, referendum jest narzędziem bezpośredniego wpływu ludzi na ustawodawstwo w swoim państwie i jak widać na przykładzie systemu szwajcarskiego, system ten się sprawdza.

Referenda można organizować znacznie częściej i poszerzać wpływ referendum na rząd. Zamiast organizować referenda konsultatywne (opiniodawcze), powinno się organizować referendum konstytucyjne (stanowiące), na przykład wobec ustaw, które Sejm ma zamiar zatwierdzić, a ich wpływ na życie ludzi jest dosyć znaczący. Można też rozwinąć same referenda lokalne, na obszarze gminy, powiatu czy województwa, a nie w skali całego państwa.

Długa tradycja stosowania instrumentów demokracji bezpośredniej dowodzi, że są one sposobem na upodmiotowienie społeczeństwa. Doświadczenia związane z korzystaniem z instytucji inicjatywy ludowej w państwach europejskich świadczą także o tym, że jest to dobra droga do stworzenia otwartego społeczeństwa obywatelskiego. Formy demokracji bezpośredniej są możliwością reprezentacji interesów i wpływania na polityków przez obywateli. Demokracja bezpośrednia ciągle pozostaje pomocniczą formą rządzenia przez społeczeństwo (suwerena). Jeśli demokracja w Polsce ma funkcjonować efektywnie, to elektorat powinien nie tylko ograniczać się do głosowania na swoich reprezentantów.

LITERATURA

1. Escobar Fornos I. El sistema representativo y la democracia semidirecta, [w:] Sistema representativo y democracia semidirecta. Memoria del VII Congreso Iberoamericano de Derecho Constitucional, pod red. H. – Concha Cantu, Mexico 2002.
2. Garrett E. Direct Democracy and Public Choice, The Elgar Handbook on Public Law and Public Choice, University of Southern California Law School. – Los Angeles, USA 2008.
3. Górecki D. Polskie prawo konstytucyjne w zarysie, Wolters Kluwer Polska. – Warszawa 2008.
4. Gromada Z. Wybierzmy mniejsze zło czyli... lepszą demokrację, <http://www.wiadomosci24.pl>, 09.05.2009.
5. Heywood A. Politologia, Wydawnictwo Naukowe PWN. – Warszawa 2006.
6. Jabłoński M. Referendum i inne instytucje demokracji bezpośredniej, „Przegląd Prawa i Administracji” Tom LI, r. 2002.
7. Konstytucja RP z 1997 roku, Dz. U. nr 78 poz. 483. z późn. zm.
8. Odrowąż-Sypniewski W. Analiza projektów ustaw wniesionych do Sejmu III kadencji, Raport nr 204, Kancelaria Sejmu. Biuro Studiów i Ekspertyz. – Warszawa 2002.

9. Skrzydło W. Ustrój polityczny RP w świetle Konstytucji RP z 1997 roku, Wolters Kluwer Polska. – Warszawa 2008.

10. Ustawa z dnia 15.09.2000 r. o referendum lokalnym, Dz. U. nr 88 poz. 985.

11. Ustawa z dnia 14.03.2003 o referendum ogólnokrajowym, Dz. U. nr 57 poz. 507 z późn. zm.

12. Ustawa z dnia 24.06.1999 o wykonywaniu inicjatywy ustawodawczej przez obywateli, Dz. U. nr 62 poz. 688.

13. Zovatto D. La practica general de las instituciones de democracia directa en America Latina. Un balanca comparado: 1978-2000, [w:] El sistema representativo y la democracia semidirecta. Memoria del VII Congreso Iberoamericano de Derecho Constitucional, pod red. H.A. Concha Cantu. – Mexico 2002.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

К.К. Красовский

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

С. В. Корженевич

Пинский колледж УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина», г. Пинск, Беларусь

Кризисные явления в экономическом, политическом и экологическом развитии Республики Беларусь в 90-х гг. сопровождалась обострением демографической ситуации. Под демографической ситуацией понимают состояние динамики, естественного движения, миграции и структуры населения в соответствующий период на соответствующей территории [1, с. 98]. Рост населения сменился его сокращением, интенсивность депопуляции увеличилась. Оказалась деформированной половозрастная структура населения. Современный уровень рождаемости не обеспечивает простого возобновления населения. Уже в начале 90-х гг. Беларусь перешла от расширенного возобновления населения к простому и приблизилась к «нулевому варианту». Сегодня показатели ожидаемой продолжительности жизни находятся на довольно низком уровне: растет смертность, в сложном состоянии находится семья, изменились миграционные потоки населения. Анализ динамики социально-демографических процессов в РБ за последние десятилетия в сравнении со схожими в других странах мира свидетельствует о том, что причинами настоящего кризиса демографического развития являются результаты трансформации социально-экономической системы, распада СССР, катастрофы на ЧАЭС.

Все ранее отмеченное вызвало сложные социально-экономические проблемы, с которыми Беларусь ранее не сталкивалась. Не стало исключением и Белорусское Полесье, для которого характерны общие закономерности развития населения, свойственные республике в целом. В то же время регион имеет и свои специфические особенности, обусловленные экономическими, социальными, экологическими, историческими и природными факторами. Еще в начале 20-го века А. Смолич отмечал, что природа Полесья, а также и его экономическая жизнь имеет столько особенностей, как ни один из регионов Беларуси: «Полесские районы резко выделяются среди всех районов Беларуси, прежде всего, наименьшей плотностью на-

селения и наибольшими площадями земель, непригодными для хозяйственной деятельности» [2, с. 276]. Изучение трансформационных процессов демографических структур Белорусского Полесья будет способствовать более аргументированному ведению хозяйственной деятельности и осуществлению мер демографической и социальной политики государства в регионе.

Белорусское Полесье занимает большую часть Брестской, Гомельской, небольшую часть на юге Минской и крайний юго-запад Могилевской областей. Протяженность с запада на восток составляет более 500 км, с севера на юг – около 200 км. В пределах Полесской провинции выделяют 5 физико-географических районов: Брестское, Припятское, Мозырское и Гомельское Полесье, а также Загородье [3, с. 64]. Природные условия этих районов исторически влияли на характер расселения, среду обитания и особенности хозяйственной деятельности населения [4, с. 105].

Из 16 административных районов Брестской области в состав региона полностью или частично входит 13 районов, из 21 района Гомельской области – 19 районов. Также в состав Полесской провинции входит 3 района Минской области и один район Могилевской области [5, с. 3].

Рисунок 1 – Административные районы, входящие в состав Белорусского Полесья

Изучение демографической динамики Белорусского Полесья позволило нам установить ряд причин, прямо или косвенно повлиявших на изменение численности населения региона, которыми явились: естественный прирост или убыль населения; влияние «демографических волн», вызванных последствиями Великой Отечественной войны; миграционный прирост или убыль населения, определявшиеся последствиями аварии на ЧАЭС, эмиграцией, особенностями социально-экономического развития.

На основании статистических данных нами был проведен анализ динамики численности Белорусского Полесья, который позволил выделить следующие периоды в формировании демографического потенциала региона:

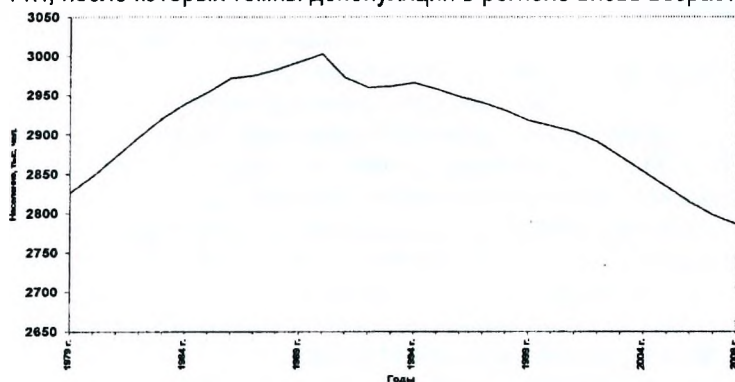
1 период (1979-1985 гг.) характеризуется как относительно стабильный, сопровождавшийся устойчивой тенденцией роста численности населения региона. Естественное движение населения определяется низкой рождаемостью и низкой смертностью. На данном этапе наблюдается увеличение продолжительности жизни, продолжается смена традиционного репродуктивного поведения сельских жителей, характеризующегося 2-3-детной семьей. За данный период произошел урбанизационный переход, т.е. городское население превысило показатель в 50 % в общей численности населения Белорусского Полесья (1981 г.). Стоит заметить, что в республике данный процесс был зафиксирован в 1976 году [6, с. 61].

2 период (1986-1994 гг.) можно охарактеризовать продолжающимся ростом численности населения региона, хотя темпы роста существенно замедлились. Авария на ЧАЭС предопределила влияние на динамику численности населения Белорусского Полесья новой тенденции – влияние экологического фактора, одним из проявления которого стало изменение удельного веса населения основных областей региона – Брестской и Гомельской. Отличительной чертой данного периода, особенно в первые годы после аварии на ЧАЭС, стало значительное увеличение объемов миграции как регулируемой государством (организованная эвакуация, строительство поселков для вынужденных переселенцев), так и стихийной.

3 период (1995-2004 гг.) в динамике численности Белорусского Полесья отмечен убылью населения региона. Кризисные явления в социально-экономической сфере привели к изменению демографического поведения человека, проявившегося, прежде всего, в уменьшении показателей рождаемости. Продолжающееся негативное воздействие экологических факторов привело к повышению показателей смертности. В итоге эти два важнейших процесса поменялись местами, и естественный прирост стал характеризоваться отрицательными показателями.

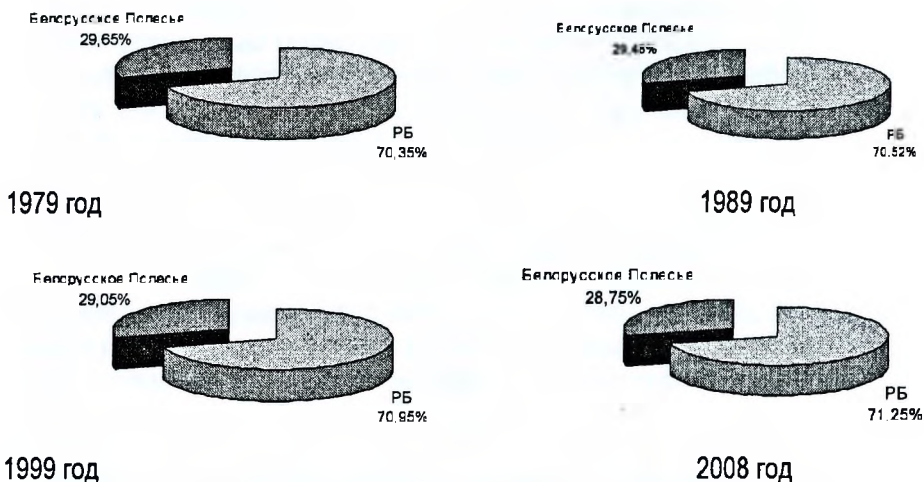
4 период (2005-2009 гг.) продолжает характеризоваться уменьшением численности населения региона, хотя темпы падения роста несколько замедлились. За это время наблюдалось увеличение удельного веса населения Брестской области в общей численности населения региона, и, соответственно, падение удельного веса Гомельской, Минской и Могилевской областей, районы которых входят в состав Белорусского Полесья.

Исходя из демографической структуры прошлых лет, можно прогнозировать незначительное падение численности населения Белорусского Полесья вплоть до 2012-2014 гг., после которых темпы депопуляции в регионе вновь возрастут.

Рисунок 2 – Динамика численности населения Белорусского Полесья

Удельный вес региона в общей численности населения республики за рассматриваемый нами промежуток времени снизился примерно на 1%. Но если в период с 1979 по 1986 гг. он оставался практически неизменным, то после аварии на ЧАЭС его доля начала уменьшаться (за исключением некоторой стабилизации в 90-х). В конечном итоге, в 2008 году удельный вес численности населения региона составил 28,75% против 29,65% в 1979 году.

Рисунок 3 – Изменение удельного веса населения Белорусского Полесья в общей численности населения республики

Трансформационные процессы в Белорусском Полесье четко прослеживаются при анализе естественного движения населения региона. Естественное движение является итогом взаимодействия двух составляющих его процессов – рождаемости и смертности. Относительная независимость этих процессов друг от друга требует первоначального рассмотрения этих двух компонентов каждого в отдельности. Анализируя данные статистики, динамику процессов рождаемости в период 1979-2009 гг. на территории Белорусского Полесья можно разделить на четыре этапа:

- 1 этап (1979-1986 гг.) – стабильный, относительно невысокий уровень рождаемости (в пределах 16-18 ‰);
- 2 этап (1987-1992 гг.) – постепенное снижение уровня рождаемости, относительные показатели которого не опускались ниже 13‰;
- 3 этап (1993-2003 гг.) – продолжающееся падение уровня рождаемости с низким, а в некоторые годы и с чрезмерно низким (менее 10 ‰) коэффициентом рождаемости;
- 4 этап (2004-2009 гг.) – стабилизация и некоторое повышение коэффициента рождаемости, который характеризуется как низкий (в пределах 10‰ – 11‰) [7, с. 99].

Вторым показателем естественного движения населения является его смертность. Долгое время в Белорусском Полесье, впрочем, как и по республике в целом, коэффициент смертности оставался достаточно низким и не превышал 10‰. Но с 1989 года начался постепенный рост смертности населения, который достиг своего максимального значения в начале 21-го века.

Коэффициенты рождаемости и смертности определили показатели естественного прироста в Белорусском Полесье, который имел волнообразную динамику изменений:

- 1) в период с 1979 по 1989 гг. наблюдаются стабильные показатели естественного прироста населения, которые несколько снизились к окончанию периода;
- 2) временной отрезок с 1990 по 1993 гг. характеризуется резким падением показателей естественного прироста населения Белорусского Полесья, сохраняя при этом положительные показатели;
- 3) начиная с 1994 года в регионе фиксируется процесс депопуляции населения, достигший максимальных показателей в 2004 году;

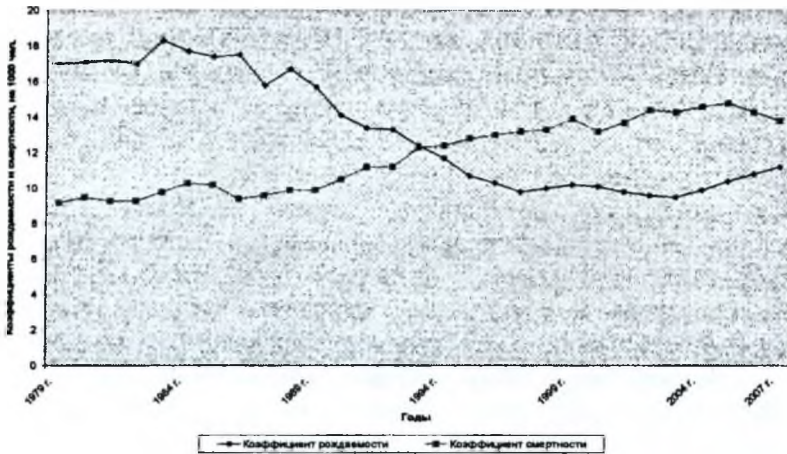

Рисунок 4 – Коэффициенты рождаемости и смертности в Белорусском Полесье

4) вторая половина первого десятилетия 21-го века ознаменовалась уменьшением показателей депопуляции, хотя показатели естественного прироста по-прежнему носят отрицательный характер.

Литература

1. Кириенко Е.Г. Социально-экономическая география Республики Беларусь: учеб. пособие / Е. Г. Кириенко. – Минск: Аверсэв, 2003. – 400 с.
2. Смоліч А. Геаграфія Беларусі / А. Смоліч. – 4-е выд. – Минск: Беларусь, 1993. – 382 с.
3. Природа Белоруссии: Попул. энцикл. / Белорус. Сов. Энцикл.; [редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред) и др.]. – 2-е изд. – Минск: БелСЭ, 1989. – 599 с.
4. Антипова, Е. А. Регионы Беларуси: особенности демографического развития и трудовой потенциал сельской местности: монография / Е. А. Антипова, Б. А. Манак. – Минск: БГПУ, 2007. – 232 с.
5. Манак Б.А. Полесский регион Беларуси: этнодемографический портрет / Б.А. Манак, Е. А. Антипова // Географія: праблемы выкладання. – 2007. – № 1. – С. 3-12.
6. Антипова Е.А. Геодемографические проблемы и территориальная структура сельского расселения Беларуси / Е. А. Антипова. – Минск: БГУ, 2008. – 327 с.
7. Корженевич С.В. Территориальные особенности естественного движения населения Белорусского Полесья / С. В. Корженевич // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя прыродазнаўчых навук. – 2008. – № 2. – С. 99-106.

АСНОЎНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦЯ ГАЛІНЫ КІНАМАСТАЦТВА БЕЛАРУСІ У ПЕРЫЯД СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ

Д.А. Кривашэй

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, г. Мінск, Беларусь

Беларускае кінамастацтва як і іншыя галіны культуры ў найноўшай гісторыі Рэспублікі Беларусь перажыло перыяд заняпаду і адраджэння. Новыя сацыяльна-эканамічныя ўмовы пачатку 1990-х гадоў садзейнічалі творчаму ўздыму і стварэнню новых суб'ектаў кінапрацэсу, якія былі незалежнымі ад дзяржавы.

Яшчэ ў маі 1991 г. Саюз кінематаграфістаў рэспублікі на сваім VII з'ездзе прыняў культурна-камерцыйную праграму, якая прадугледжвала наладжванне ўласнай кіна-відэавытворчасці, развіццё альтэрнатыўнага пракату фільмаў, больш актыўнае супрацоўніцтва з прэсай і бізнесам, падтрымку кінафестывалю і іншых культурных акцый у сферы кіно. У рамках выканання праграмы ў 1993 г. пры Саюзе былі створаны творчыя студыі.

Існаванне незалежных студый садзейнічала жанравай разнастайнасці беларускага кіно. Менавіта яны імкнуліся ствараць эксперыментальныя некамерцыйныя стужкі. Аднак жорсткія рэаліі часу прымусілі вытворцаў быць больш прагматычнымі, арганізоўваць сваю дзейнасць у адпаведнасці з патрабаваннямі рынку: улічваць запыты глядачоў, змены кан'юнктуры рынку, выкарыстоўваць маркетынговую стратэгію пры вытворчасці і продажы карцін. Хутка змянілася і жанравая накіраванасць. Пачалі здымаць баявікі²⁸, дэдэктывы, камедыі. Адною з найбольш прыбытковых у пракаце стала знятая ў 2000 г. ЗАТ "Відэакампанія "Відэафакт" эксцэнтрычная камедыя "Армія выратавання" (рэж. Я. Краўцоў). Росквіт студый скончыўся крызісам сярэдзіны 1990-х гадоў.

Новыя ўмовы перыяду сацыяльна-эканамічнай трансфармацыі не спрыялі развіццю кінавытворчасці. На развіццё галіны кінавытворчасці адмоўна паўплывала скарачэнне аб'ёмаў дзяржаказу, знікненне цэнтралізаванай сістэмы кінапракату, адсутнасць прафесіянальнай маркетынгавай службы. Не садзейнічала развіццю і стварэнне самастойных кінавідэааб'яднанняў (шасці абласных і мінскага гарадскога). Іх дзейнасць не падлягала адзінай пракатнай палітыцы. У выніку імкненне да прыбытку прывяло да рэпертуарнага дысбалансу на карысць амерыканскай забаўляльнай кінапрадукцыі і знікненню з экрану фільмаў беларускай вытворчасці.

На калегіі Міністэрства культуры ў сакавіку 1994 г. разглядалася пытанне стану і перспектывы нацыянальнай кінематаграфіі. Размова ішла не столькі пра развіццё, колькі пра захаванне беларускай кінематаграфіі ў складаных умовах пераходу да рыначнай эканомікі [1].

У снежні 1996 г. Урад краіны прыняў пастанову "Аб дадатковых мерах па захаванню і развіццю нацыянальнай кінематаграфіі і павышэнню ўзроўню кінавідэаабслугоўвання насельніцтва". Дакумент прадугледжваў распрацоўку ў 1997 г. праекта Закона "Аб кіно". Апошні быў прыняты толькі ў 2004 г. пад назвай "Закон аб кінематаграфіі ў Рэспубліцы Беларусь" і быў накіраваны на вырашэнне не толькі сацыяльна-эканамічных, але і ідэалагічных пытанняў. Ён вызначыў асноўныя прынцыпы і напрамкі дзяржаўнай палітыкі ў сферы кінематаграфіі, увёў вызначэнне "нацыянальнага фільма".²⁹

---

²⁸ Першы беларускі дэдэктыў "Д'ябальская карусель" быў зняты на студыі "Фобос-С" рэжысёрам Н. Грабенкіным у 1994 г.

²⁹ Дадзенае вызначэнне не з'яўляецца знаходкай беларускіх законатворцаў. Такі тэрмін утрымлівае мадэльны закон "Аб дзяржаўнай падтрымцы кінематаграфіі", прыняты на чатырнаццатым пленарным паседжанні Міжпарламентскай Асамблеі дзяржаў-удзельнікаў СНД ў кастрычніку 1999 г. Адпаведна яму: "нацыянальны фільм – твор, які адлюстроўвае спецыфіку нацыянальнай кінематаграфіі. Дадзенае вызначэнне выкарыстоўваецца ў мэтах стварэння сістэмы абароны аўтарскіх і сумежных правоў на тэрыторыях сваіх дзяржаў, стварэння ўмоваў развіцця нацыянальнай кінавытворчасці, пракату і паказу фільмаў, прадстаўлення іх на міжнародных фестывалях і конкурсах, удзелу ў 138

У прыведзенай ніжэй табліцы 1 мы параўноўваем асноўныя задачы, над вырашэннем якіх працавала кінагаліна ў 2001-2005 і 2006-2010 гг. [2, с. 80-81; 3, с. 103]. З яе відаць, якія змены адбыліся ў асобных ключавых напрамках дзейнасці.

Табліца 1. Параўнанне асноўных задач кінагаліны ў 2001-2010 гг.

2001-2005	2006-2010	
павелічэнне выпуску сумесных беларуска-расійскіх мастацкіх, дакументальных і мультыплікацыйных фільмаў	- актывізацыя работы па рэалізацыі сумесных кінапраектаў і прыцягненне дадатковых інвестыцый у кінавытворчасць; - прыцягненне расійскіх кінематаграфістаў для рэалізацыі беларускіх і сумесных кінапраектаў (рэжысёраў, кампазітараў, апэратараў, мастакоў);	
развіццё тэхнічнай і тэхналагічнай базы фільмавытворчых прадпрыемстваў	- пазтапная рэалізацыя інвестыцыйнага праекта комплекснай мадэрнізацыі матэрыяльна-тэхнічнай базы кінастудыі з выкарыстаннем найноўшых тэхнічных і тэхналагічных дасягненняў; - тэхнічнае парааснасчэнне Белвiдэацэнтра і рэканструкцыя будынка прадпрыемства	
развіццё заканадаўчай і нарматыўнай базы кінавідэагаліны падрыхтоўка кадраў маладых творчых работнікаў	далейшае ўдасканаленне нарматыўнай прававой базы кінематаграфіі сістэмная падрыхтоўка і перападрыхтоўка творчых і тэхнічных кадраў для фільмавытворчасці ў беларускіх і расійскіх ВНУ кінематаграфіі. Арганізацыя стажыровак маладых кінематаграфістаў	
Асваенне: выпуску тэлесерыялаў выпуску прадукцыі на відэаносьбітах	Н О В Ы Е М Э Т Ы	
стварэнне умоў па ўкараненню гукавых стандартаў "Dolby Stereo" ў кінатэатрах і відэапаказу ў стандартным і перасоўным варыянтах		
павелічэнне долі паказу нацыянальнай кінавідэапрадукцыі на беларускіх тэлевізійных каналах		- шырокае прыцягненне кансультантаў па спецыфічных пытаннях рэалізацыі інвестыцый
пашырэнне паказу айчыннай кінавідэапрадукцыі ў рамках фестываляў і Дзён кіно за мяжой		- паляпшэнне інфармацыйна-рэкламнай работы на ўсіх этапах вытворчасці фільма
павышэнне ўзроўню кінематаграфічных мерапрыемстваў, што праводзяцца ў рэспубліцы		- актывізацыя пошуку сцэнарнага матэрыялу шляхам правядзення тэматычных конкурсаў, мэтай перапрацоўкі (напісанне пад заказ) літаратурных твораў, закупкі аўтарскіх правоў у расійскіх аўтараў

У мэтах павелічэння эфектыўнасці рэалізацыі кінавідэапрадукцыі пачынаючы з 2006 г. быў зменены парадак фінансавання вытворчасці мастацкіх фільмаў з унясеннем у каштарыс выдаткаў на інфармацыйна-рэкламную падтрымку кінавідэа-

сумеснай кінавытворчасці з улікам міжнародных нормаў і пагадненняў". Акрамя гэтага, значная колькасць палажэнняў згаданага дакумента увайшла ў беларускі закон без якіх-небудзь змен.

праектаў, якія ствараюцца па дзяржаўным сацыяльна-творчым заказе. У пачатку XXI стагоддзя ў Беларусі адзінай з постсавецкіх краін захоўвалася амаль стопрацэнтнае дзяржаўнае фінансаванне кінавытворчасці [4, с. 18-20].

У вывучаемы перыяд незваротным стаў працэс скарачэння стацыянарных кінаўстановак, што прыводзіла да скарачэння колькасці гледачоў. За перыяд з 1990 па 2001 год агульная колькасць кінаўстановак скарацілася ў 2,3 раза (у сельскай мясцовасці – у 2 разы), колькасць месцаў для гледачоў – у 1,8 раза. Самае вялікае скарачэнне кінаўстановак (у 2,6 разы) адбылося ў Гомельскай вобласці. Агульная лічба наведванняў скарацілася ў 10,5 разы (гл. табліцу 2) [5, с. 17].

Табліца 2. Колькасці кінаўстановак і відэаўстановак, наведанне [6, с. 126; 7, с. 245; 8, с. 23, 31; 9, с. 46, 48].

	1990	1991	1993	1995	2000	2001	2003	2005	2007
кінаўстановак	6916	5976	4168	3780	3063	2951	2329	1997	1715
наведвальнікаў (млн.)	117	94	30	12,4	11,8	11	8,4	8,7	8,7
відэаўстановак	483			266	331	346		459	583
наведвальнікаў (млн)	4,8			1,3	2,2	2,3		4,4	5,4

Як сведчаць дадзеныя табліцы 2, падзенне колькасці кінаўстановак і наведання адбывалася ва ўвесь даследуемы перыяд. Толькі ў 2005-2007 г. назіралася адносная стабілізацыя на узроўні 8,7 млн. наведвальнікаў пры скарачэнні кінаўстановак. Побач з гэтым адбываліся працэсы пашырэння выкарыстання іншых відаў экранных тэхналогій: адкрываліся новыя відэазалы, развівалася кабельнае тэлебачанне. Найбольшы эфект з пункту гледжання пашырэння рэпертуару і паляпшэння якасці паказу мела выкарыстанне відэапраектных устаноў. На канец 2006 г. у краіне дзейнічала каля 400 такіх відэасістэм [10, с. 126]. У наступныя гады іх колькасць працягвала расці, і ў 2007 г. іх налічвалася 583 адзінкі. Гэты паказчык на 100 адзінак пераўзышоў 1990 г.

Аналіз колькасных паказчыкаў кінавытворчасці ў вывучаемы перыяд не дазваляе гаварыць аб заўважных станоўчых зменах. У 1992 г. на кінастудыі “Беларусьфільм” было выпушчана 30 стужак (ігравых, дакументальных, анімацыйных), у 1993 г. гэты паказчык склаў 26, у 1994 г. – 28, 1995 г. – 24, 1996 г. – 24, 1997 г. – 22, 1998 г. – 32, 1999 г. – 18, 2000 г. – 20, 2001 г. – 19, 2002 г. – 14, 2003 г. – 14 [10, с. 131]. У 2004 г. былі зняты 13 (без уліку дакументальных), у 2005 г. – 19, 2006 г. – 22 (з іх 2 стужкі – “Формула кахання” і “Маёр Ветраў” выйшлі ў пракат у 2007 г. і ўвайшлі ў афіцыйную справаздачу за 2007 г.), 2007 г. – 22 (5 мастацкіх (без уліку дзвюх агавораных раней), 5 мультыплікацыйных і 12 дакументальных кінастужак)³⁰ [11].

Нават пры нязначным выпуску айчынных фільмаў пракатныя арганізацыі ў рэгіёнах не мелі сродкаў для набыцця іх копіяў. Напрыклад, фільм “Павадыр” у 2002

³⁰ Чатыры з стужкі 2007 г. былі дэбютнымі для маладых рэжысёраў, выпускнікоў БДАМ А. Голубева (“Чаклун і Румба”) і Д. Скварцова (“Шчыт айчыны”), для выпускніцы Усерасійскага дзяржаўнага інстытута кінематографіі М. Мажар (“Ворагі”), а таксама для сцэнарыста А. Крыніцынай (“Сурыкавай”) (“Радзіма ці смерць”).

г. не набылі тры вобласці, фільм "Зорка Венера" – адна. Дрэнна была пастаўлена рэклама айчынных фільмаў. У выніку фільм "У жніўні 44-га" у Мінскай вобласці паглядзела 16 723 чалавека (з іх у Мінску – 10 099), а ў Брэсцкай амаль ў 4 разы меней – 4 425 чалавек [12, с. 60]. Лепшыя паказчыкі былі ў "Анастасіі Слуцкай" – у сталіцы стужку паглядзела 72 753 чалавека (да сярэдзіны 2004 г.). Для параўнання адзначым, што амерыканскі фільм "Гладыятар", які дэманстраваўся ў той жа перыяд, сабраў 155 553 чалавека [13, с. 139].

Адной з праблем кінагаліны ў вывучаемы перыяд была кадравая. У 1989 г. у Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў пачалася падрыхтоўка рэжысёраў ігравога і дакументальнага кіно. У 1997 г. быў здзейснены першы выпуск па спецыяльнасцях "рэжысёр і мастак анімацыйнага кіно" і "кінааператар".

Значнай праблемай была праблема забеспячэння спецыялістамі сярэдняга звяна, тэхнічнымі супрацоўнікамі. Востра стаяла пытанне падрыхтоўкі менавіта спецыялістаў "сярэдняга звяна". У 2003 г. пры Акадэміі мастацтваў пачалі працаваць платныя курсы па падрыхтоўцы такіх спецыялістаў: асістэнтаў рэжысёра, мастакоў і асістэнтаў мастакоў па касцюмах, менеджэраў у галіне кіно і тэлебачання, грымёраў, гукааператараў, асістэнтаў аператара, мастакоў-мультиплікатараў [13, с. 144].

У краіне была распрацавана Міжведамасная праграма падрыхтоўкі кадраў для кінавідэагаліны на 2006-2015 гг., якая прадугледжвае аптымізацыю сістэмы падрыхтоўкі адпаведных спецыялістаў. Пры Беларускай дзяржаўнай інстытуце праблем культуры была створана лабараторыя эканамічных і прававых пытанняў кіно [2, с. 79].

Нягледзячы на цяжкасці, у краіне рэгулярна праводзіліся кінафестывалі. У 1993 г. студый "Тэле-АРС" быў заснаваны штогадовы фестываль-агляд постсавецкага ігравога кіно "Лістапад". У 1996 г. ён набыў дзяржаўны статус і ператварыўся ў Міжнародны кінафестываль краін СНД і Балтыі, а пазней – Мінскі Міжнародны кінафестываль. З 1993 г. у краіне праводзіўся Міжнародны фестываль жаночага кіно. З 1997 г. – фестываль аматарскіх і студэнцкіх фільмаў. У 1998 г. дзіцячая кінастудыя "Даквіст" правяла першы міжнародны фестываль анімацыйных фільмаў "Анімаёўка". Пазней ён стаў праводзіцца ў Магілёве. З 1997 г. праводзіўся Нацыянальны фестываль беларускіх фільмаў у Брэсце.

Пабач з пэўнымі дасягненнямі, аб выхадзе галіны з крызісу пакуль нельга гаварыць. 12 верасня 2008 г. Прэзідэнт краіны наведваў новы шматзальны кінатэатр "Беларусь" ў Мінску. У час наведання кіраўнік дзяржавы закрануў праблемныя бакі галіны. Была звернута ўвага на вельмі нізкі працэнт фільмаў беларускай вытворчасці, якія дэманструюцца. У кінатэатрах краіны ў 2008 г. паказвалі 36% фільмаў вытворчасці ЗША, 30% расійскіх, 24% еўрапейскіх і толькі 5% вытворчасці кінастудыі "Беларусьфільм". Прэзідэнт даручыў з 2009 г. вывесці кінагаліну Беларусі на самаакупнасць. Гаворка ішла аб неабходнасці пераходу на новыя формы працы, калі рэжысёр зацікаўлены ў прасоўванні свайго прадукту на кінарынку. Былі адзначаны праблемы з кадрамі. Сярэдні ўзрост рэжысёраў складаў 60 гадоў. На думку кіраўніка дзяржавы, да вытворчасці кінапрадукцыі неабходна прыцягнуць маладых перспектыўных спецыялістаў [14].

Такім чынам, кінавытворчасць перажывала нялепшыя часы. Творчы ўздым пачатку 1990-х гадоў перайшоў у зацяжны крызіс. Адмоўны ўплыў аказала раз'яднанне кінавытворчасці і кінапракату. На дзяржаўным узроўні неаднаразова прымаліся рашэнні па захаванню і рэфармаванню галіны. Нягледзячы на неспрыяльныя ўмовы, была наладжана паступовая мадэрнізацыя тэхнічнай базы галіны, пачалася падрыхтоўка ўласных кадраў.

Літаратура

1. Аб сучасным стане і перспектывах нацыянальнай кінематаграфіі. Пастанова калегіі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь ад 14.03.1994. № 6 // Асноўныя службовыя дакументы. 1994. 1 паўгоддзе / Нацыянальная бібліятэка Рэспублікі Беларусь. – 1994. – С. 19-26.

2. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд. 2007. – Мінск: БелДІПК, 2008. – 135 с.

3. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд. 2005. – Мінск: БелДІПК, 2006. – 315 с.

4. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд. 2001. – Мінск: БелДІПК, 2002. – 68 с.

5. Аб мерах па удасканаленню кінавідэаабслугоўвання насельніцтва рэспублікі / Рашэнне калегіі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь ад 5 снежня 2002 г. № 14 п. 1 / Асноўныя службовыя дакументы. 2002. 1 паўгоддзе / Нацыянальная бібліятэка Рэспублікі Беларусь. – 2002. – С. 15-19.

6. Краткий статистический сборник «Республика Беларусь в цифрах», 2006 (Стат. сб.) Минстат Республики Беларусь. – Минск, 2006. – 346 с.

7. Краткий статистический сборник «Республика Беларусь в цифрах», 1995 (Стат. сб.) Минстат Республики Беларусь. – Минск, 1996. – 268 с.

8. Учреждения культуры и искусства Республики Беларусь в 2007 г. Статистический сборник / Мин. стат. и анализа Респ. Беларусь. – Минск, 2008. – 83 с.

9. Учреждения культуры и искусства Республики Беларусь: Стат. сб. / М-во статистики и анализа Беларуси; [Редкол.: В.С.Метеж (пред.) и др.]. – Минск: Статиздат Минстата Беларуси, 2002. – 82 с.

10. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд. 2006. – Мінск: БелДІПК, 2007. – 186 с.

11. Итоги 2007 года / Афіцыйны сайт кінастудыі "Беларусьфільм". [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу:

http://www.belarusfilm.by/rus/representative/~page_m11=7~news_m11=238.

13. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд. 2002. – Мінск: БелДІПК, 2003. – 207 с.

12. Гісторыя кінамастацтва Беларусі. У 4 т. (1986-2003 гг.) / Л.М. Зайцава [і інш.]; навук. рэд. Л.М. Зайцава. – Мінск: Бел. Навука, 2004. – Т. 4.

14. Александр Лукашенко посетил многозальный кинотеатр «Беларусь» в Минске // Афіцыйны інтэрнет-партал Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.president.gov.by/press62077.print.html>.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ИМПЕРАТИВНОСТЬ ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ

А.А.Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск

На тему глобализации говорят и пишут очень много. Меньше других, может быть, в центре внимания оказываются такие вопросы: что есть глобализация – процесс, содержащий альтернативы и варианты, или же процесс неизбежный, односторонний, императивный; ведет ли этот процесс к созданию однородной мироцелостности или же содержит в себе возможности разных национально-культурных спецификаций; является ли этот процесс порождением новейших сдвигов в производстве, информатике, культуре, или же он имеет свои исторические корни и исторические прецеденты; как могут человеческая ментальность, мировоззрение и сознание реагировать на этот процесс, противостоять ему.

К числу наиболее значимых черт глобализации обычно относят: усиление взаимозависимости стран и народов во всех сферах человеческой деятельности; образование всемирного рынка финансов, товаров и услуг, т.е. мировой экономики; становление глобального информационного пространства, неподвластного воле и желаниям отдельных государств и обеспечивающего быструю связь в реальном масштабе времени; превращение знания в основной элемент общественного богатства; выход бизнеса за национальные рамки посредством формирования транснациональных корпораций, которые сводят на нет регулирующие возможности государств; внедрение и доминирование в практике международных отношений и внутриполитической жизни народов универсальных человеческих ценностей; формирование теоретических подходов, обосновывающих принципиальную неспособность экономически слабых государств следовать в русле мирового развития, что неизбежно ведет к их хроническому отставанию и выпадению из мировой экономики.

Из положительных черт глобализации, как правило, отмечается рост контактов и связей между странами и народами в области экономики, торговли, науки, образования, технологий, культуры. В течение последних 50 лет средний доход на душу населения в мире вырос в три раза. Мировой ВВП увеличился в 10 раз. За последнюю четверть века более чем на 10% выросло число людей, достигших среднего уровня благосостояния.

Естественно, это усредненные показатели современного социального благополучия, не отражающие существующую дифференциацию в благосостоянии отдельных стран, народов, регионов. Следует согласиться с тем, что нынешняя глобализация предоставляет неравные условия для ее участников. Мир не интегрируется с учетом интересов всех стран, его деловая активность контролируется ограниченным числом наиболее сильных государств. В связи с этим следует особо подчеркнуть бесперспективность политики однополюсного сосредоточения власти и финансово-экономических ресурсов у незначительной части стран и организаций мира, провоцирующей поглощение «глобализации достатка» глобализацией бедности, болезней и эпидемий, истощения природных ресурсов и экологических катастроф, экономической и политической нестабильности. Важно сегодня найти приемлемый баланс встречных потоков «верхних» и «нижних» уровней глобализации.

Проявления глобализации достаточно многогранны. Наиболее дискуссионной в этом отношении является сфера культурных взаимодействий. Во второй половине XX в. полностью себя исчерпал колониализм как идеология культурного и этнического взаимодействия, а на смену ему пришли самостоятельные национальные государства, транснациональные компании, интегрирующие эти государства в мировую экономику, и новая идеология культурного взаимодействия, которую можно определить как *мультикультурализм*. И если в условиях колониализма культурное взаимодействие определялось доминирующей этнической группой и сводилось в общем к интеграции этнических меньшинств в доминирующую культурную среду, то в условиях глобализации культуры на первый план выходят новые способы и направления взаимодействия культур, которые идеологически признаются равноценными и равноправными, но вынуждены существовать в рамках политики национальных или федеративных государств, а также в условиях сильных внешних воздействий, связанных с формированием надгосударственных общностей, интенсивной иммиграцией и коммуникацией.

Уже в эпоху первых цивилизаций можно было выделять так называемые успешные в плане распространенности, или доминантные, культуры и культуры не-

успешные, остающиеся изолированными на протяжении длительного периода времени. Данная успешность или неуспешность культур определялась в первую очередь средствами коммуникации, главным из которых в древних цивилизациях была, как известно, письменность. Именно такая возможность быстрого и эффективного распространения информации давала возможность доминантным культурам развивать искусство, науку, религию и именно она лежала в основе последующей трансформации неуспешных культур при их колониальном захвате или завоевании. Одной из первых форм мультикультурности следует считать ситуацию существования доминантной и недоминантной культуры или культур в рамках одного государства, причем носителями доминантной культуры были более высокие социальные слои.

В XX в. дихотомия так называемых успешных и неуспешных культур сменилась достаточно сложной структурой культурного взаимодействия. Среди элементов этой структуры наиболее очевидными являются следующие типы культур:

- локально-этнические;
- национально-этнические (национально-государственные);
- иммиграционные, носителями которых выступают лица (диаспоры), получившие право постоянного проживания в той или иной стране;
- транзитивные, носителями которых выступают лица (диаспоры), временно пребывающие в той или иной стране (например, в период учебы, временной работы и т. п.);
- технологически развитые глобальные.

Неуспешные культуры прошлого в рамках доминирующих культур сегодня выступают прообразами локальных культур, в которых преобладают традиционные средства межличностной коммуникации, сохраняется свой язык и часто обычаи и обряды, религиозные представления. Подобные локальные культуры становятся своего рода «обузой» своих организационно и технологически развитых «культур-хозяев». Трансформировавшиеся успешные культуры прошлого, прежде всего европейско-американская культура, инкорпорируют большую часть научных знаний и технологий. Благодаря средствам массовой информации и коммуникации они становятся глобальными, распространяя свойственные им ценности практически по всему земному шару.

Тем не менее технологии глобализации часто бессильны в навязывании этических и социальных устоев локальным культурам, что в итоге приводит к достаточно автономному существованию этих культур вне сферы глобальных и государственных идеологий и политических процессов. Так мы получаем еще одну форму мультикультурности: взаимодействие локальных, национально-государственных и глобальных (например, американско-европейской) культур.

Новые технологии коммуникаций позволили увеличить мобильность населения и облегчить контакты между людьми, что способствует также возрастанию контактов между разными культурами. Основными очагами культурного взаимодействия становятся не пограничные территории, не войны и не колонизация, а крупные города-средоточия, скажем, западной культуры, куда стекается население, представляющее разные культурные традиции. Часть эмигрантов старается поддерживать свою культуру, создавая диаспоры, другая часть отказывается от культуры предков, становясь носителями западных ценностей. Но в любом случае в западную цивилизацию привносятся культуры, которые в ней сочетаются, и современный

Запад становится мозаикой культур, в которой каждая культура практически обезличена и оторвана от своих исконных носителей. Этнические культуры в западной цивилизации перестают существовать как таковые, сохраняя тем не менее основные этические и социальные представления.

Глобализация выражается в стандартизации обыденной жизни и сферы потребления, материальная культура становится обезличенной и униформной. Одинаковой становится пища, одежда, используемая бытовая техника и средства коммуникации. Даже в странах, далеких от европейского или американского влияния (никогда не бывших колониями), повседневная жизнь и сфера потребления становятся похожими на те, которыми живет технологически развитая культура. Но даже стандартизация не ведет к гладкому процессу глобализации. Главным препятствием на ее пути становятся все те же традиционные моральные и социальные представления большинства отличных культур, как локальных, так и национально-государственных. Ранее имеющиеся противоречия относили к так называемому противостоянию цивилизаций.

Противостояние цивилизаций было отражено в нашумевшей статье Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», появившейся в 1993 г. Хантингтон считает, что основной конфликт эпохи можно свести к противостоянию современности и традиционности, к столкновению важнейших культур-цивилизаций, к которым относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православнославянская, латиноамериканская и африканская цивилизации. (Столкновения цивилизаций происходят по линиям культурных разломов, т. е. по линиям пространственных границ метакультурных областей.) Различия между культурами-цивилизациями будут сохраняться еще долго, так как межкультурные различия более фундаментальны, нежели различия политические или экономические.

Но сейчас можно говорить, скорее, не о противостоянии цивилизаций, а о противостоянии локальных, национально-государственных и глобальных культур, прежде всего на уровне социально-политических процессов. Своего рода изолированность локальных культур, оторванность от производства новых технологий, сделали их всего лишь потребителями предлагаемых ноу-хау, не давая возможности проявления себя и своей культуры в общем процессе глобализации. Все это, как известно, приводит к различным актам противостояния глобализации, в том числе и к социально-политическому движению антиглобализма.

Реакция и влияние на глобализационную политику связаны с ее объективной оценкой и пониманием. Важную роль в этом призван сыграть методологический инструментарий современной науки, в частности, сформировавшийся в рамках философии универсализма. Под этим углом зрения возможна постановка следующих вопросов.

Связаны ли государства и присущие им общественные системы, соответствующие культуры, экономики между собой? Обладают ли они отзывчивостью по отношению друг к другу? Если нет, значит они развиваются автономно, и тогда бессмысленно говорить о человечестве как целостной организации, универсальной ценности. Разнообразие цивилизаций не образует планетарной общности.

Но возможен и другой подход. Государственные и общественные системы могут быть по-своему уникальны и различны. Но это не должно означать, будто они отгорожены друг от друга. Напротив, ориентация на уже апробированный, синтезированный опыт, на систему общечеловеческих ценностей может явиться тем объединяющим началом, которое необходимо в трудных условиях современного развития.

Если говорить иначе, то в соответствии с первым подходом действительной реальностью являются изолированные системы – государства, которые ведут трудную и опасную борьбу за выживание. В экзистенциальном плане это означает принципиальное одиночество государств и народов в этом мире, а потому его доминирующим мироощущением является неуверенность, чувство постоянной опасности и тревоги.

Во втором случае мы имеем дело с цивилизационным сценарием структурно-упорядоченного мира, в котором каждый из суверенных государств разделяет некий общецивилизационный свод норм и правил, какими могут быть, например, международное право, незыблемость сложившихся территориальных границ, уважение национально-культурных и религиозных ценностей, прав человека на достойную жизнь, мирный диалог, общая забота за судьбу планеты и т.п. Короче говоря, обозначенная проблематика выражается в известной оппозиции партикуляризма и универсализма.

Универсализм – это мировоззренческая установка на культурный синтез, на поиск путей сближения, на выработку и использование общезначимых идеалов и норм развития. Для данного подхода важно постижение общей судьбы человечества, несмотря на наличие различных социально-культурных, экономических, политических и других программ жизнедеятельности.

Партикуляризм – это мировоззренческая установка на разъединение, на обособление, на автономизацию культур и социальных общностей, на амбициозный поиск неких специфических, только данному государству присущих путей развития. То есть, предлагается изобрести нечто свое, не вдаваясь при этом в сравнительный анализ уже выработанных человечеством эффективных экономических и социально-культурных механизмов развития.

Конечно, слепое, некритическое копирование чьего бы то ни было опыта само по себе ошибка. Но использование мирового опыта при учете национальных условий и ценностей просто необходимо с точки зрения рациональной социально-экономической политики и заботы о человеке.

Современная социальная наука, например, констатирует факт существования объективного закона, который получил название закона региональной общности. Этот закон указывает на то, что у наций, живущих в какой-либо части мира, имеются общие интересы, связанные с поддержанием добрососедских отношений, экономической кооперации, отношений с третьими странами, решением глобальных проблем. Пространственная близость в условиях современного мира стоит перед дилеммой: либо соседи будут устанавливать отношения сотрудничества, либо их ожидает состояние конфронтации в условиях все более высокого давления со стороны экономических, национальных и глобальных проблем. Географическая близость, сходство региональных проблем сами по себе являются фактором стремления к сотрудничеству и интеграции.

В то же время данный подход не претендует на игнорирование специфических особенностей государств-соседей. Региональная близость обязывает формировать долгосрочную стратегию существования, которая не может свестись к абсолютной автономии и изоляции. Это тем более невозможно в условиях резкого обострения современных глобальных проблем, которые имеют наднациональный, надгосударственный и надрегиональный характер. Поиск совместных путей решения данных проблем представляет собой устойчивый фактор координации и сближения программ жизнедеятельности государств и народов не только в конкретнорегиональном, но и в общемировом плане.

Современная глобалистика доказывает, что наиболее трудно координируем региональный уровень отношений. Национально-государственный уровень, естественно, легче организуем, но этого явно недостаточно. Что касается общемирового уровня, то успех здесь видится в посредничестве региональных отношений, которые в силу этого приобретают ключевое значение.

И все же во всей этой схеме отношений наиболее значимым и деликатным является уровень национально-государственных образований, потому что именно здесь сосредоточен национальный, культурный, этнический, конфессиональный, наконец, социально-экономический интерес каждого конкретного народа и человека. Еще совсем недавно государства представлялись как исключительные субъекты международных отношений и посредники в поиске и обеспечении сотрудничества для различных внутригосударственных субъектов. В условиях глобализации ситуация резко меняется. Можно сказать ее сутью становится неподвластный государству процесс информационных, финансово-коммерческих, культурных и иных коммуникаций, лежащих в основе формирования новых надгосударственных общностей. По большому счету глобализация и есть надгосударственность, с чем и связываются ее противоречие и конфликтные восприятия. Для снятия этих противоречий важно осознание того, что в условиях интенсивного развития глобальных процессов государство не может не выступать гарантом сохранения национальных, этнических, культурных, языковых и иных ценностей, а глобализация в таком случае не должна означать размывание всех национальных рамок и культурной специфики.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что глобализация – это все же объективный процесс, с которым приходится считаться, но который, тем не менее, не может находиться вне наших оценок и влияния. Контроль за этим процессом должен осуществляться как со стороны отдельных национальных государств и их совместных действий, так и со стороны широкой международной общественности. Важно при этом понимать, что поиски отдельными людьми, их сообществами своего места в мире и, стало быть, своей идентичности продуктивны лишь тогда, когда они направлены не на жесткое противостояние миру, не на самовыпадение из мира, а на отыскание своего места в поле коммуникаций между индивидами, народами, созидательными традициями, культурами.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БИОЭТИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Н.А. Лазаревич

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Одной из особенностей современной науки является то, что в ней все более заметное место занимает этическая проблематика. Это связано с определенной направленностью развития науки и технологий в последние десятилетия – их неуклонным приближением к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В первую очередь это касается некоторых современных генетических, эмбриологических и т.п. биомедицинских исследований, например, связанных с клонированием, увеличением продолжительности жизни, отодвиганием биологического старения и т.п. Важно отметить, что появление новых технологических решений идет гораздо более быстрыми темпами, чем осознание последствий этой деятельности.

В этой связи появилась необходимость объяснения и морального регулирования важнейших проблем, возникающих вследствие развития новых технологий. Такую функцию берет на себя биоэтика, которая выступает новой формой практической философии защиты жизни и человеческого достоинства. Первое время понятие биоэтика использовалось как синоним профессиональной медицинской этики, аккумулирующей в себе все многообразие врачебного нравственного опыта. Конструктивную основу данного опыта составляли принципы формирования духовного пространства личности врача, включающие традиционные медицинские ценности – милосердие, благотворительность, ненападение вреда пациенту, нравственную ответственность.

В нынешней новой социально-культурной ситуации биоэтика дополняется принципом понимания ценности индивида как уникальной, неповторимой личности. В центре морального сознания оказываются идея автономии человека, его право самостоятельно принимать наиболее важные решения, касающиеся его жизни. В реализации этого принципа ставится под сомнение патерналистская модель взаимоотношений врача и пациента, когда благо пациента односторонне определялось неоспоримым авторитетом врача. В биоэтику включается вопрос об участии другой стороны (пациента) в принятии врачебного решения. Патерналистская модель дополняется при этом новыми формами взаимоотношения - информационной, совещательной, интерпретационной. При этом не столько ставится под сомнение безусловная компетентность врача в определении блага пациента, сколько выдвигается требование совмещения авторитета врача с принципом автономии пациента. Принцип автономии имеет свой медицинский эквивалент – принцип информированного согласия, который предполагает преодоление принудительного ограничения свободы действий пациента и его прав путем усиления принципа уважения автономии, и на место всякого принуждения стремится поставить стратегию диалога, направленного на поиск такого согласия. Этика диалога есть этика плюрализма, в котором различия являются условием диалога и в то же время различия имеют предел, за которым диалог становится невозможным. Тем пределом, за которым всякий плюрализм теряет своё позитивное значение, является признание безусловной ценности человеческой жизни как нравственного закона, являющегося единым для всего человечества.

Учитывая важность и незыблемость права человека на жизнь, одной и наиболее сложных проблем биоэтики в аспекте ограничения такого права является проблема эвтаназии. Эвтаназия (*eu* – хороший, *thanatos* – смерть) – сознательная деятельность по прекращению страданий пациента, обусловленных неизлечимой болезнью. Речь идет о том, что не всегда срабатывают нормы, например, традиционной медицинской этики, в которой преобладают патерналистские установки по обеспечению блага пациента, где высшим благом представлялось сохранение его жизни. Сегодня многие специалисты, а зачастую и сами граждане, неоднозначно оценивают ситуацию, при которой продление жизни у безнадежного больного, испытывающего жесточайшие страдания или находящегося в вегетативном состоянии, является благом для него. С другой стороны, не исключено, что жертвами эвтаназии могут стать хронические больные, старики, инвалиды, психически больные.

Специфика современного исследования человека в биоэтике исходит из выявления соотношения духовного и телесного, моральной свободы и ответственности, защиты прав человека, возникающих в мире биотехнологий. Поэтому основная за-

дача биоэтики – способствовать выявлению различных позиций по сложнейшим моральным проблемам, которые порождает прогресс биомедицинской науки и практики. Специфика биоэтики в сопоставлении с более широкой областью – этикой науки – заключается в преимущественном применении ее к тем граням науки и практической деятельности, которые сегодня претендуют на радикальное изменение природы человека.

Можно ли клонировать человека, допустимы ли попытки создания генетическими методами новой "породы" людей, которые будут обладать высокими физическими и интеллектуальными качествами? Нужно ли спрашивать разрешения у родственников умершего при заборе его органов для пересадки другим людям, можно и нужно ли говорить пациенту правду о неизлечимом заболевании, является ли эвтаназия преступлением или актом милосердия? Биоэтика призвана способствовать поиску морально обоснованных и социально приемлемых решений этих и подобных им вопросов, которые встают перед человечеством практически ежедневно.

Биоэтика выступает важнейшим элементом современного социально-гуманитарного знания и является одним из способов борьбы против социальной несправедливости в том, что касается здоровья человека, доступности и качества оказываемой медицинской помощи. Весьма широкой областью дискуссий при этом становится обеспечение справедливого доступа к новейшим биомедицинским технологиям. Многие из них открывают колоссальные возможности в том, что касается восстановления и укрепления здоровья, однако распределение этих возможностей часто оказывается далеко не справедливым. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что не только не сокращается, но, напротив, быстро растет разрыв между теми, кто имеет возможности доступа к этим новейшим достижениям, и основной массой населения. Он начинает принимать угрожающие размеры. В этой связи говорят о соотношении 90:10. Имеется в виду то, что 90% средств, которые тратятся сегодня в мире на биомедицинские исследования, направляются на создание средств борьбы с теми заболеваниями, от которых страдает 10% мирового населения. И только 10% средств, расходуемых на эти исследования, идет на те заболевания, которым подвержены 90% жителей планеты. Внедрение биотехнологии может способствовать закреплению и усилению неравенства на всех уровнях (между богатыми и бедными странами, между крупными и мелкими производителями и т.д.).

Наглядным примером служит развитие «геномики» - фундаментальных исследований в рамках проекта «Геном человека», который ставил своей задачей исчерпывающее описание, подготовку полной карты человеческих генов с их точной локализацией в хромосомах. Вокруг геномных исследований происходит присоединение многообразных медико-генетических практик, политических кампаний, мифов, новых надежд, вождельений и способов их удовлетворения. Уже сейчас растет число частных фирм, которые, вкладывая значительные ресурсы в развитие геномных исследований, предполагают получить огромные прибыли. Коммерческая переориентация фундаментальной науки, которая в проекте «Геном человека» реализуется весьма последовательно, радикально преобразует научное сообщество. Если конкуренция в науке шла, главным образом, за приоритет первооткрывателей, то теперь он дополняется конкуренцией за «покупателя» произведенных учеными особого рода товаров и услуг по направленному изменению наследственных свойств. В будущем это позволит улучшить наследственность человека, победить болезни, создать необходимые лекарства, однако не исключена возможность того, что она изменит природу человека.

Вторжение в молекулярные механизмы наследственности не сопоставимо с селекционной деятельностью и может привести к тому, что творение станет неподвластно воле его создателя. Генная инженерия в принципе позволяет удовлетворить самые разнообразные желания человека, однако с этической точки зрения может поставить перед людьми совершенно новые проблемы. Теперь, когда прочитан геном человека и составлена его генетическая карта, пытаются дать оценку так называемого генетического состояния и получить ответы на вопросы: что такое здоровая наследственность, «хороший» или «плохой» ген, какая степень аномалий допустима для общества. Практика генетической диагностики вынуждает пользоваться критериями евгеники, а практическая деятельность генетических консультаций выливается в проведение своеобразной генетической политики. Данные, полученные при анализе генома, могут принести пользу – помочь предотвратить не появившуюся еще болезнь, подобрать подходящую профессию и т.д. Но такая информация может послужить и причиной дискриминации (при приеме на работу, в школу, при страховании, оказании медицинских услуг и пр.). Информация, получаемая в результате биоисследований должна иметь в первую очередь прогностический характер, а этические гарантии становиться при этом доминирующими.

Вместе с тем, неоднократно высказывались обоснованные предположения о том, что открытия в области генной инженерии могут вызвать процессы, представляющие большую опасность для человека. В этой связи большое внимание привлекает (иногда с налетом сенсационности) использование в питании продуктов трансгенных животных и растений, т.е. содержащих в своем геноме чужеродную, не характерную для них, наследственную информацию. Первые генно-инженерные сорта сельскохозяйственных растений появились в производстве в 1992 году. За прошедший период они показали свою высокую эффективность, преимущество перед сортами, созданными с помощью традиционной селекции. Большинство опасений относительно их возможной угрозы здоровью и окружающей среде не подтвердились. Однако имеется еще очень короткая история безопасного использования генно-инженерных организмов. Руководствуясь принципом предосторожности, в течение довольно длительного времени нужно принимать меры безопасности, включая государственное регулирование, чтобы обеспечить с одной стороны, благоприятные условия для развития генной инженерии как одного из приоритетных научных направлений, а с другой - гарантировать безопасность при осуществлении и использовании результатов и продуктов генно-инженерной деятельности. К настоящему времени разработана система оценки безопасности генетически измененных организмов для здоровья человека и окружающей среды. Она содержит целый ряд подходов и методов, применяемых с этапа планирования предполагаемой генетической модификации, заканчивая получением свидетельства о государственной регистрации сорта, дающего право его использовать.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX-го века формируется идея глобальной биозтики. В качестве цели она предлагает достижение приемлемого выживания (acceptable survival) человечества, которое понимается не только как выживание, устойчивое развитие общества (sustainable society), но и развитие здоровой экосистемы (healthy ecosystem). Основными условиями жизнедеятельности человека должны стать: а) сохранение окружающей среды, б) контроль репродуктивной

150

функции человека. Индивидуальное здоровье – один из двух приоритетов глобальной биоэтики. Ученым-врачам, психологам, философам следует направить свои усилия на создание концепции позитивного здоровья популяции и разработать для отдельных людей и их семей способы и методы достижения и сохранения здоровья. Медицина должна изменить свои приоритеты на превентивные, а здоровье индивидуума должно рассматриваться не только как отсутствие болезней, но как некоторое позитивное качество, зависящее от многих факторов. Важнейшими из них являются перенаселение и загрязнение окружающей среды, и биоэтика в этом плане согласуется с ценностями экологическими. Сегодня биоэтика не может развиваться без включения в нее задач экологии. Еще В.Р. Поттер вслед за О. Леопольдом указывал, что этика не должна ограничиваться сферой человеческих отношений. Ее следует распространить на всю биосферу как целое с целью регуляции вмешательства человека в область разнообразных проявлений жизни [1, с. 216]. Она призвана на универсальной основе «этизировать» все сферы деятельности и поведение человека в биосфере. Без обеспечения безопасности биосферы как естественного фундамента человеческой жизни невозможен ни один оптимистический сценарий будущего. Сфера биоэтики при этом расширяется до этики жизни, «этики космоса», этики биосферы [2, с. 186]. Биоэтика при этом выступает как одна из форм познания и моделирования всеобщих глобальных проблем бытия. Она способна дать новое учение о жизни и стать стержнем нового целостного мировоззрения. Иными словами, приемлемое выживание – это выживание на уровне, достойном устремлений и духовного потенциала современного человека, который ощущает свою неразрывную связь с окружающим миром, всей экосистемой.

Современная биоэтика должна включать в себя определенную философию безопасности, которая акцентирует внимание на обеспечении системной безопасности не только через защиту, но и через развитие. Концепция развития, включающая в себя категорию безопасности, делает развитие «устойчивым» и предсказуемым. Связь безопасности и развития в биоэтике рассматривается в терминах защиты жизни и перспективах выживания человечества в условиях обострения глобальных проблем.

Сегодня биоэтика выступает междисциплинарным научным направлением, развитие которого «подпитывается» совершенствованием «технологий вмешательства» в жизнь человека, животных, живой природы. Она не только важнейшая этическая основа медицины и здравоохранения, но и социальной работы, деятельности экологических, научно-исследовательских, образовательных и общественных центров и организаций. Биоэтика – как этика жизнедеятельности человека – расширяет границы корпоративного сознания медиков, биологов, философов, политиков и социологов, позволяет осмыслить глобальные проблемы человечества, становясь мировоззренческим основанием многих видов деятельности людей.

В качестве практического механизма создания и реализации биоэтических проектов выступают соответствующие комитеты по этике, которые являются институционализированной формой присутствия биоэтики в структуре современного типа организации биотехнологических новаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Р. Оттер. Биоэтика: Мост в будущее. – К., 2002.
2. П.Т. де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука. – 1987.

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

И.А. Лапина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Изменение социально-политических условий в странах Азии и Востока, а также на территории постсоветского пространства привело к значительному росту числа незаконных мигрантов как на территорию нашей страны, так и использующих Республику Беларусь в качестве транзитного коридора для проникновения дальше, в страны Европы. Социальная опасность такой ситуации связана с сопровождающим нелегальную миграцию ростом общеуголовной преступности, в частности, в сфере изготовления, сбыта и использования поддельных документов. Чаще всего встречаются случаи материального подлога, когда частичному изменению подвергаются полученные легально документы (путем подчисток, дописок, травления и т.п.), либо изготавливаются полностью поддельные документы с реквизитами, похожими на подлинные (паспорта несуществующих государств, удостоверения личности произвольной формы и т.п.).

В связи с этим, можно выделить несколько групп объектов, подлежащих исследованию: полностью поддельных документов (исследование бланков); документов, выполненных на печатных устройствах (исследование машинописных текстов, кассовых чеков, платежных документов и т.д.); оттисков печатей и штампов; частично поддельных документов; документов, имеющих средства защиты от подделки.

В процессе подобного исследования могут быть решены следующие вопросы:

1) установление способа изготовления документа и его частей; 2) отождествление: - конкретных предметов (пишущих машин, печатных форм, кассовых аппаратов, пишущих приборов и т.д.);

- целого по частям;

- лиц, печатающих документ (идентификация личности по особенностям навыка); 3) установление факта и способа внесения изменений в документ; 4) установление скрытой информации (выявление залитых, замазанных текстов, восстановление сожженных документов); 5) восстановление первоначального вида документа; 6) определение времени изготовления документа.

Эти задачи становится возможным решить при исследовании самих официальных документов, их материала изготовления, сравнительных объектов, средств и приемов подделки.

Официальные документы – документы, удостоверяющие личность; а также иные документы, свидетельствующие, например, о наличии или отсутствии материальных ценностей; ведомости, больничные листы и т.п. (их реквизиты).

Материал, на котором изготовлен документ (бумага, картон и т.п.); средства, с помощью которых он заполнен (чернила и т.д.); вспомогательные вещества (клей, сургуч); а также вещества, используемые для частичного или полного изменения документа (травящие вещества, растворители и т.п.). Нетипичными для данного вида экспертиз являются объекты, на которых могли остаться слабо видимые или невидимые записи (листы фанеры, ткань керамика, дерево и т.д.).

Сравнительные объекты – образцы, представленные на исследование лицом или органом, назначившим экспертизу, либо изготовленные экспертом в ходе исследования.

Технические средства и приспособления, используемые для изготовления бланков официальных документов или их реквизитов (знакопечатающие устройства, литеры шрифта, письменные приборы, приборы для уничтожения штрихов подчисткой и т.д.), либо для внесения изменений в ранее изготовленные документы.

Особое внимание при этом должно уделяться исследованию бланков. Бланк – лист бумаги с напечатанными типографским способом реквизитами и частично напечатанным текстом, предназначенный для составления документов по определенной форме. Изготовление происходит с применением форм высокой печати. Контакт во время печати может быть прямой (форма оставляет отпечаток с красителем на бумаге) и косвенный (офсетный: через красящую ленту). Существует также глубокая и плоская печать (за счет различных физико-химических свойств поверхности и красителей). Все документы, отпечатанные в типографии, имеют ряд реквизитов.

Способы подделки бланков зависят от ряда объективных и субъективных факторов. Наиболее распространенные из них: рисовка, печать с использованием различных клише, печать с набора типографского шрифта, печать с помощью копиров. Особенность заключается в том, что типографская краска, в отличие от красителей, используемых преступниками, не растворяется водой, т.е. на подлинном бланке документа, изготовленного по всем правилам, в типографии, должны отсутствовать какие-либо подтеки и неровности, все штрихи красителя должны быть ровными, четкими, одинаковой толщины. Признаки подделки могут быть установлены с помощью лупы 4-7-кратного увеличения и сравнения с подлинными бланками. Это можно сделать непосредственно, на месте исследуя таможенные и другие документы, предназначенные для пересечения государственной границы. В случае необходимости эти документы затем могут быть отправлены на экспертизу, возможности которой в настоящее время достаточно широки: возможно не только установить автора и исполнителя подделки, но и идентифицировать копировальную и печатную технику, на которой был изготовлен поддельный документ.

Кроме того, экспертная методика технико-криминалистического исследования документов включает в себя комплекс методов, используемых при исследовании как реквизитов, так и материалов. К ним относятся: микроскопический, фотографический, методы химического анализа.

Первоочередное внимание при проверке документов лиц, пересекающих государственную границу, следует уделять исследованию оттисков печатей и штампов, представляющих собой важные реквизиты, имеющие целью удостоверение и фиксацию личности и юридических фактов. Сами печати и штампы, как правило, изготавливаются по специальной технологии, с соблюдением специальных процедур оформления. Поэтому их оттиски должны быть четкими и хорошо читаемыми. О подделке в этом случае могут свидетельствовать (в случае использования такого способа, как рисовка): следы предварительной подготовки (штрихи карандаша, отверстие от циркуля); неравномерное распределение красителя; различная конфигурация одних и тех же букв; нарушение радиальности текста в печати.

Достаточно часто преступниками используется такой способ подделки печати, как применение клише. Клише может быть различных видов: рисованное или рельефное. В первом случае будут наблюдаться размыты красителя (так как клише предварительно смачивается) и следы рисовки. При использовании рельефного клише (оно вырезается на дереве, линолеуме, гравировается на металле) будут видны нарушения правильной геометрической формы оттиска; неравномерность ширины штрихов; ломаная строка текста и его нерадиальность.

Кроме печати в документе могут быть изменены отдельные части. Чаще всего исправленными в документах оказываются цифры – сроки действия визы, количество въездов, даты пересечения границы. Эти изменения могут быть внесены в документ при помощи нескольких способов подделки.

Одним из самых распространенных способов внесения изменений в документ является подчистка. О его использовании свидетельствует ряд признаков: нарушение структуры бумаги (можно выявить в результате теневого освещения документа, а также микрофотосъемкой (с увеличением в 5-10 раз)); уменьшение толщины бумаги (однако данный признак не прослеживается на бумаге низкого качества); - остатки старого красителя; расплывы новых штрихов; остатки рельефа штрихов удаленного текста (обязательно надо рассмотреть документ с обеих сторон – совпадают ли следы нажима с обратной стороны документа с текстом, выполненным на «лицевой» части); нарушение сетки и линовки; взъерошенность, шероховатость поверхности.

Следующим по частоте употребления способом подделки документов является дописка (внесение в первоначальный текст изменений в виде новых штрихов букв или цифр). О нем будут свидетельствовать: необычное размещение текста (несовпадение строк, разные межстрочные и межбуквенные интервалы); различный цвет штрихов (выявляется с помощью светофильтров); новый химический состав штрихов (вызывает различие в цвете люминесценции); разные почерка. Последний признак может быть не столь очевиден при осмотре документа, точный и определенный ответ в этом случае может дать почерковедческая экспертиза.

Еще одним возможным способом подделки документов является травление, которое представляет собой химическое удаление текста. В случае его использования будут наблюдаться: повреждение проклейки бумаги (вследствие чего появятся пористость, гигроскопичность, матовость); изменение цвета бумаги – пожелтение (выявляется с помощью светофильтров); хрупкость; расплывы чернильных штрихов; различие фрагментов документа в цвете люминесценции.

Достаточно часто при пересечении государственной границы и перевозке грузов обнаруживается сочетание подлинности и поддельности в одном документе. В этом случае можно говорить о замене частей документа. Она может быть нескольких видов:

1. Замена фотографии. При этом могут быть обнаружены следующие признаки: ободки печати заходят под края фотографии; по краям новой фотографии могут быть следы в виде рамки от прежней; дорисовка печати на фотографии.

2. Замена листов в документе. Об этом свидетельствуют: нарушение порядка и способа нумерации страниц в документе; несовпадение формата, цвета и качества бумаги; изменения в местах скрепления или сшивания листов; разные почерка или шрифты; по содержанию может наблюдаться различная манера изложения.

Отдельно следует остановиться на встречающихся довольно часто случаях подделки подписи. Являясь одним из важнейших, а, иногда, единственным реквизитом документа, она неизменно привлекает внимание правонарушителей. Можно выделить несколько видов такой подделки: графическая (воспроизведение подписи на документе по памяти, а также в результате непосредственного наблюдения за ее выполнением оригиналом); техническая (иными словами – методом приспособления): подделка подписи на просвет; использование промежуточного клише; перерисовка (например, с помощью копировальной бумаги); с помощью множительной техники (электрография).

Установить случаи графической подделки подписи сложнее, поскольку для этого необходимо хорошо знать особенности оригинальной подписи конкретного лица и иметь несколько подлинных вариантов в качестве сравнительных образцов. Однако даже в этом случае исследователя может ожидать неудача, так как подписи даже одного и того же человека могут различаться между собой в зависимости от промежутков времени между ними, типа пишущего прибора, состояния здоровья лица, его позы в момент написания и особенностей освещения.

Признаки же технической подделки подписи более заметны и выражены, хотя в каждом конкретном случае их совокупность будет индивидуальна. Это, прежде всего, наличие подготовительных штрихов и множество точек вокруг подписи, в том случае, если подпись подделывается рисовкой. При использовании множительной техники в качестве средства подделки подписи на документе будет отсутствовать рельеф пишущего прибора (т.е. не будет такого признака почерка, как нажим). Кроме того, из-за несвойственной лицу совокупности движений при выполнении подписи на бумаге могут наблюдаться неоправданные остановки пишущего прибора и неравномерное распределение красителя. Помимо визуального способа обнаружения наиболее отчетливо эти признаки будут наблюдаться при использовании исследовательской фотографии (микрофото и контрастирующей фотосъемки).

Бывают случаи, когда правонарушители в целях скрыть ту или иную информацию, содержащуюся в подлинном документе, целенаправленно «портят» его, например, заливая отдельные его части чернилами или другим красителем, либо краситель на документе обесцветился с течением времени. В этих случаях можно использовать способы установления скрытой информации. Наиболее действенным средством здесь будет выступать фотографирование и исследование документа под микроскопом в инфракрасном облучении. В инфракрасных лучах более «молодой» краситель становится невидимым, а более «старый» хорошо читается.

Накопленный учеными-криминалистами исследовательский опыт, а также современные экспертные методики позволяют практически всегда установить случаи материального подлога в документе, каким бы способом не была произведена подделка. Сложнее дело обстоит с интеллектуальным подлогом, когда в подлинные документы уполномоченным лицом по той или иной причине (чаще всего вследствие корыстной заинтересованности) вносятся сведения, не соответствующие действительности. Выявить такие случаи возможно лишь при хорошем знании современных социальных реалий и тщательном анализе систем документооборота. Однако здесь процессы межгосударственной интеграции и глобализации помогают правоохранительным органам. Созданные повсеместно международные базы данных позволяют достаточно быстро и четко отследить и проконтролировать передвижение по территории различных государств товаров и людей.

В качестве вывода можно отметить, что геополитическое положение Республики Беларусь и современные процессы глобализации способствуют стабильному росту миграционных потоков и транзита грузов. К сожалению, не всегда это происходит с использованием правовых методов и средств. Зачастую цели движения людских и товарных ресурсов оказываются фиктивными, а сопроводительные документы – поддельными. Благодаря накопленному исследовательскому опыту криминалистической науки в сфере документооборота стало возможным пресекать случаи незаконной миграции и товарооборота при помощи выявления и прекращения действия документов, содержащих признаки полной или частичной подделки.

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С.В. Лапина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Понятие «научные коммуникации», широко используемое в современной научно-познавательной практике, органично связано с интерпретацией феномена «научная школа». Несмотря на различия в определениях «научной школы», общим местом в них является обращение к особым формам социального взаимодействия, связанного с усвоением, созданием и трансляцией научных знаний. Это взаимодействие, выражающееся в установлении познавательных и социальных отношений внутри научного сообщества, а также между научным сообществом, с одной стороны, и другими субъектами общественной жизни – с другой, для производства и применения научного знания, обмена информацией, коллективной оценки научного труда, является содержанием научных коммуникаций. Так, научные коммуникации в рамках научной школы выступают как специфическое состояние информационного взаимодействия между исследователями, работающими в рамках единой научно-исследовательской программы (общей исследовательской парадигмы).

Анализ науковедческих исследований в связи с этим позволяет утверждать, что в современной науке научную школу следует рассматривать не как обозначение некоторого относительно статичного состояния сообщества ученых, а как его особую динамичную характеристику. Сущность этой характеристики состоит в том, что она отражает специфику научных коммуникаций, их содержательную направленность и эффективность. В таком понимании школа из разряда относительно статичных, формализованных признаков, присущих научно-педагогическим школам, превращается в фактор стимулирования (как всякая оценка) инновационных достижений в развитии современного белорусского общества.

Теоретическое обоснование содержательной специфики современного информационного взаимодействия позволяет выйти на построение новой модели научных коммуникаций в формирующемся обществе знания. В основе ее построения лежит особая междисциплинарная и метатеоретическая ориентация, объединяющая в системное целое интенции различных научных дисциплин в изучении единых объектов – природы, общества, человека...

Анализ современной научно-познавательной практики позволяет сделать вывод, что главными составляющими этой междисциплинарной матрицы являются социально-гуманитарные параметры. Именно они способны направить современную научно-познавательную деятельность в русло новаций, позитивно значимых для человека и человечества в целом.

Особенности научных коммуникаций заложены в общих основаниях современного информационно-коммуникативного взаимодействия. В связи с этим есть смысл рассмотреть логику коммуникативного взаимодействия в современном обществе, сделавшего знания ключевой единицей на всех уровнях социальной организации. Применительно к проблеме современных научных коммуникаций особый интерес представляет логическая цепочка, связывающая воедино такие феномены, как культура – знания – образование – социальная практика.

На рубеже XX-XXI веков глобальное человечество вступило в новую фазу своего социального развития, которая сегодня получила вполне определенное название – общество знания (Knowledge Society or based on knowledge Society). Это более точное название сформировавшегося еще в середине XX века информационного общества, в котором технологии создания, трансляции и потребления информации стали играть роль главного фактора социальной динамики.

В определенном смысле создание общества знания явилось ответом на глобальные вызовы, сформировавшиеся в эпоху научно-технической революции. Главным из них, пожалуй, стало глубочайшее разочарование человечества, столкнувшегося с катастрофическими последствиями интеллектуальных новаций. Научно-технический прогресс, являвшийся главным мерилем общественного развития, поставил человечество на грань выживания как биологического вида. Многие склонны считать, что виной этому – гиподинамия в широком смысле, превращающая человека в пассивную часть виртуального мира.

В информационном обществе виртуальная реальность, создаваемая электронными средствами информации, реальность, не имеющая границ, погружающая современного человека в квазиреальность с помощью квазиактивности, стала заменять активность реальную и реальный мир. Так устроены компьютерные программы, задающие стиль действия, стиль активности «компьютерного человека». Метод «тыка» – становится основным методом познания. Эмпирическая реальность превращается в результат движения, имитируемого «мышью». Логические приемы заменяются поиском нужного «окна», перебором всех предлагаемых программой вариантов действий. Разумеется, речь идет о пользователях, но именно они составляют большинство информационного, компьютеризированного общества.

Компьютер – это благо цивилизации – стал использоваться не только во благо. Как изменить ситуацию? Это очень актуальный вопрос в современном обществе, создающем, транслирующем и потребляющем знания в огромных объемах. Думается, что в первых рядах ищущих ответы на этот вызов общества знания, должны идти те, кого традиционно называют гуманитариями. Социально-гуманитарное знание, включающее гуманитарную культуру, способно создать позитивную матрицу миропонимания и мироосвоения, в которой главной ценностью является человек как активный творец себя и окружающего мира. Вооружившись современной компьютерной техникой, используя инновационные технологии создания, трансляции и потребления информации, социально-гуманитарное знание может активно влиять на процессы общественного развития. Таким образом, социально-гуманитарные параметры определяют ответ на самый главный вызов общества знания – глобальную компьютеризацию.

В обществе знания, в котором информация стала ключевой ценностной единицей современной культуры, ее производство, сохранение, трансляция и потребление приобрели смыслообразующую значимость. В этом социокультурном контексте сегодня переосмысливаются все аспекты многообразной человеческой деятельности, связывающей индивида с природой, включающей его в социум и организующей процесс взаимодействия природного и социального миров в едином культурном пространстве.

Традиционно система образования существовала в виде одного из центральных институтов, обеспечивающих преемственность в развитии культуры, который сохранял эту важную социальную функцию даже в периоды цивилизационных разломов. Новаторские подходы органично вплетались в традиционные, частично консервативные способы освоения культурного пространства, задаваемые самой природой, снабдившей человека вполне определенными и достаточно ограниченными органами, обеспечивающими познание им окружающего мира и самого себя. Эта природная предзаданность познавательной деятельности формировала соответствующую структуру образовательного процесса.

В истории человеческого общества сформировались три основных типа социокультурных связей. По мнению известного культурантрополога М.Мид, в основе подобной типологии лежит способ передачи информации и социального опыта (форма коммуникаций) от поколения к поколению. 1-й тип основан на передаче опыта от старших к младшим (постфигуративная культура), 2-й тип – базируется на обучении сверстников сверстниками (конфигуративная культура), 3-й тип – связан с передачей знаний не только от старших к младшим, но и от младших к старшим (префигуративная культура).

В век компьютерных информационных технологий мы наблюдаем смешение в едином информационном потоке различных видов информации, типов знаний и способов коммуникационного взаимодействия. Объединяясь, они формируют единое культурное пространство в рамках развивающегося постнеклассического, информационного, постмодернистского (определения можно множить) типа культуры. Для этого типа культуры характерно восприятие больших объемов разнородной информации, большая скорость ее обработки и огромные возможности ее трансляции, сохранения, запоминания. Это, во-первых. Во-вторых, в этом типе культуры, который можно обозначить как «экстрафигуративная культура», либо «знаниевая культура», все одновременно учатся и учат друг друга в условиях поиска ответов на постоянно возникающие новые вопросы.

В обществе с экстрафигуративным типом культуры информация устаревает раньше, чем ее усваивают, а потому знаниевые новации приобретают форму обыденности. В итоге формирующийся тип культуры создает иллюзию сопричастности как к созданию самой информации, так и к той эмпирически постигаемой реальности, которая является ее источником. А в современной культуре возникает пласт «виртуальной реальности», в которой реализуются психологические механизмы сопричастности, сопереживания, на самом деле являющиеся «квазиактивностью», заменяющей активность реальную. На этом фоне некоторые считают возможным говорить о наступлении эпохи «неоязычества», обращенного к образному восприятию мира и растворению в нем человека, потерю им так называемой «самости».

Для «неоязычества» характерна нерефлексивность сознания, принижение роли рационально-оценочных компонентов в человеческой деятельности, и в познавательной, в частности. Это особый, специфический вызов общества знания, идущий от противного. Так происходит не только «виртуализация» окружающего мира, но и «виртуализация» самого человека. Нарушаются механизмы культурной и социальной идентичности – и в итоге формируется неадекватный образ «Я».

Социально-гуманитарное знание, реализуемое через систему образования, отвечая на этот вызов современного общества знания, должно стать своеобразным «зеркалом», отражающим реальные способности индивидов, позволяющим осуществлять селекцию их скрытых возможностей и определяющим перспективы их реализации в быстро трансформирующемся мире. Образованный индивид должен максимально эффективно реализовать свой «жизненный шанс», становясь активным участником глобальной «социокультурной драмы».

Сложить в какую-то емкость необходимые для жизни сведения невозможно, даже если эта емкость располагает огромными объемами памяти. Человек должен сам осваивать свое жизненное пространство, наращивая свои знания и умения, должен отслеживать изменения в окружающем его мире, прогнозируя их возможные последствия для него, для его соседей, выбирать оптимальные варианты действия. Он должен не только действовать, чтобы стать человеком разумным, он должен знать, что является разумным, а что нет. Субъективно-оценочную информацию, помноженную на объективно-значимый опыт, усиленный логикой (не упрощенной - формальной, а логикой жизни), призваны транслировать дисциплины социально-гуманитарного цикла.

В связи с этим особую роль в системе современного, особенно высшего, образования приобретает блок социально-гуманитарных дисциплин. Эти дисциплины могут не только ориентировать человека в информационном потоке, но и способны вооружить его определенными методологическими, научно-познавательными ориентирами, позволяющими самостоятельно наращивать личный информационный потенциал и реализовывать его в социальной практике, включаясь тем самым в процесс социокультурного творчества. Сколько их должно быть, сколько их надо для современного образования? Сегодня мы видим, что ответы на эти вопросы могут быть разными.

Например, преподавание социологии, включая такой ее важный раздел, как методология и методика социологических исследований, воспринимается как очень существенный аспект образования современного специалиста, который должен обладать не только необходимыми знаниями, но и выступать в качестве активного творца современного социокультурного процесса, плодотворно участвующего в его реализации и адекватно воспринимающего участие в нем других членов социума.

Одновременно стоит подумать над структурой учебного курса философии, располагающей огромным методологическим и метатеоретическим потенциалом. Есть смысл задуматься по поводу «ограничения в правах» культурологии, которая успешно прошла апробацию в учебных аудиториях. Думается, что критически-рефлексивные представления о культуре, рассматриваемые в курсе философии, не могут заменить конкретных вопросов культурологического плана, включенных в структуру курса «культурологии». Опыт показывает, что студенческая аудитория нуждается в учебных дисциплинах, междисциплинарных по своей сути, формирующих комплексное мировоззрение.

В общем виде схема социально-гуманитарного блока дисциплин может быть выстроена с учетом реалий общества знания следующим образом.

Методология познания самого себя, мира своей культуры – должна быть апробирована на собственном опыте и на конкретных примерах, вооружающих жизнен-

ными ориентирами человека, создающего самого себя, свой мир – мир культуры (культурология). Основы социологического анализа должны стать базовыми в разработке новых междисциплинарных курсов, направленных на познание, освоение и развитие гражданского общества, формирование социальной в широком смысле активности – политической, экономической, нравственной (социология). Завершающим же шагом в этом цикле должно быть философское осмысление – критически-рефлексивное – истории человеческой культуры и человека (философия), создающее, к тому же, возможность перехода на высшую – магистерскую ступень высшего образования, в котором усиливается научно-исследовательская методологическая компонента. Таким видится цикл социально-гуманитарных дисциплин в структуре современного высшего образования.

Образование, в которое органично встроена методологическая составляющая, приобщающая студента к научно-познавательной деятельности со «школьной скамьи», способно обеспечить устойчивое развитие социума. Научный потенциал гуманитарного образования, встраивая в свою структуру изучение «человекоразмерных» объектов, улавливая постоянные трансформации современного общества, способен сформировать у студента адекватные профессиональные ориентации. Их реализация в условиях общества знания способна обеспечить устойчивое развитие современного социума.

Так, социально-гуманитарное знание, представленное в системе образования, отвечает на другой вызов общества знания – виртуализацию человека и окружающего его мира.

Не менее значимым вызовом общества знания являются особые требования к возможностям и способностям системы государственного управления и гражданского общества в целом использовать научные знания в процессе принятия социально значимых решений, в разработке социальной политики. В качестве ответа на этот вызов в рамках европейского сообщества было принято решение о создании электронной сети с базой научных знаний, которые таким образом становились бы доступными для управленцев, принимающих решения. Эта база знаний (экспертная система) получила название SINAPSE (Scientific Information for Policy Support in Europe). В Беларуси аналогичные подходы реализуются в программе «Электронная Беларусь», в заданиях по созданию электронного правительства.

Формируемая в рамках такого рода программ база знаний должна стать инструментом обмена знаниями между научной общественностью и лицами, принимающими решения. Это должно обеспечить интерактивный процесс обмена научными мнениями и рекомендациями в целях предвидения потенциальных кризисов в общественном развитии, и, в результате, может способствовать лучшему пониманию широкой общественностью важных научных проблем.

Подводя итог, следует отметить, что научные коммуникации в современном обществе знания – это процесс создания новой «знаниевой культуры», в которой знания становятся элементом повседневности, включаясь в обыденное сознание посредством рационально организованного образования, во-первых, а во-вторых, выступая в качестве основы предметно-практической, в т.ч. и управленческой деятельности.

Особенностью «знаний культуры» (экстрафигуративной культуры) как особого феномена «общества знания», как показывает исторический опыт, является социально-гуманитарная составляющая. Включаясь во всю цепочку научных коммуникаций, связывая в единую систему современные знания, образование и социальную практику, социально-гуманитарные параметры способны формировать выбор оптимального ответа на вызовы современной цивилизации.

В этом состоит важнейшая роль гуманитарной культуры в обществе знания. В свою очередь социально-гуманитарное образование способно сформировать научный творческий взгляд на мир, включающий гуманистические идеалы и ценности белорусских граждан в XXI веке. А социально-гуманитарное знание – как гуманитарная культура и социально-гуманитарное образование – может и должно стать основой социальной политики, социальной практики, ориентированной на человека и его потребности, т.е. всего того, что является отличительной чертой социального государства.

Так видятся в общем виде особенности научных коммуникаций, которые формируют мир повседневности человека в современном обществе знаний.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Г.В. Жук, А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская
*Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Непременным атрибутом формирования и развития гражданского общества является активная волонтерская деятельность населения. С полным основанием можно утверждать, что в условиях постсоветского транзита именно она является своего рода лакмусовой бумажкой, свидетельствующей об уровне формирования новой демократической культуры, социальной активности и политического участия граждан.

Становление суверенной Беларуси сопровождалось “восстанием масс”, их активным вовлечением в социально-экономические преобразования. В полной мере это коснулось и волонтерской деятельности, тем более, что на этом историческом этапе в пространстве социальной самодеятельности появились новые активные акторы – негосударственные общественные организации и церкви. Что же представляет собой волонтерское движение в современной Беларуси на региональном уровне сквозь призму его оценки непосредственно самими участниками? Ответ на этот вопрос дают результаты социологического опроса (ноябрь, 2008 г.), проведенного социологами Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина среди волонтеров г. Пинска Брестской области, представляющих учебные заведения, общественные и церковные организации, просто жителей города, внеинституционально, на добровольной основе участвующих в оказании социальной помощи населению города.

При анализе результатов социологического исследования в первую очередь привлекает внимание тот факт, что подавляющее число респондентов (95,5%), а

это именно сами волонтеры, знающие эту проблему изнутри, “из первых рук”, указывают на безусловную необходимость волонтеров и волонтерских групп (отрядов) в современном белорусском обществе (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Нужны ли в нашем обществе волонтеры и волонтерские группы (отряды)?», в %

Варианты ответа	%
Да	95,5
Нет	2,8
Затрудняюсь ответить	1,7

Констатация подобной необходимости носит не умозрительный, теоретический, а прикладной характер. Респонденты указывают конкретные сферы современного общества, требующие времени приложения жизненных сил волонтеров. Значительное большинство опрошенных (88,4%) отметили, что приоритетной областью их деятельности должна быть сфера социальной защиты населения, что, собственно говоря, логично, учитывая белорусскую культурную традицию, согласно которой, в первую очередь, нуждаются в помощи наиболее социально уязвимые категории населения, “вдовы и сироты”, инвалиды и пенсионеры, бездомные и немощные и др. 48,3% респондентов выделили в качестве важной сферы деятельности волонтеров “профилактику ВИЧ”, а 29,2% – “реабилитацию наркоманов”, т.е. проблемы, имеющие особую остроту для Пинского региона. Обращает на себя внимание тот социологический факт, что 33,1% волонтеров констатировали важность и необходимость деятельности по защите окружающей среды, а еще 28,4% – правовой защиты населения, что свидетельствует об актуальности данной группы проблем для жителей Пинска (табл. 2)

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Какими видами деятельности должны в первую очередь заниматься волонтеры и волонтерские группы (отряды)?», в %

Варианты ответа	%
Социальная помощь нуждающимся	88,4
Профилактика ВИЧ	48,3
Формирование здорового образа жизни	40,2
Защита окружающей среды	33,1
Реабилитация наркоманов	29,2
Правовая защита населения	28,4
Затрудняюсь ответить	0

Современный мир для человека, особенно молодого, полон множества соблазнов, удовольствий, цинизма и эгоцентризма. В этих условиях важно понять: почему же многие люди следуют иным императивам и ориентированы не на то, чтобы “брать”, “использовать”, безудержно и бессмысленно потреблять, а, наоборот, стремятся отдавать себя другим людям, хотя бы отчасти взяв на себя их тяготы, нужды, страдания и боль. Что же побуждает их поступать таким образом? Результаты данного социологического опроса свидетельствуют, что современный мир, в данном

случае Пинский регион, что называется, “не без добрых людей”: подавляющее число волонтеров (84,0%) мотивированы гуманистическими соображениями, а именно – “стремлением помочь другим людям”. Определенное (но подчиненное!) значение при этом имеют и другие факторы, которые носят для них в некотором смысле прагматичный, утилитарный характер: для 28,4% – это получение необходимых навыков и умений, для 25,7% – желание быть востребованными, для 22,6% – стремление отплатить добром за добро, для 14,7% – ориентация на самореализацию своих сущностных сил, для 12% респондентов важную роль играют религиозные мотивы и др. Важно отметить при этом, что эти факторы не отрицают, а предполагают, даже усиливают мотив альтруизма. Думается также, что существенную роль в стимулировании волонтеров играет и то, что, по мнению 89,7% из них, приобретенные ими навыки пригодятся в дальнейшей жизни. К волонтерству могут побуждать и определенные принципы, на которых построено, оформлено это социальное движение. 70,4% опрошенных отметили, что для них важным является принцип доверия, а для 68,4% – добровольность. Значение этих принципов существенно, так как они достаточно редко встречаются в повседневности белорусских реалий.

Таким образом, очевидно, что в пространстве мотивации белорусские волонтеры следуют классическим канонам, отдавая безусловный авторитет благородным порывам и моральным побуждениям. Вместе с тем, социологическая эмпирия указывает на то, что у определенной части волонтеров первоначальные ожидания разошлись с практическими результатами, вызвав в той или иной степени неудовлетворение от совершаемой деятельности. Свое полное удовлетворение и просто удовлетворение от волонтерской деятельности высказали чуть больше половины из них (52,9%) (табл. 3). Как следствие этого, безусловно уверены в продолжении такого рода деятельности две трети волонтеров (67,5%), в то время треть – не уверены в этом.

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены Вашей волонтерской деятельностью?», в %

Варианты ответа	%
Полностью удовлетворен	31,4
Удовлетворен	21,5
В чем-то удовлетворен, в чем-то нет	36,0
Неудовлетворен	5,5
Полностью неудовлетворен	1,7
Затрудняюсь ответить	3,9

Возникает закономерный вопрос: в чем же заключаются причины неудовлетворенности от выполнения своей социальной миссии у части волонтеров, тем более, как уже отмечалось, в том случае, когда их мотивация соответствует классическим образцам? Детальный социологический анализ этой проблемы показывает, что негативное воздействие на волонтерскую деятельность оказывает широкий спектр факторов. Исследуем эту проблему более детально.

Во-первых, очевидно, что волонтерская деятельность, особенно в социальной сфере, связана с оказанием услуг сложным, социально и психически уязвимым категориями населения, что требует высокого напряжения сил, духовной и психо-

логической стойкости волонтеров. В этих условиях для них принципиально важное значение приобретает морально-психологическая поддержка со стороны ближайшего социального окружения. Социологическая эмпирия свидетельствует, однако, что определенная часть волонтеров испытывают дефицит подобной поддержки, что не может негативно не влиять на энергетический и эмоциональный тонус их деятельности (табл. 4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: «Чувствуете ли вы поддержку своей волонтерской деятельности?», в %

Варианты	Да	Частично	Нет	Затрудняюсь ответить
В семье	58	22	10	10
Среди друзей и знакомых	37	38	17	8
На работе (в учебном заведении)	52	18	16	14
В общественной организации (церкви)	42	11	14	33

Во-вторых, в данном социологическом исследовании зафиксировано несоответствие существующей системы стимулирования ожиданиям волонтеров. В их представлении, используемые по отношению к ним стимулы чрезвычайно скудны по разнообразию и на практике сводятся к двум-трем формам, а именно, 80,0% опрошенных отметили, что по отношению к ним использовалось регулярное “Спасибо”, по отношению к 22,6% – благодарственные письма, а 14,7% были поощрены обучением на семинарах. Но когда же респонденты отвечали на вопрос, какие формы поощрения работы волонтеров они считают допустимыми и желательными, то отчетливо вырисовалась нужда в широком спектре стимулов, которые, кстати, не требуют особых материальных ресурсов: 36,0% респондентов высказались за “благодарственные письма”, 33,1% – за награждение почетными знаками и грамотами, 25,7% – за обучение на семинарах, 18,8% – за рекомендации возможным работодателям, 15,9% – за сообщения в СМИ, 14,0% – за карманные деньги и др. Обращает на себя особое внимание тот факт, что для четверти волонтеров обучение является серьезным поощрением. Выяснилось также, что 77,4% волонтеров не принимали участия в обучающих семинарах (тренингах), а 70,4% хотели бы принять в них участие.

Очевидно также, что повышение компетентности волонтеров связано не только с обучением, но и с изучением опыта волонтерских практик родственных организаций и структур. Материалы социологического исследования свидетельствуют, что изучали подобный опыт только 23,6% волонтеров, а хотели бы его изучить 84,0% опрошенных.

В-третьих, в определенной степени удовлетворение от волонтерской деятельности уменьшают коммуникативные диссонансы, возникающие в процессе общения с клиентами, т.е. с теми людьми, к которым приходят наши волонтеры. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но около четверти волонтеров не встречают со стороны своих клиентов доброго отношения.

Разумеется, в некоторых случаях на это влияют психические особенности людей, попавших в трудные жизненные обстоятельства. Но очевидно также, что в

ряде случаев сами волонтеры не обладают необходимыми навыками для взаимодействия с такой категорией людей. Следовательно, им более чем необходимо пройти специальное обучение по преодолению такого рода коммуникативных барьеров. Кстати, отвечая на открытый вопрос о тематике возможных семинаров/тренингов, 64,2% как раз заявили о желательности получить навыки позитивного общения со своими клиентами. В другом контексте, где речь шла о качествах, необходимых волонтеру, самое большое число респондентов (81,7%) указали именно на умение общаться с другими людьми.

В-четвертых, существенным препятствием волонтерской деятельности является нехватка свободного времени, что является отражением особенностей белорусской системы образования (волонтеры в своем большинстве именно студенты и учащиеся), основанной на множестве учебных занятий и обязательности их посещений. Но эту проблему можно решить административным путем, если в этом будет заинтересовано руководство учебных заведений.

В-пятых, на качестве волонтерской деятельности, по мнению респондентов, сказывается и неумение руководителей оптимально организовать волонтерскую деятельность, а также избавить ее от элементов формализма.

При всем уважении к белорусским волонтерам, их деятельности, приходится, тем не менее, признать, что волонтерское движение в современной Беларуси, включая и региональный уровень, находится в стадии становления. Естественно, в первую очередь это обусловлено совокупностью объективных причин историко-культурного плана, в концентрированном виде представленных в доминанте этатизма в системе общественных отношений. Существуют также субъективные причины, выраженные в недооценке основными социальными акторами потенциала и возможностей волонтерской деятельности для позитивной трансформации белорусского общества, решению отдельных его проблем. В реальности волонтерство представлено в деятельности все еще отдельных, небольших по численности социальных групп.

В этой ситуации важно определить причины, препятствующие вовлечению людей в волонтерскую деятельность. С точки зрения наиболее заинтересованной публики (наших волонтеров), основным препятствием является общая социальная пассивность населения, его неспособность к социальной самоорганизации и продуктивной самодеятельности. Подобной позиции придерживается 52,7% респондентов. Но это тот фактор, который будет преодолеваться в силу своей культурологичности медленно и постепенно, а также он напрямую связан с эффективностью демократических реформ в стране.

С точки зрения 48,3% опрошенных, существенным барьером "на пути в волонтеры" является недостаток информации. Действительно, немногие могут вспомнить качественные материалы о волонтерах в общенациональных и региональных СМИ. 36,0% волонтеров в качестве негативного фактора, связанного с волонтерской деятельностью, отметили чрезмерную загруженность учебой (работой). Действительно, волонтерство это как раз та деятельность, которая по своей природе ориентирована на следование принципу "лучше меньше да лучше". Поэтому руководители волонтерских групп обязаны найти "золотую середину" между учебной (профессиональной) и волонтерской деятельностью.

Позитивным является тот социологический факт, что только 4,4% руководителей организаций и учреждений ставят препятствия на пути в волонтерство, что, учитывая ключевую роль административного ресурса в системе власти, не может положительно не влиять на приход новых волонтеров, равно как и на стимулирование их деятельности (табл. 5).

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос: «Что препятствует вовлечению людей в волонтерскую деятельность?», в %

Варианты ответа	%
Общая социальная пассивность населения	52,7
Недостаток информации	48,3
Чрезмерная загруженность учебой (работой)	36,0
Формальное отношение к волонтерской деятельности	18,8
Отрицательное отношение близких людей	14,0
Неумение правильно организовать работу волонтеров	8,9
Негативное отношение руководства	4,4

Как мы видим, основная масса факторов, препятствующих вовлечению людей в волонтерскую деятельность, вполне преодолима при наличии заинтересованности со стороны властных и общественных структур. Какие же конкретные шаги целесообразно предпринять в этом направлении? Почти половина пинских волонтеров (49,6%) рекомендуют создание целевых Программ "Волонтерство" в учреждениях и организациях. Думается, что это оправдано, поскольку в условиях неразвитости гражданского общества в Беларуси принципиальное значение имеет поддержка социальной самодеятельности государственными структурами. Тем более, что наличие такого рода Программ позволит придать волонтерскому движению системное качество.

По мнению 37,9% опрошенных, актуальным является усиление рекламных кампаний, связанных с волонтерской деятельностью. Думается, что при этом важно задействовать не только медийные ресурсы, но и возможности социальной рекламы. 27,1% волонтеров предлагают использовать возможности специальных курсов и образовательных программ для волонтеров. 22,6% респондентов полагают, что человеческий потенциал деятельности волонтеров улучшит система поощрения. В представлении 18,8% из них, развитие волонтерства напрямую связано с созданием новых общественных организаций, что, безусловно, логично, поскольку любая серьезная общественная деятельность требует соответствующего институционального строительства. И, как своего рода вершина волонтерского движения, применительно к волонтерам г. Пинска – это создание Ассоциации волонтерских отрядов, что позволит резко повысить КПД их деятельности.

Очевидно, таким образом, что современное волонтерское движение в г. Пинске при всех своих очевидных достижениях обладает значительным потенциалом развития, которое носит во многом субъективный характер. Данное социологическое исследование показало четкие направления работы по укреплению волонтерского движения, начиная от институциональных изменений и заканчивая совершенствованием системы стимулирования, что, безусловно, достижимо в случае консолидированных усилий со стороны власти и структур гражданского общества.

KONSTYTUCJA ANGIELSKA W OCZACH XIX WIECZNEGO KONSERWATYSTY (PRZYPADK BENJAMINA DISRAELIEGO)

Tomasz Madras

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Potoczna opinia głosi, że Wielka Brytania nie ma konstytucji, chociaż oczywiście nie jest to prawda. Rolę ustawy zasadniczej tego kraju pełnią prawa, obyczaje i utrwalone historycznie instytucje, nie składające się na jeden akt prawny, ale stanowiące elastyczny fundament ustroju. Taka kompozycja pozwala lepiej dostrzec, że istotą konstytucji państwa, czy narodu, jest system powiązanych ze sobą, ale różniących się genetycznie rozwiązań, które nie dadzą się nigdy zamknąć w formie aktu prawnego. Z drugiej strony takie rozwiązanie wymaga poprawnej, praktycznie funkcjonalnej interpretacji. Działanie doskonałych nawet instytucji uzależnione jest od konsensusu co do najbardziej podstawowych reguł gry. Tematem niniejszego artykułu jest wizja konstytucji angielskiej nakreślona przez czołowego polityka i ideologa partii torysów XIX wieku.

Benjamin Disraeli, hrabia Beaconsfeald, (1804-1881) był jednym z najśłynniejszych i najbardziej znaczących polityków brytyjskiej Partii Konserwatywnej w XIX wieku. Polityk ten pochodził z mieszczańskiej, zeświecczonej rodziny żydowskiej. Swoją karierę na salonach londyńskiej *socięty* rozpoczął jako popularny pisarz, umiejętnie posługując się elokwencją i osobistym urokiem. Zdobywszy popularność towarzyską szybko wykazał temperament polityczny, startując kilkakrotnie do parlamentu jako kandydat niezależny (oczywiście bez powodzenia), by w wieku 32 lat dołączyć do torysów, którym przewodził wówczas Robert Peel. W 1837 roku Disraeli po raz pierwszy dostał się do Izby Gmin. W 1846 roku wykorzystał rozłam w szeregach swojej partii w związku z tzw. Ustawami Zbożowymi (konserwatywny rząd Peela przeforsował obniżenie ceł na zboże, co godziło w interesy ziemiaństwa, tradycyjnej podpory torysów) i dołączył do krytyków dotychczasowego kierownictwa, zarzucając mu porzucenie tradycyjnej polityki partii, broniącej, w imię paternalistycznego ładu społecznego, interesów posiadaczy ziemskich. Od końca lat czterdziestych XIX stulecia Disraeli wybił się na czoło swojego stronnictwa, mniej więcej od 1850 roku stając się samodzielnym liderem konserwatystów w Izbie Gmin. W latach 1868 i 1874-1880 pełnił funkcję premiera rządu brytyjskiego, a w 1876 roku otrzymał tytuł hrabiego (*earl*). Disraeli zreformował partię według własnego pomysłu i w oparciu o własną, wyidealizowaną wizję toryzmu [4, s. 89 i nast.].

Jego doktryna odwoływała się do harmonicznego ładu starodawnej angielskiej konstytucji, czyli (prawdziwego, lub wymyślanego) systemu równowagi poszczególnych elementów wspólnoty politycznej i reguł ich wzajemnego oddziaływania. Centralne miejsce zajmowała w niej monarchia, a system rządów uwzględniał uprawnienia lordów i Izby Gmin, jako reprezentantów narodu. Legitymację systemu politycznego widział Disraeli w tradycji, która miała dawać rękojmię praktycznej skuteczności przyjętych rozwiązań.

Dorobek literacki Disraeliego to przede wszystkim powieści, zaliczane do tradycji romantyzmu. Sławę przyniosły mu już pierwsze książki, w tym opublikowany w 1826 roku (w wieku 22 lat) *Vivian Gray*, a także *Young Duke* (1831), *Alroy* (1833) i inne.

Charakterystycznym rysem twórczości pisarza-polityka były kreacje niezwykłych bohaterów, wybitnych jednostek odznaczających się siłą woli i charyzmą, co interpretowano jako projekcje jego własnych wizji politycznych i wiary w kreatywną moc ambicji wybitnej osobowości [porównaj: 5, s. 68]. Enuncjacje czysto polityczne ograniczają się niemal wyłącznie do krótkich artykułów, oraz przemówień. Jedyne traktat polityczny Disraeliego, *Vindication of the English Constitution*, został opublikowany w 1835 roku, gdy młody Torys dopiero rozpoczynał karierę w swojej partii.

Autor *Vindication...* stawia sobie za cel przedstawienie istoty konstytucji angielskiej. W typowy dla konserwatysty sposób postrzega sytuację aktualną jako moment zagrożenia, w którym naród polityczny musi stawić czoła zamachowcom próbującym zburzyć odwieczny, zadawniony ład społeczno-polityczny królestwa. Wrogów tych dostrzega w „sekcji utylitarystów”, czyli, przede wszystkim, w partii wigów [2, s. 7]. Ludzie ci postanowili przebudować urząd angielski w oparciu o dwie zasady: abstrakcyjnie pojmowaną „użyteczność” i indywidualizm, czyli wiarę w społecznie konstruktywną moc egoizmu, czy też, mówiąc inaczej, dbania o własny interes (*self-interest*). Według Disraeliego utylitarysty przypisują człowiekowi gatunkową skłonność do bycia tyranem, lub złodziejem i wnioskuje na tej podstawie, że nie można zaufać ani jednostce (monarsze), ani grupie (arystokracji), a tylko powszechne prawa polityczne sprawiają, że społeczeństwo nieufnych, samolubnych indywidualistów nie zmieni się jaskinię zbójców. Jakkolwiek ich argumentację uznał za logicznie spójną, tj. gdyby wszyscy ludzie rzeczywiście mieli zadatki na złodzieja i tyrana (jak błędnie, wg Disraeliego, sugerują utylitarysty), faktycznie należałoby poprzeć proponowane przez wigów reformy, m. in. demokratyzacja prawa wyborczego, w praktyce zapominają oni o tym, że społeczeństwo to delikatny organizm, który musi opierać się na praktycznie sprawdzonych rozwiązaniach. Aprioryczna wizja liberałów to czysta spekulacja pomijająca prawdziwe ludzkie sentymenty.

Disraeli postrzegał społeczeństwo jako twór zasadniczo konwencjonalny, powstały w wyniku historycznego rozwoju społeczeństwa. Prawa i obyczaje regulujące jego funkcjonowanie nie dają się wprost wyprowadzić z Bożych przykazań, czy jakiegoś innego prazródła metahistorycznego. Obok uniwersalnej natury ludzkiej źródłem zasad okazywał się charakter narodowy. Każdy naród ukształtowany w unikalnych warunkach musi posiadać własny katalog instytucji politycznych, dopasowanych do jego indywidualnego charakteru. Już fundatorzy angielskiej wolności z czasów *Magna Charta* – pisał Disraeli – bronili tradycji, a nie domagali się nowych praw [2, s. 18]. Urząd angielski, który opisuje autor *Vindication...*, nie ogranicza się tylko do systemu podziału władzy, na który składają się izby parlamentu i osoba króla, ale obejmuje całość istniejących w narodzie obyczajów, przekonań i uczuć, wobec których parlamentaryzm okazuje się tylko wierzchołkiem góry lodowej.

XIX-wieczny konserwatysta uznał za prekursora myśli politycznej torysów Henry'ego St. John, hrabiego Bolingbroke (1678-1751) [3 s. 29]. Disraeli pisze o Bolingbroke'u: „W początkach ostatniego stulecia partia torysów potrzebowała reorganizacji podobnej do tej, jaka miała miejsce ostatnio, a jak zwykle pośród spraw ludzkich niezbędne jest pojawienie się indywidualności potrafiącej tego dokonać, tak w tych czasach, o których piszę, pojawił się niezwykły mąż, który odznaczając się zmysłem organizacyjnym, opanował myślenie i niespójne poglądy [swojej] frakcji i przekształcił je w system klarowny i

spójny. Tym człowiekiem był Lord Bolingbroke." [2, ss. 185-186]. Zainicjowana na początku XVIII wieku konserwatywna wizja polityczna fundowana była na przywiązaniu do silnej, ale ograniczonej i pamiętającej o swych powinnościach wobec narodu monarchii, odrzuceniu szkodliwej, a kuszącej niejednym zachowawczy umysł doktryny boskiego pochodzenia władzy królewskiej, nadaniu stronnictwu antyoligarchicznego charakteru, oraz, co się z tym wiąże, stworzeniu podwalin pod organicystyczną wizję narodu jako społeczności połączonej nie tylko prawem i systemem władzy, ale też wzajemnymi obowiązkami i wspólnym dziedzictwem. Partia torysów stała się reprezentacją całego społeczeństwa, wyrażając interesy wspólnoty politycznej, a nie tylko jednej jego części, np. arystokracji.

Parlament brytyjski widział Disraeli jako produkt długotrwałego rozwoju, o wyraznie feudalnych korzeniach. Jest on reprezentacją narodu, ale nie implikuje to żadnej szczególnej procedury wyborów [2, s. 68]. Izba gmin, wbrew rojeniom utylitarystów, nie jest reprezentacją ludu, ale jedynie jednego ze stanów królestwa. Powstała jako zgromadzenie przedstawicieli szlachty (*knights*, potem *gentry*) i wyższych warstw „stanu trzeciego” (głównie *freeholders*). „Członkowie Izby Gmin – pisze autor *Vindication...* – nie są i nigdy nie byli reprezentantami ludu. Zawsze byli i nadal pozostają jedynie reprezentantami Gmin [*the Commons*], stanu królestwa uprzywilejowanego tak, jak inne stany” [2, ss. 81-82]. Występują więc w imieniu wąskiej, obdarzonej przywilejem grupy. Grupa ta dodatkowo podzielona jest na terytorialne korporacje: miasta i hrabstwa. Jednocześnie nie podlega kontroli ze strony innych warstw społecznych, sama przez się bowiem dysponuje niezwykłym prawem współdziałania we władzy. Gdy Disraeli zarzucał wigom, że próbują przypisać izbie niższej parlamentu reprezentację całego społeczeństwa, musiało to oznaczać zamach na fundament konstytucji narodowej. Nie starał się przy tym uzasadnić, że inne rozłożenie przywilejów politycznych byłoby obiektywnie gorsze. Uzasadnienie ładu ma dostarczyć historyczne zadawanie, a zatem wystarczy stwierdzić, że w takiej, a nie w innej postaci angielski ustroj utrwalił się.

Podobnie przedstawiała się ustrojowa pozycja Izby Lordów. Zgromadzenie to również reprezentowało jeden ze stanów królestwa, tym razem była to arystokracja. Była to reprezentacja niezwykła, ponieważ nie tylko opierała się na bardzo wąsko rozdzielanym przywileju, ale wręcz polegać miała na reprezentacji osobistej pewnych osób przez nie same. „Izba Lordów jest najbardziej wyraźnym przykładem reprezentacji bez wyborów. Jako stan, który ze względu na swą ograniczoną liczebność może osobiście pojawić się i zebrać, Parowie Anglii nie spotykają się za pośrednictwem powierników, przedstawicieli, czy delegatów” [2, s. 129]. Charakterystyczny jest przy tym sposób uzasadnienia dziedziczności tego niezwykłego przywileju. Przechodzące z ojca na syna prawo zasiadania w parlamencie utrwaliło się jako tradycja, a także okazało się funkcjonalne. Element arystokratyczny ustroju oddaje istotną część władzy ludziom stanowiącym materialną, intelektualną i moralną elitę narodu. Są oni przy tym osobiście zainteresowani pomyślnością królestwa. W taki sposób arystokratyczność okazuje się mieć oparcie w empirycznie potwierdzonej praktyczności.

„Gdy mówię o konstytucji angielskiej, mówię zawsze o tym schemacie władzy wykonawczej i ustawodawczej, który składa się z króla i dwóch izb parlamentu” – pisał Disraeli [2, s. 67]. Pierwszy z wymienionych elementów, monarcha, stanowić ma spoiwo

całego systemu, oraz reprezentować chwałę królestwa i narodu. Miejsce władcy w ustroju wynika, co nie jest zaskoczeniem, z legitymizowanej doświadczalnie tradycji. Instytucja króla jako władcy, który dysponuje realnymi uprawnieniami, ale ograniczony jest przywilejami stanów, istnieć miała już w epoce Plantagenetów. Disraeli nawiązywał do wizji Bolingbroke'a, czyli do idei króla-patrioty, którego władza opiera się nie tylko na sile, ale też na psychologicznej więzi z narodem. Silna monarchia, choć nieraz w historii stanowiła zagrożenie dla praw i wolności stanów, przede wszystkim broniła społeczeństwo przed agresywnymi ambicjami oligarchii, na którą składały się stare rody wigowskie, oraz nowa grupa społeczna burżuazji, wkraczająca śmiało na scenę polityczną już od XVIII wieku. „Ludzie pieniądza”, jak nazywał ich Bolingbroke, a za nim Disraeli, choć pożyteczni, nie mieli właściwych szlachetnie urodzonym cnot umiarkowania i dumy [3, s. 58]. Dziedziczny monarcha stojący na szczycie aparatu państwowego nie powinien być tylko symbolem jedności państwa i ozdobą pałacowych uroczystości, ale ma też faktycznie wpływać na funkcjonowanie rządu i aktywnie bronić przywilejów stanów, oraz konstytucyjnego ładu politycznego [6, s. 104]. Faktyczne odsunięcie Jerzego I od władzy było, według Disraeliego, złamaniem konstytucji. Zagrożona została tym samym równowaga systemu politycznego. „Elektor Hanowerski przejął tron Anglii przy przyzwoleniu raczej, niż poparciu narodu. Pozbawiony poparcia ludności, nieznający języka i flegmatyczny z natury, Jerzy I od razu uzależnił się od wigowskich lordów, a ci postanowili zrekompensować sobie przykre doświadczenia czasów Wilhelma III” [2, s. 170], w konsekwencji nowy król został wyrugowany z własnego rządu. Za wzór silnego monarchy służył Jerzy III, którego silna pozycja kontrastowała z biernością jego ojca i dziada, dwóch pierwszych władców z dynastii hanowerskiej. W tym wyidealizowanym projekcie król był gwarantem i źródłem prawa, sprawiedliwości, miłosierdzia i honoru, samemu pozostając wolnym od stronniczości i interesowności [5, s. 80].

Kolejnym elementem konstytucji narodowej mienił Disraeli Kościół anglikański. Sam hrabia Beaconsfeald urodził się w rodzinie żydowskiej i nigdy nie wypierał się swoich korzeni. Trudno też powiedzieć, że był człowiekiem religijnym. Traktował jednak instytucjonalny kościół jako trwały element ładu [1, s. 100-101]. Jego znaczenie trzeba widzieć pamiętając o konwencjonalnym charakterze społeczeństwa. Religia dostarczała prawd moralnych, nawet, jeśli ich uzasadnienie miało, przede wszystkim, opierać się na praktycznej funkcjonalności wierzeń. Potwierdzeniem pozycji Kościoła była obecność jego reprezentantów w Izbie Lordów.

Już od początku XVIII wieku trwały elementem brytyjskiego systemu politycznego były partie polityczne wigów i torysów. Co ciekawe, jeden z fundatorów myśli torysowskiej, Bolingbroke, z właściwą protokonserwatyście nieufnością wobec „nowego” uznawał podział społeczeństwa na frakcje za szkodliwe, widząc w tym zjawisku zagrożenie dla ładu społecznego. Disraeli, co do zasady uznający autorytet autora *Króla-Patrioty*, postrzegał już partie zupełnie inaczej. Były dlań jeszcze jednym zadawnionym, a więc i legitymizowanym empirycznie elementem systemu.

Korzenie partii torysów sięgają drugiej połowy XVII wieku, gdy grupa ta nawiązywała do idei sojuszu tronu i ołtarza, oraz występowała w obronie „boskiego prawa” królów („*divine right*”, „*jure divino*”) i zasady bezwzględnego posłuszeństwa. Z tych błędnych,

według Disraeliego, pozycji wydobyl torysów Bolingbroke. Jego największą zasługą było umiejętne wyważenie racji: odrzuciwszy tezy Roberta Filmera, zwolennika „boskiego prawa”, nie popadł w błędy przeciwne, wigowskie. Dzięki perswazji St. Johna torysi nie znaleźli się w ślepej uliczce Jakobitów, czyli zwolenników wygnanych w 1688 roku Stewardów, co na trwałe mogłoby wyeliminować ich z życia politycznego Wielkiej Brytanii. Z zaś drugiej strony stronnictwo nie odwróciło się od samej idei silnej władzy monarszej nawet wtedy, gdy na długie lata odsunięte zostało od władzy przez wigów i Jerzego I. Aż do reform wyborczych w XIX wieku ostoją partii było ziemiaństwo (*gentry*), z natury swej konserwatywne, a przy tym czerpiąca dochody z produkcji rolnej. Za Bolingbroke’iem Disraeli uznawał je za ostoję wartości i prawdziwych gospodarzy państwa. W konsekwencji torysi występowali przeciw reformom gospodarczym, a w 1846 roku jedna z prób zniesienia wysokich ceł na zboże (*Com Laws*), a mająca służyć walce z klęską głodu w Irlandii, doprowadziła do rozłamu w partii [1, s. 79]. Peel, premier i lider torysów, musiał opuścić partię, a jednym z najgłośniejszych jego krytyków był Disraeli.

Na przeciwnym biegunie politycznego sporu stali wigowie, „mała klika wielkich rodów, pozbawiona jakichkolwiek celów poza własnym pożytkiem, gotowa osiągnąć go wszelkimi sposobami” [2, s. 172]. Tę partię utożsamiał Disraeli z oligarchią, zawsze zachłanną i skłoną do tyranii. Miała to być podstępna koalicja wielkich rodów, które z reguły dążyły do osłabienia władzy królewskiej, z „ludźmi pieniądza”, nową klasą burżuazji, która bezprawnie dążyła do uzyskania znacznej pozycji politycznej. Reformę wyborczą, którą przeprowadzili wigowie na początku lat trzydziestych autor *Vindication...* porównywał do sytuacji z 1714 roku, kiedy łamiąc konstytucję pozbawiono władzy króla. W jednym i drugim przypadku chodziło wigom o zdobycie władzy za wszelką cenę.

Spółczesność angielskie jawiło się Disraeliemu jako struktura zhierarchizowana, organiczna, funkcjonująca dzięki subtelny sentymentom i pradawnym obyczajom, które nie poddawały się łatwo analizie racjonalnej. Wyraźnie można dostrzec rys paternalistyczny. Torys patrzyła społeczeństwo jak na młodsze rodzeństwo, które potrzebowało przewodnictwa, ale któremu jednocześnie należna była szczególna troska. Klasy wyższe musiały łączyć swoje przywileje z poczuciem obowiązku. W tej dość typowej dla konserwatysty narracji zaskakiwać może chętnie przywoływanie idei demokratyzmu. Pojęcie to miało jednak dla Disraeliego szczególne znaczenie. Nie oznaczało rządów ludu, ale rządy „dla ludu”, zgodne z narodową konstytucją, wieme zadawnionej tradycji politycznej [porównaj: 2, ss. 136, 187, 204]. Po pierwszej reformie wyborczej władza Ludu (*the People*) kojarzyła się raczej polityką partii liberalnej, stąd zaproponował Disraeli nowe zawołanie: „Wigowie zwracają się do ludu; my odwołujemy się do narodu (*The Whigs invoke 'the People'; let us appeal to the nation*)” [2, s. 118]. Jedność organicystycznie pojmowanego narodu miała być odpowiedzią na wigowskie wyobrażenia o abstrakcyjnym ludzie. XIX-wieczny torys rozróżniał dwa rodzaje równości „angielską” i „francuską”, z których ta druga miała polegać na zakazie wywyższenia dla kogokolwiek, fanatycznym egalitaryzmie, który odbiera ludziom możliwość realizacji ich naturalnych ambicji. Równość pierwszego typu, odnajdywana w konstytucji angielskiej, polegać miała na wolności, która pozwala każdemu realizować swoje własne pragnienia, pozwalając również każdemu na awans społeczny, którego sam Disraeli był przykładem [2, s. 204]. Autor *Vindication...* nie miał wątpliwości, że żyje w najdoskonalszym z ludzkich społeczeństw swojej epoki.

Konstytucja, którą bronił, opiewał i przyzywał Benjamin Disraeli, była nie tylko pewnym możliwym rozwiązaniem ustrojowym, ale też projekcją tęsknoty konserwatysty za „złotym wiekiem”. Jest to wizja ze wszech miar organicystyczna. Co charakterystyczne, Disraeli nie odwoływał się bezpośrednio do uniwersalnych praw Bożych, czy naturalnych, ale za naczelny probierz poprawności instytucji uznawał ich praktyczne funkcjonowanie. Empiryczny rys myśli politycznej torysa był podstawą jego oporu wobec postępów nowoczesności, nie stanowił jednak zaporę nie do przebycia. Disraeli nie wątpił, że elementy i mechanizmy działania społeczeństwa są ostatecznie dziełem ludzkim. Choć nie są produktem żadnego projektu racjonalnego, zmieniają się jednak wraz z uczestnikami wspólnoty politycznej. Specyficzny „demokratyzm” torysa w połączeniu z filozoficzną akceptacją ewolucji świata społecznego zaowocował przebudową partii konserwatywnej i otwarciem się jej na nowe kwestie społeczne. Premier Disraeli okazał się reformatorem, który przeforsował pakiet ustaw chroniących robotników, oraz faktycznie zdemokratyzował system wyborczy Wielkiej Brytanii. Czynił to – oczywiście – w imię zachowania konstytucji.

Literatura

1. Geoffrey Butler, *The Tory tradition*. Bolingbroke, Burke, Disraeli, Salisbury, [wyd.] John Murray. – Londyn, 1914.
2. Benjamin Disraeli, *Vindication of the English Constitution in a Letter to a Noble and Learned Lord*, [wyd.] Saunders and Otley. – Londyn, 1835.
3. Richard Faber, *Beaconsfield and Bolingbroke*, [wyd.] Faber and Faber. – Londyn, 1961.
4. Stephen Graubard, *Burke, Disraeli and Churchill. The Politics of Persistence*, Cambridge. – Mass, 1961.
5. Krzysztof Pielniński, *Konserwatyzm imaginacyjny Benjamina Disraeliego*, [w:] *Studia politologiczne vol. 13*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego. – Warszawa, 2009.
6. Bogdan Szlachta, *Konserwatyzm. Z dziejów tradycji myślenia o polityce*, Wydawnictwo Dante Ararat. – Kraków-Warszawa, 1998.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СУЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

С.О. Мазур

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Глобализация является одним из самых сложных и противоречивых феноменов XXI века, так как затрагивает разные стороны общественного бытия. Это многогранная и многоплановая проблема, поэтому изучение феномена глобализации требует комплексного подхода. В большинстве исследований, посвященных процессам формирования глобальной мировой системы, отмечается, что глобализация представляет собой закономерный этап исторической эволюции человечества, способствующий формированию постиндустриальной цивилизации с принципиально новым набором ценностей и социокультурных приоритетов. Большинство современных исследователей полагают, что глобализация является спонтанным процессом, который обусловлен, прежде всего, экономическим, технологическим и социальным прогрессом последних десятилетий. При этом отмечают обычно быст-

рый рост международной торговли, масштаб инвестиционных потоков, формирование всемирного информационного пространства и, как следствие, – все большую открытость отдельных экономик. В то же время большое внимание уделяется становлению глобальных институтов и практик, которые способствуют укреплению единства мирового сообщества. Многие исследователи феномена глобализации считают, что она обусловлена «свободным движением капиталов и возрастающей зависимостью национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций» [4, с. 58-59]. Другие исследователи утверждают, что глобализация представляет собой «процесс, в ходе которого стираются географические границы социальных и культурных систем» [4, с. 58-59]. В некоторых работах по глобализации даются новые определения формирующейся глобальной цивилизации, таких, например, как «сетевое общество», или утверждается то, что современный мир управляется глобальными институтами. Исследователь Петко Ганчев пишет о том, что «самым коротким и полным определением глобализации является то, что она представляет собой многофакторный синергетический процесс по созданию глобальных экономических, финансовых, коммуникационных и информационных сетей, которые пронизывают все пространство Земли и интегрируют цивилизацию в единую целостную систему» [2, с. 160-165]. Степин В.С., анализируя процессы глобализации, указывает следующее: «Вступив в фазу постиндустриального развития, техногенная цивилизация начала новый цикл экспансии в различные регионы планеты. Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. Наука, образование, технологический прогресс и расширяющийся рынок порождают новый образ мышления и жизни, преобразуя традиционные культуры. И то, что мы называем сегодня процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизационных обществ, переводя их на рельсы техногенного развития. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации [6, с. 16-26].

Но как бы не именовали в современной литературе глобальный социум («глобальное общество», «единое стратегическое сообщество», «глобальное информационное общество», «глобальная инфосфера», «информационно-экологическое общество» и т.п.), контуры нового общественного устройства лишь прорисовываются и модели будущего единого социума во многом спорны и противоречивы.

Анализируя научную литературу о глобализации 90-х годов XX века, А.Д. Богатуров отмечает, что под термином «глобализация» отражались в различных сочетаниях по меньшей мере восемь основных тенденций и явлений: 1) объективное усиление проницаемости межгосударственных перегородок (феномены “экономического гражданства” и “преодоления границ”); 2) резкое возрастание объемов и интенсивности трансгосударственных, транснациональных потоков капиталов, информации, услуг и человеческих ресурсов; 3) массивное распространение западных стандартов потребления, быта, мировосприятия на все другие части планеты; 4) усиление роли вне-, над-, транс- и просто негосударственных регуляторов мировой экономики и международных отношений; 5) форсированный экспорт и «вживление» в политическую ткань разных стран мира тех или других вариаций модели демократического государственного устройства; 6) формирование виртуального пространства электронно-коммуникационного общения, резко усиливающе-

го возможность для социализации личности, то есть для непосредственного общения индивида, где бы он ни находился, к общемировым информационным процессам; 7) возникновение и культивирование в сфере глобальных информационных сетей образа ответственности всех и каждого индивида за чужие судьбы, проблемы, конфликты, состояние окружающей среды, политические и иные события в любых, возможно, даже неизвестных человеку уголках мира; 8) возникновение «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных постулатов, призванных обосновать одновременно благо и неизбежность тенденций, «работящих» на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым, так или иначе, подразумевались США и их союзники [1, с. 32].

В настоящее время стало очевидным, что глобализация – гораздо более многосторонний процесс, не сводимый к чисто экономическим или каким-либо другим конкретным составляющим. Так, информационный обмен в планетарной сети Интернет в целом ряде случаев сам по себе ценен и значим, ибо, в итоге деятельности этой «всемирной паутины» стали возникать своеобразные «глобальные клубы по интересам», нередко весьма влиятельные и в политической сфере. Процесс глобализации начала XXI века неверно понимать как преимущественно только экономическое взаимодействие национальных сообществ, ибо в нем отчетливо проявляются, а в некоторых отношениях доминируют политические и иные аспекты. Важнейшим фактором глобализации являются новые технологии, которые усиливают процесс все большей открытости межгосударственных границ. Использование новых технологий фактически определяет международный статус любой страны, в первую очередь, интегрирована ли она в мировое сообщество либо, напротив, находится в изоляции. Глобализация меняет смысл самого понятия территории, поскольку образуются даже виртуальные государства. Подобные явления позволяют считать развитие новых технологий пусковым механизмом современных глобализационных процессов, а сам феномен глобализации – объективным показателем универсализации постиндустриально-информационного общества. Речь идет о глобализации как процессе формирования глобального человеческого сообщества, о возникновении нового качества всеобщности человеческого бытия.

Наряду с феноменом глобализации внимание исследователей в последнее время все чаще сосредоточивается на таком явлении, как глобализм. «В то время как «глобализация» в большей части характеризует объективные изменения в современном мире, которые частично происходят вне нас, «глобализм» характеризует изменения, происходящие в субъективной сфере» [3, с. 260]. В процессе практического освоения глобализирующегося мира общество отражает его в своем сознании, формирует комплекс идей и эмоций, которые называют глобализмом. Сегодня глобализм как форма общественного сознания, отражающая объективный процесс глобализации, показывает: стремление людей к коллективному стилю мышления, тенденцию идентификации с мировой цивилизацией, всем человечеством, окончание изолированного развития, рост мультикультурного сознания, усиление роли и значения осознающих свои интересы социальных акторов. Эмпирическая информация последних десятилетий показывает, что на планете идет процесс становления единого глобального общества. В этом новом обществе складываются и находятся в состоянии развития новые социальные отношения, характер которых в многообразии форм и конфигураций отличается от структур традиционных, индустриальных, постин-

дустриальных обществ, но которые детерминируются этими обществами и воспроизводят в линейных и нелинейных зависимостях качества протообществ. А постепенное осознание и разработка глобальной проблематики с помощью научных методов ведет к формированию новой области знаний, которая возникает на стыке нескольких наук и которую все чаще называют глобалистикой [5].

На основе существующих разработок и прогнозов ряд авторов анализируют соотношение глобализации и вестернизации. Вестернизация предусматривает ассимиляцию евроатлантической цивилизацией остающихся не модернизированными территорий. Становление глобальной цивилизации связано с унификацией культуры и доминированием либеральных ценностей; с глобальными финансово-экономическими институтами типа МВФ, ВТО, ВБ и т.д., призванными регулировать отношения между корпоративными игроками, среди которых находятся и национальные государства, и межгосударственные образования, и иные региональные союзы. Фундаментом глобализма выступает концепция «конца истории» как показателя всемирной победы либеральных идей. Концептуальное оформление этот сценарий получил в виде доктрины, известной под названием Вашингтонского консенсуса 1992 года. В середине 90-х годов XX века этот документ был скорректирован и получил название Поствашигтонского консенсуса, представляя собой определенную модификацию неолиберальной социально-экономической и политической платформы.

Ф. Фукуяма рассматривает глобализацию как «конец истории» – окончательную победу в распространении на весь мир западных ценностей (рыночной экономики, плюралистической демократии, индивидуальных прав и свобод человека). В.Л. Иноземцев в своей статье «Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация» отмечает: то, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как вестернизация. В качестве воплощения вестернизации рассматривается процесс распространения западных общественных практик, хозяйственных и политических форм на остальной мир.

В настоящее время актуальным также является процесс американизации или «макдонализации». Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведении до абсурда рациональных элементов культуры), приоритете количественных характеристик (коммерциализация), готовности к употреблению (оперантность), полностью гарантированном качестве на определенном уровне, «упакованности» образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен). При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает антиподом старой рациональности, связанной с традиционной культурой.

Исследователь В.Б. Кувалдин отмечает, что поляризирующий эффект современной глобализации во многом обусловлен неолиберальной политикой западного мира. Сделав ставку на беспрепятственную экспансию капитала, неолиберализм акцентировал стратегическое преимущество Запада в борьбе различных глобализационных проектов. Для других регионов это часто означает прозябание на вторых ролях.

И. Валлерстайн на основе собственной мир-системной теории сформулировал три основных сценария развития глобализационных процессов в мире: 1) наступление неофеодализма, то есть формирование автаркичных регионов с местными

иерархиями, поддержание достаточно высокого уровня технологий для элиты; 2) появление "демократической диктатуры" вследствие разделения мира на две "касты": 20% богатых с более или менее справедливым распределением благ держат под жестким контролем остальную часть человечества (Валлерстайн считает этот вариант развития глобализации менее вероятным, чем первый, так как сомневается, что среди демократов могут найтись диктаторы); 3) формирование "децентрализованного и справедливого мира", появление которого связывается с децентрализованными механизмами перераспределения накопленных богатств, что потребует реального сокращения потребления (автор характеризует этот вариант как наиболее утопичный, потому что он, по существу, требует перехода от капиталистической мир-системы к социалистической).

Р. Робертс представляет потенциальные последствия глобализации в виде четырех возможных сценариев: 1) первый сценарий предполагает формирование «всемирной деревни», где каждый житель с помощью новейших средств массовой коммуникации может стать очевидцем событий мировой важности или происшествий в дальних странах и где существует общепланетарный консенсус в вопросах, касающихся основополагающих ценностей и идей; 2) второй сценарий – мондиалистский, предполагающий унификацию национальных государств под эгидой некоего «мирового правительства»; 3) согласно третьему сценарию, в недалеком будущем мир станет представлять собой мозаику взаимно открытых суверенных национальных государств, включенных в процесс интенсивного экономического, политического и культурного обмена; 4) по четвертому сценарию мир может превратиться в мозаику закрытых ограниченных сообществ, равноправных и уникальных в своей институциональной и культурной упорядоченности, или иерархических с одним ведущим сообществом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многообразие исследовательских подходов к исследованию феномена глобализации подтверждает актуальный характер данного процесса. Поэтому несомненным является тот факт, что глобализация – это такое явление современной жизни, которое существенным образом меняет реалии всех общественных процессов, и потому требует глубоких, комплексных исследований, осуществляемых на пути синтеза различных парадигм.

Литература

1. Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике / А.Д. Богатуров // Pro et Contra. –1999. – № 4. – С. 32.
2. Ганчев П. / Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии / П. Ганчев // Вопросы философии. – 2007. – № 8. – С. 160-165.
3. Извеков Н. Наступит ли в XXI веке конец великой промышленной эпохи? / Н. Извеков // Безопасность Евразии. – 2001. – № 4. – С.260.
4. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58-69.
5. Корецкий В.А. Глобализация: вопросы теории и методологии / В.А. Корецкий. – М.: Издательство Московского университета, 2007. – 188 с.
6. Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 16-26.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВАНДАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

А.В. Майсюк

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Принято считать, что религиозные ценности важны для достижения в обществе согласия и справедливости. Подобное суждение было бы справедливым при наличии двух условий: а) ценности всех религий совпадают или близки по своему духу; б) религиозные ценности соответствуют политическим ценностям государства. Если одно из этих условий отсутствует, неизбежен конфликт ценностей – конфликт, за которым стоят реальные люди. Но для всех участников конфликта жизненно важны такие ценности, как мир, порядок, безопасность, стабильность и максимум толерантности в обществе. Обеспечить нормальное бытие общества способен лишь один социальный институт – государство.

Разделительные границы между конфессиями проходят по критерию вероучения и обрядности. Ситуация такова, что позиции всех субъектов межконфессиональных взаимодействий в вопросах вероучения были, остаются и будут непоколебимыми. Трудно представить реальное положение, при котором православие отказалось бы от некоторых из своих догматов ради сближения, например, с католицизмом или христианами веры евангельской (пятидесятниками). Равным образом нереально и обратное движение: католики и протестанты могут декларировать своё уважение к православию, но поступаться принципами собственного богословия не будут ни при каких обстоятельствах. Такая же позиция «верности вере» присуща иудаизму, исламу, баптизму, буддизму – словом, всем конфессиям.

К счастью для общества, борьба между конфессиями проявляется лишь во взаимной вербальной критике. Аргументы, выдвигаемые каждой из сторон, характеризуются воинственностью и отсутствием попыток компромисса. Легитимное существование конфессий позволяет каждой из них чувствовать свою защищённость и возможность апелляции в государственные и судебные органы в случаях дискриминации.

Борьба за «души людей» имманентно присуща каждой конфессии. Уход кого-либо к «чужакам» воспринимается болезненно и квалифицируется как «предательство». Это особенно остро переживается традиционными религиями, утратившими навыки миссионерства даже на своей территории и не могущими в силу ряда объективных и субъективных факторов противодействовать экспансии неокультов.

Межрелигиозные конфликты – суровая реальность всей истории человечества. Любые утверждения богословов любых конфессий об изначальном миролюбии религиозного фактора оказываются несостоятельными. Культ Разума конкурирует с культом Бога и в XXI веке, но этой перманентной конкуренции конца не видно. Более того, узаконенный Международной декларацией прав человека и гражданина религиозный плюрализм не только не гасит, но и усиливает межрелигиозную напряжённость. При этом совершенно не важно, в каком политическом пространстве происходят конфликты – демократическом, теократическом, коммунистическом или монархическом. Любая политическая система содержит в себе конфликтогенный фактор, имя которому – религия. Кратковременные паузы мирного сосуществова-

ния между конфессиями сменяются длительными периодами вражды и ненависти. Межрелигиозные распри сводятся к минимуму лишь в том случае, когда существованию враждующих сторон угрожает общий враг в виде «диктатуры пролетариата» или какой-либо другой диктатуры, например, диктатуры неокультистов.

В наше время всем религиозным ценностям угрожает культ насилия, секса, денег и вседозволенности, упорно и последовательно внедряемый средствами массовой информации в общественное сознание. Это представляет серьёзную опасность не только институту церкви, но и институту государства, институту семьи. Средства массовой информации целенаправленно разлагают нравственность. Привычными, повседневными и обыденными стали такие аморальные явления, как убийства, жестокость, изнасилования, предательство, коррупция, фетишизация денег, пошлость, алчность. Этика отношений между людьми и по горизонтали и по вертикали выстраивается по закону джунглей: «человек человеку – волк». Вместо девиза «кадры решают всё» появился другой – «деньги решают всё». Увлечённость деньгами сродни увлечённостью алкоголем – и в том и в другом случае на определённом этапе наступает качественное перерождение, нравственная деградация и разрушение личности. Культ денег вытесняет такие феномены, как честь, совесть, благородство, стыд, доброта, ум, долг. Нельзя не видеть, что во всех сферах жизнедеятельности наблюдается эскалация агрессивной посредственности. На эстраде такая посредственность получает титул «звезда», в политике – «руководитель», в науке – «доктор наук», в литературе – «известный во всём мире писатель, поэт», в экономике – «известный эксперт» и пр.

Как-то забывается, что сила и слава любого государства коренится прежде всего в интеллектуальных ресурсах. Интеллект плюс нравственность в сочетании со свободой от гнёта экономических и политических факторов способны вывести любое общество на передовые рубежи цивилизации.

Капитализация средств массовой информации изменила качественное содержание духовной продукции. Ненавидимая современными властителями дум и капиталов советская «тоталитарная» система чётко и последовательно возвеличивала прежде всего представителей рабочего класса и крестьянства: героем телеэкрана и других СМИ были шахтёры, трактористы, доярки... Лучшие композиторы и поэты в своих творениях прославляли : людей труда, творцов материальных и духовных ценностей.

Ныне положительное отношение народа к Сталину объявляют «дикостью», признаком нездорового российского общества. Народный любимец В. Леонтьев рекомендует «как можно меньше смотреть новости и аналитические программы», так как они, по его мнению «запугивают зрителя» [1]. Видимо, по их мнению, здоровью обществу прибавляют различные шоу, игры, конкурсы «звёзд», фетишизация иностранщины, вседозволенность и первобытный примитивизм. Проводимые реформы в любой сфере жизнедеятельности общества не дают и не могут дать положительных результатов – прежде всего тем, кого называют «простым народом». Политика, основанная на культе денег и личного благополучия, изначально развращает человеческую духовность. Римская империя была могучей до тех пор, пока не стала обществом примитивного потребления с его девизом «Хлеба и зрелищ!». Чем всё закончилось – хорошо известно.

Вышеизложенное – лишь фрагменты духовной деградации постсоветских обществ. В свете тенденции усиления духовного негативизма, весьма интересно посмотреть на процессы обмирщения общественной жизни в мировом масштабе глазами Понтифика Римско-католической Церкви – имея в виду, что эти процессы проходят в некоммунистических обществах и государствах. В рамках своего визита в США (2008 г.) Папа Бенедикт XVI ответил на вопросы епископов, касающиеся актуальных проблем современной Церкви. Ниже приводятся некоторые высказывания Папы (Ответы Папы на вопросы епископов // Кредо. – 2008. – № 7-8. – С. 24-25). Бенедикт XVI констатирует глубокое уважение к религии американского общества и в то же время отмечает, что «основы этой религиозности постепенно разрушаются». По его мнению, американцы полагают, что религиозная вера, несмотря на свою истинность, не имеет «никакого практического значения для повседневной жизни. Как следствие, мы наблюдаем всё более зияющую пропасть между верой и жизнью: многие живут так, «как если бы Бога не было». Подобная ситуация объясняется Папой двумя факторами: «духом мира сего» и недостаточной работой Церкви «в мире и перед миром».

Святому Отцу был задан вопрос о причинах «уклонения католиков от практики веры». Папа полагает, что причинами этого являются «прогрессирующее угасание религиозной культуры», а также «религиозный индивидуализм и соблазн». Поясняя свою мысль, Бенедикт XVI отмечает, что «без живой связи с общиной вера отдельного человека не дорастает до того, чтобы достичь своей зрелости»; потеря связи с общиной расценивается им как «молчаливое вероотступничество», а, «становясь чисто частным делом отдельного индивида, религия теряет душу».

Вдумываясь в содержание ответов Римско-католической Церкви, нельзя не заметить, что в них отсутствуют в качестве причин «обмирщения» общества коммунисты, атеисты и прочие элементы безрелигиозного и антирелигиозного мировоззрения. Несостоятельность недобросовестных и просто невежественных критиков и хулителей «большевистских режимов», якобы насильственно уничтожавших веру в Бога, можно проиллюстрировать фактическим материалом известного американского социолога П. Сорокина. Этот классик социологической науки, чуждый марксизму, на реальных цифрах показывает правоту К. Маркса о торжестве, в конечном счёте, экономических, «утилитарных» факторов над идеологическими, культурными и психологическими. Так, среди всех изученных П. Сорокиным картин и скульптур процент религиозных картин снизился с 81,9 % (X век) до 3,9 % (XX век), а светских – увеличился с 18,1 % (X век) до 96,1 % (XX век) [5].

В подборке новостей «В стране и мире» Д. Лис приводит очень любопытные данные исследований, которые проводились в 143 странах планеты («Свободные новости плюс». – №8 – 2009. – С. 13). На вопрос, важное ли место занимает религия в их жизни, положительно ответили: Эстония – 14%, Швеция – 17%, Дания – 18%, Норвегия – 20%, Чехия и Азербайджан – 21%, Гонконг – 22%, Япония и Франция – 25%, Монголия и Беларусь – 27%. С другой стороны, самыми религиозными государствами являются Египет – 100%, Бангладеш и Шри Ланка – 99%, Индонезия, Конго, Сьерра-Леоне, Сенегал, Марокко и Объединённые Арабские Эмираты – 98% населения. В США этот показатель равен 65%.

Данные материалы свидетельствуют о том, что процессы «обезбоживания» человеческого бытия имеют глобальный характер и абсолютно не связаны с коммунистически-атеистическими режимами. При этом прослеживается корреляция между высоким уровнем потребления материальных благ и угасанием религиозности. Богатство убивает религиозность, бедность её возвращает: нужду в Боге испытывают именно бедные слои населения, самодостаточные буржуа неплохо обходятся без Него.

Секуляризационные процессы менее всего затронули протестантов – и в первую очередь благодаря тому, что корпус духовенства здесь никогда не отрывался от народа, жил его заботами, не на словах, а на деле, помогал страждущим, вселял надежду в отчаявшихся, отстаивал свою независимость от вмешательства светских властей и, по большому счёту, на практике осуществлял бессмертный призыв И. Христа: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и я успокою Вас» (Мат. 11:28). Вот этого-то успокоения верующие зачастую не находят в православных и католических храмах.

В поисках путей укрепления нравственности народа некоторые иерархи Русского православия ставят перед Церковью задачу «второй христианизации». Не получится! Не получится по нескольким причинам. Во-первых, иным стал народ и его ценности. Во-вторых, христианизация успешно осуществляется конкурентами православия. В-третьих, сама структура Православия делает физически невозможными осуществление миссионерских функций приходскими священниками и монахами. В-четвёртых, для «второй христианизации» нужны подготовленные кадры и средства, которых нет.

В отличие от католицизма, не говоря уже о протестантизме, у православного духовенства отсутствует чёткая и действенная, дифференцированная и последовательная система работы с прихожанами. С главной ячейкой общества, с семьёй, духовенство встречается всего лишь в трёх случаях: крещение, венчание и отпевание. Исповедуется в своих грехах время от времени только незначительная часть паствы. Какой-либо контроль за нравственностью православных верующих отсутствует. Эпизодические встречи православного духовенства с учащейся молодёжью и обитателями мест лишения свободы – безусловно, полезны, но они не оказывают существенного воздействия на мировоззрение этой молодёжи и этих обитателей.

«Основы социальной концепции Русской православной Церкви», принятые Архиерейским Собором в 2000 году – прекрасная программа практической деятельности, но как она реализуется, известно одному только Богу.

Литература

1. Леонтьев, В. Пережитки СССР – это надолго... /В. Леонтьев// Аргументы и факты в Белоруссии. – 2009. – № 12. – 18 марта. – С. 3.
2. Аптекарева, Д. Злобный белорусский суслик / Д. Аптекарева // Сн плюс. Свободные новости плюс. – 2008. – 10-17 декабря. – С. 16.
3. Там же.
4. Ответы Папы на вопросы епископов // Кредо. – 2008. – № 7-8. – С. 24-25.
5. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – Москва: Изд. полит. литер., 1992. – С. 444.
6. Лис, Д. В стране и мире / Д. Лис // Сн плюс. Свободные новости плюс. – 2009. – № 8. – С. 13.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ ОБЩЕСТВА

Л.Е. Медиченко

*Хух-Хотоский профессиональный институт, г. Хух-Хото,
Китайская Народная Республика*

«...Да и о седовласых ученых мужах, для которых самые простые слова – "архетип" и "хронотоп", тоже можно сказать, что они "ботают" по современной филологической "фене"» [1, с. 132]. Это язвительное замечание Владимира Новикова заставило задуматься: действительно ли речь не только современных ученых-филологов, но и ученых культурологов (т.е. ученых, занимающихся изучением культуры) подчас кажется постороннему человеку (обывателю) как некое «ботание по культурологической фене». И еще в моей жизни был случай, когда меня попросили порекомендовать молодому человеку для чтения и самообразования в области культурологии какую-либо популярную доступную литературу по данной проблематике. Выполнить эту просьбу было не так просто, зная, как перегружены специальной терминологией научно-популярные издания в данной сфере.

Дабы подтвердить или опровергнуть данное высказывание была предпринята попытка анализа наиболее популярных печатных и электронных изданий по культурологии. Такими популярными (точнее сказать популяризаторскими) изданиями должны быть словари, ведь, чтобы помочь себе в понимании специального текста, человек, зачастую, обращается именно к ним и был проанализирован ряд научно-популярных изданий, учебников и интернет-порталов культурологической направленности. Это было довольно увлекательное занятие, но сначала нам необходимо дать определение данному выражению "Ботать по фене".

Существуют разные подходы к этимологии данного высказывания. Это выражение, так же как и его варианты – "фени ботать", "трескать по фене", - означает "говорить на арго воров". Слово "феня" было зафиксировано в речи деклассированных элементов в 10-20-х годах XX века. Но ряд исследователей полагают, что первоначальный вариант этого оборота еще более старый – это "ботать на офене", условном языке офеней – бродячих торговцев мелким товаром. Эти торговцы оказали сильное влияние на русское арго, и это они говорили между собою на этом разбойничьем "офенском" языке, или "офене", как лучше околпачить покупателей. Сегодня у слова «феня» поистине необъятный смысловой диапазон. Это не только тип речи бродячих торговцев, но это выражение обозначает и множество жизненных реалий. Отсюда произошла не только блатная "феня" (арго), но и молодежно-студенческая "феня".

Само слово "ботать" было в арго еще до "фени". «Ботать» – значит "говорить". Однокоренные слова – "ботало" (язык), "ботва" (тот, кто много говорит). У В.Даля можно найти диалектное слово "ботать": качать, колебать, качать или стучать ногами, мутить воду, глухо звучать [2]. Есть шутивное диалектное словечко "ботало коровье" - то есть болтун. "Ботало" первоначально значило "колокольчик медный или железный, который надевается на шею коровам, пасущимся без пастуха. Есть и другая версия: "ботать" могло произойти и от "болтать" – но, ударение в этих словах разное.

В современном аргю, наряду с "феней" и "ботать по фене", употребляются такие слова, как "фенька" - "мелкая монетка", "фенеботать" - говорить на аргю, "ботать по-свойски" и "ботать по соне", а также "феня в ботах". В нынешнем молодежном жаргоне "фенька", "фенечка" - это мелкие дешевые украшения. Выражение "до фени" - это в просторечии означает "безразличие", то же, что "до лампочки". «Феня» - это еще и эстетическая категория. Таковой она сделалась у концептуалистов, произведения которых, как правило, держатся на одной «придумке», на одном приеме. Доходчиво объяснил сущность концептуализма Лев Рубинштейн: «Художник может и не уметь рисовать, но он обязан придумать какую-то «феню» и ее осуществить». Его собственная «феня» – писание стихов на библиотечных карточках, с тем и вошел он в историю поэзии [3, с.132].

Есть еще одна версия происхождения выражения «ботать по фене». Ее приверженцы настаивают на еврейской «родословной» данного выражения. На иврите есть выражение «Битуй беофен» – выражаться особым способом: «битУй» (выражение), «битА» (произносить, выражать), пройдя через идиш, в русском стало «ботать». Аналогично «офен» (способ) превратился в «феню». «Ботать по фене» - выражаться особым способом, непонятным для окружающих [4евр].

Но вернемся к высказыванию Вл. Новикова, предваряющему нашу статью «...о седовласых ученых мужах, для которых самые простые слова – «архетип» и «хронотоп». В учебнике "Культурология: учебное пособие для студентов заочного обучения всех специальностей» Д.Ю. Столярова и В.В. Картунова в главе, посвященной культуре Нового времени, наталкиваемся на интригующее высказывание: «... Архетипом классицизма можно назвать «кристалл»,.... а архетипом барокко может быть названо «прорастающее зерно» [5, с. 87]. Необходимо отметить, что до этого термин «архетип» в тексте учебника не упоминался, и, соответственно, можно предположить, что студенту (тем более заочнику) он ничего не говорит. Столь поэтическая метафора заинтересовала и нас. Пришлось по-новому оценить свое понимание термина «архетип». В таких случаях мы обращаемся к словарю. Первый, случайный выбор падает на «Культурология. Краткий тематический словарь». Там мы находим определение архетипа, данное Д.В.Матяш: «Культуры архетип – это образы (прообразы), коллективное бессознательное, лежащее в основе любой культуры. Термин архетип культуры ввел К.Г. Юнг для обозначения психического коррелята (?) инстинктов, т. е. результата спонтанного (?) порождения образов инвариантными (?) для всех времен и народов нейродинамическими структурами мозга (?), а также для обозначения чистого, формообразующего элемента восприятия, обуславливающего саму его возможность. Архетипы культуры принципиально противостоят сознанию, а значит их нельзя дискурсивно (?) осмыслить и адекватно выразить в языке. Взаимодействие архетипов культуры и индивидуальных сознательных комплексов психики таят две опасности: а) личностное начало может оказаться растворенным в "коллективном бессознательном", как это свойственно восточным религиозно-мистическим культам; б) индивидуальное "Я" в своей гордыне самодостаточности и автономности может направлять свои усилия на подавление и искажение коллективно-бессознательного данной культуры» [6, с. 24]. После такого определения мы осознаем, что ситуация с пониманием самого термина и

смыслом высказывания учебника еще более усугубляется. Но при современном разнообразии культурологической литературы мы не расстраиваемся, и пытаемся найти в другом словаре объяснение термина «архетип». На этот раз мы обращаемся к солидному двухтомному изданию: «Культурология. XX век. Энциклопедия». Читаем: «Архетипы культурные – базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни. Содержание архетипов составляет типическое в культуре, и в этом отношении архетипы объективны и трансперсональны(?). Формирование архетипов происходит на уровне культуры всего человечества и культуры крупных исторических общностей в процессе систематизации и схематизации культурного опыта. В силу этого сопричастность к архетипам отдельным индивидом отчетливо не осознается и воспроизведение архетипов конкретной личностью выступает рационально непреднамеренным актом. Архетипы раскрывают свое содержание не через понятие и дискурс(?), но иконически(?), т.е. посредством изобразительной формы. Иконическая природа архетипа обуславливает то, что они явлены в сознании как архетипические образы (?), изобразительные черты которых определяются культурной средой и способом метафорической репрезентации (?). ...» [7, с. 37-38].

Объем статьи не позволяет полностью привести данное определение термина, но, на наш взгляд, и приведенные отрывки навсегда отобьют у студента-заочника желание учиться и самостоятельно познавать учебный материал и понимать культуру. Хотя, что можно понять о культуре из следующего фрагмента: «...Л. Уайт в определении культуры прибегал к предметно-вещественному толкованию. Культура, считал он, представляет собой класс предметов и явлений, зависящих от способности человека к символизации, которая рассматривается в экстрасоматическом контексте» [8]. Трудно уяснить смысл выражения «экстрасоматический контекст». Слово «контекст», наряду со словами «адекватно», «модификация», «квинтэссенция» и «парадигма», это наиболее «простые» в словарном запасе учебников по культурологии.

Объяснение понятия «контекст» мы находим в «Новейшем философском словаре» «от лат. contextus – соединение, тесная связь – квазитекстовый (?) феномен, порождаемый эффектом системности текста как экспрессивно-семантической целостности и состоящий в супераддитивности (?) смысла и значения текста по отношению к смыслу и значению суммы составляющих его языковых единиц...» [9, с. 502]?! Нет смысла утверждать, что ситуация с пониманием определения культуры Л.Уайта кардинально прояснилась.

Но всем вышеназванным авторам далеко до стилистики «Современного словаря по культурологии», автором-составителем которого выступает Юрчук Ю.В. Позволим себе привести только часть определения термина «кинематограф» – «матрица-вид синкретическо-континуумно-пространственно-трансляционно-временного искусства, которое акцентирует внимание на специфике-диспозициях-интерпретациях кинообраза-кинозидетикомоделей в раппортации-корреляции с грациозно-пластически-художественно-эстетической трансляцией-репродукцией конкретно-реальных событий-антуражей-обстоятельств, при помощи таких экспрессивно-вспомогательных модусов-средств, как а) киноизображение; б) кинодекорации; в) кинодубль; д) киномонтаж и др.» [10, с. 324]. В таком определении вообще трудно узнать, о чем идет речь, не говоря уже о специфике киноискусства.

В данном «научно-популярном издании» особой любовью пользуется слово матрица. Чего стоит определение «контркультура» – «...данное понятие апробируется-используется для денотации-таксации социокультурных диспозиций-ориентиров, которые оппонируют-антитезируют базисным принципам-гезисам, имеющим приоритеты в культуре, а также данный термин можно отождествлять с феноменами молодежной субкультуры, которые отражают-интерпретируют критически-нигилистически-отрицательное отношение к современным социокультурным парадигмам-эталонам-матрицам;...» [10, с. 345]. Этим трудно воспринимаемым определением автор всего лишь сказал, что «контркультура – понятие в современной культурологии и социологии; используется для обозначения социокультурных установок, противостоящих фундаментальным принципам, господствующим в конкретной культуре. Контркультура отождествляется с молодежной субкультурой 60-х гг., отражающей критическое отношение к современной культуре и отвержение ее как "культуры отцов" [6, с. 321-322]. Хотя и в процитированном нами издании (« Культурология XX век.» Энциклопедия) мы находим немало и «изящных» определений. Например, в статье, посвященной Т.Адорно: «В центре внимания А. – регрессивные социальное-антропологические изменения (отмирание рефлексии, замена ее стереотипными реакциями и мысленными клише и т.п.)...». Только специалисту будет понятно, что в данном случае речь идет «об изменениях в обществе, когда человек утрачивает способность самостоятельно мыслить, заменяя ее привычкой думать по шаблону»[6].

После таких изысканий в памяти возникает рассуждение о соотношении эстетических категорий «прекрасное – красивое». Прекрасное – это совершенство формы и содержания, а красивое лишь определяет красоту внешнего облика предметов и явлений, что зачастую и представляют собой подобные научно-популярные издания. Хотя... «красота – универсалия культуры субъект-объектного ряда, фиксирующая содержание и семантико-гештальтную (?) основу сенсорно (?) воспринимаемого совершенства...» [9, с. 514]?!

Каждая сфера деятельности человека накладывает свои клише на речь. Говорить и писать сверхумно, сверхнаучно, наверно, в этом есть большая доля самолюбования: вот какие мы умные и «продвинутые». Но понимать и усваивать это «простому смертному» без «толмача-переводчика» невозможно. Для перевода на язык, доступный для понимания, требуется посредник (медиатор), в роли которого и выступают преподаватели-культурологи (своеобразные «лекторы по распространению...»). И это отмечают многие. Сложившаяся ситуация напоминает некую внутригрупповую профессиональную солидарность: одни создают заумный «продукт» и зарабатывают себе на кусок хлеба, а другие этот продукт несут в массы – распространяют. И это позволяет нам надеяться, что наши услуги будут еще долго востребованы, и без куска хлеба мы не останемся. Но необходимо соответствовать публике, времени и месту. Искусственно не стараться казаться быть грамотными и образованными, а быть таковыми. И еще: недавно в газете "Иностранец" увидела одно из новых определений языка: "Язык – это коллективный портрет общества, и по изменениям в нем можно судить о болезни или здоровье социума". Что ж, с очевидным не поспоришь. Как не поспоришь и с тем, что говорить по-русски лучше, чем «ботать по фене», даже культурологической. Есть еще одно модное выражение: «Сделайте лицо попроще». Так вот, господа-культурологи, и в наш адрес вполне могут сказать такое.

Литература

1. Новиков Вл. Словарь модных слов / Владимир Новиков. – М.: Зебра Е, 2005. – 156 [4]. с.
2. Даль В. Толковый словарь русского языка. – М., 1983.
3. Новиков Вл., указ.соч.
4. Григорий Залевский. Феня на рунете // www.fenia.ru (дата доступа 15.02.2009)
5. Столяров Д.Ю., Картунов В.В. Культурология: Уч. пособие для студентов заочно-го обучения всех специальностей. – М.: ГАУ им. С. Орджоникидзе, 1998. – 102 с.
6. Культурология. Краткий тематический словарь / Под редакцией: д. ф. н., проф. Драч Г.В., д. ф. н., проф. Матяш Т.П. – Ростов Н/Д: "Феникс", 2001. (Словари XXI века).
7. Культурология XX век. Энциклопедия. В 2-х тт. Т.1 – СПб.: Университетская книга; 000 "Алетейя". – 1998. – С. 447.
8. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – Российский гуманитарный интернет-университет, 1999 // www.i-u.ru (Дата доступа 23.03.2009).
9. Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный дом, 2003.
10. Современный словарь по культурологии / Автор-составитель Юрчук Ю.В. – Мн.: "Современное Слово", 1999; Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный дом, 2003.

ПОСТИМПЕРСКАЯ ИНЕРЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

В.С.Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Объективное изучение процессов социальной и национальной трансформации требует всестороннего учета сопровождающих ее факторов. Одним из них является инертность. Культурная инерция способствует дальнейшему сохранению элементов и установившихся связей в рамках исследуемой культуры. Это одна из составляющих диалектического процесса культурной трансформации.

Целью данной статьи является описание последствий длительного влияния Российской империи на культуру коренного населения Западной Белоруссии (1921-1939 гг.). Изучение данной темы позволит более полно оценить потенциал русского национального движения и его роль в данном регионе.

Наиболее явным признаком влияния Российской империи в регионе было распространение русской культуры и ее институтов. В одной из центральных польских газет, «Варшавской газете», в 1933 году появилась статья, в которой, среди прочего, говорилось о том, что «перед войной полесские местечки, насчитывающие иногда 90 процентов евреев, очень легко русифицировались» [6, с. 260]. Ассимиляция местных жителей была одной из составляющих политики государства и стимулировалась административно. В частности, полностью была русифицирована государственная система образования. Разумеется, что в короткие сроки изменить ее и отношение к ней людей было бы крайне сложно.

В завершающей фазе Гражданской войны, поздней осенью 1920 г., местное население требовало от представителя польской гражданской власти (барановичского старосты) открыть для их детей русские школы. Инициаторами возобновления русских школ были бывшие учителя. Староста отмечал, что просители, большинство из которых белорусы, негативно относятся к идее белорусской школы [7, с. 10; 7, с. 45]. В следующем году в в Докшицах группа интеллигенции во главе со священником Николаем Плецинским и учителем Иваном Пашковским обратилась с заявлением об образовании русской гимназии. Показательно, что среди подписавших обращение были как православные, так и католики. Власти по причине неуважительного отношения заявителей к факту существования польской государственности и враждебной пропаганды в отношении него просителям отказали [8, с. 32]. Школьные кампании в поддержку русской школы имели место и позже.

Инерция в системе образования часто была вызвана чисто техническими причинами: такими как отсутствие школьных учебников на родном языке или квалифицированных учителей [7, с. 58; 6, с. 116]. Финансовая заинтересованность сотрудников бывших учреждений Российской империи в том, чтобы они продолжили существовать также имела место. Кроме того с русской школой во многих регионах были связаны планы и определенные традиции местных общин. Были и более глубокие причины.

Прекращение принудительной русификации не означало исчезновения ее как таковой. Как и прежде, имела место добровольная русификация. В первую очередь, на это влиял социальный статус русских. На территории Западной Белоруссии в своей массе это были люди с более высоким образовательным цензом, работники администрации, учителя, высшее духовенство, дворяне, состоятельные горожане и т.п. «Отмечены неоднократные случаи использования чиновниками русской национальности русского языка во время деловых контактов с обращающимися к ним местными крестьянами, владеющими только местным полесским говором. Это приводит к тому, что и полешуки стараются говорить на литературном русском языке, считая, что это язык более культурный, «высших сфер» и тем самым подвергаются русификации» [6, с. 136]. Мотивов добровольной русификации несколько.

Важное влияние на сознание людей имел и такой политический фактор, как «реваншистские настроения». Осевшие на этой территории эмигранты, бывшие российские офицеры и местные монархисты активно распространяли слухи о том, что поражение белых в гражданской войне, так же как и парад национальных суверенитетов – это временное явление, и Российская империя будет вскоре восстановлена. Знание русской культуры таким образом решало вопрос о лояльности или нелояльности в отношении будущего политического устройства. «Российские традиции и культ царя так глубоко укоренился в психике православного духовенства, что даже сейчас после пятнадцати лет господства большевизма в России и стабилизации отношений в возрожденной Речипосполитой значительная часть низшего духовенства верит в возвращение Романовых и реставрацию великой России если не в довоенных границах, то по крайней мере до Буга на западе» [6, с. 133]. Для многих получить польское гражданство было значительно легче, чем перестать осознавать себя гражданином русского государства.

Следующим важным культурно-политическим фактором была распространявшаяся в Российской империи идеология «западнорусизма». Руководствуясь ею русские консерваторы, как в случае с выступлением Владимира Гриненко в г. Гродно 11.11.1933 г., утверждали, что все восточные славяне говорят на русских диалектах, а следовательно к иным национальным культурам они принадлежать не могут [1, с. 232]. Западнорусизм объявлял русскую культуру единственной нормативной для всех восточных славян. Знание норм и правил русского языка могло влиять и влияло на самоидентификацию людей. Во время переписи 1931 года в Брестском повете часть местного населения записывало в графе родной язык – русский. Некоторые крестьяне объясняли свое решение так: «мы читаем и пишем по-русски, т.е. пользуемся русским языком как родным» [6, с. 65].

Темпы социальных и политических преобразований значительно превосходили изменения, происходившие в конфессиональной жизни Западной Белоруссии. Соответственно менее динамично изменялись и симпатии населения в вопросах религиозной жизни. Некоторые вкладывали в свою национальную принадлежность конфессиональный смысл, т.е. продолжали руководствоваться нормами сословного общества: «Мещане православные Пинска – это пассивный элемент и декларируют свою принадлежность к русскому народу не потому, что чувствуют близость с русскими, а для того, чтобы подчеркнуть свою религиозную принадлежность, идентифицируя понятие «русский» с «православным» [6, с. 171]. Известно, что в этом городе еще в 30-е годы XX в. для публичного общения использовался именно русский язык.

Социальные, конфессиональные и национальные интересы служителей церкви и крупных земельных собственников нередко совпадали. Польское государство сохранило все имения в руках их прежних владельцев. Переход этой собственности в руки непосредственно обрабатывающих крестьян путем постепенной распродажи земельного фонда затянулся на десятилетия. Располагая значительными средствами, русское дворянство активно поддерживало православное духовенство. При поддержке местной помещицы Валентины Пчицкой, священник д. Лаше Гродненского повета, Михаил Бобровский, созвал 30 июля 1936 года антикоммунистическое вече. На нем говорилось о том, что если религия как прежде будет преподаваться по-русски, то дети местных крестьян будут набожны и устойчивы к коммунистической пропаганде» [2, с. 82]. Такие примеры были далеко не единичны. В следующем году в этом же повете дворянка Анна Трусова совместно с псаломщиком Николаем Дроздовским провели акцию в поддержку изучения Закона Божьего на русском языке. Совместно ими было собрано 800 подписей [3, 9 об.].

Немаловажно также то, что в Российской империи православное вероучение было облечено в русскую национальную форму. На протяжении XVIII-XIX вв. Синод православной церкви предпринял ряд мер для того, чтобы русифицировать литургию, богословскую литературу, религиозное образование, внутренний и внешний облик храмов. Консервативный характер церкви способствовал тому, что по прошествии десятилетий нововведения стали рассматриваться частью духовенства и мирян, как важные составляющие церковной жизни. Известно, что священники противодействовали сокращению сферы использования русского языка. Часть из них тайно обучали ему детей [6, с. 116]. Другие открыто заявляли о своей позиции представителям власти. Один из наиболее ярких случаев произошел 16.12.1938 в г.

Гродно. Гродненский благочинный, епархиальный миссионер отец Ананий Сагайдаковский не дал ввести в церковь останки капрала Перегуда, погибшего в авиакатастрофе под Варшавой. Свое решение он объяснил так: «Полякам нет места в церкви, т.к. они борются с русским языком» [4, с. 169]. За этот поступок священник был снят с прихода, но местная община активно опротестовала это решение, грозя не пускать своего епископа в собор, пока он не добьется его возвращения. Известно, что позиция духовенства нередко не ограничивалась только поддержкой русского языка. Были такие, чьи симпатии полностью совпадали с русскими национальными интересами. В частности, полиция характеризовала священника д. Гудевичи Гродненского повета Владимира Кавецкого как русского националиста [5, 46 об.]. Эта и другие подобные позиции подтверждают существование постимперской инерции, поскольку во всех описанных нами случаях фамилии священнослужителей говорят об их белорусско-украинско-польском происхождении.

Польское правительство проводило довольно консервативную социально-экономическую политику (способствовало сохранению крупной светской и церковной собственности на землю, противодействовало изменению аграрного характера восточных воеводств, либерализации средств массовой информации и системы образования и т.д.). Польская администрация также умело использовала русских консерваторов в собственных целях. По воспоминаниям воспитанника русской гимназии г.Бреста Монтилова М.В. среди ее учеников «конечно были белорусы, украинцы и «тутэйшие». На прием Русскою гимназией этих «нерусских» элементов, в нарушение министерских инструкций, школьный округ почему-то, не очень реагировал, – видимо, потому, что ни в Бресте, ни во всем Полесском воеводстве, не было ни одной гимназии для украинцев, белорусов и «тутэйших» и округ не собирався открывать такие. ... Если в гимназии не было политических партий, то, однако, идея «единой и неделимой» России была руководящей идеей ее воспитательной работы. ... И польское правительство терпело, до поры до времени, этот русский национализм гимназии, как своего рода противоядие против советской пропаганды и против сепаратистских течений украинцев и белорусов, в данном положении более опасных, с точки зрения поляков, чем «беспочвенные мечтания» русских националистов о возрождении Великой России» [9, с. 37; 9, с. 39]. Создание в г. Бресте русской гимназии было обусловлено не столько культурными потребностями проживающих здесь русских, сколько желанием польских властей поддержать местную русскую интеллигенцию в борьбе с украинским и белорусским национальными движениями. Однако отсутствие поддержки со стороны избирателей в отношении русских кандидатов на выборах, инициировавших также создание упомянутой гимназии, свидетельствует о том, что эта инициатива оказала незначительное влияние на национальные симпатии населения.

Последствия Первой мировой войны (появление польского государства, рост национального самосознания, внедрение новых форм хозяйствования) на протяжении двух десятилетий оказывали сильное воздействие на культуру коренного населения Западной Белоруссии. Русская культура маргинализировалась, число ее носителей среди белорусов и украинцев сокращалось, шел активный процесс ассимиляции живущих здесь русских. Несмотря на это, к началу следующей мировой войны многие явления, усвоенные за время существования Российской империи, все еще давали о себе знать. Об этом можно судить по использованию русского

языка в качестве нормативного в администрации, образовании, духовных учреждениях и в публичном общении лицами, не имеющими русского происхождения (евреями, белорусами, украинцами и др.). Уменьшение влияния сословных институтов на жизнь населения ослабляло значение норм и правил, принятых в Российской империи. Как правило, сохранялись они в местах, наиболее удаленных от административных, промышленных и национальных центров, в частности, в Лунинецком и Столинском поветах Полесского воеводства. Консервации довоенных порядков отчасти содействовала государственная администрация, проводя искаженную национальную политику и ограничивая инициативность населения за счет милитаризации приграничных территорий.

Литература

1. Państwowy archiwum w Białymstoku (PAwB) z.47 syg.73.
2. PAwB z.47syg. syg.93.
3. PAwB z.47syg.97.
4. PAwB z.47syg.100.
5. PAwB z.47syg.107.
6. Государственный архив Брестской области (ГАБО) ГАБО ф.1оп.9д.1182.
7. Государственный архив Гродненской области (ГАГО) ГАГО ф.347оп.1д.76.
8. ГАГО Ф.551 оп.1д.724.
9. Монтвиллов М.В. Русская гимназия в Бресте на Буге 1919-1939гг. – Ним-Брест-Минск, 1996 – 119 с.

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В.А. Михайлов

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

1. Переломные процессы, переживаемые Беларусью в последние годы, носят парадоксальный характер. Будущее страны во многом зависит от молодежи. Воспитание молодого поколения является процессом кропотливым и многосторонним, охватывающим не только развитие интеллектуальных, творческих и физических способностей, но и формирование сознания, мировоззрения, чувств, норм поведения и, самое главное, – духовного мира. Сфера духовной культуры Беларуси сегодня рассматривается не только как производитель и хранитель культурных ценностей, но и как важнейший сектор экономики, обеспечивающий рост занятости населения, развитие наукоемких отраслей.

Попытки социально-экономического реформирования красноречиво говорят о том, что позаимствованные западноевропейские или американские концепции общественного реформирования, построенные на соответствующих мотивационных моделях поведения, нравах, обычаях, традициях, культурах приводят к неподвижным, мало желательным либо совсем неприемлемым результатам.

2. К сожалению, при анализе столь разнопланового явления, каковым является экономика, часто выносятся за скобки такая его важнейшая компонента, как субъект экономических отношений – человек, рассматриваемый не как некая безличная

«рабочая сила», а как сложнейший биопсихосоциальный организм, как уникальное существо. Экономика является интегратором, соединяющим безличную культуру, основным принципом которой является стандартизация, унификация, устраняющая национальные границы с живыми людьми, социумом, имеющими свои этнонациональные характеристики, свой менталитет. Ловушка современных реформаторов заключается в противоестественном отделении духовной компоненты менталитета от конкретного американского или западноевропейского типа поведения.

Молодежная культура – это результат стремлений молодых людей, которые по своему обретают чувства стабильности, компенсируют социальный опыт изменений, стремятся найти чувство собственного достоинства. Именно через молодежную культуру молодой человек познает ясный набор ценностей, позиций и поведенческих установок, которым нужно следовать, что бы не происходило вокруг них. При помощи действий и поведенческих норм молодежная культура помогает молодому человеку чувствовать себя стабильно и комфортно, как бы ни оценивали его окружающие. Через молодежную (групповую) активность молодежь развивает свои вкусы, мировоззренческие установки, стиль в одежде, музыке, поведении. Именно здесь происходит дифференциация молодежной культуры на суб- и контркультуру.

3. Радикальная трансформация всех сфер жизнедеятельности постсоветского белорусского общества, в первую очередь ее культурного пространства, ставит как отдельных индивидов, так и различные их общности (семейные, профессиональные, этнические, территориальные, субкультурные и др.) перед необходимостью не столько возрождения многих духовных ценностей, утраченных в условиях господства бюрократической системы, сколько формирования новых ценностных ориентаций, позволяющих человеку ощущать себя социально и духовно свободной личностью, имеющей право и возможность выбора своих идеалов, мировоззрения, убеждений, места работы, всего уклада жизни. Это предполагает изменение менталитета и всей системы ценностных ориентаций молодежи. В проведенном в 1997 г. в Беларуси социологическом исследовании в качестве объекта эмпирических замеров и теоретических экспликаций были выделены два типа ценностей: 1) целевые, выражающие важнейшие цели, идеалы, смысложизненные ориентиры молодежи; 2) инструментальные, запечатлевающие одобряемые в молодежной среде средства достижения целей.

Теоретическое обобщение и осмысление эмпирических данных даёт основание для вывода, согласно которому в последние годы произошли глубокие сдвиги в структуре обоих выделенных типов ценностей. Существенно снизилась в молодёжном сознании и жизненных ориентациях ценность труда и учёбы как фактор самоутверждения личности (они занимают в иерархии молодёжных предпочтений 5-е и 7-е места, тогда как до развала СССР находились на 2-ух высших ступенях этой иерархии). Но зато резко выросла значимость таких целевых ценностей, как здоровье (наиболее важным считают его 95,3 %), материальное благополучие (92,4 %), семья (89,3 %), занимающих в ценностной иерархии молодых людей высшие 3 ступени. Одновременно стали более значимыми для молодёжи такие ценности, как повышение профессионального уровня (считают важной для себя эту ценность 51,9 % юношей и 48,6 % девушек).

Ответы на вопросы о белорусской культуре показывают, что немногим больше половины молодых людей способны более или менее чётко выразить своё отношение к культуре. По-разному оценивая ее современное состояние и влияние на

нее социальных перемен, эти молодые люди демонстрируют свое заинтересованное к ней отношение и очевидное знание хоть каких-то ее аспектов. А более 45% опрошенных затрудняются ответить на эти вопросы, свидетельствуя тем самым, что они недооценивают смысл и роль культуры общества, к которому принадлежат. Очевидно, что никакая информация об улучшении социально-экономической ситуации (даже реальной) не будет восприниматься молодыми людьми до тех пор, пока они не почувствуют это на своем собственном положении, в реальной жизни.

4. Маятниковый характер распределения положительно и отрицательно окрашенных настроений, возможно, отражает и действительные колебания настроений каждого молодого человека. И все же, пусть небольшое, но преобладание надежды и низкий уровень агрессивности молодого поколения дают основания надеяться на благоприятные перспективы будущего.

Зафиксированная учеными-социологами оценка ментальных характеристик выражает нормативную оценку как старых, традиционных для славян, так и новых, пришедших с Запада ценностей. По мнению этих ученых, такие новые для белорусов личностные качества, как точность, обязательность и стремление к личной свободе и независимости будут доминировать меньше, чем законопослушание, практичность и расчетливость.

5. Духовность – это нечто безусловно положительное, первенство высших, духовных интересов над материальными, бездуховность же – отсутствие высших целей и ценностей, господство низменных, плотских интересов и влечений. По Гегелю, человек духовный отличается от "естественного", не возвысившегося над животной жизнью.

В традиционно философском понимании духовность включает в себя три начала - познавательное, нравственное и эстетическое. Этим трем способностям человеческой природы соответствуют сферы духовной деятельности: научные знания и философия, искусство, нравственность. Им, в свою очередь, соответствуют духовные ценности, относимые к разряду высших – истина, добро, красота. Эти три стороны вместе образуют то, что называется духовной жизнью, духовным поиском. Они объединяются в одно целое с религией и мировоззрением.

Белорусская нация испокон веков отличалась высокой духовностью и нравственностью. В современном обществе духовные ценности всё больше отходят на второй план. Внимание молодёжи приковано к материальным ценностям и дальнейшему благополучию.

6. Перемена в глобальной политической картине мира более чем очевидна. Сегодняшняя молодёжь является первым поколением в новой истории, которая ощущает преимущества усиления интеграции мирового сообщества. Новые технологии и ресурсы меняют образ жизни современной молодёжи.

В процессе трансформации белорусской молодёжи можно сегодня выделить ряд субъективных (т. е. зависящих от деятельности государственных структур) противоречий. Во-первых, противоречия между ширококвещательными, во многом иллюзорными, неподкреплёнными реалиями реформ, теоретическими абстракциями и узкосозерцательной практикой молодёжи. При отсутствии системной молодёжной политики воздействие новых реформаторских идей происходит в абстрактной форме, т.е. дифференцированно, не соответствуя адекватным возможностям молодых. Самая способная часть молодёжи ушла в сферу "купи-продай".

Во-вторых, противоречия между недостижимым (в обозримом будущем) идеалом общества всеобщего благоденствия и обыденной жизненной практикой молодых людей и их родителей.

В-третьих, противоречия между желаниями социально-экономических реформ и старой формой духовно-нравственного воздействия. Эти противоречия выражаются: в упрощении проблем обновления общества, сглаживании ошибок и недостатков, в механическом изучении реальной жизни методами и формами старого мышления, в отсутствии методологических разработок и концепций демократического общества. В-четвертых, противоречия между демократической направленностью общественного развития и бюрократическими методами функционирования государственных институтов и общественно-политических организаций. В-пятых, противоречия между "валовым" подходом к проблемам молодёжи и социально-исторической обусловленностью её практики. В-шестых, противоречия между всеобщими реформаторскими идеями и нравственными установками ближайшего окружения молодёжи.

7. В процессе прогнозирования тенденций молодёжного развития учёные выдвигают несколько главных императивов начала XXI века: 1) императив рождаемости; 2) экологический императив; 3) императив мира и сотрудничества.

Главной целью государственной молодёжной политики является создание необходимых социальных условий для развития молодых людей средством массовой поддержки их инновационной деятельности, социальной защиты, формирования творческой активности способностей. Осуществление стратегии инновационного развития РБ невозможно без целенаправленной государственной молодёжной политики, создания благоприятных условий для реализации творческого потенциала различных категорий молодёжи. Именно молодёжи должна принадлежать ведущая роль в научных исследованиях, разработке новых и высоких технологий, внедрении их в производство. Осознание этого тезиса на всех уровнях государственного управления является важным условием осуществления государственной молодёжной политики, направленной на активное участие молодых исследователей в реализации программ устойчивого социально-экономического развития страны.

В последние годы значительно повысилась творческая активность молодёжи, которая стала носить более целенаправленный и системный характер. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные международные, республиканские и региональные конкурсы, олимпиады учащейся и студенческой молодёжи, молодых ученых, а также банк данных молодых талантов, которым уделяется постоянное внимание и оказывается поддержка в их творческом поиске.

Анализ показывает, что образовательный и творческий потенциал белорусской молодёжи является весьма высоким. По количеству студентов на 100 000 жителей страны Беларусь занимает лидирующие позиции среди развитых стран мира. За последние 10 лет количество студентов в вузах страны увеличилось почти в 2 раза, заметно выросла их инновационная активность по сравнению с зарубежными сверстниками. Многие белорусские студенты являются участниками и победителями престижных международных конкурсов научных работ и олимпиад по различным предметам.

8. Будущее страны во многом зависит от молодёжи. Воспитание молодого поколения является тщательным процессом, охватывающим не только развитие интеллектуальных, творческих и физических способностей, но и формирование сознания, мировоззрения, чувств, норм поведения и, самое главное, - духовного мира. Исторические события, улучшение материальных благ, утрата духовных ценностей, развитие техники и наук - всё это и не только явилось причиной смены ориентиров, и различия между поколениями могут быть более контрастными, чем в прежние десятилетия. Именно молодёжь наиболее восприимчива к новому, именно

она является носителем перемен. Общественные изменения, происшедшие в бывших странах Советского Союза, повлекли за собой уничтожение целой системы духовных, нравственных и культурных ценностей. А новые ценности еще не наполнились для людей реальным и практическим смыслом. Это явилось причиной кризиса, тяжело переживаемого всем обществом. Однако представляется, что это лишь период в истории, и вскоре появятся новые идеалы и ценности, наполненные более глубоким смыслом. В самом общем смысле ценностные ориентации представляют собой сложную противоречивую систему, в которой происходит осмысление тех или иных явлений в жизни человека и общества. Ее содержание отражает представление личности об оптимальном устройстве общества, его экономической и политической основах, о смысле жизни, о том, что такое добро и зло, прекрасное и отвратительное. Поэтому ценностные ориентации можно определить как направленность личности на освоение или создание общественных ценностей в соответствии с конкретными потребностями. Подтверждением этого вывода является следующее.

9. Стало немодно хорошо учиться и стремиться к знаниям, быть патриотом и интернационалистом, любить Родину и во всем стремиться к новому. Значительно уменьшилось за последние годы число тех, кто хотел бы быть честным и порядочным, хорошо работать.

Литература

1. Ценностные ориентации молодежи. – Мн., 2008.
2. Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов и социально-экономическое реформирование общества. – Мн., 2004.
3. Философия. Учебное пособие / Под ред. Яскевич Я.С. [и др.]. – Мн., 2008.
4. Лукашенко А.Г. Стратегия будущего // Белорусская думка № 1, – 2008. – С. 5-17.
5. Молодежь Беларуси на современном этапе, проблемы и пути решения. – Мн., 2004.

ТРАНСФОРМАЦИИ В АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ ЭПОХИ КЛАССИЦИЗМА

В.Ф.Морозов

*Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь;
Политехника Белостокская, г. Белосток, Польша*

В конце XVIII – начале XIX вв. в архитектуре Беларуси произошли значительные изменения. Они были вызваны изменениями государственной принадлежности белорусских земель – в результате трех разделов Речи Посполитой белорусские земли были присоединены к Российской империи. И, кроме того, в корне изменилось мировоззрение общества, которое с того времени стало базироваться на идеях Просвещения. Каков же был характер изменений в архитектуре, каковы итоги «переходной» эпохи классицизма, что было в этих изменениях положительного, а что не выдержало испытания временем?

Присоединение западных белорусских земель к Российской империи совпало с грандиозными работами по регулярному переустройству городов в Российской империи. Все уездные и губернские города получили новые регулярные планы, по которым и осуществлялась их застройка вплоть до конца XIX в. [1, с. 48-51]. Если в губернских городах, где в центральной части существовала капитальная каменная

застройка, рисунок плана был изменен не очень значительно – лишь спрямлены очертания площадей и направления улиц, то планы уездных городов приобрели совершенно новые очертания в виде простых геометрических фигур – квадрата, прямоугольника или многогранника с прямыми, пересекающимися под прямыми углами улицами и прямоугольной формы площадями. При создании этих планов совершенно не учитывались исторически сложившиеся направления улиц, существующая деревянная застройка, особенности рельефа местности, и новые планы даже противопоставлялись природному окружению своей отвлеченной геометричностью и символичностью форм. В основе идеальных формальных построений планов уездных городов лежали идеи Просвещения с их рациональностью и практицизмом и масонские идеи о воздействии геометрических символических форм архитектуры на сознание человека с целью сделать его лучше и совершеннее.

Реализация этих планов была сопряжена с большими трудностями, так как требовалось проведение грандиозных земляных работ по планированию территории для осуществления идеальных геометрических плановых построений, и поэтому во многих случаях полностью эти планы никогда осуществлены не были. В дальнейшем, в начале XIX в., при создании планов для центральных и западных белорусских земель планировщики отказались от использования в рисунке планов идеальных геометрических фигур, разделяли территорию города на отдельные районы и очертания их улиц и площадей, приравнивали к особенностям рельефа, благодаря чему эти новые планы оказались более реалистичными и осуществимыми [1, с. 75-77].

В строительстве административных зданий ведущее значение приобретает государственный заказ, что было характерно для Российской империи, где ранее не существовало частновладельческих городов и все города были государевы. Для каждого города требовалось возвести одинаковый набор построек для новой администрации – здания правления, суда, гауптвахты и т.п. В екатерининскую эпоху осуществление этого шло по пути создания небольшого числа образцовых проектов известными петербургскими архитекторами, которые затем местными зодчими приспособлялись для конкретной ситуации. Так, выполненный в 1772 г. петербургским архитектором И.Е. Старовым проект почтового дома был многократно использован при строительстве административных зданий в Полоцке и Витебске, и благодаря своему камерному масштабу, органично вошел в ткань этих белорусских городов с существующей каменной застройкой в стиле барокко [2, с. 12, 13].

В александровскую эпоху проекты административных и общественных зданий продолжали утверждаться в Петербурге, использование проектов петербургских архитекторов для белорусских городов все еще носило рекомендательный характер, и местные архитекторы, применяя выработанные столичными зодчими композиционные схемы, удачно приспособляли их к местным условиям. Характерный пример тому – проектирование витебским архитектором Ф.Санковским дома генерал-губернатора в Витебске на основе проекта А.Захарова [3, с. 288, 289]. Это здание по сегодняшнее время является наиболее значительной постройкой и главным акцентом центральной части города. С наступлением николаевской эпохи положение с проектированием административно-общественных зданий в Российской империи резко изменилось. Строительные организации были подчинены Департаменту внутренних дел, для всех видов административных зданий в Петербурге архитектором А.Е.Штаубертом были созданы образцовые проекты со схематично решенными фасадами и упрощенными деталями и при строительстве зданий по всей

империи им необходимо было неукоснительно следовать [1, с. 116-118]. Это полностью исключало возможности творчества местных архитекторов, учета местных традиций строительства, приводило к полной нивелировке особенностей местного зодчества, и, в конечном итоге, привело к своеобразному вырождению стиля классицизма, замене его «казарменным» стилем.

При строительстве культовых зданий власти Российской империи, естественно, стремились к насаждению православия и всячески поддерживали возведение православных храмов. В екатерининскую эпоху по повелению императрицы возводились отдельные постройки высокого качества архитектурных решений, выполненные выдающимися зодчими из столицы, которые становились украшением белорусских городов (Иосифовский собор в Могилеве архитектора Н.А. Львова, Богоявленский монастырь с церковью св. Екатерины в Полоцке архитектора Дж.Кваренги) [4, с. 48-51]. Именно в екатерининскую эпоху под влиянием идей Просвещения и стремления уподобить православную церковь античной святыне становится популярной тема ротонды. Характерный пример тому – четыре культовые постройки-ротонды в Чечерске, вотчине русского вельможи графа З.Г. Чернышева [1, с. 53-61]. Эта тенденция встречает возражение со стороны православного духовенства, так как в этом случае становится затруднительным функционирование здания – организация службы, естественного освещения [5, с. 55]. Поэтому в дальнейшем, в александровскую эпоху постепенно начинает применяться традиционная для небольших православных храмов компоновка здания с расположенными на продольной оси отдельными объемами притвора, колокольни, трапезной, собственно церкви и алтаря. Подобные постройки, зачастую декорированные с использованием традиционных для региона архитектурных форм и деталей, становятся характерными для белорусского пейзажа и приобретают вид своеобразного знака православного храма на белорусской земле.

Краткий обзор развития архитектуры классицизма на белорусской земле в условиях изменения не только в сфере идеологии, но и государственной принадлежности показал, что для этого времени характерно подчас чрезмерное увлечение новыми формами вне их связи с местными условиями и традициями. Это приводит к неразумным тратам средств и не способствует созданию гармонического окружения человека. В развитии культуры общества роль традиции весьма значительна и в изменяющемся обществе создателям произведений и их заказчикам это следует непременно помнить.

Литература

1. Морозов, В.Ф. История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма: учеб. пособие для вузов / В.Ф.Морозов. – Мн.: БНТУ, 1996. – 152 с.
2. Квитницкая, Е.Д. Административные здания Белоруссии конца XVIII в. / Е.Д.Квитницкая // Архитектурное наследство: сб. научн. тр. / ЦНИИТиА; под ред. О.Х. Халпахьяна. – М., 1972. – Вып. 20. – С. 3-16.
3. Морозов, В.Ф. Гражданская и монументальная архитектура Беларуси. Классицизм / В.Ф.Морозов // Архтэктурна Беларусі. Нарысы эвалюцыі ва усходнеславянскім і еўрапейскім кантэксте: у 4 т. – Мн.: Беларуская навука, 2005 – 2009. – Т. 3, кн. 1. – С. 170-451.
4. Морозов, В.Ф. Комплекс Богоявленского монастыря в Полоцке. К вопросу о творчестве Д.Кваренги в Белоруссии / В.Ф.Морозов // Строительство и архитектура. – 1978. – № 2. – С. 29-31.
5. Пилявский, В.И. Стасов архитектор / В.И.Пилявский. – Л.: Гос. изд-во лит-ры по строит. и арх-ре, 1963. – 251 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. Б. Морозова

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Понятие глобализации сравнительно недавно вошло в научно-практический обиход. Этот процесс в настоящее время проник во все сферы человеческой деятельности, в том числе и архитектуру. Особое место здесь принадлежит промышленной архитектуре, как области зодчества, оперирующей с производственным пространством. Именно промышленная архитектура наиболее ярко продемонстрировала общность подходов и приемов проектирования ее объектов в последнем столетии. В 1980-е гг. немецкий исследователь архитектуры В. Хенн так описал это явление: «Во всех странах единообразие зданий было естественным следствием промышленной экспансии... Мы практически находимся в ситуации, когда промышленные здания во всем мире строятся одинаково» [1, с. 26].

Сегодня такая схожесть объектов промышленной архитектуры в разных регионах является иллюстрацией закономерности ее развития, обуславливающей одинаковые проявления этого развития на любой территории. Однако интересно, что глобальная общность процесса развития промышленной архитектуры проявлялась уже на ранних этапах ее существования, в «пионерный период», и это убедительно доказывается историческими фактами [2].

С самого начала, с 1710-х гг., и практически до середины XIX в. промышленная архитектура развивалась как простое копирование образцов английской практики. В Великобритании стремление удержать монополию родоначальника промышленной архитектуры обусловило запрет на экспорт машин, планов производственных зданий, не разрешался и выезд специалистов. Посещавшие английские предприятия инженеры, механики и просто путешественники из разных стран составляли отчеты-описания, осуществлявшие таким путем передачу опыта проектирования и строительства [3, с. 9]. Благодаря этому в Европе стали строиться очень похожие здания, которые идентифицировали промышленную архитектуру и делали ее узнаваемой. В результате отмены в Великобритании в 1842 г. всех запретов на передачу информации промышленное строительство поднялось на новый качественный уровень – закончилось простое копирование, в странах Европы и США начала развиваться собственная практика.

Подтверждением ее общности явился, прежде всего, процесс формирования понятий и терминов, который в разных странах шел совершенно одинаково. Термины заимствовались (прямое использование или перевод), либо создавались собственные, но всегда по одним и тем же принципам. Существовало два подхода. Их можно охарактеризовать как функциональный, предполагающий создание термина по назначению протекающего в объекте процесса (foundry – плавильня, brewery – пивоварня, pottery – гончарня и пр.), и пространственный, складывающийся на основе объемно-планировочных критериев объекта, без функциональной определенности наполняемых его процессов (manufactorie – manufactory – ману-

фактура и пр.). Оба подхода существовали до конца XIX в., а далее во всех странах утвердился только пространственный подход. Показательно, что термины практически одновременно меняли свою содержательную сущность, и это происходило несмотря на имеющиеся несоответствия в промышленном развитии разных стран и достаточно слабые связи между ними. Так, например, произошло с распространенным термином «factory – фабрика», который во второй половине XIX в. в США, европейских странах и России стал обозначать не отдельное здание, а предприятие.

Общность процесса развития промышленной архитектуры демонстрирует и распространение одних и тех же типов объектов, их не только объемно-планировочная, структурно-пространственная похожесть, но и идентичность приемов и средств архитектурно-художественного выражения.

Основными типами фабричных зданий были объемы с ярусным и плоскостным построением внутреннего пространства. Несмотря на то, что некоторые их разновидности могли не иметь или иметь ограниченное применение в отдельных регионах, сами типы были едиными в разных странах. Совершенно одинаково формировались объекты социального обслуживания работающих, они начали складываться практически одновременно в европейских странах и США в конце XIX в. Это было связано с внедрением идеи «рациональной фабрики», в соответствии с которой рабочие рассматривались как придаток машины, или самостоятельная машина. В 1900–1920-е гг. многие предприятия приглашали на работу врачей и специалистов для организации условий эффективной работы [4, с. 55]. Расширились исследования в области научной организации труда (НОТ), технических усовершенствований по вентиляции, отоплению, санитарно-гигиеническому обслуживанию. В результате разработки этой группы объектов во второй половине XX в. в разных странах сложилась их одинаковая иерархическая система, сопоставимые нормативные объемно-планировочные параметры.

Общность процесса исторического развития прослеживается и в становлении территориальных объектов промышленной архитектуры – предприятий, районов, поселений. Промышленное поселение возникло одновременно в Великобритании, Франции, Бельгии, Германии, США и России, в дальнейшем распространилось повсеместно. Его теоретические модели были созданы только в двух странах – Великобритании и Франции, однако и они получили идентичную реализацию везде, где шло такое строительство [5]. Промышленный район во второй половине XX в. стал преимущественной формой территориальной организации промышленных объектов во всех странах, хотя возник он в XIX в. в Великобритании и США. Недостатки строительства промышленных районов были также везде практически одинаковыми и привели к поиску новой модели пространственной организации промышленных районов – смешанной, которая сложилась в одно и то же время в виде зон смешанного использования в США и интегрированных промышленно-селитебных образований в СССР.

Общность и единство развития промышленной архитектуры достаточно убедительно демонстрирует художественная трактовка промышленных объектов. Первые фабричные здания, которые визуальнo идентифицировали постройки промышленной архитектуры, отличала похожесть, типовой внешний вид. Они были

решены лаконично, выделялись своими размерами, масштабом и практически полным отсутствием декоративного убранства. В то же время, часть промышленных зданий возводилась по образцу гражданских – в определенном стиле. Показательно, что, несмотря на существование в гражданской архитектуре европейских стран разных стилевых предпочтений, промышленные здания выполнялись преимущественно в одном стиле – классицизме. Влияние местной традиции было ограниченным, а в XIX в. его уже не представляется возможным проследить. Окончательно промышленная архитектура приобрела черты общности и единства в 1920-1970-е гг. «Выглядит как промышленное», – ставшее общепринятым в XX в. это определение, с одной стороны, закрепляло признание промышленной архитектуры как самостоятельной области деятельности, с другой, – подтверждало идентичность средств художественного выражения.

В истории промышленной архитектуры явно прослеживается, что в отдельной стране и на любом временном отрезке формирование производственного пространства имело опосредованную связь с внутренними условиями и демонстрировало более устойчивую и выраженную зависимость от внешних влияний, оно определялось уровнем развития промышленной архитектуры в целом. Например, Российская Империя (включая белорусские земли) в начале XX в. не являлась промышленно развитой страной, ее экономика носила аграрный характер, показатели развития промышленного производства значительно отставали от показателей ряда западноевропейских стран (Германии, Великобритании, Франции) и США. Однако в России были построены отдельные объекты: Богодуховская мануфактура братьев Морозовых, Добрушская бумажная фабрика, Ярославская хлопчатобумажная фабрика, – которые не только соответствовали передовым аналогам мировой практики, но и были образцовыми. Подробный анализ пространственного устройства, например, Ярославской хлопчатобумажной фабрики можно найти в американских периодических и научно-практических изданиях по архитектуре и строительству начала XX в., где она рассматривается как пример для подражания [6].

Общность механизмов развития предопределяла сокращение, а то и «выпадение» временных периодов в истории промышленной архитектуры отдельных стран. Это хорошо иллюстрирует, например, практика Беларуси, где промышленная архитектура появилась на сто лет позднее европейского строительства. Однако, несмотря на слабое экономическое развитие региона, здесь сразу же были восприняты типы мировой практики и, следовательно, промышленная архитектура на белорусских землях не проходила первый период становления. Аналогичные процессы отмечались и в 1930–1950-х гг.

Расширение промышленного строительства, начинающееся в какой-нибудь стране, приводило сразу же к освоению ею мировых образцов, в определенной степени выравниванию уровней. Неравномерность, так называемое запаздывание в развитии промышленной архитектуры отдельных стран все же имело место, но его интервал устанавливался неадекватно к разнице в уровне технического и экономического развития этих стран.

Сопоставление процесса развития промышленной архитектуры в разных странах обнаружило и тот факт, что это развитие определялось не всеми странами, а отдельными лидерами, которые могли меняться с течением времени. Вначале таким лидером была Великобритания. Здесь ранее других стран началось строительство новых объектов – фабрик, здесь сложились первые типы промышленной ар-

хитектуры. Фабричное строительство в это время велось также во Франции, Германии, Италии и проч. Однако именно Великобритания опережала все страны в разработке типов, их структурно-пространственной, конструктивно-строительной организации. Этому способствовало то, что большинство технических изобретений, влияющих на промышленное строительство – машины и станки, устройства для передачи энергии, конструктивные узлы и детали, делались здесь. К концу XVIII в. к Великобритании как лидеру присоединилась Франция.

В XIX в. в группе лидеров уже находились Великобритания, Франция, США и Германия, роль двух последних со временем усилилась. Расширение группы лидеров привело к тому, что их влияние на формирование производственной среды разделилось по аспектам – пространственному, конструктивному, техническому, художественному, организационному. Например, во Франции и США была создана новая конструктивная система, в Великобритании и США – новая система передачи энергии, в США ранее, чем в других странах, проектирование промышленных объектов стало делом многих специалистов, произошло соединение архитектурного и инженерного труда.

В XX в. лидерство перешло к США и западноевропейским странам, ранее не игравшим такой роли, – Германии, Бельгии, Австрии. В то же время Великобритания, будучи лидером в промышленной архитектуре почти двести лет, уступила свой приоритет. В группу лидеров вошел и Советский Союз (СССР), его практикой, в том числе практикой Белорусской республики был сделан большой вклад в разработку промышленного района и некоторых типов производственных зданий. Определяющая роль лидирующих субъектов (стран) окончательно оформилась как движущая сила развития промышленной архитектуры.

Подводя итог, можно констатировать, что мировая история развития промышленной архитектуры демонстрирует общность процесса и одинаковость его для любой территории; встраиваемость в этот процесс стран и присутствие в то же время среди них лидирующих субъектов, их приоритетность в разработке подходов, принципов и приемов архитектурной организации промышленных объектов. Это и определяет историческую эволюцию формы и структуры, конструктивных и архитектурно-художественных особенностей построения производственного пространства. И это же сегодня является иллюстрацией процессов глобализации.

Литература

1. Henn W. Optical environment protection – the task and duty of the architect / W. Henn // Aspects on industrial architecture and engineering: col. papers / International Council for Building Research, Studies and Documentation; International Union of Architects. – Helsinki: The Building Book Ltd., 1989. – P. 25-27.
2. Морозова Е.Б. Эволюция промышленной архитектуры / Е. Б. Морозова. – Минск: БНТУ, 2006. – 240 с.
3. Bradley B.H. The Works: the industrial architecture of the United States / B.H. Bradley. – NY, Oxford: Oxford University Press, 1999. – 347 p.
4. Biggs L. The Rational Factory: architecture, technology, and work in America's age of mass production / L. Biggs. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 202 p.
5. Garner J.S. The company town: architecture and society in the early industrial age / J. S. Garner. – NY, Oxford: Oxford University Press, 1992. – 245 p.: ill.
6. Wild F. Factories / F. Wild. – NY: Van Nostrand Reinhold Co. – 1972. – 136 p.

УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ю.В. Никулина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Урбанизация – объективный процесс, затрагивающий все народы, нации и типы культуры. В наши дни проблема глобальной урбанизации становится одной из наиболее актуальных. Это происходит как в силу сущностных трансформаций в самом урбанизационном процессе и росте значения города, так и в связи с усложнением структуры современного общества. Современная урбанизация – важная составляющая и одна из фундаментальных движущих сил мирового социоисторического процесса нового времени, глобализации человеческого сообщества.

Традиционно урбанизация определяется как конкретно-исторический этап развития общества, характеризующийся интенсивным формированием городов, как особого типа поселений, с большим количеством населения, сосредоточенным на относительно небольшом пространстве. Урбанизация также понимается как исторический процесс развития механизма городского устройства, который заключается в росте городов, увеличении доли городского населения и расширенном воспроизводстве городского образа жизни [1, с. 55]. Однако сегодня понимание этого процесса лишь как изменения доли городского населения относительно сельского и распространение городского образа жизни не может быть признано удовлетворительным. Процесс этот много сложнее, глубже по своей социальной сути и носит многоаспектный характер по перспективам развития в глобальном масштабе.

Современные глобальные города – это центры национальной и мировой жизни; места концентрации и интеграции производства, финансов и управления. Сущностью этого феномена является территориальная концентрация глобального контроля над социальными процессами и жизнью целых регионов. Это достигается не путём концентрации какого-либо вида ресурсов, а путём интеграции, взаимоперехода ресурсов всех видов, появления особого системного качества – способности к глобальному контролю. Это качество возникает не только в результате концентрации экономического, демографического и политического потенциала, но, главным образом, в результате процесса одновременной реализации таких феноменов, как концентрация финансов и контроль над финансовыми потоками; организация мировой экономической жизни, главным образом через создание новых организационно-управленческих технологий; создание новых видов услуг: консультативных, информационных, маркетинговых, финансовых; сосредоточение всех видов инноваций, новых технологий и организационно-управленческих систем. Основной «товар» глобального города – посреднические услуги всех видов и в глобальном масштабе [2, с. 134]. Но самым главным результатом современного урбанизационного процесса становится формирование урбано-индустриального гражданско-правового общества и государства, а в целом современной урбанистической цивилизации.

Безусловно, рост городов и урбанизация находятся в тесной взаимосвязи. Урбогенез играет роль основополагающей структурообразующей части процесса урба-

низации. Он становится необходимым фактором развития общества. Однако количественный рост городов был и остается лишь предпосылкой качественных изменений в характере городских поселений. В англо-американской литературе уже в 50-е гг. XX в. урбанизация (как процесс и состояние) прежде всего связывалась с человеком, его социопсихологическим состоянием, образом жизни, изменением социальных контактов, видов деятельности. В таких определениях урбанизация трактуется как процесс «постепенного перехода от сельского к городскому социопсихологическому состоянию, от немногих постоянных первичных социальных контактов ко многим непостоянным вторичным контактам» [3, с. 24].

Следует отметить, что в Европе в эпоху Нового времени градостроительство стало формой выражения новой социальности, зародившейся именно в это время, а потому город здесь демонстрирует переход на новый уровень развития общества. Поэтому и урбанизация может быть интерпретирована как сложное понятие, которое включает несколько составляющих. Характерными чертами урбанизации сегодня становятся повышенная степень экономической и социальной мобильности населения, обезличенный характер человеческих взаимоотношений, т.е. анонимность, подвижность, прагматизм, постоянно усиливающий функционализм и профессионализм.

Происходит формирование новой социокультурной системы, противоположной традиционной малой общине. Во-первых, родственные связи, межличностные отношения в целом, характерные для традиционной социальной организации, заменяются формальными, отчужденными отношениями, дающими индивиду новую степень свободы. Во-вторых, размеры, плотность и разнородность городского населения обеспечивают основу для сложного современного разделения труда. В-третьих, город становится средоточием современных политических, образовательных, культурных институтов и т.д. Как отмечается во многих исследованиях, такой урбанизм охватил и покорила не только крупные и большие города, но малые городки, изолированные поселения и деревушки. Другими словами, сближение условий жизни в городе и деревне, внедрение в сельские районы элементов городской жизни и городских систем, услуг привело к разрастанию урбанизма, укреплению его воздействия и конкретных проявлений на всей территории высокоразвитых стран [4, с. 186]. Урбанизация приводит к принципиальным изменениям в структуре занятости, в образе жизни, в характере социальных отношений.

Если рассматривать данный вопрос во временном разрезе, то следует отметить, что в разные времена урбанизация одного типа может резко отличаться по внешнему виду от урбанизации другого типа. Исторически процесс урбанизации имел несколько стадий и различных по своему социальному содержанию форм. Как отмечает Э. Гидденс, «несмотря на то, что фактически везде города играли ключевую роль в процессе становления крупномасштабных обществ, город в классово разделенных обществах не равносителен городу современной эпохи... Поскольку современный урбанизм представляет собой новый тип организации пространства и времени, постольку он отличается от урбанизма традиционного, а его корни соседствуют с корнями капиталистического индустриального общества» [5, с. 245].

Понятие урбанизационного процесса включает возникновение и формирование новой поселенческой структуры, опирающейся на новую, индустриальную, основу. Однако не этот критерий является основополагающим. Под «урбанизацией» в пер-

ую очередь понимают возникновение и развитие новых социально-экономических, политических, идеологических, психологических взаимосвязей. В городах получают оформление различные социальные институты – право, государство, религия, культура и другие. Кроме того, в рассматриваемое понятие входит и формирование городского человека, члена новой городской общины, выполняющего ряд новых, по сравнению с сельской, функций, вырабатывающего новую ментальность. В городских условиях формируются новые типы взаимоотношений между людьми, теряющие личностный характер. Отношения становятся безличными: соседскими, правовыми, экономическими, социально-неравноправными, религиозно-идеологическими, административно-управленческими и др. [6].

Урбанизационный процесс, таким образом, можно понимать как проявление определенного этапа социопространственной организации общества, основными признаками которого выступают: преобладание центристской тенденции в размещении производства и расселения людей, что приводит к концентрации экономической и социальной жизни в крупных городах; нарастающая замена природных компонентов среды обитания техногенными, «второй природой»; гетерогенность среды, где сосуществуют различные этнические, религиозные, статусные группы; особые формы взаимодействий, мультикультурализм и т.д.

Итак, урбанизация как цивилизационный процесс, характеризуется не только как перемена места жительства людей, но и как глубокие изменения во всех без исключения сторонах жизни человека и общества в целом. Урбанизация активно воздействует на все социальное пространство, преобразованию подвергаются и материальные субстраты географического пространства. Преобразуется также духовная сфера общества. Идеи и сложившиеся в городе формы общения, взаимодействия людей оказывают глубинное влияние на все общество. Таким образом, урбанизация выступает как продукт сложных преобразований, преобразований, «выводящих за рамки» определенного типа обществ на исторически новый уровень функционирования. Этот уровень, предполагающий новые принципы и формы организации жизнедеятельности нового урбанизированного общества, характеризует принципиально новое состояние цивилизации [6].

Следует также подчеркнуть, что в основе изучения урбанизационных процессов лежат процессы городские. Город выступает «измерительной конструктой» в изучении, объяснении, понимании почти всех сфер жизнедеятельности общества. Город связан с общей динамикой урбанизационного процесса, и его развитие определяется местоположением в глобализированной среде, отношением к новым технологиям. Вместе с тем, все более четко выделяется задача раскрытия социокультурного единства города и процессов урбанизации как феноменов, имеющих единую субстанциональную сущность и историческую обусловленность, и как явлений, находящихся не только в сложной связи и глубокой взаимозависимости, но и не существующих раздельно в своем реальном бытии. Город создает внутри и вокруг себя особую урбанизационную среду, которая выступает в качестве определяющего компонента развития общества. Эта среда, возникающая в процессе урбанизации, становится основанием и одновременно условием развертывания урбанизационного процесса. Урбанизация является порождением города, а город, в свою очередь, предстает как исторически определенный феномен, воспроизводимый системой отношений этого конкретно-исторического общества [7, с. 19].

Город – сложный социокультурный организм, постоянно развивающийся и интегрирующий системы отношений представляемого им общества. Он выступает сложной социопрограммой, кодирующей и транслирующей смыслы и содержание урбанизированных форм жизни. Именно благодаря этому свойству город способен накапливать, сохранять и развивать системы отношений урбанизированного общества, сохранять и воспроизводить культурный потенциал цивилизации. Современные мегаполисы и города, быстро догоняющие их по инфраструктуре, вовлечены в иерархию глобального урбанизационного процесса, и городская жизнь во всем мире, по сути, имеет ту форму, которая в существенной степени определяется местоположением в ней [8, с. 134].

Решающим фактором в новых урбанизационных процессах является то, что городское пространство все больше дифференцируется в социальном отношении, одновременно становясь функционально взаимосвязанным. Аккумулируя культурный, экономический, производственный технологический, интеллектуальный потенциал общества, город организует структурно-содержательные поля всего общественного организма (в данном случае определенного общества как особой целостности). В этом плане город осуществляет системообразующие функции в воспроизводстве социокультурной целостности общества [9, с. 278].

В городе возникают и апробируются различные формы взаимодействия людей, вырабатываются правила поведения в частной и общественной жизни, возникают все более опосредованные взаимозависимости, складываются новые формы общения. В процессе урбанизации кристаллизуется городской образ жизни с особой структурой общения, спецификой развития личности, семейных отношений. Его признаки: мобильность, повышение роли социально-профессионального общения, преодоление «локального» типа культуры [10, с. 87]. Контрастность социокультурного пространства носит здесь такой же объективный характер, как и неоднородность природной среды. Она органически свойственна урбанизированному обществу.

Итак, ареной влияния урбанизационных процессов на организацию социального пространства является город как сложнейший организм особой синтетической природы и модель всех современных социальных процессов. В процессах урбанизации возникают новые формы институализации и идентификации общества в целом и отдельного человека в частности. Современные города связаны с важными проблемами, сложившимися на рубеже третьего тысячелетия. Они проистекают из пересечения основных макротенденций и их специфических пространственных форм. Город является узловым пунктом, центром, где эти макросоциальные тенденции осуществляются. Среди этих тенденций – глобализация социального пространства, повышение роли телекоммуникаций и сетевых технологий, усиление культурных и политических инноваций. Каждая из этих доминирующих сил; конфигурирующих современные экономико-политические и социокультурные процессы, имеет свою обусловленность, оказывая влияние на жизнь города. Выступая мощной исторически преобразующей силой, урбанизация приобретает в наши дни не только особую действенность в структурировании новых социокультурных, экономических, геополитических пространств, но и становится условием формирования новых структур, новых систем отношений.

Проведенный анализ исследуемых категорий делает правомерным вывод о том, что в своем развитии урбанизация реализуется как состояние и процесс, активно воздействующие на всё общество, выступающие в роли его преобразователя. Выступая мощной исторически преобразующей силой, урбанизация приобрета-

ет в наши дни не только особую действенность в структурировании новых социокультурных, экономических, геополитических пространств, но и становится условием формирования новых структур, новых систем отношений в сложном глобальном переходе в исторически новое состояние. А это значит, что сквозь призму урбанизации можно рассматривать комплекс наиболее значимых и универсальных тенденций жизнедеятельности общества: социальных, психологических, технических, экономических, коммуникационных, духовных и т.д., а, следовательно, – особенности протекания социальных процессов в современном мире.

Литература

1. Лопатенко, В.М. Урбанизация как глобальный процесс современности: специфика и формы / В.М. Лопатенко // Ломоносовские чтения 2004: сб. ст. / МГУ, ф-т социологии, 2004. – М., 2004. – С. 54-60.
2. Пирогов, С.В. Социология города. Конспект лекций / С.В. Пирогов. – Томск, 2003. – 211 с.
3. Красовский, К.К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ / К.К. Красовский. – Брест: Изд-во БрГУ, 2004. – 203 с.
4. Галич, З.Н. Особенности урбанизации на рубеже XX–XXI вв. Запад. Восток. Россия / З.Н. Галич // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э.В. Сайко [и др.]; под ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
5. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с. – С. 489.
6. Тыхеева, Ю.Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии) / Ю.Ц. Тыхеева // Московский гуманитарный университет [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.mosqu.ru/> – Дата доступа: 09.12.2007.
7. Сайко, Э.В. Урбанизация – явление и процесс исторического развития / Э.В. Сайко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э.В. Сайко [и др.]; под ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
8. Кагель, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кагель. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
9. Сайко, Э.В. Урбанизация – организующий фактор исторического развития / Э.В. Сайко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Э.В. Сайко [и др.]; под ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1999. – 285 с.
10. Вагин, В.В. Городская социология / В.В. Вагин. – М, 2000. – 169 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

О.Ф. Оришева

Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

На сегодняшний момент «глобализация» стала тем ключевым словом, употреблением которого практически невозможно избежать при попытках диагностировать состояние современных обществ. Действительно, это понятие прочно оккупировало дискурс, в первую очередь, социальных наук, в рамках которых оно играет роль универсальной рамки, позволяющей очертить общий контекст происходящих в ми-

Рассмотрим ситуацию более детально. Прежде всего, как отмечает крупнейший современный военный историк Мартин ван Кревельд, со времен Томаса Гоббса одной из важнейших функций государства было *ведение войн* против других политических объединений. «Если бы не потребности ведения войны, развитие бюрократической системы, налогообложения и даже системы социальных услуг в сфере образования, здравоохранения и т. п., вероятно, происходило бы гораздо медленнее» [3, с. 413]. Война не только значительно повлияла на формирование структуры и организации государства, но и на возникновение национального самосознания. Так, в Германии и Австрии «академический» национализм культурной элиты превращается в массовый стереотип именно в контексте захватнических войн Наполеона [4, с. 158].

Упадок «традиционной войны» вызван многими причинами, самой простой из которых является появление ядерного оружия. По мере того, как ядерные вооружения совершенствовались и получали новые «места прописки», становилось все более очевидным, что война с использованием такого оружия не имеет смысла, так как по шансам уцелеть в противостоянии победители приравниваются к побежденным: если сами вооруженные силы еще представляется возможным сохранить благодаря специальным защитным сооружениям, то обеспечить оборону демографических и промышленных объектов в данной ситуации практически нереально. Осознание этого факта привело к тому, что сдерживание стало одним из центральных приоритетов международной политики и военной стратегии.

Как следствие, военные операции, проводившиеся после 1945 года, стали гораздо более локальными и точечными. Ни одна держава «первого» или «второго мира» не проводила широкомасштабных действий на собственной территории, и в большинстве случаев международные конфликты затрагивали страны, не игравшие значительной роли на общемировой арене (Израиль и арабские страны, Иран и Ирак, Перу и Эквадор). Даже когда речь шла о более влиятельных государствах вроде Китая и Индии, война велась на периферии и не приближалась к столице [3, с. 427].

Важным симптомом отступления «большой войны» стало повсеместное сокращение общенациональных вооруженных сил. В годы Второй мировой войны такие государства как Япония, СССР, Германия и др. демонстрировали способность мобилизовать многомиллионные армии. Несмотря на то, что с тех пор население Земли как минимум утроилось, а международная обстановка (особенно в период противостояния СССР и США) была достаточно напряженной, численной регулярных войск неуклонно продолжает сокращаться [3, с. 423].

Таким образом, несмотря на то, что вторая половина XX-го и начало XXI-го вв. отмечены многочисленными военными конфликтами, можно утверждать, что война в классическом понимании (между двумя государствами или межгосударственными образованиями) практически отошла в прошлое. Сегодня вооруженные конфликты в большинстве случаев представляют собой партизанские войны, в которых друг другу противостоят не два государства, а государство и негосударственные формирования самой различной идеологической и политической направленности.

Перефразируя высказывание У. Эко, можно сказать, что современные войны являют собой своеобразную иллюстрацию к философии М. Фуко, в центре которой находится мысль о том, что в современном мире власть уже не является монолитной и четко локализованной. Напротив, она диффузна, многоглава, связана с постоянной эрозией старых и возникновением новых альянсов [5, с. 22]. В современ-

ных конфликтах сталкиваются уже не интересы двух и более суверенных государств, но интересы многочисленных инстанций власти, от военной промышленности до индустрии туризма.

Утрата государством *экономического суверенитета* исторически соотнесена с кризисом так называемого «государства всеобщего благосостояния», формирование которого принято связывать с появлением в 1880-х «модели Бисмарка», а закат приходится на 70-ые годы прошлого века. Расцвет «социального государства» во второй половине XX-го века объясняют целым рядом взаимосвязанных причин, прежде всего, предвоенным экономическим кризисом, обусловившим популярность социал-демократов и растущее влияние доктрины Дж. М. Кейнса. Что касается теоретиков левого толка, то они, как правило, драматически акцентируют «обескровленность мирового капитала» в результате разрушительной войны и рост самосознания трудящихся масс. Интересно объяснение уже неоднократно цитировавшегося выше М. ван Кревельда, который видит истоки данного феномена в инерционной активности не растратившего свою мощь национального государства: лишившись возможности расширять свои границы за счет территории соседей, государство направляет свои силы на решение внутренних проблем [3, с. 435].

Усиление государственного контроля над экономикой проявилось в активизировавшемся после войны процессе национализации крупных предприятий. Например, в 1940-1960 гг. собственностью британского государства стала угольная, газовая, сталелитейная промышленность, общественный транспорт и др. Еще более решительно проходила национализация во Франции, где помимо крупных отраслей промышленности был национализирован целый ряд фирм, обвиненных в коллаборационизме с немецким оккупационным режимом. Процесс национализации затронул такие страны, как Нидерланды, Италия, Австрия, скандинавские страны, Канада и даже США.

Получив доступ к огромным ресурсам, значительную их часть государство стало тратить на то, чтобы обеспечить своим гражданам определенные социальные блага. К концу 60-х гг. прошлого века, когда социальное государство достигает пика своего развития, жители Западной Европы, Канады и Новой Зеландии могли пользоваться преимуществами различных форм бесплатного образования, бесплатного или субсидируемого медицинского обслуживания, могли получить государственное жилье, страховку от безработицы, несчастных случаев и т. д. Развитие пенсионных программ привело к тому, что достижение «третьего возраста» во многих странах Запада стало рассматриваться как начало новой жизни, когда, освободившись от необходимости работать, человек получает возможность самореализации в приятном и разнообразном досуге. Даже в США, в стране, где сложилось устойчивое негативное отношение к различным проявлениям патернализма и всячески поощряется индивидуализм, в конце 1970-х гг. социальные расходы составляли самую большую статью бюджета [3, с. 444].

Упадок социального государства обусловил целый комплекс причин, однако даже его сторонники отчасти признают, что государство всеобщего благосостояния парадоксальным образом усугубляет проблемы, для решения которых оно создается. Ситуация в данном случае в чем-то аналогична ситуации перегруженности современных городов транспортом: чем лучше и многочисленней становятся дороги, тем больше спрос на автомобили. Сходным образом, применительно к области

социального обеспечения оказывается, что чем больше разнообразных льгот и форм помощи вводит государство, тем большим становится число людей, претендующих на их получение. Столкнувшись с многочисленными проблемами и, в частности, с феноменом стагнации, в конце 1970-х гг. государства радикально изменили свою экономическую политику: интенсивная национализация сменилась столь же интенсивной приватизацией и реприватизацией, происходит масштабное сворачивание социальных программ, отказ от регулирования рынка. Характерно, что в экономической теории кейнсианство уступило ведущие позиции направлениям, близким по установкам к «классической школе» и делающим ставку на свободную конкуренцию, частное предпринимательство и минимальное государственное вмешательство.

Переходя к вопросу о проблемах *культурного суверенитета*, хотелось бы сделать акцент не столько на зарождении космополитических форм идентичности, сколько на ослаблении уз солидарности, существовавших между гражданами национального государства поверх классовых различий. Во многих случаях формирование национального государства было связано с наличием неявного договора между массами и жаждащими обрести новые возможности элитами, которые рассчитывали на поддержку масс в обмен на предоставление определенных благ, причем не столько материальных, сколько статусных. Помимо всего прочего, национальность давала вполне ощутимые привилегии: гражданские права, возможности получения образования, социальные права, позволяющие обеспечить приемлемый образ жизни. Однако по мере того, как государство всеобщего благосостояния сдает свои позиции, данные привилегии становятся все менее ощутимыми. Как результат, граждане «все меньше образуют общность, способную к выражению коллективного суверенитета; они – простые подданные, носители прав и обязанностей в абстрактном пространстве, территориальные границы которого кажутся все менее определенными» [6, с. 49].

Можно отметить, что существующая тенденция к ослаблению национальных государств не противоречит усилению «территориального принципа» – процессу образования новых территориальных образований, активизировавшемуся после распада СССР и исчезновения Восточного блока, так как (если брать экономический аспект проблемы) субъекты глобального капитализма более чем заинтересованы в существовании слабых государств с дефектным суверенитетом и «пористыми» границами, способных эффективно осуществлять лишь функцию полицейского контроля [2].

Несмотря на обозначенные выше тенденции, слухи о гибели национального государства по-прежнему остаются «сильно преувеличенными». Можно привести множество контрпримеров, свидетельствующих о том, что положение дел не соответствует апокалипсическому видению теоретиков. Сегодня государства по-прежнему остаются основными субъектами мировой политики и единственным, пожалуй, действенным источником политической инициативы, однако именно эта уникальность государства как организации, обладающей способностью мобилизовать достаточно ресурсов для поддержания порядка, делает ситуацию драматичной, когда на мировой сцене главенствуют транснациональные силы. Фактически это означает, что «глобальная реальность» оказывается по ту сторону рациональных решений и действий.

Сложившееся положение ставит под вопрос одну из важнейших претензий социального познания, историческое возникновение которого во многом связано с желанием пытливого ума освоиться в экстремальном потоке изменений, осмыслить разрыв между прошлым и настоящим, размывание старых традиций и сословных границ. Как пишет по этому поводу Джерард Диленти, уже в своих истоках «социальная теория была в крайней степени озабочена поиском принципа интеграции,

который был бы в состоянии примирить противоречия модерна и наделить единством беспорядочный и фрагментарный мир» [7, с. 29]. Однако сверхсложность и парализующая непрозрачность современной ситуации ставит под сомнение способность теории подводить мозаичность социального мира под концептуальное единство. Сегодня, пожалуй, даже в большей степени, чем в беспокойную эпоху зарождения современных обществ, существует потребность в универсальных теориях, притом, что сама претензия на универсализм рассматривается современными исследователями как пережиток прошлого. Другими словами, теория, соответствующая требованиям своего времени, должна сочетать несочетаемое: «взгляд сверху» со здоровым номинализмом, стремление к всеохватности с иммунитетом против искушения натурализовать глобализацию, то есть представлять ее как объективную, независимую от интересов конкретных групп, историческую тенденцию. При всей сложности и даже невыполнимости этой задачи не решать ее, по всей видимости, нельзя, так как если очертания мира размыты, столь же размытой остается возможность рационального вмешательства в происходящее.

Литература

1. Малахов В. С. Глобальные компиляции / В. Малахов // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2004. – № 3. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=892&numid=18> – Дата доступа: 02.05.2009.
2. Бауман, З. Национальное государство – что дальше (фрагмент) / З. Бауман // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2002. – № 6. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=326&numid=7> – Дата доступа: 25.09.2008.
3. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
4. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит; пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и [др.] – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
5. Эко У. Осмысляя войну / У. Эко // Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 1998. – 94 с.
6. Тамир, Ю. Класс и нация / Ю. Тамир // Логос. – 2006 – № 2. – С. 40-56.
7. Delanty G. The Foundations of Social Theory: Origins and Foundations / G. Delanty // The Blackwell Companion to Social Theory / Ed. by B. S. Turner– Ox.: Blackwell Publishers, 2000. – P. 24-41.

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.В. Петелин

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

Человек живет во времени. Все его дела, поступки, свершения имеют конкретное временное положение. Сам подход к истории – это выделение определенных временных периодов: «древний мир», «средние века», «новое время», «новейший период». При этом последующий период предстает менее продолжительным, чем предыдущий. Ускорение времени – быстрота протекания социальных процессов, не дань модным концепциям, а реальность. Как пишет известный российский историк К.Гаджиев: «...по сути дела до начала XX столетия...социальное и историческое

время как бы пребывало в некоем застывшем, летаргическом состоянии», но далее, с разворачиванием технологической и промышленной революции, индустриализации и урбанизации, а затем и научно-технической революции второй половины XX «началось его беспрецедентное убыстриение» [1, с. 6-7].

Наибольшие трудности в изучении отечественной и всеобщей истории вызывает ее новейший – современный период [2, с. 201-211]. Проблема осложняется и тем, что осмысление «современности» весьма различно в сфере гуманитарного знания. Философы, социологи, культурологи делают акцент на том, что значимо для их науки и учебной дисциплины. Философское осмысление «современности» может предстать самым «глубоким», ибо философия всегда рассматривала мир под знаком вечности, и «современность», таким образом, не может быть отнесена к какой-либо конкретной эпохе. Бытие человека всегда современно. Но для историка прошлое есть прошлое, а античность была современностью только для тех, кто жил в ее эпоху, которая давно завершилась.

В истории современность еще ждет своего завершения. Ее горизонт открыт, но время осязаемо и поддается прочтению. Освальд Шпенглер писал о необходимости в «общей картине мировой истории рассматривать также и современность (выделено нами – Б.П.) – которая является таковой только для одного из бесконечного множества человеческих поколений...». По Шпенглеру – нужна «дистанция» между исследователем и историческим временем. В современности этого нет, или почти нет. Но и в этом случае следует освободить историю от личных предрассудков наблюдателя и избежать того, чтобы «подчинять ее моментальным общественным идеалам и интересам» [3, с. 156-157].

Проблемы познания современности кроются не только в ее неоднозначности и ускорении социальной истории, но и в отходе от самой истории. Замещение ее рядом других дисциплин, внеисторическая интерпретация используемых терминов и понятий, преимущественно политологических, нередко приводит к искажению реальных событий. При таком подходе, когда, например, российскую современность «укладывают» в заимствованные схемы и конструкции, исторические факты утрачивает свою значимость. Подчеркнем, что историческая наука не сводится только к исследованию конкретно-частных, индивидуально-кратных фактов и событий. Историк тот, кто за фактами видит глубинные смыслы и облекает их в связанное знание [4, с. 23].

В 1990-е гг., после введения политологии в качестве научной специальности и учебной дисциплины, политическая мысль в России преимущественно является отражением западных концепций, идет ли речь о «тоталитаризме», «цивилизации», «гражданском обществе», «правовом государстве», «модернизации» и т. д. Наиболее цитируемыми стали американские политологи и социологи З.Бжезинский, С.Хантингтон, Ф.Фукуяма, И.Валллерстайн и другие. Разумеется, сами по себе эти авторы, как и их идеи, заслуживают внимания и изучения, но для России кроме «вестернизации» они ничего не предложили, и предложить не могли.

Не потому ли возник вакуум в российской истории? Советский период практически полностью исключен из обращения. Разве что только тема Великой Отечественной войны еще присутствует в кино и литературе, но без конкретного объясне-

ния причин и источников Победы. Дискредитация началась еще во время перестройки. Вместо того, чтобы объективно проанализировать действительно нелегкий и противоречивый период, когда при всех его издержках, СССР был второй державой мира, его стали рассматривать исключительно через призму «тоталитаризма». Российских политологов не смущает то, что в исторической науке, как отечественной, так и зарубежной преобладает критическое отношение к концепции «тоталитаризма», используемой Западом в годы холодной войны как идеологическое средство в борьбе против СССР и стран восточного блока. Именно политологами была подхвачена эта «концепция» для утверждения тождественности между итальянским фашизмом, германским национал-социализмом и сталинизмом. Как точно подметил историк В.П. Любин: «Чем меньше знаешь о сущности этих режимов, тем легче проводить поверхностные параллели. Когда знания углубляются, начинаешь видеть и многие отличительные признаки» [5, с. 6].

Да, многие события в современной истории могут быть объяснены стремлением человека к свободе и демократии. Крах реального социализма в странах Восточной Европы действительно произошел в ходе «демократических революций». У них появились и другие названия: «бархатные», «переговорные», «цветные». Насколько серьезно следует воспринимать подобные дефиниции? То, что это были революции, – сомнений нет: произошла перемена строя. Коммунистические режимы и соответствующая им экономическая система были демонтированы [6, с. 16-17]. Но если до недавнего времени к революционерам традиционно относили левых, то в 80-е гг. XX в. в ряду «революционеров» оказались Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган. Для историков оказался приемлемым термин «неоконсервативная революция» [7, с. 189-192].

Одно из существенных отличий современной истории от предыдущих эпох в многослойности самих событий. Выявить причинно-следственные связи, роль и значимость внутренних и внешних факторов затруднительно, а в некоторых случаях просто невозможно. Приведем лишь один пример: события 11 сентября 2001 в США. Официальная версия известна – террористический акт. Политологи, призванные «обслуживать» власть, постарались, чтобы появилась новая вселенская угроза человечеству – «международный терроризм». Но есть и иные версии, причем весьма убедительные [8], однако погибших в Афганистане и Ираке уже не вернешь. Почему из политики исчезло определение «государственный терроризм»? Почему остались без правовых последствий для стран НАТО варварские бомбардировки Белграда в 1999 г.? Доказательств того, что это был «акт агрессии», собрано достаточно, но Совет Безопасности уклонился от принятия необходимого решения [9, с. 684]. Не потому ли, что уроки прошлого сознательно предаются забвению?

Политологические подходы упрощают исторический контекст. Например, политологи, как и историки, осознают современное положение России как «кризисное». Но если историки призывают не пренебрегать традициями, опираться на опыт прошлого, то политологи говорят о необходимости «духовного обновления», своего рода «революции сознания» [10, с. 373].

За два последних десятилетия общественное сознание претерпело радикальные перемены и требуется не новая «революционность» (это мы уже «проходи-

ли»), которая вряд ли выведет нас из кризиса, а проведение разумной, взвешенной политики. Нужен внятный диалог власти и народа. На каком «языке» происходит сегодня общение? По мнению Владислава Суркова, самыми популярными «футурологическими брендами» последних лет стали: «постиндустриальное общество», «конец истории», «плоский мир», «цивилизация третьей волны» и т. п., но главное – среди них нет ни одного российского происхождения. Что цитирует правящая элита: П. Столыпина, В. Леонтьева, П. Милукова, в основном тех, кто был свидетелем и участником распада Российской империи. Выбор говорит сам за себя. В посланиях Президента за весь период 2000-2008 г. цитировался только один прижизненный авторитет – Александр Солженицын [11, с. 39-40]. Да, личность известная, авторитетная, его наследие будет востребовано не только писателями, но разве он не имел отношения к разрушению СССР? Советский Союз был не только социалистическим государством, но и воплощением исторической России, на что не раз указывал сам Александр Исаевич.

Попытки привить заимствованные политические структуры вряд ли можно назвать удачными. Внедрение парламентской демократии шло без всякого учета российских особенностей. «Партийное строительство» по известному Манифесту от 17 октября 1905 г. показало, что российские граждане в большинстве своем не стремятся в политические партии. Вообще «народовластие» не может быть реализовано через многопартийность. Еще римский историк Тит Ливий написал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев Бога» [12].

В России, когда на всех уровнях состоялся переход к выборам по партийным спискам, мы наблюдаем фетишизацию партийной власти. Надеяться, что за этим последует консолидация народа, – явное заблуждение. Дело не только в том, что российское общество расколото, не структурировано, апатично, но и в том, что публичной политики в России практически нет, есть только ее имитация. Вот и приходится на занятиях по политологии обращаться за примерами к западным демократиям, где политика и государственные интересы чаще всего неразделимы, и, где за провалы и неудачи, за злоупотреблением властью и коррупцию несут ответственность конкретные лица. У нас, как отмечает В. Мартынов, «нынешняя властвующая элита не только не продемонстрировала массовому российскому обществу нравственных образцов, но даже и не предприняла попыток их предъявить. Наоборот, на высшем политическом уровне общество видит лишь обывательские и эгоистические модели мышления и поведения» [11, с. 32].

В современности есть еще одна проблема, изучение которой требует совместных усилий специалистов социально-политических, исторических, экономических наук, – это глобализация. Насколько этот процесс историчен, или он только данность современного политического развития? Среди историков нет единства в определении временных рамок данного явления. Некоторые относят его к началу Великих географических открытий, конкретно к открытию Колумбом Америки. Тем самым глобализация предстает неким общеисторическим процессом, а не явлением современности. По своей сути, глобализация есть передел имеющихся на сегодня пространств: естественных, природных, и искусственных, созданных человеком. Поэтому глобализация не могла начаться без создания информационного пространства, где она проявляется в наибольшей степени.

Известный российский историк А.И.Уткин представляет глобализацию как слияние национальных экономик в единую общемировую систему. С подобной точкой зрения согласны практически все отечественные и зарубежные авторы [13, с. 1-8]. Принципиальное расхождение состоит в том, отвечает ли глобализация интересам всего человечества, или она есть стремление лидеров мировой экономики сохранить и упрочить свое положение. Пока глобализация направлена не на выравнивание уровней развития между государствами. Эксперты считают, что глобализация уже привела к перераспределению природных ресурсов для нужд ведущих стран. В этом же направлении идет перекачка финансовых средств, интеллектуальных и прочих ресурсов из отставших стран. Не случайно глобализацию отождествляют с установлением «нового мирового порядка», о котором стали говорить после распада СССР и краха реального социализма.

Политологам привычно рассуждать о достижениях глобализации, о том, как она меняет мир к лучшему, как постепенно, но все-таки решаются глобальные проблемы. Позитивные результаты, конечно, есть. Человек располагает сегодня куда большими возможностями, чем пять или десять лет назад. Но не следует преувеличивать эти достижения. Во-первых, глобализация охватила пока не более 30 % стран мира. Во-вторых, «догоняющие» государства так и остались на своих позициях. Разрыв между мировыми лидерами и аутсайдерами только растет [14, с. 11]. Даже бывшие социалистические страны, став членами Европейского Союза, остались «периферией Европы». Иными словами, современный мир оказывается куда более противоречивым и нестабильным, чем ранее, когда существовала биполярная система.

Полагаем, что в изучении современности необходим прорыв в методологии. Это не означает, что следует отказаться от прежних методик. Мировой кризис сделал вновь актуальным обращение к марксизму [15, с. 3-16]. Современный мир – это мир капитализма, несмотря на все его отличия от капитализма XIX века – времени Маркса. В советской историографии «новая эра» начиналась с 1917 г., то есть с революционного выхода из капиталистической системы. При всей идеологизации данного утверждения, что, несомненно, присутствовало в нем изначально, стоит ли соглашаться с тем, что эта «эра» завершилась? А как быть с «левым поворотом» в Латинской Америке? И разве начавшийся кризис не является системным?

Если прошлое изменить нельзя, даже переписав его, то современность не «конец истории», она создается на наших глазах. И в ней всегда есть возможность выбора. Проблема лишь в том, кто и как будет определять этот выбор. У России еще есть возможности, чтобы не оказаться окончательно вне глобального процесса, направленность и содержание которого даже в условиях многополярного мира будет определяться главными лидерами.

Литература

1. Гаджиев К.С. Этюды о тоске человека по вечности // Вопросы философии. – 2009. – № 3.

2. Петелин Б.В. Современная история и политика: границы допустимого и пределы возможного? // Историческая наука в контексте социогуманитарного знания: традиции и современные подходы: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (1- 2 марта 2007 г.): в 2 ч. – Череповец, 2007. –Ч. 1.

3. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск, 1993.
4. См.: Садыков М.Б. Философия истории: современные подходы // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Материалы международной научной конференции. – Казань, 2007.
5. Любин В.П. Преодоление прошлого: споры о тоталитаризме. – М., 2005.
6. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. – М., 2007.
7. См.: Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. – М., 1996; Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М. 2008; Петелин Б.В. Консерваторы без консерватизма: какой поворот произошел в странах Запада в последней трети XX века // История идей и история общества. Материалы VI Всероссийской научной конференции. – Нижневартовск, 2007. – С. 189-192.
8. См., напр.: Кьеца Д. Зеро. – М., 2008.
9. Известный специалист по Балканам, д. и. н. Е.Гуськова пишет, что резолюция Совета Безопасности от 10 июня 1999 г., осудив лишь Союзную Республику Югославию, легализовала действия НАТО, стала «показателем деградации некогда сильной международной организации – ООН». Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). – М., 2001.
10. Кретов Б.И. Политология. М. 2007.
11. Мартьянов В.С. Продолжаем продолжать... // Свободная мысль. – 2009. – № 2. – С. 39-40.
12. Цит. по: Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда, 18 сентября 1990. Приложение.
13. Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубровский С.В. Информационное клонирование в процессах глобализации // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6.
14. Афанасьев М.В., Мясникова Л.А. Время глобализации//Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 10.
15. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мировой экономический кризис: природа и альтернативы будущего (марксистский анализ): Мировые кризисы XXI века: причины, природа, альтернативы преодоления (Россия в глобальном контексте). Материалы конференции 28-29 апреля 2009 г. – М., 2009. – С. 3-16.

GERECHTIGKEIT – GERECHTIGKEITSPSYCHOLOGIE – SOZIALE ARBEIT: NEUE PERSPEKTIVEN?

Alfred Plewa

Hochschule Ravensburg-Weingarten, Deutschland

1. JOHN RAWLS und sein Werk „Eine Theorie der Gerechtigkeit“.

1.1 Würdigung und Ruhm.

In Bezug auf Politik und praktische Philosophie hatte JOHN RAWLS` 1971 erschienenes Hauptwerk „Eine Theorie der Gerechtigkeit“ („A Theory of Justice“) sowohl eine enorme Breiten- als auch Tiefenwirkung. WOLFGANG KERSTING meint: „Wohl kein philosophisches Werk hat in diesem Jahrhundert (dem 20. Jahrhundert; A. P.) so schnell so große Aufmerksamkeit erregt und eine so intensive und weitgespannte

Diskussion ausgelöst wie dieses schwergewichtige Buch (...) [18, S. 7]. Darüberhinaus handle es sich um die „argumentativ dichteste und elaborierteste Theorie der politischen und sozioökonomischen Gerechtigkeit (...), die in der Geschichte der praktischen Philosophie bis heute entwickelt worden ist“ [18]. Und durchaus werde das Werk „seinen Platz neben Platons Politeia, Aristoteles' Politik, Hobbes' Leviathan, Lockes Abhandlungen über die Regierung, Rousseaus Gesellschaftsvertrag und Kants Werk Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre finden“ [18].

Es klingt fast unglaublich, wie geradezu elegisch „Eine Theorie der Gerechtigkeit“ von verschiedensten Seiten geruhmt wurde. ROBERT LEICHT nennt 2003, ein Jahr nach dem Tod RAWLS* in der ZEIT A Theory of Justice ein „epochales Werk“ und seinen Autor einen „eminenten amerikanischen Philosoph der Gerechtigkeit“ [22, S. 46]. Ebenfalls in der ZEIT behauptet RAINER FORST, mit seinem Buch habe RAWLS die politische Philosophie der letzten Jahrzehnte wie kein Zweiter geprägt (...) [10, S. 43]. Und WILFRIED HINSCH schreibt zum 80. Geburtstag des Harvard-Professors JOHN RAWLS von ihm als dem „vielleicht bedeutendsten Fursprecher der Gerechtigkeit“ [13]. „A Theory of Justice“ sei „zur paradigmatischen Gerechtigkeitstheorie unserer Zeit“ geworden, und mit ihr habe „eine Blütezeit der Ethik und Gerechtigkeitstheorie“ begonnen, mit geradezu „bahnbrechender“ und „programmatischer Bedeutung“ [13]. Aus Anlaß seines Todes im November 2002 würdigt HAUKE BRUNKHORST RAWLS als einen „der größten Anreger in der politischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts“, ja, „vielleicht“ sei er „der wichtigste Philosoph des 20. Jahrhunderts“; seine Theorie der Gerechtigkeit habe eine „wissenschaftliche Revolution“ ausgelöst [8, S. 39]. Schließlich sei noch einmal KERSTING zitiert, der die Theorie der Gerechtigkeit als „olympisches Werk“ preist [8].

1.2 Inhalt

Was hat diesen ungewöhnlichen Ruhm begründet? Zunächst ist RAWLS' Gerechtigkeitstheorie als „Vertragstheorie“ zu verstehen. Sie steht damit in einer Tradition der Gesellschaftsvertragslehren und -ideen u. a. von THOMAS HOBBS (1588-1679), JOHN LOCKE (1632-1704), JEAN-JAQUES ROUSSEAU (1712-1778) und IMMANUEL KANT (1724-1804). Idealerweise können freie und gleiche Menschen Kontrakte schließen, die allgemein zustimmungsfähig sind und normative Gültigkeit beanspruchen können. Dies kann als rationale und legitime Rechtfertigung für die Ordnung der Gesellschaft und politische Herrschaft angesehen werden. Mindestens drei aufeinander bezogene Elemente oder Stufen lassen sich in allen Vertragstheorien unterscheiden: a) die Definition eines Ausgangszustands, b) die Verfahren einer Konsensfindung und c) der Vertrag selbst und seine Folgen [18, S. 27]. Der Ausgangszustand besteht dabei stets aus einem Konflikt, der gemeinsam zu lösen ist*. Die Konflikte beziehen sich vor allem auf die Verteilung knapper Güter in der Gesellschaft, wie z. B. Einkommen, Wohnraum oder Arbeit. Wie kann nun eine Verteilung nach allgemein anerkannten Gerechtigkeitsgrundsätzen erfolgen? Damit ist die Frage nach der Verteilungsgerechtigkeit gestellt, und RAWLS' Theorie ist eine Theorie der Verteilungsgerechtigkeit!

---

* JOHN RAWLS (1921-2002).

* Interessant finde ich unübersehbare Parallelen in psychologischen Methoden der Konfliktlösung, so z.B. bei THOMAS GORDON oder in der Mediation.

Als seinen „Leitgedanken“ formuliert er, „daß sich die ursprüngliche Übereinkunft auf die Gerechtigkeitsgrundsätze für die gesellschaftliche Grundstruktur bezieht. Es sind diejenigen Grundsätze, die freie und vernünftige Menschen in ihrem eigenen Interesse in einer anfänglichen Situation der Gleichheit zur Bestimmung der Grundverhältnisse ihrer Verbindung annehmen wurden“ [32, S. 28]. Eine solche Betrachtungsweise der Gerechtigkeitsgrundsätze nennt RAWLS „Theorie der Gerechtigkeit als Faime?“ [32].

Kernstück dieser Theorie ist die Vorstellung einer Situation, die schon eine entwickelte Gesellschaft und auch voll entwickelte Vernunftwesen voraussetzt. Diese Situation wird „Urzustand“ genannt. In einer Art Gedankenexperiment sollen wir uns vorstellen, daß eine Gruppe von Menschen vor der Aufgabe stehen, „ein für allemal (zu) entscheiden, was nach ihnen als gerecht und ungerecht gelten soll. Die Entscheidung, die vernünftige Menschen in dieser theoretischen Situation der Freiheit und Gleichheit treffen würden, bestimmt die Grundsätze der Gerechtigkeit“ [32, S. 28]. Der Urzustand stellt also keine reale Situation dar, sondern wird als rein theoretisch gedacht. Wesentliche Eigenschaften dabei sind: Kein Mitglied kennt seine Stellung in der Gesellschaft, seine Schicht- oder Klassenzugehörigkeit, seinen Status, noch nicht einmal seine psychische oder somatische Ausstattung wie Intelligenz, Temperament oder Körperkraft. Ebenso wenig sind den Gruppenmitgliedern ihre Ideen oder Gedanken und Vorstellungen vom Guten bekannt und auch nicht ihre Einstellungen, Neigungen oder Interessen. „Die Grundsätze der Gerechtigkeit werden hinter einem Schleier des Nichtwissens festgelegt“ [32, S. 29; Hervorhebung A. P.]. Der Urzustand ist damit also eine faire Ausgangssituation, und die Menschen wurden hierin zwei wichtige Grundsätze wählen: 1. „die Gleichheit der Grundrechte und –pflichten“ und 2. „den Grundsatz, daß soziale und wirtschaftliche Ungleichheiten, etwa verschiedener Reichtum oder verschiedene Macht, nur dann gerecht sind, wenn sich aus ihnen Vorteile für jedermann ergeben, insbesondere für die schwachsten Mitglieder der Gesellschaft“ [32, S. 31 f.]. Dies sind für RAWLS die beiden Grundsätze der Gerechtigkeit, auf die sich die Menschen im Urzustand einigten wurden [32, S. 81].

Die Bedeutung der RAWLSschen Theorie ist auf knappem Raum leider nur unzureichend beschreibbar. HINSCH nennt Tiefenscharfe, Spannweite, die Einbeziehung einer Vielzahl anderer Disziplinen wie u. a. Moralpsychologie, Entscheidungs- und Spieltheorie sowie auch Finanzwissenschaft auf höchstem Niveau als Ursachen für ihre bahnbrechende Bedeutung. Ihre Aktualität zeigt HINSCH im Hinblick auf „vier Frontstellungen“: 1. „Gegen Neoliberalismus“. 2. „Gegen den wohlfahrtstheoretischen Utilitarismus“. 3. „Gegen die radikaldemokratische Überhöhung der Volkssouveränität zum obersten Prinzip politischer und sozialer Gerechtigkeit (etwa bei Habermas)“. Und 4. „gegen die fundamentalistischen Ansprüche umfassender philosophischer und religiöser Lehren“ [13].

2. Was heißt Gerechtigkeit?

2.1 Philosophische und theologische Sichtweise

Die Frage „Was heißt Gerechtigkeit?“ zu stellen kommt der „Pilatus-Frage“ gleich: „Was ist Wahrheit?“ (s. Joh 18, 38). Je nach Blickwinkel läßt sie sich unterschiedlich beantworten. RAWLS vergleicht interessanterweise Gerechtigkeit und Wahrheit: „Die Gerechtigkeit ist die erste Tugend sozialer Institutionen, so wie die Wahrheit bei Gedankensystemen“ [32, S.19].

Schon dieser Auffassung wurden Vertreter beispielsweise aus der Sicht des Radikalen Konstruktivismus oder auch der Systemtheorie nach NIKLAS LUHMANN sicher heftig widersprechen. Denn: „Der Konstruktivismus kann keine Ethik produzieren“ [11, S. 335]. Ferner: „Werte kann der Konstruktivismus nicht bestimmen. Das kann aber (...) keine rationale Wissenstheorie“ [11, S. 337]. Ähnlich wird systemtheoretisch argumentiert: „In der philosophischen Tradition ist unter Ethik zumeist das Geschäft der Begründung moralischer Urteile verstanden worden. (...) Luhmann dagegen definiert Ethik (...) als Reflexionstheorie der Moral. Aufgabe der Ethik ist demzufolge nicht mehr die Begründung, sondern die Reflexion der Moral“ [20, S. 181; 24]. Diesen Sichtweisen sollen nun, dem „aspektiven Denken“ von LUDWIG PONGRATZ folgend [6, S. VI], andere, traditionellere und aus verschiedenen Wissenschaften kommende an die Seite gestellt werden. Es wundert kaum, daß es Theologie, Philosophie und Rechtswissenschaft sind, die sich in der Vergangenheit mit der Gerechtigkeitsfrage besonders intensiv befasst haben.

In klarer und verständlicher Sprache geht JOSEF PIEPER in seinem Buch „Über die Gerechtigkeit“ der Frage nach, was wir unter Gerechtigkeit verstehen können. Als erstes bezieht er das Thema „Menschenrechte“ (vgl. hierzu den Artikel von HANS WALZ in diesem Reader) auf Gerechtigkeit. Menschenrechte und Gerechtigkeit stehen für PIEPER in unmittelbarer Zuordnung [29, S. 13]. Auffallend erscheint, daß PIEPER schon rasch, in Einklang übrigens mit RAWLS, Gerechtigkeit als Tugend auffaßt*. Er zitiert in diesem Zusammenhang THOMAS VON AQUIN: „Gerechtigkeit ist die Haltung (habitus), kraft deren einer standhaften und bestandigen Willens einem Jeden sein Recht zuerkennt“ [29, S.15). Haltungen oder Einstellungen sind auch zentraler Gegenstand der Sozialpsychologie, so daß spätestens an dieser Stelle starker auch psychologische Fragen und Forschungsergebnisse bedeutsam sind. Dies gilt ebenso und vielleicht noch eindeutiger für eine weitere Definition, einer nach PIEPER besonders glanzvollen: „Gerechtigkeit ist jene Ordnung der Seele, wodurch es geschieht, daß wir niemandes Knechte sind – es sei denn Gottes allein“ [THOMAS VON AQUIN, zit. n.:29, S. 17). „Ordnung der Seele“ – welche Wissenschaft sonst als die Psychologie fußt sich hier zuerst zuständig? Freilich wendet sich PIEPER nun keineswegs einer psychologischen Betrachtung zu, sondern halt mit THOMAS fest, daß der Gerechtigkeit das Recht vorausliege: „Offenbar ist das Recht Gegenstand der Gerechtigkeit“ [29, S. 20; genau so: 26). Gerade in Bezug auf das „suum cuique“ oder „Jedem das Seine“*, das in der o. g. ersten Begriffsbestimmung PIEPERs angesprochen wird, bedarf es nach dem Autor auch der Klugheit bei jeder Erörterung der Gerechtigkeit (psychologisch gesehen nicht nur der Intelligenz!). Und schließlich wird es eminent psychologisch, wenn PIEPER schreibt: „Von der Gerechtigkeit (...) kann sinnvoll und fruchtbar nur gesprochen werden, wenn man sie sieht im Zusammenhang der Lebenslehre insgesamt. Sie ist ein Zug im siebenfaltigen Bilde vom Menschen; der Teil wird nur innerhalb des Ganzen voll verständlich“ [29, S. 31]. Wem fiel hier nicht der berühmte Satz der Gestaltpsychologie ein, nach dem das Ganze mehr sei als die Summe seiner Teile und daß das Ganze den Charakter seiner Teile bestimme? [43, S. 48 ff.].

---

* Gerechtigkeit im Kontext der (klassischen) Tugendlehre diskutiert z. B. BOLLNOW 1958/

* In das schmiedeeisene Eingangstor des Konzentrationslagers Buchenwald fügten die Nationalsozialisten zynisch die Inschrift „JEDEM DAS SEINE“ ein. Die damit vorgenommene Pervertierung dieses Gerechtigkeitsgrundsatzes soll hier nur genannt, aber nicht näher erörtert werden.

Ein elementarer Bestandteil von Gerechtigkeit besteht auch darin, daß dem Anderen etwas geschuldet wird, nämlich das, was ihm zukommt, und hiermit, so PIEPER, treten die „ethischen Grundbegriffe“ der Pflicht oder des Sollens klar und deutlich auf [29, S. 38]. Nach KARL JASPERS gehören Menschenrechte und –pflichten zusammen: „Die Menschenrechte an sich dürfen nur unter der Voraussetzung in Anspruch genommen werden, daß die Menschenpflichten erfüllt werden“ [16, S. 344]. Empirisch-psychologisch von großem Interesse wird PIEPERs Darstellung dann, wenn er feststellt, gerechtes Tun lasse sich von unbeteiligten Dritten, also von außen, erkennen. Ohne hier den Begriff „Gerechtigkeitssinn“ zu gebrauchen, auf den noch näher eingegangen wird, ist doch ein solcher hier unverkennbar angesprochen.

Jedoch zurück zur Bestimmung von Gerechtigkeit als einer Tugend: Nach der „alten Lebenslehre“ komme das menschliche Wesen am reinsten dann zum Ausdruck, wenn der Mensch gerecht handelt und denkt. Unter Gerechtigkeit, Tapferkeit und Maß, den drei im engeren Sinn sittlichen Tugenden, gelte Gerechtigkeit als die höchste. Auch schon für PLATON zählt die Gerechtigkeit als oberste Tugend [7, S. 185], wobei auf die in der Philosophie umstrittene Frage nach einer Rangreihe der Tugenden hier nicht näher eingegangen werden soll. Uns begegnet jedoch erneut Psychologie, wenn in diesem Zusammenhang wieder THOMAS zitiert wird; nach ihm wohnt die Gerechtigkeit im vornehmeren Teil der Seele [29, S. 54]. Und weiter: Einzig Klugheit und Gerechtigkeit seien es, wodurch Menschen auf das Gute hingeeordnet werden; daher gehöre ihnen der Vorrang! [29, S. 57]. Umgekehrt wird die Ungerechtigkeit als im schlimmsten Ausmaß verderblich und böse bewertet [29, S. 59 f.]. Das ist traditionelles Denken des Abendlandes; LUHMANN wurde abschätzig (?) von „alteuropaischem Denken“ sprechen. Wann herrscht nach dieser alten abendlandischen Weisheitslehre Gerechtigkeit? Einige prägnante Antworten sollen hier nach PIEPER zitiert werden. THALES meint: „Wenn es im Volke weder übermäßig Reiche gibt noch übermäßig Arme, dann herrscht Gerechtigkeit.“ Nach SOLON „herrsche dann Gerechtigkeit, wenn ein Verbrecher von allen, denen er nicht geschadet, ebenso wenig angeklagt und verurteilt werde wie von einem, dem er etwas angetan habe.“ Und wieder THOMAS VON AQUIN: „in einem Gemeinwesen, im Staate, herrscht dann Gerechtigkeit, wenn die drei Grundverhältnisse des Gemeinlebens geordnet, richtig, in Ordnung sind: erstens die Beziehungen der Einzelnen zueinander (...), zweitens die Beziehungen des sozialen Ganzen zu den Einzelnen (...), drittens die Beziehungen der Einzelnen zum sozialen Ganzen“ [29, S. 62 f.]. Diesen „Grundverhältnissen“ entsprechen nach PIEPER die „drei Grundformen der Gerechtigkeit“: Tausch-Gerechtigkeit, Verteilungsgerechtigkeit und allgemeine, gesetzliche Gerechtigkeit.

OSWALD VON NELL-BREUNING verweist auf den Ursprung dieser Einteilung. Sie stamme aus der Scholastik und habe später übrigens in der (katholischen) Kirche dazu gedient, den Begriff „soziale Gerechtigkeit“ zu diskreditieren [28, S. 341]. Festzustellen ist auch, daß die heute im politischen Alltag häufig zitierte „soziale Gerechtigkeit“ eine eigene Kategorie bildet [26].

Wenn Vieles von dem von PIEPER Erörterten „anschlußfähig“ an die RAWLsche Gerechtigkeitstheorie erscheint, braucht dies nicht zu sehr zu verwundern, kann man doch mit gewissem Recht auf eine christlich-abendlandische Verwurzelung der

RAWLSschen Theorie hinweisen [8]. Gleichzeitig stellt sich allerdings die Frage nach der etwaigen Kulturrelativität von Gerechtigkeitsvorstellungen, also beispielsweise nach dem Gerechtigkeitsverständnis in China, Indien oder im Islam.

Bei Pieper findet sich noch eine auf RAWLS' Urzustand beziehbare Stelle, die einen glatten Widerspruch beinhaltet: „Durchschnittsmenschen“ könne man nicht zumuten, in einer „Ur-Abstimmung“ (!) Fragen nach z. B. höherem Lohn, Befreiung vom Wehrdienst, Steuersenkungen usw. „so zu beantworten, daß dabei das bonum commune (das Gemeinwohl) bedacht wird [29, S. 102]. PIEPER spricht hier von „Durchschnittsmenschen“ und kennt RAWLS' Modell vom „Urzustand“ mit dem „Schleier des Nichtwissens“ seiner Mitglieder noch nicht. Andererseits nähert sich PIEPER RAWLS, wenn er die Frage nach gerechter Zuteilung mit dem biblischen „Ansehen der Person“ verbindet und Dt 1,16 f. aus dem Alten Testament sowie Eph 6,9 aus dem Neuen Testament zitiert. Weil das Ansehen der Person im wortlichen wie im übertragenen Sinn bei gerechten Entscheidungen ausgeblendet werden muß, wird bekanntlich die Göttin Justitia manchmal blind, d. h. mit verbundenen Augen (sowie mit Schwert und Waage) dargestellt.

2.2 Rechtswissenschaftliche Perspektive

Was läßt sich aus der Sicht des Rechts zur Gerechtigkeit zusammentragen? HANS KELSEN legt 1953 in einer kleinen Schrift unter dem Titel „Was ist Gerechtigkeit?“ eine was bewundernswerte Klarheit und Verständlichkeit betrifft, durchaus mit JOSEF PIEPER konkurrenzfähige und vergleichbare Arbeit aus rechtswissenschaftlicher Sicht vor.

Der österreichische, 1940 in die USA emigrierte Verfassungs- und Völkerrechtler sowie Begründer der „Reinen Rechtslehre“ HANS KELSEN* genoß höchsten Ruf. Gerechtigkeit ist für ihn zuerst eine zwar mögliche, nicht aber unbedingt notwendige Eigenschaft jeder gesellschaftlichen Ordnung. Erst in zweiter Hinsicht handle es sich bei ihr um eine Tugend [17, S.11]. Sehnsucht nach Gerechtigkeit konnte man mit PLATON als Sehnsucht nach Glück gleichsetzen, denn PLATON behaupte, „nur der Gerechte sei glücklich, der Ungerechte aber unglücklich“ [17]. Auf individuelles Glück, meint KELSEN, könne letztendlich die Idee der Gerechtigkeit nicht gründen, sondern nur dort, wo es Interessenkonflikte gebe, bestehe das Bedürfnis nach Gerechtigkeit [17, S.15]. Solche Konflikte bestehen, wenn die Interessenbefriedigung einer Person auf Kosten einer anderen geschieht oder wenn es bei Wert-Gegensätzen unmöglich sei, beides zu verwirklichen. Bei Werturteilen stimmten viele Menschen überein, wenngleich alle diese Urteile subjektiv sind und sich daher auch widersprechen können. Übereinstimmung in Werturteilen beinhalte jedenfalls keinerlei Beweis für die Richtigkeit von Urteilen, also objektive Gültigkeit. Diese Überlegung ist auch für die Moralphysikologie wichtig. KELSEN hält damit fest, die Häufigkeit, in der Werturteile auftreten, sei niemals Kriterium für Gerechtigkeit, wie Häufigkeiten für Wirklichkeitseinschätzungen ja auch kein Kriterium für Wahrheit abgeben könnten [17, S. 21]. KELSEN bringt als Beispiel hierfür die Zustimmung zu Blutrache in bestimmten Gesellschaften.

Alle Gerechtigkeitstheorien lassen sich „leicht auf zwei Grundtypen reduzieren“: „einen metaphysischen-religiösen und einen rationalistischen oder, richtiger gesagt, einen pseudo-rationalistischen“ [17, S. 27]. Als klassischen Vertreter des erstgenannten

---

* HANS KELSEN (1881 – 1973).

Grundtyps nennt KELSEN PLATON: „Gerechtigkeit ist das Zentralproblem seiner gesamten Philosophie“ [17, S. 28]. KELSEN verweist auf PLATONS Ideenlehre, die Idee des absolut Guten und – darin eingeschlossen – die Idee der Gerechtigkeit. Schließlich bleibe aber in PLATONS Philosophie Gerechtigkeit ein Geheimnis, und KELSEN sieht darüberhinaus eine beachtliche Nähe zur Lehre JESU, nach der Gerechtigkeit durch den Glauben vermittelt wird, der durch Liebe wirke. [17, S. 29 ff.]. Den zweiten, (pseudo-)rationalistischen Grundtyp von Gerechtigkeitstheorien haben wir bereits bei PIEPER kennengelernt und zwar in der Formel „Jedem das Seine“ (s. o.). Während PIEPER die Formel als Grundprinzip anerkennt, verwirft KELSEN sie: „Diese Formel wurde von vielen hervorragenden Denkern, und besonders Rechtsphilosophen angenommen. Es ist leicht zu zeigen, daß sie völlig leer ist“ (a.a.O., 32). Für die Definition der Gerechtigkeit taue der Gedanke des „suum cuique“ nicht und erweise sich als vollkommen wertlos [40, S.284 f.]. PIEPER hatte noch darauf aufmerksam gemacht, daß nicht nur PLATON, ARISTOTELES, CICERO, AMBROSIUS und AUGUSTINUS, sondern vor allem das Römische Recht die Formel „Jedem das Seine“ zum abendländischen Allgemeingut gemacht habe [29, S. 14]. Welch unterschiedliche Bewertung! Beiläufig streift KELSEN in diesem Kontext auch das Vergeltungsprinzip: Gut für Gut, Böses für Böses oder Auge um Auge, Zahn um Zahn. Der Vergeltungsgrundsatz wurde wohl am häufigsten „als das Wesen der Gerechtigkeit dargestellt“ [17, S. 33]. Aber auch dieser Grundsatz erweise sich, so KELSEN, schon nach kurzer Prüfung als ungeeignet. KELSEN verwirft in seinen Ausführungen nach kurzer Diskussion genauso das Prinzip der Gleichheit, also die „Forderung, alle Menschen gleich zu behandeln“ [17, S. 34]. und das besondere Prinzip der „Gleichheit vor dem Gesetz“ [17]. Bei der berühmten „Goldenen Regel“ der Bibel handle es sich im übrigen um nichts anderes als einen Sonderfall des Gleichheitsgrundsatzes. Immerhin habe die Goldene Regel jedoch IMMANUEL KANT zur Formulierung seines Kategorischen Imperativs angeregt, der für ihn nicht nur das Hauptergebnis seiner Moralphilosophie, sondern zugleich „seine Losung des Problems der Gerechtigkeit“ sei [17, S. 41]. Aber auch in Bezug auf den Kategorischen Imperativ KANTS kommt KELSEN zu einem ernüchternden Befund. Untersuche man die Beispiele, mit denen KANT diesen erläutere, komme man zur Feststellung, „daß es durchwegs Vorschriften der traditionellen Moral und des positiven Rechts seiner Zeit sind.“ Und: „(...) nichts kann aus dieser leeren Formel abgeleitet werden“ [17, S. 42]. Das heißt also: „Suum cuique“, die Goldene Regel und auch KANTS Kategorischer Imperativ können bei näherem Nachdenken „zur Rechtfertigung jeder beliebigen Gesellschaftsordnung (...) dienen“ [17]. KELSEN äußert den Verdacht, daß möglicherweise gerade diese Dehnbarkeit und Beliebigkeit ihren Erfolg erklären; Gerechtigkeit lasse sich mit diesen Grundsätzen jedoch nicht hinreichend begründen.

Oben hatten wir erwähnt, daß auch KELSEN Gerechtigkeit als Tugend ansieht, wenn auch nur zweitrangig. Die Ethik ARISTOTELES' sei eine „Tugend-Ethik“, und in diesem seinem System von Tugenden komme der Gerechtigkeit der erste Platz zu. Sie sei die „Haupt-Tugend, die vollkommene Tugend“, sie setze auf das Mittlere zwischen Gewinn und Verlust [23, S. 156]. Eine kritische Prüfung KELSENS, ob sich über die Lehre ARISTOTELES' das Wesen der Gerechtigkeit bestimmen lasse, führt erneut zu einer klaren Verneinung.

Leider, führt KELSEN weiter aus, könne auch aus Naturrechtslehren keine widerspruchsfreie Theorie der Gerechtigkeit gewonnen werden, wie eine Sichtung der unterschiedlichen Auffassungen zeige. „Mit den auf einen Trugschluß gegründeten Methoden der Naturrechtslehre kann man eben alles und daher nichts beweisen“ [17, S. 48].

Als Resumee kommt HANS KELSEN zur Schlußfolgerung, absolute Gerechtigkeit sei ein „irrationales Ideal“, es sei vergebliche Muhe, „auf rationalem Wege eine absolut gültige Norm des gerechten Verhaltens zu finden“ [17, S.49]. Was nun könne man aus einer allein möglichen relativistischen Gerechtigkeitsphilosophie folgern? Habe diese überhaupt eine Moral? KELSEN bejaht diese Frage. „Das moralische Prinzip, das einer relativistischen Weltlehre zugrunde liegt oder aus ihr gefolgert werden kann, ist das Prinzip der Toleranz“, wobei es sich von selbst verstehe, daß sich daraus keinesfalls „ein Recht auf absolute Toleranz“ ergebe [17, S. 50]. Im übrigen sei Toleranz aber die „Seele der Wissenschaft“ [17]. Am Schluß seiner Untersuchung bekennt KELSEN: „ich weiß nicht und kann nicht sagen, was Gerechtigkeit ist, die absolute Gerechtigkeit, dieser schöne Traum der Menschheit. Ich muß mich mit einer relativen Gerechtigkeit begnügen und kann nur sagen, was Gerechtigkeit für mich ist“ [17]. Eine ernüchternde Feststellung!

Zu einem ähnlichen Ergebnis kann man m. E. beim Versuch einer breiter angelegten Sichtung der Literatur kommen [27; oder 40].

Ob KELSEN wohl bei einem Durchdenken des Werks von RAWLS, das er ja nicht kannte, bei seiner Auffassung geblieben wäre?

3. Gerechtigkeitssinn – Gerechtigkeitsgefühl – Gerechtigkeitsempfinden – Gerechtigkeitsdenken – Gerechtigkeitsvorstellungen – Gerechtigkeitspsychologie

Sowohl in der Alltagssprache als auch in Belletristik und wissenschaftlichen Texten finden sich häufig die in der Überschrift genannten Begriffe. Ihrer psychologischen Bedeutung bin ich mir erst durch die Lektüre von RAWLS voll bewusst geworden. Gerechtigkeitssinn wird von RAWLS definiert als „Fähigkeit, etwas als gerecht oder ungerecht zu beurteilen und dafür Gründe anzuführen“, verbunden mit einem „Bedürfnis, gemäß diesen Urteilen zu handeln“ und dies auch von anderen zu erwarten [32, S. 66]. Der Gerechtigkeitssinn entwickle sich bei jedem Menschen ab einem gewissen Alter bei „Vorliegen der nötigen geistigen Fähigkeiten unter normalen sozialen Bedingungen“ [32]. Die überragende Bedeutung, die RAWLS dem Gerechtigkeitssinn zumißt, kommt formal darin zum Ausdruck, daß „Eine Theorie der Gerechtigkeit“ ein komplettes Kapitel mit neun Unterkapiteln hierzu enthält. RAWLS erwähnt in seinem Buch zudem häufig den Terminus „Moralpsychologie“; in ihr sieht er Fragen des Gerechtigkeitssinns eingebettet. Die Begründung für die Bildung einer „Gerechtigkeitsgesinnung“ sieht RAWLS zur Hauptsache in zwei psychologischen Richtungen, einerseits in der Theorie des sozialen Lernens und SIGMUND FREUDs Psychoanalyse und andererseits in den Theorien JEAN PIAGETs und LAWRENCE KOHLBERGs. Die erste Strömung sieht er dabei eher vom Empirismus, die zweite dagegen aus rationalistischer Tradition abgeleitet [32, S. 498 ff.].

Der Gerechtigkeitssinn basiert nach RAWLS auf drei psychologischen „Gesetzen“:

1. Kinder lieben Eltern nur, wenn sie zuerst von ihren Eltern geliebt worden sind.
2. Auch gegenüber anderen Menschen werden Gefühle der Freundschaft und des Vertrauens entwickelt – unter der Voraussetzung, daß die Fähigkeit des Gemeinschaftsgefühls erworben ist sowie die Erfahrung, daß andere Menschen ihre Pflichten und Verpflichtungen einhalten.

3. Ist diese Erkenntnis gewonnen, dauerhafte gerechte Institutionen führten zu Vorteilen gegenüber mir selbst und denjenigen, die ich mag, fordert dies die Motivation für den Gerechtigkeitssinn [32, S. 504 ff.].

Der Gerechtigkeitssinn äußert sich in der „Anerkennung der gerechten Institutionen“ und „führt zu der Bereitschaft, an der Errichtung gerechter Institutionen mitzuwirken (...), ebenso an der Veränderung der bestehenden, wenn es die Gerechtigkeit fordert“ [32, S. 515].

Wie schon erwähnt, wird formal die enorme Bedeutung des Gerechtigkeitssinns im Umfang von RAWLS' Diskussion ersichtlich. Inhaltlich nun geht RAWLS so weit, zu behaupten: „wer keinen Gerechtigkeitssinn hat, dem fehlen bestimmte grundlegende Einstellungen und Fähigkeiten, die man unter dem Begriff Menschlichkeit zusammenfaßt“ [32, S. 531].

Wenn von Gerechtigkeitssinn und seinen Synonymen oder verwandten Begriffen die Rede ist, wird nahezu zwangsläufig zugleich von Psychologie gesprochen. Natürlich gibt es kein Sinnesorgan für den Gerechtigkeitssinn, so wie für unsere optische Wahrnehmung die Augen, für das Hören unsere Ohren usw. „Sinne“ implizieren freilich nicht von vornherein entsprechende Organe. Das Wort „Sinn“ bedeutet etymologisch „Fähigkeit, Reize zu empfinden, Denken, Gedanken, Gesinnung, Gemut, Verstand, geistiger Inhalt“ [30, S. 1636]. Immerhin jedoch scheint eine bestimmte Hirnregion, der ventromediale präfrontale Cortex, Vermittlungen zwischen Gefühlen und rationalen, z. B. moralischen Entscheidungen zu übernehmen [36].

Psychologisch ist aber viel mehr angesprochen. Es geht nicht nur um Gefühle und Entscheidungen, sondern auch um Entwicklungsprozesse, speziell Bindung, um Meinungen und Einstellungen, Lernen, Motivation, soziales Verhalten und Persönlichkeitsfaktoren. Allerdings dürfte kognitiven Vorgängen wie Bewertungen, Einschätzungen, Einstufungen und Urteilen eine besonders wichtige Rolle zukommen.

Trotz der klaren und engen Bezüge von Gerechtigkeit und Psychologie (ohne Gerechtigkeitssinn = keine Gerechtigkeit!) wurde in der akademischen Wissenschaft vom Erleben und Verhalten, wie sich die Psychologie selbst definiert, diese bedeutsame Thematik lange Zeit vernachlässigt, wenn nicht übersehen oder übergangen. So sucht man in älteren Psychologischen Lexika zumeist vergeblich nach Gerechtigkeitsbegriffen. Um einen Beleg dafür zu geben: Sowohl bei DORSCH (1976) als auch bei ARNOLD et al. (1976) steht für Gerechtigkeit zwischen den Stichworten „Gerausch“ und „Geriatric“ nichts. Anders verhält es sich beispielsweise im 2001 unter der Projektleitung von GERD WENNINGER herausgegebenen Lexikon der Psychologie. Leser/innen finden nun zwischen „Gerausch“ und „Gerotherapie“ Erläuterungen zu „Gerechtigkeit“, „Gerechtigkeitstheorien“, „Gerechtigkeitsmotivation“, „Gerechtigkeitsmotivtheorie“, „Gerechtigkeitsüberzeugungen“ und „Gerechtigkeitsvorstellungen“. Und: Findet man das Stichwort „Gerechtigkeit“ noch nicht einmal auf 2060 Seiten im renommierten Band 7 „Sozialpsychologie“ [12]. des zwölfbändigen Handbuchs der Psychologie, wird die Thematik wie selbstverständlich sogar im Taschenbuch „Sozialpsychologie“ von BIERBRAUER (1996), erst recht natürlich in amerikanischen Lehrbüchern, behandelt.

Seit jeher und häufig werden (psychologische) Gerechtigkeitsbegriffe dagegen in der Alltagssprache und in der belletristischen Literatur verwendet.

Aus ganz unterschiedlichen Quellen und thematischen Zusammenhängen sollen hierfür drei weitere, kurze, aber wohl typische Belege zitiert werden:

1. In der ZEIT vom 3.1.2008 heißt es im Leitartikel von BERND ULRICH: „Es zeugt also gewiss vom ausgeprägten Gerechtigkeitsgefühl der Deutschen, dass sie, laut Umfragen in ihrer ganz großen Mehrheit für kostenlose Schulspeisung und Mindestlöhne sind.“

2. In der „Schwabischen Zeitung“ vom 18.2.2008 findet man einen Artikel über die Suche nach Schoffen in Baden-Württemberg. Landesjustizminister ULRICH GOLL wird zitiert: „Es ist uns bisher immer gelungen, für dieses wichtige Amt Frauen und Männer zu gewinnen, die sich durch soziales Verständnis, Menschenkenntnis, Gerechtigkeitsinn und Urteilsvermögen auszeichnen und sich ihrer Aufgabe mit Begeisterung widmen.“

3. Im SPIEGEL 36/2008 wird in einem Interview der SPD-Fraktionsvorsitzende PETER STRUCK mit einer Umfrage konfrontiert und antwortet darauf: „Richtig ist, dass die Menschen das Gefühl haben, in der globalisierten Welt ginge es nicht gerecht zu.“ (Alle Hervorhebungen von mir.)

Man kann kommentieren, daß Gerechtigkeitsbegriffe im Alltag relativ häufig verwendet werden, oft im Kontext weiterer psychologischer Worte und Inhalte (s. GOLL, a.a.O.) Die Bedeutung bzw. Alltagsbedeutung von Gerechtigkeit und Gerechtigkeitskonzepten wird damit unterstrichen.

4. Psychologie und Soziale Arbeit in ihrem Verhältnis zu Gerechtigkeit

4.1 Gerechtigkeitspsychologie.

Bis in die 1980er Jahre war von einer „Gerechtigkeitspsychologie“ im deutschsprachigen Raum kaum etwas bekannt, und auch heute noch durften Viele, selbst Fachleute, wenn überhaupt, nur geringe Kenntnisse hiervon haben. Weithin bekannt hingegen, sozusagen Allgemeinut des durchschnittlichen psychologischen Wissensbestandes, waren und sind die auch schon von RAWLS erwähnten Untersuchungen von PIAGET und KOHLBERG zu Fragen der Moralentwicklung. Der Begriff „Moralpsychologie“, den RAWLS wie selbstverständlich gebraucht, wurde in der Psychologie aber eher nur selten verwendet.

Gerechtigkeitspsychologische Forschung und Theoriebildung gibt es allerdings auch erst seit den 1970er Jahren [34]. Sie kam in den USA auf und gelangte erst mit einer zeitlichen Verzögerung in den deutschsprachigen Raum. Diesen Entwicklungsprozeß teilt sie mit demjenigen anderer psychologischer Fortschritte, genannt seien beispielsweise Evolutionäre Psychologie, Gesundheitspsychologie oder Positive Psychologie. Aus der Sozialen Arbeit seien analog hierzu die Selbsthilfebewegung und die Social-Support-Forschung genannt. Die entscheidenden Anstöße kamen jeweils aus den USA, und es dauerte oft zehn oder mehr Jahre bis zur internationalen Verbreitung.

Auch wenn eine Gerechtigkeitspsychologie (psychology of justice) erst seit 35 bis 40 Jahren existiert, hat sie laut SCHMITT „inzwischen ein hohes Niveau erreicht, eine beachtliche thematische Breite entwickelt, interessante und aufschlussreiche Erkenntnisse gewonnen, aber auch viele neue Fragen aufgeworfen“ [34, S. 1]. Erstaunlich rasch verlief die Entwicklung dieses neuen Zweiges der Psychologie. Unmöglich kann hier auf gerechtigkeitspsychologische Forschungsergebnisse oder Theorien näher eingegangen werden. Die vorliegende Stoff-Fülle mag deutlich werden, wenn SCHMITT in seinem konzentriert verfassten Abriß fünf gerechtigkeitspsychologische Themenbereiche nennt:

1. Die Bedeutung von Gerechtigkeit als Wert und Leitmotiv menschlichen Handelns.
2. Kriterien der distributiven und prozeduralen Gerechtigkeit sowie die praktische Umsetzung dieser Prinzipien.
3. Empirisch-wissenschaftliche Forschungsstrategien der Gerechtigkeitspsychologie.

4. Gerechtigkeitskonstrukte, die von einer Annahme individueller Unterschiede in Gerechtigkeitsorientierungen ausgehen.

5. Konzepte, Theorien und Forschungsbefunde der Gerechtigkeitspsychologie für anwendungspraktische Problemstellungen zum Beispiel im Berufsleben und in der Familie [34].

Neben einer reichhaltigen gerechtigkeitspsychologischen Fachliteratur existiert auch schon eine Reihe von Testverfahren zur Messung von subjektiven Gerechtigkeitsurteilen. Ferner gibt es mittlerweile auch in Deutschland Universitäten mit einschlägigen Forschungsschwerpunkten zur Gerechtigkeitspsychologie, so in Jena, Konstanz, Landau und Trier. Interessenten finden im Internet komplette Diplom- und Lizentiatsarbeiten über Themen zur angewandten Gerechtigkeitspsychologie [3, S. 4]. und eine kaum überschaubare Vielzahl weiterer Informationen.

4.2 Soziale Arbeit

Man möge Studierende der Sozialen Arbeit, aber auch ausgebildete Sozialarbeiter/innen und Sozialpädagoginnen nach dem Proprium ihrer Profession fragen. Die Antwortversuche durften sehr häufig große Verlegenheit widerspiegeln. Die Gründe mögen hierfür u. a. im weiten Gegenstandsbereich der Sozialen Arbeit, im unbefriedigenden Stand der Etablierung einer Sozialarbeitswissenschaft, in der Vielfalt der Gegenstandserklärungen Sozialer Arbeit und in ihrer verschlungenen und unzureichend aufgearbeiteten Geschichte liegen [19]. Soziale Arbeit wird in der Literatur beklagt als „bescheidene Profession“, ihre „Eigenschaftslosigkeit“ oder „diffuse Allzuständigkeit“ [38, S. 3]. Diese betrublichen Aussagen sind freilich nicht neu. EBERHARD BECK beschreibt schon vor über 20 Jahren das Berufsfeld als „ebenso ausgedehnte wie wildgegliederte berufliche Großlandschaft, in der sich eine wahre Unzahl von unterschiedlichen und oft weit auseinanderliegenden Teilfeldern ausmachen läßt“ [2, S. 6; 39, S. 313 ff.]. Die Anzahl der beruflichen Teilfelder schätzt BECK auf 50 bis 200! Fast ebenso „disparat wie das Berufsfeld seien die Fachkenntnisse in Studiengängen der Sozialen Arbeit [2]. Obwohl sich seine Behauptungen noch auf das alte Diplomstudium beziehen, hat die überhastete Einführung der zweistufigen Bachelor- und Masterstudiengänge nach dem Bologna-Prozeß leider zu keiner Verbesserung geführt; im Gegenteil.

PETER LUSSI bezeichnet Sozialarbeit in gleicher Diktion als schlecht identifizierten Beruf: „überall wo sich Sozialarbeiter treffen oder wo über Sozialarbeit geschrieben wird, kommt auf die eine oder andere Art die Identitätsproblematik des Berufes zur Sprache. Ja, es gehört schon fast zur beruflichen Identität des Sozialarbeiters, ein Identitätsproblem zu haben ...“ [25, S. 23].

Kann die Klärung des Verhältnisses zwischen Sozialer Arbeit und der Gerechtigkeitsthematik in diesem Zusammenhang hilfreich sein? Interessant erscheint, daß bereits frühe Ansätze der „Fürsorgewissenschaft“ Rückgriffe auf Gerechtigkeitskonzepte genommen haben. WILHELM KLUSCHE et al. nennen: CHRISTIAN J. KLUMKER (1868-1942), HANS SCHERPNER (1898-1959), ILSE ARLT (1876-1959) und ALICE SALOMON (1872-1948). „Normativer Kristallisationspunkt ist (bei ihnen; A. P.) die Frage nach sozialer Gerechtigkeit und Solidarität mit den ‚Schwachen‘“ [19].

MARK SCHRODTER beantwortet in einem bemerkenswerten Aufsatz die Frage nach dem Proprium mit der These, „dass für die Soziale Arbeit als Profession die Herstellung von sozialer Gerechtigkeit konstitutiv ist. Soziale Arbeit gibt Bedürftigen das, was ihnen zukommt“ [38, S. 24]. Wie kommt er zu seiner These? Die Integrations- und/oder die Kontrollfunktion, die den „doppelten Charakter von Sozialer Arbeit“ abbilden, können nach ihm nicht das Proprium bestimmen. Als ebenso wenig tauglich sieht SCHRODTER den Versuch an, über die gesellschaftliche Funktion zu einer Antwort zu kommen. Er fragt stattdessen nach dem „Zentralwert der Sozialen Arbeit“ und führt aus, ihr

gesellschaftlicher Auftrag liege klar und deutlich in der Herstellung von sozialer Gerechtigkeit. „Soziale Arbeit tut alles, was der Herstellung von sozialer Gerechtigkeit dient“ [38, S. 8]. Soziale Arbeit ist eine Gerechtigkeitsprofession.

Literatura

1. Arnold W. Eysenck, H. J., Meili, R. (Hrsg.), Lexikon der Psychologie, Verlag Herder, Freiburg i. Br. 1976.
2. Beck E. Studiengang Sozialpädagogik – Quadratur des Kreises? In: Frankfurter Fachhochschulzeitung, 1988 (31).
3. Bennecke J. Wozu fair kündigen? Der Einfluss prozeduraler und interaktionaler Gerechtigkeitswahrnehmung während des Personalentlassungsprozesses auf die Bewältigung des Arbeitsplatzverlustes. Im Internet veröffentlichte psychologische Diplomarbeit an der Universität Trier, 2004.
4. Biefer R. Ist das fair? Zum Einfluss von Verfahrens- und Interaktionaler Gerechtigkeit auf die Bewertung eines Ergebnisses. Im Internet veröffentlichte psychologische Lizentiatsarbeit an der Universität Zurich, 2004.
5. Bierbrauer G. Sozialpsychologie, Verlag W. Kohlhammer, Stuttgart, Berlin und Köln 1996.
6. Bittner G. (Hrsg.) Personale Psychologie. Festschrift für Ludwig J. Pongratz. Beiträge zur Geschichte, Theorie und Therapie. Verlag für Psychologie Dr. C. J. Hogrefe, Göttingen, Toronto und Zürich 1983.
7. Bollnow O.F. Wesen und Wandel der Tugenden, Verlag Ullstein, Frankfurt am Main und Berlin 1958.
8. Brunkhorst H. Gleich wie Geschwister, in: Ein Revolutionär der Gerechtigkeit. Zum Tod von John Rawls, einem der größten Anreger in der politischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. DIE ZEIT vom 28.11.2001.
9. Dorsch F. Psychologisches Wörterbuch, Verlag Hans Huber, Bern, Stuttgart und Wien, 9. vollst. neubearb. Aufl. 1976.
10. Forst R. Im Spiegel der Gerechtigkeit. Wie muss eine Gesellschaft organisiert sein, damit ihre Mitglieder fair miteinander umgehen? Über den amerikanischen Philosophen John Rawls, in: DIE ZEIT vom 8.5.2003.
11. Von Glasersfeld E. Radikaler Konstruktivismus. Ideen, Ergebnisse, Probleme, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main 1997.
12. Graumann C. F. (Hrsg) Handbuch der Psychologie, Bd. 7, Halbband 1: Theorie und Methoden; Halbband 2: Forschungsbereiche, Verlag für Psychologie, Dr. C. J. Hogrefe, Göttingen 1969.
13. Hinsch W. Gerechtigkeit. Was sonst? Zum 80. Geburtstag des Philosophen John Rawls, in: DIE ZEIT vom 23.3.2001.
14. Honneth A. Liberal und normativ, in: Ein Revolutionär der Gerechtigkeit. Zum Tod von John Rawls, einem der größten Anreger in der politischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. DIE ZEIT vom 28.11.2002.
15. Huber W. Gerechtigkeit und Recht, in: Schmidinger, Heinrich (Hrsg.), Gerechtigkeit heute. Anspruch und Wirklichkeit, Tyrolia Verlag, Innsbruck und Wien 2000.
16. Jaspers K. Hoffnung und Sorge. Schriften zur deutschen Politik 1945 – 1965, R. Piper Verlag, München 1965.
17. Kelsen H. Was ist Gerechtigkeit?, Philipp Reclam jun., Stuttgart 2003.
18. Kersting W. John Rawls zur Einführung, Junius Verlag, Hamburg 1993.
19. Klusche W. (Hrsg.) Ein Stück weitergedacht... Beiträge zur Theorie und Wissenschaftsentwicklung der Sozialen Arbeit, Lambertus-Verlag, Freiburg i. Br. 1999.

20. Kneer G., Nassehi A. Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme. Eine Einführung, Wilhelm Fink Verlag, Munchen, 3. Aufl. 1997.
21. Kung H. Würdigung von Helmut Schmidt zu seinem 90. Geburtstag, in: DIE ZEIT vom 17.12.2008.
22. Leicht R. Weil der Mensch vernünftig ist. Über das Urvertrauen in die liberale Gesellschaft und über den Krieg: „Das Recht der Völker“ von John Rawls, dem jungst verstorbenen amerikanischen Philosophen der Gerechtigkeit, in: DIE ZEIT vom 20.2.2003.
23. Liessmann, K. P. Vom Nutzen und Nachteil des Denkens für das Leben. Vorlesungen zur Einführung in die Philosophie 1, Universitätsverlag, Wien, 2. Aufl. 1998.
24. Luhmann, N., Pfortner, S. H. (Hrsg.) Theorietechnik und Moral, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main 1978.
25. Lussi P. Systemische Sozialarbeit. Praktisches Lehrbuch der Sozialberatung, Verlag Paul Haupt, Bern, Stuttgart und Wien, 2. Aufl. 1992.
26. Müller M., Halder, A. (Hrsg.) Herders kleines philosophisches Wörterbuch, Herder Verlag, Freiburg i. Br., 10. Aufl. 1967.
27. Naucke W. Rechtsphilosophische Grundbegriffe, Luchterhand Verlag, Neuwied, Krefeld und Berlin, 3. Aufl. 1996.
28. Von Nell-Breuning O. Gerechtigkeit und Freiheit. Grundzüge katholischer Soziallehre, Europaverlag, Wien, München und Zürich 1980.
29. Pieper J. Über die Gerechtigkeit, Kosel-Verlag, München, 3. durchges. Aufl. 1960.
30. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, 3 Bde., Akademie-Verlag, Berlin 1989.
31. Pogge T.W., Zauber des grünen Buchs, in: Ein Revolutionär der Gerechtigkeit. Zum Tod von John Rawls, einem der größten Anreger in der politischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. DIE ZEIT vom 28.11.2002.
32. Rawls J. Eine Theorie der Gerechtigkeit, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 10. Aufl. 1998.
33. Rousseau J.-J. Der Gesellschaftsvertrag oder Die Grundsätze des Staatsrechts, Philipp Reclam Jun., Stuttgart 1968.
34. Schmitt M. J. Abriß der Gerechtigkeitspsychologie. <http://www.uni-landau.de/schmittmanfred/forschung/gip/publikationen.html>.
35. Schwabische Zeitung vom 18.2.2008: Das Land sucht dringend 6100 Schoffen.
36. DER SPIEGEL (48/2007): Moralisch mude.
37. DER SPIEGEL (36/2008): „Eine stumme Partei ist eine dumme Partei.“ Der SPD-Fraktionsvorsitzende Peter Struck, 65, über die Probleme mit der Linken, das letzte Jahr in der Großen Koalition und den Beginn des Wahlkampfes.
38. Schrodter M. Soziale Arbeit als Gerechtigkeitsprofession. Zur Gewährleistung von Verwirklichungschancen, in: neue praxis, 2007 (1).
39. Staub-Bemasconi S. Autobiografie, in: Heitkamp, Hermann & Plewa, Alfred (Hrsg.), Soziale Arbeit in Selbstzeugnissen, Bd. 2, Lambertus-Verlag, Freiburg i. Br. 2002.
40. Stratenwerth, Gunter, Rechtsphilosophie, in: Diemer, Alwin & Frenzel, Ivo (Hrsg.), Philosophie. Fischer Verlag, Frankfurt am Main und Hamburg 1970.
41. Ulrich B. Links, weil's bequem ist. Für den Kurswechsel der deutschen Politik trägt Angela Merkel die Hauptverantwortung, in: DIE ZEIT vom 3.1.2008.
42. Wenninger G. (Red.), Lexikon der Psychologie in fünf Bänden, Spektrum Verlag, Heidelberg und Berlin 2001.
43. Zietz K. Einführung in die Allgemeine Psychologie, Verlag Waisenhaus-Buchdruckerei, Braunschweig, 5. Aufl. 1965.

КЛЕРИКАЛИЗМ В ИДЕОЛОГИИ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА БАВАРИИ В 1945-1949 гг.

И.Д. Попов

Вологодский государственный технический университет, г. Вологда, Россия

В условиях крушения национал-социализма в Германии представители умеренно-либерального и консервативного направлений, объединившиеся в Христианско-демократический союз (ХДС), действовавший в большинстве германских земель, и родственный ему Христианско-социальный союз (ХСС), замыкавшийся исключительно в земле Бавария, вынуждены были предлагать новые идеи, воплощая которые, возможно было преодолеть катастрофическую послевоенную разруху. Одной из таких идей ХДС/ХСС стала опора на христианские ценности в государственном строительстве. Именно за это данные партии получили от своих политических оппонентов клише «клерикальных», которое также было отчётливо выражено в советской историографии ХДС/ХСС [1].

Сам термин «клерикализм» почти во всех словарях расшифровывается как общественно-политическое течение, стремящееся к усилению или главенствующей роли церкви относительно всех сфер общества (Ефремова, Ожегов, БСЭ, БЭС, Современная Энциклопедия). Это понятие следует отличать от теократии, которая предполагает слияние церкви и государства. Не вызывает сомнений, что ХДС/ХСС всегда последовательно осуществляли демократические принципы в своей политике. Однако вопрос о том, в какой мере эти партии в момент своего зарождения являлись «христианскими», до сих пор вызывает немало противоречий. Данный аспект будет рассмотрен на примере становления ХСС в 1945-1949 гг.

Христианско-социальный союз, равно как и ХДС в других землях, начал формироваться на уровне местных организаций, не имея первоначально общеземельной партийной структуры. Уже в момент основания местных партийных ячеек, вопрос об отношении к религии не вызывал серьёзных расхождений. Практически все программы местных организаций отмечали национал-социализм как следствие забвения христианских ценностей, а в качестве единственно возможного выхода из сложившегося кризиса предлагалось возвращение к христианским ценностям.

Особое внимание уделялось молодёжи и семье. В деле воспитания молодого поколения все местные организации выступали за введение обязательного религиозного обучения, а в области церковно-государственных отношений – за поддержку христианской церкви со стороны государства: «обязанность государства – уважать и поддерживать служение, которое церковь оказывает народу» (Нюрнберг), «признанные религиозные сообщества, их учреждения и их служители, должны пользоваться защитой государства» (Регенсбург). А в программе ротенбургской организации даже содержался призыв к наказанию за антирелигиозную пропаганду: «мы требуем наказания за любое публичное умаление и поношение религии, её учреждений и служащих» [4, S. 434; 7, S. 67; ACSP, NL Arnold Wilhelm 2; BayHStA, NL Pfeiffer 41].

Эти требования довольно ярко свидетельствуют о клерикальном характере формировавшегося ХСС, поскольку напрямую были связаны со значительным усилением влияния церкви в общественной жизни. Вместе с тем, во всех программах одновременно был прописан принцип свободы вероисповедания и недопустимости введения государственной церкви. Таким образом, в идеологии ХСС церковь выступала всего лишь как один из основных субъектов влияния в государстве, а не организацией, определяющей государственную политику.

Эти идейные позиции нашли своё продолжение в программных документах земельной организации, которая была образована в январе 1946 г. В частности, в «Программе принципов» ХСС от 15 декабря 1946 г. также прописано, что ХСС «отвергает отделение церкви от государства, но и всякого рода государственную церковь» [2, S. 215]. Присутствует требование обязательности религиозного обучения в школе, следование христианскому нравственному закону, повышения роли религии «как держащей опоры любого культурного порядка» [2, S. 215]. Кроме того, программа насыщена всевозможными формулировками, которые определённо свидетельствуют не просто о христианских принципах в политике, а о конкретной направленности к верующим христианам: «человек призван к жизни по воле Божьей», «человек есть подобие Бога высокого достоинства», «человеческая свобода воли есть факт божественного порядка» [2, S. 215].

Своей ориентации на верующих христиан, которые рассматривались в качестве базового электората партии, политики ХСС никогда не скрывали. Мало того, именно эта категория населения должна была стать, по мнению союза, основным гражданским и партийным активом. «При всём том скепсисе, в котором по отношению к политике находится большая часть немецкого народа, – говорится в речи одного из активистов партии Августа Хаусляйтера, – только христиански настроенная часть немецкого народа обладает энергией и силой убеждения для того, чтобы с надеждой на успех быть способными противостоять силам хаоса» [ACSP, NL Hausleiter August 5].

Помимо этого, сами политики от ХСС находились под сильным влиянием церкви. В частности Ф. Шеффера, когда он ещё занимал должность премьер-министра Баварии и принимал определённое участие в учреждении ХСС, неоднократно обвиняли в том, что он находится под сильным влиянием кардинала Фаульхабера. В частности, Шеффер стремился провести в жизнь идею восстановления конфессиональных школ и сохранения церковного Конкордата с Баварией 1924 г. [IfZ-Archiv, RG 260 OMGUS/OMGBY, 15/108-2/17].

Значительное количество деятелей Христианско-социального союза было также непосредственно связано с церковными структурами. Например, со стороны католиков в качестве идеолога партии был представлен городской священник Эмиль Мулер, другой не менее влиятельной фигурой в партии был домкапитул и папский прелат Георг Мейкснер [5, S. 308-309]. Из протестантских делегатов 13 человек достоверно были связаны с протестантской церковью. Среди них 2 теолога, 4 члена Синода Евангелическо-лютеранской Церкви Баварии и 1 – доверенное лицо епископа [6, S. 76]. Под влиянием ХСС также находились религиозные кружки Баварии, как например «Христианская ложа» (католический) и «Тегернзейский кружок» (христианство различных направлений) [IfZ-Archiv, RG 260 OMGUS/OMGBY, 10/90-3/8].

Рассматривая вопрос об отношении к религии, стоит отметить, что ХСС изначально отказался от моноконфессионального характера партии и настаивал на тесном сотрудничестве и представительстве в партии разных христианских конфессий. «Союз признаёт полное равноправие конфессий в общественной жизни, – говорится в программе ХСС «30 пунктов» от 31 октября 1946 г., – и осуществляет в своих рядах крепкое товарищество всех, кто стоит на почве христианского мировоззрения» [ACSP, NL Müller Josef C6]. Эта идея была призвана расширить электорат партии, прежде всего за счёт протестантов, которые традиционно сторонились католических партий «Центра» и «Баварской народной партии», с одной стороны, и социал-демократов с коммунистами – с другой.

Кроме того, идеей о межконфессиональном характере партии ХСС разрывал привязку к конкретной христианской церкви и на передний план выдвигал следование христианской этике в целом. Так, в одной из своих речей в январе 1946 г. председатель партии Йозеф Мюллер заявил: «...Союз сегодня признаёт, что больше не стоит выступать за католическое христианство, а выступать за христианство как таковое. Проблема теперь звучит не как «протестанско-католический» или наоборот, а как противопоставление «христианин – антихрист»... Союз не спрашивает, к какому церковному сообществу человек принадлежит, как часто и посещает ли он вообще службы в своей церкви, а ожидает от него признания христианского нравственного закона...» [ACSP, NL Hausleiter August 15].

В качестве антихристианских сил в идеологии ХСС выступали, прежде всего, нацисты и коммунисты. «Между коммунизмом и национал-социализмом мировоззренчески нет никакой разницы, – говорится в одной из речей А. Хаусляйтера. – Оба представляют безоговорочный материализм и оба являются бескомпромиссными противниками христианства, несмотря на тактическое его признание» [ACSP, NL Hausleiter August 5]. Не пытаясь обелить нацистскую и коммунистическую идеологию, и признав, что на этом перечне идейных врагов ХСС исчерпывался, стоит отметить, что идея пагубности «материалистического» мировоззрения проходит во многих программных документах партии и речах её представителей. Т.е. с человеком, отвергающим религию и в частности христианство, невозможно никакое сотрудничество.

Вместе с тем, несмотря на то, что изначальной целью создания ХСС являлось сплочение христиан для проведения христианских принципов в политику, союз не претендовал на партийную монополию в отношении лиц с христианскими убеждениями и тем более церкви. В своих заявлениях деятели партии неоднократно подчёркивали, что церковь не должна поглощаться политикой и поддерживать конкретную партию, а носить надпартийный характер, и любой христианин в праве быть сторонником других политических партий, идеология которых не противоречит базовым христианским принципам. «Церковь должна стоять над ней и над всеми партиями, – продолжает А. Хаусляйтер. – Она должна всё время заявлять, что понимает, когда христиане присоединяются к другим, действительно демократическим партиям, если эти партии не идут антихристианским путём» [ACSP, NL Hausleiter August 5].

Вопрос о церковно-государственных отношениях поднимался политиками от ХСС также в Учредительном земельном собрании по принятию Баварской конституции и в Парламентском Совете по принятию Основного Закона ФРГ 1948-1949 гг.

В процессе обсуждения проекта баварской конституции, несмотря на продроводействие коммунистов и свободных демократов, ХСС нашёл компромисс с СДПГ относительно ст. 135 баварской конституции. В ней говорилось, что «общественные школы являются конфессиональными школами или школами совместного обучения». При этом «выбор типа школы свободно осуществляется лицами ответственными за воспитание». В качестве уступки представителям других конфессий был внесён пункт об организации школ совместного обучения в местах конфессионально смешанного населения [5, S. 309; 8, Art. 135].

В свою очередь в Парламентском Совете, где ХСС и ХДС создали единую фракцию, вопрос о церковно-государственных отношениях вызвал достаточно острую дискуссию. В Основном комитете Совета обсуждение закончилось тем, что большинство комитета лишь последовало установлению свободы совести и вероисповедания. Фракция ХДС/ХСС не пожелала принять этот результат и 8 декабря 1948 г. сделала заявление, в котором требовалось сохранить положения ст.137 (свобода религиозных объединений, статус публично-правовой корпорации, право распоряжения внутренними делами и сбора налогов), абз.2 ст.138 (гарантия права собственности религиозных объединений), ст.139 (определение церковных праздников выходными днями) и ст.141 (право богослужения и попечения в публичных учреждениях) немецкой конституции 1919 г. Кроме того, фракция ХДС/ХСС предложила оставить в силе действовавшие до 8 мая 1945 г. договоры государства с церковью, в частности Конкордат с Баварией 1924 г. [ACSP, NL Haußleiter August 75]. Фракция боролась за конкордат, в связи с его положениями о школах, которые гарантирует постоянство и дальнейшее учреждение конфессиональных школ, и к тому же ярко выражено принимают создание и поддержку малокомплектных школ [5, S. 307]. Кроме того, на дальнейшем действии конкордата и сохранении конфессиональных школ настаивали церковные круги и в частности архиепископ Мюнхена кардинал Фаульхабер [fZ-Archiv, RG 260, 15/108-2/17]. В итоге, по этому вопросу на пятом заседании комитета в январе 1949 г. стороны пришли к соглашению, выраженному в ст.123, которая гласила, что заключённые ранее землями договоры продолжают оставаться в силе [3, Art. 123]. Кроме того, ХДС/ХСС удалось отстоять введение абз. 3 ст. 7 Основного Закона, который гласил, что «преподавание религии в публичных школах является обязательным, за исключением неконфессиональных школ» [3, Art. 7]. Однако, несмотря на значительные уступки со стороны других партий в области церковно-государственных отношений, сама фракция ХДС/ХСС результатом осталась недовольна [ACSP, NL Haußleiter August 75].

Таким образом, клерикализм в ХСС был выражен в достаточной мере. В пользу этого свидетельствуют последовательные требования партии относительно более широкого присутствия церкви в общественной жизни, введения конфессиональных школ, продление действия Конкордата 1924 г., выдвижение христианского нравственного закона как основы культурной жизни и сама ориентация на верующих христиан. Многие деятели партии сами были тесно связаны с церковными кругами, а следовательно и проводили в партийную идеологию видение Церковью некоторых политических вопросов. Вместе с тем, политики ХСС отвергали возможность государственной церкви, излишней политизации церкви и выступали за свободу вероисповедания. Поэтому клерикализм ХСС сочетался с демократическими принципами как в идеологии партии, так и впоследствии в государственной политике.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перечень архивов:

- ACSP – Archiv für Christlich-Soziale Politik
- BayHStA – Bayerisches Hauptstaatsarchiv
- IfZ-Archiv – Archiv des Instituts für Zeitgeschichte

Литература

1. *Ходорковский Л.Д.* Политический клерикализм в ФРГ: Церковные и светские клерикальные организации. – М., 1970.
2. Christlich-Soziale Union: Grundsatzprogramm, 1946 // Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. R. Kunz et al.: 2. Aufl., überarb. München, 1979. S.215.
3. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 // Der Parlamentarische Rat: 1948-1949; Akten und Protokolle / hrsg. vom Deutschen Bundestag und vom Bundesarchiv unter Leitung von Rupert Schick und Friedrich P. Kahlenberg. Bd.7: Entwürfe zum Grundgesetz / bearb. von Michael Hollmann. – Boppard am Rhein, 1995.
4. Gründungsprogramm der Partei der christlich-sozialen Einigung in Bayern vom 15. November 1945 // Geschichte einer Volkspartei: 50 Jahre CSU – 1945-1949 / Hrsg. Hanns-Seidel-Stiftung. – München, 1995. S. 433-436
5. *Mintzel, Alf.* Geschichte der CSU: Ein Überblick. – Opladen, 1977
6. *Schlemmer, Thomas.* Aufbruch, Krise und Erneuerung. Die Christlich-Soziale Union 1945 bis 1955. München, 1998.
7. *Stegerwald, Adam.* Wohin gehen wir? – Würzburg, 1946.
8. Die Verfassung des Freistaates Bayern vom 2. Dezember 1946 / Kommentar begr. von Dr. Hans Nawyasky. – 2. neubearb. Auflage. – München, 1976. B.I. S.1-35

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАУКА: ИСТОКИ, ХОД И ПЕРСПЕКТИВА

С.А. Порозов

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

Согласно современным научным данным, первобытный человек возник около 3 млн. лет назад. Примерно 1 млн. лет назад *Homo erectus* начал распространяться из Африки – своего первоначального местообитания – через Ближний Восток в Европу и Азию. Когда живущий охотой и собирательством первобытный человек начал завоевывать мир, численность этого вида составляла чуть более 100 тысяч индивидов. Около 10 тысяч лет назад произошли существенные изменения, связанные с тем, что человек постепенно начал овладевать навыками ведения сельского хозяйства, формируя аграрную культуру, объединявшую почти 100 млн. человек в период между 8 000 и 4 000 годами до н.э. [1, с. 28-35]. В это время, наряду с развитием таких видовых особенностей человека, как активная коммуникация, язык, общественный образ жизни, мифы и религии, красота и искусство, трудовые навыки и техника, знания и науки получают развитие и такие свойства человека, как

соперничество, власть и война. Последняя особенность усугублялась борьбой за материальные излишки, за организацию их производства и присвоения. Тем самым наряду с биологической возникает культурная эволюция человечества, их взаимодействия и взаимопереходы, что имеет отрицательные и положительные следствия. Так, существенные различия в культуре, информации привели к тому, что человек – единственный из всех живых существ – обрел способность вести войны внутри своего вида и истреблять его в массовых масштабах, что практикуется до сих пор. Положительной чертой культурной эволюции является то, что для устранения вредной информации не требуется гибель индивидов или исчезновение вида. Человек способен понять, что та или иная форма поведения стала невыгодной и отказаться от нее, способен воспринимать новые идеи взамен устаревших. Информация может быть устранена просто в силу того, что ее не передают следующему поколению, она может быть мысленно устранена в момент своего появления – человек в состоянии обдумывать действия и идеи, а затем логически оценивать, насколько они полезны и целесообразны [2, с. 55-56].

Процесс эволюции усилил и развил склонность человеческой психики к быстрым, упрощенным дуальным восприятиям, анализу, реакциям типа: «да–нет», «хорошо–плохо» и т.д., без должного учета, анализа и последующего синтеза множества оттенков между крайними полюсами той или иной проблемы, ситуации [3, с. 14]. По этой и по другим причинам «... менталитет человека, и многие характеристики его психической конституции уже не соответствуют новым условиям жизни и должны быть... преодолены... утверждением новой нравственности с помощью гуманитарной науки, которая бы опиралась на новые достижения естественнонаучных дисциплин» [4, с. 37]. Думается, что современные возможности молекулярной, глобальной и эволюционной биологии исправлять дефекты биологии, физиологии, психологии и поведения человека будут способствовать формированию нового человека, личности, общества, цивилизации [5, с. 549]. Конечно, это необходимо для выживания человека, человечества в условиях почти непрекращающихся войн и агрессии. Финский ученый П. Кууси считает, что соответствующая этому доктрина выживания будет внедряться медленно и с трудом, и начнется, «как начиналось большинство эволюционных изменений – с изменений в информации, имеющейся у индивидов, и потому весь процесс в основе своей зависит от личного понимания отдельно взятых людей» [2, с. 349]. Теория британского биолога Р. Шелдрейка подкрепляет эту точку зрения. Суть теории в том, что форма, развитие и поведение организмов определяются «морфогенетическими полями», концентрирующими кумулятивное причинное влияние прошлых подобных форм через пространство и время на организмы. Отсюда вывод: если у достаточного числа представителей вида развились какие-то организменные свойства или особые формы поведения, это автоматически передается другим особям, даже если между ними нет обычных форм контакта [6, с. 125-127]. Палеонтология же еще раз убеждает нас в том, что такая передача осуществляется не хаотически, а в направлении усиления сознания, мысли и создания форм, все больше усиливающих позитивное влияние человеческой жизни, ее нравственных ценностей на общество и на природу, что сохраняет и стимулирует их развитие [7, с. 227].

Очевидно, что культурная эволюция сопровождается ее институализацией в виде государства, мировой системы, церкви и др. Западногерманский ученый Ю. Хабермас полагает, что развитие институтов общества искажает и губит коммуникативное поведение людей, направленное на достижение подлинного взаимопонимания между ними [8, с. 186-188]. П. Кууси также утверждает, что господство институализации в человеческой жизни является почти непреодолимым барьером для внедрения доктрины выживания. Тем не менее, институализация человеческой жизни включает в себе не столько возможности регресса, сколько возможности прогресса, обусловленного развитием всемирного демократического движения, ставящего своей целью обеспечение гражданского соучастия и контроля деятельности институтов любого уровня, с целью преодоления диктата и тирании в любой их форме и из любых источников. Такие позитивные процессы имеют своей основой относительно высокие темпы роста мировой экономики и проистекающий отсюда рост численности среднего класса, до 40% населения Земли к 2020г. [9, с. 142]. Кроме того, ожидается существенное ускорение инновационного процесса в мировой экономике на основе стремительного роста производимых научно-техническим комплексом инноваций и нововведений, существенных инвестиций в инновационное развитие, формирование глобальных телекоммуникативных сетей и нарастание экономического использования интернет-технологий. В прогнозируемый период до 2020 г. центр тяжести инновационной активности будет смещаться в сферу услуг, а также в энергетику, безопасность и экологию [9, с. 142].

Немаловажно и то, что в процессе этого происходит развитие и микроминитюаризация современной техники, биотехнологий, нанотехнологий, космических, военных, информационных и других технологий, их конвергенция и кумулятивный эффект, обеспечивающие более бережное и тонкое воздействие на человека и на природу, не наносящее им существенного и смертоносного вреда, в том числе в современном и, более всего, в будущем военном противоборстве с широким применением оружия нелетального характера воздействия [10, с. 75].

Все эти процессы формируют тенденцию доминирования информации над материальной (вещественно-энергетической) основой и ее силовыми взаимодействиями в постиндустриальном обществе, создают принципиально новый способ взаимодействия – несиловой. Это обусловлено тем, что информация исходно открыта, универсальна, общедоступна, а вследствие этого принципиально отлична от форм реализации энергетических основ. Вот почему во всем мире и в нашей стране все чаще и громче раздаются голоса, формирующие тенденцию к преодолению «силовой доминанты в нашем государственном строительстве и общественной мысли», к развитию демократии, задача которой в том, «чтобы максимально приспособить общество к потребностям составляющих его людей» [11, с. 117].

Несомненно, что это – глобальные процессы, требующие глобального регулирования, управления и обеспечения, исходящие из определенных глобальных институтов и, прежде всего, из Организации Объединенных Наций. Международное гуманистическое движение ученых, общественных деятелей, демократов и правозащитников в своем «Манифесте 2000» выдвинуло идею создания в перспективе системы транснациональной власти с Всемирным парламентом, представляющим

интересы людей, а не их правительств, Всемирным судом, а также со своей международной системой налогообложения для помощи отстающим регионам мира. Необходимо создание Планетарного агентства по контролю за состоянием окружающей среды. И самое главное – нужно создавать эффективную систему безопасности, способную устранять международные конфликты на основе строгого соблюдения всеми государствами основополагающих норм международного права [12, с. 508]. Отсюда можно сделать вывод, что усиление транснациональной власти, ее институтов необходимо для решения глобальных проблем, для выживания человечества. Но это требует ограничения суверенитета государств, санкционированного еще Вестфальским мирным договором (1648), как и преодоления того факта, что до настоящего времени военная сила выступает средством достижения государствами своих экономических и политических целей.

Взаимодействие транснациональной и национальной тенденций в практике международных отношений, выраженное в концепциях Ф. Фукуямы и С. Хантингтона, все более усиливающаяся техническая, технологическая, часто смертоносная мощь человечества требуют ритуализации социальной борьбы, превращения ее в постоянно возрастающую доминанту человеческого общества. Борьба, соперничество должны регулироваться таким образом, чтобы не разрушались, а укреплялись общественные тенденции и сотрудничество для развития и выживания человечества. Но, чтобы проявить в полной мере позитивную глобальную тенденцию, необходима соответствующая информация, на основе которой человечество могло бы научиться реально осуществлять управление собственной исторической эволюцией. И хотя формируется тенденция функционального доминирования информации над ее материальной субстанцией, тем не менее, современная структура информации о мире, сочетающая в себе знания религии, науки, истории, разнородна, поэтому и по другим причинам она искаженно отражает и выражает процесс и идеалы (цели) исторической эволюции человечества.

Более того, в современном обществе религии пришли в противоречие со своими исходными причинами возникновения [13, с. 54]. В религиях смена аксиом не может быть проконтролирована с той степенью объективности, как в науке. В результате эта смена происходит в религиях, как правило, драматично и сопровождается человеческой враждой. С другой стороны, религия мешала утверждению естественнонаучной концепции мира и, тем самым, исследованию подлинной эволюционной истории человека, изменений в его поведении, что позволило бы человечеству научиться управлять собственной эволюцией для своего выживания и развития [2, с. 86-100].

Сегодня задача (немаловажная в масштабах выживания человечества) состоит в том, чтобы удовлетворить стремление людей найти цели своего существования на рациональном языке науки.

Литература

1. Андреев И.П. Происхождение человека и общества / И.П. Андреев. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1988. – 415 с.
2. Кууси П. Этот человеческий мир / П. Кууси. Пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. Э.А. Араб-Оглы. – М.: Прогресс, 1988. – 368 с.

3. Тетиор А.Н. Этологические истоки упрощенного мышления и сознания человека / А.Н. Тетиор // Сознание и физическая реальность. – 2003. – № 1. – Т. 8. – С. 3-14.
4. Данилов А.Н. Социология власти: теория и практика глобализма / А. Н. Данилов. – Минск: Университетское, 2001. – 447 с.
5. Концепции современного естествознания: сер. «Учебники и учебные пособия» // С. И. Самыгин [и др.]; под общ. ред. С.И. Самыгина. – 2-ое изд. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 576 с.
6. Шелдрейк Р. Новая наука о жизни / Р. Шелдрейк; пер. с англ. Е. М. Егоровой. – М.: Риппол классик, 2005. – 352 с.
7. Вернадский В.И. Биосфера / В.И. Вернадский. – М.: Прогресс, 1967. – 562 с.
8. Современная западная философия: Учебное пособие / Т.Г. Румянцевой [и др.]; под общ. ред. Т.Г. Румянцевой. – Минск: Выш. шк., 2000. – 439 с.
9. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / А.А. Дынкин [и др.] // Вопросы экономики. – 2007. – № 12. – С. 141-143.
10. Круглов, В. Какое оружие будет применяться в войнах XXI века? / В. Круглов // Обозреватель. – 2004. – № 8. – С. 70-75.
11. Рашковский, Е.И. Судьбы России: цивилизационный анализ / Е. И. Рашковский // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 3. – С. 76-117.
12. Гинзбург, В.Л. О науке, о себе и о других / В.Л. Гинзбург. – 3-е изд. – М., 2004. – 516 с.
13. Хазен, А.М. Разум природы и разум человека / А.М. Хазен. – М., 2000. – 607 с.

СОВРЕМЕННАЯ МОТИВАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Т. Предко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Системная трансформация белорусского общества привела к существенному изменению мотивации поведения и деятельности наших граждан. Мотив – это важный элемент психики. Одна и та же причина вызывает у разных индивидов различные мотивы и различные действия. Поэтому ученые расценивают мотивы как существенный фактор религиозного поведения и деятельности верующих. Они дифференцируют мотивации на общие, отражающие отношение индивида к своей религиозности вообще, и на частные, выражающие его отношение к конкретным формам религиозности. Общие мотивации религиозности обусловлены главным образом типологией верующих. В научном религиоведении предлагались различные типологии. Они разрабатывались в основном с учетом изменений, происходящих в религиозном сознании и поведении верующих в условиях социалистического общества. Однако в условиях системной трансформации современного общества проблема типологии верующих оказалась вне поля зрения исследователей обыденной религиозности. В суверенной Беларуси значительно увеличилась численность верующих, изменился характер их религиозности, заметно возросла их социальная активность, но их типология перестала быть объектом научного исследова-

ния. Учитывая данное обстоятельство, на основе анализа религиозности современных верующих предлагаем следующую типологию: убежденные верующие, верующие по традиции, колеблющиеся между верой и неверием. Данная типология наиболее соответствует верованиям православных и католиков. А среди последователей протестантизма можно выделить еще один тип верующих – религиозные фанатики. Эта группа немногочисленная и в условиях осуществления принципа свободы совести постоянно сокращается. Ныне религиозный фанатизм несколько ослабел, так как не проводится последовательная критика религиозного мировоззрения. Заметно угасает имевшая место озлобленность верующих, их нетерпимость по отношению к неверующим, поскольку в суверенной Беларуси верующим и неверующим предоставлены одинаковые права. Однако имеются религиозные фанатики, мотивирующие свою веру в основном тем, что они «избраны Богом», что именно им предстоит выполнить великую миссию ко времени второго пришествия Иисуса Христа.

Убежденные верующие хорошо усвоили религиозные догматы, признают их истинными, вечными и неизменными божественными установлениями. Они считают Библию богооткровенной книгой и не признают ее модернистской трактовки, стоят на позициях консерватизма и фундаментализма. В их сознании безраздельно господствуют религиозные идеи. Убежденные верующие принимают активное участие в деятельности религиозных общин, систематически выполняют различные поручения. Они не только старательно совершают все обряды и церемонии, но и знают их назначение. Они довольно активно отстаивают религиозную веру, стремятся воспитывать детей в духе своего вероучения. Верующие этого типа предпринимают попытки распространения религиозных взглядов среди неверующих, которых нередко считают людьми, не познавшими высшего блага. Общая мотивация их религиозности заключается в теодицее.

Верующие по традиции знают лишь основные догматы, но не могут правильно объяснить сущность своего вероучения, не знают многих вероучительных и культовых расхождений между основными направлениями христианства. В частности, отвечая на вопрос «Какие Вам известны различия между Вашей верой и верой христиан иных исповеданий?», респонденты говорили: «Все мы – христиане, и у нас один Бог – Иисус Христос». Лишь некоторые из них указывали в основном на обрядовые отличия. Но практически никто из них не называл догматических или канонических расхождений. В жизни религиозных общин верующие этого типа особой активности не проявляют, не участвуют в миссионерской деятельности.

В повседневной жизни колеблющихся между верой и неверием мировоззренческие проблемы не играют важной роли. Религиозные догматы, каноны и обряды занимают периферию их сознания. Находясь в религиозной микрогруппе, они ведут себя как верующие и даже заявляют, что они – православные или католики (в этой типологической группе нет протестантов), а в учебном или трудовом коллективе, как правило, не проявляют своей религиозности. С основами своего вероучения они знакомились главным образом во время участия в богослужениях или же в процессе бесед на религиозные темы с убежденными верующими, а также при совершении обрядов и праздновании религиозных праздников. В религиозной жизни они практически не участвуют, посещая ре-

лигиозный храм лишь в дни больших праздников или же для совершения того или иного обряда. Свое религиозное поведение они мотивируют следующим образом: «религия обещает спасение души», «верую на всякий случай», «религия и церковь учат добру», «с верой спокойнее на душе» и т.д.

Следовательно, общие мотивации современной религиозности зависят в основном от того, в какой типологической группе находится тот или иной верующий. Однако его социальная активность проявляется не только в религиозной сфере, но и в светской. Ныне наблюдается следующая закономерность: чем выше социальная активность верующего, чем более развиты его духовные потребности, тем значительнее его отклонение от религиозных канонов, тем ниже уровень религиозной мотивации его поведения и деятельности. Такие верующие проявляют определенный интерес к повышению образования и профессионального мастерства. У абсолютного большинства из них сложилось позитивное отношение к духовно-культурным ценностям белорусского общества и достижениям в области науки и техники.

Важным проявлением современной религиозности является участие в богослужениях. Ответы опрошенных выглядят следующим образом:

Таблица 1 – Посещаемость богослужений (в %)

Периодичность	Православные		Католики		Протестанты	
	2000 г.	2008 г.	2000 г.	2008 г.	2000 г.	2008 г.
По большим праздникам	17,4	19,1	8,9	10,7	–	–
1-2 раза в месяц	40,3	39,4	25,2	26,0	4,7	5,1
Каждое воскресенье	22,5	23,2	27,9	25,9	32,9	32,3
Регулярно	19,8	18,3	38,0	37,4	62,4	62,6

Следовательно, в первом десятилетии нынешнего века существенных изменений в отношении верующих к посещаемости богослужений не произошло. Регулярно посещают свои молитвенные собрания в основном протестанты и католики. Протестанты молитвенное общение с единоверцами считают важнейшей нравственной обязанностью и стараются ее выполнять. В католических общинах введен строгий контроль над посещаемостью богослужений. Ксендзы систематически посещают тех мирян, которые долгое время отсутствуют на богослужениях, ведут с ними назидательные беседы по проблемам «возрастания в вере». Религиозность православных все более и более смещается в сторону обрядоверия. Об этом свидетельствует мотивация верующими их участия в богослужениях:

Таблица 2 – Участие в богослужениях (в %)

Мотивация	Православные		Католики		Протестанты	
	2000 г.	2008 г.	2000 г.	2008 г.	2000 г.	2008г
Исполнение долга перед церковью	16,4	13,4	54,8	56,2	16,4	14,9
Следование голосу совести	12,8	14,7	13,6	13,7	60,7	62,7
Следование общему обычаю	56,3	59,0	16,2	18,5	3,8	3,5
Религиозное переживание	12,7	11,4	14,2	10,9	19,0	18,8
Иное	0,2	0,2	0,4	0,3	0,1	0,1
Затрудняюсь ответить	1,6	1,3	0,8	0,4	–	–

Таким образом, мотивация участия в богослужениях в религиозном храме зависит главным образом от конфессиональной принадлежности. У православных главную роль играют сложившиеся традиции, у католиков – следование религиозным канонам, а у протестантов – внутренние убеждения в необходимости регулярного участия в молитвенных собраниях единоверцев. Немаловажную роль в мотивации такого участия играет принадлежность верующего к определенной мировоззренческой группе. Прослеживается также некоторая зависимость мотивации участия в богослужениях от пола, возраста, образования и социального положения верующего. Например, регулярно участвуют в богослужениях женщины-пенсионерки. И, напротив, верующие молодые мужчины с более высоким образованием и соответствующим профессиональным мастерством участвуют в богослужениях лишь по большим праздникам или по случаю совершения религиозного обряда. Причем первая группа опрошенных в качестве основных мотивов называет следование общему обычаю и исполнение долга перед церковной общиной, а вторая группа мотивирует свое нерегулярное участие в богослужениях занятостью важными делами или производственной необходимостью. Определенную роль в данной мотивации играет местожитительство верующего.

Кроме мотивации посещения богослужений, религиозность определяется также мотивами участия в совершении крещения, венчания и похорон. Причем в православии и католицизме первый и третий, а в протестантизме только третий из указанных обрядов лично не мотивируются. Решение о необходимости их отправления принимают иные лица. Однако их совершение свидетельствует об установлении, наличии или окончании связи человека с религиозной общиной. Их отправление рассматривается как принадлежность конкретного человека к тому или иному вероучению.

Таинство крещения рассматривается в христианстве как фундамент христианской жизни. Ему верующие придают особое значение.

Таблица 3 – Совершение таинства крещения (в %)

Мотивация	Православные	Католики	Протестанты
Религиозные убеждения	38,9	39,5	82,7
Требования, совет родителей	29,4	28,2	16,4
Ребенок будет здоровым	14,9	15,4	–
Это народный обряд	12,8	10,3	–
Иное	4,0	6,6	0,9

Следовательно, основным мотивом крещения являются религиозные убеждения, причем это в наибольшей мере присуще протестантам. Немаловажное значение имеет требование родителей или их совет. В процессе исследования было установлено, что на степень важности этой мотивации влияет нехватка, особенно в сельской местности, детских дошкольных учреждений. Поэтому после декретного отпуска молодые матери вынуждены обращаться к бабушкам и дедушкам с просьбой о присмотре за ребенком. А старшие в семье, как правило, выдвигают условие крестить ребенка. Это свидетельствует о том, что многие случаи крещения детей являются результатом устремлений лиц пожилого возраста.

Многие родители мотивируют крещение желанием вырастить своего ребенка здоровым. Эта мотивация также обусловлена внешними причинами. В настоящее время по официальным данным в Республике Беларусь у каждого шестого ребенка в той или иной мере наблюдаются девиантные отклонения от нормального психофизического развития. Испытывая беспокойство за судьбу своих детей, многие молодые родители

принимают решение об их крещении. Они уверены в том, что крещеные дети будут расти здоровыми. Наконец, отдельные родители считают крещение народным обрядом и мотивируют участие в нем желанием сохранить традиции.

Важным обрядом, характеризующим религиозность, является венчание. В постсоветское время он получил довольно широкое распространение. Основные мотивы участия опрошенных в этом обряде представлены следующим образом:

Таблица 4 – Совершение обряда венчания (в %)

Мотивация	Православные	Католики	Протестанты
Религиозные убеждения	42,7	43,8	95,6
Торжественность обряда	23,9	19,6	–
Надежда на укрепление семьи	27,8	29,4	3,1
Иное	5,6	7,2	1,3

Таким образом, среди мотивов участия в обряде венчания преобладают религиозные убеждения, но вместе с тем многие верующие считают, что венчание в религиозном храме является залогом крепости семьи. Этот мотив во многом обусловлен внешними причинами. В постсоветское время в республике резко возросла численность разводов, распадается практически каждый второй брак. Именно беспокойство за будущее создаваемой семьи приводит молодоженов в религиозный храм. Они учитывают при этом, что католическая церковь запрещает разводы, а в протестантских конфессиях со ссылкой на Библию (Матф., 19:6) констатируется, что «развод находится в дисгармонии с волей божьей». Некоторым молодоженам нравится торжественность данного обряда, его эмоциональная насыщенность.

Мотивация похорон, как правило, в полной мере не осознается его участниками. Здесь доминирует эмоциональное, а рациональное затенено. Смерть человека вызывает чувство горя, глубокую печаль у его родных и близких, особенно у его семьи. Похороны – это единственный обряд, на отправление которого никого не приглашают. Люди – родные, близкие, соседи и т.д. – по зову сердца приходят, чтобы разделить горесть утраты и провести умершего в последний путь. В целом, мотивация данного обряда выглядит следующим образом:

Таблица 5 – Совершение обряда похорон (в %)

Мотивация	Православные	Католики	Протестанты
Религиозные убеждения	48,6	52,0	91,6
Исполнение завещания умершего	32,5	27,8	4,7
Облегчение переживания	10,3	11,4	3,4
Делаем так, как все	6,6	7,0	–
Иное	2,0	1,8	0,3

Следовательно, основным мотивом совершения данного обряда также являются религиозные убеждения. Чувство религиозного долга преобладает и тогда, когда он совершается во исполнение последнего наказа умершего. Мотивация «делаем так, как все люди» присуща в основном колеблющимся между верой и неверием. Здесь главную роль играют бытовые традиции. Устойчивость данной мотивации обусловлена значением этих обрядов в переломные моменты жизни каждого человека.

Анализ мотивации современной религиозности позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, общая мотивация, отражающая отношение верующих к своей вере, обусловлена главным образом их типом религиозности. Если религиозная

мотивация занимает доминирующее положение, то вера отличается «крепостью», устойчивостью ее мифологического и культового компонента. А если религиозная мотивация затеняется секулярной, то такие люди являются лишь формальными христианами. Во-вторых, частная мотивация, отражающая отношение верующих к различным формам культовой практики, обусловлена значимостью того или иного культового действия в личной жизни конкретного верующего. Немаловажное влияние на мотивацию оказывает его социально-демографический статус. В-третьих, современная мотивация религиозности во многом обусловлена конфессиональной принадлежностью. Религиозность последователей православия постепенно эволюционирует в сторону обрядоведения. У католиков она трансформируется по пути более строгого соблюдения церковных канонов. Религиозность протестантов мотивируется в основном прочными религиозными представлениями.

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Валдас Прускус

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Каждый предмет, явление или идея приобретает ценность и важность в зависимости от того, какое значение человек ему определяет. Поэтому можно сказать, что ценность является тем, что человек считает важным лично для себя, без чего он не может обойтись и готов не только проповедовать, но и отстаивать. Таким образом, ценность для человека – это то, "что стоит превыше всего" [3, с. 34]. Каждую ценность человек оценивает индивидуально, но создание их – коллективное. Эта двойственность ценности объясняет принудительную эффективность ценности, как одного из культурных факторов: исповедование ценности символизирует принадлежность человека к обществу. Следовательно, ценность – не "вещь сама по себе", а соотношение с объектом, событием, процессом.

По словам культурологов США К. Кларксона и Ф. Стробека, ценности – "это сложные, определенным способом сгруппированные принципы, придающие направленность человеческому мышлению и его деятельности при решении общих человеческих проблем" [4, с. 29]. Подобным образом каждая нация и общество имеет свое собственное понятие о ценностях природы, людей – своей и чужой нации – идей, объектов. На этой основе и формируются определенные нации, общественная система ценностей и культура. Ценностные ориентации, в свою очередь, формируют также модели поведения, которые регулируют каждодневную жизнь членов данной нации, общества. Ценности становятся непосредственным и самым главным стимулом и координатором человеческой деятельности, благодаря которым происходит отбор информации, формируются социальные отношения, манеры общения и т.д. В каждой культуре, обществе формируется определенная система, в которой ценности расположены в иерархическом порядке. Благодаря такой системе обеспечивается целостность культуры, общества, ее уникальный характер, необходимая степень порядка и предсказуемость, ее целостность и устойчивость. Основу стабильности любого общества составляют исповедуемые ценности – экономические, социальные, культурные [7, с. 52-64].

Сегодня все страны старого континента считают себя европейскими, принадлежащими Европейскому культурному и политическому наследию. Их объединяют всеобщие ценности: *толерантность* (достаточно для иного образа жизни и взглядов, хотя границы четко не определены, как правило, опять-таки, является делом соглашения), *сотрудничество* (со всеми, кто нас окружает и позволяет достичь поставленных целей, хотя и не всегда можно понять, чем обосновано сотрудничество и где его пределы), *общение* – обмен информацией и опытом, несмотря на то, что выгода в результате обмена варьирует, *солидарность по отношению к меньшинствам* (этническим, культурным, религиозным), *охрана окружающей среды* и защита ее качества, *благосклонность по отношению к иному образу жизни* и его принятие.

Воплощение в жизнь упомянутых декларируемых европейских ценностей связано с развитием демократии и основано на двух основных принципах демократии – *свободе* и *равенстве*. Принцип свободы гарантирует беспрепятственное движение рабочей силы и капитала в экономической сфере, которое, в свою очередь, способствует экономическому развитию и увеличению благосостояния. Принцип равенства предоставляет равные первоначальные возможности для достижения экономических целей, хотя и не гарантирует всем ожидаемого успеха в равной степени.

Все декларируемые европейские ценности и их стандарты выражения являются искусственными, условными. Это означает, что всегда, во-первых, возникают дискуссии при интерпретации каждого конкретного случая, и, кроме этого, не существует однозначного ответа на вопрос о том, как принять эти ценности, то есть, как их оформить в рамках национальной культуры и традициях образа жизни. Одна из этих ценностей – потребление. Для потребительского рыночного общества потребление является важным фактором, который не только создает всем своим членам общества возможность более или менее успешно удовлетворить свои потребности, но и создает возможность участия в потреблении [2, с. 42-45]. В свою очередь, доступность потребления развивает солидарность, укрепляет доверие и неизбежное участие в карусели потребления, вращение которой становится своего рода знаком жизнеспособности общества и его устойчивости.

Основная цель потребительского общества – поощрение потребления. Именно для этого служит разнообразие услуг потребления и его целенаправленная поддержка. Таким образом создается стандарт потребления. Ценность индивида как потребителя в обществе связана с возможностью купить необходимые товары и услуги. Другими словами, чем больше товаров, услуг индивид в состоянии приобрести и использовать, тем больше его ценят в глазах потребительского общества. В свою очередь, его степень потребления показывает не только обладание возможностью приобретать (его финансовое положение), желание соответствовать действующему стандарту потребления, но и изменять его. В соответствии с потреблением, он воспринимается окружением и соответственно им оценивается.

Таким образом, ценность, значение индивида, как пользователя в обществе, определяется на основе двух критериев: во-первых, согласно количеству, качеству и разнообразию потребляемых товаров и услуг, во-вторых, согласно частоте и интенсивности потребления. Вовлечение индивида в карусель потребления – основная цель потребления в обществе.

Однако для того, чтобы индивид был втянут плавно и безболезненно, необходимо его подготовить, воспитать. Суть заключается в том, что потребительскому рынку нужен не просто человек, заурядный пользователь, а от рынка зависимый и им управляемый пользователь. Следовательно, основная задача потребительского общества – воспитать пользователя "послушного" и восприимчивого к предлагаемым новшествам [1, с. 25-31]. Лучший способ достичь этого – воспитать в потребителе зависимость от потребительских предложений, сделать его послушным и восприимчивым по отношению к ним. Иными словами, воспитать зависимость потребителя от существующего общественного стандарта потребления.

Предложение товаров и услуг в потребительском обществе ориентировано на определенного покупателя и тот расчет, что их кто-то купит. Конечно, в первую очередь на тех потребителей, кто действительно нуждается в этих товарах и без них не может обойтись. Однако есть немало людей, которые также заинтересованы в этих товарах, но не имеют возможности их купить в связи с разными причинами: не имеют достаточно средств, в данный момент они не являются жизненно важными для них и пр. Стало быть, они не готовы стать их активными клиентами, а по-прежнему остаются лишь пассивными наблюдателями.

Обращение пассивных потребителей в активных – одна из целей в области потребительского рынка, для которого не жалко ни внимания, ни усилий, особенно при условии, что предпосылки для этого существуют. Как заметил Д. Бодрийяр, человек в потребительском обществе "не склонен к самопознанию, он не верит в свои силы, он склонен верить в то же, что и другие. Он не хочет брать лично на себя ответственность за свою жизнь, но склонен поверить другим", кто прекрасно знает, что нужно предпринять, чтобы достичь успеха и быть в безопасности в данном обществе [6, с. 147].

Осведомленные (бизнес при помощи средств массовой информации) как раз и создают соответствующую окружающую среду, в которой человеку постоянно напоминалось бы о возможности получить все, что он хочет, стать успешным, выиграть "Джек-пот". А успех, как известно, – это и есть именно то, к чему стремится большинство людей и ради чего они готовы действовать и жертвовать. Таким образом, навязывается мысль, что счастливым может быть любой [6, с. 138-143]. Просто надо верить в себя и стать активным пользователем, т. е. осмелиться потреблять то, что потребляет счастливчик.

Внедряемый культ потребления в образе доступных возможностей, якобы выравнивающих все слои, заставляет внимательнее приглядеться к самому феномену потребления. На самом ли деле потребление и его стимулирование может обеспечить процветание общества? Какие опасности здесь подстерегают?

Во-первых, распространение потребительских возможностей среди различных социальных групп и их доступность несомненно являются важным аспектом, который может улучшить материальное положение, удовлетворить материальные потребности. В то же время потребление культивирует и зависимость от потребительского стандарта, делает его заложником искусственного благополучия, созданного рынком. С другой стороны, используемые различные средства, влияющие на потребителя (реклама и др.), нередко основательно ограничивают его выбор [5]. Свобода выбора становится свободой выбирать из того, что уже подобрано, одобрено и внедрено в подсознание общественности с помощью рекламы.

Во-вторых, стимулирование безграничного потребления формирует безответственное отношение к взятым обязательствам. Если определённая бизнес-структура постоянно предлагает вам купить товар в кредит, почему бы и не купить, если банк предлагает, он лучше знает – всё уже продумано. Так зачем же думать. Просто-напросто надо брать. Такая установка вырабатывает безответственность потребителя, который впоследствии становится обузой и кредиторам, и обществу. В таком случае доступность потребления как основа выносливости и солидарности становится причиной её нестабильности. Вспомним хотя бы реалии наших дней – последствия бездумных предложений на рынке недвижимого имущества в США и других странах. Также и в Литве.

В-третьих. Ориентация на потребление и, прежде всего, на материальные вещи как на гарант собственного успеха, существенно ущемляет духовные ценности и стремление к ним. В то же время понижается уверенность в творческих возможностях человека. С другой стороны, формируется новый взгляд на время и его ценность. Вопрос "как заработать?" обретает новую величину. Вопрос "как заработать?" трансформируется в вопрос "как быстро можно это заработать?". Это необратимо приводит к недооценке деятельности, которая занимает много времени и денежная отдача которой возможна только в далёком будущем. Поэтому неудивительно, что ввиду нестабильности финансовых и валютных систем, привлекательной становится та деятельность, которая приносит быстрый доход, "горячие деньги".

Эта деятельность, связанная с быстрым инвестированием средств в недолгосрочные проекты, обеспечивает их быстрый оборот и возможность большого дохода. С другой стороны, недооценка деятельности, которая не гарантирует быстрого заработка, означает, что и индивид, работающий над проектом, будет также недооценен. Так как работа не приносит доход, значит и работать не престижно, более того, затраченное время расходуется нерационально. Рационально потраченное время – это то время, которое даёт возможность заработать. В таком случае время жизни человека теряет качество, которое заменяется заработанным количеством денег – неважно идёт ли речь о заработанных деньгах или о доходе человека, занимающегося бизнесом. Это подталкивает к мысли отказаться от "бесплодного" времени на размышления, рефлексии и самосовершенствование. Все усилия должны быть направлены на поиск тех отраслей, где твоё время было бы использовано максимально рационально, т.е. максимально компенсировано.

Такая практика зарабатывания "горячих денег" и деформировала ориентационные ценности, противопоставила разные социальные группы, выделив уникальность областей их деятельности, а также уязвимость, столкнувшись с вызовами нового времени.

В четвёртых, стимулирование потребления и постоянно предоставляемая потребителю информационная помощь лишают его свободы выбора и ответственности за выбор и свою жизнь. Таким образом, увеличивается не консолидация общества, а его рассасывание, управлять которым может только опытный управляющий. Так необходимое для демократии сознательное участие граждан и способность выбора меняет *управляемая демократия*, которую потребитель готов встретить.

Итак, потребительское общество можно сравнить с кораблём, капитан которого – повар. Он хорошо знает, что мы, пассажиры корабля, будем есть, употреблять завтра, но не знает куда плыть – у него нет конкретного направления. Все мы являемся пассажирами этого корабля. Вроде накормлены – ведь капитан – повар. Но защищены ли мы? Достаточно ли знать, чем мы будем питаться завтра?

Литература

1. Bauman Z. (1995). Cialo i przemoc w obliczu ponowoczesnosci. – Torun, 1995.
2. Campbell C. (1997). The romantic ethic and the spirit of modern consumerizm. Blackwell: Oxford.
3. Kavolis V. Kultūros dirbtuvė. (1996) – Vilnius.
4. Kluckhohn K., Strodtbeck F. (1961). Variation in Value Orientation. – New York; Sage.
5. Hostynski L. (2005). wartosci w swiedie konsumpcji. Byt i powinnosc, Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego p.385-392.
6. Бодрийярд Ж. (2000). Прозрачность зла. – Москва.
7. Садохин А. П. (2005). Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Москва.

АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА АГРОЭКОТУРИЗМА (опыт проектирования)

А.С. Сардаров, Т.В. Башаримова

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Условия, сопровождающие рост урбанизации наших крупных городов, порождают всё большую тягу к альтернативным формам жизни, особенно в периоды прерывания профессиональной деятельности. Если для советских поколений второй половины XX-го века идеалом рекреации были садовые товарищества, то молодёжь начала XXI века не хочет активно привязывать себя к ограниченным пространствам в шесть соток и (тем более) к занятиям мини-сельхоздеятельностью. Причиной этому является и социальное (уход от традиционных занятий предков) и экономическое (доступность продуктов питания) и культурное стремление к изучению своего фольклора. На фоне этих социально-психологических явлений развивается белорусский агроэкотуризм, что несомненно важно в условиях страны, не имеющей традиционного туристического природного (море, горы) потенциала.

Очень важным фактором, стимулирующим рост агроэкотуризма, являются поиски национальной самоидентичности в условиях, когда интернациональная массовая культура агрессивно влияет на сознание молодёжи. Здесь агроэкотуризм может рассматриваться как внутренний (иногда бессознательный) протест оглуляющему влиянию масс-медиа и городским формам массовой культуры (реклама, дискотеки и т.д.). По сути дела, речь идёт о сопротивлении унификации массового сознания, которое от крайней идеологизации советского периода перешло к псевдокультуре развлечений и потребления. Тем важнее стремление части молодёжи не к подражательности, а к индивидуальности, в том числе и через вхождение в среду национальной традиционной культуры.

Ландшафты Беларуси благодаря многим историческим факторам сохранили культурный и природный потенциал. Крупное частное, а потом коллективное земледелие создали обширные пространства, не ограниченные чересполосицей, хуторскими поселениями, изгородями и т.д. В то же время сохранилось большое количество сельских поселений с традиционной «уличной» планировкой, с ясно выраженной характерной планировкой дворов и традиционной сельской архитектурой жилых и хозяйственных построек. Именно эти уходящие формы сельской среды (особенно если рассматривать агрогородки как основную перспективу застройки сельской местности), становятся привлекательными для агроэкотуризма. Здесь на первый план выходит степень *аутентичности белорусской сельской среды*, её вековая устойчивость, что по сути делает сельские поселения потенциально музеефицированными объектами.

Особая форма традиционной архитектуры – это архитектура ремёсел, сельских производственных объектов. Исторические традиции Беларуси выделяют в этом ряду архитектуру водяных мельниц. Именно водяных, т.к. ветряки всё-таки уступали количественно из-за чисто технологических и климатических соображений.

Архитектура белорусской водяной мельницы – это сложившаяся конструктивно-технологическая система, по сути, производственный комплекс, где функциональные требования сочетаются с эстетикой. Характерна не только логическая суть (функция – форма) этих объектов, но и (говоря современным языком) ландшафтность этих объектов, чрезвычайно гармонично вписанных в природную и антропогенную среду.

Архитектура водяной мельницы – это всегда комплексное архитектурно-ландшафтное решение, включающее такие объекты, как здание мельницы, плотина (гребля), подъездная дорога, посадки деревьев и всё это в сочетании с водной гладью. Характерным является и то, что мельницы часто выносились из населённых пунктов, либо ставились на их окраинах. Такое независимое пространственное положение, вместе с особой квалификацией (мастерством) мельника, создали особый символический ореол вокруг «мельничной среды», заставляя её порой обрабатывать различными легендами (мифологизация среды).

Опыт проектирования комплекса агроэкотуризма «Стары млын» на реке Уша у деревни Макаши Несвижского района Минской области архитектурным бюро БНТУ позволил сформулировать основные формы методологического подхода к проектированию такого рода объектов.

Выдвинуты были следующие методологические принципы:

1. Максимальная аутентичность.
2. Ландшафтное решение (ландшафтность).
3. Обеспечение комфорта туристов (функциональность).
4. Комплексность.
5. Стилизация.

Старая водяная мельница (начало XX века) в Макашах сохранила свои объёмно-планировочные и конструктивные особенности, а также большую часть старых механизмов (турбина, валы, передаточные механизмы, лифт и др.). Мельница находится в 3-х километрах от международной автомобильной дороги М1/Е-30.

1. Решено было прежде всего сохранить оригинальные конструкции деревянного несущего каркаса. С учётом реального состояния деревянных конструкций цокольного этажа решено было заменить их на каменные. Такое архитектурное решение белорусских водяных мельниц (каменный цоколь – падмурак) является также традиционным. В качестве декора использованы также приёмы бутовой кладки из колотого камня и красного кирпича.

Основной объём здания сохраняет архитектуру деревянного каркаса с устройством внешних несущих металло-деревянных стен. Механизмы приводятся в рабочее состояние.

2. Ландшафтное решение комплекса определяется центральным положением мельницы (основная точка притяжения). Развёртывание в плане комплекса сооружений происходит по границе лес – дорога – водяная гладь, сервисные сооружения комплекса (жилище, корчма) вписываются в рельеф лесной опушки.

3-4. С учётом того, что невозможно обеспечить комфортное пребывание туристов непосредственно в деревне, решено было создать функциональные условия жизнедеятельности прямо у основного сооружения – мельницы. Для этого в состав объектов включена небольшая гостиница на 25 мест, пункт питания (корчма) на 45 посадочных мест, а также 3 отдельно стоящих жилых домика и баня. Все здания комплекса имеют независимые системы жизнеобеспечения (отопление, водоснабжение, канализация), а также необходимые комфортные условия проживания, питания и отдыха.

5. Архитектурное решение объектов комплекса основано на мотивах традиционной сельской архитектуры в Беларуси, которым присущи: лаконизм, функциональность, использование традиционных материалов. Очевидно, что для современных объектов невозможно использовать прямо формы прошлого. Архитектурный подход может включать откровенную стилизацию, без попыток прямой подражательности традиционной архитектуре. Именно на таком контрасте, на наш взгляд, следует сосредоточиться проектировщикам. Прямое воспроизводство старых форм и приёмов создаёт ощущение фальшивой среды. В то же время *сочетание аутентики и нового* может быть наиболее эффективным с точки зрения подлинной эстетики. Здесь также следует избегать искусственного введения элементов, которые стали штампами в агротуризме – фальшивых плетней с горшками, садовых домиков, фонтанчиков и т.д.

Отказ от подлинной национальной атрибутики быта иногда является случайной непродуманной практикой, а иногда последствием умышленного следования правилам интернационального «архитектурного глямура».

Одним из важнейших аспектов проектирования явилась разработка гидротехники комплекса. В связи с утратой своего назначения, а также строительством автомобильной дороги и моста в 70-е гг. XX в. водный баланс данного участка был изменён так, что существующего подпора воды было уже недостаточно для работы мельницы. Поэтому в проектирование объекта были включены специальные гидротехнические мероприятия: обводнение территории (водохранилище), устройство специального водосброса, подводимого к турбине мельницы по специальному лотку и позволяющему обеспечить работу оборудования мельницы.

Создание нового водного зеркала вызвало необходимость также дополнительных архитектурно-планировочных решений: устройство пляжных зон, зон для рыбалки, пирса вдоль берегов водохранилища, дополняющих рекреационные возможности.

Достоинство национального культурного пространства всегда должно опираться на подлинность архитектурных приёмов и деталей, а также на последовательную работу с ландшафтом.

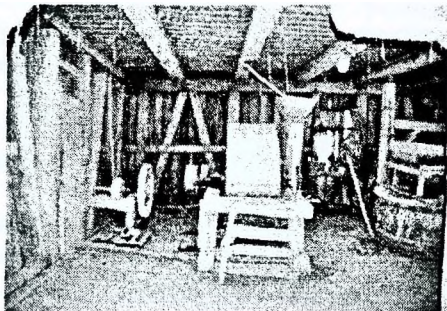
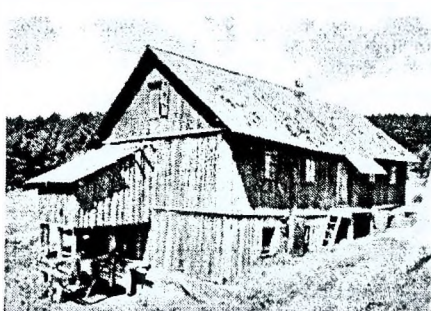

Рис. 1-2 – Мельница до реконструкции

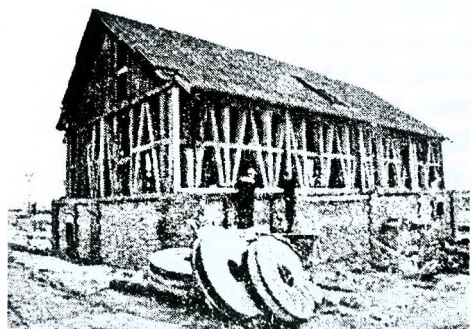

Рис. 3 Мельница во время реконструкции

Рис. 4 Проект реконструкции мельницы

ФАКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Г. Семерикова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Одним из важнейших периодов в процессе социализации человека является период его обучения в вузе, когда происходит наиболее интенсивное освоение культуры человеческих отношений и общественного опыта, социальных норм и ролей, новых видов деятельности и форм общения. Известно, что в ходе социализации, в отличие от процесса воспитания, активную роль играет сам индивид, выбирая определенный идеал и следуя ему, особенно – в студенческом возрасте. Именно поэтому вузовское обучение считается одним из мощных факторов социализации личности студента [1, с. 18-22].

Молодежь в процессе социализации приобретает соответствующий социальный статус, который зависит от многих как объективных, так и субъективных факторов, условий внешней среды. Немаловажным является опосредованность социального статуса положением молодежи в системе общественных отношений, ее правами и обязанностями, а также совокупными внутренними социально-психологическими, интеллектуальным и духовным потенциалом, физическими возможностями.

Анализируя социальный статус студенческой молодежи, следует выделить такое явление, как выравнивание или унификация статусов в молодежной среде. Речь идет о доведении до общего уровня проявлений различных составляющих статуса личности в отношении различных параметров статуса. Причем имеется в виду унификация статусов на основе внедрения социальных стандартов в стране и создание равных условий для духовно-нравственного и гражданского становления студенческой молодежи.

Помимо внешнего воздействия объективных социально-экономических факторов на процесс формирования сознания молодого человека, его жизненных приоритетов, человеческих качеств значительное влияние оказывают такие субъективные факторы, как изменения в поведении и культуре, поскольку результаты происходящих изменений зависят не столько от сочетания внутренних и внешних предпосылок, сколько от личностного определения возникающих жизненных ситуаций, т.е., говоря другими словами, от их индивидуальной оценки [2].

Характеризуя современную молодежь Республики Беларусь, нужно иметь в виду, что как социальная группа она отличается тем, что испытывает серьезные трудности на этапе жизненного старта, в первую очередь, связанные с трудоустройством, с жилищными и материальными условиями. В настоящее время также обострились проблемы психологической адаптации молодежи, осложнены механизмы ее вовлечения в систему социальных взаимосвязей. Корреляция между объективными условиями жизнедеятельности и конкретной деятельностью молодежи очевидна и предполагает, помимо прочего, гармоничную связь между физическими, психическими, интеллектуальными, социальными и иными характеристиками молодого человека [3, с. 30].

Видение молодежью своих проблем стало предметом социологического исследования, которое было проведено на базе трех вузов Республики Беларусь. Параметры представленной выборки соответствуют характеристикам генеральной совокупности. В ходе исследования приняло участие 1275 студентов, в том числе юноши – 401, девушки – 874. Возрастной состав респондентов варьировал от 18 до 25 лет. В круг изучаемых характеристик вошли такие показатели, как ценностно-ориентационные установки, социальное самочувствие, направленность социальных коммуникаций, уровень принятия семейных ролей, социальные факторы формирования готовности молодежи к семейной жизни и др. Предложенные аспекты в значительной степени отражают ценностно-смысловую организацию личности современного студента и успешность ее социализации.

На первом этапе анализа и обработки информации полученные данные были обработаны посредством применения пакета прикладной компьютерной программы SPSS 16.0. На втором этапе результаты проанализированы с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Третий этап представлен проведением корреляционного анализа факторов; выявлением максимального корреляционного пути при помощи метода корреляционных плед.

В ходе проведенных мероприятий выявлено 5 цепочек, максимальный корреляционный путь которых имеет разное значение. Так, результаты социологического исследования можно представить следующим образом.

1-я цепочка: 2 фактор-16 фактор- 17 фактор – 19 фактор

2 – ценностно-ориентационные установки / 16 – уровень принятия семейных ролей (муж/жена) / 17 – уровень принятия семейной роли (мать / отец) / 19 – трансмиссия семейной культуры. Корреляционный анализ, проведенный для комплекса факторов, подтвердил наличие достоверной и положительной корреляционной связи между выраженностью ценностно-ориентационных установок студенческой среды, готовностью к выполнению обязанностей мужа/жены и отца/матери. Данные факторы находятся в положительной корреляционной связи с влиянием родительской семьи на подготовку и уровень готовности молодежи к семейной жизни.

Рассматривая фактор «ценностно-ориентационные установки», необходимо обратить внимание на следующие показатели. На вопрос «Как Вы оцениваете свои жизненные перспективы?» мнения респондентов распределились следующим образом: «Думаю, что моя жизнь сложится весьма удачно» – 51,7 %; «Возможно, я не смогу достичь слишком больших успехов, но в целом все сложится нормально» – 29%; «Мне придется очень трудно» – 4,7%; «Затрудняюсь ответить» – 14,5%.

Интересным представляется изучение уровня принятия семейных ролей (муж/жена; мать/отец). Так, 46,2% респондентов считают себя в чем-то готовыми, а в чем-то не готовыми к выполнению обязанностей мужа/жены, 36,3% – к выполнению обязанностей отца/матери. Полную уверенность в данном вопросе выразили 29,4% респондентов по отношению к ролям мужа и жен, и 19,5% – по отношению к роли отца/матери. Полярная позиция отмечается у 19,1% и 36,2% респондентов, соответственно. Затруднение в оценке уровня готовности к принятию семейных ролей вызвало у 5,3% и 8% респондентов. Что может свидетельствовать о том, что современная молодежь в достаточной степени осознанно подходит к вопросу готовности к семейной жизни.

Определяющее значение в процессе подготовки молодежи к семейной жизни, с позиции современного студенчества, имеет семья, что еще раз подтверждает общеизвестную истину, подтвержденную научными данными различных исследований. Так, по мнению 72,7% респондентов семья является главным источником подготовки к семейной жизни и формирования готовности молодежи к семейной жизни. 13,7% считают, что ее влияние незначительно; по мнению 2,4% респондентов, семья не оказывает никакого влияния на этот процесс; 11,3% пока не определились в своем мнении по данному вопросу.

Полученные результаты показывают, что предложенные факторы статистически значимо коррелируют между собой. Семья – это социальная макросреда, которая выступает посредником между культурой и личностью (ее сознанием). Что подтверждают полученные цепочки. Как социально-психологическая целостность, семья оказывает социализирующее воздействие на личность посредством нормативного и информационного влияния.

Семья, с одной стороны, рассматриваемая как малая социальная группа (микросреда), отражает непосредственный результат социализации и само представ-

ление личности о семье как таковой. С другой стороны, семья как социальный институт (макросреда), отражает представление социума о семье, также социализирующая личность. С учетом изложенных позиций семья одновременно выступает как субъект социализации и как ее результат. В центре всех этих объективных и субъективных взаимовлияний находится человек (в частности молодежь).

2-я цепочка: 5 фактор- 24-фактор – 25 фактор – 30 фактор

5 – направленность социальных коммуникаций / 24 – оценка эффективности деятельности органов государственного управления по реализации молодежной политики / 25 – пол / 30 – условия проживания.

Анализ корреляционной связи между вышеперечисленными факторами, показывает то, что направленность социальных коммуникаций - интровертирована. Так, на вопрос «Если у Вас возникали проблемы с учебой, трудности в общении с однокурсниками, соседями по общежитию, материальные или иные жизненные трудности, то куда вы обращались за помощью?» ответы распределились следующим образом: студенческий совет – 2,7%; БРСМ – 4%; студенческий профсоюз – 3%; администрация вуза – 5,4%; нигде не обращался(ась) – 58%. Другими словами, в условиях современного общества молодые люди больше рассчитывают на свои силы в решении трудных жизненных ситуаций и достижении успеха. Нынешнее молодое поколение достаточно уверенно в своих силах, что и объясняет высокий уровень оптимизма в оценке своих жизненных перспектив. Так, 51,7% респондентов считают, что их жизнь сложится весьма удачно. В целом, положительно оценивая жизненные перспективы, 29% респондентов допускают возможность недостижения больших успехов в своей жизни.

Данный фактор коррелирует с фактором оценки эффективности деятельности органов государственного управления по реализации молодежной политики. Так, по мнению студенческой молодежи, созданные специальные фонды президента РБ по поддержке молодежи оказывают стимулирующее влияние на формирование готовности молодежи к семейной жизни в следующей степени: большое влияние – 13%; среднее влияние – 41,6%; низкое влияние – 24,3%; затрудняюсь ответить – 21,1%.

Также положительная корреляционная связь была установлена между фактором направленности социальных коммуникаций, полом респондента и условиями жизнедеятельности студенческой молодежи.

3-я цепочка: 6 фактор – 20 фактор.

6 – оценка действенности предпринимаемых мер со стороны государства в сфере обеспечения социальных гарантий (жилищный вопрос) / 20 – активность вузовской среды по формированию готовности молодежи к семейной жизни.

Оценка действенности предпринимаемых мер со стороны государства в сфере жилищного вопроса находится в корреляционной зависимости от оценки активности вузовской среды по формированию готовности молодежи к семейной жизни. Так, на вопрос «Как вы считаете, занимается ли государство обеспечением молодежи жильем?» получены следующие ответы: да – 8,1%; скорее да, чем нет – 37,1%; скорее нет, чем да – 43,1%; нет – 11,6%. Таким образом, обеспокоенность жилищными проблемами у студенческой молодежи достаточно высока, что свидетельствует о проявлении заботы за собственную материальную стабильность и материальное благосостояние своих близких, а также реализацию социальных гарантий.

«Как часто в вашем учебном заведении проводятся мероприятия, посвященные проблематике семейно-брачных отношений?». Достаточно часто – 7,6%; редко – 33,7%; крайне редко – 24,9%; не проводятся вообще – 33,7%. Данные показатели позволяют с высокой степенью уверенности выдвинуть предположение о том, что подготовке студенческой молодежи к семейной жизни в условиях вуза не уделяется должного внимания. Что, безусловно, отражается на общей тенденции готовности молодежи к семейной жизни.

4-я цепочка: 10-фактор – 11 фактор.

10 – субъектные ценности (полоролевая дифференциация: мужчины) / 11 – субъектные ценности (полоролевая дифференциация: женщины).

Прямая корреляционная связь наблюдается между ценностью семьи у мужчин и женщин. «Считаете ли Вы, что семья необходима и ничем не заменима для мужчины/женщины?». Для мужчины: да – 72,8%; нет – 12,6%; затрудняюсь ответить – 14,6%; для женщины: да – 88,3%; нет – 4,6%; затрудняюсь ответить – 7,1%. Чем выше степень значимости данного социального института для одного из партнеров, тем выше его значимость для другого.

5-я цепочка: 14 фактор – 21 фактор.

14 – оценка роли социально-экономических факторов в формировании ИРУ / 21 – социальные факторы формирования готовности молодежи к семейной жизни.

Прежде чем обратиться к анализу корреляционной связи между заявленными факторами, целесообразным представляется изучение репродуктивных установок современного студенчества: так, за семью с тремя и более детьми выступают 12,7% опрошенных; оптимальным считают наличие в семье двух детей – 65,7%; за семью с одним ребенком – 19,4%. Среди респондентов были и те, которые предпочитают семью без детей – 2,1%.

При сохранении нынешнего уровня рождаемости, присутствующими репродуктивными установками в молодежной среде, сокращение общей численности населения Республики Беларусь становится серьезной социальной проблемой.

Социально-экономические факторы в формировании идеальной репродуктивной установки представлены следующим образом: «Что препятствует Вашему желанию иметь больше детей?»: отсутствие нормальных жилищных и материальных условий – 62,8%; плохое состояние здоровья – 5,3%; изменение смысла жизни – 21,3%; чувство страха перед будущим, неуверенность в завтрашнем дне – 16,7%. Как видим, в наибольшей степени молодых людей беспокоят низкие доходы и жилищные проблемы.

Между обозначенными факторами наблюдается положительная корреляционная связь с социальными факторами формирования готовности молодежи к семейной жизни. Так, среди наиболее действенных мероприятий, оказывающих стимулирующее влияние на формирование готовности молодежи к семейной жизни, выделены следующие: льготное кредитование – 46,3%; создание организаций по оказанию информационной и консультационной поддержки – 20,6%; организация целенаправленной подготовки в учебных заведениях – 13,7%; усовершенствование социальной политики – 34,8%; разработка специальной концепции, программы по решению проблемы готовности молодежи к семейной жизни – 22,8%.

Таким образом, студенческую молодежь можно рассматривать как специфическую социальную группу, существующую в рамках сложной системной организации – современного общественного окружения. Будучи подсистемным образованием в рамках общества, студенческая молодежь сама выступает как своеобразное системное явление.

Специфика изменений системы современных общественных связей свидетельствует о неуклонном возрастании социальной автономности человека, его стремлении к самостоятельному определению своего жизненного уклада и избирательному отношению к ценностям. В этих условиях усиливается роль самосознания, самовоспитания, самоопределенности в поведении молодого человека.

Современное белорусское общество характеризуется интенсивностью социокультурных процессов, глубокой и неоднозначной трансформацией мировоззрения и ценностных ориентаций. Эти и другие аспекты оказывают непосредственное влияние на процесс социализации индивидов, функционирования механизмов формирования социально-значимых качеств в первую очередь у молодых людей.

Литература

1. Васильева Е., Малыгина А. Активность студентов как показатель их социализации и социальной компетенции // *Alma Mater. Вестник высшей школы.* – 2007. – №7. – с. 18-22
2. Антонов А.И., Медков В.М.. Социология семьи, 1996. – 304 с.
3. Гуревич П. Личностный рост как проблема молодежи // *Alma Mater. Вестн. высш. школы.* – 2008. – N 2. – С.30-37.

ОБРАЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ – “УНИКАЛЬНЫЙ ТОРГОВЫЙ ТОВАР” СФЕРЫ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

С.А. Сергачев

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Международный рынок туристических услуг в настоящее время заполнен высококачественным товаром. При всей изменчивости прослеживаются как постоянно присутствующие факторы, так и новые тенденции, регулирующие деятельность этого рынка. К постоянному можно отнести то, что человека, намеревающегося провести отпускное время, по-прежнему привлекают спокойная обстановка и экзотика в виде природы, культуры, исторического прошлого. А среди новых тенденций в сфере туризма особо выделяется стремление отдыхающих выбирать новые маршруты для путешествий и новые места для отдыха, а также большая мобильность самих путешественников, что заключается не только в широком доступе к средствам передвижения, но и чуть ли не в постоянной готовности отправиться в непродолжительное по времени путешествие [1, с. 32].

Что касается товара, который предлагается на рынке туристических услуг, то это – широко известные, буквально эталонные памятники истории и культуры, старинные города, имеющие все для демонстрации своей историчности, первоклассные коллекции произведений искусства, собранные в музеях мирового значения,

развитая сеть гостиничного сервиса, прекрасно функционирующие системы транспортных коммуникаций. А что Беларусь может поставить на рынок в качестве конкурентного туристического товара? Особенно актуальным этот вопрос становится в связи с тем, что Беларусь в качестве самостоятельного государства можно рассматривать как новое туристическое направление, и как все новое, она может вызывать интерес.

Историко-культурный потенциал наследия нашей страны значителен, так как ее не обошли события мирового значения. Однако следует учитывать, что эти же события нанесли большой урон этому потенциалу. Поэтому многие десятилетия белорусский народ решал зачастую восстановительные задачи, откладывая на потом заботы о своем наследии, то есть о том, что в наше время как раз и стало товаром в сфере туристического бизнеса. Значительная часть объектов историко-культурного наследия республики сейчас отреставрирована и включена в системы жизнедеятельности общества. Но все же надо отдавать себе отчет, что многие из этих объектов в большей мере могут быть использованы для внутреннего потребления, как материальное подтверждение фактов исторического прошлого, для проведения учебно-воспитательных программ.

Если же вести речь о въездном туризме, то наша страна может хоть сегодня представить на рынок именно тот продукт, который всегда традиционно интересовал отдыхающих, – некую экзотику в виде фрагментов природы, сохранившейся практически в первозданном виде, а также проявлений местных традиций быта, культуры, искусства, архитектуры. Причем не просто архитектуры, а народной архитектуры во всех ее региональных проявлениях. Это как раз то, что можно увидеть только здесь, в Беларуси. А ведь именно местное всегда интересовало интуриста. Местные особенности и есть то, чего нет в других странах – своего рода “экзотика”.

Народное зодчество историко-этнографических регионов Беларуси (Поозерье, Поднепровье, Понеманье, Восточное и Западное Полесье, Центральная Беларусь), сложившихся к концу XIX – началу XX вв., отражает особенности быта и хозяйственного уклада местного населения, связи с культурой соседних народов, приемы местных мастеров [2, с. 115]. Между регионами не было жестких границ, что содействовало активному обмену информацией. И тем не менее, местные исторические, природные и иные условия предопределяли формирование своих приемов и решений, которые становились традиционными для отдельных территорий. Каждый из регионов Беларуси [3, с. 19] характеризовался своими особенностями архитектурно-строительного искусства в организации среды в целом, отдельных объектов, малых архитектурных форм. Если рассматривать южную часть Беларуси, то Полесье всегда представляло собой ярко выраженный историко-этнологический комплекс, но не однородный, а богатый локальными вариациями, хотя бы разделением на два региона.

Западное Полесье – юго-запад Беларуси: основная часть Брестской области (без северных частей Барановичского, Ляховичского и восточной части Лунинецкого районов). Линейные структуры получили наибольшее распространение, здесь известны самые сложные варианты усадеб погонного типа (длиной до 100-120 м), церковей продольно-осевой композиции (до 4-5 срубов). Такие усадьбы включали в

свой состав и гумна, что редко делали в других регионах. Дома с навесами перед входом строили не только в местечках и городах, как на Понеманье, но и в сельской местности. Активно использовали светотеневые эффекты для формирования навесов, галерей. Сооружения характеризуются подчеркнутым выявлением тектонического строя и широким использованием естественных природных форм (сохи, плетеные конструкции). Этому придавалось особое значение при обычных изломах продольных стен, непараллельности поперечных стен и столбовых конструкциях. Декоративные приемы ограничены.

Восточное Полесье – юго-восток Беларуси: основная часть Гомельской области, восточная часть Лунинецкого района Брестской области и часть южных районов Минской области. Характерно разнообразие композиционных приемов, особое внимание уделялось симметрии, а вместе с ней и осевым решениям. Поэтому, как и на Поднепровье, важным элементом является главный фасад. Архитектура жилого дома не мыслилась без резного убранства на фасаде, выходящем на улицу. Элементы сквозной и накладной резьбы сочетались с приемами древней плотничной декорации (обработка топором выступов балок, консолей верхних венцов). Шатровые четырехскатные крыши, ярусные завершения храмов – результат развития симметричных решений. Большое внимание уделяется пластике сруба (одинаковое сечение бревен, одинаковые их выпуски в углах и т.д.). Как и на Западном Полесье, широко использовали естественные природные формы (сохи, разветвления и ответвления стволов), разнообразные плетеные конструкции.

Эти композиционные особенности дополнялись различиями в типологии зданий, которые предопределялись историческими и экономическими условиями, а также природно-географическими характеристиками регионов. Следует учитывать и многообразие конструктивных решений, обеспечивавших рациональность, унификацию и экономичность конструкций, а также создание условий для эффективной эксплуатации сооружений. Характерный народной архитектуре высокий уровень сборности монтажных работ в определенной мере приводил к повторяемости создававшихся форм. Но индивидуальность творческого процесса позволяла избегать единообразия. Стремление застройщиков, в особенности крестьян, к выполнению основного объема работ своими силами содействовало формированию цельности образов региональной архитектуры. Все это, в условиях существовавшей тогда системы обучения строительному ремеслу, формировало приемы и решения, характерные региональным архитектурным школам Беларуси начала XX в. В связи с этим, народное зодчество Полесья и формирование в его русле региональных школ, то есть приемов формирования среды жизнедеятельности в конкретных условиях, можно рассматривать как феноменальное явление, характерное именно данной части Беларуси.

В связи с этим актуальность приобретает создание условий для сохранения образцов народного зодчества, причем предпочтительно сохранение объектов не в музеефицированном виде, а в качестве элементов функционирующих структур. Среда, в которой образы местной архитектуры могут быть востребованы и благодаря этому сохраниться, разнообразна:

1. Прежде всего, это существующая современная архитектурная среда населенных пунктов, – среда повседневного пользования, в которой реализуются все

основные процессы жизнедеятельности. Но эта среда в настоящее время пребывает в условиях активного совершенствования, направленного на улучшение условий труда, быта и отдыха населения. Основная задача всех, связанных с этим мероприятий, – повысить комфортабельность этой среды, ее капитальность. Естественно, происходит замена на новое многого из того, что было достаточно комфортным в прежние времена, но уже не отвечает требованиям современности. А это значит, она неизбежно изменяется, утрачивая объекты, относящиеся к предыдущим историческим периодам. Но в новом строительстве преобладает нивелирование архитектурных решений, тиражирование на разных территориях одинаковых форм и приемов без учета культурологического контекста. Не ставятся задачи по разработке региональных серий проектов. Не прослеживается стремление к формированию архитектурно-художественных образов разных территорий страны.

2. Среда уникальных охраняемых территорий (национальные парки, заказники и иные регулируемые территории), где активная строительная и вообще хозяйственная деятельность все-таки не ведется в широких масштабах и обычно не ориентируется на ультрасовременные решения, может формироваться с использованием традиционных решений.

3. Объекты историко-культурного наследия, в которых сохранились стилистические особенности, конструктивные решения, архитектурно-художественные формы, характерные для каких-то конкретных исторических периодов или для типов зданий и имеют статус памятника. В большей мере это памятники монументальной архитектуры (храмы, объекты бывших усадеб и др.). Если до них доходит очередь реставрационных работ, то есть все основания полагать, что они сегодня будут выполнены с необходимым научным обеспечением, с целью сохранения или восстановления аутентичных форм.

4. Музеи, в состав экспозиции которых входят объекты народной архитектуры, имеют возможность раскрывать особенности, смысл и предназначение архитектуры в комплексе с памятниками этнографии и декоративно-прикладного искусства. Однако Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта, расположенный в Минском районе, пока не может сформировать равноценную экспозицию, представляющую разные историко-этнографические регионы Беларуси. До экспозиций, отражающих народную культуру Западного и Восточного Полесья, там пока очень далеко. В то же время интерес к созданию местных локальных музеев под открытым небом ("Центр ремесел" в Глуше Бобруйского района) или к дополнению существующих музейных экспозиций объектами народного зодчества очень высок (Государственный историко-культурный заповедник "Заславль").

5. Рекреационные объекты и комплексы, архитектурная среда которых формируется с использованием средств, приемов и форм традиционной архитектуры, помогающих вдруг увидеть уже забытые, когда-то утраченные образы на основе определенных ассоциаций. Причем, в данных комплексах может вовсе и не ставиться задача буквального воспроизведения форм прежних исторических периодов. Здесь важно создание у посетителей особого эмоционального настроения. Таковы музейный комплекс старинных народных ремесел и технологий "Дудutki" в Пуховичском районе, поместье Деда Мороза в национальном парке "Беловежская пуща" в Каменецком районе, горнолыжный спортивно-оздоровительный центр "Ло-

гойск" в Логойском районе, культурно-развлекательный комплекс "Корчма" и "Город мастеров" в Могилевском районе. И такой путь, на основе четких методических основ, возможен при создании специфической функциональной среды (досуговая, рекреационная, развлекательная и т.д.) на основе воссоздания образов прошедших времен (с пониманием невозможности возрождения реалий прошлого).

6. Объекты агротуризма в виде сельских усадеб стали еще одним, дополнительным средством формирования современной, разнообразной и психологически комфортной архитектурной среды Беларуси. При этом, роль объектов сельского туризма вовсе не в их промежуточной масштабности между известными туристическими комплексами. Их значимость заключена в активном образе существования. Это не статика, а сама жизнь во всех ее проявлениях, с включением окружающих пространств, природных особенностей, легенд и преданий, и, самое главное, с использованием элементов современной жизни. Поэтому пребывание в сельской усадьбе максимально приближает приезжих ко всему этому и даже позволяет стать участником многих, реально происходящих событий.

Формирование агроусадьб Брестской области происходит по нескольким направлениям. В качестве основы превалирует уже существующая жилая среда, которая представлена либо традиционным жилищем этого региона ("Гречиши", "Панские пруды", "Избушка на берегу Припяти", "Велута", "Домановская жемчужина" и др.), либо его модернизированными вариантами ("Лесная", "Млынок", "Гортоль", "Замковая гора", Шестаково и др.). Конечно, это не те жилые сельские дома, которые бытовали здесь когда-то в деревнях. Но они являются итогом закономерной эволюции традиционных форм и решений. А поэтому воспринимаются естественно и в застройке поселений, и в природной среде. Но даже объекты коттеджного типа ("Березовая роща", "Калинка", "Сомино", "На Заречной улице", "Полесские традиции" и др.), вовсе не претендуя на преемственность архитектурно-строительных традиций, невольно используют композиционные средства, свойственные объектам народного зодчества: связь с природным окружением; выразительность объемных решений; тактичное использование деталей [4, с. 41].

Во многих усадьбах формируются своеобразные экспозиции предметов старого быта, каждый из которых раскрывает какие-то стороны жизни народа. Эти экспозиции, либо даже отдельные старинные предметы содействуют созданию ощущения достоверности во время пребывания на усадьбе. Кроме того, как правило, они обладают исторической и художественной ценностью, отражая местные особенности сельского образа жизни. Особенно важно, что эти предметы, в отличие от музея, доступны, ими можно пользоваться, что помогает понять принципы их действия, узнать, как они изготовлены, для чего предназначены. Поэтому агроусадьбы расширяют возможности для использования памятников этнографии и народной архитектуры в целях туристической деятельности, и это, безусловно, волеется в общие усилия общества по сохранению историко-культурного наследия.

Белорусской общественной организацией "Отдых в деревне" разработаны рекомендации, выполнение которых содействует оптимальному функционированию сельской туристической усадьбы [5, с. 29]. Классификация усадеб разработана с учетом международного опыта и особенностей нашей страны, показаны стандарты, которые рекомендуется соблюдать. Обращено внимание на предпочтительное ис-

пользование местных решений и обязательное создание своего, особого колорита, а это невозможно без учета местных условий. Агроусадьбы неуклонно превращаются в активно действующие акценты современной архитектурной среды белорусского села, эффективно использующие местный фактор для активизации социальных процессов на селе и улучшения эстетики сельской среды. Но по-настоящему "высококачественным товаром" на рынке туристических услуг они могут стать лишь при условии максимального выявления местного фактора, как в архитектурных формах, так и в традициях быта, фольклора и других сфер духовной жизни.

Литература

1. Клицунова В. Фактор места – основной акцент архитектуры сельского туризма / В. Клицунова, С. Сергачев // Архитектура и строительство. – 2008. – № 10. – С. 32-36.
2. Титов В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. XIX – начало XX в. / В.С. Титов. – Минск: Наука и техника, 1983. – 152 с.
3. Сергачев С.А. Белорусское народное зодчество / С.А. Сергачев. – Минск: Ураджай, 1992. – 255 с.
4. Сергачев С.А. Усадьбы сельского туризма – новое в архитектурной среде Прибужского региона / С.А. Сергачев // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование / Под ред. Н.Н. Власюка. – Брест: БрГТУ, 2008. – С. 39-45.
5. Сборник документов: стандарт организации, классификация сельских усадеб / Разработчики В.А. Клицунова, Д.Т. Станкевич. – Минск, 2006. – 30 с.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

И.Н. Сидоренко

Белорусский государственный технологический университет, г. Минск

Глобализация существенно изменила статус и место модернизационных процессов, показав, вместе с тем, что классическая модернизационная теория уже не может эффективно и достоверно объяснять социальные реалии. Глобализация разрушила представления о единственности модернизационной теории, акцентировав основной вопрос о современности как завершенном или незавершенном проекте. Многогранность социальной реальности требует для своего понимания и объяснения новые, альтернативные варианты модернизационной теории.

Модернизация как основной тип социального изменения представляет собой содержательный аспект концепции индустриализации: модели семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества. Выделяют первичную модернизацию как процесс изменений, осуществленный в эпоху промышленных революций, и вторичную – процесс формирования индустриально-рыночного общества в странах третьего мира в ситуации наличия образцов (центров индустриально-рыночного производства), под которыми понимались развитые страны Запада, и возможностей прямых контактов с ними. Вторичная модернизация была представлена двумя образцами: советизация и вестернизация.

Классическая модернизационная теория объясняла социальную динамику как переход общества от традиционной к современной стадии развития. При этом под традиционным понимается общество, воспроизводящее себя на основе традиции и имеющее следующие характеристики: ориентация в организации социальной жизни на мифологические и религиозные представления; коллективизм; преобладание локального над универсальным; экономика сельского хозяйства; авторитарность власти, циклическое развитие и др. Современное общество коренным образом отличается от традиционного тем, что ориентируется на инновации; демократические институты; на инструментальные ценности; массовое образование; преобладание универсального над локальным; персональная выделенность и индивидуализированность индивида; поступательное нециклическое развитие и др.

Можно выделить следующие типы модернизации. Первый тип модернизации представлен переходом западного общества от средневековья к Новому времени, в результате чего сформировался тип инновационного органического развития, т. е. изменения осуществлялись изнутри, органически, на основе собственных потребностей. Второй тип модернизации был осуществлен Россией и представляет собой неорганический догоняющий, мобилизационный тип развития, в который были вовлечены и другие страны, находящиеся на этапе доиндустриального развития. В качестве источника развития выступил Запад, чей пример модернизации воспринимался как эффективное решение отсталости и ускорения развития. К культурным предпосылкам этого типа модернизации относится вера прозападных элит в социальный прогресс. Однако этот процесс догоняющей неорганической модернизации не был до конца завершен в силу объективных исторических реалий, таких например, как Октябрьская революция 1917 г. Третий тип модернизации – мобилизационно-инновационный – был осуществлен странами Юго-Восточной Азии. Реализация этого типа развития осуществлялась без радикального изменения идентичности, а источником развития, с одной стороны, послужил пример Запада и его вызов другим странам, а с другой стороны – это внутренний источник, а точнее поражение в войне и экономические проблемы. При этом типе развития духовные, культурные, семейные ценности не трансформировались, наоборот, они выступили основой для дальнейшего развития общества. Четвертый тип модернизации – это постколониальный тип развития, который был инициирован вызовом-примером Запада и реализован прозападными элитами стран третьего мира. Результатом таких модернизационных проектов часто становилось разрушение традиционного общества, так как духовные, культурные предпосылки развития отсутствовали.

В чем же заключается критика классической теории модернизации? Во-первых, в том, что в ней акцентируется линейность и одновариантность развития. Во-вторых, классическая теория признает за историей наличие логики и закономерности развития, что в принципе лишает общество возможности выбора. В-третьих, это жесткая установка на социальный прогресс и возможность его реализации по заданному образцу. В-четвертых, классическая модернизационная теория не учитывает такой факт, как нелинейность развития и его многовариативность. Другими словами, эта теория представляет собой идеальный тип, искажение которого неминуемо при попытке его переноса на реальное социальное пространство. В силу

этого, как попытки минимизации недостатков классической теории появились в середине 90-х гг. XX в. альтернативные теории модернизации или постмодернизационные теории, основная черта которых заключается в их прагматизме и применимости к конкретным социо-культурным реалиям современных обществ. Остановимся подробнее на каждом альтернативном типе постмодернизационных теорий.

Одним из альтернативных типов модернизационной теории является транзитология, сущность которой сводится к двум основным принципам: демократизация и маркетизация. В частности, в России и других странах СНГ осуществление этого проекта модернизации столкнулось с рядом проблем, например противоречие между рационализацией производительных сил и традиционными национальными ценностями. Анархия как определенный тип свободы, во многом свойственная славянскому менталитету, обернулась в процессе модернизации в негативную форму индивидуализма, отрицающую не только власть, но интересы другого. Таким образом, анархизм становится идеологией жизни на уровне базового выживания. В результате такого конфликта ценностей, порожденного анархией, этот радикальный вариант модернизации привел к демодернизации, демократизация – к анархическому порядку. В силу указанных проблем проект транзитологии себя не оправдал.

Американским философом Р. Рорти был предложен утопичный проект модернизации – ироническая солидарность. Свой социальный идеал Р. Рорти связывает с проектом «либерального иронизма», суть которого заключается в том, что «ироник» признает принципиальную случайность и относительность своего языка и сознания, а «либерал» рассматривает жестокость как наихудшее проявления зла. В силу этого будущее либеральное общество должно быть ориентировано на идеал свободы, а не истины, на легитимность дискурсов, а не одного авторитетного высказывания, на либеральных ироников, а не демократов. Отметим, что созданный проект иронической солидарности Р. Рорти – это утопия, однако отвечающая интересам и желаниям человека современного общества.

Следующим типом постмодернизационной теории выступает утилитаристский проект «хорошего общества», который представляет собой попытку «сконструировать» общество на основе соединения лучших черт, присущих разным обществам. Данный тип постмодернизационной теории возник в связи с исчерпанием доверия к радикальным проектам как нелиберальным, так и коммунистическим и каким-либо еще. Эта теория получила свое раскрытие в концепции Дж. Ролза, противопоставившего модель государства всеобщего благоденствия, допускающего классовое неравенство и не совсем четко прописанную модель демократического владения собственностью, это неравенство преодолевающего. «Хорошее общество» должно включать в себя все то позитивное, что уже есть в разных обществах: права человека, высокий уровень благосостояния, приемлемый социальный порядок и т. д. Вместе с тем возникает проблема критерия, нормы, позволяющей назвать общество именно так. Есть и другой «подводный риф» этой теории: при стремлении реализовать этот проект личностная установка индивида может выступить в качестве препятствия, что в целом ставит под удар все теоретические выкладки этой концепции.

В качестве постмодернизационной альтернативной теории выступает концепция устойчивого развития. Идеи устойчивого развития были заложены в концепции

Римского клуба и получили развитие в конце 80-х гг. XX в. В данной концепции, не отрицая развития, были указаны опасности его форсирования, невозможность для окружающей среды выдержать биотические нагрузки, связанные с активной деятельностью человека. Однако призыв минимизировать потребности обернулся сохранением статус-кво для Запада, но не для отстающих стран. В итоге богатые страны богатеют, а бедные беднеют, и убедить отстающие страны в том, что это так надо для сохранения окружающей среды, очень проблематично. То, что США не ратифицировали Киотский протокол, лишний раз свидетельствует, что концепция устойчивого развития в настоящее время работает, к сожалению, только на ограничение развития менее развитых стран, не затрагивая страны «золотого миллиарда».

Другой проект постмодернизационной теории выражен в теории макдональдизации как проявление нового типа рациональности американского социолога Дж. Ритцера. Под макдональдизацией Дж. Ритцер понимает «процесс, в ходе которого принципы работы ресторана быстрого обслуживания начинают определять все большее и большее число сфер как американского общества, так и остального мира... макдональдизация затрагивает не только ресторанный бизнес, но и образование, труд, здравоохранение, туризм, отдых, питание, политику, семейные отношения и виртуально каждый другой сегмент общества» [1, р. 3]. Макдональдизация включает в себя следующие параметры: экономическая эффективность, калькулируемость процесса и результата, предсказуемость последствий определенных действий и технологически оснащенный контроль за поведением. Социолог отмечает, что, будучи социально и культурно востребованным типом рациональности, эти социальные практики макдональдизации стали быстро распространяться. Например, пресса все более ориентируется на «макгазеты», т. е. аналитические статьи вытесняются краткой информацией. В сфере высшего образования возникают «макуниверситеты»: учебники все больше напоминают «мактексты», а творческие дискуссии заменены тестами. Отметим, что данная модель не подходит постиндустриальным обществам с высоким доходом на душу населения и устойчивой системой нравственных ценностей.

С нашей точки зрения, наиболее адекватной и эффективной формой развития белорусского общества является выделенная С. Хантингтоном локальная или национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Национальный, в данном контексте, понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам национального государства. Согласно такому утверждению получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит, к многообразию типов модернизации. Так, например, в доказательство этого утверждения С. Хантингтона приведем слова одного из крупных специалистов по теории модернизации Ш. Айзенштадта, который убедительно показал, что в условиях глобализации находящийся в процессе трансформации Запад уже не может по-прежнему выступать универсальным образцом развития. Более того, каждое общество само решает, в каком типе модернизационного развития оно нуждается. В силу этого появляется множество модернизаций, складывающихся на локальном уровне [2, р. 4-30]. Славянский мир вступил в третье тысячелетие раздробленным и

обессиленным, подверженным внутренним распрям и разрушительному внешнему воздействию. Поэтому наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент – это формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или превращаются в «этнографический материал» для развития других цивилизационных центров развития. Вывод напрашивается сам собой, что только в равноправном союзе друг с другом и некоторыми другими странами Евразии восточнославянские народы могут сохранить себя.

Локальная или национальная модель модернизации предполагает рассмотрение истории как особого рода темпоральности, т. е. историчности. Выделим два ракурса рассмотрения историчности: в экзистенциализме, заостряющем индивидуальный аспект темпоральности, и в постмарксизме, акцентирующем его социальный аспект. Экзистенциальная трактовка историчности предполагает вовлеченность индивидуального существования человека в пространство свершения судьбы его народа и решительное принятие этого наследия как уже своей судьбы. Так, М. Хайдеггер в центр истории ставит историчность *Dasein*, подразумевая под этим то, что человек всегда уже определен результатами прошлого, т. е. вовлечен в традицию и судьбу своего народа. Продвигаясь в будущее, решимость человека никогда не может начинаться с нулевой точки. Свой набросок на будущее человек должен делать в напряженном взаимодействии с заданным наследием. Бытие-в-мире существует как решимость по отношению к ситуации, из которой можно принять возможности, на которые «набрасывается» существующее. В мире существует наследие, прошлое потому, что этот мир есть мир языка. Наследство – это область, куда вписываются традиции. Поэтому только там, где мир есть наследие, настоящее есть сообщество. Эту сообщество Хайдеггер именует «судьбой». «Судьба не возникает впервые лишь через столкновение обстоятельств и происшествий ... а когда судьбоносное присутствие как бытие-в-мире сущностно экзистирует в событии-с-другими, его событие есть событие общности, народа. Исторический путь не составляет из отдельных судеб, равно как бытие-друг-с-другом не может быть понято как совместный быт многих субъектов» [3, с. 384]. Только в сообществе, согласно мысли М. Хайдеггера, власть исторического пути оборачивается для человека свободой.

В постмарксизме, в частности в исторической концепции К. Кастириадиса, история рассматривается как движение масс, которые активно преобразуют пространство социальной жизни на основе коллективных решений. При этом глобальные генерализации исторического материала невозможны в принципе, а универсальность знания должна обнаруживать себя в способности вдохновлять и ориентировать определенные виды социального действия. Таким образом, национальная культура представляет собой уникальный феномен, способ существования и трансформации которого не могут быть выведены из предшествующего мирового исторического контекста. Уникальность культуры предполагает и уникальность ее истории. Историчность истории раскрывается здесь через концепт «воображаемого» времени: «Социальное – это самоизменение, и если оно им не является, оно

ничто. Социальное самоорганизуется как история, как темпоральность, и в каждом отдельном случае как специфический способ темпоральности...» [4, с. 273]. Таким образом, историчность как воображаемое время дает возможность массам реализовывать изменения, которые в свою очередь образуют саму основу социальной «ткани». В силу этого история имеет принципиально разомкнутый характер и в случае конкретного национального общества она складывается в результате обусловленного, но жестко не детерминированного выбора определенных возможностей. Однако на этот выбор надо еще решиться.

Классическая теория модернизации рассматривает Запад как единственно возможный образец для модернизации других стран. При этом эмпирические несовпадения модернизаций других стран с западным образцом этой теорией трактовались как незавершенные или неуспешные проекты модернизации. Альтернативная концепция множества модернизаций и модель национальных локальных модернизаций рассматривает различия в модернизации разных стран как закономерный процесс и отрицает единый образец и путь развития. Именно поэтому в качестве наиболее адекватной и эффективной формы развития белорусского общества была указана локальная или национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации и предполагающая для своей реализации консолидацию восточнославянских народов.

Литература

1. Ritzer G. The Mcdonaldization of Society / G. Ritzer. – Pine Forge Press, 2000.
2. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // Daedalus. Winter. Vol. 29. № 1.
3. Хайдеггер М. Бытие и время/ М. Хайдеггер /Пер. В. В. Бибихина. – М.: «Ad Marginem», 1997. – С. 384
4. Касториадис К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис; пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М.: Гнозис: Логос, 2003.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е.В. Скакун

Брестский государственный университет им А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

Международный порядок в XXI веке диктует государствам новые условия взаимодействия. И это неспроста. Ключевые проблемы человечества государства не могут решить только в национальном масштабе. Мы наблюдаем взаимозависимость и взаимововлеченность различных государств в мировые процессы. Одним из главных вызовов современности является глобализация. Это новое явление, которое в нынешних условиях гораздо весомее даже революций и смен общественно-политического строя.

Термин «глобализация» появился в конце XX в., когда особо остро встал вопрос о взаимовыгодном сотрудничестве в области экономики, науки, культуры и политики. Понятие «глобализация» стало активно употребляться в научных и популярных изданиях только после 90-х гг. Американский социолог Р. Робертсон одним из первых обратился к исследованию проблем глобализации, используя термин «глобальность» в на-

звании своей работы «Обсуждая глобальность». Начиная с 90-х гг. количество статей и монографий по этой проблеме стало быстро увеличиваться, и сегодня подавляющее большинство экономистов и политологов считают, что глобализация является наиболее значимым социальным процессом конца XX – начала XXI в.

На своем историческом пути человечество проходит универсальные этапы, в которых действуют и развиваются полиструктурные и поликомпонентные системы. Это может быть ярче всего продемонстрировано на примере технологий. Развитие технологий может быть деструктивным, регрессивным и прогрессивно-конструктивным. Чтобы обеспечить какую-либо технологию (например, аграрно-промышленную или индустриальную) механизмом устойчивого роста, необходимо существование обширной системы норм, правил, стандартов и эталонов деятельности. Такая система представляет собой нормативную базу производственной, социальной, экономической, политической, иной социально значимой деятельности, определяющей сущность данной цивилизации [1, с. 122].

На протяжении всей истории человечества проходил устойчивый процесс усложнения социальных систем. Глобальные по своим масштабам кризисы порождают и соответствующие структурные изменения. Сегодня они связаны с разрешением экологических, энергетических, продовольственных, демографических и ряда других проблем, выросших до масштаба планетарных. Перед человечеством встала задача преодоления социального неравенства народов, экономической и культурной отсталости миллионов людей в странах Азии и Африки, сохранения окружающей среды, развития культуры и науки, сохранения генофонда человечества и свободы личности.

«Важнейшей чертой глобализации является формирование в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но и финансово-информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся деятельность человечества» [2, с. 133-134]. Уже сегодня можно с определенностью сказать, что в обозримом будущем глобализация способна радикально изменить не только экономическую, но и политическую, социальную и культурную жизнь мира.

Глобализация включает в себя целый ряд аспектов. В экономике она проявляется в резком увеличении масштабов и темпов перемещения капиталов. Создаются глобальные рынки финансов, товаров, услуг, транснациональные корпорации, обеспечивается переход мировой экономики от постиндустриального к информационному (цифровому) этапу развития. В технологическом плане глобализация углубляет территориальное разделение труда и кооперацию производства. В условиях глобализации человечество преодолевает свою разобщенность, а средой и объектом преобразовательной деятельности становится вся планета. Это создает возможности и потребность в глобальном управлении мировыми процессами, но вместе с тем делает актуальным и вопрос, в чьих интересах такое управление будет осуществляться, – в частных интересах всемирной элиты (в лучшем случае «золотого миллиарда») или в интересах людей разных цивилизаций и разной степени обеспеченности ресурсами.

Надо учитывать и то, что глобализация носит разноплановый характер и охватывает не только политику и экономику, но и такие важнейшие сферы общественной жизни, как культура и мораль. Поэтому было бы упрощением сводить проблему глобального регулирования к альтернативе: однополярный или многополярный мир. Не менее актуальна альтернатива: монокультурный или поликультурный мир.

Вопросы развития и взаимодействия различных культур приобретают в условиях глобализации особое значение. Исследователи выделяют две противоположные тенденции в указанных процессах. Во-первых, вследствие конвергенции на мировом рынке практики менеджмента бизнес формирует свою глобальную субкультуру, которая подминает под себя национальные культуры. Во-вторых, защита и развитие национальной культуры, которая служит основой национальной идентичности, становится все более важным фактором сплочения общества перед лицом дестабилизации, связанной с глобализацией [3, с. 13].

И здесь встает вопрос о сохранении белорусской национальной культуры. Белорусская национальная культура сложилась на основе культуры белорусского этноса во взаимодействии с культурами других этнических групп – литовцев, русских, евреев, татар и др. Происходящие процессы глобализации, влияющие на идентификацию, являются опасными для всех культур, но эта опасность не для всех одинакова. Есть культуры, которые давно и целиком сформировались (итальянская, немецкая), прочно укрепились в социальных институтах, индивидуальной ментальности, повседневном быте и процессы глобализации им нестрашны. Но для белорусской культуры глобализация представляет реальную угрозу, т.к. процесс формирования белорусской культуры еще не полностью завершен.

Изменения в мировой политике после окончания «холодной войны», а равно и начавшаяся в стране демократизация поставили Беларусь в положение страны, которая должна заново определить свое место в мировой политике, выявить те приоритеты своей внешнеполитической деятельности, которые определяют ее роль и влияние на мировой арене.

В сложившихся условиях Беларусь должна выработать свои линии поведения на международной арене. Во-первых, завоевание политического влияния страной должно основываться на налаживании ее равноправных и взаимовыгодных отношений с соседями, сознательным уходом от вовлечения в мировые конфликты и противоречия. Во-вторых, надо занимать прагматическую внешнеполитическую позицию, основанную на принципиальной равноудаленности от тех или иных блоков сил и прагматическом сближении или отдалении от конкретных коалиций и государств. Тем самым ее общегосударственные интересы будут формироваться на внеидеологической основе, видоизменяясь в зависимости от конкретной складывающейся ситуации. При таком подходе к внешнеполитическим задачам страна сможет сделать упор на решение экономических и других внутренних проблем.

Наше государство должно опираться не только на реалии сегодняшнего дня, но и на весь свой исторический опыт. А это долговременный, стратегический курс, рассчитанный на образование максимально благоприятных условий развития для своего народа. Это формирование принципов и средств международной политики, согласно которым должно существовать согласие между всеми политическими силами. Формируя свой геополитический курс, государство должно учитывать весь комплекс национальных интересов: внутреннюю и внешнюю безопасность, экономические и культурные связи, международную ситуацию и духовные традиции. Процессы межгосударственной интеграции приобрели многоуровневый характер. Появились новые возможности для реализации потенциала каждой страны, однако возникли и новые угрозы. Безусловно, и внешняя политика нашей республики сталкивается с новыми задачами и проблемами.

Согласно статьи 18-й Конституции нашего государства: «Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, непримене-

ния силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права».

Внешнеполитическая стратегия Беларуси должна строиться на трех основополагающих принципах: политический суверенитет, экономическая открытость и равные партнерские отношения между странами. На международной арене Республика Беларусь последовательно отстаивает необходимость формирования многополярного мироустройства. Именно многополярная система должна быть основана не на конфронтации, а на взаимодействии.

Беларусь находится в Восточной Европе. А это регион пересечения мировых интересов. Республика, опираясь на восточный и западный векторы своей политики, намерена обеспечивать собственные государственные интересы. На современном этапе развития внешней политики стратегическими партнерами Беларуси являются Россия, Китай, страны Евросоюза, взаимодействие на двусторонней и многосторонней основе с государствами Азии, Африки, Латинской Америки, сотрудничество в международных организациях.

Разрабатывая систему национальных интересов в области внешней политики, Беларусь учитывает главные тенденции современного европейского развития, оказывающие прямое влияние, как на внутреннюю, так и на внешнюю политику страны. К числу названных тенденций следует, в первую очередь, отнести политику расширения Европейского Союза и расширения НАТО на Восток.

Превращение Беларуси в непосредственного соседа Евросоюза требует от обеих сторон новых подходов в экономическом взаимодействии. Необходима выработка оптимальной модели плодотворного сотрудничества Евросоюза и Беларуси. Эта модель должна основываться на взаимном экономическом интересе, общности цивилизационных процессов, принадлежности к европейской культуре, единстве истории и географического пространства. Предметом особой заботы белорусской дипломатии являются взаимоотношения нашей страны с НАТО, которая вплотную подошла к белорусским границам. При разработке внешнеполитической стратегии важно сохранить органическое единство принципов формирования внешней и внутренней политики государства. Иными словами, государство должно предусматривать наличие единых стандартов, регулирующих отношения со своими ближайшими соседями, странами Запада и странами «третьего мира».

Пока еще глобализация – это новый и мало изученный этап мировой истории. Не понятно, в чьих интересах она проводится и кто стоит за этими процессами? И финансовый кризис, который охватил все страны мира, скорее всего, является последствием процесса глобализации. В условиях глобализации национальные интересы любого цивилизованного государства при формировании внешней политики являются фундаментальной основой обеспечения жизнедеятельности государства. Способность страны отстаивать свои национальные интересы определяется экономическим потенциалом, проведением экономических реформ.

Литература

1. Шагинян, А.М. Социальная модернизация и глобализация / А.М. Шагинян // Вест. Моск. ун-та. Сер.18, Социология и политология. – 2007. – № 4. – С.121-122.
2. Делягин, М. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / М. Делягин. – М.: Академия, 2000.
3. Иванов, Н. Глобализация и общество: проблемы управления / Н. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4. – С. 3-15.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ В ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКЕ (Польша на фоне избранных стран Европейского Союза)

Elzbieta Skapska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

1. Предисловие. Современное массовое воспитание граждан мира стало инструментом к решающей способности для участия в глобализирующейся экономике. Вступление Польши в Европейский Союз (ЕС) наложило обязанность приспособления к её экономическим структурам, также и в сфере образования. Реформа системы образования в Польше определила такие направления профессионального развития преподавателей, чтобы после переходного периода (максимально семь лет) они могли работать в школах других странах Европейского Союза. К 2006 году преподаватели должны довести свое образование до университетского уровня [7]. Однако, в Европейском Союзе нет однородной образовательной политики. Это может облегчать или затруднять поступление на работу или учёбу в системе полной автономии стран в этой сфере. В связи с этим, ввиду свободного притока человеческого капитала через государственные границы, огромным долгосрочным вызовом для Польши, должно стать задержание самых талантливых учеников и преподавателей. В нашей стране существуют важные расхождения между образованием и рынком работы для молодёжи, которая закончила учёбу и ищет работу.

2. Распределение и характеристика образовательных услуг по спискам GATS. Воспитательные услуги согласно GATS были распределены на четыре сектора [5, с. 69]: 1) услуги начального образования; 2) услуги среднего образования; 3) услуги высшего образования; 4) обучение взрослых.

Как в Польше, так и в остальных странах Союза доминирует государственное образование. Только в Бельгии и Нидерландах свыше половины учеников учится в частных школах, которые получают дотации, а в Испании, Франции и Великобритании – 20% [6].

Услуги начального образования. В странах ЕС начало обучение приходится на разный возраст детей (таб. 1). В качестве примера можно привести два крайних государства: Польшу и Люксембург.

Таблица 1 – Начало обучения в начальной школе по возрасту ученика в избранных союзных государствах

Страны Западной Европы и Польша	Возраст ученика (исполненный год)
Люксембург, Северная Ирландия	4
Нидерланды, Великобритания	5
Германия, Франция, Греция, Испания, Италия	6
Швеция, Дания, Польша	7

Источник: Zestawienie własne на podstawie; [6]; [4].

В большинстве союзных стран, обязательное обучение продолжается 9 или 10 лет, но в Италии – 8, а в Нидерландах и Северной Ирландии – 12. В Дании, Испании или Швеции учеников до 16-ти лет жизни обязывают обучаться по совместным программам. В Германии и Австрии уже 10-летние дети выбирают себе профиль обучения [6].

Услуги среднего образования. В Европейском Союзе в структуре среднего образования выделяются: во-первых, средние школы поливалентные – предлагающие всеобщее образование, техническое или профессиональное; во-вторых, средние школы академического характера, то есть гимназии. Речь идёт об общеобразовательной системе, где обучение является теоретическим и даёт право поступить в вуз. Общеобразовательная система чётко отделена от профессионального образования (не даёт права на аттестат зрелости) [4, с. 32].

Услуги высшего образования. В Польше только с 1992 года динамика студентов становится значительной [4, с. 42]. В настоящее время они могут выбрать среди двух типов высшеобразовательных школ: университетов и высших профессиональных институтов.

Таблица 2 – Модели высшего образования

Модель	Основные черты
1. Бинарный (Германия, Великобритания)	1. Создание новых вузов вне традиционных университетов. 2. Распределение вузов на университеты и высшие профессиональные школы.
2. Университетский интегрированный (Испания, Швеция)	1. Создание в рамках традиционных университетов программ, которые дают возможность получения диплома за короткий срок.
3. Франгментаризованный (Франция)	1. Распространение высшего образования, носящего характер института. 2. Слабость университетского сектора. 3. Свободный доступ к университетам для обладателей аттестата зрелости.

Источник: [4, с. 42]

В Польше средний коэффициент учащихся в группе стран Средне-Восточной Европы, но на уровне, сравнимом с самым маленьким коэффициентом в странах Западной Европы. Кажется, что рост образовательных стремлений общества и особая заинтересованность в обучении в школах для выпускников средних и высших школ способствует уменьшению разницы между Польшей и Европейским Союзом.

Обучение взрослых. Развитие профессионального обучения во всех странах Европейского Союза воспринимается как лучшее приспособление к получению квалификаций для потребностей рынка рабочей силы, в связи с растущей безработицей и выступающей зависимостью от риска безработицы и качества профессионального образования [3, 38]. Профессиональное образование и обучение взрослых в ЕС дополнительно не инвестируются. Исследования показывают, что лишь 40% работников ЕС участвует в курсах постоянного совершенствования. Только 62% всех работодателей предлагают своим работникам какие-нибудь добавочные тренинги [10].

3. Свобода перемещения человеческого капитала³¹ в сфере воспитательных услуг.

Уже несколько лет в Европейском Союзе растёт количество обучающихся за границей. На обучение за рубеж уезжает 80% студентов из Люксембурга, 10% – из

³¹ Kolaczek 1999, с. 9.

Греции и Ирландии [5]. Согласно закону от 26 апреля 2001 года о правилах нострификации полученных в странах Европейского Союза педагогических квалификаций (Dz. U. nr 87, poz. 954 z późn. zm.), можно будет обязать гражданина страны Европейского Союза, намеренного работать в Польше в так называемых регулируемых профессиях, пройти стажировку или сдать тест (в профессиях, выполнение которых требует определенной квалификации [10]).

Начало учёбы в других государствах облегчается благодаря Болонской Декларации 1999 г., которая предполагает создание Европейской зоны высшего образования. Чтобы гарантировать место в этой зоне, польские вузы уже давно сотрудничают с зарубежными партнёрами в области создания программ обучения, чтобы со временем можно было бы давать совместные дипломы [4].

Таблица 3 – Цели совместной политики в сфере образования и обучения

Цели	Сфера	Программа
Повышение качества обучения	Образование детей, молодёжи и взрослых – с детского сада до университета. Введение новых методов обучения	Sokrates*
		Comenius
Популяризация обучения иностранным языкам	Популяризация обучения иностранным языкам, также среди взрослых.	Lingua
Интенсификация обмена молодёжи и педагогических кадров	Обмен студентами, академическими преподавателями	Erasmus
Сотрудничество просветительских учреждений всех ступеней	Сотрудничество между учреждениями образования взрослых. Сотрудничество между школами. Сотрудничество между учебными заведениями.	Grundtvig
		Comenius
		Erasmus
Повышение шанса для приёма на работу, благодаря самообразованию	Поддержание обучения на расстоянии, а также использование в образовании современных технологий	Minerva
Взаимное признание дипломов и сроков учёбы	Предоставление возможности принять участие в курсах профессионального усовершенствования для преподавателей	Comenius
Популяризация непрерывного обучения	Популяризация идеи учиться в течение всей жизни	Grundtvig

*Элементы программы Sokrates: Erasmus, Comenius, Lingua, Minerva, Grundtvig

Источник: Opracowanie własne na podstawie: [10].

Одним из приоритетов ЕС является достижение учащимися в разных странах сравнимого круга знаний и профессиональных умений. Эта цель конкретизируется в проблеме соответствия дипломов, стандартов обучения и системы профессионального посредничества [13, с. 8]. Важными инструментами политики государства в сфере образования на отдельных её ступенях, а также уравнивание шансов молодёжи из разных сред. Это: обязательная плата за учёбу или бесплатный доступ к учёбе, система материальной помощи для учеников и студентов, а также ассигнования для семей, обучающихся детей.

Польская конфедерация частных работодателей „Левятан“ предлагает применение модели обучения, внедряемой в странах ЕС, которая предполагает соединение знания, умения и соответствующих положений в данной ситуации. Решением являются более низкие программные минимумы, более высокие требования, связанные с результатами обучения и признания квалификации (стандарт ЭКФ). Чтобы модель могла функционировать на практике, необходимо: а) повышение качества преподавания; б) учреждение требований, касающихся профессионального развития лиц, занимающихся обучением; в) постоянное совершенствование операционных дидактических умений обучающихся (дидактика, социология, психология); г) применение интерактивных форм и современных методов обучения.

Для стран, которые ставят цель улучшения национальных планов воспитания, источником улучшения является широкий доступ к информации, который возможен благодаря глобализации [2, с. 1-10]. В свою очередь за технологическими нововведениями следует расцвет воспитания онлайн. Виртуальные школы – это пространство сравнений наднациональных образовательных программ [8, с. 34]. Как замечает Роджер Дале, главная ценность в экономике знания – „гражданин“, выступающий как основание и точка отсчёта в сравнительном анализе состояния воспитания [3, с. 147].

Система образования готовит студентов к трудоустройству в „новой экономике“, а тем самым подносит ей *перспективы* [1, с. 1]. Развитие интересов, врождённая мотивация для усвоения научных знаний помогает увеличить возможности получить работу. Результаты исследования, проведённого ИПСОС [9], указывают (таб. 4), что среди респондентов, заявляющих о необходимости повышения квалификации, наиболее востребованы иностранные языки (60%) и обслуживание компьютера (46%). В обучении иностранным языкам заинтересованы молодые (66% в группе 25-29 лет) люди, а также профессионалы (65%).

Меньшим интересом анкетированных пользуются такие: умение улучшить организацию своей работы (30%), справиться со стрессом (30%), общаться с другими (30%). В свою очередь, к редким умениям можно отнести управление людьми (21%) и оценка их (14%).

4. Итоги. Европейское сотрудничество в сфере образования должно принести плоды из-за монолитной системы обучения. Однако этого трудно достичь в ближайшие годы. Можно заметить огромное различие в уровне обучения между странами ЕС, а также языковые барьеры. В настоящее время самый высокий уровень образования имеет Финляндия. На сохранение неоднородности влияет, с одной стороны историческая традиция, с другой – реакция на современные модернизационные вызовы в глобализующемся мире [3, 5]. В Польше отход от традиционного образования происходит медленно. В новом понимании образования подчеркивается усилие личности и участие в процессе активного обучения.

Система образования должна играть основную роль в формировании предпринимчивости. Согласно А. Анджейчак, основой системы образования должно быть развитие предпринимчивых качеств, побуждение активности, новаторства и креативности, а также способности найти себя в реалиях рыночной экономики. В условиях произвольного перемещения человеческого капитала через государственные границы, огромной и долгосрочной проблемой для Польши должно стать „удержание“ на родине как учителей, так и талантливых учеников и студентов.

Литература

1. Angerame L., *Education & the Economy*, „Research Starters Education”, 2008, p 1-1.
2. Conroy m., *National Education Plans*, „Research Starters Education”, 2008, 1-10 p
3. Dale R., *Globalisation, knowledge economy and comparative education*, „Comparative Education”, 2005, No. 2, Vol. 41, p. 147
4. Kołaczek B., *Systemy edukacyjne. Analiza porównawcza*, Instytut Pracy i Spraw Socjalnych, PBZ, Warszawa 1999.
5. Mongiało D., *Zobowiązania Wspólnoty Europejskiej w ramach GATS w handlu usługami edukacyjnymi*, „Wspólnoty Europejskie”, 1999, nr 7-8.
6. Nagórski R., *Europejczycy w szkole*, „Głos Pomorza”, 16.03.2003.
7. Polski belfer do pracy w UE, „Gazeta Wyborcza”, 13.04.2004.
8. Robelen E., *E-Learning Curve*, „Education Week”, 2007, Vol. 26, Iss. 30.
9. *Spółeczeństwo i tendencje. Czy Polacy chcą się dokształcać?*, IPSOS; http://www.ipsos.pl/3_4_019.html, stan na 9.08.2005.
10. Strużyna K., *Samodzielnie, ale lepiej*, „Głos Nauczycielski”, 2003, nr 18.
11. *System edukacji w Polsce wg Lewiatana*, <http://www.wqospodarka.pl>, stan z dn. 15.12.2008.
12. *Ustawa z dnia 26 kwietnia 2001 r. o zasadach uznawania nabytych w państwach członkowskich Unii Europejskiej*, Dz. U. nr 87, poz. 954 z późn. zm.
13. Wróblewska W., *Dynamika aspiracji edukacyjnych studentów w obliczu zmian*, Trans Humana, Białystok 2004.
14. Żarowski J., *Sprawdzimy umiejętności*, „Gazeta Prawna”, 04.02.2003.

PODSTAWY PRAWNE I ORGANIZACYJNE PUBLICZNEGO SZKOLNICTWA POWSZECHNEGO W DWUDZIESTOLECIU MIĘDZYWOJENNYM

Dr Andrzej Smolarczyk

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Szkolnictwo powszechne przejęte od byłych państw zaborczych po odzyskaniu przez państwo polskie niepodległości w 1918 roku było wyraźnie zróżnicowane pod względem prawnym i organizacyjnym. Polityka oświatowa w zaborze rosyjskim i pruskim nastawiona była głównie na wynarodowienie Polaków, a w zaborze austriackim na wychowanie dzieci oraz młodzieży w duchu lojalności do monarchii austro-węgierskiej. Najpilniejszym zadaniem stojącym przed polskimi władzami oświatowymi było przejęcie szkolnictwa odziedziczonego po byłych zaborcach i jego ujednoczenie. Władze musiały stworzyć jednolity dla całego kraju system szkolny, wyrównać zaniedbania okresu zaborów oraz wyznaczyć cele i zadania stojące przed szkolnictwem w niepodległym państwie.³²

---

³² K. Trzebiatowski, *Szkolnictwo powszechne w Polsce w latach 1918-1932*, Ossolineum 1970, s. 109-137; M. Pęcherski, M. Świątek, *Organizacja oświaty w Polsce w latach 1917-1977. Podstawowe akty prawne*. Warszawa 1978, s. 26-30.

Największe niedociągnięcia pod względem stanu szkolnictwa i jego rozwoju prawno-organizacyjnego przedstawiał były zabór rosyjski. Działalność Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego określona jak ogólnokrajowa w początkowej fazie swego funkcjonowania ograniczała się do terenów byłego Królestwa Kongresowego. Zagadnieniem najpilniejszym na tym terenie stało się wprowadzenie obowiązku szkolnego przez upowszechnienie oświaty elementarnej.

Pierwszym aktem prawnym władz polskich w dziedzinie szkolnictwa powszechnego był *Dekret o obowiązku szkolnym z dnia 7 lutego 1919 roku*.³³ Dekret wprowadzał 7-letni obowiązek szkolny dla wszystkich dzieci pomiędzy 7 a 14 rokiem życia. Obowiązek ten mógł być realizowany w 7-klasowych szkołach powszechnych oraz w innych szkołach wszelkiego typu nauczających w zakresie publicznych szkół powszechnych. Naukę można było również pobierać w domu pod nadzorem inspektora szkolnego. Od wykonania obowiązku szkolnego zwolniono dzieci mieszkające ponad 3 km od szkoły lub oddzielone od niej przeszkodą naturalną oraz dzieci chore fizycznie i opóźnione w rozwoju psychicznym. Za nie zapisanie oraz nie posyłanie dzieci do szkoły rodzicom lub opiekunom groziła kara pieniężna (do 100 marek polskich) lub areszt (do 5 dni).

Kontroli nad spełnianiem obowiązku szkolnego miały służyć metryki szkolne (spisy dzieci) sporządzane na podstawie wykazów dostarczonych przez miejscową administrację (wójta, magistrat, policję). Poza tym obowiązkiem nauczyciela w szkole było sprawdzenie codziennego rejestru dzieci nieobecnych.

Obowiązek zakładania szkół powszechnych spoczywał na gminach. Szkoły winny być tworzone w miejscowościach liczących co najmniej 40 dzieci w ciągu 3 lat. Jeżeli dzieci było mniej należało tworzyć „rewiry” szkolne o promieniu 3 km w granicach jednej gminy.

Poprawki wprowadzone w czerwcu 1919 roku w *Instrukcji w sprawie opracowania sieci szkolnej* były dużym udogodnieniem dla gmin. Miały one możliwość tworzenia rewirów szkolnych z miejscowości położonych na terenach różnych gmin, jeżeli prowadziło to do podniesienia stopnia organizacyjnego szkoły. Ministerstwo dbając o jak najwyższy stopień organizacyjny szkolnictwa powszechnego wymusiło na gminach obowiązek zakładania na swoim terytorium co najmniej jednej szkoły siedmioklasowej, najwyżej zorganizowanej.³⁴

Licząc się z bardzo trudną sytuacją oświatową w różnych częściach kraju: brakiem nauczycieli, budynków szkolnych, pomocy naukowych, szkołę powszechną traktowano jako rozwojową. Obowiązek szkolny obejmował 7 lat nauczania. W okresie przejściowym zezwolono na tworzenie i utrzymywanie szkół powszechnych z czteroletnią nauką i z trzyletnią nauką uzupełniającą lub szkoły z nauką pięcioletnią i z uzupełniającą nauką dwuletnią.

W szkołach powszechnych, w których nauka trwała mniej niż 7 lat miano wprowadzić naukę uzupełniającą zgodnie z rozporządzeniem z 8 sierpnia 1919 roku³⁵ Uczniowie obowiązani byli uczęszczać na zajęcia uzupełniające do końca tego roku szkolnego, w którym kończyli 14 rok życia. Nauka trwała przez cały rok w wymiarze 4 godzin tygodniowo.

³³ Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego 1919r., nr 2, poz.2; R. Wroczyński, *Dzieje oświaty polskiej 1795-1945*, Warszawa 1980, s. 284- 285

³⁴ M. Falski, *Materiały do projektu sieci szkół powszechnych na obszarze województw: warszawskiego, łódzkiego, kieleckiego, lubelskiego i białostockiego oraz miasta stołecznego Warszawy*, Warszawa 1925, s. 5-9.

³⁵ DzUMWRIOP 1919 r., nr 9, poz. 4; F. Śliwiński, *Ustawodawstwo szkolne i organizacja polskich władz szkolnych oraz szkolnictwa wszystkich stopni w pierwszym dziesięcioleciu Odrodzonego Państwa Polskiego*, Łódź 1928, s. 37-38.

Realia ekonomiczne zacofanych i zrujnowanych wojną dzielnic kraju nie pozwalały na natychmiastowe wprowadzenie obowiązku szkolnego na obszarach, na których przed wybuchem wojny przymusu szkolnego nie było. Jedynym racjonalnym wyjściem miało być stopniowe wprowadzanie powszechnego nauczania. Rozporządzenie z 19 lipca 1922 roku wprowadzało bezwzględny obowiązek szkolny jedynie dla dzieci siedmioletnich na terenie Okręgu Szkolnego Warszawskiego, Łódzkiego i Białostockiego.³⁶

W roku szkolnym 1922/1923 rozciągnięto postanowienia dekretu o obowiązku szkolnym na województwa: nowogrodzkie, poleskie i wołyńskie³⁷ oraz na ziemię wileńską.³⁸

7 lutego 1919 roku Naczelnik Państwa wydał *Dekret o kształceniu nauczycieli szkół powszechnych w Państwie Polskim*. Kształcenie i wychowywanie kandydatów na nauczycieli szkół powszechnych miało odbywać się w pięcioletnich seminariach nauczycielskich, zbudowanych na 7-klasowej szkole powszechnej.³⁹ Seminaria były publiczne i prywatne. Przyjmowano do seminariów młodzież predysponowaną fizycznie do zawodu nauczycielskiego, która nie ukończyła 20 roku życia. Przy seminariach nauczycielskich miały funkcjonować jedna lub dwie szkoły powszechne będące szkołami ćwiczeń, w których przyszli nauczyciele zdobywali umiejętności praktyczne.

Seminariów nauczycielskich nie traktowano na równi ze szkołami średnimi ogólnokształcącymi. Nauka kończąca się egzaminem nauczycielskim nie była traktowana jak matura. Absolwenci nie mogli kontynuować dalszej nauki w szkołach wyższych.

Nauczycieli szkół powszechnych zaliczono do kategorii urzędników państwowych i zaszerogowano od XI do VIII grupy uposażeniowej z możliwością awansu do grupy VII. Prestiż materialny nauczycielstwa znacznie wzrósł.⁴⁰

Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 17 marca 1921 roku poświęciła sprawom szkolnym i oświatowym kilka artykułów, które stwierdzały, że: 1. każdy obywatel państwa polskiego należący do mniejszości narodowych, wyznaniowych czy językowych ma prawo zakładania, nadzoru i zawiadywania swoim własnym kosztem zakładów dobroczynnych, religijnych i społecznych, szkół i innych zakładów wychowawczych (Art. 110); 2. każdy nauczyciel ma prawo nauczać, założyć szkołę lub zakład wychowawczy (Art. 117); 3. wszystkie szkoły i zakłady wychowawcze, publiczne i prywatne, podlegają nadzorowi władz państwowych (Art. 117); 4. w zakresie szkoły powszechnej nauka jest obowiązkowa dla wszystkich obywateli państwa, a czas i zakres tej nauki oraz sposób jej pobierania określa ustawa (Art. 118); 5. nauka religii w szkołach utrzymywanych przez państwo lub samorządy jest obowiązkowa dla młodzieży do 18 roku życia, a kierownictwo i nadzór nad nią spoczywa na właściwym związku wyznaniowym z zastrzeżeniem nadrzędnego prawa nadzoru dla państwowych władz szkolnych (Art. 119); 6. nauczanie w szkołach państwowych i samorządowych jest bezpłatne, a uczniom wyjątkowo zdolnym i niezamożnym państwo zapewni stypendia na naukę w szkołach średnich i wyższych (Art. 220).⁴¹

---

³⁶ DzUMWRiOP 1922 r., nr 26, poz. 292.

³⁷ DzUMWRiOP 1922 r., nr 32, poz. 424.

³⁸ DzUMWRiOP 1923 r., nr 7, poz. 52.

³⁹ DzUMWRiOP 1919 r., nr 2, poz. 3; J. Kulpa, *Kształcenie nauczycieli szkół powszechnych w Polsce w latach 1918-1939*, Ossolineum 1963, s. 47-79.

⁴⁰ K. Trzebiatowski, op. cit. s. 69.

⁴¹ DzURP 1921 r., nr 44, poz. 267.

W związku z zapisem konstytucyjnym dotyczącym powszechności nauczania 17 lutego 1922 ukazała się *Ustawa o zakładaniu i utrzymywaniu publicznych szkół powszechnych*.⁴² Zakładanie szkół powszechnych winno się odbywać według planu sieci szkolnej opracowanego przez inspektora szkolnego i organy samorządu szkolnego na terenie gminy, a zatwierdzonego przez kuratora okręgu szkolnego na podstawie wcześniejszej opinii rady szkolnej powiatowej.

Wszystkie dzieci w wieku szkolnym winny mieć możliwość korzystania z nauki, a każda szkoła powinna być możliwie najwyższego stopnia organizacyjnego. Ustawa przewidywała obwody szkolne (zastąpiły „rewiry”), w których droga dziecka do szkoły nie powinna przekraczać 3 km, a tworzone obwody były minimalnie dla 40, a maksymalnie dla 650 dzieci. Stopień organizacyjny szkoły zależał od liczby dzieci w danym obwodzie. Jeżeli liczba ta w ciągu trzech następujących po sobie latach nie przekraczała 60 dzieci, szkoła była jednoklasowa (o jednym nauczycielu), 61–100 dwuklasowa (o dwóch nauczycielach), 101–150 trzyklasowa (o trzech nauczycielach), 151–200 czteroklasowa (o czterech nauczycielach), 201–250 pięcioklasowa (o pięciu nauczycielach), 251–300 sześcioklasowa (o sześciu nauczycielach), ponad 300 dzieci – siedmioklasowa (o siedmiu lub z razie istnienia oddziałów równoległych o większej liczbie nauczycieli).

Obowiązek zakładania i utrzymywania publicznych szkół powszechnych spadł według tej ustawy na państwo i na gminę. Skarb państwa ponosił koszty wynagrodzenia nauczycieli, miał zaopatrywać szkoły w pomoce naukowe, książki do bibliotek szkolnych oraz niezbędne druki. Natomiast gminy zostały zobowiązane do ponoszenia wszystkich wydatków rzeczowych koniecznych do prawidłowego funkcjonowania szkół.

Jednocześnie z ustawą o zakładaniu i utrzymywaniu publicznych szkół powszechnych została wprowadzona w dniu 17 lutego 1922 roku *Ustawa o budowie publicznych szkół powszechnych*.⁴³ Nakładała ona na gminy obowiązek dostarczania szkołom i nauczycielom odpowiednich pomieszczeń i zapewnienia im całkowitego wyposażenia wewnętrznego. Zasadniczym obowiązkiem gminy było dostarczenie potrzebnych gruntów pod zabudowę, na boiska i ogrody szkolne; wznosić nowe budynki szkolne, mieszkalne i gospodarcze, a także przebudowywać do wymaganych potrzeb budynki już istniejące. Wymagania gruntowe na szkołę z boiskiem i ogrodem wynosiły dla szkół 1, 2, 3-klasowych co najmniej 0,56 hektara, a dla szkół 4, 5, 6, 7-klasowych co najmniej 0,85 hektara. Na budowę i przebudowę szkół oraz domów dla nauczycieli skarb państwa udzielał zasiłków w wysokości 50% kosztów budowy. Pozostałe koszty mogły być pokrywane z długoterminowych pożyczek udzielanych przez skarb państwa.

Wyżej przedstawione ustawy zaczęły wchodzić w życie od roku szkolnego 1922/1923 i wraz z wcześniej wydanymi przepisami stanowiły jednolite podstawy organizacyjne szkolnictwa powszechnego na terenie całego kraju. Z niewielkimi zmianami przetrwały one do 1932 roku.⁴⁴

Kompleksową reformę szkolnictwa powszechnego wprowadzono dopiero w *Ustawie o ustroju szkolnictwa*, którą sejm przyjął 11 marca 1932 roku.⁴⁵ Reforma oparta była na 3 równorzędnych planach:

⁴² DzURP 1922 r., nr 18, poz. 143.

⁴³ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej 1922 r., nr 18, poz. 144.

⁴⁴ W. Garbowska, *Szkolnictwo powszechne w Polsce w latach 1932-1939*, Ossolineum 1976, s. 20.

⁴⁵ DzURP 1932 r., nr 38, poz. 389.

1. organizacyjnym (obejmował ustroj szkolny i organizację szkolnictwa),
2. metodyczno-programowym (programy, podręczniki, nowe metody nauczania, środki dydaktyczne),
3. wychowawczym (wychowanie państwowe).

Ustawa „jędrzejewiczowska” określiła nowe oblicze ideowo-wychowawcze polskiego szkolnictwa. Na pierwszy plan systemu szkolnego wysunięto wychowanie obywatelsko-państwowe. Takiemu celowi nadrzędnemu podporządkowano wszystkie zadania szkoły (wychowanie religijne, moralne, umysłowe, fizyczne).⁴⁶

Szkoła powszechna miała za zadanie „dać na poziomie odpowiadającym wiekowi i rozwojowi dziecka potrzebne ogółowi obywateli jednolite podstawy wychowania i wykształcenia ogólnego oraz przygotowanie społeczno-polityczne”.

Pod względem programowym szkołę powszechną podzielono na trzy szczeble programowe. Pierwszy szczebel programowy obejmował elementarny zakres wykształcenia ogólnego, drugi miał rozszerzać i pogłębiać wykształcenie szczebla pierwszego, a trzeci przygotowywać młodzież również pod względem społeczno-obywatelskim i gospodarczym. Wszystkie trzy szczeble zobowiązane zostały do uwzględnienia zagadnień kulturalno-gospodarczych środowiska danej szkoły. Trzy szczeble programowe w pełnym zakresie realizowała tylko w klasach jednorocznych szkoła powszechna III stopnia.

Pod względem organizacyjnym wyróżniono szkoły powszechne trzech stopni. Szkoła I stopnia realizowała pierwszy szczebel programowy wraz z najwyższymi składnikami programowymi szczebla drugiego i trzeciego. Szkoła II stopnia realizowała pierwszy i drugi szczebel programowy wraz z najważniejszymi składnikami programowymi szczebla trzeciego. Szkoła III stopnia realizowała wszystkie trzy szczeble programowe w pełnym zakresie.⁴⁷

Za podstawę ustroju szkolnego *Ustawa* przyjęła szkołę siedmioklasową. Nauka w szkołach powszechnych była obowiązkowa, jednak nie przewidziano sankcji za unikanie wykonywania obowiązku szkolnego. Artykuł mówiący o obowiązku szkolnym stał się martwym zapisem wynikającym z bardzo ciężkiej sytuacji w szkolnictwie powszechnym w tym czasie. Kryzys gospodarczy i wejście w wiek szkolny wyżu demograficznego przyczyniły się do pozostawania poza nauką szkolną w roku szkolnym 1931/1932 około 320000 dzieci.⁴⁸

Na podstawie *Ustawy* w dniu 21 listopada 1933 został wydany *Statut publicznych szkół powszechnych*, który określał zadania szkoły, ogólne zasady organizacyjne, obowiązki kierownika i nauczycieli, organizację procesu dydaktyczno-wychowawczego oraz zagadnienia dotyczące uczniów.⁴⁹

O poziomie organizacyjnym szkoły miała decydować liczba dzieci zapisanych do szkoły. Nie brano pod uwagę liczby dzieci mieszkających w danym obwodzie szkolnym, lecz liczbę uczniów w szkole. Według *Statutu publicznych szkół powszechnych* szkoły powszechne zostały podzielone na trzy stopnie organizacyjne i trzy szczeble programowe. Szkoła powszechna I stopnia o 1 lub 2 nauczycielach (licząca do

---

⁴⁶ W. Garbowska, *Szkolnictwo powszechne...*, op. cit. s. 73-75.

⁴⁷ DzURP 1932, nr 38, poz. 389. ; Państwowe Archiwum Obwodu Brzeskiego w Brześciu, sygn. f. 59, o. 2, d. 10, k. 46-55.

⁴⁸ W. Garbowska, op. cit., s. 56.

⁴⁹ DzUMWRIOP 1933r., nr 14, poz. 194.

120 uczniów) miała 4 klasy. Klasa I oraz II były jednoroczne, klasa III była dwuletnia (rocznik 3 i 4), klasa IV była trzyletnia (rocznik 5, 6, 7). Szkoła powszechna II stopnia o 3 lub 4 nauczycielach (liczba uczniów 121-210) miała 6 klas. Klasy 1-5 były jednoroczne, klasa 6 była dwuletnia (rocznik 6-7). Szkoła powszechna III stopnia o 5, 6, 7 i więcej nauczycielach (liczba uczniów 211-310) miała 7 klas o kursie jednorocznym.

Przy reorganizacji szkolnictwa powszechnego *Statut* zaliczył „do niższych stopni wiele szkół, które miały wszelkie dane do zakwalifikowania do stopni wyższych”.⁵⁰ Dotychczasowe szkoły 1- i 2-klasowe zaliczono do szkół stopnia pierwszego. Szkoły 3- i 4-klasowe zakwalifikowano do szkół stopnia drugiego. Dopiero szkoły 5-, 6-, 7- klasowe zaliczono do szkół stopnia trzeciego. Konsekwencją takiego przekształcenia była likwidacja klas siódmych w szkołach drugiego stopnia oraz klas piątych w szkołach pierwszego stopnia.

Literatura

1. Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego 1919-1938
2. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej 1919-1939
3. Falski M., *Koncepcja szkoły powszechnej i jej roli w ustroju szkolnictwa w okresie międzywojennym w Polsce*, „Rozprawy z dziejów oświaty”, t. 1, Wrocław 1958
4. Falski M., *Materiały do projektu sieci szkół powszechnych na obszarze województw: warszawskiego, łódzkiego, kieleckiego, lubelskiego i białostockiego oraz miasta stołecznego Warszawy*, Warszawa 1925
5. Garbowska W., *Szkolnictwo powszechne w Polsce w latach 1932-1939*, Ossolineum 1976
6. Kulpa J., *Kształcenie nauczycieli szkół powszechnych w Polsce w latach 1918-1939*, Ossolineum 1963
7. Państwowe Archiwum Obwodu Brzeskiego w Brześciu (Dziarżauy Archiw Breskaj Wobłasci); Kuratorium Okręgu Szkolnego Poleskiego (Brzeskiego) (f. 59)
8. Pęcherski M., Świątek M., *Organizacja oświaty w Polsce w latach 1917-1977. Podstawowe akty prawne*. Warszawa 1978
9. Sliwiński F., *Ustawodawstwo szkolne i organizacja polskich władz szkolnych oraz szkolnictwa wszystkich stopni w pierwszym dziesięcioleciu Odrodzonego Państwa Polskiego*, Łódź 1928
10. Trzebiatowski K., *Szkolnictwo powszechne w Polsce w latach 1918-1932*, Ossolineum 1970
11. Wroczyński R., *Dzieje oświaty polskiej 1795-1945*, Warszawa 1980

TOURISM DEVELOPMENT PERSPECTIVES IN POLISH LANDSCAPE PARKS

Aleksandra Spychała

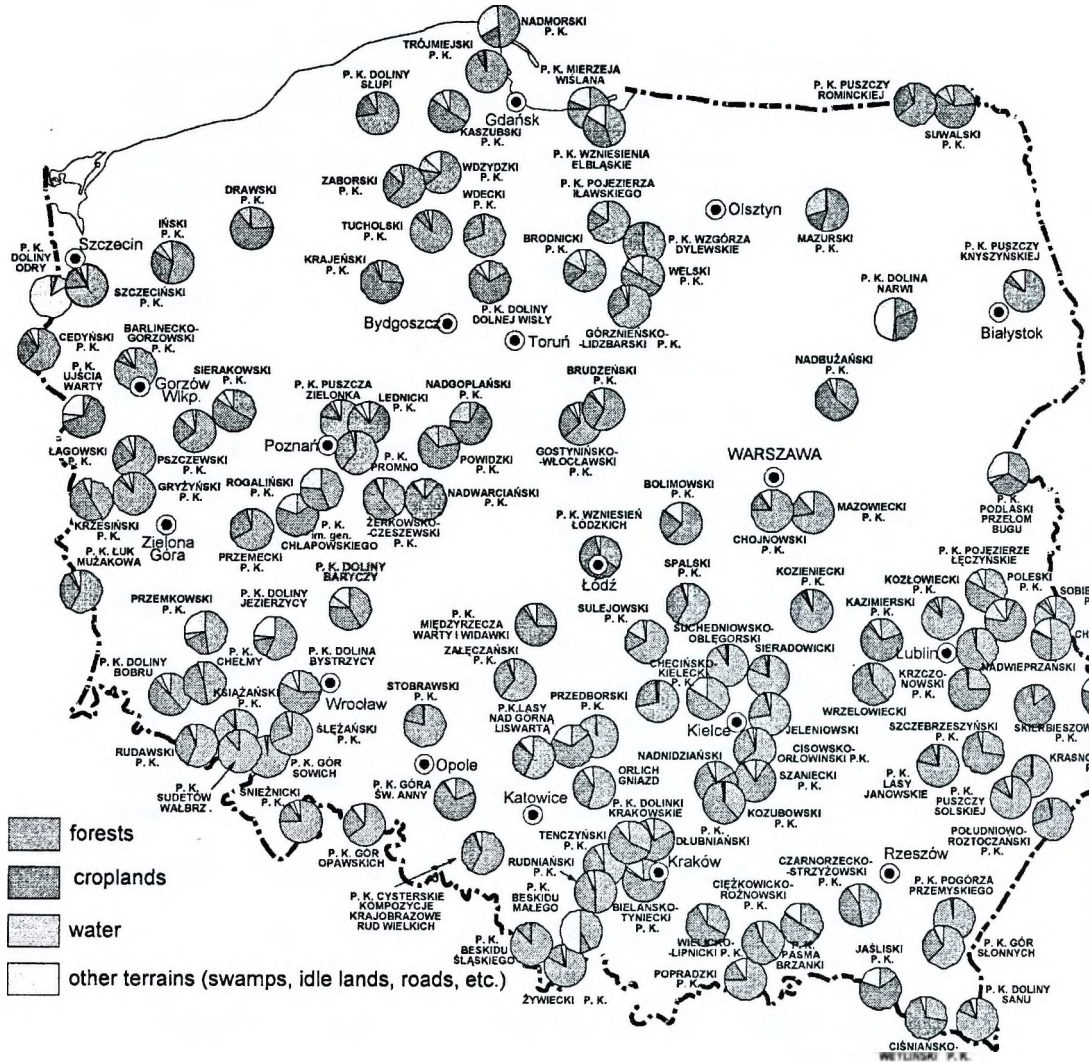
Poznan University of Life Science, Agritourism Unit, Poland

A landscape park is currently considered the best model of 21st century nature preservation, demonstrating how to retain natural and cultural variety, without renouncing various forms of use – obviously, while observing the rules of eco-development [1]. Therefore, it seems that these areas are predestined for eco-tourism development.

---

⁵⁰ M. Falski, *Koncepcja szkoły powszechnej i jej roli w ustroju szkolnictwa w okresie międzywojennym w Polsce*, „Rozprawy z dziejów oświaty”, t. 1, Wrocław 1958, s. 214.

Currently, there are 120 landscape parks in Poland; their surface area is 2517183,9 hectares, that is 8,1% of the whole country territory, with the medium acreage of 21459,4 hectares (Drawing 1).

Drawing 1. Landscape parks in Poland, and their land use structure

Source: GUS information for the year 2004

Landscape parks take up the largest area in the Subcarpathian Voivodeship - 279750,9 hectares (15,7% of its surface area), and the smallest in the Opole Voivodeship - 62590,5 hectares (6,7% of the voivodeship surface); interestingly, in comparison of percentage share of the parks in relation to the voivodeship area, the Silesian Voivodeship is the first with 18,6 % of this form of nature preservation, while in the Podlaskie Voivodeship – the famous “green lungs” of Poland – landscape parks occupy only 4,4%.

One of the basic functions of landscape parks is tourism, which should mostly be carried out in the following forms: tourist, recreational, weekend, and qualified, as conditioned by natural and cultural-historical diversification of these areas [2, 3]. In the issue of tourism development in landscape parks, it is not their attractiveness that matters – research performed in the nineties showed that over 90% of the parks are located in areas of the highest tourist attractiveness [3]. – but rather the distance from heavily urbanized areas is important, particularly for holiday tourism. In Poland, 53 parks, 32 of which only in part, are located within one-hour isochrone, corresponding to 40 km equidistance from the tourist's domicile (circle radius of 40 km around every voivodeship capital), which is the condition of relatively small waste of driving time in comparison to the rest period [4].

Unfortunately, vividly developing tourism also carries threats – first of all, excessively developed tourist facilities (e.g. Poprad and Żywiec Landscape Parks), and illegal holiday construction (e.g. most of the landscape parks in Greater Poland) [5, 6, 7]. Despite the risk of natural and social environment degradation created by tourism in landscape parks, it should still be developed – obviously in conditions of balanced development – as it can disburden excessively concentrated tourist movement in national parks [8]. One should remember that the area of landscape park has a higher protection level than its buffer zone - therefore development of tourism (especially mass tourism) should take place in the buffer zone.

Research confirm that in communes, which have a landscape park on their territory, the tourist function is intensified, or simply just appears in their functional structure. For example, in 1996, when the Landscape Park was created, magnitude of tourist movement increased by as much as 20% compared to the previous year; interestingly, the number of provided accommodations increased as well, but only by 4%. Therefore, this region became much more frequently visited.

From the point of view of residents, local government, and, of course, tourists, this is a very positive phenomenon – after all, it generates additional profit for the local communities, and the visitors can rest in an unpolluted environment, which guarantees essential regeneration of mental and physical strengths. Unfortunately, this downgrades the protective function, which should also be fulfilled by a park, to further positions. Thus, the fundamental question is: how can these two functions, particularly important in nature preservation provided by a landscape park, coexist.

It should be noted that humans have possibility, at least partial one, to somewhat control and manage the tourist movement. This is possible at the moment of creating individual elements of tourist facilities, created by various, spatially diversified, forms of tourism at various stages of development, allowing for simultaneous protection of the most environmentally valuable areas.

Significantly lesser level of tourist infrastructure development, obviously smaller tourist movement, and natural environment retained in clean condition, despite necessary human actions, make these areas particularly predisposed to development of alternative and environment-friendly tourism, the forms of which include agro-tourism and eco-tourism.

The close relation between development of various tourism types can be also noticed in combination with other elements of tourist attractiveness.

In the areas connected with landscape parks, the long-stay tourism dominates, yet, more and more frequently, one can meet weekend or one-day visitors. These are mostly

qualified (specialist) tourists – lovers of nature, and in particular of birds, anglers, pickers of fruits of the forest, bicyclers, but also sightseers, who travel for research purposes, or finally fans of strictly recreational tourism, who spend most of their time passively. All these forms of tourism are favoured by large density of tourist trails (including bicycle trails), and lots of cyclical cultural, entertainment, and sports events.

Although hunting is considered one of the most conflictual form of tourism [9], which collides with its other forms, and – most importantly – with nature conservation, it is permissible in landscape parks. Moreover, hunting changes the seasonal layout of tourist movement, extending it over spring and autumn, which is positive from the point of view of accommodation providers. For example, the period between September and 21st of December is the time of hunting for birds (ducks, geese, herons, and coots); autumn is also the apex of deer hunting [10].

According to the theory of tourist space classification by S. Liszewski [11], due to the influence of tourism on natural environment (table 1), it would be best if the protected areas were the place of developing tourist assimilation characterized by relatively small concentration of tourist movement, created by tourists who first of all want to rest, and get to know the tourist destination place; they mostly use the already existing infrastructure. The tourist assimilation area is most frequently created by accommodation facilities connected with agro-tourism and country tourism.

Table 1 – Characteristics of tourist area types

Area type	Characteristic traits			
	concentration of tourist movement	tourist facilities	major tourist function	influence of tourism on nature
exploration	minimal	none	research	harmless
penetration	varied, from small to mass	small	research-recreational	oppressive
assimilation	average	average	recreational-research	neutral
colonization	large	large	recreational	transforming (harmful)
urbanization	average	large	residential	degrading

Source: Liszewski, 1995

First, the difference between these two notions, which are so similar that they are often used interchangeably, while they definitely are not identical, should be explained. Generally speaking, country tourism is every form of tourism which takes place in country environment, while the accommodation is provided mainly by small, family boarding houses, camping sites located next to homesteads, individual housing units, but also hunting lodgings, etc. Agro-tourism, on the other had, is strictly connected with a functioning farmstead, where the tourists sleep, and its major attractions are cultivation and animal husbandry [12]. Thus, agro-tourism is a part of broadly taken country tourism, but only it can create tourist assimilation area, as accommodation facilities are not new; their tourist function is secondary to the residential function for their owners, the owners do not appropriate new lands. A tourist's stay under one roof with permanent residents is most often the best measure of tourist assimilation.

Unfortunately, in the case of landscape parks, the most frequently encountered phenomenon is that of sub-space of colonization, characterized by permanent tourist development in an area, which, in combination with concentrated tourist movement, often leads to unfavourable transformations of the natural environment. This area is occupied by tourist settlements, understood as all the permanent, but temporarily-operating, facilities, created as the result of tourist function [13]. It exists in two basic forms: facilities connected with mass rest (mostly leisure centres) and individual rest (recreational cottages and the so-called second houses).

To sum up, three main conclusions should be emphasized – uneven development of tourism is favourable for protected areas, as it enables preservation of the most valuable – from the environmental point of view – grounds.

Second, a protected area can and should stimulate tourism development which is beneficial for the local community, the well-being of which is part of eco-tourism principles.

The communes connected with a landscape park should also be of multi-purpose nature, and they should maintain harmonious interaction between culture and nature, by means of actions in keeping with the rules of eco-development. For if development of tourism omits these principles, it could virtually cause a catastrophe, particularly in protected areas. I. Kamieniecka [14] estimates the share of tourist economy in environment degradation at about 6%, but in the case of places which are extensively overloaded with tourist movement, these values can reach up to 40%, due to light and heavy industry.

Landscape parks are established on areas which are environmentally less valuable than the most important protected areas - national parks, and they should become a peculiar buffer, which moderate tourist movement. Unfortunately, many landscape parks are absent from tourist maps, mainly due to lack of proper tourist infrastructure and information, despite high attractiveness of their natural values.

REFERENCES

1. Beresford M., Phillips, A., 2000, Protected Landscapes: a conservation model for the 21st century, Forum 17 (1), The Journal of George Wright Society, Hancock, Michigan, USA
2. Ptaszycka-Jackowska, D., Baranowska-Janota M., 1998, Przyrodnicze obszary chronione. Możliwości użytkowania, Instytut Gospodarki Przestrzennej i Komunalnej, Warszawa
3. Baranowska-Janota M., Korzeniak G., 1991, Zasady turystycznego użytkowania i ochrony parków krajobrazowych, IGPIK, Kraków
4. Warszyńska J., 1974, Ocena zasobów środowiska naturalnego dla potrzeb turystyki (na przykładzie woj. krakowskiego), Zeszyty Naukowe UJ, z. 350, Kraków
5. Denisiuk Z., 1997, Ekologiczny system obszarów chronionych w Polsce, [w:] Brey Meyer A. (red.), Rezerваты Biosfery w Polsce, Agencja Reklamowo-Wydawnicza A. Grzegorzczak, Warszawa
6. Denisiuk Z., 2001, Ochrona przyrody w Polsce na przestrzeni wieków – tradycja, sukcesy, rozczarowania, Chrońmy Przyrodę Ojczystą, nr 57
7. Raszeja E., 2000, Problematyka ochrony i kształtowania krajobrazu w zagospodarowaniu przestrzennym parków krajobrazowych, Biuletyn Parków Krajobrazowych Wielkopolski, nr 6 (8)

8. Kurzyński J, Mielnicka B., 2002a, Parki krajobrazowe alternatywą dla turystyki w parkach narodowych (na przykładzie polskich Karpat), [w:] Partyka J. (red.), Użytkowanie turystyczne parków narodowych, Ojców, IOP PAN
9. Szadziński S., 1984, Możliwości i uwarunkowania rozwoju funkcji turystycznych Doliny Gómej Narwi, Ośrodek Badań Naukowych, Białystok
10. Order of the Minister of Environment of 2005-05-16, regarding definition of game hunting periods, Journal of Laws 05.48.459
11. Liszewski S., 1995, Przestrzeń turystyczna, Acta Universitatis Lodziensis, Turyzm, t. 5, z.2
12. Majewski J., Lane B., 2002, Turystyka wiejska i rozwój lokalny, Fundacja Fundusz Współpracy, Warszawa
13. Liszewski S., 1991, Osadnictwo turystyczne, Problemy Turystyki, nr 1/2, Warszawa
14. Kamieniecka I., 1998, Ekopolityka w turystyce, Instytut na Rzecz Ekorozwoju, Warszawa

ДИАЛЕКТИКА КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА, ПОЛИТИКИ И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Йонас Сребалюс

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва,

Введение. В статье поднимается проблема диалектики человеческого фактора. Объект статьи обоснован проблемой и определен духовными, производственными, политическими формами моральных истин достойной личности, субъекта единства культуры противоположностей в семье, в структурах экономики и политического управления государством. Новизна статьи определена объектом и его описанием, логическим обоснованием которого является: 1. Закон абсолютного роста энтропии; 2. Закон диалектики и единства противоположных сил системы; 3. Закон выживания системы. Закон абсолютного роста энтропии гласит, что реальные макроскопические системы имеют тенденцию перехода от сложного структурного состояния к более простому состоянию [1, 33-34.]. Закон выживания системы гласит, что материальная система может функционировать, если она обеспечивается энергией антиэнтропии, необходимой трудом сдерживать тенденцию роста энтропии структурного состояния системы. Закон диалектики и единства противоположных сил системы является логической основой познания объекта статьи.

Теоретической базой системного метода познания является новая теория выживания системных функций - энергоэнтропика, которая оценивает качественные и количественные изменения работающих систем в условиях действия абсолютного роста энтропии структур.

Функция диалектики. На стыке XX и XXI веков в экономических и политических структурах постсоветских стран, а так же в государствах Балтии проявилась тенденция абсолютного роста энтропии. Растущая скорость энтропии - это новый вызов диалектике моральных истин в семье, в структурах материального производства, в способах развития политических систем управления и самоуправления куль-

туры. Деструкция культуры моральных истин – результат деятельности человека, потерявшего историческую память и формы ее проявления – родной язык матери, традиции родного края. В процессах глобального обмена формами актуальной информации, услугами и товарами, предприниматель, потерявший моральные истины исторической памяти, ищет и находит криминальные способы получения прибыли. Сущностью криминального способа прибыли является не глобализация, а потерявший свое отечество одинокий и дикий человек, у которого отсутствует сила антиэнтропии моральных истин. Моральные истины достойного человека, наряду с этническими формами исторической памяти народа, представляются сущностными силами диалектики. Диалектика отражает культуру единства объективных сил энтропии и субъективных сил антиэнтропии в структурах отечества. Отражая культуру единства противоположностей, диалектика творческую энергию свободного человека превращает в духовные, материальные и политические формы бытия моральных истин личности. На основе моральных истин достойной личности диалектика существует в проектах будущей жизни человека, его способностью трудится с любовью ради гармонии и единства интересов семьи, производства, государства, ради культуры единства противоположных сил отечества.

Субъективная сила диалектики. Общественный интерес к проблемам диалектики культуры, искусства и политики определен кризисом системных функций гражданина, субъекта структур политического управления духовными и экономическими процессами отечества в странах постсоветского пространства. Кризис структур государственного управления и самоуправления отечеством в Литве связан с энтропией воспроизводства *моральных истин человеческого достоинства личности*. Только уважающий себя, свое человеческое достоинство гражданин способен энергию собственной свободы детерминировать ради укрепления функций семьи, структур производства, политического управления отечеством. *Каждая справедливая политическая система должна развиваться на основе моральных истин*, - писал Аристотель. [2, 51].

Однако общественный интерес активировать человеческий фактор диалектики противоположных сил отечества остается нерешенной проблемой. Закамуфлированные формы силового противоборства политических сил в системах государственного управления и в органах самоуправления граждан свидетельствуют: объективная сила энтропии „съела“ сущность моральных истин - этнические формы исторической памяти народа. Историческая память, лишённая этнических форм и социальных сил трансляции моральных истин, перестает быть сущностью отечества граждан. Именно моральные истины и этнические формы культуры превращает историческую память народа в самоорганизующую силу отечества граждан - субъектов отношений истинного добрососедства, солидарности, производства антиэнтропии процессами диалектически культуры, искусства, политики. Попытки экономические и политические интересы реализовать „бульдозерными“ методами привели к драматическим результатам экономического воспроизводства. Вместо диалектического единства противоположных сил энтропии и антиэнтропии в структурах отечества, в непосредственной среде духовных, производственных и политических сил, граждане постсоветских стран очутились в условиях энтропии, которая

почти полностью упразднила производство антиэнтропии. Граждане очутились под прессом монополизированного рынка, роста цен на услуги и товары. В странах Балтии катастрофически упал показатель производства внутреннего валового продукта – ВВП на 12.6 - 15 % в 2009 году по сравнению с 2008 за тот же период времени [3. [www.alfa.lt/2009.05.13./](http://www.alfa.lt/2009.05.13/)]. Традиции процедурной демократии стали серьезной преградой на путях диалектического единства объективных и субъективных сил в структурах отечества. Отечество не только непосредственное окружение, которое ростом энтропии духовных коммуникаций давит на память таких ценностей, как синтаксис родного языка матери, как обычаи народа. Отечеством передается сущность диалектики – историческая память моральных истин и норм достойного поведения и солидарности людей. Отечество это фундамент культуры, искусства синергии и управления процессом диалектического единства энтропии и антиэнтропии творческих сил личности. Только проживая в культурной, производственной и политической среде отечества, человек становится свободной и творческой личностью, способной контролировать энтропию продукта в добрососедстве обменных и глобальных торговых отношений. Диалектика культуры, искусства и политики является силой антиэнтропии отечества. Именно сила антиэнтропии диалектического единства противоположных структур отечества позволяет организовать обменные отношения как добрососедские, не применяя силовой экспансии, используя традицию пользоваться внутренними тормозами, приводимыми энергией от диалектического генератора антиэнтропии моральных истин пространства общественного интереса. свободных и солидарных людей.

Моделирование диалектики. Объективная сила энтропии системных функций отечества росла по мере уменьшения культуры в общественном пространстве интересов. Рост энтропии означает кризисное состояние сил антиэнтропии и свидетельствует, что крепнет экспансия сил монополизированного обмена продуктами и услугами кредитования структур производства. Отсутствие моральных истин в глобальных отношениях обмена товарами и услугами пагубно отразилось этническим формам трансляции исторической памяти моральных истин в культуру свободного человека. Культура и ее субъективная сила антиэнтропии жива исторической памятью и развивается на основе единства, противоположных сил в структурах отечества

В исторической памяти народа кроется опыт моделирования семьи, структур экономики и политической деятельности на основе моральных достойного человека, способного творческую энергию свободы превратить в диалектическую силу единства противоположностей в семье, структурах предпринимательства, в институтах политической системы отечества.

Понятие моделирования отражает способ творческого применения моральных истин как норм регулирования отношений единства противоположных сил, определяющих системные функции структур этих сил [4, 21.]. Для того, чтобы моделирование стало искусством регулирования единства и диалектики противоположностей необходимы человеку этнические коммуникации с исторической памятью народа, в которой и заложен опыт диалектики форм культуры, искусства и политики. Моделирование отношений единства противоположностей на основе моральных истин исторического опыта является продуктивным процессом творчества культуры.

Творчество – это процесс постоянного поиска новых технологий культуры единства противоположностей и оценка их на основе критериев моральных истин исторической памяти народа и изменчивости объектов стратегий воспроизводства сил антропии человека, субъекта этнических форм культуры.

В процессе моделирования этнические формы исторической памяти народа являются необходимой основой моральных истин и опыта их творчества

Выводы. Диалектика форм культуры, искусства и сил политического управления государством на основе моральных истин исторической памяти народа превращается в отношения синергетики и воспроизводства системных функций семьи, структур экономики, институций государства и органов самоуправления постсоветских стран. Способность моральными истинами моделировать отношения единства противоположных сил, превращает человека в субъект диалектики форм культуры, искусства, политики.

Литература

1. Калинаускас, Р. Основы энергетрики и человек. – Вильнюс, ВГТУ, Техника, 2008. (на литовском языке).
2. Аристотель. Избранные сочинения. – Вильнюс, 1990. (на литовском языке).
3. Отчет департамента статистики Литвы. - www.alfa.lt/2009.05.13.
4. Райчинскис, К. Поиски и находки. – Каунас – Алитус, 1933-1994. (на литовском языке).

РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ ЯК СУБ'ЕКТ МІЖНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ АДНОСІН: АРГАНІЗАЦЫЙНА-ПРАВАВЫ, КАНЦЭПТУАЛЬНЫ, ПРАКТЫЧНЫ АСПЕКТЫ

М.В. Стралец

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь

Мэта дадзенага даклада – даць комплексны аналіз удзелу постсавецкай Беларусі ў міжнародным культурным супрацоўніцтве. Такі аналіз яшчэ не праводзіўся ў навуковай літаратуры, і таму аўтар даклада спрабуе асвоіць прынцыпова новае праблемнае поле.

Перш за ўсё важна браць у разлік унутраныя дэтэрмінанты, якія вызначаюць знешнюю культурную палітыку Рэспублікі Беларусь. Ключавыя дэтэрмінанты такога кшталту: дасягненне рэальнай дзяржаўнай незалежнасці, посткамуністычная трансфармацыя. Датычна дадзеных дэтэрмінант трэба мець на ўвазе наступнае. “Знаходзячыся ў складзе іншых дзяржаў, беларускі народ быў вымушаны прымаць правілы гульні, якія не заўсёды адпавядалі яго інтарэсам, лепшыя прадстаўнікі нацыі працавалі для фарміравання культурнага вобраза народаў, якія мелі палітычную перавагу. ... (З 1991 года. – М.С.) Рэспубліка Беларусь атрымала магчымасць самастойна вызначаць сваю ўнутраную і знешнюю культурную палітыку, распрацоўваць нарматыўна-прававыя асновы міжнароднага культурнага ўзаемадзеяння, заключаць пагадненні з замежнымі краінамі і міжнароднымі арганізацыямі, фарміраваць механізм іх рэалізацыі. У краіне пачаўся працэс трансфармацыі сістэмы міжнароднага культурнага

супрацоўніцтва, якая склалася ва ўмовах адміністрацыйна-каманднай сістэмы, у новую дэмакратычную сістэму, якая абапіраецца на агульначалавечыя каштоўнасці і нацыянальныя інтарэсы. Дэмакратызацыя міжнародных сувязей спрыяла устараненню жорсткага партыйна-дзяржаўнага кантроля за формамі і зместам міжнародных культурных абменаў. Была разбурана "жалезная заслона", якая на працягу дзесяцігоддзяў перашкаджала развіццю кантактаў беларускага грамадства з еўрапейскай і сусветнай цывілізацыяй. Магчымасць самастойна ўсталёўваць замежныя кантакты атрымалі прафесійныя і самадзейныя мастацкія калектывы, установы культуры." [5].

Знешняя культурная палітыка Рэспублікі Беларусь распрацоўваецца і ажыццяўляецца ў той час, калі ў свеце рашуча пануе тэндэнцыя да глабалізацыі, няўхільна пашыраюцца геаграфічныя межы інфармацыйнага грамадства, у творчым працэсе тон задаюць постмадэрністы.

Арганізацыйная структура для распрацоўкі і ажыццяўлення знешняй культурнай палітыкі Рэспублікі Беларусь сфармавана з улікам адпаведных задач, якія былі вызначаны вышэйшым дзяржаўным кіраўніцтвам нашай краіны. У яе ўваходзяць віцэ-прэм'ер урада, які курыруе сацыяльны блок; адпаведныя структурныя падраздзяленні міністэрстваў: замежных спраў, адукацыі, культуры, інфармацыі; Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, аташэ па пытаннях культуры беларускіх амбасад; айчынных дыпламаты, якія займаюцца пытаннямі, звязанымі з ЮНЕСКА, Цэнтральнаеўрапейскай Ініцыятывай; дамы беларускай культуры, якія размешчаны за мяжой. Пры гэтым выразна прасочваецца цеснае ўзаемадзеянне пералічаных структур з інстытутамі грамадзянскай супольнасці.

"Безумоўна, аташэ па пытаннях культуры – ключавая постаць у культурных сувязях паміж яго Айчынай і дзяржавай знаходжаньня амбасады. Яго функцыі наступныя:

- актыўная, мэтанакіраваная прапаганда айчынных культурных здабыткаў у краіне знаходжаньня;
- максімальная дапамога ў арганізацыі выстаў айчынных мастакоў, у ажыццяўленні гастроляў айчынных майстроў мастацтваў;
- сістэматычны аналіз вопыту дзяржаўнай палітыкі ў сферы культуры, адукацыі, навукі ў краіне знаходжаньня;
- садзейнанне ва ўсталёўванні кантактаў паміж культурнымі, навуковымі, адукацыйнымі ўстановамі абедзвюх краін.

Зразумела, дзейнасць указаных структур дэтэрмінавана перш за ўсё месцам дадзенага аспекту ў курсе канкрэтнай дзяржавы на міжнароднай арэне" [6, с. 123]. "Актыўная вонкавая культурная палітыка не толькі спрыяе фарміраванню спрыяльнага вобраза краіны за мяжой, але ў многіх выпадках з'яўляецца важным стымулам эканамічнага развіцця. Праз культурныя сувязі можна дасягнуць ўзаемапаразумення і паглыблення эканамічных і палітычных адносін" [2, с. 89].

Былы Надзвычайны і Паўнамоцны Амбасадар Рэспублікі Беларусь у Польшчы Мікалай Крэчка мае рацыю, калі адзначае: "Культурная дыпламатыя... – гэта ці не самая шырокая магчымасць для рэкламы любой дзяржавы, для стварэння міжнароднага іміджу гэтай дзяржавы – выступае вельмі і вельмі важным фактарам дыпламатычнай службы. І раней было так: першымі ідуць купцы, услед за імі – культура, а потым ужо крочыць палітыка. Праз гэту схему якраз сёння фарміруюцца стасункі з Беларуссю" [3, с. 9].

“Аднак на першым этапе існавання незалежнай Беларусі меліся і пэўныя цяжкасці ў галіне культурнага супрацоўніцтва...з іншымі краінамі. У пачатку 1990-х гг. не былі вызначаны прыярытэты культурнага супрацоўніцтва і яго накірункі. Гэта прыводзіла да пэўнай анархіі ў пошуку партнёраў за мяжой. У арганізацыі замежнай гастрольнай дзейнасці мелі месца адмоўныя тэндэнцыі, якія былі звязаны з адсутнасцю неабходнага вопыту міжнародных сувязяў, нарматыўнай базы, валодання валютнымі рахункамі, неабходнага кантролю з боку ўстаноў культуры, адпаведных аддзелаў Міністэрства культуры. На Беларусі ... “культурны вектар быў паступова выключаны са знешнепалітычных прыярытэтаў”. Так, у Палажэнні аб Міністэрстве замежных спраў Рэспублікі Беларусь (1998 г.), якое рэгламентавала дзейнасць знешнепалітычнага ведамства, культурны вектар вонкавай палітыкі не ўзгадваецца. У аснову палітычнага курса, які быў узяты, была пакладзена ідэя аб тым, што ва ўмовах дэфіцыту сродкаў усе матэрыяльныя і інтэлектуальныя сродкі павіны быць сканцэнтраваны на эканамічным накірунку, які прыносіць хуткія дывідэнды, у адрозненне ад “доўгаграючых” адукацыі і культуры” [2, с. 89 – 90]. “Прынцыпова важна адзначыць, што ў пачатку XXI стагоддзя відавочна прасочваецца павышэнне ролі культурнай складовай ў курсе РБ у галіне міжнароднай палітыкі.” [6, с. 124].

Дамоўна-прававы базіс знешняй культурнай палітыкі Рэспублікі Беларусь уключае два аспекты. Першы аспект: блок канкрэтных міжнародных пагадненняў, у якіх у якасці аднаго з бакоў выступае афіцыйны Мінск. Гэты блок градзіруецца на двухбаковыя і шматбаковыя пагадненні.

Беларусь яшчэ ў савецкі перыяд падпісала наступныя міжнародныя канвенцыі аб ахове культурнай спадчыны: Канвенцыю аб абароне культурных каштоўнасцяў у выпадку ўзброенага канфлікта ад 14 траўня 1954 года, Канвенцыю аб мерах, якія накіраваны на забарону і папярэджанне незаконнага ўвозу, вывазу і перадачы ўласнасці на культурныя каштоўнасці ад 14 лістапада 1970 г., Канвенцыю аб ахове сусветнай культурнай і прыроднай спадчыны. У постсавецкі перыяд блок адпаведных пагадненняў папоўніўся Еўрапейскай культурнай канвенцыяй (1993 г.), Канвенцыяй краін Чарнаморскага рэгіёна аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, адукацыі, навукі і інфармацыі. Беларусь мае з шэрагам дзяржаў спецыяльныя пагадненні аб культурным супрацоўніцтве. Яны заклалі трывалы падмурак для адпаведнай дзейнасці афіцыйнага Мінска на балгарскім, брытанскім, германскім, італьянскім, кіпрскім, расійскім, румынскім, славацкім, славенскім і іншых напрамках.

Другі аспект: прывядзенне ўнутранага заканадаўства ў адпаведнасць з міжнароднымі абавязацельствамі нашай краіны. Яшчэ ў ліпені 1991 года быў прыняты Закон “Аб культуры ў Беларускай ССР”. Праз 13 год набыла юрыдычную сілу яго новая рэдакцыя, у якой у лік “асноўных прынцыпаў ажыццяўлення і забеспячэння культурнай дзейнасці... (уклучана. – М.С.) узаемадзеянне беларускай нацыянальнай культуры з культурамі іншых народаў і яе інтэграцыя ў сусветную культуру”. [1, с. 197 – 198]. З 13 лістапада 1992 года такую ж сілу набыў “Закон Рэспублікі Беларусь аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны, найноўшая рэдакцыя якога да туюцца 9 студзеня 2006 года.

Культурны твар сучаснай Беларусі ў глабальным інтэр’еры вызначаюць наступныя моманты. Першы момант: “У спіс Сусветнай культурнай і прыроднай спадчыны ЮНЕСКО ўключаны архітэктурна-культурны комплекс рэзідэнцыі Радзівілаў у Нясвіжы, замкавы комплекс у г. п. Мір, Белавежская пушча і геадэзічная дуга Струве. У стадыі падрыхтоўкі знаходзіцца дасье па Аўгустоўскаму каналу, яшчэ дзевяць аб’ектаў нацыянальнага здабытку рэкамендаваны для ўключэння ў спіс экспертамі ЮНЕСКО” [4].

Другі момант. Беларускі тэатр трывала ўпісаўся ў тканіну міжнародных культурных адносін. Айчынныя “тэатры вядуць актыўную гастрольную дзейнасць, удзельнічаюць і заваёваюць узнагароды ў прэстыжных міжнародных фестывалях, у ліку якіх Эдзінбургскі ў Вялікабрытаніі, Шылераўскі і Бонскае біенале ў Германіі, Шэкспіраўскі ў Іспаніі, Чэхаўскі ў Расіі і шмат іншых.

Цэнтрам тэатральнага жыцця міжнароднага маштаба перыядычна становіцца і сама Беларусь. У 2007 годзе на 12-й фестываль «Белая вежа» у Брэсце прыбылі тэатральныя калектывы з 25 краін. Ператварыўся ў сусветную сталіцу тэатра і Мінск – міжнародны форум «Панарама» прадстаўляе лепшыя ўзоры тэатральнага мастацтва ў пастаноўках вядучых калектываў з Расіі, Літвы, Украіны, Эстоніі, Швецыі, Ізраіля, Германіі і іншых краін. У 2008 годзе міжнародны фестываль лячальных тэатраў у беларускай сталіцы стаў адначасова падарункам да 70-годдзя Беларускага дзяржаўнага тэатра лялек” [4].

Трэці момант. У міжнародным інтэр’еры грунтоўна выглядае беларускае кіно. “Кінастудыя «Беларусьфільм» – адна из вядучых ва Усходняй Еўропе. Тут паспяхова ажыццяўляюцца міжнародныя творчыя праекты па стварэнню мастацкіх фільмаў сумесна з кінематаграфістамі Расіі, Германіі, Ізраіля і іншых краін. Фільмы «Белвідзацэнтра» неаднойчы азначаліся прызамі і ўзнагародамі міжнародных кінафестываляў, такіх як, напрыклад, фестываль нацый у Аўстрыі, «Пасланне да чалавеку» (Санкт-Пецярбург), біенале сучаснага мастацтва ў Цэнтры Пампіду (Парыж), «Залаты Віцязь» (Мінск, Масква) і інш. Вялікім поспехам на сусветных кінафорумах традыцыйна карыстаецца беларускае анімацыйнае кіно.

Падзеяй у рэспубліцы становіцца правядзенне аглядаў дасягненняў кінематаграфістаў розных краін. У 2007 годзе на конкурс X міжнароднага фестываля «Анімаеўка» у Маглёве было атабрана 37 прац аніматараў з 12 краін. Удзельнікі буйнейшага кінафорума «Лістапад-2007» – кінематаграфісты 33 краін свету” [4].

Чацвёрты момант. Значна больш разнастайным стала дачыненне Беларусі да міжнароднага супрацоўніцтва ў галіне музыкальнай культуры. Шырокія маштабы набыў удзел нашай краіны ў міжнародных музычных фестывалях. Рэспубліка Беларусь пастаянна дэманструе здольнасць да арганізацыі падобных мерапрыемстваў на вышэйшым узроўні. Яскравае сведчанне таму – міжнародны музычны фестываль “Славянскі базар у Віцебску”, які штогод праводзіцца пачынаючы з 1992 года. Важна таксама адзначыць, што “адной з асноўных асаблівасцей (сучаснага. – М.С.) музыкальнага жыцця Беларусі... з’яўляецца выхад на міжнародную арэну не толькі ў галіне традыцыйных жанраў і кірункаў (балет, опера, музычны фальклор, песенная эстрада), што было і раней, а і ў галіне сучаснай авангарднай, эксперыментальнай музыкі” [7, с. 355 – 356].

Пяты момант. У розных краінах свету з выдавочным поспехам праходзяць выставы айчынных мастакоў. Іх творы выклікаюць вялікую цікавасць з боку наведвальнікаў падобных выстаў.

Шосты момант. “Прызнанне за межамі рэспублікі атрымалі многія прадстаўнікі беларускай літаратуры... Так, прызнанне ў многіх еўрапейскіх краінах атрымала дакументальная проза С. Алексіевіч. Яе творы “У вайны не жаночы твар”, “Цынкавыя хлопчыкі”, “Апошнія сведкі”, “Чарнобыльская малітва”, “Зачараваныя смерцю” адказвалі настроям не толькі беларускіх, але і замежных чытачоў... Замежныя даследчыкі творчасці беларускай пісьменніцы адзначаюць яе бліскучы талент у паказе савецкай і постсавецкай рэчаіснасці”. [1, с. 207]. Ва ўзнагародавую калекцыю С. Алексіевіч уваходзяць прэстыжныя прэміі розных краін. У далёкім і блізікім

за межы таксама атрымалі шырокі рэзананс творы айчынных майстроў слова: В. Быкава, У. Арлова, А. Разанава, Н. Мацяш, А. Кудраўца, А. Паповай [1, с. 207].

У працэсе ажыццяўлення знешняй культурнай палітыкі Рэспублікі Беларусь сустракаюцца і праблемныя комплексы, зняцце якіх адпавядала б нацыянальным інтарэсам нашай краіны. Першы праблемны комплекс звязаны з вяртаннем з далёкага і блізкага замежжа культурных каштоўнасцяў, якія сапраўды належаць беларускаму народу. Другі праблемны комплекс: не вырашана мноства пытанняў на прадмет далучэння Беларусі да Балонскага працэса. Трэці праблемны комплекс: негатыўны ўплыў сучаснага сусветнага эканамічнага крызіса на магчымасці Беларусі як суб'екта міжнародных культурных адносін.

Такім чынам, за гады незалежнага існавання ўдзел Беларусі ў развіцці міжнароднага культурнага супрацоўніцтва набыў устойлівую дынаміку, што перманентна прасочваецца ў напаўненні рэальным зместам арганізацыйна-прававога, канцэптualaнага, практычнага аспектаў яе знешняй культурнай палітыкі. Разам з тым ёсць і праблемы, якія трэба неадкладна вырашаць у дадзеным накірунку.

Літаратура

1. Основы культурологии: конспект лекций / С.В. Снопкоўская, В.А. Вараб'ёва, В.М. Іўчанка, Н.І. Здановіч. – Мінск: Асар, 2008. – 272 с.

2. Малашук, П.В. Белорусско-югославские отношения (1953-2003гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / П.В. Малашук. – Минск: БГУ, 2005. – 136 с.

3. Крэчка, М. Нельга ускладаць праз палітычную прызму... / М. Крэчка // *Культура*. – 2001. – №9. 5-9 сакавіка. – С.9

4. www.embassybel.ru/embassy/mbassador/ - 21к – 16 студзеня 2009 года.

5. Шадурский, В.Г. Внешняя культурная политика Республики Беларусь / В. Г. Шадурский / *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. – 2000. – №4.– http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=387&Itemid=51. – 27 апреля 2009 года.

6. Стралец, М.В. Основы дыпламатычнай і консульскай службы: Курс лекцый. Вучэбнае выданне / М.В. Стралец. – Брэст: Установа адукацыі “Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт”, 2008. – 188 с.

7. Парашкоў, С.А. Гісторыя культуры Беларусі / С.А. Парашкоў. – 2-е выд. – Мн.: Бел. навука, 2004. – 444 с.

ДЗЯРЖАЎНАЯ ПАЛІТЫКА Ў КНІГАВЫДАВЕЦКАЙ СПРАВЕ БССР З 1919 ПА 1941 ГОД: АСНОЎНЫЯ ЭТАПЫ

А.В. Сумко

Установа адукацыі “Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт”, г. Полацк, Баларусь

З 1919 па 1941 год газеты і кнігі з’яўляліся не толькі носьбітам інфармацыі, але і сродкам палітычнага выхавання, мабілізацыі насельніцтва на выкананне задач гаспадарчага будаўніцтва. Яны адыгралі значную ролю ў справе кансалідацыі беларускай нацыі, калі казаць пра 1920-я гады, спрыялі пераўтварэнню каштоўнасцей сацыяльнай сістэмы ў асабістыя каштоўнасці індывіда ў 1930-я. Друкаваныя творы разглядаемага перыяду з’яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння трансфар-

мацыйных працэсаў, што адбываліся ў грамадстве ў той час, а даследаванне дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР дазваляе выявіць важны аспект у фарміраванні савецкай грамадска-палітычнай сістэмы ў Беларусі. Для ўлады было вельмі важным, каб насельніцтва разумела, прымала і ўдзельнічала ў тагачасных эканамічных, культурных і іншых пераўтварэннях. У сувязі з гэтым мянялася роля і месца кнігі ў сацыяльнай сістэме, а разам стваралася адмысловая арганізацыйная структура кнігавыдавецкай справы, адпаведнае матэрыяльна-тэхнічнае і кадравое яе забеспячэнне. Станаўленне і развіццё новай кнігавыдавецкай сістэмы стала галоўнай мэтай дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР з 1919 па 1941 год, якая ў сваю чаргу вызначалася з агульнасавецкага цэнтра і кантралявалася партыйнымі органамі.

Прапанаваная перыядызацыя дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР грунтуецца на наступных палажэннях: 1 – дзяржпалітыка ў кнігавыдавецкай справе БССР на працягу даследуемага перыяду мела тэндэнцыю ўзмацнення дзяржаўнага кантролю над кнігавыданнем; 2 – у аснову перыядызацыі пакладзены: ступень удзелу дзяржавы ў працэсе кнігавыдавецтва, змены ў асноўных структурных элементах кнігавыдавецкай сістэмы БССР: кадравое забеспячэнне, матэрыяльна-тэхнічная база, змест рэдакцыйна – выдавецкіх планаў; 3 – пачатак першага этапу і заканчэнне чацвертага этапу акрэслены храналагічнымі межамі: 1919 г. – стварэнне БССР, 1941 г. – пачатак Вялікай Айчыннай вайны.

Першы этап (1919 – 1924 гг.) характарызуецца пераходам ад цалкам падпарадкаванай дзяржаве выдавецкай дзейнасці да суіснавання дзяржаўнай, прыватнай, кааператыўнай форм арганізацыі кнігавыдавецтва. Ва ўмовах ваеннага камунізму дзяржаўны сектар быў прадстаўлены рэгіянальнымі аддзяленнямі Дзяржаўнага выдавецтва РСФСР, якія з'яўляліся адзінымі заказчыкамі Паліграфічнага аддзела пры Вышэйшым Савеце Народнай Гаспадаркі Беларусі (кіраваў нацыяналізаванай маёмасцю з ліпеня 1920 года). Выпуск і тэматыка кніг рэгуляваліся выключна дзяржаўнымі органамі. Па меры ажыццяўлення новай эканамічнай палітыкі назіралася вяртанне да прыватных форм арганізацыі выдавецкіх прадпрыемстваў і пошук новых. Гэта прывяло да кароткатэрміновага суіснавання трох разнавіднасцей – дзяржаўнай, прыватнай і кааператыўнай, што ў сваю чаргу азначала з'яўленне выдавецтваў, якія былі арыентаваны на задавальненне інтарэсаў розных груп насельніцтва. Разам з тым, папярэдні і наступныя прагляды кнігадрукаванай прадукцыі набылі сістэматычны характар, што было звязана з стварэннем Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў БССР (Галоўлітбел). У акрэслены перыяд у калегіі Галоўлітбела пераважалі прадстаўнікі савецкіх дзяржаўных органаў, літаратуры, навукі, мастацтва. Ва ўмовах новай эканамічнай палітыкі, існавання кааператыўных і прыватных выдавецтваў кантроль за кадрамі адбываўся праз аддзелы размеркавання працы пры Наркампрацы і яго мясцовых органаў. Каб вырашыць пытанне з забеспячэннем высокакваліфікаванымі кадрамі выдавецтваў, практыкавалася прыцягненне да працы тых, хто працаваў на падобных прадпрыемствах яшчэ да рэвалюцыі. Разам з тым, каб выдавецтвы ў сваёй дзейнасці не адыходзілі ад партыйнай лініі, у абавязковым парадку ў склад праўлення ўводзілі прадстаўніка камуністычнай партыі. 22 лютага 1924 года была прынята пастанова ЦК РКП(б), у якой падкрэслівалася, што партыйныя камітэты павінны ўсталяваць пастаяннае кіраўніцтва над "сильно развившейся работой из-

дательств, в первую очередь, в области массовой литературы, учебников, крестьянской и национальной печати" [1, с. 311]. Яна прадвызначыла злучэнне прыватных, кааператыўных выдавецтваў з дзяржаўным сектарам. У верасні 1924 года ў БССР, нягледзячы на адсутнасць адзінства ў думках паміж Наркамасветы БССР і партыйнымі органамі КП(б)Б, было прынята рашэнне аб аб'яднанні буйнейшага кааператыўнага выдавецтва "Савецкая Беларусь" і Белтрэструка (знаходзіўся пад патранажам КП(б)Б) ў Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, якое пачало функцыянаваць з 1925 года і стала буйнейшай выдавецкай установай БССР – цэнтрам, які злучаў выдавецкую, паліграфічную і камерцыйную дзейнасць. З гэтага часу можна казаць аб другім этапе (1925 – 1929 гады), калі ў выніку эканамічных і ідэалагічных абмежаванняў прыватныя і кааператыўныя выдавецтвы паступова пачалі злучацца з дзяржаўным сектарам. Функцыі ўпраўлення перайшлі да новых спецыяльных органаў (аддзел друку ЦК КП(б)Б, камітэт па справах друку і паліграфічнай прамысловасці пры СНК БССР, камітэт па справах друку пры Наркамгандлі, спецыяльныя камісіі і інш.). У другой палове 1920-х гадоў адбыўся падзел выдавецтваў, у аснове якога ляжалі жанравыя асаблівасці кніжнай прадукцыі. Рэдакцыйна-выдавецкія планы сталі арыентавацца на забеспячэнне патрэбаў розных сацыяльных слаёў, узроставых і прафесійных груп і нацыянальных патрэб насельніцтва БССР. На змястоўнасць і арганізацыю кнігавыдавецкай справы вельмі паўплывала палітыка беларусізацыі, якая заклала нямала новых акцэнтаў у нацыянальна-культурнае будаўніцтва. Увайшло ў практыку абавязковае выдзяленне ў рэдакцыйна-выдавецкіх планах пэўнай колькасці кніжнай прадукцыі для нацыянальных супольнасцей, якія пражывалі на тэрыторыі рэспублікі. У межах Беларускага дзяржаўнага выдавецтва былі створаны нацыянальныя аддзелы, якія адказвалі за выпуск літаратуры на мовах нацменшасцей БССР. Узрасла ўвага да нацыянальнага складу працоўных. У адзначаны перыяд адбылося ўзмацненне матэрыяльна-тэхнічнай базы за кошт паліграфічных магчымасцей Віцебскай і Гомельскай губерняў. Паступова ўдасканальвалася сістэма ідэалагічнага і палітычнага кантролю за друкаванай прадукцыяй. З другой паловы 1920-х гадоў Галоўлітбел, нягледзячы на тое, што ён быў дзяржаўным органам і знаходзіўся ў агульных арганізацыйных рамках Наркамасветы БССР, стаў падпарадкоўвацца аддзелу друку ЦК КП(б)Б. Гэта прадвызначыла змены ў дзейнасці і метадах Галоўлітбела. Калегія Галоўлітбела вызначала ступень прыдатнасці той ці іншай кнігі ў залежнасці ад таго, для якой катэгорыі насельніцтва яна прызначалася. Тым самым Галоўлітбел улічваў на змест рэдакцыйна-выдавецкіх планаў і каадынаваў кнігавыдавецкую справу, аднак кнігавыдавецтвы пакуль валодалі пэўнай доляй самастойнасці ў ажыццяўленні сваёй дзейнасці. У складаных эканамічных умовах, у другой палове 1920-х гадоў актыўна паводзілі сябе прафсаюзы друкароў, якія пад пагрозай забастовак неаднаразова прымушалі кіраўніцтва выдавецтваў ісці на ўступкі. К канцу 1920-х гадоў сітуацыя змянілася. На XVI Канферэнцыі УКП(б) і V з'ездзе Саветаў СССР быў прыняты перш пяцігадовы план развіцця, які з'явіўся пабуджальным момантам да цэнтралізаванага, строга планавага развіцця ўсяго СССР, у тым ліку БССР. У 1929 годзе была згорнута новая эканамічная палітыка, пачалося адмаўленне ад, няхай і абмежаваных, дэмакратычных прынцыпаў кіраўніцтва дзяржавай. Менавіта з 1929 года вядучай тэндэнцыяй дзяржаўнай палітыкі ў культурнай сферы, у тым ліку і ў кнігавыдавецтве, стала "пралетарызацыя" культуры і выцясненне дэмакратычных праяў.

На працягу трэцяга этапа (1930 – 1935 гады) фарміраваўся механізм падсправаздачнасці выдавецтваў партыйным органам. Пачаткам карэнных змяненняў у кнігавыдавецкай справе можна лічыць святкаванне 5-гадовага юбілею Беларускага дзяржаўнага выдавецтва, падчас якога разам з станучымі вынікамі, былі агучаны недахопы ў дзейнасці галоўнага выдавецтва краіны, што прадвызначыла змены ў яго працы. Галоўнымі патрабаваннямі да кніжнай прадукцыі сталі ідэалагічная вытрыманасць і класавы характар твораў. Зніклі кнігі, якія складалі аснову выдавецкіх планаў на працягу 1920-х (амаль усе падручнікі па беларускай мове, гісторыі, географіі, слоўнікі, многія творы мастацкай літаратуры), бо сталі супярэчыць падыходам партыйных органаў і былі абвешчаны ці апалітычнымі, і таму непатрэбнымі, ці ідэалагічна невытрыманымі і варожымі. Дзяржаўная палітыка ў кнігавыдавецкай справе БССР атрымала новы змест, што ў першую чаргу адбілася на рэдакцыйна-выдавецкіх планах. Пастановай ЦК УКП(б) ад 15 жніўня 1931 года “Аб выдавецкай рабоце” быў замацаваны новы статус кнігі - яна павінна была быць моцным сродкам выхавання, мабілізацыі і арганізацыі мас вакол задач гаспадарчага і культурнага будаўніцтва [2, с. 52]. Тэматычныя планы выдавецтваў мэтанакіравана змянялі ў бок павелічэння дэнацыяналізаваных “сацыяльна важных” выданняў, якія выключалі ўсялякую ідэалагічную няпэўнасць. На першы план у рэдакцыйна-выдавецкіх планах выйшла палітычная і тэхнічная літаратура. Перавага дзяржаўных планаў над рэальным попытам прыводзіла да затаварвання кніжнага рынку, што ва ўмовах гаспадарчага разліку азначала ператварэнне выдавецтваў у крэдытна няздольныя гаспадарчыя адзінкі. Дзяржава стала мэтанакіравана ўкладваць вялікія сродкі ў пераабсталяванне, рэканструкцыю, мадэрнізацыю паліграфічнай прамысловасці БССР. Гэта дазволіла значна актывізаваць кнігавыдавецкую дзейнасць. Адбылася рэарганізацыя Галоўлітбела, кардынальна змяніліся яго метады працы. Памяркоўная палітыка ў адносінах да кадравага складу кнігавыдавецтваў замянялася рэпрэсіўнымі метадамі. Адпаведныя дзяржаўныя органы ўзялі пад нагляд фармаванне кадравага складу кнігавыдавецкага сектара. Яны пільна сачылі за рабочымі і служачымі кнігавыдавецкага сектара ўсіх узроўняў, сістэматычна збіралі звесткі пра палітычны стаж, працу і літаратурную дзейнасць супрацоўнікаў выдавецтваў. Ідэалагічная адпаведнасць стала галоўнай пры прызначэнні на пасаду. Паступова пачалі пазбаўляцца ад тых, да каго звярнуліся па дапамогу ў 1920-я гады, калі кваліфікаваных кадраў пралетарскага паходжання не хапала. Пасля справы “Саюз вызвалення Беларусі” кадравы склад выдавецтваў, у першую чаргу Беларускага дзяржаўнага выдавецтва, быў вызвалены ад нацыянальна-арыентаваных дзеячоў. Узмацніўся нагляд за кнігавыдавецкімі сектарам з боку органаў КП(б)Б, якія, у сваю чаргу, падпарадкоўваліся дырэктывам агульнасаветскага цэнтра. Кіруючыя ўказанні вышэйшых органаў былі абавязковымі для выканання і з большасці не ўлічвалі асаблівасці БССР. Згодна з рашэннем ЦК КП(б)Б ад 6 кастрычніка 1931 года, Беларускае дзяржаўнае выдавецтва было перайменавана ў Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі [3, с. 25]. У пачатку 1930-х гадоў па загаду з цэнтра, аддзелы Дзяржвыдавецтва БССР па наступных галінах кніжнай прадукцыі: партыйнай і палітмасавай літаратуры, вучэбнай і педагагічнай, мастацкай, ваеннай і г.д., былі ператвораны ў самастойныя выдавецтвы. Аднак штучна створаныя выдавецтвы не мелі дастатковага матэрыяльна-тэхнічнага і кадравага забеспячэння,

займаліся пераважна перакладам рускамоўных кніг (што ў сваю чаргу павышала сабекошт друкаванай прадукцыі). Каб выканаць абавязковы план, павышалі тыраж, выпускалі недабраякасную прадукцыю. Галоўным прынцыпам стала перавага колькасці над якасцю. Такая палітыка прывяла да стратнасці выдавецтваў і стагнацыі кнігавыдавецкай справы БССР. Да 1935 года скончыліся спробы рэфармавання кнігавыдавецкага сектара, быў канчаткова вызначаны курс на фарміраванне цэнтралізаванай кнігавыдавецкай сістэмы.

На чацвёртым этапе (1936 – 1941 гады) у выніку мэтанакіраванай дзяржаўнай палітыкі была створана цэнтралізаваная кнігавыдавецкая сістэма, дзейнасць якой цалкам кіравалася і планавалася партыйна-дзяржаўнымі органамі. Менавіта ў 1936 годзе рэпрэсіўная палітыка (асноўнымі матывамі для звальнення, акрамя “контррэвалюцыйнай” дзейнасці, было палітычнае мінулае і сваяцтва з “ворагамі” народа) прывяла да вострай праблемы забеспячэння кадравага складу выдавецтваў. Складанасць заключалася ў тым, што пасля чыстак, ганенняў у перыядычным друку вакантныя пасады выдавецкага сектара не было кім запоўніць. Калі раней ЦК КП(б)Б вырашала кадровае пытанне шляхам перамяшчэння работнікаў і прасоўваннем слаба падрыхтаваных на кіруючыя пасады, то цяпер гэта стала немагчыма, бо патрабавалася адразу вялікая колькасць людзей. Аднак справа была не столькі ў недахопе адпаведных людзей у межах Беларусі, колькі ў тым, што рэпрэсіўная кадрова палітыка ў кнігавыдавецкай справе прывяла да нежадання займаць адказныя пасады. Так, напрыклад, у верасні 1936 года на Бюро ЦК КП(б)Б на пасаду намесніка дырэктара Дзяржаўнага выдавецтва Беларусі быў прапанаваны для зацвярджэння І. Раманчук, які да гэтага працаваў дырэктарам музея Рэвалюцыі [4, л. 80]. Каб пазбегнуць небяспечнага прызначэння, ён у якасці прычыны спасылаўся на тое, што стан здароўя, у першую чаргу слабая нервовая сістэма, не дазваляе займаць такую адказную пасаду. Пытанне кадравага забеспячэння кнігавыдавецкага сектара было вырашана шляхам збору больш менш кваліфікаваных работнікаў друку з усяго СССР, што змяніла накіраванасць, а разам з ёю і змястоўнасць кнігавыдавецкай справы краіны [5, с. 125 – 126]. На працягу чацвёртага этапу цалкам аформіліся і замацаваліся галоўныя прынцыпы дзейнасці кнігавыдавецкага сектара. Адносіны ўлады да кнігавыдавецкай справы набылі інструментальны характар. Выдавецтвы страцілі права самастойна вызначаць змест сваіх рэдакцыйна-выдавецкіх планаў. Літаратурныя творы павінны былі ўпісвацца ў прапанаваныя ідэалагічныя схемы, адпаведнасць якім забяспечвалі спецыяльныя органы партыйна-ўрадавага кантролю за дзейнасцю выдавецтваў і літаратуры. Разнастайнасць кніжнай прадукцыі абмяжоўвалася дзяржаўнай палітыкай. З 1936 года значна павялічылася колькасць выданняў на рускай мове. Гэта было звязана з палітыкай атаясамлення паняццяў “савецкі” і “рускі”. З гэтага часу сталі назірацца перамены ў дзейнасці Дзяржаўнага выдавецтва Беларусі: скараціўся аб’ём выдання арыгінальных твораў беларускіх аўтараў за кошт павелічэння перакладаў. У 1937 годзе ў БССР быў спынены выпуск літаратуры на польскай мове. Рашэнне аб ліквідацыі адпаведнага аддзела ў структуры ДВБ, Бюро ЦК КП(б)Б прыняла пасля даклада аддзела друку і выдавецтваў ЦК КП(б)Б аб тым, што кадры польскіх паэтаў і пісьменнікаў БССР нязначныя і зсмечаныя варожымі элементамі. Гэта рашэнне дало аб сабе знаць у 1939 годзе, калі на кіраўніцтва БССР была ўскладзена ліквідацыя дэфіцыта літаратуры на польскай мове, які абвастрыўся ў выніку чысткі літаратурнага фонду ад “варожых”

твораў у Заходняй Беларусі. Сярод выданных кніг на польскай мове пераважала агітацыйна-прапагандысцкая, палітычная літаратура. Пасля падзей 1939 года ўсе паліграфічныя прадпрыемствы Заходняй Беларусі былі нацыяналізаваны і перададзены спачатку ў вядзенне абласных часовых упраўленняў, а затым пасля стварэння органаў савецкай улады – мясцовым органам кіравання [6, с. 470].

З 1936 па 1941 год павялічыўся апарат Галоўлітбела і пашырылася поле яго дзейнасці. Было наладжана бесперапыннае ажыццяўленне папярэдняй і далейшай цензуры як у цэнтры рэспублікі, так і ў раёнах.

Дзяржаўная палітыка ў кнігавыдавецкай справе БССР у 1920-я гг. і 1930-я гг. мела істотныя адрозненні. У той жа час прасочваецца пераемнасць у яе ажыццяўленні на розных этапах, выяўляецца яе пэўнае адзінства. Накіраванасць і змястоўнасць дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР залежылі ад грамадска-палітычнай і эканамічнай сітуацыі ў краіне, устаноўка камуністычнай партыі аб ролі і месцы літаратуры ў сацыялістычным грамадстве.

Літаратура

1. Волк, А.А. Из истории издательского дела Белоруссии (1917 – 1925 гг.) / А.А. Волк // Книга: исследование и материалы / Всесоюзная книжная палата; под ред. Н.М. Сикорского. – М.: Изд-во всесоюзной книж. палаты, 1962. – Сб 7. – С. 288–316.
2. Добренко, Е.А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е.А. Добренко. – СПб.: Гуманит. агентство "Академический проект", 1997. – 320 с.
3. Дырэктывы партыі аб выдавецкай рабоце. – Менск: ДВБ, 1933. – 48 с.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4-п. – Воп. 3. – Спр. 357. – Пратаколы пасяджэнняў Бюро ЦК КП(б)Б і матэрыялы да іх.
5. Касцюк, М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М.П. Касцюк. – Мінск: ВП "Экаперспектыва", 2000. – 308 с.
6. Марцэлеў, С.В. Печать Советской Белоруссии / С.В. Марцэлеў. – Минск: Беларусь, 1967. – 512 с.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ: ОПЫТ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ, МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

А.И.Сытник, Я.А.Сытник

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

До сих пор учёный мир так и не выработал целостной науки о внешней политике и международных отношениях. Существуют отдельные исследовательские направления в изучении тех или иных сегментов мировой политики, причём каждое из этих направлений оперирует собственным набором терминов. Так, геостратегический подход использует термины «биополярность», «многополярность», «центры силы», «национальная безопасность» в основе которых лежит понятие силы. Геоэкономический подход эксплуатирует термины «интеграция», «глобализация», «интернационализация» и т.д. В свою очередь идеологический или классовый анализ предполагает иной набор терминов: демократия, диктатура, авторитаризм. Своим терминологическим аппаратом обладает геополитика, цивилизационные, системные и другие подходы.

В статье используются геостратегический и геоэкономический подходы, которые являются разновидностью структурного метода и, естественно, также не покрывают всю гамму, весь спектр международных реальностей.

Проблема взаимовлияния и взаимозависимости европейской интеграции Украины и её демократического развития делает одним из важнейших направлений научного поиска определение мотивационных составляющих евроинтеграционных процессов. Декларированный Украиной курс на интеграцию в Европу требует формирования европейских стандартов, как в политике, так и в экономике. Статус Украины как государства среднего уровня в мировой иерархии даёт возможность констатировать, что Украина имеет недостаточно так называемой «структурной силы» для того, чтобы существенно влиять на процессы в глобальной системе международных отношений.

Украина имеет несколько основных «опций» построения своих отношений с влиятельными «центрами силы» на международной арене: ориентация на один из мировых «центров силы», глобального или регионального «лидера», что может дать определённые тактические выгоды, но стратегически угрожает полной зависимостью; - нейтралитет или равноудалённость, что в условиях нахождения Украины на пересечении геополитических интересов нескольких влиятельных «центров силы» может привести к разделению страны на сферы влияния; динамическое балансирование между «центрами силы». Это наиболее сложный путь, который требует взвешенной внешней стратегии и тактики. Именно этот путь является теоретическим основанием многовекторности.

Важным элементом внешнеполитической стратегии Украины должна стать концепция равной приближенности, цель которой - развитие углубленного сотрудничества со всеми ведущими мировыми игроками в регионе. Основным элементом концепции равноудаления является учет интересов каждого из основных игроков с одновременным недопущением углубления отношений с отдельными из региональных центров силы.

Соблюдение принципа равного приближения, последовательное взаимовыгодное сотрудничество в вопросах, которые составляют национальный интерес Украины, должны лечь в основу стратегии Украины в существующей геополитической среде. В отличие от глобальной международной системы, «структурной силы» в Украине достаточно для влияния на процессы становления и развития региональной европейской подсистемы международных отношений. Украина является видным государственным игроком в европейской расстановке сил.

Сегодня можно констатировать, что теория и практика европейской политики Украины существенно отстаёт от динамики трансформации структуры европейской региональной системы международных отношений. Во-первых, именно в европейской системе послабление американской гегемонии весьма ощутимо. Сохраняется тенденция дальнейшей дивергенции интересов США и ЕС, а также их конкуренция за поддержание стратегического альянса с Россией. Во-вторых, другим фундаментальным вызовом для Украины является динамика интеграционных процессов на европейском континенте, расширение ЕС. По разным причинам Украина остаётся на периферии интеграционных процессов. В-третьих, сегодня процесс расширения Европейского Союза имеет определённые ограничения институционального, политического, экономического и интеллектуального характера.

События последних лет – введение ЕС стратегии соседства, «конституциональный» кризис Евросоюза, более жёсткие критерии и требования к кандидатам на вступление в ЕС, интенсификация стратегического партнёрского диалога с Россией

– свидетельствуют о том, что в процессе дальнейшего расширения ЕС на восток наступила «стратегическая пауза». Она не может быть проигнорирована Украиной в контексте дальнейшей разработки её евроинтеграционного курса и европейской политики в целом. Альтернативы европейской политики нет. Украина должна возобновить собственную европейскую идентичность.

Следует отметить, что становление единой Европы прошло значительный путь. Формирование общей политической идентичности было объективной необходимостью для европейцев. После завершения Второй мировой войны начался процесс интеграции Европы. Политическая элита старого континента учла ошибки и обратила большое внимание на разработку ресурсов и средств формирования общих черт европейской идентичности. В её основу были положены основные активы западноевропейского общества – правовое государство, многовековой опыт общего существования народов, культура и т.д. Одним из важнейших факторов, которые способствовали евроинтеграционным процессам, стала рыночная экономика.

Международная экономическая интеграция в региональном масштабе в своём развитии проходит ряд ступеней: зона свободной торговли, в условиях которой страны-участницы ограничиваются отменой таможенных барьеров во взаимной торговле; таможенный союз, главным условием которого является отмена пошлины и количественных ограничений во взаимной торговле стран-участниц, установление единого таможенного тарифа; - общий рынок, в пределах которого ликвидируются барьеры между странами, создаются условия для свободного перемещения услуг, капиталов, граждан; экономический союз, который означает создание общего рынка без границ и предполагает реализацию государствами-участниками скоординированной единой макроэкономической политики и создание системы коллективного регулирования социально-экономических процессов в регионе; политический союз, который предполагает согласованную внешнюю политику, а также согласование действий в сферах безопасности, внутренних дел и юстиции.

Экономические факторы, а также осмысление возможности достичь значительных результатов благодаря сотрудничеству стали предпосылками развёртывания современных международных интеграционных процессов, прежде всего экономической интеграции. Влияние экономических факторов усиливается через осознание народами и их лидерами уменьшения возможности решать конфликты и международные проблемы силой. Именно взаимозависимость, её объективность и неизбежность в современном мире подтолкнули страны к кооперации, а на последующих этапах и к созданию институций и выработке общих правовых норм, которые бы регулировали отношения и процедуры сотрудничества в пределах интеграционного объединения.

С распадом биполярной системы международных отношений и завершением раскола Европы появились реальные предпосылки реализации идей достижения единства европейского континента, его переход к стабильности и безопасности, социальному и экономическому прогрессу. Стратегия расширения привела к распространению демократических стандартов, норм и процедур, цивилизационных параметров и интеграционных процессов не только на весь европейский континент, но и на прилегающие к нему регионы. В то же время, стратегия расширения имеет определённые ограничения. Во-первых, на европейском континенте находятся два центра политического и экономического влияния – ЕС и Россия. Во-вторых, темпы внутренней европейской трансформации стран Востока Европы, в частности, Украины значительно отстают от темпов трансформации и углубления ЕС. В-третьих, страны

Восточной Европы демонстрируют неспособность создать эффективную и цивилизационную модель межгосударственных отношений, которая была бы совместима с соответствующими принципами, стандартами и нормами ЕС. Наконец, наблюдаются процессы эрозии фундамента трансатлантических связей. Усиливаются тенденции нарастания геополитических и геостратегических расхождений между США и Евросоюзом, который превратился в самостоятельный центр силы и имеет собственные геополитические проекты, как в глобальной политике, так и на европейском континенте.

Новая геополитическая ситуация, которая сложилась в европейском международно-политическом регионе требует, во-первых, преодоления старой дилеммы «Восток-Запад», во-вторых, предотвращения противостояния между евроатлантическим, европейским и евразийским геостратегическими просторами; в-третьих, признания бесперспективности политики, которая закрепляет за Украиной буферный или периферийный статус в пределах тех или иных интеграционных процессов; в-четвёртых, артикуляции общеконтинентального характера европейской политики Украины, которая требует интеграции и сбалансированности основных векторов европейской стратегии; в-пятых, понимания того, что европейская политика Украины не может сводиться только к проблеме вступления в ЕС/НАТО, или к союзу с Россией/ЕСС.

Императивом европейской политики Украины остаётся поиск оптимального соотношения между стратегическим курсом на евроинтеграцию и необходимостью поддерживать комплексные отношения стратегического партнёрства с Россией в контексте усиления общеевропейских объединительных тенденций.

С точки зрения специфического геополитического расположения Украины как своеобразного геополитического центра, напрашивается формула треугольника ЕС – Украина – Россия. Эта формула строится на реальном существовании отдельных измерений сотрудничества и партнёрства между ЕС и Украиной, Украиной и Россией, ЕС и Россией. Формула треугольника даёт возможность замкнуть процессы расширения европейского сообщества, предупредить или минимизировать риск возможного углубления сотрудничества между ЕС и Россией на стратегически важных для Украины направлениях. В целом формула треугольника даёт возможность интегрировать российский и западный векторы украинской внешней политики в целостную стратегическую линию Украины по отношению к европейскому континенту. Парадигма Большой Европы возвращает Украине естественное место в центре общеевропейских процессов и проблематики единства европейского континента, предотвращает её маргинализацию или превращение в объект политики мировых «центров силы» и позволяет рассчитывать на повышение роли и влияние Украины в европейской и мировой политике.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА И ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.Г.Титаренко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Прогнозирование будущего развития тех или иных социокультурных, социально-политических, социально-экономических процессов связано со многими трудностями методологического, идеологического, теоретического характера. Нехватка научных данных, глобальная нестабильность (включая мировые кризисы и конфликты), а в условиях постсоветской Беларуси – активно продолжающиеся поиски модели устойчиво-

го экономического и социально-политического развития и сохранения национального суверенитета придают этому процессу высокую степень неопределенности. Тем не менее, поскольку определение перспектив развития страны, конкретного института или социального процесса крайне необходимы, постольку ученые заняты конструированием теоретических и эмпирических моделей вероятностного будущего.

В области прогнозирования моделей национальной идентичности населения Беларуси степень неопределенности возрастает не только по причине внутренних тенденций белорусского общества (естественная смена поколений и этнического состава, рост уровня образованности населения), но и в связи с изменчивостью глобальных трендов, геополитической ситуации в мире и особенно в Европе, степени выраженности публичного интереса к проблемам идентичности и точности замеров самоидентификации населения посредством социологических опросов. Современная эпоха отбросила многие прежние прогнозы, предвещавшие к концу XX в. гибель национальных государств и наций как активных субъектов социального действия на мировой арене. Напротив, в условиях нарастающей глобализации и интеграции мирового сообщества, в социальных науках возрождается интерес к национальному государству как субъекту социального развития и национальной идентичности как предмету научного исследования. И это закономерно. Национальное государство не исчерпало своего потенциала. На постсоветском пространстве нет ни одного государства, где бы не было роста интереса к национальным проблемам.

Даже в Европейском Союзе активное культивирование общеевропейской идентичности не только не заменило национальных идентичностей, но даже привело к их активному культивированию. Как показывают социологические исследования, в ряде стран глобальная, региональная и национальная идентичности развиваются параллельно, причем во всех странах мира пока еще превагирует национальная идентичность. Так, например, в опросе по проблеме европейской самоидентификации населения Евросоюза как «после его очередного расширения, как в «старых», так и в «новых» членах ЕС ответы были практически одинаковые. Часть населения ЕС отвергала «европейскую» идентичность по причине яркой выраженности у них национальной идентичности (французы), тогда как в других странах больший процент опрошенных признал свою «европейскую» идентичность (итальянцы). Наиболее важными факторами, влияющими на самоидентификацию, были признаны образование, степень мобильности: так, евроскептиками оказались менее образованные и более старые сельские жители Евросоюза независимо от страны проживания [см. 1].

В данной статье, на основе собранного ранее материала о современных эмпирических моделях белорусской идентичности, автор ставит целью определить наиболее перспективные модели идентичности для будущего развития гражданского общества в Беларуси. В анализе существующих (эмпирических выделенных нами на материале данных трех национальных опросов, проведенных институтом социологии НАН РБ) типов идентичности на уровне больших социальных групп мы исходим из того, что идентичность, как и другие социальные феномены, не является застывшей: она изменяется вместе с обществом [2].

Концептуальная идея трансформации белорусской идентичности состоит в признании процессуального характера этого процесса: на протяжении длительного времени в обществе могут сосуществовать как «ростки» новой идентичности, так и проявления «старого», типичного для прежних эпох самоопределения индивидов, групп, других общностей. Выявление социального механизма смены идентичности, определение доминирующих факторов, оказывающих на него наибольшее влияние, спо-

собов и средств целенаправленного конструирования новой белорусской идентичности, адекватной современным целям развития Республики Беларусь позволит научно объяснить этот процесс и вносить в него необходимые управленческие коррективы.

Как показывают данные эмпирических исследований идентичности, ее развитие претерпело радикальную трансформацию за постсоветский период [3]. Однако пока еще процесс постсоветской трансформации белорусской социокультурной идентичности не закончен. Существующие ныне эмпирические модели идентичности, базирующиеся, как правило, на некоторых витальных ценностях, и в то же время рефлексирющие некоторые глобальные и региональные вызовы современности (включая сегодня и новую Восточноевропейскую политику партнерства Евросоюза в отношении к Беларуси).

Необходимо выяснить, в каком направлении идет процесс трансформации идентичности белорусов по сравнению с советским периодом. Среди ученых нет единого мнения на этот счет, хотя смена доминирующих паттернов, их множественность уже признаны. Поскольку процесс трансформации базовых ценностей населения, включая идентичности, еще далек от своего завершения, постольку возможны значительные изменения в их проявлениях, особенно при тех или иных «поворотах» в реальной политике, заранее предсказать которые в современном «обществе риска» невозможно.

Для более глубокого понимания процессов трансформации белорусской идентичности важно раскрыть их исторический генезис. Многие современные типы идентичностей являются сконструированными, хотя и не представляются таковыми на уровне массового сознания. Одна из парадоксальных черт приверженности людей (групп, народов) тем или иным ценностям, (а идентичности тесно связаны с ценностями) состоит в том, что люди обычно воспринимают их не как собственное создание, а как данность, которая имеет самодовлеющую силу, покоряет и подчиняет людей себе. Только научный анализ позволяет увидеть, что ценности являются конструктами сознания, т.е. продуктом человеческой практики. Участники таких процессов, напротив, обычно считают ценности данными, существующими в мире независимо от их собственной деятельности.

Этот факт подтверждает невозможность логически непротиворечивого, чисто рационального объяснения наших высших ценностей или их трансформации. Как показал немецкий социолог Х.Йоас, если мы называем что-то высшей ценностью, то непонятно, на чем должно базироваться ее рациональное объяснение, ибо не может быть феномена, который одновременно будет «более высоким» и в то же время сохранит свою оценочную природу [4]. Отказ же от высших ценностей опасен тенденцией приглашения к ницшеанской вседозволенности и разрушению социального порядка. Прагматистское отношение к ценностной сфере может привести к историческому или культурному релятивизму, к тому, что называют «произволом постмодерна». Социология, связывая повествование и оправдание ценностей специфическим образом, помогает людям осознать, что их восприятие ценностей базируется на человеческом опыте и его интерпретации. Поэтому ценности всегда историчны, «привязаны» к той или иной эпохе, стране. Они больше не выступают как преданные и вечные, они проявляют свою ненеобходимую природу.

Проникновение в генезис современных ценностей помогает осознать те культурные силы, которые вызывают сегодня трансформацию ценностей либо способствуют их консервации, сохранению традиции, если их наличие помогает людям (группе, народу) адаптироваться к новым социальным ситуациям. Среди таких «возрожденных» ценностей могут оказаться и определенные типы идентичностей. В противном случае, наш анализ покажет, какие новые типы ценностных отношений между людьми, складывающиеся в современном белорусском обществе, могут решить проблемы поддержания социального порядка символическими средствами.

Сегодня эмпирически подтверждается наличие, как минимум, следующих типов национальной белорусской идентичности [5, 146].:

- гражданская (самоотжествление с гражданами Республики Беларусь, которую «часто» выбирает около четверти опрошенных),
- территориальная (отождествление «мы» - группы с жителями Беларуси, которую «часто» выбирает более пятой части респондентов),
- локально-тутэйшая («мы» - группа как жители малой родины, т.е. своей деревни, города, которую «часто» выбирает пятая часть населения),
- советская («мы» – советский народ), данный тип идентичности остается часто выбираемым значительной группой населения (в 2007 – 13%, 2008 – 17%), хотя он по естественным историческим причинам является исчезающим.

Наглядное представление о типах идентичности дает таблица 1, в которой представлены ответы белорусских респондентов (опрос 2008 года) на вопрос, с кем они себя отождествляют и как часто.

Данные таблицы 1, а также данные других национальных опросов за последние годы показывают, что, наряду с гражданской и территориальными типами идентичности, можно отдельно говорить о важности типа (этно)-национальной идентификации. Однако для белорусского народа в повседневной практике она несущественна, ибо более четырех пятых всего населения – этнические белорусы. Поэтому отношения между людьми обычно определяются не этничностью, а социокультурными различиями, базовыми ценностями. Критерий же этничности (национальности), судя по приведенным данным последнего национального опроса, «часто» выбирают менее трети белорусов, тогда как остальные выбирают его «редко» или «никогда», или затрудняется в оценке его значимости.

Таблица 1 – Основные типы идентичности и интенсивность их выбора

Идентификационная группа	Часто	Редко	Никогда
Со всеми гражданами Беларуси	30	24	14
С людьми Вашей национальности	30	24	15
С жителями вашего села, города	25	32	20
С жителями Беларуси	26	27	17
С Советским народом	17	18	26

Если представить указанные типы идентичности как эмпирические модели развития идентичности на ближайшее будущее, можно с высокой долей вероятности определить их перспективы. Очевидно, советская модель идентичности будет исчезать по мере естественного убывания доли населения, социализированной в прежнюю эпоху. Идентификацию с советским народом сохраняют сегодня только люди от 50 лет и старше.

Данный тип идентичности постоянно теряет своих приверженцев и не только в Беларуси. По данным 2007г., и в России такой тип идентичности разделяют менее одной пятой населения, что подтверждает ее уходящий характер, несмотря на сохраняющуюся у части населения тоску по советским временам. Россия, практически как и Беларусь, пока еще «находится на промежуточной стадии – между распадающейся идентичностью советской и пока до конца несостоявшейся российской национально-государственной идентичностью» [6, 12].

Территориальная и локально-тутэйшая модели идентичности сегодня являются значимыми и вполне могут оставаться таковыми в ближайшем будущем. Видимо, они еще долго не исчезнут, однако и перспектив на расширение они не имеют, поскольку влияние факторов глобализации и интеграции будет нарастать. Можно предположить, что данные модели будут существовать длительное время, но не доминировать.

Данные дают основание предположить, что тип этно-национальной идентичности может долго сохранять свои позиции, но в то же время он будет не более существенным для самоопределения населения, чем религиозные различия: оставаясь реально признаваемыми, эти различия имеют больше символический смысл, чем политический или прагматический. Жители нашей страны вступают в коммуникацию, не задумываясь о религиозной принадлежности друг друга, и не уточняя этническую принадлежность. Вряд ли можно ожидать нового витка «этно-национальной мобилизации» жителей Беларуси в будущем, если таковая не имела место даже в эпоху распада СССР. Это не означает, что люди потеряют свою национальную принадлежность: сохраняя ее, они, вероятно, не станут ее рассматривать как один из наиболее важных показателей и критериев сплоченности/ разъединенности, включения/исключения из «мы» - группы, т.е. групповой идентичности.

Мы полагаем, что не этно-национальный, а гражданский тип идентичности будет набирать вес в обществе, т.е. самоопределение на основе гражданского патриотизма, причастности людей к единой судьбе страны. На сегодня его выбирает часто только одна треть. Однако этот процент из года в год растет. В этом смысле многое зависит от молодого поколения, его социализации как граждан Республики Беларусь: именно эта социальная группа, особенно его наиболее образованная часть, может со временем сделать гражданскую идентичность доминирующей. В подтверждение этого тезиса сошлемся на данные опроса минского студенчества, проведенного социологами БГУ в 2006 г. (было опрошено 780 чел.) [7]. Отвечая на вопрос, в какой мере они чувствуют себя представителями той или иной «мы»-группы, почти 57% студентов указали, что они «в полной мере» чувствуют себя гражданами Беларуси (табл.2). Это была единственная самоидентификация, согласно которой более половины отметили ее по данной позиции. Национальность оказалась на втором месте (46% в полной мере ощущают себя ее представителями), а регионально-локальная идентичность на третьем (35%). Если согласиться, что студенчество – это лакмусовая бумажка будущего развития Беларуси, то модель гражданской идентичности будет постепенно набирать сторонников.

Таблица 2. В какой мере вы чувствуете себя представителем своей национальности, гражданином Беларуси, представителем своего региона, советским человеком, европейцем, человеком мира? (в %)

Идентификационная группа	3/0	В полной мере	Скорее да	Скорее нет	Совсем нет
Представителем своей национальности	3.5	45.8	40.4	7.7	2.7
гражданином Беларуси	2.1	56.5	29.2	7.4	4.7
Представителем своего региона	6.2	34.5	36.8	14.4	8.2
Советским человеком	11.9	7.3	11.9	19.4	49.5
Европейцем	9.5	12.9	32.3	23.2	22.1
Человеком мира	12.4	31.4	26.7	14.5	15.0

В целом, однако, по данным опросов, ни один тип национальной белорусской идентичности не доминирует, все выделенные типы оказались статистически значимы, но изменчивы и динамичны.

На сегодня некоторое разочарование вызывает довольно низкий уровень самоопределения населения по европейскому критерию. Так, в ходе национального опроса белорусского населения в марте 2009 г., на вопрос, ощущаете ли вы себя европейцем, чувст-

вуете ли свою принадлежность к культуре и истории европейского общества, положительно ответили лишь 37% респондентов, отрицательно – почти 68% [8]. В упомянутом выше опросе студентов Минска лишь 13% сказали, что в полной мере чувствуют себя европейцами. Можно предположить, что эти показатели в значительной мере стали результатом более чем десятилетней политической изоляции республики: в эти годы реальная жизнь и политическая пропаганда способствовали тому, что население, включая молодежь, чувствовало себя выброшенным из европейского пространства. Вполне вероятно, что программа Восточного партнерства, в которую в мае 2009г. вступила Беларусь, поспособствует нивелированию негативной европейской самоидентификации белорусов, и что через несколько лет данный тип станет в один ряд с вышеупомянутыми типами гражданской, этнонациональной, локальной и др. типами идентичности.

Если рассматривать эмпирические данные самоидентификации населения Беларуси в рамках дискурса постмодернити-модернити, то можно говорить о такой черте, как «плюралистический» характер современной белорусской идентичности. Эта идентичность на практике не разделяет разные виды и типы идентичности, она совмещает, объединяет несколько видов идентичности. Даже в рамках одного и того же критерия нельзя выделить один какой-либо тип, который бы сильно превосходил по своей популярности другие типы. Например, среди наличествующих сегодня типов национальной идентичности не зафиксированы количественно значимые различия между локальной (тутэйшыя, малая родина), регионально-территориальной (жители Беларуси), гражданской (граждане Республики Беларусь) и советской (последняя хотя и потеряла своих сторонников в последние годы, но еще получает от 15 до 25% поддержки). Таким образом, плюрализм характеризует самоопределение белорусов в целом. Вероятно, эта черта способствует их высокой адаптации к любым условиям существования и многовекторности базовых ориентаций.

Исходя из вышесказанного, подчеркнем, что среди всех современных типов национальной идентичности и моделей ее будущего развития только модель гражданской идентичности не имеет ограничений. Поэтому вполне естественно ожидать ее дальнейшего развития.

Литература

1. National and European identities are compatible, 2004, in <http://www.iue.it/RSCAS/Research/EURONAT/Index.shtml>; Last access: 06.09.2004.
2. Губогло, М.Н. Идентификация идентичностей. Этносоциологические очерки / М.Н.Губогло. – М., 2003.
3. Титаренко, Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе / Л.Г.Титаренко. – Мн., 2006.
4. Йоас, Х. Креативность действия / Х.Йоас. – СПб., 2005.
5. Титаренко, Л.Г. Основные типы национальной идентичности белорусов в условиях современной глобализации и трансформации общества // Л.Г.Титаренко. - Системная трансформация общества: исторический опыт, современность, перспективы. Сб. науч. трудов. Вып.5. - Брест: БГТУ, 2008. – С.143-149
6. Российская идентичность в социологическом измерении // Полис. - 2008. - № 3. – С. 9-28.
7. Архив центра социально-политических исследований БГУ.
8. National surveys. 2008, in [http:// www.iisepts.org](http://www.iisepts.org); Last access: 28.04.2009

HUMOR POLITYCZNY W POLSCE PO WYBORACH W 2005 ROKU, ZE SZCZEGÓLNYM UWZGLĘDNIENIEM INTERNETU

Prof. dr hab. Zofia Tomczonek
Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Wraz z upadkiem komunizmu umarł humor polityczny – głosi popularna teoria. Po 1989 r. z dnia na dzień społeczeństwu coraz bardziej odechciało się żartów z władzy. Zupełnie, jakby w demokracji było mniej powodów do kpín z rządzących. Dlaczego satyra polityczna tak mocno podupadła w III RP? Piotr Ikonowicz tłumaczy to następująco: „[Kiedys]. była głupia komunistyczna władza i mądre społeczeństwo, które sobie robiło z niej jaja. Natomiast w tej chwili mamy głupią niekomunistyczną władzę i jest dużo trudniej z niej się śmiać, ponieważ sami ją sobie wybieramy” [1]. W latach 90. Polacy opowiadali sobie głównie dowcipy obyczajowe: o zdradzanych mężach, uciążliwych teściowych, czy niezbyt rozgarniętych blondynkach. Wydawało się, że żart polityczny – tak burzliwie rozwijający się w PRL-u, na dobre odszedł do lamusa. Tymczasem jesienią 2005 roku obywatele jakby na nowo odkryli jego siłę i znów zaczęli naigrywać się z partyjnych działaczy. A biczem satyry smagali przede wszystkim Lecha i Jarosława Kaczyńskich – triumfalnych zwycięzców wyborów parlamentarnych i prezydenckich. Fala szyderstw i kpín z bliźniaków oraz ich świty zalała cały kraj.

W polityce śmiesznie jest zawsze. Czasem można odnieść wrażenie, że nawet gdyby nie powstawały kawały, skecze, czy piosenki komentujące rzeczywistość polityczną – i tak byłoby wystarczająco zabawnie. Bo politycy swoim zachowaniem, wypowiedziami i podejmowanymi decyzjami dostarczają aż nazbyt wielu powodów do drwin. A wszechobecne i wszędobylskie media tylko czyhają na potknięcie lub przejęzyczenie.

Obserwowany rozkwit dowcipu politycznego w Polsce jest ściśle powiązany z przejściem steru rządów przez Lecha i Jarosława Kaczyńskich. Co sprawia, że są oni ciekawszym celem kpín i krytyki niż były premier Leszek Miller, albo pierwszy watażka III RP Andrzej Lepper?

FOLKLOR POLITYCZNY

Folklor polityczny to – zgodnie z definicją zaproponowaną przez Waldemara Łysiaka – „sztuka słowa, wyrażająca się spontanicznością, emocjonalnością wyrosłą na gruncie wydarzeń i stereotypowego obrazu świata zarazem, a nosząca znamiona literatury ludowej” [1, s. 6].

Jest to forma anonimowej, doraźnej, spontanicznej twórczości, rodzaj kontestacji, której źródłem jest społeczne wrzenie. Nieodłączną cechą folkloru politycznego jest ulotność, bowiem może być on zrozumiany tylko i wyłącznie w kontekście wydarzeń, które go wygenerowały. Najczęściej przekaz rodzi się na bazie społecznego protestu danej grupy. Wraz ze zmieniającą się sytuacją ewoluuje, wycisza się, a nawet dezaktualizuje.

Wspomniany W. Łysiak do folkloru politycznego zalicza cały obszar treści pozawerbalnych, tkwiących w systemie nadawczym typu face to face, a także wszelkie formy twórczości plastycznej związanej z reakcją na rzeczywistość społeczno-gospodarczo-polityczną.

W praktyce granice folkloru politycznego wyznacza sytuacja historyczna oraz warunki polityczne. Koronnym przykładem jest wpływ cenzury. Ograniczanie wolności słowa wbrew pozorom może działać inspirująco: wymusza stosowanie metafor, porównań, aluzji, niedomówień. Autor przekazu musi nieraz wykazać się nie lada sprytem i pomysłowością, by przechytryć kontrolującego go cenzora. Mimo niewątpliwego wysiłku

intelektualnego twórcy, jego autorstwo bardzo szybko odchodzi w zapomnienie. Dzieje się to w chwili, gdy dany tekst zostaje zaakceptowany przez społeczeństwo. Tu prawa autorskie nie są zastrzeżone. Dzieło zaczyna żyć własnym życiem. W procesie wielokrotnego odtwarzania ulega nieustannym przekształceniom i modyfikacjom. Usamodzielnia się, stając się własnością publiczną. Bo folklor polityczny pomaga funkcjonować w uwierającej rzeczywistości, daje poczucie przynależności do grupy, stanowi wzorzec zachowań.

Konstytutywną cechą opisywanego zjawiska jest także opozycyjność. Objawia się ona w podkreślaniu własnej tożsamości, odrębności i przekonań. Folklor polityczny kształtuje się bowiem w sytuacjach zagrożenia. Dowodem na to są chociażby dowcipy polityczne z czasów zaborów, okupacji czy PRL. Kawalek pozwalały oswoić nieprzyjazną codzienność oraz uczynić wroga mniej strasznym. Jak słusznie zwraca uwagę T. Swat: „Bezprawie, krzywda, ucisk, tłumienie ludzkich potrzeb i niesprawiedliwość, gdziekolwiek mają miejsce, zawsze znajdują swój wyraz w twórczości ulotnej, spontanicznej. Wyraz ten jest tym jaskrawszy, tym ostrzejszymi znaczonej kreskami, im mocniej tłumione są ludzkie tęsknoty, im przejawem najważniejszej wartości jest autentyczność” [1, s.8 i następn].

Przy czym rodząca się na takim podłożu twórczość ma jeszcze jedną, ciekawą właściwość. Jest nią perswazyjność. Nie chodzi tu jednak o stosowanie bezpośrednich nakazów i zakazów, ale o zawołane wpływanie na odbiorcę. Umiejętnie zbudowany komunikat znieczula zdolność adresata do podejmowania refleksji, potęguje za to odczuwanie emocji. Dodatkowo nadawca stara się wykreować w umyśle odbiorcy myślenie w kategoriach „my”. Taki zabieg stwarza pozór istnienia wspólnego świata, celów i wartości. Rzeczywistość pęka zatem na dwie części: „naszych” (czyli tych dobrych) i obcych (czyli tych złych). Odbiorca musi wyraźnie opowiedzieć się po jednej ze stron. A tak naprawdę to decyzja już została za niego podjęta. W chwili, gdy adresat poznaje interpretację faktów, podpisuje się pod danym wytłumaczeniem. Bo przecież on jest po właściwej stronie barykady.

„Obcy” to wrogowie wewnętrzni albo zewnętrzni, charakteryzujący się szeregiem negatywnych cech. Ich portret jest oczywiście stereotypowy. „Oni” są głupi aż do granic zwątpienia, niekompetentni, brzydki, zli etc. Teksty opisujące wroga bywają wyjątkowo niewybredne. Często odwołują się do najniższych uczuć odbiorców. Arsenal środków wyrazu jest rzeczywiście potężny. W grę wchodzi: karykatura, kpina, szyderstwo, czy satyra. Ale pojawiają się również psychologiczne analizy poczynań wroga oraz refleksja na temat ludzkiej natury.

Folklor polityczny może też pełnić funkcję polemiczną. Jest wówczas rodzajem społecznego demontażu – reaguje na kłamstwo bądź manipulację. Pokazuje inne oblicze rzeczywistości, niż to oficjalnie prezentowane w mediach. Tak było np. w PRL-u, gdy dowcipy polityczne przeciwstawiały się rządowemu przekazowi.

KOMIZM

Przejawem folkloru politycznego jest komizm. Bardzo trudno zdefiniować, na czym polega to zjawisko. Wszystko dlatego, że ma ono charakter wybitnie pograniczny. Zahacza o takie dziedziny jak filozofia, psychologia, estetyka, socjologia, teoria sztuki, teoria literatury i języka, czy fizjologia. Nigdy nie udało się stworzyć ogólnej, wszechstronnej teorii komizmu, bo – jak trafnie zauważyła Danuta Butler – problemów następcza już samo wyodrębnienie przedmiotu takiej analizy. „Zakres zjawisk, które mogłyby pretendować do miana komicznych, jest właściwie nieograniczony „komiczność” nie jest bowiem stałą, immanentną cechą przedmiotów, ale realizuje się w pewnym doraźnym układzie sytuacyjnym i bywa wypadkową działania różnorodnych czynników” [2]. Butler wskazuje, że komizm jest de facto procesem. Do jego

zainicjowania potrzebny jest bodziec, czyli przedmiot śmieszny. Drugi nieodłączny składnik to obserwator, w świadomość którego dokona się percepcja przedmiotu. Skutek tego skomplikowanego, intelektualno – uczuciowego odbioru objawia się w postaci fizjologicznej reakcji organizmu, czyli śmiechu. Dodatkowo kontakt podmiotu i przedmiotu nie jest izolowanym faktem, lecz aspektem pewnej sytuacji społecznej. Kompleksowa teoria komizmu musiałaby uwzględnić wszystkie te czynniki. Klasyczne ujęcia omawianego zagadnienia koncentrowały się na drobnym wycinku procesu komicznego.

Próbę pełnego, filozoficznego wyjaśnienia prezentowanego zagadnienia podjął Henri Bergson. W klasycznym już dziele „Śmiech. Esej o komizmie”, francuski myśliciel przedstawia następującą teorię: „Społeczeństwu nie wystarcza umowa raz na zawsze obowiązująca, ono wymaga ustawicznej dążności do wzajemnego przystosowania się. Każda sztywność charakteru, umysłu, a nawet ciała, będzie czymś podejrzanym dla społeczeństwa, bo jest przypuszczalną oznaką jakiejś słabnącej sily [...]. Społeczeństwo stara się usunąć tę sztywność, aby uzyskać dla swoich członków jak największą elastyczność i możliwie najwyższy stopień uspołecznienia. Owa sztywność właśnie jest komizmem, a śmiech jej skarceniem” [iv, s. 13-39]. Bergson uważa zatem, że śmieszna jest zła adaptacja do zmiennej rzeczywistości. Bawi działanie rutynowe, szablonowe, mechaniczne, hamujące rozwój.

Z kolei Stanisław Bystron postrzega komizm jako siłę negatywną, której zadaniem jest burzenie tego, co już się przeżyło, co jest stare i już się nie sprawdza [v]. Zdaniem autora ta siła przejawia się najpełniej w czasach społecznych kryzysów. Stanowisko Bystronia nie wyjaśnia jednak społecznego zapotrzebowania na śmiech, dowcip i humor w czasach stabilnych. Bo jak przekonuje Kazimierz Żygulski: „potrzeba komizmu jest powszechna i stała w każdej ludzkiej zbiorowości, zmienne są natomiast jej konkretne przejawy, nasilenie oraz techniki” [vi, s.10]. Zdaniem tego autora komizm jest rodzajem więzi społecznej, która rodzi wspólnotę i w tym sensie jest siłą pozytywną. Zatem każdemu stadium życia społecznego odpowiada określona forma oraz potrzeba komizmu. Dlatego też Żygulski szuka humoru także w sytuacjach krańcowych. Chodzi tu o warunki, w których byt danej grupy, jej dorobek, struktura, dziedzictwo i instytucje są zagrożone. Wtedy społeczność stara się za pomocą satyry zachować psychiczną równowagę. Komizm staje się wówczas broni w dramatycznej walce z okrutnym przeciwnikiem. Takim stanom wyjątkowym autor poświęca cały rozdział swojej książki. Co ciekawe, jako ekstremalne przykłady wymienia tylko kłęski żywiołowe, wojny, głód i epidemie. Milczeniem pomija natomiast czasy PRL-u, a zwłaszcza lata 1968, 1970, 1976, 1980, 1981. Żygulskiego usprawiedliwia co prawda data publikacji jego analizy (nie zapominajmy o wszechobecnej cenzurze). Pamiętajmy natomiast, że owe polityczne przesilenia to nic innego, jak właśnie sytuacja krańcowa, a komizm objawił się wtedy w niezwykle spektakularny sposób i pozwalał społeczeństwu oswoić trudną rzeczywistość. Zdolność przywracania ludziom równowagi psychicznej, zachwianej w wyniku ciężkich sytuacji – to funkcja społeczna komizmu. Oprócz tego Żygulski wyróżnia także funkcję karzącą, korygującą, katartyczną oraz rozrywkową.

Na pierwszy plan zdecydowanie wysuwa się funkcja karząca, czy też piętnująca. Zdaniem Z. Freuda śmiech zawsze jest agresywny i wymierzony w kogoś [vii]. To według mnie spore uproszczenie, ale jest ziarno prawdy w tym twierdzeniu. Bo prześmiewca bierze przecież na celownik konkretną, upatrzoną wcześniej ofiarę i nie zostawia na niej suchej nitki. Poza tym

publiczne ośmieszanie od wieków stosowane jest jako forma represji. Tak jest zresztą po dziś dzień, zwłaszcza w małych społecznościach, mocnointegrowanych, gdzie kontrola nad życiem jednostki jest stosunkowo silna. Dowodem na to jest decyzja jednego z amerykańskich sędziów z lipca 2007 r. Michael Cicconetti skazał trzech mężczyzn na dość nietypową karę. W każdy piątek między 16:00 a 19:00 oskarżeni musieli paradować przed budynkiem sądu w jasnożółtym stroju...kurczaka. Dodatkowo przestępcy mieli nosić tablicę z napisem „NIE dla Chicken Ranch w Painesville” Wyjaśnił, że Chicken Ranch to znana w Nevadzie sieć domów publicznych, gdzie prostytutka jest legalna. W ten oto sposób sędzia powiązał restrykcje z rodzajem przewinienia, bo skazani dopuścili się przestępstw na tle seksualnym. Zresztą sędzia Cicconetti już wcześniej wymierzał zaskakujące kary. Mężczyznę, który nazwał policjanta świnią, umieścił w celi z prawdziwym prosiakiem i kazał mu trzymać transparent z napisem „To nie jest funkcjonariusz policji”. Z kolei para, która ukradła statuetkę Jezusa z bożonarodzeniowej stajenki, musiała przebrać się za postaci biblijne i rozmawiać z osłem [viii]. Przyznajmy: uczynienie z człowieka publicznego pośmiewiska jest represją wybitnie dotkliwą. Ale przykład pomysłowego sędziego z Painesville świetnie ilustruje także wychowawczy aspekt komizmu.

Wysmianie może być bowiem swoistą lekcją dla ofiary kpiarza. Ta naučka ma jednak charakter konstruktywny. Tutaj nie chodzi o samo ukaranie, tylko o wskazanie błędu z sugestią jego naprawienia. Jest to funkcja korekcyjna. Celem jest ulepszenie rzeczywistości, usunięcie wad i niedociągnięć. Świetnym przykładem jest twórczość komediopisarzy. Balzak szydził ze skapca Tartuffe'a, domagając się w ten sposób poprawy ludzkich charakterów. Na tym polega właśnie funkcja korygująca komizmu.

W niektórych okolicznościach dominuje funkcja katartyczna. Wtedy naczelnym zadaniem komizmu jest usunięcie skumulowanego napięcia, tarć czy niezadowolonia, które nieuchronnie powstają w każdej grupie społecznej. Komizm ma oczyścić atmosferę, a ponieważ łączy się z zabawą – przynosi w efekcie psychiczne odprężenie. Ten trik często stosują negocjatorzy, aby w sytuacji ostrego napięcia zredukować nieco konflikt.

Tu dochodzimy do ostatniej funkcji komizmu wyróżnionej przez Zygułskiego. To dostarczanie rozrywki, aby wypełnić wolny czas i zlikwidować poczucie nudy. „Gdy [komizm] przestaje być traktowany jako zabawa – znika wspólnota śmiechu, pozostają natomiast treści wywołujące oburzenie, nienawiść, zgrozę, pogardę, wstręt i prowokujące nieraz do czynnych interwencji” [ix, s. 7 i następne].

KOMIZM POLITYCZNY

Szczególną formą komizmu jest jego odmiana polityczna, postrzegana najczęściej jako broń służąca do osiągnięcia zamierzonych celów. Bo przecież polityka to gra interesów, nierzadko obciążona wysokim ryzykiem. Jednak takie postawienie sprawy jest nadmiernym uproszczeniem. Komizm polityczny może bowiem prowadzić do integracji grupy, a nawet wzmacniać autorytet. Jest zawsze odpowiedzią na bieżącą sytuację. Odzwierciedla aktualne poglądy i przekonania, a przez to niezwykle szybko się dezaktualizuje. Nawet w tej samej – społecznie rzecz biorąc – wspólnocie, odczytanie pewnych treści po dłuższym czasie jest w zasadzie niemożliwe bez rzetelnej wiedzy historycznej. Słowem trzeba znać kontekst, aby się śmiać.

Komizm polityczny może być też rozumiany jako forma uczestnictwa, i to nawet zaangażowanego. Opowiedzenie dowcipu jest bowiem równoznaczne z usytuowaniem

się po danej stronie barykady. Bywa, że samo rozpowszechnianie materiałów staje się wręcz aktem odwagi. Dość wspomnieć kolportowanie bibuły w PRL-u, czy podziemnych wydawnictw w czasie okupacji.

A represje za opowiadanie tekstów komicznych znane są od starożytności. Już wtedy z powodzeniem funkcjonowały przepisy, które miały chronić cześć czy też majestat władzy.

Charakterystyczna jest także zależność między nasileniem komizmu politycznego a ustrojem, w jakim się on rodzi. Jak słusznie zauważa K. Zygulski: „Systemy absolutne wspierane siłą aparatu władzy politycznej i kultem autorytetu, zwłaszcza osób i instytucji personifikujących tę władzę, zwykle ograniczają swobodne przejawianie się komizmu politycznego, a w każdym razie surowo go kontrolują [...]. Kroniki historyczne pozostawiły nam wiele informacji o wysiłkach władców, pragnących dostać w swe ręce i ukarać tych, którzy ośmielili się ich ośmieszać [...]. Władcy obrażali się zarówno za komiczne przedstawianie ich samych i polityki, jaką uprawiali, jak i wysmiewanie kraju czy społeczeństwa, jakim rządili. Jak długie miewali przy tym ręce, może świadczyć przykład losu polskiego satyryka imieniem Stercovius, który za czasów rządów króla Szkocji, a następnie także Anglii i Irlandii, Jakuba I, napisał w naszym kraju satyrę na Skotów. Oburzyła ona tak króla [...], iż podjął skuteczne działania, aby doprowadzić do skazania i stracenia autora. Udało mu się to ostatecznie; skrupulatne kroniki informują, iż kosztowało to rząd angielski 600 funtów”^[*].

Komizm polityczny jednoczy ludzi o podobnych poglądach, dlatego świetnie się sprawdza jako narzędzie opozycji. Oczywiście wysmianie władcy absolutnego czy dyktatora jest dużo bardziej ryzykowne niż szydzenie z nieudolnego premiera w demokracji parlamentarnej. Jednak w każdym z tych przypadków dowcipniś wytacza swoją największą broń – inteligencję. Jest to środek niezwykle skuteczny, a przy tym tani. Poza tym żartowniś nie musi korzystać z arsenału skupionego w rękach władzy, a najczęściej i tak nie ma do niego dostępu.

DOWCIP

Świadomym i umiętnym wywołaniem komizmu jest dowcip. Taką definicję proponuje T. Lipps. Z kolei T. Fischer rozumie to zjawisko jako „gotowość łączenia z zaskakującą szybkością obcych sobie wyobrażeń”^[*]. W obu tych przypadkach mamy do czynienia z czynnościowym ujęciem omawianego fenomenu. W naukowych opracowaniach funkcjonuje także podejście przedmiotowe. Dowcip jest wtedy uznawany za przejaw sprawności myślowej i błyskotliwości jego autora. To wytwór szczególnych, psychicznych dyspozycji.

Część badaczy nadaje terminowi „dowcip” ogólniejsze znaczenie. Zaliczają do jego zakresu takie środki wyrazu jak mimika, gestykulacja, formy plastyczne, muzyczne, czy językowe. Większą popularnością cieszy się jednak podejście zawężające dowcip wyłącznie do zjawisk wyrażających się w postaci językowej.

Cytowana już Danuta Butler określa dowcip jako „konstrukcję intelektualną, która zmusza odbiorcę do operacji myślowych, następujących w określonej kolejności”^[xii], s.4]. Wypada zgodzić się z tym punktem widzenia. Dowcip jest zatem pewną logiczną sekwencją, zwartą i niezwykle skondensowaną, wywołującą ciąg skojarzeń w umyśle odbiorcy. To krótki, humorystyczny tekst, zakończony zaskakującą pointą^[xiii].

Niemal wszyscy teoretycy zgodnie podkreślają właśnie ten ostatni atrybut dowcipu. Istota pointy polega na gwałtownym i niespodziewanym odwróceniu się od logicznego przebiegu danej sekwencji^[xiv], s.98-108]. Niezbędnym elementem jest także kontekst zabawowy. Bez niego pointa nie wywoła śmiechu. Żartowniś musi zatem umiętnie

zarysować czas i miejsce akcji, podkreślić charakterystyczne cechy bohaterów etc. bywa, że funkcję pointy pełnią wyrazy powszechnie uznawane za obraźliwe. Niecenzuralne epitety kontrastują wtedy z poważną materią opisywaną w dowcipie.

Nikomu nie udało się dotychczas wyjaśnić mechanizmu powstawania dowcipów. Twórczość ta ma charakter anonimowy i deformuje się w kolportażu. Prześmiewcy dostosowują bowiem poszczególne utwory do swoich możliwości interpretacyjnych. Tekst raz puszczony w obieg usamodzielnia się, stając się „dobrem publicznym”.

Dobry dowcip powinien być zwięzły, aktualny i nowatorski. Przysłowiowe odgrzewane kotlety nie cieszą się nigdy dużą popularnością. Najgorsze, co może spotkać kawalarza, to usłyszeć zarzut: „dowcip stary jak świat!”. W cenie są zatem: zmysł obserwacji, refleks i błyskotliwa odpowiedź na aktualne wydarzenia. Dowcip jest bowiem żywy tylko wtedy, gdy ktoś go słucha.

Potocznym odpowiednikiem dowcipu jest kawał. Przy czym termin ten kojarzy się z czymś ostrym, dosadnym, a nawet grubiańskim. Natomiast dowcip to forma bardziej wysublimowana, stonowana i subtelną. Zbigniew Raszewski podkreśla, że choć celem kawału jest rozbawienie słuchaczy, to nie zawsze musi być on dowcipny [xv, s.11]. Dowodem na to są chociażby żarty seksistowskie, czy rasistowskie, które – mimo całej swojej obrzydliwości – mają rzesze zwolenników.

Anegdota, facecja, dykteryjka, humoreska, kawał, żart, gadka – Julian Krzyżanowski wszystkie wymienione terminy uważa za synonimy dowcipu [xvi]. Do tego zestawu należy jeszcze dołożyć śląskie „bery”, czy pochodzące z niemieckiego określenie „wic”.

SATYRA POLITYCZNA W INTERNECIE

Po upadku komunizmu wydawało się, że żart polityczny odchodzi do lamusa. Jednak po spektakularnym, podwójnym zwycięstwie Prawa i Sprawiedliwości humor polityczny nieoczekiwanie zmartwychwstał. Przybrał też zupełnie nowe oblicze – satyra przeniosła się do cyberprzestrzeni.

Elektroniczny komentarz skutecznie wyparł stare formy satyry. Kiedyś triumfy święcił polityczny kabaret, dziś niewielu artystów szydzi z władzy. Muzycy rockowi też nie kwapią się do wyśmiewania ekipy rządzącej. A to właśnie rock dostarczał dawniej najostrzejszych komentarzy na temat klasy politycznej w Polsce. Wystarczy wspomnieć kultowe piosenki Kazika: „Panie Waldku, czyli lewy czerwcowy” (po obaleniu rządu Jana Olszewskiego), czy „Łysy jedzie do Moskwy” (po słynnej aferze Olina).

Polscy specjaliści od marketingu politycznego nie nauczyli się jeszcze, że sieć może być fantastycznym narzędziem w ich rękach. Niekończące się kłótnie o czas antenowy, wrywanie zdań z kontekstu, oskarżenia o dyskryminowanie kandydatów – te zarzuty nie dotyczą internetu. Bo sieć wręcz wymusza zderzenie ze sobą różnych punktów widzenia, idei, poglądów i stanowisk. W wirtualnej przestrzeni wszyscy są równi. Dlatego elektroniczne łączy to najbardziej obiecująca forma docierania do lektoratu. Zdaniem wielu badaczy Internet pozwoli „odświeżyć” procedury demokratyczne i zmobilizuje obywateli do czynnego uczestnictwa w życiu politycznym swego kraju. Bo „sieć przekształca zainteresowanych wyborców w wyborców poinformowanych, a poinformowanych w wyborców zaangażowanych” [xvii].

Howard Rheingold, pionier analiz na temat społecznego znaczenia Internetu, stawia niezwykle interesującą tezę. Jego zdaniem dzięki usieciowieniu na naszych dokonuje się społeczna rewolucja. Komunikujący się ze sobą internauci tworzą bowiem nowy rodzaj tłumu – tzw. smart mobs [xviii]. To kolektyw samoorganizujący się, twórczy,

współpracujący. Możliwość swobodnej komunikacji i wymiany myśli wytwarza kapitał społecznego zaufania oraz przyczynia się do kumulowania wiedzy. Mamy więc do czynienia z czymś, co można określić jako zbiorową mądrość.

„Sposób, w jaki działają smart mobs, przywodzi Rheingoldowi na myśl strategię właściwą nowoczesnym doktrynom wojennym: tzw. swarming (rojenie się). Sprawdza się ona i w sposobie działania roju pszczół, i w dawnym sposobie walki indiańskich plemion. Samodzielne i doskonale skomunikowane grupy uderzeniowe mogą sprawnie reagować na zmiany sytuacji na polu bitwy, grupując się („rojąc”) i uderzając. Militarne skojarzenia są tu oczywiście nie na miejscu, istotna jest idea. Dzięki informowaniu się w czasie rzeczywistym i technologiom mobilnym można prowadzić skoordynowane działania w sferze publicznej” [xix].

Z koncepcji Rheingolda płynie niezwykle budujący wniosek. Dzięki nowym mediom społeczności otrzymują nie tylko szansę na sprawną komunikację, ale też na skuteczne, oddolne działanie. Mają coś do powiedzenia. I mają jak. Ludzie są mądrzy niejako nie w pojedynkę, lecz dzięki sieci powiązań, elektronicznej wymianie informacji i sile tkwiącej w grupie. To olbrzymie wyzwanie dla polityków i speców od marketingu politycznego. Bo ze smart mobs trzeba się komunikować inaczej – sprytniej.

Poszukiwanie nowych form docierania do wyborców jest skutkiem zmian zachodzących w populacji osób uprawnionych do głosowania. W. Cwalina i A. Falkowski piszą o nowym pokoleniu wyborców określanym mianem milenium kids, echo boomers, digital nation, czy Generacja Y. To dzieci i młodzież z roczników 1979-1994: „[...] są to młodzi ludzie którzy wychowani na przekazie telewizyjnym w znaczącym stopniu uodpornili się na jego siłę perswazyjną. Swobodny dostęp do wszelkich mediów i szum informacyjny, w którym wyrosli, sprawiły, że różnorodna i coraz bogatsza oferta rynkowa nie robi większego wrażenia. Są też mało wrażliwi na oddziaływanie tradycyjnych kampanii promocyjnych. Nieograniczony dostęp do środków masowego przekazu, a zwłaszcza do zasobów informacyjnych Internetu, sprawił, że są oni bardziej niż ich poprzednicy świadomi świata, w którym żyją i jego problemów” [x, s.440-441]. To bardzo atrakcyjna grupa dla polityków, ponieważ większość „dzieci milenium” albo już ma, albo wkrótce nabędzie prawo wyborcze. Przy czym optymalnym kanałem komunikacji z generacją Y jest właśnie sieć.

Niestety, polscy politycy kompletnie nie potrafią wykorzystać najlepszych praktyk Internetu. Wszystko dlatego, że ciągle nie rozumieją jego specyfiki. Wciąż pokutuje przekonanie, że internauci (podobnie jak odbiorcy innych mediów) łatwo podlegają manipulacji, a tym samym sukces wyborczy zależy od dobrze skonstruowanego wizerunku. Niż bardziej mylnego. Użytkownicy Internetu są bardzo wrażliwi na wszelkie próby perswazji, szukają obiektywnej informacji, komunikują się między sobą i oczekują natychmiastowej reakcji na swoje wirtualne działania. Z punktu widzenia polityki sukces wyborczy nie może być zatem utożsamiany z masową obecnością w sieci. Wręcz przeciwnie – sukcesem jest obecność w tych zakątkach, gdzie jest to naprawdę potrzebne. O ile w 2005 r. sztaby wyborcze zupełnie nie popisały się w tej kwestii, o tyle internauci w niezwykle sposób zademonstrowali swoją siłę – wykształcili komentarz polityczny w wersji satyrycznej.

Minione 18 lat do zdecydowanie za mało, by Polacy mogli odreagować dekady, kiedy polityczny dowcip był surowo wzbroniony. Bo satyra kwitła nad Wisłą zawsze w trudnych dla narodu chwilach. Choć po 1989 r. obwieszczono śmierć humoru politycznego – ten

nieoczekiwanie zmartwychwstał. Przybrał jednak nową formę: gorącego, elektronicznego komentarza. Niektórzy twierdzą nawet, że Internet stał się czymś na kształt drugiego obiegu. Psycholodzy i socjolodzy wskazują wyraźne analogie między atmosferą społeczną w PRL i III RP pod rządami braci Kaczyńskich. „Wtedy satyra pełniła rolę społeczną, misyjną. Wykpiwała skapstwo Gomulki, krasomówstwo Gierka, sztywność Jaruzelskiego. Żarty były bronią społeczeństwa przeciwko władzy. Także dziś krańcowość różnego rodzaju posunięć rządu, które nazwałbym godnymi czasów azjatycko – tatarskich, prowokuje ulicę do odreagowania” [xx]. – tłumaczy profesor Zbigniew Nęcki.

Są podobieństwa, ale jest też zasadnicza różnica, o dziwo kompletnie pomijana przez komentatorów. W PRL-u śmiali się WSZYSCY. Społeczeństwo miało wspólnego wroga – władzę. Teraz śmieje się GRUPA obywateli rozczarowanych rządami Kaczyńskich. A Humor polityczny objawia się przede wszystkim w Internecie. Jest w tym pewna manifestacja: my – z wolnej cyberprzestrzeni, a wy – ze świata polityki. W PRL-u ze wspólnoty wykluczona była władza, którą piętnowano śmiechem. Dziś jest podobnie. Tyle, że mamy do czynienia ze znacznie mniejszą zbiorowością prześmiewców. Wydaje się, że nowy nurt humoru politycznego może być dobrą lekcją dla obydwu stron. Po pierwsze: dla rządzących, by dobrze poznać inny punkt widzenia. Po drugie: dla prześmiewców, bo żarty mogą być punktem wyjścia do stworzenia alternatywnej wizji porządku społecznego. Jak trafnie zauważył Eryk Lipski, dowcip polityczny zawiera głębszą warstwę znaczeniową: „Wysztydzając nieład wyraża potrzebę ładu, wysztydzając niesprawiedliwość jest wołaniem o sprawiedliwość, kpiąc z niekompetencji dopomina się o fachowość tam, gdzie jest ona potrzebna” [xxii, s.10].

Ale istnieje też realne niebezpieczeństwo związane z przeniesieniem się satyry do cyberprzestrzeni. Profesor Michael Comfield uważa, że media interaktywne – przede wszystkim Internet – są zagrożeniem dla demokracji. „Dostarczają one obywatelom tak zwanego faux populizm, to znaczy poczucia dobrego, niosącego samozadowolenie uczestnictwa w życiu politycznym kraju pozbawionego jednak jakichkolwiek znamion odpowiedzialności. Decyzje polityczne podejmowane są bowiem w domowym zaciszu, bez dodatkowych zobowiązań wobec żadnej z sił politycznych” [xxiii, s.]. Według Comfielda może to rozleniwiać ludzi. Wyborcy odwrócą się od czynnego uczestnictwa w życiu publicznym. Nie będą już aktywnie wspierać swoich kandydatów (np. nie będą organizować im zaplecza wyborczego). Zadowolą się interaktywną, uboższą formą partycypacji.

Bibliografia

1. Gwiżdż na przyszc, „Wprost” z 26.07.1998[?]. W. Łysiak, Wielka kontestacja. Folklor polityczny w PRL, PSO Sp. z o.o. – Poznań 1998. – S. 7 i następne
2. T. Swat. Religijność robotników, „Kierunki”, 1981, R. XXVII, nr 49, s.4
3. D. Butler. *Polski dowcip językowy*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. – Warszawa, 1974. – S. 8 i następne
4. K. Bergson. *Śmiech. Esej o komizmie*. – Kraków: Wydawnictwo Literackie. – 1977, S. 6–7
5. S. Bystron. *Komizm*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich. – Wrocław, 1960.
6. K. Żygulski. *Wspólnota śmiechu. Studium socjologiczne komizmu*, Państwowy Instytut Wydawniczy. – Warszawa, 1985. – S. 11

7. Z. Freud. *Dowcip i jego stosunek do nieświadomości*. – Warszawa: Wydawnictwo KR, – 1993.
8. Associated Press Television News (APTN News Semice), 29.07.2006
9. K. Żygulski, op. cit., s.33
10. ibidem, s. 155-156
11. D. Butler, op. cit., s.30
12. ibidem, s. 33 i następne
13. Porównaj: D. Brzozowska. *O dowcipach polskich i angielskich*. – Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2000. – S. 13-39
14. J. Trzynadłowski. *Małe formy literackie*. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. – 1977. – S. 98-108
15. Z. Raszewski. *Wstęp do teorii kawału // Polska Sztuka Ludowa* – Nr 2. – Warszawa, 1990.
16. J. Krzyżanowski, *Studia z dziejów literatury polskiej* – Warszawa, 1949.
17. W. Cwalina, A. Falkowski, *Mark eting polityczny. Perspektywa psychologiczna*. – Gdańsk, 2006.
18. www. rheingold.com
19. Przyjdźcie ubrani na biało, „Tygodnik Powszechny” z 6.02.2006
20. Cwalina, Falkowski, op., s.440-441
21. Satyra na czasie, „Newsweek” z 10.06.2007
22. *Dowcip surowo wzbroniony. Antologia polskiego dowcipu politycznego*. Toruń: Wydawnictwo Comer. – 1990. – S. 10
23. W. Cwalina, A. Falkowski, op. cit., s. 438

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

А.С. Царёв

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Социальное управление в сфере высшего профессионального образования рассматривается как осознанное, систематическое, специально организованное взаимодействие субъектов образовательного процесса в целях упорядочивания и совершенствования процессов функционирования и развития высшей школы. Образовательная система как объект управления рассматривается в виде органического единства двух организационных форм: учебно-предметной и социальной. Если первая характеризуется самой технологией обучения, то вторая – взаимоотношением субъектов образования. Эти взаимоотношения и представляют специфический предмет социального управления высшим образованием, входящий в структуру социологии управления.

Эффективное управление высшим образованием требует, с одной стороны, рассматривать высшее образование в качестве элемента сложной системы обще-

ственных связей и отношений, включённого в многочисленные социальные структуры, а с другой – предполагает учёт специфики и системного своеобразия высшей школы, в управлении которой используются различные подходы (системный, функциональный, поведенческий, деятельностный, синергетический, ситуационный, рефлексивный, управление «по результатам»).

Управление образованием рассматривается как необходимое условие, обеспечивающее образовательный процесс. А так как управление образованием специфично: оно носит субъект-субъектный характер – эта характеристика становится главной особенностью социально-управленческого механизма в системе управления высшим образованием. На это обратили внимание отечественные исследователи, изучавшие проблемы социального управления и разрабатывавшие принципы функционирования различных управленческих механизмов. Так вошли в научный оборот понятия «социальный механизм развития экономики» (Заславская Т.И., Рывкина Р.В.), «социальный механизм регулирования экономики» (Соколова Г.Н.), «механизм социального управления» (Хахимов Р.С.), «механизм демографического развития» (Вишневский А.Г.), «механизм формирования миграционных ориентаций» (Корель Л.В.).

Социально-управленческий механизм, рассматриваемый с позиций социологии управления, представляет собой организованное социальное взаимодействие управляющих и управляемых субъектов, включенных прямо или опосредованно в систему высшего образования. Это взаимодействие осуществляется на основе правовых норм и конкретных условий, в которых осуществляется образовательный процесс (вуз, регион, административная единица). В ходе конкретного социального взаимодействия и формируется социально-управленческий механизм, который переводит объективные факторы (экономические, политические, идеологические, нормативно-правовые) в ценностно-целевые структуры деятельности всех субъектов, включенных в образовательное пространство высшей школы и определяющих конкретный социальный заказ на специалистов с высшим профессиональным образованием. Отчасти элементы социально-управленческого механизма формируются спонтанно в ходе нерегулируемого взаимодействия различных субъектов, но значимость социально-управленческого механизма состоит в том, что он может стать формой организованного социального взаимодействия, для чего требуются знания его сущности и особенностей практического использования.

Социологический анализ сущности социально-управленческого механизма связан с выявлением его внутренней социальной структуры, т.е. с определением тех социальных субъектов, которые включены в регулируемую и управляемую систему и взаимодействие которых определяет содержательную специфику социально-управленческого механизма. В качестве критерия социальной дифференциации в системе управления высшей школой в исследовании был принят признак, определяющий характер и форму включенности различных социальных субъектов в процесс выработки, принятия и реализации управленческих решений. В итоге социальная структура социально-управленческого механизма в исследовании была сгруппирована и представлена следующим образом: 1-я группа - работники органов государственного управления высшим образованием, администрация вузов, ППС (профессорско-преподавательский состав), научные работники вузов – все те, кто непосредственно участвует в разработке, принятии и реализации управленческих решений на всех этапах управленческого цикла; 2-я группа – студенты, опосредованно влияющие на выработку и принятие управленческих решений, но непосред-

ственно участвующие в их реализации; 3-я группа - компетентные представители из различных отраслей народного хозяйства – руководители разного уровня, а также родственники и родители студентов, т.е. все «заинтересованные лица», формирующие социальный заказ в сфере высшего образования, и тем самым опосредованно участвующие в выработке, принятии и реализации управленческих решений в системе высшего профессионального образования.

Специфическая социальная структура социально-управленческого механизма, задающая направленность социального взаимодействия, одновременно имеет особый содержательный характер. Этот характер формируется за счет собственно субъектных характеристик – параметров, которые фиксируют ценностно-целевые структуры всех субъектов, вовлеченных непосредственно или опосредованно в систему управления высшей школой. В субъектных параметрах воспроизводятся социальные ожидания по поводу планируемых изменений, уровень принятия либо непринятия происходящих изменений, уровень удовлетворённости трансформациями, осуществляющимися на разных уровнях управления в системе высшего образования, ценностные ориентации всех субъектов, их целевые установки, готовность к определенной социальной активности и, в конечном итоге, результативность системы высшего образования, воспроизведенная на субъектном уровне.

Систематизация представленных в научной литературе подходов к определению сущности и параметров социально-управленческого механизма в различных сферах общественной жизни позволяет сделать вывод о том, что содержательной спецификой СУМ в системе управления высшим образованием является согласованное социальное взаимодействие всех элементов его социальной структуры, реализующееся на макро- (общество в целом), мезо- (конкретное учреждение или организация в системе высшей школы, регион, административная единица и т.п.) и микроуровнях (отдельные индивиды). В итоге социально-управленческий механизм может быть представлен виде структурной схемы, включающей – макропоказатели (общественные цели и интересы, выраженные в государственной идеологии в области образования, государственных программах, нормативных документах в их оценочном восприятии всеми субъектами образовательного процесса), мезопоказатели (конкретные цели и показатели деятельности различных учреждений и организаций, обеспечивающих образовательный процесс в высшей школе в восприятии субъектов образовательного процесса) и микропоказатели (личностные ценностно-целевые структуры – ценностные ориентации и жизненные цели, представленные в личностных смыслах субъектов образовательного процесса), которые определяют характер и направленность социальной активности всех субъектов образовательного процесса.

Эмпирическая интерпретация социально-управленческого механизма в системе управления высшей школой в Республике Беларусь, осуществленная на основе экспертных оценок и анализа общественного мнения, отражаемого СМИ, позволяет представить социально-управленческий механизм в измеряемых на эмпирическом уровне характеристиках, включающих:

а - макропоказатели, описывающие направленность и результативность управленческих новаций в системе высшей школы на макроуровне в их оценочном восприятии всеми субъектами образовательного процесса в высшей школе (общесоциальный заказ, измеряющийся на субъектном уровне как степень выраженности таких характеристик высшей школы, как массовость; разнообразие организационных форм; разнообразие форм финансирования; многоуровневая подготовка специалистов; целенаправленность на общественное развитие; связь с социальной практикой; включённость в единое образовательное пространство);

б - мезопоказатели, отображающие специфику функционирования отдельных организаций и учреждений высшей школы в оценках всех субъектов (конкретный социальный заказ в данной отрасли, регионе, административной единице, изменяющийся в оценках таких показателей, как оптимизация системы управления высшим образованием; модернизация структуры и стандартов высшего образования; согласованность ценностей и целей всех субъектов образовательного процесса; перевод системы высшего образования на информационную модель функционирования и развития; отказ от механистической модели высшего образования; внедрение системы многоканального финансирования высшего образования; оптимизация и повышение эффективности затрат на образовательно-профессиональную подготовку студентов; внедрение дистанционного обучения; расширение возможности для творческой самостоятельной работы студентов; изменение порядка и критериев оценки работы преподавателя);

в – микропоказатели, ценностно-целевые структуры, определяющие социальную активность отдельных субъектов высшей школы (индивидуальные ожидания и ценностные ориентации по поводу общеделовых, профессиональных и личностных характеристик выпускников вузов – коммуникативность, постоянное стремление к самосовершенствованию (самообразование), компетентность, профессионализм, организаторские способности (умение организовать команду), умение принимать решения, порядочность, культура поведения, ответственность, справедливость).

Операционализация (параметры экспертных оценок, вопросы экспертных интервью) и перевод показателей социально-управленческого механизма в количественно выражаемые индикаторы (множественный коэффициент ранговой корреляции) позволяет измерить степень согласованности ценностно-целевых структур, определяющих характер и направленность социальной активности субъектов, включенных в систему высшего образования. Так, социально-управленческий механизм, реализованный в системе высшей школы Республики Беларусь, позволяет осуществлять управление в соответствии с целями, ценностями, запросами и ожиданиями всех субъектов образовательного процесса, представленными на макро-, мезо- и микроуровнях.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Цобкало А.А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Социальные трансформации, которые происходят на территории современной Беларуси, привели к формированию так называемого «правового государства». Правовое государство провозглашает и конституционно закрепляет свободу людей и их равенство в правах как прирожденные качества каждого человека. В социально-политической жизни свобода человека выступает как его право. В правах человека выражаются возможности его действий в различных сферах жизнедеятельности: экономической, политической, социально-культурной, личной. Чем шире эти права, чем больше они гарантированы, тем свободнее личность. Если же естественные права человека ущемлены, то он чувствует себя неуверенно, униженно, теряет способность к творчеству, ограничивая таким образом собственное развитие и развитие общества.

Государство и право теснейшим образом связаны друг с другом. Государство использует право во всех сферах своей деятельности, в свою очередь правые нормы всегда санкционируются государством.

Самое раннее из дошедших до нас определений государства как правового сообщества принадлежит Цицерону. В своем труде «О государстве» он писал о том, что государство (*res publica*) есть дело народа как «соединения многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов» [1, с. 12].

В эпоху перехода от феодализма к капитализму решающее значение приобретают проблемы политической власти и ее формально равной для всех правовой организации в виде упорядоченной системы разделенных государственных властей, соответствующей новому отношению социально-классовых и политических сил. Юридическое мировоззрение нового восходящего класса требовало утверждения новых представлений о свободе человека посредством режима господства права и в частных, и в публично-политических отношениях. В этот период идеи правовой государственности с позиции историзма изложили прогрессивные мыслители того времени Н. Макиавелли и Ж. Боден.

Наиболее ярким представителем теории правового государства был французский юрист XVIII века Шарль Луи Монтескье. Он считал, что в государстве должны быть три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Эти ветви власти должны сдерживать друг друга.

На качественно новую ступень обоснование идеала правового государства было поднято в теории родоначальника классической немецкой философии Иммануила Канта. Согласно знаменитому определению государства, сформулированному Кантом в «Метафизике нравов», оно представляет собой объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Там, где государство действует на основе конституционного права, отвечает общей воле народа, там государство правовое, там не может быть ограничения прав граждан в области личной свободы, совести, мысли, хозяйственной деятельности. В правовом государстве гражданин должен обладать той же возможностью принуждения властвующих к точному исполнению закона, какой обладает властвующий в его отношении к гражданину. Хотя Кант не употреблял еще термина «правовое государство», он использовал такие близкие по смыслу понятия, как «правовое гражданское общество», «прочное в правовом отношении государственное устройство», «гражданско-правовое состояние». Философская концепция Канта оказала значительное влияние на дальнейшее развитие политико-правовой мысли и практику государственно-правового строительства цивилизованного общества.

Государство, согласно Гегелю, это то же право, а именно конкретное право, так как оно включает в себя признание всех остальных прав личности, семьи и общества. Возводя государство в абсолют, стоящий над личностью и обществом, Гегель доказывает, что такие государства предшествуют развитию гражданского общества. Ценность гегелевских воззрений на государство состоит в том, что принудительная, насильственная функция в нем играет не столь важную роль. В целом вся гегелевская концепция правового государства прямо и однозначно направлена против произвола, бесправия и вообще всех неправовых форм применения силы со стороны частных лиц, политических объединений и государственной власти.

Маркс и Энгельс на материалистической основе развили дальше идею Гегеля о разграничении гражданского общества и государства. Они показали, что именно гражданское общество составляет первооснову здания человеческого общежития, а жизнедеятельность гражданского общества есть главная движущая сила исторического прогресса. Маркс рассматривал государство и право исходя из открытой или классовой теории общественного развития. Согласно данной теории государство и право исчезнут вместе с исчезновением классов в результате установления диктатуры пролетариата, в процессе перехода к обществу без классов.

В то время в Германии сформировалось представительное направление, сторонники которого сосредоточили свое внимание на разработке теории правового государства. К числу наиболее видных представителей этого направления принадлежали Роберт фон Моль (1799-1875 гг.), Карл Теодор Велькер (1790-1869 гг.), Отто Бэр (1817-1895 гг.), Фридрих Юлиус Шталь (1802-1861 гг.), Рудольф фон Гнейст (1816-1895 гг.). Термин «правовое государство» (по-немецки - *Rechtsstaat*) ввел в научный оборот Роберт фон Моль, и таким образом он прочно утвердился в немецкой юридической литературе в первой трети XIX в.

В России идеи правового государства стали разрабатываться гораздо позже. Русская юридическая мысль в вопросе о правовом государстве базировалась на трудах иностранных правоведов. В русской политико-правовой мысли тема правового государства поднималась в трудах Д.И. Писарева, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, А.И. Радищева, П.И. Пестеля, Н.М. Муравьева и других мыслителей, где они подвергали критике беззаконие феодализма. В законченном виде русская концепция правового государства сложилась в работах видных правоведов и философов предоктябрьского периода: Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, П.И. Новгородцева, С.А. Муромцева, В.М. Гессена, Г.Ф. Шершеневича, Б.Н. Чичерина, Н.А. Бердяева и других. Большинство из них принадлежали к представителям русского либерализма. Либерализм в России во второй половине XIX в. стремился преобразовать государственный строй Российской империи в соответствии с образцами европейского пути развития.

Наиболее известной фигурой либеральных мыслителей второй половины XIX в. является Б.Н. Чичерин. Он исходил из необходимости приоритета государства в осуществлении общественных преобразований, выступал за парламентский и конституционный строй, считал, что правом определяется область свободы человека.

В специально посвященной правовому государству работе В. Гессен подробно рассмотрел сущность государственности такого типа и ее отличительные черты. По мнению этого известного ученого, государство путем своих законов связывает и обязывает ими не только подчиненных ему индивидов, но вместе с тем, посредственно или непосредственно, и самое себя.

Советская государственно-правовая наука идею правового государства считала буржуазной. Однако сказать, что идеи правового государства полностью игнорировались после 1917 года, было бы несправедливым. В ноябре 1918 г. (через год после революции) VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов принял Постановление "О точном соблюдении законов".

При Советской власти были также предприняты попытки обосновать диктатуру пролетариата с точки зрения права. Подобные взгляды высказывал в середине 20-х годов А.Малицкий. Так, в работе "Советская конституция" [2], он высказывал мысли о подчиненности всех органов государственной власти велению закона.

Функционирование правового государства невозможно без проведения в жизнь его основных принципов:

- верховенство права во всех сферах общественной жизни;
- первенство закона над государством;
- незыблемость прав и свобод личности;
- взаимная ответственность личности и государства;
- осуществление принципа разделения властей.

Высшей формой выражения и защиты прав и свобод людей в системе правовых ценностей является закон. Это и означает верховенство права в обществе, во всех его сферах. Нерушимость его закрепляется в Конституции (основном законе) страны и распространяется на прочие законы и нормативные акты. На страже неукоснительного соблюдения конституционных предписаний стоит Конституционный Суд и вся система судов правового государства. Верховенство права (закона) в обществе как главный принцип правового государства предопределяет и прочие его принципы, в частности подчинение закону и самого государства, и его органов, и должностных лиц. Самоограничение государства правом, закрепляющим свободу личности, не является односторонней привилегией личности. Последняя, в свою очередь, тоже соглашается на определенные ограничения и обязуется подчиняться общим установкам государства. Правовой характер взаимной ответственности государства и личности – это важная составная часть объективно складывающегося в обществе права, а не продукт волеизъявления государства. Следовательно, в правовом государстве устанавливается принцип взаимной ответственности государства и личности.

Принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную означает, что ни одному из государственных органов не принадлежит вся государственная власть в полном объеме. Каждый из них осуществляет только свою, присущую ему функцию и не имеет права подменять деятельность другого органа. Такое разграничение направлено на то, чтобы удержать власть от возможных злоупотреблений и не допустить возникновения тоталитарного управления государством.

Законодательная власть облекает в закон основные направления внутренней и внешней политики, обеспечивает верховенство закона в обществе. Исполнительная власть в лице своих органов занимается непосредственной реализацией правовых норм, принятых законодателем. Судебная же власть призвана охранять право, правовые устои государственной и общественной жизни от любых нарушений, кто бы их не совершал. Правосудие в правовом государстве осуществляется только судебными органами.

Формирование современного облика белорусского государства началось с принятием Декларации о государственном суверенитете (27 июля 1990 года), в которой подчеркивается, что Республика Беларусь – суверенное государство, утвердившееся на основе осуществления белорусской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение, государственности белорусского языка, верховенства народа в определении своей судьбы.

Республика Беларусь нашла свой собственный путь развития, эффективные способы управления, адаптации и трансформации государственных структур в новых условиях общественной жизни, повышения эффективности мер государственного регулирования всех социальных сфер при одновременном развитии институтов гражданского общества. В качестве одного из приоритетных направлений в формировании современного белорусского государства выступает дальнейшее развитие эффективного правового государства, работающего на благо народа. «Мы должны еще больше повернуть государство лицом к простому труженику. ... Государство по-прежнему должно дер-

жать руку на пульсе жизни общества во всех областях: обеспечивать законность и порядок, стабильность и спокойствие, безопасность и защиту своих граждан. Оно несет полную ответственность за состояние экономики и социальной сферы. Но вместе с тем государство, власть должны все в большей степени открывать возможности для проявления творческой инициативы и самоуправления» [3, с. 25].

Таким образом, правовое государство – это результат и фактор общественного развития, одновременного формирования политической и социальной организации общества. Его формирование – сложный и многообразный процесс, опосредованный многими историческими, региональными особенностями каждой эпохи, спецификой локальных цивилизаций (древневосточных, греко-римской, средневековых эпох на Востоке и на Западе) и общественно-экономических формаций.

Литература

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века. / Составитель Томсинов В.А. – М.: Зерцало, 2004. – 550 с.
2. Малицкий А. Советская конституция. – Харьков, 1924.
3. Государство для народа: Документы и материалы третьего Всебел. нар. собр. 2-3 марта 2006 г. / ред.кол.: А.Н. Рубинов [и др.]. – Мн.: Беларусь, 2006. – 463 с.

NABYWANIE NIERUCHOMOŚCI W POLSCE PRZEZ CUDZOZIEMCÓW (Z UWZGLĘDNIENIEM PODMIOTÓW Z BIAŁORUSI, ROSJI ORAZ UKRAINY)

dr Barbara Czajkowska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Obrot nieruchomościami z udziałem podmiotów z innych państw reguluje jeden z najstarszych aktów funkcjonujących w systemie polskiego prawa tj. ustawa z dnia 24 marca 1920 r. o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców (zwana dalej ustawą z 1920 r.) [16]. Jest to akt o charakterze reglamentacyjnym uzależniającym, co do zasady, nabycie nieruchomości od uzyskania zezwolenia Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji (MSWiA). Materia objęta przedmiotowym aktem ma istotne znaczenie praktyczne gdyż nabycie własności nieruchomości często jest konieczne do realizacji inwestycji, a ponadto służy zaspokojeniu potrzeb osób fizycznych zamieszkujących w Polsce. W niniejszym opracowaniu szczególną uwagę poświęcono wskazaniu skali (wielkości) nabycia nieruchomości przez cudzoziemców z wybranych państw sąsiadujących z Polską, a mianowicie z Białorusi, Rosji i Ukrainy.

Zgodnie z generalną zasadą zawartą w art. 1 ust. 1 ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców nabycie nieruchomości przez cudzoziemca wymaga zezwolenia, które wydawane jest przez Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji, jeżeli sprzeciwu nie wniesie Minister Obrony Narodowej, a w przypadku nieruchomości rolnych, jeżeli sprzeciwu nie wniesie również minister właściwy do spraw rozwoju wsi. Zezwolenia Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji wymaga także nabycie lub objęcie przez cudzoziemca udziałów lub akcji w spółce handlowej z siedzibą na terytorium RP, będącej właścicielem lub wieczystym użytkownikiem nieruchomości w Polsce, w przypadkach, które określa art. 3e ust. i 2 ustawy. Decyzja na nabycie nieruchomości należy do kategorii aktów prawnych o charakterze uznaniowy, co zapewnia organowi administracyjnemu znaczną swobodę w zakresie kształtowania treści swego rozstrzygnięcia [11, 285].

Aby ograniczyć sferę uznania administracyjnego w art. 1a ustawy z 1920 r. wprowadzono katalog przesłanek, którymi kieruje się MSWiA przy wydawaniu decyzji pozytywnych na nabycie nieruchomości. W świetle powołanego przepisu zezwolenie jest wydawane gdy:

1. Nabycie nieruchomości nie spowoduje zagrożenia obronności, bezpieczeństwa państwa lub porządku publicznego, a także nie sprzeciwiają się temu względy polityki społecznej i zdrowia społeczeństwa (przesłanki negatywne dotyczące wszystkich nabywców).

2. Cudzoziemiec wykaze, że zachodzą okoliczności potwierdzające jego więzi z Rzeczpospolitą Polską (przesłanka pozytywna). Okolicznościami potwierdzającymi więzi mogą być w szczególności: posiadanie polskiej narodowości lub polskiego pochodzenia, zawarcie związku małżeńskiego z obywatelem Rzeczypospolitej Polskiej, posiadanie zezwolenia na zamieszkanie na czas oznaczony, zezwolenie na osiedlenie się lub zezwolenie na pobyt rezydenta długoterminowego Wspólnot Europejskich, wykonywanie na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej działalności gospodarczej lub rolniczej, zgodnie z przepisami prawa polskiego.

W doktrynie prawniczej podkreśla się, iż przesłanki wymienione w pkt. 1 i 2 muszą być spełnione łącznie [9, 21]. Konsekwencją nabycia nieruchomości wbrew przepisom ustawy (bez wymaganego zezwolenia) jest nieważność dokonanej czynności (art. 6 ustawy z 1920 r.). W takiej sytuacji mamy do czynienia z najostrzejszą sankcją występującą w prawie cywilnym tj. nieważnością bezwzględną [5, 95.]. Polega ona na tym, iż czynność prawna nie zostaje skutecznie dokonana i nie wywołuje właściwych dla danego typu czynności (uważanych za zamierzone przez strony) skutków prawnych [4, 135]. W takim przypadku nie dochodzi więc do nabycia własności nieruchomości przez cudzoziemca.

Należy podkreślić, iż od ogólnej zasady wprowadzającej obowiązek uzyskania zezwolenia na nabycie nieruchomości, ustawa z 1920 r. przewiduje dwie grupy wyjątków. Po pierwsze enumeratywnie wymienia sytuacje nabycia nieruchomości, które są zwolnione od wymogu uzyskania zezwolenia (art. 8 ust. 1 i 2 ustawy z 1920 r.) oraz wskazuje, w jakich przypadkach nie stosuje się przepisów ustawy (art. 7). Z punktu widzenia niniejszego opracowania na szczególną uwagę zasługuje przepis art. 8 ust. 2 ustawy, który wszedł w życie w dniu 1 maja 2004 r. Stosownie do jego treści nie jest wymagane zezwolenie na nabycie nieruchomości przez cudzoziemców, będących obywatelami lub przedsiębiorcami państw członkowskich Europejskiego Obszaru Gospodarczego (EOG) lub Konfederacji Szwajcarskiej z wyjątkiem nabycia nieruchomości rolnych i leśnych, przez okres 12 lat od dnia przystąpienia Rzeczypospolitej Polskiej do Unii Europejskiej. Objęcie obowiązkiem uzyskania zezwolenia nabycia nieruchomości rolnych i leśnych jest wynikiem wynegocjowanego przez Polskę okresu przejściowego [1]. Jest to w chwili obecnej jedyne ograniczenie gdyż począwszy od dnia 1 maja 2009 r. przestała obowiązywać reglamentacja w zakresie nabycia tzw. drugiego domu (okres przejściowy wynosił 5 lat od dnia przystąpienia Polski do Unii Europejskiej).

Należy więc stwierdzić, iż sytuacja prawna obywateli i przedsiębiorców z EOG lub Konfederacji Szwajcarskiej różni się zasadniczo od pozycji pozostałych cudzoziemców. Do tej ostatniej grupy należą także podmioty pochodzące z Białorusi, Rosji i Ukrainy, które nie będąc stronami umowy o EOG nie mogą korzystać z generalnego zezwolenia na nabycie nieruchomości (chyba, że zachodzą wymienione w art. 8 ust. 1). Podkreślenia wymaga fakt, iż zwolnienie obywateli i przedsiębiorców pochodzących z EOG ma szerszy wymiar i daje możliwość nabywania nieruchomości bez zezwolenia także pozostałym przedsiębiorcom (pochodzących z państw trzecich). W świetle Traktatu Ustanawiającego Wspólnotę Europejską [14]. o przynależności spółki do Wspólnoty decyduje założenie jej zgodnie z prawem któregośkolwiek z

państw członkowskich oraz fakt, iż posiada ona swoją statutową siedzibę, zarząd lub główne przedsiębiorstwo w obrębie Wspólnoty (art. 48 TWE). Przedsiębiorstwo uzyskuje status wspólnotowy (odpowiednik polskiego terminu przedsiębiorca) poprzez łączne spełnienie tych dwóch wymogów, bez względu na osoby wspólników (udziałowców) [6, 130; 3, 198]. Decydujący w tym zakresie art. 48 TWE odrzuca teorię kontroli, uzależniającą przynależność do Wspólnoty od pochodzenia udziałowców [10, 430]. Spółka mająca siedzibę na terytorium Polski i założona stosownie do naszego prawa ma status przedsiębiorcy Europejskiego Obszaru Gospodarczego [8, 19; 7; 2, 38, por. także 12, 32 i nast.]. Ma więc do niej zastosowanie zwolnienie, o którym mowa w art. 8 ust. 2 ustawy. W praktyce oznacza to, że przedsiębiorca pochodzący np. z Ukrainy, może obecnie założyć spółkę z siedzibą w naszym kraju i za jej pośrednictwem, bez zezwolenia MSWiA, nabywać nieruchomości (z wyłączeniem rolnych i leśnych) lub obejmować udziały (akcje) w spółce handlowej z siedzibą na terytorium naszego kraju, a będącej właścicielem nieruchomości (w tym również rolnych lub leśnych).

Chcąc przybliżyć skalę obrotu nieruchomościami z udziałem podmiotów z Białorusi, Rosji i Ukrainy należy odwołać się danych zawartych w sprawozdaniach MSWiA z realizacji ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców, które przedstawia on corocznie na forum Sejmu, w terminie do dnia 31 marca, i które zawierają informacje o liczbie udzielonych zezwoleń, rodzaju i obszarze oraz terytorialnym rozmieszczeniu nieruchomości, których one dotyczą.

Tabela 1 – Zezwolenia Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji na nabycie nieruchomości gruntowych w latach 2000-2008 (powierzchnia nieruchomości i liczba zezwoleń wg kraju pochodzenia wnioskodawcy)

Rok	Kraj pochodzenia			
	Powierzchnia nieruchomości (w ha)			
	Liczba zezwoleń			
	Białoruś	Rosja	Ukraina	Ogółem z wszystkich państw
2000	1,847 4	2,241 11	1,715 15	1.963,302 1038
2001	2,307 9	5,972 13	1,742 13	3.628,76 1536
2002	0,861 9	2,407 13	3,761 20	4.884,123 1595
2003	2,394 7	2,390 14	8,103 16	4.718,504 1580
2004	0,213 3	11,781 15	6,148 38	7.586, 61 172
2005	12,347 8	2,818 19	6,409 30	1.786,190 592
2006	5,196 12	1,089 9	12,561 44	575,148 532
2007	10,509 11	3,244 14	12,313 53	435,697 525
2008	2,408 20	3,764 18	10,586 33	1.283,400 509

Źródło: opracowanie własne na podstawie sprawozdań Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji z realizacji ustawy z dnia 24 marca 1920 roku o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców za lata 2000-2008 – opublikowanych na stronie www.mswia.gov.pl.

Analiza sprawozdań z realizacji ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców za lata 2000-2008 (tabela 1) pozwala stwierdzić, iż zarówno powierzchnia nabytych nieruchomości jak i liczba uzyskanych zezwoleń przez cudzoziemców z Białorusi, Rosji i Ukrainy stanowi jedynie niewielki procent w stosunku do zezwoleń udzielonych wszystkim podmiotom zagranicznym oraz całkowitej powierzchni nabytych w poszczególnych latach nieruchomości gruntowych. W zdecydowanej większości przypadków zezwolenia były wydawane na wniosek osób fizycznych i dotyczyły niewielkich obszarowo nieruchomości (szczegółowo przedstawia to tabela 2). Natomiast zmniejszenie się ogólnej liczby zezwoleń, które można zaobserwować począwszy od 2004 r. (ostatnia kolumna tabeli 1) wynika z faktu, iż podmioty z EOG zostały, co do zasady, zwolnione z obowiązku uzyskania zezwolenia na nabycie nieruchomości.

Tabela 2 Zezwolenia Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji na nabycie nieruchomości gruntowych w latach 2000-2008 z uwzględnieniem wnioskodawców z poszczególnych państw (powierzchnia nieruchomości i liczba zezwoleń wg kraju pochodzenia wnioskodawcy)

Rok	Kraj pochodzenia kapitału								
	Białorus			Rosja			Ukraina		
	Os. prawne	Osoby fizyczne	Razem	Os. prawne	Osoby fizyczne	Razem	Os. prawne	Osoby fizyczne	Razem
2000	0,000 0	1,847 4	1,847 4	0,383 2	1,858 9	2,241 11	0,000 0	1,715 15	1,715 15
2001	1,803 3	0,504 6	2,307 9	3,966 3	2,006 10	5,972 13	0,486 4	1,256 9	1,742 13
2002	0,110 1	0,751 8	0,861 9	1,492 4	0,915 9	2,407 13	0,393 1	3,368 19	3,761 20
2003	1,716 3	0,678 4	2,394 7	0,885 2	1,505 12	2,390 14	4,393 1	3,710 15	8,103 16
2004	0,000 0	0,213 3	0,213 3	3,122 5	8,659 10	11,781 15	0,557 6	5,591 32	6,148 38
2005	0,000 0	12,347 8	12,347 8	0,000 0	2,818 19	2,818 19	0,030 1	6,379 29	6,409 30
2006	0,000 0	5,196 12	5,196 12	0,000 0	1,089 9	1,089 9	0,000 0	12,561 44	12,561 44
2007	5,290 1	5,219 10	10,509 11	0,033 1	3,212 13	3,244 14	0,000 0	12,313 53	12,313 53
2008	0,000 0	2,408 20	2,408 20	0,971 2	2,793 16	3,764 18	1,609 1	8,976 32	10,586 33

Źródło: opracowanie własne na podstawie sprawozdań Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji z realizacji ustawy z dnia 24 marca 1920 roku o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców za lata 2000-2008 – opublikowanych na stronie www.mswia.gov.pl

Odnośząc się do skali nabycia nieruchomości gruntowych w roku 2008 należy wskazać, iż MSWiA wydał ogółem 509 zezwoleń na nabycie nieruchomości gruntowych (340 zezwoleń na rzecz osób fizycznych oraz 169 zezwoleń na rzecz osób prawnych). Wśród osób, którzy otrzymali zezwolenia zdecydowanie dominowały podmioty z EOG. W

przypadku osób fizycznych 62% stanowili obywatele z państw będących stroną umowy o EOG, natomiast wśród osób prawnych - 99% zezwoleń otrzymały osoby prawne – przedsiębiorcy z EOG [13, s.32-34]. Należy jednak podkreślić, iż w odniesieniu do cudzoziemców spoza EOG w zakresie liczby wydanych zezwoleń dominował kapitał ukraiński (zezwolenia dotyczyły jednak niewielkich obszarowo nieruchomości – szczegółowo przedstawia to tabela 3).

Tabela 3 – Państwa, których obywatele (osoby fizyczne i prawne) uzyskały w roku 2008 najwięcej zezwoleń na nabycie nieruchomości gruntowych

Kraj pochodzenia kapitału	Liczba wydanych zezwoleń	Powierzchnia nieruchomości
Niemcy	112	196,747 ha
Holandia	57	466,271 ha
Ukraina	33	10,586 ha
Wielka Brytania	30	182,31 ha
Austria	26	105,24 ha
Francja	25	18,88 ha
Szwecja	24	26,387 ha
Białoruś	20	2,408 ha

Zródło: Sprawozdanie Ministra Spraw Wewnętrznych z realizacji w roku 2008 ustawy z dnia 24 marca 1920 roku o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców, s. 33

Obywatele Ukrainy oraz Rosji należeli cudzoziemców najczęściej występujących do Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji o uzyskanie zezwolenia na nabycie lokali mieszkalnych położonych w strefie nadgranicznej oraz lokali użytkowych. Obywatele ukraińscy uzyskali 15 zezwoleń w odniesieniu do 708,6 m² lokali natomiast rosyjscy uzyskali 13 zezwoleń w odniesieniu do 793,986 m² lokali. Stanowiło to ponad połowę wszystkich zezwoleń wydanych cudzoziemcom na nabycie lokali mieszkalnych i użytkowych – łącznie udzielono 52 zezwolenia [13, s. 39].

Przeprowadzona analiza pozwala stwierdzić, iż cudzoziemcy – osoby fizyczne - z Białorusi, Rosji oraz Ukrainy nabywają w Polsce niewielkie obszarowo nieruchomości z czego najwięcej (począwszy od 2004 roku) nabywają podmioty z Ukrainy. Niewielkie jest natomiast zainteresowanie nabywaniem nieruchomości w Polsce przez osoby prawne (przedsiębiorców) z Białorusi, Rosji oraz Ukrainy.

BIBLIOGRAFIA

1. Akt dotyczący warunków przystąpienia do Unii Europejskiej Republiki Czeskiej, Republiki Estońskiej, Republiki Cypryjskiej, Republiki Łotewskiej, Republiki Litewskiej, Republiki Węgierskiej, Republiki Malty, Rzeczypospolitej Polskiej, Republiki Słowenii i Republiki Słowackiej (Dziennik Urzędowy L 236 z 23 września 2003 r.)
2. Czajkowska, B., *Obrot udziałami (akcjami) w spółce handlowej będącej właścicielem nieruchomości*, Prawo Spółek 2005, nr 3
3. Cieśliński, A., *Wspólnotowe prawo gospodarcze*, Warszawa 2003
4. Red. Gniewek E., *kodeks cywilny. Komentarz*, Warszawa 2008
5. Kawecka- Pysz, J., *Nabywanie nieruchomości przez cudzoziemców*, Zakamycze 2004
6. Kruczałak – Jankowska J., *Swoboda przedsiębiorczości, [w:] Wolność gospodarcza*, red. Z. Brodecki, Warszawa 2003
7. Kwaśnicki, R., L., *Ochrona może stać się fikcją*, Rzeczpospolita 2005, nr 104

8. Kwaśnicki, R., L., *W sprawie sankcji w przypadku dokonania „innej czynności prawnej” dotyczącej udziałów (akcji)*, Prawo Spółek 2005, nr 5

9. Pawełczyk M., Blicharz P., *Nowelizacja ustawy o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców*, Edukacja Prawnicza, 2004, nr 4.

10. Roth, W., H., *Swoboda prowadzenia działalności gospodarczej i swoboda świadczenia usług*, [w:] *Prawo gospodarcze Unii Europejskiej*, red. Dauses, M., red. wyd. polskiego Skubisz, R., Warszawa 1999

11. Szafranski, D., *Administracyjnoprawne aspekty nabywania nieruchomości przez cudzoziemców*, [w:] *Prawo gospodarcze. Zagadnienia administracyjnoprawne*, red Wierzbowski M., i Wyrzykowski, M., Warszawa 2005

12. Szafranski D., *Osoba fizyczna jako osoba zagraniczna a cudzoziemiec*, Przegląd prawa Handlowego 2007, nr 5

13. Sprawozdanie Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji z realizacji w 2008 r. ustawy z dnia 24 marca 1920 roku o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców, Druk Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej VI kadencji nr 1832, opublikowane na stronach www.mswia.gov.pl

14. Traktat ustanawiający Wspólnotę Europejską (wersja skonsolidowana, Dz.U. C 325 z dnia 24.12.2002 r.)

15. Ustawa z dnia 24 marca 1920 r. o nabywaniu nieruchomości przez cudzoziemców (tekst jednolity Dz.U. z 2004 r., Nr 167, poz. 1758 ze zm.)

СРАВНЕНИЕ «ПРАГМАТИЧНЫХ» УСТАНОВОК И УСТАНОВОК «СОЦИАЛЬНОГО СОЧУВСТВИЯ» В ГРУППАХ ПОЛЬСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

М.Н. Чернявска

Белостоцкий политехнический университет, г. Белосток, Польша

Изменение государственного строя и преобразования в экономической сфере могут способствовать изменениям ментальности общества и усиливать так называемые «прагматические» установки. Для них характерно преобладание материалистической ориентации и концентрация (часто чрезмерная) на финансовом успехе [1,2,3,4]. Актуальным становится вопрос, есть ли в новой действительности государства место для общего интереса всего общества. Как замечают В. Заборовски и его соавторы [5], в эйфории провозглашения индивидуалистически организованных принципов рыночной конкуренции и частного владения средствами производства вопрос общего интереса признается проблематичным или даже вредным. Проблему общего интереса поднимают обычно те, кто стремится к значительному ограничению рыночных принципов во имя «интересов народа» или по-разному определяемых интересов идеологических сообществ.

Конкретизация задачи исследования. В данном исследовании ставилась задача установить, в какой степени в установках российских и польских студентов проявляются прагматические стандарты, ориентируются ли они, прежде всего, на реализацию собственных интересов, удовлетворение собственных потребностей или же одобряют деятельность, содействующую общему благу.

Среди студентов следует ожидать укрепления и распространения прагматических установок в силу проведения экономических реформ. Одобрение свободных рыночных отношений способствует усилению прагматических установок, согласно

которым человек должен стремиться, прежде всего, к улучшению собственного положения, в том числе материального. В данном исследовании был проведен сравнительный анализ прагматических установок с учетом критерия национальности. В ходе исследования устанавливалось, существуют ли различия в этих убеждениях. Если да, то являются ли их сторонниками в большей степени польские или российские студенты. Была протестирована гипотеза о разнице в акцептировании установок в обеих студенческих группах.

Метод исследования. Установки – это субкатегории системы убеждений. В данном исследовании они понимаются как эвальвационные суждения, т.е. утверждения, приписывающие разным объектам, личностям и явлениям позитивность или негативность. Респонденты определили своё отношение к 2 парам утверждений. Каждая пара включает два альтернативных убеждения. Задачей респондентов был выбор того убеждения, которое в большей степени отражает установку личности по отношению к поставленной проблеме.

Характеристика групп исследования. Исследование было проведено в 2003-2004 гг. в двух польских (Uniwersytet w Białymstoku и Politechnika Białostocka) и в двух российских (Санкт-Петербургский государственный университет и Санкт-Петербургский университет экономики и финансов) вузах. В исследовании принял участие 644 человека, в том числе 325 поляков и 319 россиян. В польской группе было 165 студентов педагогики и психологии, 160 студентов менеджмента, всего 73 мужчины и 252 женщины. В российской группе было 188 студентов-психологов, 131 студент экономики и управления, всего 63 мужчины и 256 женщин. Средний возраст изучаемых составлял приблизительно 20 лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСЛЕДОВАНИЙ

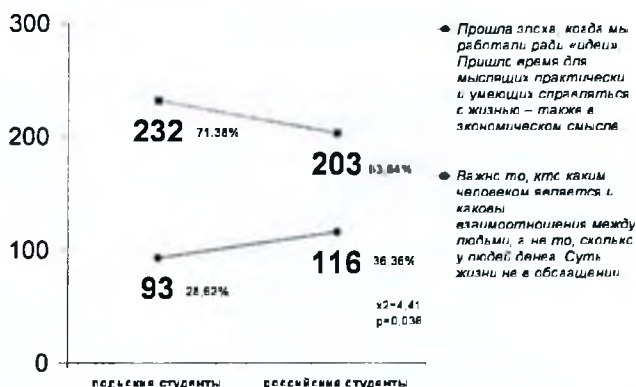
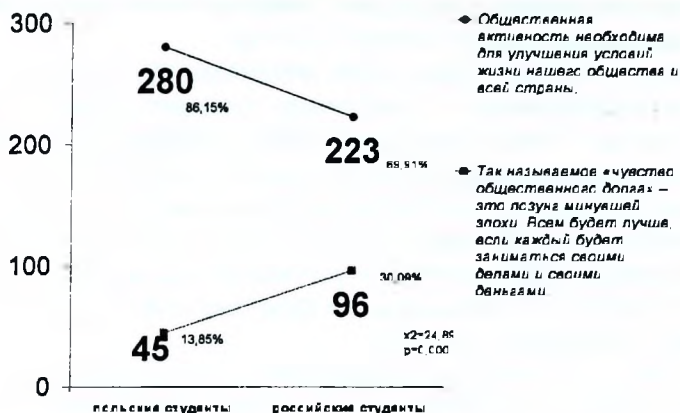

Рис. 1 – Национальность как дифференцирующий фактор при выборе предложения в установке 1

В обеих группах чётко указывали на важность «человечности и связей между людьми» (поляки – 71,38, россияне – 63,64%). Однако, тем не менее, российские студенты (36,36%) чаще, чем польские (28,62%), позитивно оценивали индивидуальное предпринимательство и умение реализовать собственные экономические интересы (разница при выборе предложения достигает 8%, $p=0,036$). Прагматичные стандарты, направляющие активность на «практическую справляемость с жизнью», являются важным показателем одобрения идеологии экономического либерализма.

Подобное направление зависимостей проявилось при выборе между следующей парой утверждений.

Рис. 2 – Национальность как дифференцирующий фактор при выборе предложения в установке 2

Как польские студенты (86,15%), так и российские (69,91%) подчёркивали значение «общественного блага» и «блага страны», а также роль граждан в его реализации. Относительно чаще такие суждения появлялись среди поляков (разница при выборе предложений в установке составляет более 16%, $p=0,000$). В группе россиян относительно чаще наблюдались прагматичные позиции: около 30% исследуемых признало, что будет лучше всего, «если каждый займётся своими деньгами и своими делами». Такую модель деятельности поляки одобряли реже (13,85%).

Подведение итогов. А. Явловска [6] указывает на относительный рост прагматизма во всех посткоммунистических странах. Он связан, по мнению автора, с универсализацией роли денег и увеличенными шансами индивидуального вознаграждения. Усиление прагматизма может быть спровоцировано объективным падением уровня жизни и ростом экономической дифференциации, явной общественной поляризацией (появление очень богатых и очень бедных), а также ещё большей видимостью этой дифференциации при демонстративном потреблении. Ограничение материальных потребностей способствует росту значения, приписываемого материальным факторам. Как отмечает Т.В. Евгеньева [7], в последнее время основной целью жизни значительной части российского общества стало простое выживание, и тем самым, на первый план выдвинулись материальные потребности и потребность безопасности. С другой стороны, легализуется ориентация на материальное потребление, процветание и благоденствие [8].

Прагматические установки можно считать показателем изменения менталитета в направлении индивидуализма. В.В. Крамник [9], анализируя сущность менталитета российского общества перед периодом трансформации, указывает, что главной из его ценностей был рост благосостояния общества. Родина, государство, страна казались более важными в сравнении с личными интересами (деньги, материальные блага, богатство). Формирующаяся в период трансформации группа «новых русских» отличается рациональным подходом к жизни, практическим, прагматиче-

ским складом ума. Для них «добро общества» или «добро родины» рассматривается с точки зрения собственных достижений и успехов. Их менталитет более похож на менталитет англосаксов, чем русских. Появление аналогичной группы «новых поляков» наблюдается также в польском обществе.

В свете полученных нами результатов, следует указать, что российские и польские студенты обнаруживали «прагматичные» установки значительно реже, чем установки, имеющие в виду общественное благо. Респонденты негативно оценивали «концентрацию на собственных делах и деньгах» (65-85%). Польских студентов характеризовали более сильные тенденции общности и более слабый прагматизм (направленность на удовлетворение материальных потребностей). Среди российских студентов явственнее проявляется типичное для экономического либерализма усиление прагматизма (различие в выборе предложений в двух последующих установках равнялись примерно 8% и 16%).

В процессе исследования нас интересовало, в какой степени среди российской и польской молодежи кристаллизовались «прагматические установки», т. е. те, которые связаны с поддержкой нового общественно-политического порядка. Хотят ли респонденты самостоятельно организовывать свою жизнь и реализовать материальные стремления или имеют в виду общественное благо. Мнение, что прагматично понимаемые интересы должны определять поведение людей, касалось меньшей части опрошенных студентов. В обеих национальных группах высоко оценивалась «человечность», межличностные связи и ангажирование во имя «всеобщего блага». Таким образом, обозначилось стремление к коллективистскому сообществу. Государство, опирающееся на коллективистские принципы, популяризирует эгалитаризм, всеобщее благо и социальную солидарность. Государство, опирающееся на принципы индивидуализма, типичные для экономического либерализма, популяризирует прагматический подход, абсолютизирующий личный интерес. В этом случае выявляется ориентация на личные цели и собственное благо, игнорируются потребности общности и т. н. «общее благо». Прагматизация принципиально является одной из психологических реакций на введение рыночной экономики и связана с возможностью обогащения [10].

Полученные результаты исследований могут лежать также в основе более общих рефлексий. Они склоняют к размышлениям, являются ли психологические последствия системных изменений однозначно позитивными? Не является ли индивидуализм чуждым и даже в каком-то смысле угрожающим обществам Центральной и Восточной Европы, в которых до сих пор сообщество была основным элементом описания менталитета? Не следует ли оценить должным образом, в этой связи, культурный параметр трансформации и рассмотреть возможность макросоциальных перемен в контексте доминирующего в данном обществе менталитета?

Следует отметить, что изменения общественной системы и выступающие одновременно изменения аксиологического порядка не обязаны вызывать действительных изменений ориентаций менталитета. Они могут, однако, восприниматься как культурный шок, вызывать бессилие, глубокую неудовлетворенность функционированием в новой системе. Эти негативные с психологической точки зрения последствия имеют место тогда, когда индивид испытывает расхождение между целями,

реализуемыми в процессе трансформации, и собственной системой ценностей и установок. Системные изменения общества могут также, как замечают Г.Ц. Триандис, Ц. МакКаскер, Ц.Х. Гуи [11], способствовать появлению индивидуализма нарциссического типа, который не учитывает благо другого человека. Нарциссический индивидуализм создает скорее «звериный» капитализм, связанный с идеей накопления имущества. Возникает чрезмерная концентрация на «я» и популяризирование неограниченной свободы. Подвергаются резкому изменению взаимосвязи между людьми, ограничиваются милосердие и альтруизм, взаимное доверие и чувство безопасности. Последствием этого является крайнее ослабление социальных связей и остро выступающий конфликт поколений на аксиологическом уровне. Такое положение вещей может привести к отсутствию моделей, необходимых в процессе социализации, а также аномия в отношении ценностей, носящих нравственный или интерперсональный характер. Поведение людей все в меньшей степени регулируется ценностями и все в большей – механизмами социального воздействия [12,13,14].

Литература

1. Jawłowska A. Kierunki zmiany ustrojowej i konsekwencje społeczne // *Spoleczeństwo w transformacji. Ekspertyzy i studia* / Под ред. A. Rychard, M. Federowicz. – Warszawa: IFiS PAN, 1993.
2. Иванова Т.В. Экономические ценности в общественном сознании // *Вопр. психологии.* – 1999 – № 3. – С. 85.
3. Журавлева Н.А. Динамика ориентации на экономические ценности представителей различных социальных групп в условиях экономических изменений // *Проблемы экономической психологии.* – М.: Институт психологии РАН, 2005 – Т. 2.
4. Фоломеева Т.В. Экономические ценности в структуре социальных представлений о благополучии разных возрастных групп // *Проблемы экономической психологии.* – М.: Институт психологии РАН, 2005. – Т. 2.
5. Zaborowski W., Adamski W.W., Białecki I., Federowicz M. Pozycja ekonomiczna, gotowość do akceptacji gruntownej zmiany społecznej a orientacje proegalitarne // *Spoleczeństwo w transformacji. Ekspertyzy i studia* / Под ред. Rychard, M. Federowicz. – Warszawa: IFiS PAN, 1993.
6. Jawłowska A. Kierunki zmiany ustrojowej i konsekwencje społeczne // *Spoleczeństwo w transformacji. Ekspertyzy i studia* / Под ред. A. Rychard, M. Federowicz. – Warszawa: IFiS PAN, 1993.
7. Евгеньева Т.В. Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России // *Политическая психология: Хрестоматия* / Сост. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2007.
8. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. ун-та, 1995.
9. Крамник В.В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // *Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций* / Под ред. В.Ю. Большакова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
10. Jawłowska A. Kierunki zmiany ustrojowej i konsekwencje społeczne // *Spoleczeństwo w transformacji. Ekspertyzy i studia* / Под ред. A. Rychard, M. Federowicz. – Warszawa: IFiS PAN, 1993.
11. Triandis H.C., McCusker C., Hui C.H. Multimethod probes of individualism and collectivism / *Journal of Personality and Social Psychology.* – 1990. – № 59, – с. 1006-1020.

12. D.T. Campbell, ср. Kristiansen C.M., Hotte A.M. Morality and the self: Implications for the when and how of value-attitude-behavior relations // The psychology of values: The Ontario Symposium / Под ред. С. Seligman, J.M. Olson, M.P. Zanna. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associate, 1996.

13. Smith M.B. Values, self and society: Toward a humanistic social psychology.– New Brunswick, NJ: Transaction, 1991.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

О.Г. Шаврова

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Одним из конституирующих цивилизационных процессов современности является глобализация, затрагивающая все сферы жизни общества. Понимание сущности этого процесса, его предпосылок и исторических рамок, характера и последствий является сегодня предметом самых острых дискуссий, переросших в Глобальный Диспут (Global Talk). Сформировалось отдельное направление, в котором исследуются проблемы развития современной цивилизации, приобретающие всемирный характер, требующие глобального подхода и глобальности мышления, – глобалистика. Вместе с тем многие исследователи отмечают значительное расхождение в трактовке сути глобализации. Так, У. Бек пишет: «Без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятым, затуманенным, политически эффективным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет и останется таковым в ближайшее время» [1, с. 40].

Понятие «глобализация» отражает суть изменений всех сторон жизни общества под влиянием общемировой тенденции к взаимодействию и стремления к открытости. Данное понятие в настоящее время используется для обозначения широкого спектра событий и процессов: стремительного развития транснациональных концернов и корпораций, роста международной торговли; интенсивной борьбы за установление нового мирового порядка, возрастающего количества и расширяющегося влияния международных организаций, ослабления суверенитета отдельных национальных государств; интенсивно растущих потоков массовой миграции и формирования мультикультурных сообществ; создания планетарных СМИ и экспансии западной культуры во все регионы мира и т. д.

В современных исследованиях специфика глобализации связывается с интенсификацией мировых социальных отношений, сближающих самые отдаленные места и события (Э. Гидденс), «сжатием мира» и формированием единого мирового сознания как условия человеческого существования (Р. Робертсон), а также с изменениями, в ходе которых уменьшается зависимость социального и культурного развития от географических факторов (М. Уотерс). Глобализация рассматривается как всеохватывающий процесс – глобальная социальная трансформация, системный кризис «мир-экономики», проявляющийся в состоянии перехода, когда вся капиталистическая система превращается в нечто иное, переживая завершающий кризис (И. Валлерстайн).

Существует точка зрения, согласно которой «история глобальных отношений» была начата еще в глубокой древности, а представления о глобализации широко распространились лишь в XX веке. Отправной точкой процесса глобализации провозглашается и рубеж XV–XVI веков, и середина XIX, XX веков, и последнее десятилетие XX столетия. Существуют также различные версии определения центра глобализирующегося мира, задающего магистральные пути его развития. В большинстве из этих версий процессы глобализации связываются с безусловным доминированием на мировой арене США, в других в качестве претендента на роль главного полюса глобализирующегося мира рассматривается объединенная Европа, третьи же версии сводят направление глобализации к деятельности транснациональных корпораций, которые не имеют конкретной географической локализации. Разноречиво и понимание самого характера глобализации, которая видится как необратимой реальностью, так и вероятностью; как стихийным, так и поддающимся управлению процессом.

Если под глобализацией понимать осознание того, что человечество представляет собой единство, то началом возникновения данного процесса следует считать XX век. Процессы роста взаимодействия и взаимозависимости в мире имеют давнюю историю. Их основой были, например, экспансия Римской империи как одного из первых государств, которое утвердило свое господство на Средиземноморье и привело к переплетению различных культур; освоение наиболее удобных и экономически выгодных коммуникаций между народами и континентами, подобных Великому шелковому пути; колониальные завоевания, ставшие следствием великих географических открытий; рост торговли и инвестиций между европейскими странами, их колониями и США в эпоху индустриализации. Однако именно XX столетие было отмечено скоростью, многочисленностью и интенсивностью изменений, сопровождающих глобализацию.

Непосредственным толчком глобализации выступила научно-техническая революция, начало которой относится к середине XX века. Начиная с этого времени, предопределившего переход индустриального общества в постиндустриальное, глобальные процессы и события стали преобладать над локальными, превратившись в такую объективную тенденцию, как интеграция человечества. Мощным двигателем глобализации является процесс информатизации и медиатизации общества. Ускоренное развитие глобальных коммуникаций и информационных технологий, позволившее преодолеть пространственные ограничения массовых коммуникаций, повлекло за собой резкое увеличение «плотности» информационных потоков и внедрение информационных технологий во все сферы человеческой деятельности. В настоящее время глобализация проявляется во всех сферах жизни общества: экономической, политической, социальной и культурной.

Особенностью современных глобальных трансформаций считается то, что глобализация существенно опережается глобализмом. Если глобализация в целом представляет собой современный транснациональный процесс, то глобализм является типом мышления, который отражает его экономическое измерение. Основу глобализма составляет идея о реальной возможности построения устойчивой системы международных отношений посредством одностороннего сосредоточения управляющих механизмов развития общества с целью построения однополярного мира. Эта идея предполагает реализацию модели политического и экономического мироустройства, обеспечивающего доминирование ценностей и образа жизни одной из цивилизаций, существующих в современном мире.

Главное содержание современного мирового процесса, согласно А.С. Панарину, составляет «искушение ценностями глобализма» и противостояние этим ценностям со стороны национальных государств и традиционных обществ. Он определяет глобализм как новейшую форму нигилизма, «ищущего алиби в так называемых объективных тенденциях» и «придерживающегося позиции последовательного отстранения от всех местных интересов, норм и традиций» [2, 5-6]. Опасность глобализма, полагает А.С. Панарин, заключается в том, что он грозит миру тотальным экономически застоём, который неизбежно последует вслед за культурной унификацией и всеобщим упрощением.

Глобализация обостряет проблему сохранения уникальности и многообразия культурных традиций, а также актуализирует необходимость поиска оптимальных способов их взаимодействия. Предполагаемое сближение локальных культур на основе ценностей глобального общества становится сегодня все более проблематичным, что дает повод констатировать происходящий в мире «поворот к своим основам». Реалии современности свидетельствуют о «глобальном парадоксе» – нарастающей напряженности между разнонаправленными тенденциями интернационализации и регионализации, глобализации и локализации. Развитие единого взаимосвязанного и взаимозависимого мира сопровождается его фрагментацией, которая усиливается в ходе включения локальных структур в глобальный контекст. Данный контекст приобретает для них особое значение, так как факторы глобального порядка оказывают преобразующее воздействие на социокультурное пространство глобализирующихся обществ, в результате чего культурные традиции претерпевают глубокую трансформацию.

Достаточно распространенным является рассмотрение глобализации как культурной экспансии и культурного империализма – распространения в мировом масштабе западных (американских) стандартов поведения, образа жизни, потребления, досуга. Дж. Ритцер характеризует этот процесс как «макдональдизацию» общества, полагая, что принципы ресторанов быстрого обслуживания (fast food) начинают все больше доминировать не только в американском обществе, но и во всем остальном мире [3]. К этим принципам относятся: эффективность, калькулируемость, предсказуемость, контроль. Они позволяют создавать способные к быстрому развитию и широкомасштабной экспансии структуры, которые вытесняют менее расторопные и предсказуемые экономические и социальные институты прошлого. Человеческая деятельность, выраженная в понятиях эффективности и просчитываемости, становится упрощенной и формализованной, приводя к распространению безальтернативного мышления. Для «макдональдизированного» общества характерны приоритет количественных характеристик, полностью гарантированное качество, упакованность в яркие символические формы, ориентация на шоу-технологии, виртуализация культурных образов.

Расширяя возможности взаимовлияния культур посредством активизации культурных контактов и обменов в «мире без границ», глобализация влечет за собой опасность растворения их уникальности и самобытности в однородном унифицированном пространстве, где все большее распространение приобретают стандартизированные культурные символы и образцы, стили жизни и нормы поведения. Эта опасность акцентируется при однозначном восприятии глобализации как процесса, гомогенизирующего мировое социокультурное пространство. Установление культурной однородности зачастую рассматривается как следствие экономической ин-

теграции, хотя опыт ряда стран свидетельствует о способности культуры сохранять свои традиционные основания в условиях общемирового разделения труда и экономической спецификации. Кроме того, глобализационные процессы вызывают альтернативную по отношению к унификации культуры тенденцию этнокультурной автономизации, которая проявляется в стремлении локальных структур к самоопределению и самоутверждению.

Взаимодействие локального и глобального зачастую воспринимается как инкорпорирование элементов одной культурной системы в пространство другой по принципу коллажной сборки. В данном случае культурная традиция представляется набором этнографических признаков, лишенных историко-культурного контекста и территориальной соотнесенности. На первый план здесь выходит интерес к внешней стороне культуры, основной акцент переносится с бытия традиции на ее репрезентацию. Такое понимание традиции не учитывает ее творческую составляющую, предполагающую возможность адаптации культурного наследия к изменяющемуся социально-историческому контексту. В глобализирующемся мире множество традиционных структур достаточно органично вплетаются в ткань современной цивилизации. С усилением глобальных процессов возрастает их дифференциация, множество локальных культур и традиций обретают «второе дыхание». Таким образом, в контексте глобальных процессов локальная специфика оказывается все более востребованной.

Разнонаправленность глобализации как процесса, реализующегося преимущественно на уровне национальных государств и цивилизационных образований, неоднородность развития этого процесса в экономической, политической и социокультурной сферах делают вопрос о соотношении локального и глобального одним из центральных в осмыслении перспектив развития глобализирующихся обществ. Попытки выработать оптимальные конфигурации локального и глобального приводят к тому, что на смену идее единства и унификации приходит идея универсальности многообразия. Происходящие процессы глобализации с учетом их вариативности и неоднозначности определяются как «глокализация» [4], а акценты смещаются к гетерогенной основе происходящих изменений.

Глобализация и локализация в данном случае рассматриваются как взаимосвязанные процессы, характеризующие изменчивость культурных систем в условиях расширения и трансформации культурного пространства. Р. Робертсон выделяет в глобализации два аспекта: глобальную взаимозависимость национальных экономик и государств и глобальное сознание индивидов, способствующее формированию глобального социального пространства. Р. Робертсон определяет глобализацию как серию разнородных изменений, объединенных логикой превращения мира в «единое место» (a single place). Единство места предполагает то, что мир «сжимается»: условия и характер социальных взаимоотношений в любой его точке одни и те же, а события в весьма удаленных точках могут быть условиями или даже элементами одного процесса.

В глобализации Р. Робертсон также выявляет две направленности: глобальную институционализацию жизненного мира и локализацию глобальности. Для жизненного мира индивидов и локальных сообществ совокупное действие трех факторов (экспансии капитализма, западного империализма, развития глобальной системы масс-медиа) оборачивается экспансией «общечеловеческих ценностей», распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов гло-

бальными сетями средств массовой информации и транснациональными корпорациями. Вторая направленность глобализации отражает тенденцию становления глобального через локальное посредством взаимодействия представителей различных государств и культур, включение в повседневную жизнь элементов «экзотических» культур. Р. Робертсон обращает внимание на важную сторону глобализации как социокультурного процесса, рассматривая его в контексте ценностной проблематики [5, с. 71-72]. Он показывает, что такой подход позволяет интерпретировать новейшие феномены социокультурных практик, в которых глобализация обостряет локализацию и наоборот.

Современные глобальные трансформации обостряют ряд вопросов, связанных с пониманием основных механизмов функционирования культуры, ее динамики и целостности. Достаточно распространенное представление о культурной традиции как исключительно консервативной стороне социально-исторического развития не позволяет комплексно рассматривать ее влияние на сложные процессы современной жизни общества. Противоречивые оценки функционального статуса традиции в культуре варьируются от акцентирования консервативных, препятствующих развитию аспектов ее воздействия, до призывов к возрождению и реставрации аутентичного культурного наследия. Между тем, значение традиции в современной культуре определяется спецификой ее функционирования в культурной динамике как основного механизма трансляции и актуализации социально значимого опыта, универсального способа регуляции и регламентации основных форм человеческой деятельности.

Культурная традиция является не только формой сохранения и передачи наиболее значимых элементов социокультурного опыта, но и способом взаимодействия субъектов на основе общего понимания и реинтерпретации закрепленных в культуре смыслов и значений. Традиция как действительность культуры выступает в качестве главного посредника между культурными достижениями прошлого и попытками социального проектирования будущего. Актуализация историко-культурного опыта является «ответом» локальных культур на глобальные вызовы, она подчеркивает гетерогенность общего культурного пространства глобализирующихся обществ. Коммуникативная природа традиции становится предпосылкой взаимодействия и взаимопонимания субъектов в рамках того или иного типа культуры, шире – полилога и полифонии различных культур. Перспектива глобальной полифонии задает представление о будущем цивилизации как широком поле объяснения, где каждая культура будет развивать свое видение мира, взаимодействуя с другими.

Литература

1. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника. – М.: Прогресс-Традиция, – 2001. – 304 с.
2. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: Эксмо-пресс, 2003. – 416 с.
3. Ritzer, G. The McDonaldization of Society / G. Ritzer. – Thousand Oaks, CA: Pine Forge, 2004. – 328 p.
4. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – L., 1995. – P. 25-44.
5. Robertson, R. Values and Globalization: Communitarianism and Globality/ R. Robertson // Globalization: Critical Concepts in Sociology / R. Robertson, K. E. White (eds). L., 2003. – Vol. 4. – P. 69-84.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Шебанова И.А.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Глобализация является объективным процессом единения человечества в условиях современного научно-технического прогресса. «Глобализация отражает общечеловеческую, прогрессивную, объективно необходимую тенденцию к интеграции, осуществляемую в целях создания единого мирового сообщества, в котором жизненно заинтересованы все народы и государства» [1]. В условиях глобализации претерпевают кардинальные изменения социальные отношения и одним из ведущих факторов изменения современного мира выделяют информацию и информационные технологии. Поэтому, глобализацию рассматривают в информационном ракурсе, прежде всего имея ввиду развитие Интернета и средств мобильных коммуникаций.

С 1970 г., когда возникли компьютерные сети, произошли изменения, которые в настоящее время приобрели черты планетарных, потеряв пространственную ограниченность. Становление единой глобальной коммуникативной среды рассматривается как необходимая стадия нашего типа цивилизации. Возможности информационных технологий позволяют решать проблемы, которые в условиях глобализации часто приобретают всеобщий и универсальный характер и затрагивают каждого из нас.

Постоянная стремительная модернизация и распространение не транспортных систем для перемещения людей в географическом пространстве для персонализированных контактов, а развитие средств для виртуальных контактов, виртуальных перемещений и виртуального присутствия привели к тому, что в постиндустриальном сообществе грань между реальными и виртуальными связями становится очень тонкой. Актуальным становится вопрос выбирать «on» или «off».

Любая человеческая личность в любом историческом обществе формируется, находясь в связях, сообществах, сетях. Общение – это реальность человеческих отношений, предполагающая любые формы совместной деятельности людей. Межличностное общение – это процесс взаимодействия, по крайней мере, двух лиц, направленный на взаимное познание, установление и развитие взаимоотношений. Межличностные отношения – это переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми на основе разнообразных эмоциональных состояний и психологических особенностей. Общение - это всегда диалог, т.е. выбор двумя сторонами совместного взаимодействия, посредством которого устанавливается понимание.

Манера разговаривать - это второе по значимости обстоятельство (после манеры одеваться), на которую человек обращает внимание и по которой складывается первое впечатление у человека о его собеседнике. Само общение и его оценка, происходящие при непосредственном контакте людей, во многом определяется вербальными и визуальными невербальными характеристиками. Субъектами коммуникации оцениваются анатомические особенности (рост, цвет волос и др.), фи-

зиологические характеристики (свежее дыхание, кровообращение, потоотделение и т. д.), функциональные особенности (осанка, поза и походка), лингвистические (вербальные и невербальные) особенности общения (скорость и внятность речи, мимика, жесты, телодвижения).

Социальный статус предполагает и социальное оформление внешности: одежда человека, обувь и др. аксессуары. Психологи и социологи выделяют еще и другие характеристики: экстралингвистические (тембр, высота голоса и т.д.) и проксемические (взаимное расположение общающихся), которые для специалиста будут являться более информативными, чем физический облик. При виртуальном общении, т.е. опосредованном современными техническими средствами коммуникации, внешние физические и социальные признаки, которые поступают по сенсорным каналам, исчезают или не являются актуальными для установления информационного контакта.

Возможно, наиболее привлекательным фактором виртуальной коммуникации для многих людей является именно снятие барьеров при отсутствии прямого непосредственного общения. Особая привлекательность виртуального межличностного общения детерминирована новыми возможностями и правилами: скоростью передачи и получения информации, возможностью сохранять избирательную информацию в телефоне или в компьютере, четкостью и краткостью посланий, отсутствием необходимых этикетных норм и штампов, присутствующих при визуальном контакте, утверждающейся тенденцией отхода от жесткого требования писать грамотно, постепенным исчезновением статусно ориентированного общения: «ты» доминирует над «вы».

Виртуальная коммуникация представляет собой некий гибрид речи устной и письменной и невербальные компоненты находят свое воплощение в графических формах, что уже рассматривается как интерактивная компетенция пользователя. Основной отличительной характеристикой виртуальной коммуникации является опосредованность: виртуальная коммуникация осуществляется при помощи технического устройства. Таким образом, актом виртуальной коммуникации можно назвать процесс, в котором участвуют два и более участника, объединенных целью обмена информацией и реализующие его посредством виртуальных коммуникативных технологий.

В 2007 году был проведен небольшой пилотажный опрос студентов из двух групп (50 респондентов). Двое из них не имели мобильного телефона. Были выявлены основные адресаты пользователей мобильной связи. Ими оказались родители, одноклассники и любимый человек. Временное отсутствие мобильного телефона не вызывало беспокойства у 7 человек. Некоторые написали о дискомфорте по причине отсутствия часов.

Постоянное наличие на письменном столе во время учебных занятий мобильных телефонов, частые вибрационные звуки и даже звонки, привели к мысли еще раз опросить студенческий контингент. Итак, в социологическом исследовании 2009 года было опрошено 279 респондентов I, II и III курсов. Факультеты: строительный, экономический, водоснабжения, электронно-информационных систем. Среди опрошенных двое не имеют мобильных телефонов.

Наиболее частыми абонентами студенческой молодежи были указаны друзья и любимый человек. Более нижнюю позицию заняла мама и практически не указывались деловые связи (преподаватели, работодатели и т.п.). В возрасте от 17 до 20 лет преимущество в звонках имеют личные контакты, которые удовлетворяют скорее потребность в дружеском общении, нежели необходимость деловых контактов. На

вопрос: «Когда Вы отключаете мобильный телефон?» были получены следующие ответы: «никогда» (такой ответ дало подавляющее большинство респондентов), «на экзамене», «в период депрессии», «когда все надоели», «когда все плохо и звонит бабушка». В следующем вопросе спрашивалось о тех чувствах, которые испытывает студент, забыв телефон дома. Только 6 человек написали о том, что остаются спокойными. Большинство описали свои эмоции как тревогу, досаду, дискомфорт, оторванность от мира, беспокойство по поводу отсутствия часов.

В результате опроса ставилась задача определить, что более предпочтительно для студентов: переписка по телефону или разговор. Большинство ответило, что предпочтительнее разговаривать, так как живой голос позволяет анализировать интонацию и, что «голос приятнее слышать». Но очень многие используют переписку, так как «находятся на занятиях», «за границу писать дешевле», «если поругались, то проще написать», или «если не взяли трубку». Комментируя свой выбор, большинство студентов руководствуются тем фактором, что на разных тарифах разные стоимости разговоров и СМС-сообщений. Большинство выбирают то, что дешевле.

В последнее время для переписки по телефону появилась новая возможность – Интернет-программы, типа ICQ, JIMM и др. Но такая форма еще не приобрела широкого распространения. Из 279 респондентов только 38 юношей и 7 девушек пользуются такими программами, причем многие указали, что до 90% переписки идет таким образом.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Новые технические средства формируют новую коммуникативную среду, определяя правила, нормы, язык и формы передачи эмоций. Что в данном случае привлекает молодежь (и порой раздражает другие поколения)? Это четкость и краткость посланий, включающих большой информационный объем. Это отсутствие необходимых этикетных норм и штампов, необходимо присутствующих при визуальном контакте. Это самостоятельно задаваемый темп, интерактивность, получение информации в любое время и в любом месте, возможность сохранения значимой информации.

Использование виртуальных средств общения (особенно письменное общение посредством СМС-сообщений или Интернет-программ) привело к появлению языковых и графических форм, включающих новые сленговые слова, акронимы, сокращения, «смайлики» и пр., что можно рассматривать как появление новой знаковой он-лайнсвой субкультуры. Порой факт контакта важнее информационной нагрузки. Грамотность отстает перед экономией времени и места.

В выборе формы общения (устной или письменной) студенческая молодежь руководствуется прагматической причиной экономии денежных средств, хотя большинство указывает на предпочтение «живого» устного общения. Выбор часто определяется условиями тарифов и в зависимости от стоимости предпочитается переписка или звонки.

Появившиеся новые возможности мобильного общения быстрее осваивают юноши, чем девушки. Графические изображения чаще посылают адресату, чем обращают на них внимание при получении СМС. Иногда отмечали ненужность «смайликов» и даже раздражение от их постоянного использования. Количество денег, расходуемых на телефонное общение, немного отличается у девушек и юношей. В среднем девушки «проговаривают» 15-20 тыс. бел. руб. Юноши указали на суммы в пределах 30-50 тыс. бел. руб.

Фиксируется определенная форма психологической зависимости от мобильного телефона. Его временное отсутствие вызывает отрицательные эмоции. Большинство респондентов не отключают телефоны даже в ситуациях, не предполагающих мобильное общение (учебные занятия, лекции, ночной сон). При опросе оказалось, что все-таки иногда молодые люди сознательно выходят из мобильной сети. Таким образом, новые средства коммуникации принесли с собой и новую усталость. Уход на время в одиночество становится желанным отдыхом. Возможно, одной из причин популярности виртуального общения является добровольность и желательность контактов в сочетании с возможностью «ухода» в любой момент.

«Социальность» виртуального коммуникативного пространства отличается от привычной, «реальной»: в ней действуют специфические, не принятые в «реальном» обществе механизмы, и эти особенности накладывают отпечаток на протекающие опосредованного общения.

Литература

1. Балахонский В.В., Джегутанов Б.К. Глобализация и глобализм: сущностные основания дифференциации и перспективы развития.// Восточнославянские страны в эпоху глобализации: выбор путей развития: Материалы международной научной конференции/ Под ред. проф. Ч.С. Кирвеля. - Гродно: ГрГУ, 2003. С. 5.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Яловая Н.П., Бурко О.П.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Экологическая проблема взаимодействия человека и природы, воздействия человеческого общества на окружающую среду стала очень острой в последнее время и приняла огромные масштабы. Планету может спасти лишь деятельность людей, совершаемая на основе глубокого понимания законов природы, познание многочисленных взаимодействий в природных сообществах, осознание того, что человек — это всего лишь часть природы. Поэтому эколого-нравственная проблема встает сегодня не только как проблема сохранения окружающей среды от загрязнения и других отрицательных влияний хозяйственной деятельности человека на Земле, она вырастает в проблему предотвращения стихийного воздействия людей на природу, в сознательно, целенаправленно, планомерно развивающееся взаимодействие с нею. Такое взаимодействие осуществимо при наличии в каждом человеке достаточного уровня эколого-нравственной культуры, экологического и нравственного сознания, формирование которых начинается с детства и продолжается всю жизнь.

В условиях надвигающейся экологической катастрофы огромное значение приобретает экологическое образование и воспитание человека всех возрастов и профессий.

Научная основа охраны природы включает в себя разнообразные области естественнонаучных и гуманитарных знаний, среди которых основное место занимает экология, которая, в свою очередь, тесно связана с другими биологическими, гео-

графическими и техническими науками. Экология из чисто биологической науки в 60-е годы трансформировалась в самостоятельную науку. В 70-е годы произошла быстрая экологизация естествознания. Экологический подход становится всеобщим.

Экологические проблемы в современных условиях перехода общества к рыночной экономике вызывают кризис нравственности, потому что экология и нравственность взаимообусловлены. Поэтому вопросы экологии необходимо рассматривать во взаимосвязи с нравственным воспитанием. Пока еще проблемы экологического и нравственного воспитания мало исследованы. Теория взаимосвязи экологического и нравственного воспитания подростков раскрыта слабо, практика эколога-нравственного воспитания разработана недостаточно. Все это ставит перед педагогической наукой задачу разработки многостороннего эколога-нравственного образования студентов.

Культивирование нового сознания по отношению к природе – это процесс длительный, напрямую связанный с экологическими, социальными и другими условиями жизни общества. В обстановке ухудшения экологической ситуации в стране, снижения уровня жизни, отсутствия устойчивых нравственных ориентиров, доминирования потребительской психологии, ограниченной сиюминутной выгодой без долгосрочного прогноза, в атмосфере равнодушия и попустительства, безнаказанности за экологические правонарушения, формирование нового понимания человеком, особенно молодым, своих обязанностей перед природой непросто.

Одной из основных причин незрелости экологического сознания людей нужно считать недостаточно эффективную систему экологического воспитания и образования населения. Далеко не каждый человек имеет возможность приобщиться к пониманию экологических проблем на уровне большой науки, представление об этих проблемах складывается подчас весьма случайным образом: под воздействием обыденных впечатлений или из сообщений средств массовой информации. Разрозненные сведения не дают возможности человеку выработать стройную систему экологических знаний, которая необходима ему, чтобы разумно относиться к природе, не наносить ей урона. Задача общества в такой ситуации – обеспечить системный характер экологического воспитания и образования населения.

Главная проблема, которую решить просто необходимо, – это воздействие на сознание людей, чтобы произошел наконец переход от упрощенного, метафизического понимания проблемы взаимодействия общества и природы к более адекватному (современному) пониманию.

Экологическое сознание в развитом виде формируется на основе познания людьми законов целостности природной среды и тех законов, которые должны обусловить человеческую деятельность в целях сохранения жизнепригодного состояния природы. Понятно, что стихийно подобные знания не могут стать достоянием человека даже в том случае, если он располагает высоким уровнем образования и культуры. Тут необходима специальная подготовка, соответствующая индивидуальным особенностям.

Кроме того, экологическое просвещение только в том случае окажет заметное воздействие на образ действий человека, если охватит как рациональную, так и эмоциональную его сферу, если научные доводы взволнуют его и будут им восприняты, как собственные, только тогда станет возможным убеждение, которое всегда сугубо лично.

Экологический кризис вызывается не только техническим прогрессом, но и господствующим антропоцентрическим экологическим сознанием. Для его преодоления необходимо сформировать экологическое сознание эоцентрического типа.

Взаимодействие с природой обладает большим психолого-педагогическим потенциалом, который должен быть использован в процессе экологического образования, что позволяет ему стать фактором общего формирования и развития личности.

Главную роль в глобальном решении экологических проблем играет не только работа специалистов по охране окружающей среды, но и специальная система экологического образования. Экологическое образование имеет универсальный, междисциплинарный характер, поэтому оно должно войти в содержание всех форм общего образования.

В настоящее время термин «экологическая психология» применяется в научной литературе для обозначения ряда близких, но не тождественных областей исследований: психологической экологии, психологии окружающей среды, экологического подхода в психологии и собственно экологической психологии (психологии экологического сознания), которые имеют самостоятельные предметы исследований, свои задачи и методологические особенности.

Предметом исследования в экологической психологии является экологическое сознание, рассматриваемое в социогенетическом, онтогенетическом и функциональном аспектах.

Экологическая психология характеризуется двумя основными методологическими особенностями, отличающими ее от близких областей исследований: во-первых, в ней рассматривается взаимодействие человека только с природой, а не со всей окружающей его средой, во-вторых, объектом исследований является не «природная среда», а «мир природы».

В экологической психологии существуют четыре основных направления исследований: экологического сознания в целом, а также трех его подструктур – экологических представлений, субъективного отношения к природе, стратегий и технологий взаимодействия с ней.

Перед экологической психологией стоят следующие задачи: создание технологии, анализ развития в процессе социогенеза и онтогенеза, изучение механизмов формирования и функционирования, индивидуальной и групповой специфики, разработка принципов и методов диагностики, – которые решаются в рамках каждого из четырех направлений исследований, а также задача изучения функций, которые может осуществлять взаимодействие человека с миром природы.

Воспитание уважительного отношения людей к природе своими корнями уходит вглубь веков. На заре своего существования на Земле человек должен был вести жестокую борьбу за выживание. Масштаб влияния его на окружающую среду в то время был весьма незначительным. В ходе развития человечества его пассивная зависимость от сил природы все более уступала место активному влиянию, и постепенно люди начали познавать законы природы и изучать природные явления. Все это способствовало появлению и развитию естественных наук. При изучении растений и животных люди постепенно начали обращать внимание на их взаимоотношения и на необходимость заботливого отношения человека к природе. Историческими предпосылками формирования экологического сознания были нравственные и гуманные отношения людей к природе, особенно к животному миру.

Экологическое сознание – это понимание необходимости охраны природы, осознание последствий нерадивого отношения к ней. Кроме того, экологическое сознание – это понимание и осознание того, что каждый человек несет ответственность за сохранение как отдельных видов животных и растений, так и в целом жизни на Земле.

В соответствии с подструктурами экологического сознания выделяются три группы методов. В основе каждой группы методов лежит тот или иной методологический принцип, который регулирует конструирование и использование этих методов. Принцип формирования мыслеобразов регулирует использование методов, формирующих систему экологических представлений; принцип субъектификации – субъектного отношения к природным объектам; принцип коактивности с миром природы – стратегий и технологий экологической деятельности.

К методам формирования экологических представлений относятся методы: экологической лабилизации, экологических ассоциаций, художественной репрезентации природных объектов и др.

К методам формирования субъективного отношения к природе относятся методы: экологической идентификации, экологической эмпатии, экологической рефлексии и др.

К методам формирования стратегий и технологий взаимодействия с природой относятся методы: экологических экспектаций, ритуализации экологической деятельности, экологической заботы и др.

Процесс формирования экологического сознания личности проходит три этапа:

- а) лабилизации,
- б) освоения адекватных экологических технологий,
- в) субъектификации природных объектов.

Формирование экологичной личности в рамках экологического образования Запада не может опираться на религиозно-философский опыт Востока, оно должно искать свои технологии экологизации личности, адекватные особенностям западного восприятия.

Развитие экологического сознания в процессе социогенеза наиболее адекватно может быть охарактеризовано по трем параметрам:

- а) психологическая «противопоставленность – включенность»,
- б) «объектно – субъектное» восприятие природы,
- в) «прагматический – непрагматический» характер взаимодействия.

В социогенезе общественного экологического сознания выделяются две разнонаправленные тенденции: *антропоцентрическая* и *экоцентрическая*.

Антропоцентрическая тенденция описывается такими «узловыми точками», как «архаическое сознание → античное сознание → христианство → картезианство».

Альтернативная экоцентрическая тенденция описывается такими «узловыми точками», как «инвайроментальный консерватизм → русский космизм → учение о ноосфере, экологизм → универсальная этика, биоцентризм».

Для развития экологического сознания в культурах Востока характерны иные тенденции: восточные религиозно-философские системы сохранили в целом характеристики архаического экологического сознания, значительно усилив при этом роль непрагматического взаимодействия с природой, восприятие природы как духовной ценности.

Для дошкольного возраста характерен когнитивный субъектно-прагматический тип субъективного отношения к природе.

Для младшего школьного возраста характерен когнитивный субъектно-непрагматический тип субъективного отношения к природе.

Для младшего и среднего подросткового возраста, в целом, характерен поступочный субъектно-непрагматический тип субъективного отношения к природе.

Для старшего подросткового возраста характерен практический объектно-прагматический тип субъективного отношения к природе.

Для юношеского возраста, в целом, характерен перцептивный субъектно-непрагматический тип субъективного отношения к природе.

Выделяются два «кризисных периода»: младший школьный возраст и старший подростковый возраст. В них происходят переходы между эпохами и эрами в развитии объектно-субъектного характера модальности. Они сопровождаются также переходами между прагматической и непрагматической модальностью. Именно в эти периоды «нестабильности» происходит и переструктурирование компонентов интенсивности.

При низком уровне развития субъективное отношение к природе характеризуется объектно-прагматической модальностью и низкой интенсивностью с низкой когерентностью компонентов, в структуре которой доминирует перцептивно-аффективный компонент.

При среднем уровне развития субъективное отношение к природе характеризуется средним уровнем показателей различных его параметров.

При высоком уровне развития субъективное отношение к природе характеризуется субъектно-непрагматической модальностью и высокой интенсивностью с высокой когерентностью компонентов, в структуре которой доминирует практический компонент.

По сравнению со школьниками, студенты-биологи имеют большую интенсивность отношения к природе. Студенты-«небиологи» не превосходят школьников ни по одному компоненту интенсивности отношения к природе, особенно уступая им по уровню развития когнитивного.

В среднем интенсивность отношения к природе у учителей не достигает среднего уровня его интенсивности у школьников, при этом интенсивность отношения у учителей биологии равна интенсивности данного отношения у учителей других специальностей.

Для многих учителей характерно явление «педагогического блефа» – рассогласование между относительно низкими уровнями показателей перцептивно-аффективного, когнитивного и практического компонентов отношения к природе, с одной стороны, и относительно высоким показателем поступочного – с другой.

Блок психодиагностических методик, разработанный в экологической психологии, позволяет получить достаточно полную картину характера отношения к природе, сложившегося у личности.

Таким образом, в условиях экологического кризиса целью экологического образования является формирование экологичной личности, т.е. личности, обладающей эгоцентрическим типом экологического сознания.

Общей задачей экологического образования является формирование экологического сознания личности. Она конкретизируется на уровне трех основных задач экологического образования:

- а) формирование адекватных экологических представлений,
- б) формирование отношения к природе,
- в) формирование системы умений и навыков (технологий) взаимодействия с природой.

В сфере формирования экологических представлений содержание экологического образования базируется на следующих основных положениях:

- а) сложность системы внутренних взаимосвязей в природе,
- б) энергетический обмен между техносферой и биосферой,
- в) мир природы как духовная ценность,
- г) взаимосвязь природных условий и развития общества.

Содержание экологического образования в сфере формирования экологических представлений направлено на стимуляцию психологической включенности личности в мир природы.

В сфере формирования субъективного отношения к природе содержание экологического образования заключается в развитии этого отношения у студентов. Критерием сформированности отношения к природе являются высокие показатели всех параметров. Наибольшее педагогическое значение имеет формирование субъектной модальности отношения к природе.

В сфере формирования стратегий и технологий экологической деятельности содержание экологического образования заключается в овладении студентами умениями и навыками:

- эстетического освоения природных объектов,
- получения научной информации о мире природы,
- взаимодействия с природными объектами в условиях антропогенной среды,
- природопользования в естественной среде,
- природоохранной деятельности.

В процессе обучения данным технологиям формируются непрагматические стратегии экологической деятельности.

Литература

1. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. – Ростов-на-Дону, 1996. – 460 с.
2. Дерябо С.Д. Методологические проблемы психологии экологического сознания. // Первая Российская конференция по экологической психологии. – М.: Психол. ин-т РАО; Рос. психол. общество, 1996. – С. 50–52.
3. Атфилд Р. Этика экологической ответственности // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990. – 68 с.
4. Лаптев И.Д. Экологические проблемы. – М., 1992. – 188 с.

ЦЕННОСТНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЫ

Яскевич Я.С.

*Белорусский государственный экономический университет,
Институт социально-гуманитарного образования, г. Минск, Республика Беларусь*

В переломные моменты истории, как это происходит в современную эпоху глобального кризиса, обостряется философско-методологическая рефлексия в различных ее измерениях – от повседневности до науки, от локального к глобальному, от национального к мировому уровню, ибо возникает проблема радикального пересмотра системы ценностей, убеждений, исторически сложившихся стереотипов общепризнанного знания,

социального действия, а значит мировоззренческих оснований и приоритетов человека и человечества в целом. Без новых идей невозможно появление новых социально-экономических отношений и стратегий выхода из кризиса.

Процессы, протекающие на современной мировой экономической сцене, волнуют сегодня ученых, политиков, бизнесменов, актуализируя вопросы о предпосылках и причинах кризиса, негативных последствиях планетарного масштаба, путях его преодоления и выхода на новый виток развития. Учитывая беспрецедентность современного кризиса, развертывание его в несопоставимых с великой депрессией условиях, необходимо выявить философско-методологические основания этого процесса, механизмы институциональных преобразований современного общества, статус нравственных ценностей, либеральных догм и принципов и т.п., что, несомненно, требует междисциплинарного нелинейного подхода. Именно к такому философскому разговору о мировом кризисе, скором или отдаленном выходе из него призывает первый вице-президент Российского философского общества, доктор философских наук, профессор Чумаков А.Н [7, с. 8-13].

Глобальный финансово-экономический кризис во многом является кризисом системы духовных ценностей, пренебрежения ими в угоду материальных ценностей и модели процветания, о чем писали, начиная с 80-х годов XX века, Д. Белл, Э. Тоффлер, В. Степин, В. Иноземцев и др. Однако власть материального над духовным, личностного обогащения «влиятельных» мира сего и отдельных государств через средства массовой информации становились соответствующим зовущим ориентиром для массового общества. Массовая культура и безудержно развивающаяся рыночная экономика, как отмечает Г.Л. Тульчинский, парадоксальным образом реализовали проект Просвещения и его гуманистический лозунг «Все на благо человека, все во имя человека» и программу «всевозрастающего удовлетворения всевозрастающих потребностей». Маркетизация, как принцип ценностной координации массовой культуры, приводит к унификации социальных, экономических, межличностных отношений на основе рыночного спроса и рыночной цены, ибо все, что возникает, опредмечивается в массовом обществе, должно пользоваться спросом на рынке [5, с. 38-45].

На фоне глобального кризиса возникает *проблема взаимоотношения глобального и национального, сохранения национальных приоритетов*. Некоторые исследователи утверждают, что подобно тому, как в Новое время становлению и развитию национальных государств способствовал локальный этнизм (национализм), идентификация граждан осуществлялась через национальное сознание и культурную принадлежность к нации, современная глобализация унифицирует национализм и приведет к «постнациональному самопониманию политического целого», «постнациональному обществу» (Ю. Хабермас). При этом *национализму придается чисто гражданская форма, возлагается надежда на некую вненациональную всеобщую политическую культуру, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма», не прибегая к ментальной укорененности в нации, истории и жертвам национально-культурной идентичности [6, с. 289-293; с. 319-322].*

Альтернативные модели «объяснения Европы» рассматривают как нацию, так и национальное государство своими основными ориентирами, что же касается пророчеств о глобальной культуре, то они, по их мнению, не в состоянии учесть укорененность культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти [2, с. 16].

Становится ясно, что *традиционные формы институциональной организации общемирового общежития в лице взаимодействия национальных государств столь же актуальны. Тотальный дисбаланс, всеобщая непримиримость, снижение императивного статуса общечеловеческих ценностей означают кризис современной миросистемы* и осознание того, что «мир никогда не будет таким, как прежде» (И. Валлерстайн).

Одним из важнейших аспектов решения современных глобализационных процессов и возникновения нового знания все чаще выступает междисциплинарный синтез, когда полученные в одной отрасли знания и подходы включаются в качестве оснований для формирования знаний, процессов и перспектив развития в другой дисциплине (В.С. Степин). Так, в последние десятилетия сформировалась четко заявившая о себе научная парадигма и практика использования экономических методов и инструментария в области социологии, права, политики, психологии, антропологии и в других областях социально-гуманитарного знания. Реагируя на такого рода претензии, в современной методологии науки появилось концептуальное название - «экономический империализм», отражающий попытки экономистов использовать математические и статистические методы не только в экономических исследованиях, но и проникнуть с помощью эконометрических методов на территориально предметное поле различных общественных наук. Оказывается, экономическому измерению можно подвергнуть и такие антропологические и личностно-субъективные феномены человеческого бытия, как удовлетворенность жизнью или счастье [9, с. 108].

В целях преодоления мирового кризиса следует опираться не только на методологические регулятивы современной науки в области междисциплинарного синтеза, но и на систему ее нравственных ценностей, поскольку именно в науке формируются *императивно-нравственные нормы, обогащающие стандарты современной общественной морали. В иерархии ценностей, к которым относится научная истина, равноценно с ней в современной науке выступают такие ценности, как благо человека и человечества в их единстве и взаимодействии, добро и мораль, и поиск научной истины «освящается» аксиологическим императивом: не увеличит ли новое знание риск существования и выживания человека, будет ли оно служить благу человечества, его интересам* [4, с. 29].

Несмотря на распространенное мнение о том, что политика и нравственность несовместимы, что «политика – это грязное дело», ретроспективный анализ взаимоотношения морали и политики (в конституционально-содержательном, а не в хронологическом измерении) позволяет и здесь, в политике, увидеть тенденцию к взаимодействию морали и политики. Такая модель характеризует *достижение разумного взаимодействия между политикой и моралью* (Кант, Гегель, В.С. Соловьев, М. Вебер и др.). Именно последняя, – коммуникативная модель, – должна быть актуализирована и востребована в современной ситуации поиска выхода из мирового кризиса. Ценностный и антропологический повороты в экономике, политике, науке задают сегодня мировоззренческий ракурс в исследовании механизмов мирового кризиса.

Эгоистично перекроив мир в интересах глобальных корпораций после «холодной войны», наиболее развитые страны лишили большую половину человечества нормального развития, породили всевозрастающую зависимость национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций. Американцы предложили миру собственное видение глобализации, основанное на

присущей им трактовке свободы и непоколебимой вере в оптимальный характер рыночного регулирования. Новый подход предполагал, что инкорпорирование периферийных стран в систему международного разделения труда может стать оптимальной стратегией их ускоренного развития. Однако, несмотря на внешнюю логичность, подобный подход имел некоторые изъяны и в скрытом виде содержал в себе все основные пороки современного этапа глобализации и кризиса.

Главными недостатками современного этапа глобализации, с точки зрения В.Л. Иноземцева, являются, во-первых, очевидное отсутствие хозяйственной самодостаточности ее главного актора – США и, во-вторых, объективная неспособность большинства находящихся на противоположном полюсе развивающихся стран адекватно реагировать на современные вызовы [3, с. 48].

Мировой экономический кризис требует отказаться от откровенного эгоизма развитых стран во имя разрешения собственных стратегических проблем, пересмотра приоритетов «свободного рынка». Свобода действий сильных мира сего, ориентация на коммерческий успех и выгодность любукою ценой сегодня раздирает достаточно устойчивую до сих пор систему капитализма. Все более ясно становится необходимость обеспечения прозрачности динамики *спекулятивных потоков*, капиталов глобальных корпораций, создания ответственного, этически ориентированного наблюдательного и регулирующего органа, обеспечения открытости и прозрачности работы Мирового рынка и МВФ, механизмов формирования структуры глобального регулирования (например, «Большой восьмерки» с включением в нее стран, ВВП которых не ниже нынешнего минимального ВВП Канады) с принятием общепризнанных и обязательных для всех ее членов правил игры и принимаемых решений.

В условиях глобального кризиса несомненно важно искать механизмы установления как общеевропейской, так и мировой демократии, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а проявлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса. Реалии жизни актуализируют проблему разрешения возникающих коллизий в национальных сообществах «здесь и сейчас» - как сохранить рабочие места в условиях кризиса, защитить интересы самых незащищенных социальных слоев, обеспечить стабильность и устойчивость общества и т.п. Проблема взаимоотношения глобального и локального, международного и национального погружается в реальную жизнь, когда особенно важны взаимодействия региональных органов, национальных государств и международных организаций для выработки совместных действий по преодолению кризиса, не ущемляющих ничьи государственные интересы. Запланированная на март 2009 года встреча государств группы G-20 должна предложить миру перспективы создания новой глобальной денежно-кредитной системы для минимизации негативных влияний отдельных экономик на мировую экономическую систему при увеличении мобильности капитала. В этой же плоскости следует рассматривать и план совместных действий правительств Беларуси и России по минимизации последствий финансового кризиса, улучшению параметров платежного баланса, совершенствованию условий ведения

предпринимательской деятельности и взаимной торговли, подписанный 30 января 2009 г. в Москве на заседании Совета Министров Союзного государства. В контексте стабилизации экономики и создания поливалютной зоны план предусматривает комплекс мер, направленных на расширение применения российского рубля (создание «рублевой зоны») во взаимных расчетах и создание системы доверия платежей, а также развитие взаимной торговли и взаимодействия субъектов хозяйствования реального сектора экономики, развитие банковского сектора и проведение согласованной курсовой и денежно-кредитной политики, улучшение параметров платежного баланса и совершенствование условий ведения предпринимательской деятельности и взаимной торговли, включая таможенно-тарифное регулирование.

На заседании союзного правительства были приняты прогнозные балансы спроса и предложения по важнейшим видам продукции Союзного государства на 2009 год и балансы топливно-энергетических ресурсов. Они позволяют наиболее полно оценить потенциальные возможности производства и объемы потребления сырья, материалов и готовой продукции в различных секторах экономики обоих государств.

В условиях мирового кризиса не только на глобальном, но и на локально-национальном уровне возрастает роль регулирующего центра, в лице которого выступает государство. Поощрение основанной на конкуренции рыночной системы путем ограничения роли государства и расширения господства конкурирующего индивидуума ставится сегодня под вопрос. Роль государственного регулирования и управления экономикой на самом деле при переходе к рынку отнюдь не снижается, а во многих отношениях даже возрастает, ибо государство должно взять на себя принятие решений, которые необходимы обществу.

Задача состоит в том, чтобы найти оптимальную меру и наиболее эффективные формы государственного регулирования экономики, которые, не разрушая её рыночную природу, в то же время обеспечили бы рыночной экономике максимальную социальную эффективность и нравственные ориентиры.

Глобализация мировой истории, степень ответственности принимаемых на локальном и международном уровнях решений актуализируют сегодня необходимость *разработки принципов моральной регуляции общественных отношений, отношений между отдельными государствами, сообществами, социальными группами* [1, с. 14]. В рамках новой общественной морали формируются дискурсивные этики, позволяющие, в отличие от универсалистской этики, членам сообщества включаться в обсуждение с целью защиты своих интересов, поддержания своей идентичности и партнерского взаимодействия. В социальной этике весьма важны отношение общества к личности, к членам сообщества, к институтам власти. На современном этапе возникает реальная возможность *синтеза различных подходов, наработанных в сфере осмысления нравственных поворотов, происходящих в политике, праве, науке, социальных мифологиях, национальных и глобализационных процессах с целью формирования фундаментальной общественной морали, задающей идеалы ценностного поведения личности и общества* [8, 330].

Таким образом, философско-методологический анализ современного мирового кризиса и трансформационных процессов высвечивает, с одной стороны, *комплекс социально-экономических проблем в контексте глобализации, связанных с пере-*

осмыслением роли государственного регулирования и «свободного рынка», статуса глобальных финансовых структур и глобального регулирования, с другой стороны, *проблему ценностно-революционного переосмысления современного мироустройства*, влекущего за собой поиск путей сосуществования в рамках альтернативных взглядов и подходов, решения глобальных проблем, воспитания человечества в духе толерантности, взаимоуважения, диалога культур и терпимости по отношению друг к другу, открытой коммуникации, веры в рациональное начало, плюрализма мнений, гибкой, а не силовой стратегии решения конфликтов, преодоления эгоизма и забвения общечеловеческих норм поведения и социального действия.

Литература

1. Апресян, Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. – 2006. – №5
  2. Гранин, Ю.Д. «Глобальное гражданство» или «глобальная этика» // Философские науки. – 2008. – №10.
  3. Иноземцев В.Л. Прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // «Полис» – 2008. – №6.
  4. Степин В.С. Ценностные основы и исторические перспективы техногенной цивилизации// «Социология». – Минск, 2000. – №3.
  5. Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения или почему российское общество самое массовое//Философские науки. – 2008. – №10.
  6. Хабермас Ю. Политические работы. – М., 2005.
  7. Чумаков А.Н. Диалектика кризиса.// Вестник РФО. – 2008. – № 4.
  8. Яскевич Я.С. Философия и методология науки. Мн., 2007.
- Di Tella K., McAuloch R. Some Uses of Happiness Data in Economics//Journal of Economic Review. 2006. Vol.96. June.

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕНОМЕН НЕОЯЗЫЧЕСТВА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ И. Акинчиц	3
ELEMENTY PROCESU PERSWAZJI WIARYGODNOŚCIOWEJ Miroslaw Acewicz	8
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЯМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ, КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ Г.Ф. Бедулина	12
СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ ЗАМЕЩЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ БЕЛАРУСИ М.С. Бодак	17
KONSUMPCJONIZM A EKOLOGIA Alina Borowska	21
РЕАЛИЗАЦИЯ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ПОИСКА КОМПРОМИССА МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ В.В. Бусленко	24
ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС НАУКИ В.Н. Варич	28
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В.Н. Ватыль	33
ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ С.П. Винокурова	36
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА, ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АГРОЗКОТУРИЗМЕ Н.Н. Власюк	41
ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИПЕНСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ДУХОВСКОГО БРАТСТВА В 1865-1914 гг. С.М. Восович	46
ГОТОВО ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО К НОВОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ, ИЛИ ОНО ПРОДЛИТ АГОНИЮ ДО КОНЦА? П. Ганчев	51
MODELE „NOWEGO ŁADU MIĘDZYNARODOWEGO” W POLSKIEJ LITERATURZE PRZEDMIOTU Bartłomiej Garczyk	57
THE BIRD'S POLISH REPUBLIC AS AN EXAMPLE OF TOURISM PRODUCT CREATED ON THE BASIS OF NATIONAL PARK'S VALUABLES Dr Sylwia Graja-Zwolińska	61

ПЕРСПЕКТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ЗДАНИЙ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК БЕЛАРУСИ Н.А. Григорьева	63
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕЛАРУСИ В.И. Гусев	66
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В 1945-1949 гг. В.К. Гуськов	70
СТРАТЕГИЯ «ЭКО-БУДУЩЕГО»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ В.Ю. Даренский, В.Н. Даренская	75
СПЕЦИФИКА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ А.А. Жарикова, О.Н. Жарикова	80
PROMOCJA ORGANIZACJI SPORTOWYCH W POLSCE Jarosław Zalejski	82
ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ А.М. Жук	89
ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЕМОГО ОБЩЕСТВА Э.Г. Иоцфе	92
TRANSFORMACJA USTROJOWA PAŃSTW BAŁKANSKICH – PRZYPADK CHORWACJI Magdalena Ickiewicz-Sawicka	97
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛУРУССКОЙ ДЕРЕВНИ: ШКОЛА ВПЕЧАТЛЕНИЙ В.А. Клицунова	105
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ А.А. Ключников, А.С. Ключников, Р. Юрген, И. Юрген	109
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ФРГ В НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. XX ВЕКА В.В. Кожевников	112
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (на примере белорусских уездов) Н.Н. Ковалёва	116
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ И.А. Ковальчук, К.В. Трофимович	120
СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ Г.И. Коктыш	123
INSTRUMENTY DEMOKRACJI BEZPOŚREDNIEJ W POLSCE JAKO JEDEN Z ELEMENTÓW PROCESU DEMOKRATYZACJI SYSTEMU dr Agnieszka Konopelko	126

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ К.К. Красовский, С. В. Корженевич	133
АСНОУНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦЯ ГАЛІНЫ КІНАМАСТАЦТВА БЕЛАРУСІ Ў ПЕРЫЯД СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ Д.А. Крывашэй	137
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ИМПЕРАТИВНОСТЬ ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ А.А. Лазаревич	142
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БИОЭТИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА Н.А. Лазаревич	147
НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ И.А. Лапина	152
ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ С.В. Лапина	156
ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ Г.В. Жук, А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская	161
KONSTYTUCJA ANGIELSKA W O CZACH XIX WIECZNEGO KONSERWATYSTY (PRZYPADEK BENJAMINA DISRAELIEGO) Tomasz Madras	167
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СУЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ С.О. Мазур	172
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВАНДАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ А.В. Майсюк	177
ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ ОБЩЕСТВА Л.Е. Медиченко	181
ПОСТИМПЕРСКАЯ ИНЕРЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В.С. Миссюк	185
ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА В.А. Михайлов	189
ТРАНСФОРМАЦИИ В АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСІ ЭПОХИ КЛАССИЦИЗМА В.Ф. Морозов	193
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ Е. Б. Морозова	196
УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА Ю.В. Никулина	200
	347

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ О.Ф. Оришева	204
СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ Б.В. Петелин	209
GERECHTIGKEIT – GERECHTIGKEITSPSYCHOLOGIE – SOZIALE ARBEIT: NEUE PERSPEKTIVEN? Alfred Plewa	214
КЛЕРИКАЛИЗМ В ИДЕОЛОГИИ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА БАВАРИИ В 1945-1949 гг. И.Д. Попов	227
ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАУКА: ИСТОКИ, ХОД И ПЕРСПЕКТИВА С.А. Порозов	231
СОВРЕМЕННАЯ МОТИВАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ Т. Предко	235
ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА Валдас Прускус	240
АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА АГРОЭКОТУРИЗМА (опыт проектирования) А.С. Сардаров, Т.В. Башаримова	244
ФАКТОРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ М.Г. Семерикова	247
ОБРАЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ – “УНИКАЛЬНЫЙ ТОРГОВЫЙ ТОВАР” СФЕРЫ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА С.А. Сергачев	252
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И.Н. Сидоренко	257
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ Е.В. Скакун	262
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ В ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКЕ (Польша на фоне избранных стран Европейского Союза) Elzbieta Skapska	266
PODSTAWY PRAWNE I ORGANIZACYJNE PUBLICZNEGO SZKOLNICTWA POWSZECHNEGO W DWUDZIESTOLECIU MIĘDZYWOJENNYM Dr Andrzej Smolarczyk	270
TOURISM DEVELOPMENT PERSPECTIVES IN POLISH LANDSCAPE PARKS Aleksandra Sychała	275
ДИАЛЕКТИКА КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА, ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ Йонас Сребалюс	280

АРГАНІЗАЦЫЙНА-ПРАВАВЫ, КАНЦЭПТУАЛЬНЫ, ПРАКТЫЧНЫ АСПЕКТЫ М.В. Сталец ДЗЯРЖАЎНАЯ ПАЛІТЫКА У КНИГАВЫДАВЕЦКАЙ СПРАВЕ БССР З 1919 ПА 1941 ГОД: АСНОУНЫЯ ЭТАПЫ А.В. Сумко	283 287
ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ: ОПЫТ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ, МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ А.И.Сытник, Я.А.Сытник	292
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА И ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ Л.Г. Титаренко	295
HUMOR POLITYCZNY W POLSCE PO WYBORACH W 2005 ROKU, ZE SZCZEGÓLNYM UWZGLĘDNIENIEM INTERNETU Prof. dr hab. Zofia Tomczonek	301
СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА А.С. Царёв	309
ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА Цобкало А.А.	312
NABYWANIE NIERUCHOMOŚCI W POLSCE PRZEZ CUDZOZIEMCÓW (Z UWZGLĘDNIENIEM PODMIOTÓW Z BIAŁORUSI, ROSJI ORAZ UKRAINY) dr Barbara Czajkowska	316
СРАВНЕНИЕ «ПРАГМАТИЧНЫХ» УСТАНОВОК И УСТАНОВОК «СОЦИАЛЬНОГО СОЧУВСТВИЯ» В ГРУППАХ ПОЛЬСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ М.Н. Чернявска	321
КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА О.Г. Шаврова	326
ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ Шебанова И.А.	331
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА Яловая Н.П., Бурко О.П.	334
ЦЕННОСТНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЫ Яскевич Я.С.	339

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ВЫПУСК VI

Текст печатается в авторской редакции

Редактор: **Строкач Т. В.**
Компьютерный набор и верстка: **Боровикова Е. А.**
Корректор: **Никитчик Е. В.**
Дизайн обложки: **Юценко Г.Л.**

Лицензия № 02330/0549435 от 8.04.2009.

Подписано к печати 12.06.2009 г.
Бумага «Снегурочка». Формат 70x90 1/16.
Гарнитура Arial Narrow. Усл. п. л. 25,4. Уч.-изд. л. 21,9.
Тираж 100 экз. Заказ № 611. Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Брестский государственный технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.